

Книга бытия моего. Том III епископ Порфирий (Успенский)

[Том I](#) • [Том II](#) • [Том III](#) • [Том IV](#) • [Том V](#) • [Том VI](#) • [Том VII](#) • [Том VIII](#)

Годы 1846, 1847, 1848, 1849 и часть 1850-го.

Январь 1. Вторник. Первый день нового года – ясен и тих. Тепло. Я чувствую, что все силы мои, телесные и душевные, равновесны. Жизнь моя цветет. О, Боже! Пусть она цветет долго, а еще долее зреет и приносит хорошие плоды.

7. Понедельник. Собираюсь в Хиландарь и во все прочие обители Афона, коих еще не видал и не изучал, молю Бога помочь мне уловить несколько новых лучей знания для соткания из них истории Афона и расположить ко мне сердца иноков.

С 8-го дня сего месяца по 1-е июля, за исключением поездки в Константинополь для лечения, где я пробыл с 3-го февраля по 23-е марта, обозрены были мною святые обители Афонские: Хиландарь, Есфигмен, Ватопед, Пандократор, Ставроникита, Кутлумуш, Каракалл, Лавра, Ивер и Карея. Так как мои занятия в сих обителях описаны в *Путешествии моем по Афону*, то я и не упоминаю о них в настоящей *Книге Бытия Моего*, и вношу в нее свои путевые заметки, начиная с отъезда из Афоноруссика в Константинополь, откуда я через Валахию и Молдавию, Одессу и Москву проехал в Петербург, где и увидел последний день года.

Июля 5 дня.² Я встретился в Дарданеллах с игуменом русск(ого) Феодоров(ского) монастыря в Иерусалиме и он поведал мне, что дочь Дауда выдана за другого молод(ого) араба.

³Я в Валахии.

Июля 26. Карантин в Браилове. С парохода я видел Варну и благословил Бога, научившего там персты наших воинов на брань⁴. В русском устье Дуная воспыало мое сердце славянское и я пел:

Дунай ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай.

Честные казаки стерегут левый берег этой заветной реки. Я видел уютные избушки их, видел их копы и считал их мерные шаги. Они поглядывают за Дунай, чужая там своих братьев угнетенных. Чутье русское – чутье необманчивое. Действительно, за Дунаем живут братья славяно-болгары и ждут к себе братьев руссов на пир и мир и вечное заодно под сенью креста и русского орла. Ждите братцы, ждите. Придем мы, братцы, придем. Живописный городок Тульча потешил мои очи. И тут была Русь, и тут шеломом пила она воду из Дуная!

Русь продолжает походы и войны крестоносцев; и ей суждено полевать за Дунаем и царить в граде Константина.

Из г. Галаца высыпал нарядный народ на деревянный обруб, обрамливающий быстротечный Дунай, дабы поглядеть на наш пароход. И валахи стали людьми! А кто их очеловечил? Крестоносная Русь.

Под Браиловым много храбрых воинов русских легло костью. Но где злотворные твердыни сего града? Ни камня, ни праха их не видать. [Так поправлена убийственная ошибка архистратига Михаила в расчете надконного времени].

Пока дошла очередь до перевозки вещей моих в карантин, я сидел на берегу Дуная. Тут толпилось несколько молодых и пожилых русских старообрядцев, которых⁵ здесь и на Афоне называют липованами. Они смотрели на меня исподлобья, и, когда я спросил их: хорошо ли им жить здесь, – сухо отвечали мне: хорошо. Заметно было, что они чуждались меня⁶. Я не тревожил их расспросами и, любясь их русской одеждой, стрижкой, осанкой и замашками, думал, что преданность русских вере отцов своих гораздо сильнее их привязанности к отечеству. Где их старинные книги и иконы, там и отчизна их. Но как вразумить наших старообрядцев и воссоединить их с православной церковью?⁷ Самим нам надобно исполнять правила Св. Вселенских соборов и кроме того всюду разослать множество даровитых проповедников, рукоположить епископов в каждый уездный город и благодатному руководству их поручить этих отщепенцев. Мудрая и пламенная проповедь и примеры святой и деятельной жизни епископов не остались бы бесплодными среди старообрядцев, ненавидящих⁸ полицию и консистории и любящих судиться и мириться у духовных владык, по старому обычаю церкви православной. Эта дума глубоко наслонилась⁹ в душе моей при неожиданной встрече с придунайскими липованами.

Июль 27, Суббота. Я сижу в карантине. Цыганы и цыганки прислуживают штукатурам, обновляющим личину этого скучного укромника. Они веселы, дерзки и похабны. Что это за племя? Откроется ли когда-нибудь тайна происхождения и шатания его по всему миру?¹⁰ Имеют ли они другого царя вместо того, который был в Польше и исчез по манию Суворова? Какого

мессию ждут они? И какими признаками определяют время его появления и его характер и достоинства? Ах! Как много тайн в человеческом роде! Колыбели всех племен повиты мраком; источники их верований покрыты тайной; происхождение разных языков их есть тайна. Скажите: первобытный человек наперед пел или говорил? Любовь ли к жене и детям или нужда понудила его говорить? Скажите мне: можно ли наметить те высоты, на которых станет и с которых выше и выше поднимется человечество, преображающееся по мере возраста Христова?

Июль 28, Воскресенье. Богатый еврей из Бухареста Коэн, державший карантин в соседней со мною комнате, говорил мне, что в России всем евреям, еврейкам и их детям велено одеваться так, как одеваются русские, и что в Молдавию и Валахию возами везут старинные головные уборы жидовок¹¹. А я уверял его, что в России и Польше евреи пользуются большой свободой религиозной и гражданской и что перемена одежды их доказывает не гонение правительства, а благоразумное сближение евреев с христианами и возвышение их до уровня с ними. О приголублении их к нашей церкви посредством такого возвышения я не досказал Коэну.

Июль 29, Понедельник. Пограничные карантинные пункты похожи на птичники. Каких не встретишь тут пташек в человеческом образе? Каких не заслушаешься речей? Один молдаванин, высокий, тонкий, поджарый, ходивший с маркитантами за нашими полками в последнюю войну с Турцией и выучившийся русско-солдатскому языку, сидел со мною в карантине и рассказывал про удалство и философию наших казаков. Сохраняю два рассказа его, но передаю их своей речью.

«Однажды небольшой отряд казаков возвращался к своему стану после поисков скотинки. Вечер уже подрастал к ночи. Один казак отстал от своей дружины и опрометью поскакал в турецкий лагерь, который виден был вдаль. Он похвалился своим товарищам, что закурит там свою трубку. Воткнув пику в землю подле первой палатки и привязав к ней свою лошаденку, он вошел в ставку, а ставка была пашийская, – поклонился туркам и, не говоря ни слова, подсел на корточках к мангалу (жаровне), разгреб в ней пепел, достал горячий уголек, наложил табаку в трубку свою и закурил ее¹². Паша тотчас позвал переводчика и спросил казака: зачем он приехал. «Дорогой потерял я губку и кремь, – отвечал казак; – нечем было закурить трубку, так вот я и прискакал к вам достать у вас огня, достал и спасибо вам, ваше благородие». Паша похвалил своим офицерам удалство казака и приказал привести в ставку свою трех, самых смелых, наездников турецких. Они явились. Паша рассказал им про казака и вызывал из них охотника съездить в русский лагерь и закурить там свою трубку. Но ни один не осмелился. Тогда паша выслал их вон, а один офицер подошел к казаку и вынул у него саблю из ножен. Все стали рассматривать ее и не путем дивились: как такую дрянную саблю можно рубить богатырей. Казак стоял, смотрел и молча курил свою люльку. Когда же офицер стал отдавать ему саблю, то казак попятился назад и сказал чрез переводчика: «Эту саблю дал мне Государь мой, и только он один может и взять ее у меня и возвратить ее мне. Итак, я не принимаю ее от вас: отошлите ее Государю моему». Веселый паша, выслушав это, хлопал в ладоши и кричал: пеки! пеки! Пошутив над своими офицерами, он велел им дать по червонцу смелому воину русскому. Казак получил червонцы, вложил свою саблю в ножны, вскочил на коня, и был таков. Все эти червонцы достались маркитантам. Удалые казаки пропили их».

«В другой раз пришел к нам один бравый казак и потребовал водки. Мы поднесли ему две, три чарки. Сердце его повеселело. Тогда я (молдован) спросил его: «Честный казак! скажи нам: что делает Бог?» – Нисколько не подумавши, он отвечал: «Бог непрестанно делает лестницу, по которой сходят от него и восходят к нему святые цари и честные казаки¹³». Мы подивились такому¹⁴ ответу его».

Замечательный ответ казака, в котором, статья может, таился гений Платона! В самом деле, Бог делает лестницу. Что такое творение Его? Лестница существ. Что такое провидение Его? Лестница событий¹⁵. Что такое откровение Его? Лестница истин. [Что такое благодать Его?] Наконец, припомним Лестницу Иоанна Лествичника.

Июль 30, Вторник. Утром я вышел из карантина и пешком добрал до городской Гостиницы. Браилов выстроен по шнуру. Но улицы в нем так широки, что тут можно выиграть и проиграть сражение.

Июль 31, Середа. Еду в Бухарест¹⁶. Это – столица Валахии. Прощайте горы, моря и реки. Прощай Дунай. Теперь я буду жить на суше.

Август 2, Пятница. Пред полуднем я приехал в Бухарест и остановился в немецкой Гостинице Бреннера.

Валахия возрождается. Земля её плодородна; народ здоров, прост и добронравен; деревни строятся на русский лад в две линии вдоль больших дорог; дети еще дичатся и бегут от проезжего; все они весьма белы и красивы; обличие у них славянское: лица их круглы, глаза небесного цвета, зубы мелки и хороши, грудь широка. Я воображал валахов смуглыми, а на деле они, почти все, белокожи. Знать, в жилах их течет кровь славянская¹⁷.

Август 3, Суббота. О приезде моем в Бухарест предуведомлены были из Константинополя синайские монахи, имеющие здесь свой метох. Один из них, именно иеромонах Макарий, с которым я познакомился в каиро-синайском подворье в 1845 г., явился ко мне утром вместе с архимандритом Александрийского престола, управляющим имениями его в Валахии. Он известил меня, что бывший дикей Синайской обители Никодим отправлен таксидиаром в Серрас, а преемник его, Афанасий, начальствовавший на Синае в мою бытность там, заменен Григорием и назначен дикеем Джуванийского подворья в Каире на место того, который дикействовал тут при мне в 1845 году, а теперь управляет синайскими имениями на острове Крите. После хороших известий о Синае, Макарий стал жаловаться мне, что князь Бибеско до сей поры не признает его экзархом и управителем Марджинанского монастыря и не увольняет архимандрита Иоакима, который уже 32 года управляет имениями сего монастыря, а логофет Флореско, по приказанию князя, удерживает доходы с Марджинанских имений. «Все это мне известно, – сказал я почтенному синаиту; – но здесь я не могу помочь вам; передал бы я нашему консулу то, что поручил мне сказать ему ваш архиепископ, но его нет здесь; мне сказали, что он уехал пить минеральные воды. Я буду ходатайствовать о Синае уже в Петербурге». О. Макарий, выслушав это, поклонился мне почти до лица земли.

Не любя¹⁸ поклонов, я нахмурил брови и обратился к архимандриту. Отмечаю здесь одни ответы его на мои вопросы.

1. Александрийский патриарх Иерофей скончался 8 сентября 1845 года.

2. Он заживо указал своего преемника, именно архимандрита Иерофея. С волею его согласны были и все христиане. Более 700 заручных одобрений значилось в акте избрания сего архимандрита, представленном Мегмету-Али на утверждение.

3. Избранного в Константинополе¹⁹ Артемия не примет ни клир, ни народ, ни паша.

4. Когда я сказал, что Великая Церковь намерена понудить Артемия подать отречение от Александрийского престола с тем, чтобы он пользовался доходами одного из имений, принадлежащих сему престолу в Валахии, тогда седобрый собеседник мой закачался и возопил: «Не бывать этому; Артемий требовал, чтобы я ежегодно высылал ему 2 000 голландских червонцев; но и покойный патриарх получал только одну тысячу их со здешних имений». Я очень доволен был этим мимолетным обнаружением численности дохода Александрийского престола в Валахии.

5. Сему престолу принадлежат в этом княжестве следующие обители: 1) в Бухаресте монастырь во имя Рождества Богородицы, прозываемый Златарь, от строителей его Златарей; 2) в восемнадцати часах езды от Бухареста монастырь Сгърци²⁰ с доходными имениями.

6. Св. Гробу с имений в Валахии доставляются два миллиона пиастров турецких (100 000 руб. сер.).

Достопочтенные старцы ушли восвояси. А я в коляске поехал в канцелярию нашего генерального консульства и тут предъявил свой паспорт старшему секретарю Котову, сказав ему, что я намерен пробыть в городе дня три и посетить монастыри. Он начал было отклонять меня от этого посещения, говоря: «В городе будут смотреть на вас, как на соглядателя и станут кричать, что русские до сей поры подсылали сюда светских агентов, а теперь являются и духовные и осматривают церкви и монастыри». Но я настоял на своем; говорил, что никто не может запретить монаху молиться в монастырях; полуоткрылся, что мне непременно надобно собрать [некоторые] сведения о здешних метохах, принадлежащих Св. местам, и в заключение с твердостью сказал ему: «Я должен видеть здешние монастыри». Котов уступил моей настойчивости. Соглашено было только испросить благословение преосвященного викария (за отсутствием митрополита Неофита) на обозрение церквей и монастырей.

Викарий Нифон принял меня достойно в своих кельях, помещенных в нижнем этаже митрополичьего дома, построенного в европейском вкусе вглуби просторного двора, обставленного разными зданиями. Он смугл; лицо его несколько сурово; нос вогнут и немножко вздернут на конце; малая борода начинает седеть. Мы говорили то по-гречески, то по-французски. Галльская речь его весьма небожка и неправильна. Я спрашивал его: «Когда²¹

крещена Валахия, сколько епископов, церквей и монастырей в княжестве; сколько учеников и учителей в здешнем духовном училище?» На первый вопрос викарий не сумел ответить и только промолвил: «Справлюсь с книгами»²². На второй вопрос и на остальные он отвечал так: «В Валахии, кроме епархии митрополита, существуют три епископии: Рымникская, Бузейская и Арджишская; всех церквей 1300; в семинарии не более 100 учеников, а учителей два: один из них, именно архимандрит Дионисий есть вместе и ректор семинарии. Все они временно помещаются в монастыре, называемом Раду-вóда. Новую семинарию будут строить вне города».

Преосвященный Нифон благословил меня побывать в здешних монастырях и дал мне проводника, – диакона здешней митрополии, приехавшего сюда из Бессарабии и знающего языки русский и молдавский.

Благодарность моя осталась в келье викария; а сам я с о. диаконом поехал обозревать монастыри. Этот проводник мой на пути в здешнюю митрополию поведал мне, что Нифон из монастыря Черники поступил в митрополию экономом и нажил много денег; что в здешней семинарии только 80 учеников и что все они поступили в нее возрастные, лет 16-ти и старше, и учатся только читать, писать и петь. «Кто же проповедует здесь?» – спросил я. «Ни митрополит, ни архиереи, ни священники никогда не говорят проповедей», – отвечал он.

Бедные валахи! Они и сыты и голодны. Есть у них пшеница, ячмень и всякий Божий хлеб, да нет манны небесной, т. е. слова истины, веры, надежды, любви. Чем же питаются их души? Вероятно, словом их совести, семейными преданиями и правилами и кой-какими крупичками, кои достаются им²³ в храмах Божиих, когда читаются священные книги²⁴. Православная Церковь в Валахии – немая!

Коляска моя остановилась в конце длинной аллеи, ведущей в²⁵ митрополию. Мы пошли туда.²⁶ В воротах я перекрестился. За воротами взорам моим представилась площадь, обставленная приземистыми и плохими зданиями и большая церковь. Я вошел в это святилище, помолился и приложился к святым образам и к шуйце целых мощей мученика Димитрия²⁷. Эти мощи покоятся на левой стороне церкви, близ алтаря, в деревянной раке, обтянутой зеленым бархатом и по местам украшенной серебряными позументами²⁸. Митрополитанская церковь освящена во имя Константина и Елены в 1793 году. Она светла, пристойна и вся расписана ярко, но безвкусно, наподобие стенописи в церквях Афонских, с коими сходствует и в архитектуре, кроме паперти. На западной стене по-Афонски же написаны ктитории сей церкви: Ιω Радул Леон воевода с домной (госпожой) Лукией и сыном Стефаном, Ιω Константин Шарбан Бассараба воевода с домной Балашей, жупан Шарбан Кантакузин, великий спатарь и исправник, и митрополиты Феодосий и Митрофан. В молдавской надписи, непонятной мне, видны годы 1665-й и 1839-й. Церковь вывершена пятью окончатými главами.

По уверению сопровождавшего меня диакона, здешняя митрополия получает ежегодного дохода с имений своих 1200000 левов местных (90000 руб.). Не скуден ковчежец её! И дай Бог, чтобы он не походил ни на ящик Пандоры, ни на корван Иуды.

В митрополии я видел односветную залу собрания [сейма или] валахского дивана. Что же в ней находится? Трон, а пред ним стол для председателя и митрополита, подальше еще стол для министров; столы эти накрыты красным сукном; по обе стороны залы стоят стулья для бояр и депутатов; на них видны № № ; всех номеров 180; за стульями стоят ширмы; к потолку привешены люстры. Все это бедно и производит в зрителе такое впечатление, от которого на лице является гримаса, а плечи поднимаются. По мне, здание народного законодательного собрания должно быть блистательно²⁹.

Напротив митрополии высится дом князя Бибеско. Мне обещали показать его. А в саду княжеском я был и гулял. Он еще разводится. В него проведена вода из реки Дымбовицы. Тут две длинные аллеи из виноградных кустов, [густо] закрывающих листьями своими высокие решетчатые подпоры деревянные, весьма прохладные. Приятно ходить под сенью их.

От княжеского дворца мы проехали в так называемую епископию, находящуюся в лучшей части Бухареста. Тут среди большого двора, обставленного низменными зданиями, высится прекрасная церковь, построенная в готическом стиле, со стрельчатыми украшениями около остроконечного, конусного верха. Внутренность её еще не отделана. В этой епископии живет³⁰ архиерей Домникий, имеющий только один титул ὁ Στρατονίκηας³¹. Он принял меня весьма ласково. Что мне сказать о нем? Скажу, что он благообразный, белый, румяный, простодушный старец из валахов, говорит по-гречески; не знает, где находится кафедральный город его Стратоникия; держит у себя сестер или племянниц, по третьему правилу св. Вселенского собора

Никейского; заседает в консистории; молится Богу о живых и умерших; в его келье много образов; а *сущий ли он Божий*, это знает один Сердцеведец. При прощании он пригласил меня на вечернюю прогулку за городом.

После умеренного обеда в Гостинице, я обозрел следующие монастыри:

1. Рождественский, принадлежащий Погонианской митрополии. В нем старая и невзрачная церковь освящена в память Рождества Христова. В этом монастыре монахов нет, кроме одного игумена; а живут тут по найму разные семейства.

2. Архангельский, принадлежащий эпирскому монастырю чиноначальников, ταξίαρχῶν, называемому Гура и находящемуся в епархии Погонианской. Здесь церковь, как видно из надписи, построена в 1724 году. В Харлампиевском приделе её отправляется богослужение для русских обывателей Бухареста и для нашего консула. Купол сего святилища угрожает падением; стены у клиросов растрескались; наружный портик покоится на четырех, вычурных, винтообразных колоннах; на западной стене изображены ктитория сего монастыря: Іω. Николай, Александр воевода с супругой Смарагдой и с шестью детьми и архимандрит Иоанникий. Архангельской обители, по словам игумена её, принадлежит в Валахии монастырь св. Троицы, прозываемый Валиа³² с именными, завещанными ему баном-Манолаки. С этих имений ежегодно получают 45000 левов. Валахское правительство не позволяет архангельскому игумену рубить и продавать лес, принадлежащий Валианскому монастырю, для починки купола и обновления всей церкви.

3. Монастырь Св. Иоанна Предтечи, большой, с наемными домами внутри и лавками снаружи, принадлежит Иоаннинской митрополии. В нем церковь велика, хороша и замечательна тем, что в западной части её на колоннах устроен бабинец, т. е. отделение для женщин. Над выездными воротами висят колокола на бревнах. Я посетил эту обитель во время вечера; посему нельзя было расспросить о ктиториях её. Игумен вышеупомянутого Архангельского монастыря говорил мне, что Предтеченская обитель владеет богатыми именными.

4. Монастырь во имя Пресвятой Богородицы, прозываемый Златарь³³ от строителей его Златарей, приложен был Александрийскому патриаршему престолу Іω. Константином Бассарабой, воеводой угровлахийским. Эта обитель обнесена высокой, каменной оградой. В ней, среди просторного двора стоит древний каменный храм. Он темен. Иконостас его складен из камня, а вывершен кирпичом. Красив в этом храме оживный свод, покоящийся на двух колоннах и отделяющий *настоящую* церковь от протягающейся к западу части архитектурного креста. Так как в этом просторном монастыре живет один архимандрит без монахов, то кельи и несколько лавок, пристроенных к ограде снаружи, отдаются внаем здешним жителям. Архимандрит жаловался мне, что валахское правительство намерено сломать всю ограду с лавками у въезда в монастырь для расширения улицы. Я же внушал ему, что каждое правительство имеет полное право делать в городах все, что нужно для простора, чистоты и даже красоты их, для предотвращения ущерба от пожаров в тесных улицах и для блага граждан и что, если князь Бибеско прикажет сломать лицевую ограду св. обители, то, без сомнения, даст вознаграждение или вспоможение для постройки новой стены и лавок по плану. Архимандрит не чаял княжеского пособия и продолжал жаловаться. Я замолчал, а внутренне досадовал на упорство корыстолюбивых и невежественных греческих монахов, которые свои частные права и выгоды ставят выше прав и выгод общественных и равнодушно смотрят на тесноту и гнилость городов, лишь бы им было просторно и прибыльно. [Доколе цари и князи будут ласкать этих людей, от которых пахнет землей и не веет небом? Чернецам нужны уроки суровые!³⁴].

Златарской обители принадлежат в Валахии два монастыря с доходными именными:

- 1). Стърца или Стърси³⁵, за рекой Олтой и
- 2). Николаевский у реки Колентины, на местности Градиште.

5. Монастырь Св. Екатерины, находящийся за митрополией, принадлежит Синайской обители. В нем церковь мала, невзрачна и ветха, а дом для игумена просторен, роскошен и красив. Монастырь этот обнесен драничным забором. Ему принадлежит тридцать домиков вблизи, кои отдаются внаем.

Минули три четверти пятого часа пополудни. Я вспомнил свое слово, данное стратоникийскому епископу Домникию, и явился к нему в назначенную минуту³⁶. Мы отправились гулять; ехали, ехали по городу в карете, потом за городом и, наконец, очутились негде в маленьком леске. Тут из-под горки струится тихий ручеек и течет в нарочито устроенные холодные бани. Сюда валахи приезжают поплескаться, попить чистой и холодной воды и

повеселиться. Но в этот вечер никого не было тут. Мы уселись на деревянной скамейке, отведали легкой и вкусной воды и, похвалив ее, начали беседовать.

Преосвященный Домникий говорил: валахи благодарны русским за три благодеяния:

а) за то, что они спасли их от чумы, установив карантин;

б) за то, что избавили их от воров и разбойников введением городского и сельского порядка (прежде нельзя было выехать без страха даже до этого ручейка) и

в) освободили православную церковь от ига агарянского.

– Из ваших уст льются сладкие³⁷ речи, промолвил я.

– Да почит Божие благословение на царе Русском!

– Аминь³⁸.

Епископ перестал первенствовать в слове; зато я начал спрашивать его:

– Как принимает князь митрополита и архиереев?

– Он целует руку владыки, а владыка целует голову его. Прочие архиереи только кланяются ему. Он не принимает благословение их.

– Как обращается логофет духовных дел с игуменами монастырей?

– Весьма учтиво с теми, которые деньги дарят ему и секретарям его.

– Есть ли здесь консистории?

– Есть консистории и дикастерии. Во-первых, производятся одни брачные дела, а во-вторых, дела духовенства. Я председательствую в здешней консистории с четырьмя судьями, из которых два протопопа и два священника.

– В священники избираются ли здесь миряне?

– Избираются. У нас нет особого сословия духовного.

– Пишутся ли списки крещенных, брачующихся и умирающих?

– Пишутся.

– Погребают ли здесь мертвых подле церквей?

– Погребают.

– Как глубоки могилы?

– В полтора аршина.

– Допускаются ли разводы?

– Сам князь развелся с прежней женой своей. А брат его живет с девицей, которая ему двоюродная сестра (ἑξαδελφή), даром что имеет жену умную и добрую.

Простодушная откровенность епископа удивила меня; и сам он, казалось, смутился³⁹ и потому встал со скамьи и велел подать карету. Едучи, он пригласил меня присутствовать при завтрашнем священнослужении его в церкви старого дворца княжеского (Курте-вёкки) и послушать пение княжеского хора. Мы заехали в подгородный общественный сад и прошли по дорожкам его. Сад разведен недавно; тени в нем еще нет; струйки (фонтаны) приготавливаются; княжеская пролетная беседка на четырех столбцах изрядна. Из этого сада виден весь Бухарест. Вид очень хорош. Этот город походит на длинный пояс, на котором вышиты разные узоры разноцветными шелками. Цвета зеленый и белый господствуют. Утомился я сегодня. Карандаш выпадает из рук. Ночной светильник догорает. Очи смежаются...

4, Воскресенье. Был я у обедни в Курте-вёкки. Княжеский хор певчих велик; синие мундиры их хороши; на них серебряные пуговицы с гербом Валахии блестят. А пение? Походит на скрип немазанных колес⁴⁰. Басы – русские извозчики. Регент – семинарист из Кишинева. Архиерей Домникий рукополагал кого-то в сан пресвитерский. Рукополагаемого вокруг престола водили под руки два иерея вытянутой линией, так что лица всех их были обращены к святой трапезе. Ставленник преклонял колено пред этой трапезой, а не у правого угла её. Архиерей приподнял его за волосы (за аксиосы), а священные одежды и Службник показывал народу в царских дверях, возглашая не по-гречески аксиос, а как-то по-молдавски. Весьма замечательно это обращение⁴¹ епископа к народу. Оно показывает, что рукополагаемый посвящается по избранию и согласию народа. В нашей церкви или утрачен этот знаменательный обряд, или никогда не существовал. Русская церковь ныне во многом разнится от матери своей церкви Восточной⁴². Например: нет у неё поместных соборов; митрополиты не имеют подчиненных им епископов; клир не избирается народом; церквей мало сравнительно с большим у нас народонаселением; в церквях наших женщины не отделены от мужчин и проч. и проч.⁴³

После обедни я заезжал к преосвященному Нифону и, изъявив ему свое сожаление о том, что он вчера не застал меня дома, поговорил с ним о том о сем и простился навсегда.

Странно, что ни он, ни Домникий, ни прочие иерархи, которых я видел на Востоке, не расспрашивали меня о церкви Русской *motu proprio*⁴⁴. Я объясняю это их простотой, которая обкрадывает ум, и давним разобщением русского клира с клиром восточным. Надобно нам опять приглубиться к духовной матери своей, стряхнув с себя всякую пыль, налетевшую на нас с запада и наипаче из Шварцвальда.

Сегодня обозрены были мною следующие монастыри:

1. Святотроицкий, по просторечию сокращенно называемый Радо-вода от Радула воеводы. В нем церковь, как видно из надписи, построена была Іω. Александром, сыном Мирчи воеводы, в 7076 = 1568 году. Синан-паша взорвал её на воздух. Но спустя 27 лет Радул воевода, сын Михны воеводы, начавший княжить в Валахии в 7122 = 1614 году, с основания воздвиг сию церковь и приложил ее вместе с богатыми имениями её Афоноиверскому монастырю в 7123 = 1615 году. А сын его Александр воевода окончил устройство её и самого монастыря в 7133 = 1625 году. Сия церковь вновь расписана в 1714 году. На западной стене её, по обе стороны входных дверей, видны следующие ктитории:

Радул	Александр
Аргири	Жупан Барбул
Іω. Стефан Канта-кузин воевода	Жупаница его Преда
Домна Роксандра	

В западной части архитектурного креста группой стоят двенадцать колонн. Над ними помещен священный бабинец.

$$\frac{IA^4}{3}$$

Рис. 1. Бабинец церкви монастыря Радо-вода в Бухаресте.

В приземистых кельях сего монастыря временно помещается духовная семинария без взноса платы Афоноиверской обители. Ни учеников, ни учителей не видал я, потому что время было неучебное.

2. Монастырь Святых апостолов Петра и Павла, принадлежащий Афоноставроникитской обители, основан был, как показывает надпись, Іω. Матеем воеводой, а достроен Іω. Стефаном Кантакузиным воеводой в лето 7223 = 1715. Ставроникитский архимандрит Аверкий вновь соорудил монастырскую церковь и освятил ее в 1843 году, 7 сентября. Им же построен тут новый дом в европейском вкусе. В этот монастырь на богомолье приезжает князь Бибеско. На западной стене монастырской церкви, кроме главных ктиторов, изображены шесть Кантакузинов, которые любили и жаловали эту обитель. Она судится за имение свои с соседями их.

3. Монастырь Св. Николая, принадлежащий Афоносимонопетрской обители, построен Михаилом воеводой в 1594 году (ὁ ναός ἐκτίσθη 1594, ἡ δὲ πύλη 1711 ἔτ.⁴⁵) и супругой его домной Станкой. Архимандрит Феодосий обновил церковь монастырскую в июне месяце 1838 года. В сей обители устроена была временная больница для русских воинов. По уходе их валахи обратили ее в постоянную. За помещение больницы обитель не получает никакого вознаграждения от города. Так тому и быть. Монастыри, и наипаче не имеющие монахов, должны служить страждущим туне и снабжать бедных.

4. Монастырь в память Рождества Предтечи, прозываемый Плумбуита, находится за Бухарестом, в виду сего города. Я ездил смотреть его. Из надписи в тамошней церкви видно, что он построен был Господарем Петром, но от долговременности совсем расселся, — δῆρράν τε παντελῶς. Во второй раз создал его Александр воевода, отец Михны воеводы, вместе с супругой его Екатериной. В третий раз обновил его Матфей Бассараба воевода, кончив обновление его 10 апреля 7155 = 1647 года. А в 1802 году он [этот монастырь] упал от землетрясения, и вновь воздвигнут был в 1806 году при архиерее Досифее. Сей монастырь владеет шестью имениями (мошиями). Игумен его имел тяжбу с арендатором их. Сей последний выиграл дело, т. е. за ним осталась аренда против желания игумена.

Плумбуита принадлежит Афоноксиропотамской обители. Мало зданий в этом большом монастыре. Отсюда виден весь город вдаль, а вблизи — загородный дом боярина или господаря⁴⁶ Гики.

На обратном пути сопровождавший меня диакон указывал мне вдаль монастырь Маркуцу и говорил, что в нем содержатся лишённые ума; упоминал о монастыре Св. Пантелеймона, в котором помещена общественная больница, содержимая доходами с имений сего монастыря, ни от кого независимого.

Из Плумбуиты я заехал в загородную дачу г. Илиадиса⁴⁷, о котором говорили мне еще в Константинополе. Это ученый валах, издатель литературного журнала для дам⁴⁸ и Валашского Курьера, – Courrier Valaque⁴⁹, на молдавском⁵⁰ языке. Он принял меня радушно. По словам его, Дакия крещена была во время апостолов Петра и Павла; но христианство утвердилось в ней во дни Константина Великого. Я просил его указать мне лучшие истории Валахии, Молдавии и Трансильвании. Он отвечал: «Есть история Валахии на туземном языке, составленная Аароном⁵¹, но я не одобряю ее, потому что она взята из немецких книг; есть другая история Валахии и Молдавии, сочиненная Дионисакием на греческом языке⁵². Советую купить ее в наших книжных лавках. Есть превосходная история обоих княжеств наших, написанная протоиереем Майэром⁵³ в Трансильвании, но весьма трудно достать ее. Впрочем, я постараюсь отыскать эту книгу и, если удастся поиск мой, доставлю ее вам чрез русское консульство». Когда зашла у нас речь о религиозно-нравственном состоянии Валахии и о народном просвещении в ней, то Илиадис с печальной откровенностью сказал мне: «Есть у нас монастыри, церкви, женские школы, коллегииумы для юношества, но нет трех существенных условий истинной жизни народной, – *нет священников, нет матерей, нет сердечной любви к отечеству*». Выслушав это с удивлением, я увидел три мрачные глубины, в кои брошены цветы и в кои они вянут и гибнут жалким образом без росы небесной и без тука земного. Болезненное сознание оных трех зол щемило сердце собеседника моего; и он, чувствуя надобность в облегчении туги своей, встал со стула и сказал мне: «Пойдем, я покажу вам свою типографию». Пошли мы, вошли, осмотрели шесть станков с приборами их. Но когда он показал мне отпечатанные листки и когда я заметил, что им введены латинские буквы вместо славянских, с удержанием некоторых из числа сих последних (ч, щ), тогда поскорбел об этом нововведении, которое и излишне и бестолково и противно духовенству и народу, привыкшему⁵⁴ к букварю славянскому.

После вечерни я посетил еще два монастыря в самом Бухаресте – Сарандарь⁵⁵ и Кольцу.

5. Монастырь в память Успения Пресвятой Богородицы, прозываемый Сарандарь, принадлежит Иоаннинской обители Патэрон, Патэровн. Он основан был Іω. Матеем воеводой, а достроен боярином Кукуреско, которого потомки поныне живут подле сего монастыря и почитаются благотворителями его. Над въездными воротами сооружена колокольня в 1710 году. А нынешняя церковь монастырская перестроена лет за 40 назад. Она хороша. В ней, над двумя рядами колонн, помещен молитвенный бабинец. Эта церковь есть⁵⁶ городской собор. Тут стоят два трона, для князя и княгини. Нынешний игумен уже 32 года управляет имениями сего монастыря. Он богат и потому горд. Помещение его нарядно, а гораздо наряднее живущая с ним молодая кокона. Это – роза подле старого терна. Сарандарский монастырь велик, но почти пуст. Кроме настоятельских келий есть небольшой, приземистый дом с колоннадной галереей. Он отдается внаем. Подле монастыря зеленеет овощной огород его.

6. В монастыре Кольцу, который, помнится, не принадлежит никакому Св. месту, помещено медико-хирургическое училище, готовящее фельдшеров. В анатомической комнате мне показали несколько черепов и искусственного человека без кожи. Отсюда два лекаря (один хромоног) провели меня в двухэтажную больницу, в которой пользуются страждущие обоюдо пола разными недугами и от яда Венеры. Я побывал в четырех больших комнатах и в каждой насчитал 14 кроватей. Когда меня ввели в помещение несчастных молоденьких девиц, проклиняющих Венеру и Амура, они вдруг единогласно возгласили жалобно-радостным тоном: *слава, слава, слава*. Это тронуло меня; и я смекнул, что здешнее духовенство никогда не навещает их, и что они, сердечные, рады были видеть священную особу во врачебнице их грязной болезни. Я благословил их знамением креста. А они опять дружно возгласили: *слава, слава!* Слезы навернулись на глазах моих. Мне жаль было этих злополучных созданий. Статься может, они близки к царствию Божию, но грустно то, что они оставлены без назиданий и утешений религии. Я вышел от них, повторяя про себя слова Писания: «Оле, пастыри израилены... блудницы варяют вы в царствии Божии⁵⁷». Больница эта устроена⁵⁸ хорошо и содержится опрятно. Воздух в ней свеж, помещения просторны. По уверению врачей, она построена назад тому 132 года семейством Кантакузиных.

В монастыре Кольцу, над въездными воротами, высится башня Карла XII.

Наступила ночь. В Гостинице тихо. Я окончил свои путевые заметки и, зевая, снимал с себя одежду. Входит ко мне Иван мой и говорит: «Какие-то люди желают вас видеть». – «Что за люди? Время ли? Пусть придут днем», – ворчал я и сделал такой жест руки, который значил, что не в пору гость хуже татарина. Иван вышел от меня и чрез минуту возвратился и сказал: «Здешние

болгары крайне желают видаться с вами ночью, а не днем; их послал к вам знакомый вам секретарь: Кот, Котов, Кутузов». — «А хорошо ли они одеты?» — спросил я⁵⁹. — «Хорошо». — «Итак, зови их».

Ввалили в мою комнату четыре болгара. Тяжела их поступь. На одном были очки, на другом фрак, на прочих не помню что. Христофор Мустаков говорил со мной по-гречески, товарищи же его поддакивали ему. Они жаловались на властолюбие, корыстолюбие и холодность к ним греческих архиереев; рассказывали, что болгары подавали прошение султану Абдул-Меджиду (во время путешествия его) об удалении тырновского митрополита Неофита, — грека, и о дозволении иметь одноплеменных с ними архипастырей и что Великая церковь Константинопольская, узнав об этом прошении, сменила Неофита и на место его прислала серрского митрополита грека же, внушив Порте политическую недоверчивость к архиереям из болгар; рассказав же сие, примолвили, что и этот митрополит не люб болгарам, и что Тырнов желает иметь или своего единоплеменного архипастыря, или варнского архиерея, который знает, по крайней мере, язык болгарский. Упрекнув греков в том, что они не только не способствуют, но даже препятствуют просвещению Болгарии, мои витии продолжали: «Мы одни между народами сидим во тьме; нам нужен свет; мы просим его у Бога; мы способны и готовы принять его, но не от латин и не от протестантов. Из Парижа требовали десять болгарских юношей для безмездного обучения их там. Американские миссионеры предлагали нам подобную услугу. Но мы опасаемся всех их, потому что они не имеют правой веры и Божией благодати, нам люб только чистый свет православия». После сего они просили меня походатайствовать в Св. синоде российском о принятии 12 болгарских юношей в Киевскую духовную семинарию на казенный счет⁶⁰. Я присоветовал им написать прошение об этом и приложить к нему, вместо подписей, одни именные печати из предосторожности, как бы не пропало у меня прошение их, и обещался вручить оное обер-прокурору Св. синода графу Протасову, примолвив, однако: «Не ручаюсь вам за успех дела, который зависит от благословения Божия и от ваших молитв». Болгары⁶¹ отменно благодарили меня и под влиянием радости открылись, что они внесут мое имя в книгу, в которой записываются ими благодетели болгарского народа (оказалось, что им известно было даже прозвание мое — Успенский).

5, Понедельник. Сегодня мне показали весь дворец князя Георгия Бибеско. Видал я дома и обширнее, и красивее, и роскошнее его. В одной горнице на стене висит портрет княгини, нарисованной в валахской народной одежде. Я остановился пред ним. Меня заняли не черные, милые очи её и не белые ручки, а различные монисты и пестрый фартучек. Пред невидалью и философ — дитя!

До обеда я купил несколько книг, содержащих историю Валахии и Молдавии, а после обеда осмотрел два святогробских монастыря Св. Саввы и Св. Георгия. Первый построен Константином Бассарабой воеводой, а церковь в нем во второй раз сооружена была в 7217 = 1709 году Константином Бранкованом воеводой и иерусалимским патриархом Хрисанфом. Теперь она обновляется. В этом монастыре помещается городская гимназия. А Георгиевская обитель есть не что иное, как огромнейший хан с множеством складочных магазинов внутри, кои приносят ежегодного дохода 3 000 голландских червонцев. Игумен Георгиевской обители, архимандрит Филимон, поименно перечислил мне все монастыри и скиты, какие только принадлежат гробу Господню в обоих княжествах.

В Валахии:

В г. Бухаресте:

1. Св. Георгия;

2. Св. Саввы;

3. Ресвани.

За этим городом:

4. Вакарёшти.

В разных местах:

5. Комана;

6. Калуи;

7. Платарешти;

8. Нигоэшти⁶²;

9. Груи.

В Молдавии:

В Яссах:

1. Св. Саввы;
2. Борно́сти⁶³;
3. Никори́ца.

В предместьях сего города:

4. Галата́, – пуст.
5. Цата́ця⁶⁴, – развалины.

В разных местах:

6. Бурнаво⁶⁵;
7. По́прата;
8. Быстри́ца⁶⁶;
9. Тазлеу;
10. Ка́сино;
11. Сове́за;
12. Формоши́ка⁶⁷, – скит;
13. Хади́ба, – скит;
14. Хлинца, – скит;
15. Св. Георгия метох в г. Гала́це.

Всего 24 монастыря и скита с богатыми именьями⁶⁸. Отсюда льется золото в святогробскую казну, в которой наши немногие рубли тоже, что капли в море. Если Бог благословит, и я опять поеду в Иерусалим, то поищу там сведений о всех этих обителях, завещанных Гробу Господню и о благочестивых создателях их. Мне хочется написать хоть краткие сказания о всех православных монастырях на христианском Востоке.

Пред вечером я простился с епископом Домникием, а в начале ночи принял условленное прошение от болгар и благословил их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

6, Вторник. Утром же выехал из Бухареста в Яссы, пожалев о том, что мне не удалось видиться ни с князем Бибеско, ни с митрополитом Неофитом, ни с нашим консулом⁶⁹, в которых никакой дипломатической надобности у меня не было.

Я в Молдавии.

IA⁴
B

Август 10, Суббота. Вот и Яссы! Вот и я в Яссах, тотчас после благовеста к вечерне⁷⁰. Эта столица Молдавии, с противоположной ей высоты, показалась мне похожей на две серебряные чеканные бляхи греческого священнического пояса, когда он бывает застегнут ими⁷¹.

11, Воскресенье. Ни князя, ни митрополита, ни нашего консула, ни архимандрита Филарета Скрибана, начальника духовного училища, не застал я дома. Все они уехали из города, кому куда нужно и не скоро возвратятся. Жалею особенно о том, что не увижу⁷² Скрибана. От него я надеялся получить надлежащие сведения о нынешнем состоянии православной церкви в обоих княжествах, о жизни и образе мыслей здешних бояр, о характере и способностях румунов, о монастырях и училищах, надеялся потому, что он обучался в Киевской духовной академии и пишет историю Молдавской церкви. Но где взять малину, когда лето прошло?

12, Понедельник. Сегодня я богомольствовал в трех монастырях: в Го́льи, Барбо́ю и Да́нку.

Монастырь Го́льи, так называемый от здателя его великого логофета Иоанна Го́льи, принадлежит обители Афоно-Ватопедской. Из греческой и славянской надписи в храме его видно, что это святилище с оснований воздвигнуто было в память Вознесения Господня и расписано иждивением благочестивейшего князя всей Молдовлахии Іω. Василия воеводы и сына его Стефана воеводы, во дни святительства молдавского митрополита кѳр⁷³ Варлаама в 7168 = 1660 году, мая 24 дня, а вновь расписано и украшено новым иконостасом в 1838 году. Тут похоронены внутренности светлейшего князя Потемкина Таврического, о чем гласит надпись на русском языке. На западной стене храма изображены ктитории:

Іω. Василий воевода.	Иеремия Могила воевода.
Екатерина.	Василий логофет Иоанн Го́льи.
Иринопольский епископ Григорий.	

Названный епископ устроил в этом монастыре параклис в честь Положения пояса Богородицы и подле него изрядную столовую горницу для угощения богомольцев в храмовые праздники. Он долго управлял ватопедскими именьями в Молдавии и Бессарабии, а жил в

Кишиневе. Я видал его в Одессе. Покойный был тучен, краснощек⁷⁴, добр. Он имел орден Анны первой степени.

Внутри Гольинского монастыря есть магазины, хорошенький домик для найма и приземистое строение для⁷⁵ лишенных ума. Молдавское правительство понуждает ватопедцев надстроить эту больницу и содержать лекаря своим иждивением. Но игумен отвечал, что он улучшит больничные покои, а лекаря нанимать не будет, потому что в монастыре у него недужных врачует Богоматерь.

Афоно-ватопедские монахи, живущие в здешней обители (всех их тут 12-ть), управляют всеми богатыми имениями, кои принадлежат Ватопеду в Молдавии и Бессарабии. Я застал их за общим столом, передал им привет Афонских собратий и нашел в них старцев чинных, сметливых и даже любезных.

Они показали мне устроенный в их монастыре главный водоем, в который вода приведена издалека. Бедно и некрасиво устройство его. Вода выходит из 24-х трубок, льется в обширный ём через уста льва и через железное сито, и оттуда расходится по всему городу. Сей водоем устроен Александром Мурузи в 1823 году, а починен нынешним князем Стурдзой в 1844 году. Замысловатая надпись на нем в рифменных стихах прославляет достохвальное и общепольное дело г. Мурузи.

Εἰς τὸν κύκλον τῶν ζωδίων εἶναι λέων φλογερός·
Κ' εἰς τὴν πόλιν Ἰασσίου ὑδροχόος δροσερός.

Ἐκεῖ φλόγας, ἐδῶ δρόσους, ἐκεῖ πῦρ, ἐδῶ νερὸν
Ἐξερεύομαι καὶ χύνω ἀπὸ φάρυγγα ξηρόν.

Ὅλην μ' ἄλλαξεν τὴν φύσιν ὁ τῆς πόλεως σωτὴρ
Ὁ Αλέξανδρος Μουρούζης τῶν ὑδάτων ὁ δοτὴρ.

1823 Μαΐου.

В круге зодиаков есть лев огненный;

А в граде Яссах он хладный водолей.

Там пламень, здесь же хлад, там огонь, а здесь воду

Источаю, изливаю из горла своего сухого.

Так все естество мое изменил спаситель града

Александр Мурузи, податель вод.

1823 г. Май.

Люблю я видеть и читать надписи на общественных зданиях и на священных предметах. Для путешественника они заменяют книги и людей, которых надлежало бы спрашивать о времени и строителях всяких памятников. Видишь св. образ, святой сосуд, Господень крест, церковь, монастырь, башню, столп, могилу, мост, развалину, находишь, читаешь тут надпись и знаешь: кто и когда⁷⁶ сделал то, или то; по означенным годам изучаешь и сравниваешь разные эпохи зодчества, ваяния, каменотесания и живописи; по прописанным именам судишь о широте любви христианской, которая из Ясс или Бухареста, из Царьграда или Тифлиса, из Москвы или Трапезунда благотворила святым Божиим церквам на Синае, Сионе, Афоне, в Сирии, Египте, Сербии, Болгарии. Надписанные камни как слова на корешках переплетов дают надобное понятие о⁷⁷ памятниках, вещах, здателях. Древние египтяне писали свою историю на каменных стенах своих капищ, дворцов, гробов, на обелисках и статуях. Древние еллины и римляне оставили нам множество надписей на своих зданиях. Ассириане и персы увековечили свои деяния на каменных скрижалях. У нынешних греков, турок, арабов камни говорят потомству. Одни мы не охотники до надписей. Что бы это значило? Ежели у нас церкви и дома – деревянные, то, кажется, головы не деревянные. Знать, мы еще в колыбели качаемся; а колыбель нигде не надписывается. Много мы любим семейное предание и довольство, а внешнюю славу – очень мало. По-нашему: не красна изба углами, а красна пирогами. Однако пора бы у нас развиться духу общественности и любви к славе народной и витать ему не на печи и не на полотах, а на стогах и площадях. Весьма желательно, чтобы у нас все общественные здания, новые и старинные, в городах и селах, получили свои исторические надписи на меди или чугуне. Почему бы не воздвигнуть в каждом городе колонны или обелиски с обозначением тут главных эпох его существования славного и страдальческого? Такие памятники учили бы⁷⁸ роды родов. А была бы работа и баронам фон-Клотам.

2. Монастырь Барбою построен был каким-то Иоанном Барбою, воеводой⁷⁹. Нынешняя церковь в нем, во имя свв. апостолов основана, как гласит надпись, в 1838 году⁸⁰, июля 1-го дня,

а окончена и освящена 29 июня 1843 года в княжение Григория Стурдзы и во дни святительства молдавского митрополита Вениамина, для поминования рода Стурдзов, которые приложили сей монастырь Ватопедской обители на Афоне. Ватопед строил ее своим иждивением под надзором иринопольского епископа Григория и архимандрита Дионисия. Посторонних пожертвований на это святое дело не было, кроме 200 голландских червонцев от логофета Димитрия Стурдзы (1839) и 30 таких же червонцев от сына его Александра на приобретение мраморной доски для святой трапезы. Церковь отменно хороша: высока, светла, просторна и украшена двумя рядами мраморных колон, нецельными однако. Иконостас в ней еще не позолочен. На западной стене её изображены ктитории:

Иоанн Барбой воевода. Григорий Стурдза и супруга его Ксанфа.

Матфей.

Кириак.

Александр Стурдза.

и проч. и проч.

По уверению игумена [у которого (мимоходом сказать) проживает толстая *кокона*] монастырь приносит дохода 2 000 флоринов (около 5 000 руб. ассигн.). В нем несколько комнат отдается внаймы.

3. Монастырь Данку принадлежит Афоно-Ксиропотамской обители. Древняя церковь в нем тяжелой архитектуры, неказиста и ничем не замечательна. На южной, внешней, стене её, близ колокольни, видна славянская надпись. Но так как она помещена весьма высоко, то я не мог разобрать ее, и только на двух последних строках прочел: *ко* петро воевода в лето *7049* (= 1541). Разумеется, что этот воевода построил или обновил монастырскую церковь.

Именьями сего монастыря управляют покоящийся⁸¹ архиерей Анфим и игумен Кесарий. Его преосвященство припеваючи⁸² живет тут в особом благоустроенном доме [Ему прислуживают два редких красавчика: один лет 17, а другой 12. Я не спросил: кто они таковы и потому не дерзаю назвать их (домашними) постельничими. Осуждать ближнего легко и грешно. А ребята – кровь с молоком! По обличию и цвету лица они показались мне чадами Албании]. Он [архиерей Анфим] между прочим говорил мне, что из монастырского леса даром даны правительству дерева для постройки казарм.

13, Вторник. Сегодня осмотрены были мною два монастыря святогробские: Борности⁸³ и Св. Саввы, синайская обитель Формоза⁸⁴ и Афонская – Трех Святителей. Мало сведений о них выпало мне на долю. Но велика злоба настоящего дня.

1. Монастырь Борности построен воеводой Мироном Борности в 1627 году.

2. В храме монастыря Св. Саввы, возобновленном в 1844 году, изображены ктитории:

Мария домна. Иоанн постельник.

Влад воевода. Радул воевода.

Петр воевода. Роксандра домна.

3. Обитель Формоза, красующаяся на возвышении в виду Ясс, построена и приложена была Синайскому монастырю Григорием Гикой воеводой, лет за сто с лишним. В ней превосходная церковь с красивым иконостасом создана в 1838 году архимандритом Иоасафом. Он изображен тут на обычном месте в ордене Св. Анны второй степени с алмазами. По уверению чиновника нашего консульства здесь, г. Туманского, Формоза дает ежегодного дохода 10 000 голландских червонцев [При таком доходе синаитах ненужно ездить в Колхиду за золотым руном! Но куда иждивается такое богатство? Монастырь на самом Синае – в лохмотьях; другому кому-либо он не помогает ни деньгами, ни⁸⁵ изданиями книг. Видно, очень пространно чрево у синайских монахов и наипаче у игумена их, архиепископа Константия, припеваючи живущего в Константинополе].

4. Монастырь во имя Трех Святителей построен и приложен всем 20-ти Афонским обителям с богатыми именьями *ко*. Василием, воеводой молдавским. В нем соборный храм построен весь из штучных камней, на которых снаружи вырезаны разные узоры. Как эта узорчатость, так и богатство имений, приложенных сему монастырю, указывают, что это святилище было воздвигнуто названным воеводой по особому благочестивому побуждению. В самом деле, его воздвигло благоговение Василия к чудотворным мощам Параскевы Тырновской, нарицаемой Пятки. Эти мощи, по желанию и просьбе сего воеводы, перенесены были из Константинополя и положены в благолепном храме Трех Святителей в 7149 = 1641 г., в восьмое лето игемонства *ко*. Василия⁸⁶. Их прислал ему вселенский патриарх Парфений, а сопровождали три митрополита: Иоанникий Ираклийский, Парфений Андрианопольский и Феофан Палеопатрский,

встретил же Варлаам, митрополит сучавский. К увеличению радости набожного [воеводы] Василия в этот год родился ему сын Стефан. Все эти события увековечены надписью в соборном храме.

Не знаю когда, по какому поводу и на каких условиях Василий воевода приложил Трехсвятительский монастырь всем Афонским обителям. На Св. горе не удалось мне найти хрисовул сего воеводы. А в самом монастыре, о котором идет речь, игумен Софроний, заведующий имениями его, оказался весьма необщительным, так что оба мы побеседовали⁸⁷ не без взаимного огорчения. Наш разговор о монастырских имениях и о духовных управителях ими в княжествах подоился [крупному] порывистому дождю⁸⁸ с крупными градинами.

Игумен Софроний, без приличного иноку смирения и отречения от всего земного, тоном английского подданного (он кефалониец), тоном недовольства, превозношения⁸⁹ и слепой правоты, говорил, что *предержащие* в княжествах⁹⁰ несправедливо притесняют монастыри, принадлежащие Св. местам, и требуют от них дани, что старые князья и бояре завещали и отдали им имения в полное и безотчетное владение и что в их грамотах нет ни слова о выделе монастырских доходов на какие-либо общественные надобности. Молдав(ан)ы и валахи с *ведома России*⁹¹, – примолвил Софроний, учредили было комитет (после 1830 года) для рассмотрения хрисовулов и духовных завещаний, в надежде найти в них основания для обложения монастырей податями в пользу богоугодных учреждений, но не нашли чего желали и должны были закрыть комитет; но зато стали принуждать все обители отдавать имения их в аренду с публичных торгов, дабы знать численность всех доходов их. Кроме сего, они даром берут лес монастырей для постройки казарм; иному из них запрещают рубить его; у другого удерживают доходы до известного им времени; всех принуждают обстраиваться в больших размерах и вносить правительствам здесь и в Бухаресте третью часть общих доходов.

Эти речи и наипаче тон, каким они высказаны были, взволновали меня⁹², и я сказал Софронию и случившимся у него грекам-арендаторам суровую⁹³ проповедь⁹⁴.

– «Все, что вы говорили мне, преподобнейший отец, я слышу не в первый и не во второй раз. В Иерусалиме, на Синае, Афоне и в Константинополе жалуются на притеснение господарей и на слабую защиту России. Но кто жалуется?⁹⁵ Монахи, которые по обету своему должны быть нестяжательны, довольствоваться хлебом насущным и благодарить Бога и власти за ниспосылаемые им крупницы. Жалобы их несправедливы. Княжества под покровительством России начали благоденствовать; с тем вместе и монастырские имения⁹⁶, со времени введения здесь известного регламента стали приносить гораздо⁹⁷ более доходов, чем прежде; но монахи вместо того, чтобы быть благодарными, сделались жаднее до денег и скупее для общества. Чего вы хотите? Чтобы Россия любила вас более чем румынов? Но ежели вы, греки, нам братья о Христе, то и румыны нам не чужие. Чего вы хотите? Чтобы Россия дозволяла вам своевольно хозяйствовать в чужих вам княжествах и выносить отсюда золото, Бог знает куда, в ущерб благосостоянию здешнего края? Но Россия любит правду, как у себя дома, так и там, где Бог поставил ее опекуном народов. У вас не отнимают и не отнимут имений. Но ежели вам предлагают или советуют помочь местным правительствам выделом какой-либо части ваших богатых доходов на устройство училищ, больниц, на содержание церквей и духовенства в ваших же имениях и на другие общепользные надобности, то почему вы не соглашаетесь? Почему упрямитесь? Вы говорите, что в хрисовулах князей [и в завещаниях бояр] нет ни слова о таком выделе. Ни слова? Значит, хрисовулы не отнимают у действующей в княжествах власти законного⁹⁸ права требовать от монастырей небольшой⁹⁹ части доходов на общественные надобности. Вот было бы другое дело, если бы в хрисовулах ясно была выражена воля завещателей: не облагать монастыри никакими податями. Но ни один господарь и ни один боярин, сколько мне известно, не высказал сего в дарственных записях¹⁰⁰. Имения даны монастырям, конечно, не для того, чтобы они одни были богаты, а княжества нуждались бы в деньгах¹⁰¹. Все владельцы имений, кто бы они не были, должны любить свое отечество, почитать Богом поставленную в нем власть и всеми способами содействовать благим намерениям и предприятиям её; иначе никакое государство, никакое княжество не может благоустроиться. Послушайте, что говорил Св. Амвросий Медиоланский о церковных имениях: «Дани требует кесарь? Не отрицаемся. Поля церкви пусть вносят подати, по слову Господню: воздадите кесарева кесареви». Одни господа властны были дать вам имения, а другие вправе требовать от вас¹⁰² посильных вспоможений государству. Фанариоты угобжали вас чужим добром; а румынские воеводы не смели бы попросить у вас и отрубей!.. Что ж это за правда?

Царствование фанариотов миновало. Настало господство румынов. А всякая новая власть имеет право делать новые постановления и отменять старые, особенно тогда, когда нужда или святая правда велит упразднить пристрастные законы. Но вас еще щадят; вам оставляют ваши имения и только желают, чтобы прекращены были злоупотребления, вопиющие на небо.

– «Какие злоупотребления?» – спросил игумен. Я отвечал: «В ваших богатых имениях нет ни церквей хороших, ни священников порядочных, ни школ приходских, а в монастырях, вам данных, нет монахов, которые совершали бы поминовения усопших благодетелей ваших. Не злоупотребление ли это? Ваши арендаторы, может быть, все суть пришлецы-греки, богатящиеся на счет туземцев. Не злоупотребление ли это? Ваши управляющие имениями архимандриты и игумены посылают Святым местам очень малую долю доходов, а большую часть их сами поедают. Не злоупотребление ли это? Ваши главные монастыри синайские, сионские, Афонские не могут сменить обжившихся здесь и утолстевших названных управителей. Например: на Афоне, в Симопетре и Есфигмене жаловались мне на это злоупотребление. Симопетриты на Святой горе живут по строгим правилам кинувии, а экзарх их в Бухаресте едва ли не пляшет под фортепиано, которое я видел в его кельях».

– «Но ваши же консулы, – подхватил Софроний, – Рикман и другой... взяли червонцы с этого экзарха и поддержали его на месте против желания монастыря *Симонепетрского*».

– «Я не знаю этого; но спрашиваю вас: почему же у него самого нет доброй совести? Почему он дал червонцы? Почему пожертвовал выгоды своего монастыря своему чреву? О, видно вам сладко жить здесь [прогуливаться в каретах, хозяйничать вместе с коконами и, как я слышал здесь, дарить деньги актрисам и платить их эскулапам... Но горе тому, им же соблазн в мир приходит, сказал Спаситель¹⁰³».

– «И монахи – люди», – проговорил один грек.

– «Нет, не люди, – возразил я, – а земные ангелы и небесные человеки; по крайней мере, они так себя величают. Впрочем, я не с вами разговариваю»¹⁰⁴.

– [«Мы не знаем, как живут ваши монахи», – сказал игумен.

– О, когда они владели богатыми имениями, тогда жили также, как и вы, и вместо серебряных лампад в церквях зажигали глиняные или железные, потому что деньги бросали на ветер; но когда лишились благ земных, тогда стали ближе к небу¹⁰⁵].

– «В России отняты имения у монастырей, – говорил Софроний; – видно, ваше правительство заранее хочет сделать то же самое и со здешними обителями, чтобы воспользоваться их доходами тогда, когда заберет в свои руки оба княжества».

Эти слова взорвали меня и я грянул: «Преподобный отец! Вот уже почти три года я вижусь и беседую с греческими монахами. Многие из них любят Россию, а есть между ними и такие, которым милее Франция или Англия. Но пусть они скажут мне: сколько французов или англичан умерло на полях Румынии и Европейской Турции за свободу [и благосостояние] православных племен и за благосостояние, например, Афона. А русские там умирали за вас тысячами. Почему же на Афоне принимают почетнее оных еретиков, нежели русского православного архимандрита? Почему Лавра, Ивер, Ватопед распростерли свои объятия французам, который обокрал их библиотеки, а мне, единоверному архимандриту, показали кое-что, да и то принужденно, видевши у меня фирман султанский и промучивши меня разными пустыми отговорками! О, Франция и Англия не спасут вас, не надейтесь на них. А русские, быть может, еще раз потоками прольют кровь свою за свободу единоверных племен в Турции. Как вы думаете, чего стоит каждая капля русской крови! Есть ли цена ей! Или вам дороже золото и серебро, чем мы, братья ваши по вере! Мы не похищаем чужих имений. Мы не воры. Но мы любим правду, закон, братство и строгий чин монашеский. Наши государи желают, чтобы от монахов не землею пахло, а веяло бы небом. Не нам рассуждать: кому Бог передаст княжества. А наше дело молиться Богу за царя и за *всех иже во власти суть*¹⁰⁶, повиноваться установленным от него правительствам, жить преподобно¹⁰⁷, и, если мы богаты, делиться с другими нашими благами по любви евангельской¹⁰⁸. А этой-то любви и не достает. Если бы монахи имели ее, то, конечно, не отказали бы румынам в испрашиваемом ими пособии. Но существует ли эта любовь в Афонских монастырях! Послали ли они когда-нибудь денежное пособие бедному Антиохено-патриаршему престолу или сирийским обителям! Издали ли в свет творения хоть одного св. отца церкви¹⁰⁹? Увы! На Афоне, Синае, в Иерусалиме каждый думает только о себе, а ближнего и знать не хочет. На Афоне монастыри только ссорятся между собой и ведут разорительные тяжбы. Доходы с богатых имений их достаются судящим их туркам. Не зло ли это! Не тяжкий ли это грех пред

Богом и пред миром христианским. По-братски советую вам: прекратите все злоупотребления ваши и с покорностью охотно¹¹⁰ отдавайте ваши избытки на пользу общую. Иначе накажет вас правосудие Божие, и вы лишитесь всего.

«Афон не обеднеет, если русские отнимут у него имения», – обмолвился игумен.

– Опять та же песня! Выслушайте же и мой прежний напев. Страхи ваши напрасны. Афон не лишится своих имений ни в княжествах, ни в нашей Бессарабии. Россия уважает Св. места и если чего домогается от них, то прекращения хозяйских злоупотреблений.

– Обозревая Св. места, вы заметили только недостатки тамошних людей Божиих.

– Желал бы я видеть одни добродетели их. Но они кроются в тайне лица Божия.

– Беды нам от лжебратий.

– Не те ли лжебратия, которые, нося кукуль и мантию, наживают в княжествах богатство и потом бегут в Афины, женятся там и строят себе дома?

– Беды от лжебратий, – вопиял игумен.

Я не хотел более говорить с ним и откланялся ему. Но он, вышедши за мной на крыльцо своего дома и стоя тут, продолжал кричать: беды от лжебратий. За то и я из своей коляски еще раз пустил [в него стрелу] стрелу не в бровь, а прямо в глаз его, крикнув: Вы – лжебратия; вы, которые, как саранча, поедаете блага румынов и строите, невесть кому, доходные дома на *Английском острове* (Софроний – английский подданный).

Коляска покатила меня в Петербургскую гостиницу.

14, Середа. В княжествах так много монастырей! В одних столицах их я видел двадцать; а их гораздо более тут. Сколько же всех их в большой и малой Валахии и во всей Молдавии? Кроме местных митрополитов и епископов, патриархи александрийский и антиохийский, Сион¹¹¹, Синай, Афон, албанские обители и митрополии и, быть может, и другие какие иераршеские престолы и монашеские обители владеют в княжествах метохами, скитами, монастырями и имениями. Посланник Титов говорил мне, что пятая часть тамошних наилучших земель принадлежит монахам. Верю и исповедую милость Божию, явленную восточной православно-кафолической церкви в отечестве румынов. Сам Бог внушал государям и боярам княжеств ревность к поддержанию православия в Турции богатыми пожертвованиями в те несчастные времена, когда исламизм угрожал восточному христианству истреблением. По усмотрению Божию, восточные иерархи и монастыри находили в Молдавии и Валахии утешение, ободрение и хлебную помощь. Есть народы – апостолы; есть народы – мученики; есть народы – работники для церкви Божией. Эти работники – румыны! Да благословит же их Бог, Отец щедрот, всяким благословением! Да нисходит на поля их роса небесная и дождь ранний и поздний! Да усотерятся им все плоды земные и да расширятся их житницы! Да подаст им Творец многочадие и крепость сил!

Восточное духовенство должно чувствовать и высоко ценить благодушное труженичество румынов и отвечать на оное пламенными молитвами о них к Богу, святым житием, низводящим с неба благословение на города и веси, и заботливостью о благоденствии и спасении *труждающихся и плодоносящих*. В настоящее лучшее время оно обязано употреблять румынское золото на добрые и богоугодные дела. Иначе, оно будет не друг Провидения Божия, а раб прожорливый и негодный, которого ждет тьма кромешная¹¹².

[Хвалю и славлю нынешних господарей Валахии и Молдавии. Они пригрозили монахам, и эти очнулись от дремоты и обновили свои обители. Чернецам всегда нужны суровые уроки. Еще бы раз-два-три прогреметь над головами их, дабы они перекрестились и удалили от себя хорошеньких *кокон*, – соблазнитель этикие!

Господари! Во имя правды требуйте дани с монастырских имений для общественной пользы. Св. Амвросий Медиоланский благословляет вас на сие правое дело.

Венценосный Покровитель княжеств! Помогай добрым румынам и смири плоть и кровь недостойных иноков, дабы от них веяло небом, а не пахло землею].

Et fumus patriae dulcis est!

И дым отечества сладок!

Я на пути в Москву.

15, Четверток. Русский народ так же, как и все народы, любит дива дивные. Это значит, что люди суть гости на земле, пришедшие сюда из мира небесного и потому ищут здесь чудес того мира.

Постоялый двор

подле памятника
Потемкину

Вера русского человека в существование духов, домовых, леших, встающих из могил покойников так сильна, что иногда переходит в видение. Замечательно, что сами болезни он воображает в виде таинственных женщин, бродящих по миру. Двенадцать лихорадок у него – двенадцать сестер. Моя мать однажды говорила мне, что она видела лихорадку в синем коротком сарафане с голыми ногами, ту самую, которая приходила трясти и мучить родную сестру мою Любовь. Сегодня карантинный солдат в Скулянах рассказывал мне, что давненько чума в виде старухи приходила в тот полк, в котором он служил, и заказала себе башмаки у полкового сапожника. Когда он стал снимать с нее мерку, увидел, что у нее ноги козлиные, испугался и крикнул: «Кто ты?» – «Я чума», – ответила ему старуха и прибавила: «но ты не бойся и сшей мне башмаки, за то я не сгублю тебя». Солдат стагал ей хорошие башмаки (ведь, русский солдат обует и чуму) и остался жив, а многих других, проклятая, она поцеловала и сгубила дыханием своим смертоносным.

17, Суббота. Кишинев становится нарядным городом. Но жаль, что улицы в нем чрезмерно широки. От того здания выглядывают издали, как тени. Что это за вкус у нас? И города наши походят на военный лагерь или на привольное кочевье. Ведь, *μέτρον πάντων ἄριστον ἐστὶ*¹³.

Ни архиепископа Иринарха, ни ректора семинарии Филадельфа нет дома. Тот уехал в какой-то монастырь, а этот в Петербург на чреду священнослужения. Господь да будет с ними!

Здесь я обрадован был нечаянным свиданием с воспитанником своим, учеником философии, Владимиром Чечелем. Приголубленный мною в Одессе четырехлетний малютка вырос великаном. Увидев меня, он плакал от радости. Я заметил в нем дарования от Господа и обещался вызвать его в петербургскую духовную академию для высшего образования.

Сентябрь. Тридцать шесть дней, с 20 августа по 25-е сентября, прогостил я в Одессе у старых и добрых друзей своих и наслаждался тем покоем, во время которого небогатырское тело мое крепло, а могучий дух готовился представить Св. синоду Восток в светотени его. Приятное субботаство нужно каждому человеку. Отдых есть устав природы. Во время его обновляются все силы наши.

Сладко мне было свидание с маститым другом моим Александром Скарлатовичем Стурдзой. Он по-прежнему духовен, любвеобилен, красноречив, назидателен и ревностен ко благу православной церкви на Востоке. Когда я повествовал ему о Сайданайской женской обители, находящейся в шести часах езды от Дамаска, о живописном положении её на темени отдельного холма, о строгом чине аравосирийских монахинь, об учрежденной ими школе для девочек, о скудости и терпении их и о единственном желании купить себе масличный сад, тогда грудь его растворилась умилением, крупные слезы сострадания и духовной радости оросили поблекшие ланиты его, и он обещался писать в Петербург графине Тизенгаузен, госпоже Татьяне Борисовне Потемкиной и баронессе Цецилии Фредерикс (ближайшим к императрице особам), чтобы они поведали её величеству о Сайданайском монастыре и о потребном для него елее, а меня просил благовествовать о нем сим добрым христианкам. В случае разговоров об имениях Св. мест в Валахии и Молдавии, Стурдза, этот старый и опытный в делах дипломат, опровергал мысль мою *заменить имения ежегодной милостыней*, поставив мне на вид святую непреложность духовных завещаний, возможное банкротство княжеств и с ним горестное падение Св. мест и иераршеских престолов, получающих оттуда доходы. Его благоразумие придало мне твердость защищать единоверцев наших на Востоке. – «Не забывают, – говорил он мне, – что Север издавна холоден к Востоку. Посему вам надобно не сгущать этот холод, а разогревать его святой любовью к православию».

В первый день сентября я простился с ним, а на другой день он писал мне:

«Еще раз прощаюсь с вами, почтеннейший и любезнейший о. архимандрит, прося вашей памяти, благословения и молитв. Мне больно было расставаться с вами вчера по чувству преклонности лет моих и неизвестности вашего будущего назначения. Но Господь Иисус всем нам *путь, и истина, и живот* и тихим да будет пристанищем. Прилагаю здесь статью мою о *Карамзине для Москвитянина*¹⁴. Из приписки изволите усмотреть, отче, чего надеюсь и чего требую от редакции. Благоволите принять на себя и это поручение.

Я еду завтра утром. Жена моя прощается также с вами заочно, но от души. Она пришлет вам завтра письмо к её высокопревосходительству баронессе Фредерикс, или же по почте отошлет. А вам советую побывать у этой доброй христианки, которая будет предуведомлена о

вас. Если признаете полезным, я напишу и к графу Николаю Александровичу от себя. Во всяком случае, пишите нам из столицы.

Приют. Сентября 2.

1846 года.

Χαῖρε ἐν Κυρίῳ¹¹⁵

Вам преданный А. Стурдза».

Сентября 4 дня приехал в Одессу из Константинополя благонамеренный о Христе юноша грек, Димитрий Гумаликов, и я представил его в здешнюю семинарию и поручил вниманию и руководству наставников. Слава Господу за сие доброе дело!

В 23-й день Сентября подарены мною Одесскому обществу истории и древностей 550 монет греческих, римских, персидских и др., в числе коих золотых 7, серебряных 109 и медных 434, и разные египетские древности, между коими особенно замечательны: мумия женщины из катакомб Фивских и большой свиток папируса, исписанный внутри, с глиняной печатью на нем, из тех же катакомб. Общество с благодарностью приняло это усердное приношение мое. А я чувствовал в себе чистую радость от того, что по возможности услужил знанию.

25, Середа. Одесса¹¹⁶. Всему есть свое время: и покою, и движению. Покой мой прекратился. Спешу действовать в средоточии власти. Господи, благослови меня и управи путь мой.

¹¹⁷Сегодня вечером я выехал из Одессы. Этот город есть как бы солнце, около которого суждено мне возвращаться.

26, Четверток, г. Николаев. Утро было туманно. День ясен, а вечер досажен. Рессора у коляски моей лопнула. Сиди да жди, пока перекует ее вулкан.

27, Пятница. Там же. Сижу и жду, и думаю. Душа мечет искры, как железо [биемое] на наковальне.

Мир [Бог] есть как бы храм необозримый, величественный, великолепный, а ангелы и люди суть как бы светильники, горящие в этом храме. Первые блистают светом чистым и ярким, вторые светятся тускло.

Где смежны свобода человека и всемогущество Бога? В темнице фараона, куда женщина заточила прекрасного Иосифа, и откуда вывел его Бог.

Праведный человек есть драгоценный сосуд в дому Божиим. Он разбивается, но обломки его падают к подножию престола Господня.

Души – сестры. Таинственное сочувствие их есть начало их любви вечной.

Дружба есть самая лучшая и самая чистая половина любви.

Она – поток. А грусть – глубина его¹¹⁸.

Кому я подобен?

Орлу, парящему по поднебесью.

Орел! Куда ты летишь?

На Север.

А почему ты озираешься на юг?

Там мое гнездо.

Сердце мое ноет. *Ἔστι τί νέον· ἤξει τι μέλος γοερόν*¹¹⁹.

До сей поры я впивал в себя жизнь розовую из драгоценного фиала, и потому благоухаю. О, Боже! да мимоидет от меня чаша страданий!

Я не умею ходить по стезям тернистым. Мне кажется, что без благополучия трудно спастись человеку.

Челн мой проплыл половину житейского моря. Первый кормчий на нем была мать, второй – наука, а теперь направляет его святой долг службы церкви и отечеству. С каким же кормчим доплыву я до океана безбрежного и до рая вечного? Я желаю доплыть туда с Божьей благодатью.

28, Суббота. Сегодня еду далее; суббота у меня день счастливый.

Николаев есть город тихий и степенный. Домики его торчат на широчайших улицах словно курганчики на необозримой степи.

Каменные бабы на курганах суть, будто бы люди, жившие на земле до сотворения солнца и окаменевшие, когда появилось это светило.

29, Воскресенье. В три часа с половиной я прибыл в Кременчуг. Опять надобно чинить коляску мою. Скучно. По крайней мере, Гостиница хороша.

30, Понедельник. Кременчуг. Небо дождит. Душа, как цветок, благоухает.

Жизнь человека есть великая тайна. Как она зачинается и образуется? Сопознанием двух полов? Сопроизведением двух теплот? Сращением двух семян? Так, да и не так. Струится в нас дыхание жизни и от престола Божия.

Когда мать благочестива и добродетельна, тогда чрез её сердце, верующее и любящее Бога, сообщаются младенческой душе наклонности чистые и святые.

Все великие люди, – думаю, – по тому были велики, что их матери мольбами своими умели выпросить им избыток дарований¹²⁰.

Вера, надежда, любовь, целомудрие, скромность, терпение и трудолюбие составляют красоту существования женщины.

Миловидная девица без добродетели и веры искренней, живой, походит на плод, красивый снаружи, внутри гнилой.

Девица есть мысль юноши. Юноша же есть желание девицы.

Благословенные старушки хранят в семействах [всякие] предания старины, мудрость опытности, связывают прошедшее с настоящим и будущим и поддерживают чистоту нравов во внуках и внучках.

Вот и полдень настал. Дробен дождик перестал. Но тяжело, я поеду.

По дороге до Кременчуга я видел несколько военно-поселенных деревень. Они выстроены весьма красиво, даже с кокетством. Но поселенцы говорили мне, что прежде они были хозяева, а теперь стали бобылями. Один из них в селе Павлыш, жалуясь, сказал:

Я козак, – душа в тили,
А рубашку воши съели.

По словам их, государь приказал им работать три дня на казну и три дня на себя. А царевы приставники заставляют их работать шесть дней на казну и два на себя. Бедный народ! Когда он дождется своего Моисея? Но рано или поздно настанет время, когда люд Божий зароет своих притеснителей в зыбучий песок и притопчет его своими чеботами. Руссам, царевым деткам дастся свобода!¹²¹ Великий, умный и добрый народ не может быть *вечным* холопом...; нет вечного испуга и рабства на земле... Евангелие, – эта народная книга, возвещает всем пленным свободу¹²², всем труждающимся и обремененным – покой¹²³.

Октябрь 1, Вторник. Ночую в Валках. Хозяин здешнего постоялого двора – человек богобоязненный. Он говорил мне, что харьковский владыка Иннокентий весьма премудр и много пользы сделал своей епархии. «Какую же пользу?» – спросил я. – «Он устроил четыре монастыря», – отвечал хозяин. Итак, народ в архиерее ценит не столько его ученость и красноречие, сколько добрые дела его. Он инстинктивно сознает, что религия есть¹²⁴ сила и деятельность.

2, Середа. Мне снилось, будто я привез в Петербург крохотного мальчика с головой, руками и ногами, но без груди и чрева. «Кто он?» – спрашивали меня. – «Это сирийский араб», – отвечал я. Когда же я поставил на ладонь свою этого крохотку, он превратился в насекомое с многими черными и тоненькими ножками и крепко ухватился ими за ладонь мою.

Посмотрим: успешно ли будет ходатайство мое за Сирийскую церковь.

В четыре с половиной часа я приехал в Харьков и остановился в гостинице, потому что в архиерейском доме отказали мне в гостеприимстве. Справедливо почтовый ямщик говорил мне, что здешний владыка не очень-то любит принимать гостей. Впрочем, его не было дома.

Вечером я послал к нему с моим Иваном три книги (проповеди его, переведенные на языки греческий и французский) и письмо от А. Стурдзы. Архиепископ спросил Ивана: «Почему архимандрит остановился не у меня в доме?» – «Его не приняли здесь», – отвечал слуга.

Иннокентий тотчас прислал за мной карету, запряженную в четыре лошади. Но я не поехал, сказавши службе его: «Кланяйся преосвященному; я очень утомлен дальней дорогой, да и не езжу туда, где не принимают странных о Господе».

Архиепископ опять прислал ко мне нарочного и просил меня назначить ему час для свидания в его доме.

Условлен был седьмой час пополудни.

3, Четверток. В шесть часов утра я уже был у владыки. Он не замедлил выйти ко мне. Приняв его благословение и лобзание, я сказал ему: «Извините, владыка, что вчера я не поехал к вам. Я немножко одичал между восточными монахами». Он промолчал. Мы сели и два с половиной часа беседовали о Восточной церкви. Вопросы и ответы сыпались точно пшеница,

провеваемая на гумне. Оказалось, что ученый архиепископ не знал православного Востока. «Когда приедете в Петербург, – говорил он, – то, пожалуйста, дайте верное и подробное понятие о Востоке и Синоду и министерству иностранных дел; Синоду начните с азбуки, а министерству напишите о политике России в отношении к Востоку». Когда я сказал ему, что нас не слишком любят на Востоке, тогда он заметил: «Да не за что и любить», – и припомнил восстание Мореи в царствование Екатерины и тогдашнее пожертвование греков туркам.

По отъезде моем из Харькова преосвященный Иннокентий писал о мне Александру Скарлатовичу Стурдзе и получил от него ответ¹²⁵.

Я в Москве.

Октябрь 9, Середа. Уж ты, матушка, белокаменна, Москва красная, златоглавая! Монастырь Заиконоспасский

Еще раз сподобил меня Господь видеть твои святыни, твое величие, твою степенную сановитость. Будь ты градом Божиим и вечным. Пророчу тебе славу всемирную. А ты люби славу Божию.

Когда я был маленький отрок, тогда отец мой порой спрашивал меня: «Костя, хочешь ли, покажу тебе Москву?» – «Хочу, покажи мне Москву», – лепетал я и прыгал от радости. Тогда он обеими руками приподнимал меня за виски [голову] и говорил: «Ну, видишь ли?» – «Вижу, вижу», – кричал я, дрягая ногами. Да! в семействе я, молясь, вместе с матерью, привыкал чтить русского царя, а играя и забавляясь, слышал о Москве и желал видеть её.

10, Четверток. Первопрестольный град Москва в митрополите Филарете имеет мудрого и благонравного архипастыря и красноречивого витию. Сегодня сподобился я видеть серафимское лицо его, и повествовать ему о божиих церквах на горящем Востоке. Мне было любо говорить уму и сердцу его; и я говорил свободно, отчетливо и с воодушевлением. Поверяю дневнику, этому задушевному другу моему, нашу обоюдную беседу.

– Владыка святой! Почти три года провел я на Востоке, и кроме Св. Града и Палестины видел пол-Сирии, плавал по Нилу далее стовратных Фив, посетил Синай и Афон, несколько раз был в Константинополе, и, наконец, чрез Валахию и Молдавию возвратился в Отечество.

– Что же вы там делали? – спросил митрополит.

– Там я богомолствовал; списывал хрисовулы царей греческих, российских, сербских, болгарских и князей валахских и молдавских, грамоты патриархов цареградских и другие древние акты; разузнавал состояние православной церкви и действия унии, католицизма и протестанства; в Египте ознакомился с вероучением и богослужением христиан-коптов и с их архиереями и монахами; в Сирии видел маронитов, ансарию, друзей и изучал их веровые толки; везде осматривал памятники церковного зодчества, ваяния и иконописания и вслушивался в церковное пение православных и инославных христиан; одним словом сказать, был внимательным соглядатаем людей и вещей.

– Долго ли вы пробывали в Иерусалиме?

– С 20-го декабря 1843 года по 7-е августа следующего лета. Оттуда я ездил в Константинополь и представил нашему посланнику два отчета: один о состоянии Палестинской церкви и о мерах к поддержанию её, а другой – о спорах греков, латин и армян на Св. местах и о способах водворения тут мира; между прочим, указана мною необходимость учредить в Иерусалиме русскую духовную миссию.

Палестинская Церковь, – продолжал я, – подобна тридцатисилетнему расслабленному, который лежит у купели и ждет исцеления. Все тамошнее греческое духовенство – темно, арабское же вдвое темнее. В монастыре Гроба Господня училища нет, и научное образование считается ненужным и даже вредным. Безвыходное проживание женщин, так называемых *герондисс* (стариц), у архиереев и в мужских монастырях соблазнительно. Архиереи постоянно живут в Иерусалиме и никогда не посещают свои епархии. Арабское духовенство не любит их и не слушает, а само плохо понимает свои обязанности.

– А как велики там епархии? – прервал меня владыка.

Весьма малочисленны. Так например: у газского архиепископа всей паствы не более 50 семейств; в епархии архиепископа Фаворского – две-три деревни; митрополиту Вифлеемскому подведомы только Вифлеем и соседняя Деревня Пастырей. Самая большая епархия есть Птолемаидская. Но в ней много униатов.

– Для чего же иметь столько архиереев?

– Владыка святой! – говорил я тоном умиления. – Жаль упразднить древние епископские престолы, которых ныне мало сравнительно с прежним временем, когда в Палестине считались, кроме четырех митрополий, 25 архиепископий и 75 епископий. Авось, когда-нибудь от них воссияет свет Христов на Св. Земле. В гористых странах, каковы Палестина и Сирия, где трудны сообщения, нужно большое число епископов; ибо около них кое-как еще держится православие, а без них оно давно исчезло бы там. При том, палестинские архиереи совершают богослужение в Иерусалиме для многочисленных поклонников, исповедуют их и живут их подаяниями и собственными деньгами, добытыми во время собирания милостыни для Гроба Господня; следовательно, они никому не в тягость, а духовное утешение поклонникам доставляют. Итак, пусть они стоят в лике православных святителей. Жаль только, что они разъединены со своими паствами и не знают арабского языка; вдов и сирот туземных не помещают в женских монастырях, наполненных гречанками; арабов не только не возводят в высшие степени церковные, но даже не делают и послушниками. Следствием такого разъединения бывает уклонение сих последних в унию.

Посредством унии, – продолжал я, – католики отторгли от Палестинской церкви половину чад её, и поныне поборают ее. Что касается до протестантизма, которое уже имеет свою историю в Палестине с 1821 года, то оно является и скрывается, движется и перестает. Были попытки обращения православных в протестанты, но не удалась.

Что сказать вам о спорах представителей трех вероисповеданий за Святые поклонения? Эти споры почти непрерывно длятся с начала шестнадцатого века. Они весьма убыточны для соперников. Огромные доходы, какие получает святогробская казна от всего христианского мира и преимущественно из Валахии и Молдавии, иждиваются большей частью на тяжбы с армянами и католиками. Одни турки наживаются. Придумывается единственное средство прекратить сии тяжбы: это – предоставление права хозяйствовать на Св. местах Султану и его правительству. Весьма утешительно, что святогробское духовенство уплатило свой колоссальный долг в 30 000 000 пиастров или 6 000 000 рублей ассигнациями. Покойный султан Махмуд пособил уплате сего долга повелением превратить наращение ростов со дня обнародования указа его. Это утешительно.

Но весьма горестно, что над Гробом Господним находится мусульманский харем.

– Какой харем? – спросил изумленный митрополит.

– Женский, – ответил я. – Уже столетия он существует там со времени Саладина, отвоевавшего Иерусалим у крестоносцев в 1187 году, и помещается как раз между двумя куполами, из которых один накрывает ротонду Гроба Господня, а другой – Воскресенский храм.

– Откуда же ходят в этот харем?

– Весь храм Святогробский [Иерусалимский] накрыт плоской и ровной крышей, как этот стол. Тут я поднялся со своего кресла, подошел к столу и начал показывать пальцем и двумя кулаками места двух куполов поверх крыши, между ними харем, и лестницу, ведущую с улицы на храмовую крышу и говорил: вот два купола; вокруг их ходят по крыше; между ними и сзади их – харем; из него затворницы через оконце смотрят в ротонду Гроба Господня и иногда бросают туда лимонные и апельсинные корки; к харему всходят с улицы по лестнице и через комнаты, пристроенные к северо-западной стороне храма. В этих комнатах во время оно помещался латинский патриарх, а теперь живет и плодится род Алемидов, носителей знамени Магометова.

– Боже мой! Что я слышу.

– Тяжело для сердца харемное осквернение величайшей святыни на земле.

– Но почему ни Норов, ни Муравьев не упомянули об этом хареме? Муравьев, кажется, порядочный шпион, – прибавил владыка.

$\frac{1A^4}{3}$

Рис. 2. Крыша храма Воскресения в Иерусалиме.

– Никто не надоумил их; и потому не мудрено, что они не видали мерзости, помещенной так высоко. И я узнал о ней случайно. Алеמידский шех, хозяин harema, приходил ко мне с предложением: не угодно ли будет нашему Государю Императору купить помещение его, пристроенное к храму. Естественно, я пожелал видеть оное и ходил туда. Обширное помещение! Прекрасная, каменная, широкая лестница с уличного крыльца, мавританской вычурной архитектуры, ведет в длинную залу; из этой залы поднимаешься по ступеням выше и выше иходишь до самого harema. Сын или племянник шеха вводил меня в этот женский затвор,

выслав затворниц [женщин]; и я смотрел оттуда сквозь оконце в ротонду Св. Гроба. Наместники патриарха говорили мне, что покупка сего помещения обошлась бы в 100 000 рублей. Но трудно, а им самим и невозможно приобрести его, потому что оно есть вакуф, то есть священное место мусульманское.

– Какая горестная весть!

– Но есть Бог отмщений. [Но велик Бог. Свято имя Его].

– Когда граф Орлов отправлялся в Константинополь, как чрезвычайный посол, – сказал мне митрополит, – тогда я просил его включить в договор с Турцией параграф о ключарстве Государя Императора в храме Иерусалимском. Пусть бы Он был ключник Гроба Господня. Но моя просьба не исполнена.

– Признано за лучшее оставить Гроб Господень под охраной турок, так как власть их уравнивает три враждующих вероисповедания в Иерусалиме.

После минутного молчания митрополит спросил меня: почему Фаворского архиепископа Иерофея не поставили патриархом в Иерусалиме.

Я отвечал: Сам Иерофей говорил мне, что члены Константинопольского синода не жаловали его за то, что он не посещал их, и считали его гордым и чересчур надеющимся на Россию; а он-де не ходил к ним единственно по привычке к соседству. Но главная причина удаления его от патриаршества была та, что в Константинополе задумали подчинить Иерусалимский патриархат владыке вселенскому, назначать туда патриархов из членов Константинопольского синода и пользоваться их *благодарными* пожертвованиями из богатой казны святогробской, о чем ровно за год уведомлял я графа Протасова. Этот замысел расторгнут, как паутина, нашим посольством. Но цареградские архиереи успели-таки уронить Фаворского, как преданного России, в глазах властных турок, так что султан отвечал нашему посольству: «Пусть изберут в Иерусалиме патриарха, кого угодно, только не Фаворского».

Нынешний Константинопольский синод, – продолжал я, – сделался как-то властолюбивым. Без сомнения вам известно, что он в Александрию назначил патриархом Кюстендильского митрополита Артемия против воли тамошнего клира, народа и египетского паши, которые избрали местного архимандрита Иерофея. Артемий не может ехать в Египет. Там не примут его. Мегмет-Али паша тверд в своем слове (тут я рассказал, как Вселенский Патриарх Анфим представлялся этому паше, и как ему внушено было не говорить ни слова об Артемии). Его Святейшество в день выезда моего из Царьграда говорил мне, что он и Синод его намерены советовать Артемию подать отречение от патриаршего престола и предоставят ему некоторые преимущества. Без сомнения это сбудется.

Александрийский патриархат, – домолвил я, – есть маленький улей, в котором нет и 2000 туземных пчелок, а оспаривается. Патриархат Антиохийский несравненно более его. В пределах его находятся десять епархий с 70 000 душ православного вероисповедания, пять ставропигиальных монастырей, несколько малых обителей, между коими одна женская недалеко от Дамаска, и три народных училища: в Триполи, Бейруте и Дамаске. Но Антиохийский престол давно обуревается унией.

– С какого времени?

– Со времени святительства там патриарха Макария, который был у нас в России и участвовал в осуждении Никона. С той поры уния, как гангрена, распространилась по Сирии. Тамашние униаты имеют своего патриарха Максима, свою иерархию, свои монастыри и училища и получают большую помощь от римского двора и от консулов. Усиление унии в сирийском клире и народе было причиной того, что Антиохийских патриархов начали присылать из Константинополя. Замечательно, что в городе Алеппо, в этой колыбели унии, образовалось между униатами тайное братство никодимитов, у которого цель – воссоединение с православной церковью.

– Что значит: никодимиты?

– Они так называются по воспоминанию о Никодиме, приходившем к Иисусу Христу ночью. В этом братстве числятся некоторые архиереи, многие священники и миряне. Одного из этих архиереев, именно амидийского митрополита Макария, который назывался великим Никодимом, ожидают в Константинополе. Там он примет православие и его вновь рукоположат, начиная с низших ступеней церковных. Православный митрополит алеппский Кирилл писал мне, что никодимиты скорее воссоединились бы с нами, если б имели могучего и доброго защитника со стороны России; но, к сожалению, русский консул в Алеппо – жид.

Услышав это, митрополит восторженно и проговорил: «Русский консул жид! Господи Иисусе!..»

– Да, жид из фамилии Пичиоти, которая уже давно консульствует там.

Последовало продолжение изумления и сожаления. Спустя несколько мгновений я продолжал:

– К сожалению, наши консулы на Востоке почти все были и суть неправославные. Дюгамеля в Каире не поминают добром и называют *человеком со змеями*: он носил аксельбанты. О поляке Петрушевском, который недолго был нашим вице-консулом в Яффе, иерусалимские старцы говорили мне, что этот человек прислан был для поправления православия. В доме американца Шасса, заведовавшего нашим консульством в Бейруте, устроена была первая молельня американских миссионеров, куда они собирали и православных детей для слушания их проповедей. Смирнского консула Иванова никто никогда не видал в церкви Божией. Это я слышал в Смирне от славян. О нынешнем бейрутском консуле нашем Константине Базили Антиохийский патриарх говорил мне: «Если бы можно было приставить лестницу к небу, то он полез бы жаловаться Богу на Базили; в начале он был добр и усерден к православным, но потом предпочел им униатов, очарованный красотой жены своего переводчика Наума Хури из униатов». Нынешний генеральный консул наш в Александрии Фок – протестант. Агенты наши в Кайфе у подножия Кармила и в Сидоне – католики.

Митрополит покачал головой. Я проговорил: «Один Бог может спасти от кораблекрушения Сирийскую церковь» и, поднявшись на ноги, начал прощаться с владыкой.

Он просил меня побывать у него еще раз и примолвил: «Сам я назначу время для дорогого гостя».

Вечером я получил записку от ректора семинарии архимандрита Алексея. Он уведомил меня, что митрополит просит нас обедать у него завтра. Владыка назвал меня архимандритом иерусалимским.

11, Пятница. В назначенный час мы явились. Никто кроме нас не был приглашен. До стола, за столом и после обеда долго я благовествовал о Востоке.

До обеда рассказано было митрополиту: с какой робостью я в первый раз явился к покойному патриарху иерусалимскому Афанасию, и что говорил ему о благосостоянии нашей церкви в России. Когда его преосвященство услышал вот эти слова мои: «Пред патриархом я – отрок малый, но мне пришлось быть согладатаем и судьей деяний его», то похвалил мое смирение и прибавил: «Умные люди всегда так поступают».

Потом я повествовал о похоронах помянутого патриарха и о смутах по смерти его, при избрании преемника ему.

За столом и после обеда из уст моих лились речи, как Афонские потоки. Я говорил:

– Вся православная церковь на Востоке единомудрствует с нами. Нигде, кроме Афона, не слышать никаких новых догматических толков или учений. На Святой же горе занимающиеся внутренней молитвой продолжают впитать в себя ливни воздуха и *сводить ум в сердце*, как об этом говорится в нашем *Добротолюбии*, но о фаворском свете уже не толкуют. Одного из них я видел и заметил, что он, разговаривая со мною, непрестанно вдыхал в себя воздух по привычке.

– Святогорские монахи, живущие в ските св. Анны, называются *коливадами* по тому, что они еще в прошлом столетии упорно учили, что помянуть усопших с *коливом* должно не в субботу, а в воскресенье, и что поступающие иначе – хуже неверных и язычников. Это учение их наделало много шума на Афоне и в окрестных местах. Цареградские патриархи едва, едва успели заставить их молчать. Но тайные коливады существуют и ныне.

Некоторые обитатели лесных келий на Афоне воображают и веруют, что на Тайной Вечере каждому преподается не весь Христос, а какая-либо частица его. Такие *Христочастичники*, как я называю их, говорят друг другу: «Слава Богу! Сегодня я причастился мизинца Христова, а я – глазка, а я – сердечка» и проч.

Митрополит улыбнулся и проговорил: «Оле неразумие!»

– На Афоне же некоторые келлиаши и скитники осуждают общежительных святогорцев за то, что они часто причащаются святых тайн без исповеди и без должного говения. Керасийский скитник Неофит, духовник многих монастырей, осуждал за это предо мною русскую киновию.

Все Афонские монастырники и скитники верят и учат, что христианин потурчившийся может спастись только тогда, когда раскается, примет миропомазание и после чрезвычайных и продолжительных пощений и стояний молитвенных пойдет в магометанское судилище в одежде

турецкой, но с ваией и крестом или иконой в руках, дерзновенно проклянет тут Магомета, исповедует Христа, яко Бога, заушит судью и будет замучен турками. Посему святогорцы с любовью принимают к себе и даже сами выискивают таких несчастливцев и *методически* готовят их к мученичеству; приготовленных же отправляют с опытными в мученикотворстве старцами в Солунь, или в Анатолию, или в Константинополь, а по смерти покупают тела их у мучителей, увозят их на Афон, хоронят в земле на три года и потом вырывают кости их, украшают их серебрянными окладами, выдают за мощи, не исключая и нечетных зубов, и собирают дань с темного мира. Я видел подобные мощи, но не лобызал их, смущаясь мыслью о напрасном жертвоприношении людей; видел и старцев мученикотворцев: Германа в Кавсокаливе, известного издателя *Евангельской Трубы*, – Εὐαγγελική Σάλπιγξ, и Григория в Предтеченском ските монастыря Афоноиверского.

– Владыка святой! Скажите мне: надобно ли признавать и почитать таких *самозванных* мучеников?

Тут завязался между нами спор. Я ссылался на *Чин принятия иноверцев*, в котором отрекшимся от Христа и раскаявшимся предписывается только св. миропомазание; ставил на вид различие между самозванством на мучения и между призыванием от Бога на пролитие крови за веру; в пример такого самозванства представлял иеромонаха нашей императорской миссии в Стамбуле Константия, потурчившегося после крупной ссоры с нашим посланником Италинским и потом раскаявшегося на Афоне и обезглавленного турками за *самозванное* отречение от Магомета; ставил в пример Богозванного мученичества рабу Божию Параскеву из города Бруссы, которую турки истязали и замучили неповинно; называл самозванных мучеников жертвами ложного толка афонского, самообольщения и самоуслаждения посмертной славой своей; негодовал на доходную выставку тряпок, веревок, черепов, зубов и костей таких мучеников и в порыве *младокровного* негодования говорил: «Мне больно, мне ужасно думать, что на Афоне совершается жертвоприношение людей».

Маститый митрополит был спокойнее меня. Он не одобрял помянутой выставки, если она делается только для денежных доходов от поклонников, но защищал афонцев и их мучеников, ссылаясь на примеры древних страстотерпцев, которые сами вызывались на мучения и которых церковь вписала в лик святых как *доблестных свидетелей и исповедников Божественной веры христианской* и величая силу их покаяния, горячность любви ко Христу и решимость умереть за Него пред гонителями святой церкви Его.

Предмет нашего спора требовал более времени и многостороннего суждения. Посему оба мы оставили его в стороне. Впрочем, я поведал митрополиту, что отныне подобных мученичеств более не будет, потому что Османская Порта, по настоянию европейских посланников и особенно лорда Каулея, недавно предписала всем поместным властям не лишать жизни христиан потурчившихся и опять обращающихся ко Христу.

На Афоне святость новых мощей узнают по исходящему из них благоуханию. А старые мощи там не все благоухают, если не обманывало меня мое собственное обоняние.

После сего я обратил внимание митрополита на *недогматические* разности между церквами восточной и Российской. На Востоке нередко бывают соборы поместные; у нас их нет. Там весьма много архиереев; у нас их очень мало, для многомиллионного народонаселения. Тамашние митрополиты имеют подведомых епископов; наши ни одного, кроме викариев, с которыми не составишь собора. Там для производства важных дел церковных посылаются *на места сих дел* особые экзархи; у нас почти все дела церковные производятся *заочно*. Там все приходское духовенство – *избирательное*, и потому духовного юношества никогда не было, нет и не будет; в священники избираются и рукополагаются грамотные и благонравные миряне в летах, указанных вселенскими соборами, а не как у нас, – в двадцать лет. На Востоке, хотя и не везде, существуют епархиальные проповедники, *ἱεροκήρυκες*, которые своим даром слова заменяют неумение приходского духовенства проповедывать слово Божие; почему бы и у нас не установить особых *пресвитеров учащих*, которым, по апостолу, *подобает сугубая честь*?¹²⁶ Там особые духовники исповедуют люд Божий и, как говорят тамашние, *зарабатывают епитрахилью*, переходя от села до села; почему бы и у нас не установить их? Там нет дьячков и пономарей: их заменяют поселяне и горожане и потому в каждой деревне, в каждом городе дети обучаются грамоте. Словом сказать, есть значительная разность в церковном управлении на Востоке и Севере.

Митрополит гласно одобрил избирательность духовенства, а о прочих предметах умолчал.

Я продолжал: «Во всех восточных церквах божественная литургия совершается несколько иначе, нежели у нас. Не говорю о том, что во время священнослужения патриархов, ни митрополиты, ни епископы не носят митр, а покрываются своими кукулями и становятся на линии священников по обе стороны престола. Не говорю о том, что там всегда поются литургийные псалмы *Благослови душе моя Господа... и Хвали душе моя Господа...* Умалчиваю и о том, что восточные архиереи на горнем месте трижды поют на оба лика стих: *Господи, спаси благочестивые и услыши ны*, и потом каждый порознь распевает [тут] весь титул своего патриарха. Умалчиваю и о том, что архиереи, во время пения *Святый Боже...* дважды знаменуют святое Евангелие, сперва дикирием, а потом трикирием, и держа их в деснице и шуйце [без креста, напоминающего монофизитскую прибавку к *Святый Боже – Распныйся за ны*], молятся троекратно: *Господи, Господи, призри с небесе и виждь и посети виноград сей* и проч. Не останавливаю вашего внимания и на том, что большой выход с дарами совершается весьма торжественно по всей церкви с крестом на длинной рукояти, со свечами, кадилами, рипидами, мощами, а народ сгибается в дугу, крестится, бьет в перси свои, прикасается перстами к священникам и гудёт: Κύριε ἐλέησον· μνήσθητι ἡμῶν Κύριε ἐν τῇ βασιλείᾳ σου = *Господи, помилуй. Помяни нас, Господи, во царствии Твоем*. В эти минуты такие соборные моления так и подмывают душу, и как волны корабль, возносят ее горе. Замечаю мимоходом, что на Востоке Символ веры нигде не поется, а везде читается, и что моление: «*Во первых помяни, Господи, имя рек*» произносится всеми служащими, сколько бы их ни было, как бы присяга. Но поведаю вам то, что особенно поразило меня, как будто я слушал иную обедню. Во-первых, после возгласа «*Станем добре*», вся служба совершается почти безмолвно; только один голос певца речитативом, негромко произносит: *Милость мира... И со Духом Твоим... Имамы ко Господу... Достойно и праведно есть... Поклоняются Отцу и Сыну и Св. Духу*, – не говорят. Песнь Богородице поется, а *Отче наш* читается. Зато все внимание молящегося народа устремлено в алтарь; и он, так сказать, сослужит с иереем или епископом. Это сослужение его почитается так важным, что никому не дозволяется иметь в руках молитвенника во время богослужения. Во-вторых, призывание Св. Духа совершается так, как положено в Служебнике; наших прибавок *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа... Сердце чисто созижди во мне, Боже...*¹²⁷ и проч. нигде не слышать. Откуда же мы взяли произносить эти прибавки, эти стихи, прерывающие смысл литургии?

На этот вопрос митрополит отвечал: «Есть правило, заповедающее иерею входить в дух молитвы. А это вхождение всего лучше совершать словами Св. Писания. Посему-то при молитвенном призывании Св. Духа на дары произносятся стихи из сего Писания.

Ответ его показался мне ухищренным. Я хотел было возразить ему, что вхождение в дух молитвенный нужно и на Востоке; однако, там сего не делают, а во всю обедню разгораются от молитв Иоанна Златоустого или Василия Великого, но запретил уму своему возражать и только сказал владыке: «На Афоне, в монастыре Есфигменском, мне удалось найти рукопись, в которой подробно изложен чин литургии Филофеем, патриархом константинопольским; тут призывание Св. Духа прописано с нашими прибавками. Итак, не перешел ли к нам этот чин из Константинополя? Не удержала ли его одна Русская церковь, как удержала праздник Покрова Пресвятой Богородицы, тогда как все прочие церкви православные остались с чином литургии древним и без этого праздника?»

– Возможное дело, – проговорил митрополит.

Внимание ко мне уважаемого иерарха подстрекало мою говорливость и я высказал ему свои наблюдения над зодчеством старинных храмов на Востоке и свои замечания о тамошней живописи церковной.

– Во время путешествий, – говорил я, – любознательность побуждала меня внимательно осматривать старинные храмы, уцелевшие, полуразвалившиеся и запустевшие и чертить их планы. В Фиваиде я видел два храма, сооруженные Св. царицей Еленой, в двух опустевших монастырях, *белом и красном*. Это – два длинные параллелограммы с двумя рядами гранитных колонн, из коих многие еще стоят на своих местах, но без капителей, карнизов и потолка; восточная часть этих параллелограммов оканчивается архитектурным крестом. Куполов на них не было, а гребенчатая кровля провалилась. Есть сходство у этого храма с Вифлеемским собором. В Синайской обители главный [соборный] храм, построенный из местного гранита благоверным Иустинианом, есть такой же параллелограмм с двусторонней мраморной колоннадой, с гребенчатой кровлей без куполов и с конусным фронтоном; но к стенам его,

северной и южной, во всю длину их, примыкает несколько сплошных приделов, которые ниже середины храма, получающего свет из окон, устроенных в стенках, покоящихся на колоннадах. Так как вся эта середина выше боковых продольных приделов, то весь храм снаружи имеет вид пирамидальный. Главный алтарь его не составляет восточной оконечности здания; ибо за ним непосредственно сооружен малый придел Св. Купины с полукруглым алтарем без иконостаса. Придел этот – приземист так, что срединное окно соборного алтаря выше кровли его.

К месту Купины под св. трапезой подходят босыми ногами чрез узенькие средостения (коридоры), находящиеся по обе стороны названного алтаря. План Иерусалимского храма и рисунки его, полагаю, вы видели. В нем мне нравится двусоставность его. Это храм в храме; вокруг Воскресенского отдела его, между двумя стенами, ходишь свободно и останавливаешься пред [разными] открытыми алтарями: тернового венца, Лонгина Сотника и другими, устроенными во втором полукружии за главным алтарем. Прекрасная мысль соорудить двойные стены в соборах, в которые стекается множество народа! При таком расположении их, можно слушать тут богослужение на всех четырех сторонах. В палестинских селениях, Абогош, ел-Бир и Джифне¹²⁸ я видел три храма, построенные *в виде ковчега*. Вообразите небольшой параллелограмм, без архитектурного креста, с одной дверью в северо-западном углу, с немногими, узкими и длинными окнами в толстых стенах, а на плоской кровле – как бы мезонин во всю длину параллелограмма с окнами, без купола, без глав; внутри его представьте себе два ряда столпов, на которых утвержден мезонин и три полукруглые углубления для алтарей, сделанные в восточной толстейшей стене, снаружи ровной; и вы поймете этот вид архитектуры (Для уяснения сего предмета начертил я план его). Впрочем, сии три храма не очень древни. Я отношу их ко времени крестоносцев. Ибо стрельчатость свода дверей, узость окон в толстых стенах и многокарнизная огибность западного окна в мезонине суть несомненные признаки зодчества средневекового, латинского.

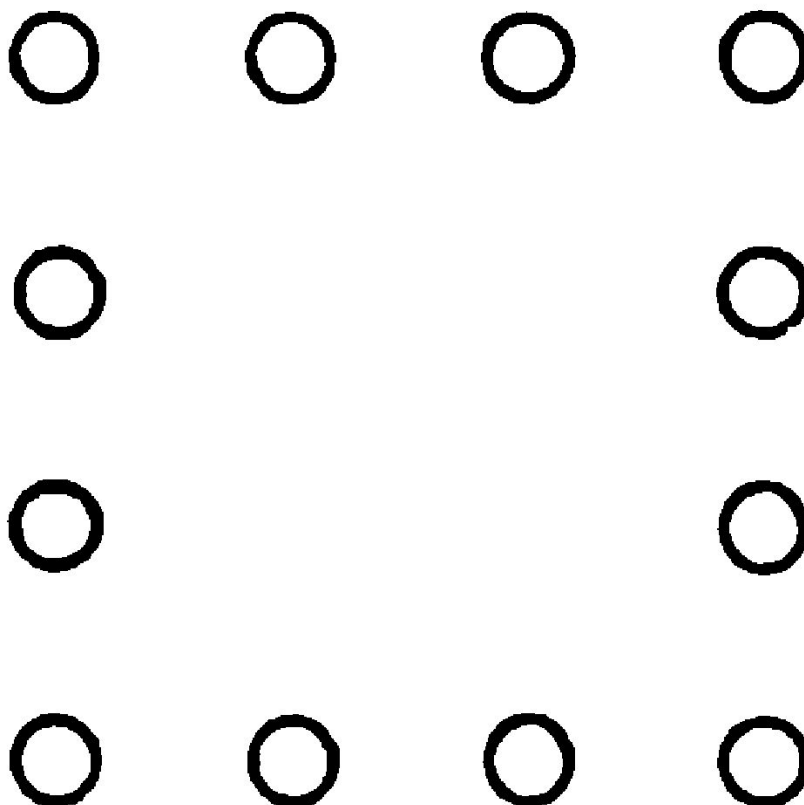

Рис. 3. Храм в виде ковчега.

Старинная византийская архитектура не знала стрельчатых сводов. Их выдумали арабы. Но как бы то ни было, а храмы в виде ковчега, напоминающие нам плавание к небесному пристанищу, весьма пристойны для сел, да и дешевле бы стоили без куполов и глав, а при боковом входе в них ни клир, ни народ не получали бы простуды или насморка от сквозного

реяния воздуха чрез западные двери. Удлиненные базилики с колоннами и архитектурными крестами пригодны для кафедральных соборов, в кои стекается множество народа и в коих могут быть вселенские и поместные собрания епископов. На Афоне, – продолжал я без отдыха, – любимы церкви многокупольные. Они красивы. Любо смотреть на них. Старейшие из них имеют две замечательные особенности. Двум боковым отделениям главного алтаря, т. е. жертвеннику и диаконикону, вывершенным куполами, в западной части церкви соответствуют, прямолинейно или немного выдавшись вбок, два придела также с куполами. Вот первая особенность. Такое зодчество мне нравится. Пять куполов, включительно со средним большим, венчают храм и представляют из него группу, приятную для глаз. А западные отдельные приделы, поставленные у выхода из церкви, весьма удобны для [ранних обеден] нарочитых служб и треб [у нас были бы нужны для разных треб], наипаче в наших многолюдных городах, где приходится крестить, или венчать, или отпевать кого-либо в часы литургии, или вечерни. Что касается до второй особенности, то под нею я разумею устройство трех восточных алтарей в виде греческой старинной дельты.

– Как это? – спросил меня митрополит с заметным любопытством.

– Тогда я взял лист бумаги и карандашом начертил дельтообразные алтари.

– Весьма любопытно, – говорил владыка, смотря на мой чертеж, – я никогда не видел таких алтарей и не слышал о них.

– Такие алтари, – продолжал я, – придуманы были самыми древними зодчими византийскими. На Афоне я видел их в Ватопедском монастыре, основанном в конце четвертого века, в Богородицком ските русском и в развалинах подле обителей Есфигменовой и Пандократорской. В Царьграде храм Св. Ирины, построенный Константином Великим и обращенный турками в арсенал, имеет подобный алтарь. Три линии дельты напоминают три лица Св. Троицы.

Рис. 4. Храм с дельтообразными алтарями.

– А были ли вы в Святой Софии? – спросил меня владыка.

– Был, удивлялся зодчеству сего храма и благоговейно чтил память строителя его Иустиниана и архитектора его.

– У меня есть рисунки сего храма (их подали нам). Походят ли?

– Достаточно верно сняты с предмета. Но иное дело видеть картинки и иное быть в Св. Софии и любоваться ею. Какой там обширный купол! Он распростерт как небо и сливается с храмом, как горизонт с морем или землею. Что пред ним наши купола с длинными шеями? Опрокинутые стаканчики пред [опрокинутым] котлом, поставленным [на попа] вверх дном. Накрыть храм небом, вот мысль – так мысль! вот смелость – так смелость! И это небо утвердить на четырех арках в знамение четырех стран света, вот дело – так дело! Все прочее в Св. Софии симметрично и изящно, начиная с алтаря, устроенного в виде наветренных парусов. Весьма обширны, длинны и светлы там вверх отделения для женского пола, утвержденные на разноцветных мраморных колоннах, по обе стороны церкви и супротив алтаря. А всходишь туда не по лестнице, а по мало-наклонной плоскости без ступеней. В левом бабинце заметна закладенная дверь. Народная молва гласит, что за этой дверью в приделе совершаема была литургия в то время, когда турки ворвались в Св. Софию. Они умертвили священника пред самым произношением слов: *Приимите, ядите, сие есть тело мое*, но в испуге от некоего явления убежали, потом заложили дверь. С той поры никто никогда не открывал ее. Молва прибавляет, что когда русские возьмут Константинополь, тогда дослужат тут обедню. Странное поверье! Но оно сбудется. Русские освятят мечеть Св. Софии. Это и морякам нашим мерещится. Встречаясь со мной в Константинополе, они указывали мне эту мечеть и говаривали: Батюшка, пора нам освятить Св. Софию. Это предчувствуют и выражают и сами турки. «Мы, – говорят они, – в Европе стоим лагерем, а когда уйдем, место наше займут голуби».

В Св. Софии нет и не было никакой живописи; уцелели одни крылатые серафимы мозаичные, под куполом, на тех местах, где мы изображаем евангелистов.

Вообще на Востоке почти не видать древней живописи. В Египте, Сирии и Палестине нет ни одной старинной иконы. И неудивительно это. Ибо еще халиф Езид II (721-723 г.), которого один еврей уверил, что он проживет лишние пятнадцать лет, ежели истребит все св. образа у христиан, истребил их там в церквах, в домах и даже на священных сосудах и облачениях. Только на Синае, в соборном храме тамошнего монастыря, уцелело в алтаре колоссальное мозаичное изображение Св. Купины с Моисеем и Преображения Господня, составленное во дни царя Иустиниана благоверного, да на Афоне в Лавре, Ватопеде, Ксенофе, Зографе можно видеть старинные образа мозаичные и живописные. Я не художник, и потому не могу точно и цветисто словами изобразить вам святогорское иконописание, но, по крайней мере, выскажу вам свои замечания о тех сторонах сего искусства, кои мечутся в глаза, и говорят воображению и рассудку человека.

Почти во всех церквах на Афоне стенная живопись размещена в одинаково непреложном порядке. В алтарном полукружии изображены творцы литургий с хартиями, а над ними Богоматерь Платύτέρα = *Ширшая небес* с Божественным Младенцем у персей; в небе купола – Господь Вседержитель, а ниже, между купольными окнами, – литургия, служимая ангелами, которые в священных [иерейских и диаконских] облачениях совершают великий выход: одни несут дикирии и трикирии, другие – плащаницу, иные – рипиды, кто – дискос, кто – потир; над двумя колоннами пред иконостасом, кои поддерживают купол, выше капителей их, на каменных столпиках видны Пресвятая Дева Мария и благовествующий ей архангел; в полукружиях архитектурного креста нарисованы мученики в разнovidных панцирях [шлемах], с мечами, копьями, стрелами, все на ходу к бессмертию, а над ними Распятие, Снятие со креста, Преображение, Вознесение, Крещение Господа, на остальных стенах – преподобные отцы; на западной стене – здатели монастырей, а на паперти – апокалипсис или псалом *Хвалите Господа*, – все в лицах.

Все лики изображены прямые и благоговейные. Видно, что они предстоят пред Богом. Выражение их сановито и даже сурово. Есть лики Спасителя и Богоматери *невзрачные*. Сначала я не понимал: почему греческие иконописцы изображали их такими и думал было, что они придерживались древнего мнения некоторых христианских писателей, будто И. Христос был не благообразен, мнения, основанного на словах пророка Исаии¹²⁹: *вид его бесчестен*; но отринул эту мысль во-первых потому, что такое мнение не могло же быть у всех иконописцев, во-вторых потому, что в греческих рукописях от 10 до 15 века лики Господа, Пресвятой Матери Его, апостолов и святых нисколько не суровы. Наконец блеснула во мне вот такая мысль: так как иконописание начало усиливаться наипаче после иконоборства, во время процветания монашества, то степенные, благоговейные, постные и суровые лица святых подвижников и задали тон всей церковной живописи. Эта мысль [наслоилась] во мне [твердо] окрепла.

Старинную иконопись греческую я называю *линееочертательной*. Лики нимало не выдаются из полотна. Видишь не тело, а что-то напоминающее о теле. Видишь некий [темный] зрак, который манит тебя на небо; и потому, не развлекаясь никакой картинностью, молишься пред ним. Линеоечертательность св. образов более согласна с духовным христианством, нежели выпуклая телесность, пристойная идолопоклонству.

Заметно большое сходство святых ликов, писанных разными художниками в разных местах и в разные времена. Это объясняется *уставными книгами иконописи*, в которых подробно показано: кого как надобно изображать, в каком одеянии, какого роста, какого возраста, какого цвета и проч. Цвет пшеничного зерна признан образцовым для ликов.

– Какие уставные книги разумеете вы? – спросил митрополит.

– Лицевые святцы греческого царя Василия Порфирородного и так называемую Ерминию Дионисия Фурноаграфиота, составленную им в начале осьмнадцатого века, – ответил я и продолжал: В воображении и памяти моей живо напечатлелись некоторые св. образа, замечательные по замысловатости или [художественной] исторической достоверности. В Афонской Лавре мне показывали небольшую икону, принадлежавшую царю Иоанну Палеологу. В середине её воскомастичной мельчайшей мозаикой изображен Иоанн Богослов, а на окраинах представлены все те святые, которые назывались Иоаннами. Тут Богослов приставил к своим устам указательный перст свой, потому что он, и только он, изрек: *В начале бе Слово*. Помнится, в церкви Афонохиландарского монастыря высоко, на стене, изображено Снятие Спасителя со креста; рядом с этой картиной видна погребальная пещера; в ней каменщик иссекает мертвенное ложе, а Иоанн Богослов, наклонившись к нему и простерши к ложу указательный перст свой, что-

то говорит [приказывает ему] ему; думается, что он говорит ему: *Бог не есть Бог мертвых, а живых*. Тут же изображено и Воскресение Спасителя: убрус его лежит особо, а спеленанная плащаница целехонька [так что Воскресший вышел из пелен, как выходит летучка из хрисалиды]. Весьма замысловато изображение хвалебного псалма¹³⁰. Все стихии, даже мороз, иней, дух бурен, горы, деревья, животные, девы с юношами в одной группе, старцы, цари, всё и все представлены в свойственном каждому виде хвалящими Бога. Это – эпопея всемирного благодарения Творцу и Промыслителю. Она весьма удачно изображена в монастыре Иверском. Я часто останавливался пред нею и любовался особенно группой девиц и юношей, кои нарисованы с едва заметной разностью полов во всей красоте их и невинности. Но в одной церкви Лавры эта же самая картина недавней кисти потешила и даже насмешила меня. Царь Давид сидит на завалинке, сложа ногу на ногу и играет на арфе; подле него трубачи трубят, что есть мочи у них; барабанщик наявливает огромный турецкий барабан, а юноши и девицы в кисейных воротеньках и турецких шароварах хороводом пляшут вприсядку.

Митрополит рассмеялся, а скромный ректор захохотал.

Припоминаю картину в Ватопедском соборе, замечательную по особенному рисунку её. Это – Вечеря Господня. Вокруг овального, приземистого, стола, на котором видны, кроме хлеба и чаши с вином, снеди и овощи, сидят апостолы по восточному обычаю, так что ног их не видать; разнообразны позы их, например, один приставил к челу своему указательный перст, другой подгорюнился, Иуда, выпучив глаза свои, привстал и протянул руку в солило; а сам Господь со свитком в руке сидит в челе стола, но боком к нему, так что Иоанн как раз очутился у сердца Его, Петр же у колен Его (Для наглядности сам я сел, сходно с картиной, у конца стола, а ректора попросил склониться к моему сердцу).

Достоин внимания и то, что Афонские отшельники, непускающие женщин на Св. гору свою, любили изображать в своих церквях семейные добродетели и занятия. Представляю вам примеры. Иоаким и Анна угощают левитов и священников, пестуют Марию и любят её. Пресвятая Дева слушает благовестие архангела с веретеном в руках, прядущая червленицу для храма. Спаситель и Матерь Его присутствуют на браке в Кане Галилейской. Апостолы Петр и Павел обнимаются и лобызаются после примирения. Весьма семейна икона Богоматери, питающей Младенца своего сосцем *обнаженным*. Умилителен образ Её, называемый *Сладкое целование*, – Γλυκοφυλοῦσα. Матерь и Сын лобызуют друг друга. Эти картины и иконы внушили мне мысль дать новое направление церковной живописи, так чтобы она была семейная и общественная, а не монашеская только. Домашние добродетели и общественные доблести послужат превосходными и назидательными предметами для храмовой живописи.

Рассказаны были мною некоторые любопытные отрывки из истории Афона *царского и патриаршего*, о поселении на Афоне трехсот семейств валахских среди монахов царем Алексеем Комниным и соблазнах от них, об украшении клобуков и мантий Афонцев разноцветными лентами пред причащением Св. тайн и о прекращении такой моды царским приказом и проч. Говорил я и о настоящем состоянии Св. горы, повторяя то, что сообщаемо было нашему посланнику в Константинополе и преосвященному Иннокентию в Харькове¹³¹.

Что касается до Синая, – продолжал я, – то тамошний монастырь и ныне, как и прежде, есть место покаяния и молитв, приют для поклонников и житница для местных бедуинов. Он так же, как и Афон, и Сион, высылает в мир несколько милостынесобирателей. Это – миссионеры, которые поддерживают православие в Турции простым словом, исповедью, водосвятиями и мощами. Лет за 70 или 80 от нашего времени, в индийских городах Бомбее, Дакке, Нарингенсе, Калькутте составились греческие торговые общества и туда с Синая посылаются иеромонахи для богослужения. Синайская обитель Св. Екатерины владеет богатыми имениями в Валахии и Молдавии. Но господари сих княжеств, по уверению синайского архиепископа Константия, утесняют ее. Этот архиепископ говорил мне, что преосвященные предстоятели всех Св. мест недавно просили помощи и защиты у нашего Св. синода касательно принадлежащих им в княжествах имений и что Синод передал их прошение в наше министерство иностранных дел, а оно уведомило о сем посланника Титова. Титов же дал почувствовать всем восточным иерархам, что мимо его не надлежало бы им утруждать Синод наш прошением. Константин винил всех вас, владыка святой, и называл бессильными, даже нравственными нулями.

Услышав это, митрополит так же, как и Харьковский архиепископ, извинялся тем, что по установленному порядку Синод должен был передать в министерство прошение восточных братий. Но я возразил ему: «Восточные очень хорошо знают тот путь, которым должны доходить

просьбы их до Синода. Если же они миновали этот путь и другой дорогой доставили туда свою просьбу, то Синоду надлежало бы догадаться, что, видно, плоха надежда восточных на наше иностранное министерство, и следовало бы помочь им мимо сего посольского приказа или положить их прошение под красное сукно, дабы скрыть свое бессилие». Владыко взглянул на меня значительно. Я прикусил свой язык и, желая выпутаться из своей же сети, заговорил о коптах, об иерархии и о монастырях их, о великопостном житии монахов египетских и о чаянии их, что все грешники на том свете будут помилованы Богом. «Учение Оригена, – досказал я протяжно, – еще живо в Египте». Таковы были последние слова мои.

Митрополит, прощаясь со мной, выразил мне свое удовольствие, с каким он слушал мое благовестие о Востоке, (и) сказал ректору: «Что и что еще узнаете от дорогого гостя, расскажете нам после» и пригласил меня участвовать в крестном ходе вокруг Кремля в воскресенье, по случаю воспоминания об изгнании Наполеона из Москвы. Я выразил ему свое согласие.

Дорогой отец ректор сказал мне: «Вы очаровали владыку. Никогда и ни с кем он не сидел [так] долго после обеда. Вы обаяли его своими рассказами».

– В этот раз, – ответил я, – речь моя была полна и правильна от того, что несколько раз приходилось мне говорить о Востоке в Константинополе у посланника нашего¹³², в Одессе у друзей¹³³, в Харькове у преосвященного Иннокентия. Бритва чем более точится, тем острее становится; так речь, чем чаще повторяется, тем более совершенствуется».

Примечание. В настоящем дневнике моем изложено только главное содержание моей беседы с митрополитом. Не всякое же слово в строку!

12, Суббота. Красно написал Стурдза свое *Воспоминание о Карамзине*¹³⁴. И в этом небольшом сочинении, как и во всех творениях его, ощутительно духовное помазание.

Выметки¹³⁵

«Все наши звания и подвиги на земле подчиняются высшей воле и недомыслимому совету Божию о нашем спасении. Книга современного бытия пишется не по размеру наших ничтожных соображений: последний лист в ней закрывается по дуновению Духа Господня. Кто отслужил, тот и отозван путем Креста».

«Гармония созерцательности с деятельностью убеждает нас в первобытном единстве истины и красоты и кладет светлую печать божеского избрания на мысли и труды, на самые страдания человечества».

«Горе тому, кто нечистой жизнью порочит изящество своих умственных произведений».

На дороге в редакцию *Москвитянина* я неожиданно свиделся со своей духовной дочерью Еленой Ивановной Крупениковой, которую оставил в Одессе в 1841 году. Она с братом своим ехала навстречу мне; а я ехал навстречу ей. Она тотчас узнала меня, и я тотчас узнал ее. И мы оба остановились, подошли друг к другу, обрадовались, заговорили среди улицы. «Да что вы тут стоите, – сказал нам брат её; – посторонитесь, на вас наедут». Мы посторонились. Раба Божия намянула мне о продолжении своих домашних страданий. Раб Божий, молча, указал ей небо.

– Я пишу повести, – говорила она.

– А я рассказываю свои похождения.

– Вы будете у меня сегодня вечером.

– Ни сегодня, ни завтра, а в понедельник.

Слово дано и принято. Мы расстались. Не знаю, о чем она стала размышлять. А я думал: красота не всегда бывает счастлива на земле, а от ума – горе! Жизнь людей есть странствие. Пути их сходятся, скрещиваются и расходятся. На этих путях они должны заключать такие союзы, которые могли бы продолжаться и в небе. Блаженны те праведники или кающиеся, которые на тернистом рубеже своей жизни слагают с себя тяжелую ношу и легкими, светлыми духами парят к звездам и между ними в бездны вечности.

Сегодня отец ректор показал мне свою благоустроенную семинарию и передал мне слова директора духовно-учебного управления Александра Карасевского: «Эта семинария раскинулась, как московская барыня». А я напомнил ректору о той светившей всем нам лучине, о которой говорил митрополит Филарет в своем слове в день освящения семинарской церкви¹³⁶.

В семинарии я познакомился с инспектором её Кириаковым. Он очень приятен в обращении с людьми; знает много языков; говорит по-французски и по-немецки; по просьбе оксфордского университета и по поручению графа Протасова сверяет оксфордское издание творений Св. Иоанна Златоустого с древней рукописью, хранящейся в московской Синодальной библиотеке; им написаны уже 300 листов вариантов. Верьте после этого западным изданиям святых отцов!

Оксфордский университет предлагал Кириакову за труды десять рублей ассигнациями с каждого листа; но он не принял сего возмездия. Хвалю и славлю бескорыстное служение его науке. Этот труженик показал мне напечатанный перевод нашего новейшего Катехизиса на английский язык с примечаниями на него английских богословов и обещался перевести для меня эти примечания по-русски. Эта услужливость его очаровала меня. Я полюбил его всем сердцем и всей душой. Добродушный и трудолюбивый Кириаков недавно овдовел. Жена его, судя по портрету её, имела тип красоты греческой, но принадлежала к сонму тех прозрачных, хрустальных созданий, кои недолго живут на земле.

13, Воскресенье. Митрополит Филарет служил обедню в Успенском соборе и по окончании её совершил крестный ход вокруг Кремля с многочисленным духовенством. В ходу был и я. Когда мы вошли на лобное место, я взглянул на площадь его. Она зачерпнулась народом! Свинцу негде пролить! Видимо-невидимо! Душа разгорелась святой любовью к Отечеству и к родным царям. Этот огонь превратился в пламень благодарения Богу, спасшему нас от лютого врага. Горю, пламенею и смотря на тьмо-численный народ, так и грянул бы:

Первопрестольная Москва! Град царя Великого! Народ Господень! Где лютый враг наш Наполеон? Где полчища его? В этих стенах перст Божий коснулся чела его не крестовидно, а змиеобразно (черчу на воздухе извивающуюся змею) и ум его помрачился, искусство его исчезло, смелое сердце его оробело. А там, в Петрополе, дух Божий низшел на венчанную главу Александра, озарил, умудрил и укрепил его.

Что же подвигло Господа Саваофа на гнев и милость, на гнев на врагов наших и на милость к нам? Вопль святой Руси взыде в уши Господа Саваофа; и вот Он, Всемогущий, развеял вражьи полчища, как вихрь развеивает солому, сдунул их с лица земли Русской, как пыль с поля, разбрызгал их как капли из ведра. И где их следы?

С нами Бог! Будем же и мы людьми божьими, святыми и крепко да любим свое Отечество и да чтим тех, на которых снисходит Дух Божий, т. е. царей боговенчаных и пастырей благодатствованных.

Вечер я провел у преосвященного викария Иосифа, которого знал еще в 1831 году. Сердечный, он очень тощ и болезнен. Ароматный был у него чай. Занимательна и длинна была наша беседа.

– Восточное духовенство, – между прочим, говорил я, – умело приучить православных мирян к покорности [послушанию] ему. Вот тому доказательства. Повелели цареградские патриархи, по тесным обстоятельствам, читать в алтаре тихомолком моления об оглашенных, дабы сократить литургию; и никто не прекословил им. Вселенский владыка Герман, которого я застал в Константинополе в 1843 году, предписал всем своим архиереям громко сказывать ектении об оглашенных, потому что миновало тяжелое для христиан время; и все, клир и народ, единодушно ответили: да будет. В том же году исправлены были греческие служебные Минеи так, что целые речения прежние заменены в них новыми, будто бы лучшими; и от того никакого раскола, даже никакого волнения не было в клире и народе. Православные в каждом селе и городе своим иждивением содержат приходские училища и гимназии, а в больших городах Константинополе, Александрии, Смирне – больницы и богадельни; своим епископам и митрополитам охотно взносят не только положенный годовой сбор с каждого дома, но и так называемое *φιλότης*, то есть почетный подарок деньгами при каждой смене архиереев. Известно, что цареградские патриархи, при вступлении в должность свою, дают огромное количество денег турецким властям. С кого же они берут их? С митрополитов, а митрополиты с подведомых им епископов, епископы же с народа по раскладке, соображенной с богатством или бедностью епархий. Итак, и в этом случае вся тяжесть взносов падает на народ; но он безропотно несет ее [ради блага душ своих], исполняя долг свой. Пойдите вы, владыка, постучитесь в двери русаков, составляющих вашу паству и попросите себе [святого] годового подаяния или почетного подарка; получите? Дастся вам? Ни. Почему же? Да потому, что наше правительство отдалило народ наш от архипастырей, *давая им скудный хлеб насущный*. Этой ошибки нет в Восточной церкви. Даже тогда, когда еще существовало Греческое царство, и тогда служащие алтарю питались от алтаря, а не от государева казначейства, и были достаточны, имея свои дома и свое хозяйство и живя *народом, с народом и для народа*. Восточные архиереи, обзревая свои епархии, в селах посещают каждый дом и каждую овцу глашают по имени. Такой близостью их к народу отчасти объясняется беспрекословное повиновение им мирян. Во всех четырех патриархатах священники избираются из среды народа и потому народ слушает тех, которых сам поставил своими

вождями, а вожди эти, пользуясь [народным] общим доверием к себе, имеют ту смелость, какой не имеем мы, никем незванные в церковь [семинаристы и академисты], смелость делать нововведения в [уставе церковном] чине богослужения. Но главнейшие причины тесного единения пастырей и паств их на Востоке суть: общее страдание их под игом магометан, сохранение народного языка, самоуважения и упования на лучшую будущность, сохранение всего этого в церкви, заем денег из церковных сумм, ссужаемых за небольшие проценты, и наконец обширные права архиереев. Каждый из них есть не только пастырь, но и судья мирян в делах тяжёбных, могущий наказывать их заключением в тюрьму и ссылкой по усмотрению и ходатайствовать за них у властей турецких. Итак, вера, совесть, благодарность, выгода и даже страх связывают их с духовенством союзом крепким [и послушанием безропо(тным)].

– На Востоке, – продолжал я, – довольно много архиереев. В Палестине, где едва ли есть 20 000 православных христиан, святительствуют, кроме патриарха, восемь архипастырей. В Сирии на 70 000 православного народонаселения считается десять-одиннадцать иерархов. Константинопольскому патриарху подведомы предстоятели 150 епархий. Итак, Восточная церковь есть как бы многоочитый херувим. А в нашей церкви, издревле, весьма мало очей. Не могу постигнуть: почему вселенские патриархи, окрестив Русь, не дали ей многих епископов. Ведь, русские тогда не были кочевники: у них существовали города Кострома, Ярославль, Углич, Галич, но без архиерейских кафедр. Ужели наши князи и бояре опасались или не терпели епископов? Не знаю. А нужно было бы у нас увеличение числа святителей Христовых [для равновесия с дворянством, для отстаивания свободы крестьян] для проповеди, для искоренения расколов и ересей, для [поместных] митрополитанских и [общероссийских] общеепископских соборов, которых задача состоит в упрочении евангельской нравственности народа, в соглашении государственного законодательства с правилами святых Вселенских Соборов, даже в уменьшении нищеты в роде христианском и сопряженных с нею бедствий, посредством выдела бедным части церковных доходов. По моему расчислению, в России должно быть столько епископов, сколько есть уездных городов, и столько архиепископов и митрополитов, сколько насчитывается городов губернских и столичных.

– Да откуда же взять содержание их? – спросил викарий.

– [Я ответил:] Наделите их землями и другими угодьями, а народ законодательно заставьте вносить им [20 или] 25 коп. в год не с души, а с семейства; тогда епископ уезда, в котором найдется 20 000 семейств, получит 5 000 руб. Этой суммы, при угодьях, достаточно для годового содержания как его, так и состоящих при нем надобных лиц. Само собой разумеется, что епископские 25 копеек уже не должны быть взимаемы в казну. Церковные же доходы свечные, венчиковые и другие пусть остаются собственностью городских и сельских церквей.

Викарий возразил: но вы знаете, что эти доходы идут на содержание духовных училищ, семинарий и академий?

– Знаю, но желаю и требую, чтобы у нас не было этих лишних учреждений.

– Лишних? Но откуда же вы возьмете священников?

– Оттуда, откуда выбирали их апостолы и откуда избираются они и теперь на Востоке, то есть из среды грамотных, честных и *закиточных* поселян и горожан.

– Но они не умеют проповедывать Слова Божия?

– А разве все священники проповедовали в церкви апостольской? возразил я. Не все. Припомните: апостол Павел отличал пресвитеров священнодействующих от учащих и этим придавал *честь сугубую*¹³⁷. Пусть же и у нас будут особые пресвитеры учащие, и только учащие, но не совершающие никаких треб. Они будут проповедывать в городах и селах. Одного проповедника достаточно на десять сел. Жалованья же каждому дать из казны 1 000 руб. в год!

– Стало быть, все-таки нужны семинарии и академии для образования проповедников?

– Я переименовал бы их в *училища благовестников или проповедников*, поместил бы в них небольшое число *готовящихся* к проповеданию [так], например, 25 человек для пяти епархий, предполагая, что на первый раз из наличных священников найдутся способные проповедывать тысячи две-три, и дал бы этим готовящимся направление вполне духовное и даже одежду духовную. Из сонма их Дух Божий избирал бы и епископов достойных.

– Прекрасно. Но семинаристы все-таки образованнее ваших грамотных поселян и, следовательно, достойнее алтарей.

– Владыка! Алтарей достойны не кимвалы звенящие [а больше же молчащие], а такие христиане, которых вера, благочестие и добродетельное житие красноречивее всякой проповеди.

Но таковы ли семинаристы, – эти новички в добродетелях, состарившиеся в пороках еще во время обучения?

– Здешняя семинария благонравна, – сказал викарий.

– А белгородскую ректор её называл мне буйной [и высказал, что честная чета поздним вечером не может спокойно возвратиться домой с дальней прогулки, побаиваясь, как бы не разлучили ее семинаристы]. Когда учреждена была семинария в Одессе, тогда отчислили в нее духовных воспитанников из Екатеринославля и Кишинева. Я принял их, но скоро узнал, от семинарского врача [что он лечит их, разумеется, не всех, от венерической болезни] нечто такое, о чем и говорить не хочется.

После минутного молчания я продолжал: Наше духовенство есть каста, и как каста имеет приращенные пороки. Ежели в среде его и являются блестящие дарования, то сила их ослабляется узким образованием и направлением душ в одну сторону, – к колокольням. Наставники семинаристов и академистов большей частью малосведущи и вялы, а которые побойчее и повольнодумнее, те дают им зачатки ложного знания и губят в них веру, насажденную благочестивыми матерями их. У кого из них есть природное красноречие, у того оно, стесненное школьными формами, правилами, или немеет, или не имеет сильного влияния на общество, которое может быть чаруемо, увлекаемо, спасаемо не искусственными хриями и силлогизмами, а словом естественным, живым, пламенным как огонь, шумным как дубрава, благоухающим как цветник, словом разумным, сердечным, таким, в котором слышится глубокое знание человеческого сердца и духовных потребностей общества. А семинаристы и академисты наши, отдаленные от общества, разве имеют такое знание?

В христианской церкви никогда не существовала левитская каста. Святые отцы и учителя сей церкви, Дионисий Ареопагит, Игнатий Богоносец, Дионисий Александрийский, Тертуллиан, Киприан, Иоанн Златоустый, Василий Великий, Григорий Богослов, Августин и прочие и прочие не были поповичи и не от отцов своих наследовали алтари и кафедры. Николай Чудотворец, Спиридон Тримифунтский, Лукиан пресвитер и мученик не учились в таких академиях, каковы наши. И в Русской церкви, до учреждения семинарий, были же священники и архиереи. Но откуда Бог возводил их на спуд, да светят миру? Из семейств мирских.

Когда православные христиане не сами избирают своих пастырей, а равнодушно принимают их из среды поповского сословия, которого духовные недостатки им известны, и когда они видятся с ними только в те часы, в кои нужны им кадило, кропило, деревянное масло, заступ могильный, тогда они утрачивают дар и навык узнавать потребных им вождей духовных, вождей мудрых, святых. А такой дар [и навык] существовал в древней церкви и опытами, позвольте сказать, изощрялся. Амвросий Медиоланский был солдат-губернатор; но народ провидел в нем руководителя к небу, и не ошибся. Благоверный Иустиниан послал графа Ефрема в Антиохию восстановить упавшие от землетрясения стены сего города, а тамошние христиане [узнали] провидели в нем учительного и святого пастыря и возвели его на святительскую кафедру. Жалею об утрате такого предвидения.

– По вашей идее, – заговорил викарий, – духовенство должно быть избирательное. Куда же нам девать семинаристов, дьячков, пономарей?

– Живые пусть живут, а по блаженном успении их вечный покой подаждь им Господи. Вместо же их пусть читают и поют в церквях прихожане, как это ведется у матери нашей церкви Восточной. Что касается до семинаристов, то им найдутся места при архиерейских кафедрах, нуждающихся в даровитых проповедниках, в монастырях, в судилищах, в медицинских академиях, в университетах и полках. Что делать! Лихорадка лечится горькой хиной.

– Ваши идеи произведут полный переворот в нашей церкви.

– Но не такой, какой произойдет в ней от сокращения у нас числа приходов и духовенства.

– Это сокращение предпринято с доброй целью.

– С какой?

– Хотят улучшить быт духовенства назначением ему денежных окладов и этим способом обратить его к исполнению прямых обязанностей его.

– Итак, наше духовенство будет иметь золото и серебро; но, богатое, сможет ли оно [тогда] исцелять больных? – сказал я улыбаясь. От лени и гордости сытого попа, а также в случае болезни его самого, либо жены, либо детей его, младенцы будут умирать без крещения, а хилые старцы и недужные без напутствия св. причастием, *в отдаленных от его села деревнях*. От сего

произойдет охлаждение к нему паствы, а за охлаждением последует обращение её в раскол или ересь. Размножение же отщепенцев не опасно ли для целостности церкви и империи?

– Боже сохрани нас от этого зла.

– Ужели все святители наши согласны на уменьшение числа нашего духовенства?

– Каменец-Подольский архиепископ Арсений просил Св. синод оставить приходы в епархии его в прежнем числе в предотвращение пропаганды католиков. Просьба его уважена.

– Светлый ум у него! А скажите, владыка, как распространяются у нас ереси?

– Очень просто, но удачно. Есть у нас ремесленники, которые ходят по деревням и целые месяцы работают там на семьи. Ежели ремесленник еретик, скажем, духоборец, то он принимает на себя личину степенности, благонравия, набожности. Случится: в доме, где он работает, кто-нибудь скажет гнилое слово, или напьется пьян, или поссорится с кем; он начинает вздыхать, молиться, увещевать словами Св. Писания. Сначала не обращают на него внимания, а во второй и третий раз уже слушают его с любопытством. Благосклонность семьи выиграна! Начинается сеяние плевелов.

– Так вот кто у нас апостолы! Портные, сапожники, ковырятели лаптей! Кто же преодолеет их в деревнях и деревушках, находящихся в глуши, когда у нас будет еще менее духовенства?

– К сожалению, наши помещики хотя не хотя прикрывают ереси мужиков своих, боясь лишиться их в случае доноса на них. Ибо их могут угнать на поселение в Сибирь.

– Итак, этими тайными путями ереси расползутся по всей России? Жаль. Но не скорбеть об этом надобно, нет; надобно зажечь многочисленные светильники в нашем отечестве. У нас во тьме шастают дивии звери, ища добычи себе. Хотите ли истребить их? Приготовьте многих духовных пращников.

Затем говорил я о восстановлении у нас патриаршества, о соборовании многочисленных епископов, об упразднении духовных правлений и консисторий и предоставлении судебной власти одним архиереям и советам при них, состоящим из лиц мирских и духовных, о возвращении имений епископиям и монастырям, об упразднении министерства народного просвещения и учебного чиновничества и о подчинении всех училищ Патриарху и Синоду его, о сооружении храмов Божиих в каждой деревне. Но не всякое слово в строку.

14, Понедельник. Вечером у Крупениковой я познакомился с Загоскиным, автором *Юрия Милославского*, *Брынских лесов* и проч., и с Вельтманом и женой его. Загоскин читал нам свою безделушку: *Поездка в Симонов монастырь*. А я в свою очередь хвалил нравы синайских бедуинов и моды их жен, многие обычаи арабов и особенно обычай женихов давать приданое невестам своим, их гостеприимство, уважение к женскому полу, целомудрие и недопущение развода между христианскими четами; после чая же за столом, ломившимся под разными плодами, кстати рассказал египетские повести о происхождении арбуза и розы.

Миловидная и умная хозяйка при прощании обязала меня изредка переписываться с ней по-прежнему.

15, Вторник. Прощай Москва! Еду в Петербург.

В бытность свою в Белокаменной я три раза виделся с Илиопольским и Ливаногорским митрополитом Неофитом, присланным к нам за сбором милостыни еще в 1843 году. Он довольно хорошо говорит по-русски, любит Москву и желает остаться в ней навсегда в каком-нибудь монастыре, если бы отдали его Антиохийскому престолу. Выразив мне это желание, он убедительно просил меня ходатайствовать в Петербурге о приложении какой-либо московской обители названному престолу, но ходатайствовать так, как будто это мысль – моя. Я обещался исполнить его просьбу. Сбор митрополита не скуден. Сорок тысяч он послал в Дамаск на постройку церкви во имя святителя и чудотворца Николая (эта церковь уже готова), а 60 000 положил в Опекунский Совет для приращения процентами. Ему хочется быть в Петербурге; но Бог весть, удастся ли ему это.

Со мною он посылает графу Протасову подробное известие об избиении 250 хасбейских православных христиан коварными друзьями в прошлом году.

Митрополит Неофит не любит греческих архиереев в Сирии за их корыстолюбие и холодность к туземным христианам. Он прав.

Будет ли этот архиерей антиохийским патриархом по смерти Мефодия? Бог весть. Нерасположенность турок к архиепископу Фаворскому Иерофею за то, что он был в России, не пророчит возвышения митрополиту Ливаногорскому. По-моему, этих-то иерархов, посветлевших в России, и надлежало бы возводить на патриаршие престолы. [Но наша политика так темна, как

темны лестница и коридоры в министерстве иностранных дел, которые даже среди белого дня освещаются тусклыми лампами (sic)].

Я в Петербурге.

19, Суббота. Сегодня пред вечерней я приехал в Петербург. На синодальном Митрофановском подворье не дали мне прежнего уголка, которого я просил у г. Сербиновича письмом 11-го октября. Тут архиепископ курский Илиодор с своею челядью раскинулся широко и ясновельможно. Не нашлась мне, труженику, особая келья и в Александро-Невской лавре. Так отеческое начальство заботится о своем избраннике, которого само послало на Восток! Идя по лавре в келью доброго товарища моего по академии, архимандрита Аввакума, я повесил свою голову, начавшую маленько сидеть на многотрудной семнадцатилетней службе, и в облегчение туги своего сердца припоминал слова [Евангелия] Христовы: *лиси язвыны имут, сын же человеческий не имать где главы поклонити*¹³⁸.

В архимандрите Аввакуме я нашел прежнее добродушие и дружелюбие. Уста наши говорили от избытка сердца.

20, Воскресенье. Птицы небесные имеют свои гнезда, звери лесные и полевые свои логовища; даже у червячков есть свои норки. Один я не имею своего уголка. Боже мой! Когда Ты посылаешь ангелов, этих служебных духов, на служение людям, они верно исполняют волю Твою, но, исполнив ее, возвращаются в свои обители, кои Ты дал им по милости и правде Твоей. Эту истину знают просвещенные начальники мои. Но почему не руководствуются ею? [Или потому, что забывают ее в своих небедных [раззолоченных] теремах, или потому что ангелы летят всегда мимо этих теремов; и живущие в них не получают от них святых внушений.

Чернец! Ты – не ангел, – скажут они.

Антонии, Илиодоры, Гедеоны, сиятельные графы и превосходительные чины! И вы же не боги; ибо нет в вас правды, милости и провидения. Долой же с пьедесталов!

Ах! эти мраморные статуи вооружены крепко. Не могу я расшибить и испепелить их. Нет у меня перунов. Но есть алмазное перо. Пишу им на челах их:

«Это – камни, но не те, от которых

Бог может воздвигнуть себе чад».

Целую тебя, перо мое. Письмена твои неизгладимы во веки веков].

Благовестят к обедне. Иду в церковь каяться и благодарить Бога за все.

25, Пятница. В прошедшие дни я, по долгу и обычаю, являлся духовным и светским властям.

Митрополит Антоний был скуп на вопросы. После ударов паралича он затрудняется говорить. А я решился менее рассказывать и более писать здесь о Востоке. Ибо писанье иногда бывает действенное устного слова.

Викарию митрополита, преосвященному Нафанаилу, отдан был мною долг почтения, так же как преосвященному Афанасию, ректору академии. Он высылается [переводится] отсюда в Саратов, как слышно, за то, что домогался быть епископом нашего армейского и флотского духовенства и заседать в Синоде.

Курский и Белгородский архиепископ Илиодор беседовал со мной о настоящем несогласии между Александрийской церковью и Константинопольским Патриархом по случаю назначения Кюстендильского митрополита Артемия на престол евангелиста Марка. В назначении его он видел политическую проделку Порты, нелюбящей египетского пашу. А я уверял его, что Артемий *поспешно* назначен был прежде, нежели Порта сообщила Вселенскому Патриарху избрание архимандрита Иерофея в Каире, подтвержденное Мегметом Али, и присовокупил, что Вселенский владыка и Священный Синод его уже решились уговорить Артемия подать отречение от Александрийской кафедры. Вообще это дело объяснено было мною преосвященному довольно подробно.

Архиепископа полтавского Гедеона не застал я дома.

Олонецкий архиепископ Венедикт спросил меня о состоянии православных церквей на Востоке. Я ответил: «Они подобны трем отрокам, горящим в печи Вавилонской; впрочем, пламя уже не так сильно ныне, как прежде». Беседа моя с ним была непродолжительна. [Я позабавил его следующим анекдотом].

«Было и не было. [У одного властного и зажиточного турка на острове Крите издохла любимая собака. Тогда он позвал к себе местного священника и приказал ему похоронить ее по христианскому обряду. Священник хотя не хотя исполнил его приказание. Узнал это архиерей

местный и запретил ему священнослужение. Бедный злополучный поп припал к ногам турка и, поцеловав полу его кафтана, умолил его идти к владыке и у него испросить ему прощение. Турок положил несколько денег на тарелочку, пошел к архиерею и, входя в комнату его, согнулся в дугу, а тарелочку держал на голове своей. Архиерей увидел па ней деньги и смекнул, что они назначены ему. Когда же турок стал просить его о помиловании священника, он отвечал ему: «Я наказал попа не за то, что он отпел твою собаку, а за то, что меня не пригласил на похороны её». Наказание было отменено, и все были сыты, – и волки и овцы].

К протопресвитеру Музовскому я не ездил, а обер-священника Кутневича не застал дома.

Обер-прокурор Святейшего Синода граф Протасов, против чаяния моего, принял меня холодно. Знать какой-то черный кот прошел между им и мною. Я ожидал, что он скажет мне спасибо за разумное исполнение данного мне поручения в Палестине и будет расспрашивать меня о Востоке. А он с первого раза спросил меня:

– Долго ли вы пробывали в Одессе?

– Месяц с небольшим. После утомительного путешествия по морям и суше я позволил себе отдых в ожидании починки моей дорожной коляски и присылки пожитков моих из Константинополя.

– Скажите мне, каков мужской монастырь в Одессе?

– Этот младенец развивается туго.

– Все монахи там пьяницы, – сказал граф тоном недовольства.

– Не знаю. Во время моего настоятельства там почти все были трезвы.

– Архимандрит Никодим и после него Израиль отметили их в послужных списках пьяницами.

– Кто же виноват, ваше сиятельство?

– Монахи и настоятель.

– Не виновно ли чье-нибудь постановление [Синода] о монахах?

– Как!

– Постригающиеся в монашество, *по уставу*, дают Богу обет быть во всю жизнь свою нестяжательными; а *по штату* им назначаются денежные оклады из государственного казначейства и выдаются доходы из церковной кружки. Удивительно ли же, что некоторые из них относят их в питейные дома. Сделайте все монастыри строго общежительными, и пьянство прекратится в них.

– Почему же нет пьяниц в здешней Сергиевой пустыне, хотя она штатная? Потому что настоятель управляет ею, как должно.

– Он безвыходно живет в своей обители, а одесский настоятель – в херсонской семинарии. Без начальника же строй не бывает. Притом архимандрит здешней пустыни принимает в нее монахов по выбору; а в прочие монастыри наши поступают слепые, да наказанные архиереями за пьянство.

Граф замолчал и смотрел на меня пристально. Спустя мгновение он спросил меня.

– Как зовут иерусалимского патриарха?

– Кирилл.

– Что вы намерены написать нам?

– Отчеты о церкви Сирийской, о Синае и Афоне.

– Прибавьте замечание о состоянии всей православной церкви на Востоке, да пишите поскорее.

– Одного просил бы я у вас, – времени. У меня много материалов. Они требуют разработки и оценки. Я боюсь ошибок от поспешности.

– По крайней мере, по частям представляйте нам труды свои.

– Слушаю. С этим словом я поднялся на ноги и простился с графом.

Директор канцелярии Св. синода Алексей Войцехович угостил меня ароматным чаем. Но не чай был сладок мне; сладки были вот эти слова его: «Граф Нессельрод отозвался нам о вас с отменной похвалой, когда вы исполнили свое поручение в Иерусалиме. Все мы рукоплескали вам. Потрудитесь еще и еще. За это мы сделаем вас киевским митрополитом». – Я говорил ему, по секрету, о наших консулах на Востоке в тех же выражениях, какие слышал московский митрополит¹³⁹. Теперь сознаю, что я поступил неосторожно. Есть люди на этом свете, к которым когда идешь, молишь и проси Бога: *положи, Господи, хранение устом моим*¹⁴⁰.

Директор Константин Сербинович, по-прежнему, мягко стелет, но жестко спит.

Директора Александра Карасевского вечно нет дома, по крайней мере, слуга его всегда отказывает.

Директор азиатского департамента Лев Григорьевич Сенявин обладал меня. Припомнив, как будто мне следует получить денежную дачу на обратный путь из Иерусалима по высочайшему разрешению в 1843 году, и, сказав мне *твердо*: «Вы исполнили свое поручение *хорошо*», он спросил меня: «Какая награда была бы мне приятна».

– В застенчивости я ответил ему: от Бога и царя все принимаю с благодарностью.

– Нет. Будьте откровенны и скажите, чего бы вы желали.

– Открываюсь вам, что всякая награда будет мне приятна. Одного только не желал бы я, – короны к Анне второй степени.

– А! Вы уже имеете этот орден?

– С 1840 года.

Этот щекотливый для меня разговор кончился. Мы начали беседовать о других предметах. Рассказав ему об алеппских никодимитах, я выразил желание их иметь православного консула вместо еврея Пичиоти. Сенявин вдохнул в себя ливень воздуха, улыбнулся и сказал: «Да этот еврей – не консул; сам он так называет себя, а он не более как малозначащий агент». Этому могучему директору я жаловался на холодность некоторых консулов наших к русским поклонникам. Он надул губу, не знаю на кого, на них или на меня. Опять правое сердце мое было не в ладу с умом моим. Ах! Сынам света трудно быть мудрейшими сынов века. У рыцаря сердце под панцирем, не видно, как бьется; дипломат умеет затаить его движения так, что ничего не прочитаешь на лице его; а инок, алчущий и жаждущий правды, никак не может скрыть волнений своего сердца; из-под власяницы так и видно, как оно бьется, всегда сильно, по размерам веры, любви, надежды, правды.

К знаменитым придворным дамам, Потемкиной, Тизенгаузен и Фредерикс, я не являлся, потому что из азиатского департамента чрез архимандрита Аввакума было дано мне знать, чтобы я не виделся с набожными старушками, которые молятся в дворцовой церкви: *они могут-де сделать насилие министру Нессельроду*. Благоразумие присоветовало мне отложить до поры до времени посещение названных дам. Я про себя рассудил так: кончу деловые записки мои, представлю их предержавным и потом посмотрю: если чего не добудет мое перо, авось приобретет то язык мой в теремах набожных старушек.

Гм! Придворных старушек боится канцлер! Почему бы ему страшиться их, коль скоро он прав пред Востоком? Ан видно, он молится не на восток, а на запад.

26, Суббота. На днях я лично являлся к обер-прокурору Протасову, а сегодня письменно уведомил его о своем приезде в столицу и о составлении отчетов моих и вместе просил его назначить мне дальнейшее служение, а до сего назначения выдать жалованье 1000 рублей за майскую треть настоящего года и впредь выдавать оное прежним порядком, согласно с определением Св. синода.

Сего же дня к нему же препровождено было мною прошение бухарестских болгар о принятии 12-ти юных родичей их в Киевскую семинарию. Да даст им Господь по сердцу их! Болгары – родня нам. По родству и по любви Христовой мы должны сообщить им свет, который озаряет нас и которого у них нет. Тьма им неприятна, губительна. Они жаждут просвещения. Им хочется быть благоустроенным и благополучным народом. Святое хотение, достойное исполнения!

30, Середа. Едва ли кто определил и утвердил границы между правдой и милостью. Вечно они передвигаются по людскому произволу, по требованию обстоятельств, по натиску страстей. Законы должны бы установить эти границы. Но законы даются людьми, а люди ошибаются и, что горше, нарушают свои же уставы.

По правде я просил себе у начальства выслуженного жалованья, а по милости его надеялся получить 1000 руб. и за остальное время настоящего года. Но вышло не то. Вот что объявил мне Сербинович: «Заграничное жалованье не может быть продолжено вам в России. Посему мы предположили дать вам 1000 руб. за весь год».

Во имя правды я возразил ему: «Помилуйте, мне следует тысяча рублей за одну майскую треть года, которую я провел за границей (Директор сморщился). Она уже заслужена мною. Пожалуйте мне то, что Св. синод назначил и государь утвердил. Что касается до остального времени года, то я надеюсь на милость начальства. Директор покраснел, но тотчас затаил сильное волнение души своей и сказал мне неопределенно: «Синод имеет свои расчеты».

Я не понял его и продолжал жалобный напев свой. – «Прошу вас обратить милостивое внимание на мое положение. Трудясь на Востоке, я делал немалые вклады в монастыри и монастырские церкви, включительно с тридцатью коптскими, подавал милостыни бедным священникам и нищим, помогал разноплеменным поклонникам, потерпевшим несчастья в пути и злополучным арабским семействам в Иерусалиме, дорого покупал нужные мне сведения, и таким образом на ближних моих и на достижение указанной мне цели иждивал те тысячи, кои получал от правительства. По моему разумению они принадлежали не мне, а делу моему. Следовательно, я три года служил и трудился почти безмездно. На мою долю отделили лишь немногие сотни рублей, кои требовались на пропитание меня и служителя моего и на небольшое жалование ему. Я даже не шил себе нового платья и белья, а прежнее почти все износилось. У меня остались только две поношенные летние рясы, включительно с той, которую вы видите на мне; а теплую шубу мою украли в лавке портного, которому я отдавал починить ее в Константинополе. От Афона до Петербурга я проехал чрез Валахию и Молдавию без всякой казенной дачи с кошельком своим, который сберегло благоразумие. Здесь, в лавре, потребуют с меня денег за стол и дрова. Наконец, есть у меня беднейшая мать и злополучная родная сестра с малолетней дочерью».

Душа моя возмущалась. Мне было весьма горько. Воспользовавшись молчанием директора, я досказал: «Извините меня великодушно, что я утруждаю вас такими речами. Когда человек стеснен в первых потребностях жизни, тогда он не молчит».

– Почему не говорить? – пробаял директор.

Такова злоба настоящего дня. Не бурю ли я творю? И не превратится ли она в ураган? Что ж? И ураганы утихают, и после них настает тишина. Бог – моя надежда и крепость!

Ноябрь, 1-й день. Наконец мне дали отдельную келью. Сегодня я перешел в нее. Но она тесна, сыра и душна, потому что находится над бессводным погребом, в котором частенько серой обливают горлышки пивных и винных бутылок. Говорят, что меня будет душить серный запах. Терпение! Но вот беда. Приходится спать в одной келье со служителем моим, а он так сильно храпит ночью, что и мертвого разбудит. Если же я не буду иметь и сонного покоя, то не знаю, как стану жить и трудиться. А труда много и труд умственный. О, *me miserum*, о, *me infelicem!*¹⁴¹

О ком благовествовать сначала? О Синае, или об Афоне? Начну с Сирийской церкви. Эта голубица имеет многих птенцов и ей с ними нужны питание и покров. Итак, о ней первой говорю. А те священные горы – *одинок*и, да и увлажняются росой *золотой*.

Господи! Благослови мои труды и подаждь мне мудрость и благий глагол, во еже благовествовати силою мною о святой твоей церкви. Аминь.

4-й день. Мне нужны некоторые сведения о Сирии. Их можно получить от илиопольского и ливаногорского митрополита Неофита. Итак, пишу ему послание.

Письмо это написано смеленько. Что нужды? И на смелые вопросы даются ответы. Семитическое племя теперь смиренно и по нужде откровенно. А род Иафета смел, – *audax Jareti genus*. Хотя мне известно многое из того, о чем я спрашиваю митрополита, но подтверждение с его стороны не излишне.

Теперь я припомнил аллегорическую картину, которую показывал мне преосвященный Неофит в Москве, уверив меня, что сам он смастерил ее. Сирийская церковь представлена в виде женщины, сидящей под старым засыхающим деревом (Турция). На руках у нее цепи. На нее нападают разные дикие звери, т. е. марониты, униаты, католики, протестанты, друзы, ансарии. Внезапно является ей наш государь император и подает ей свою руку. Она рада. А дикие звери, в испуге, иные бегут прочь, а другие присмирели. Эта картина написана масляными красками. Она невелика.

Пишу письмо к возлюбленному моему Александру Стурдзе. Томить друзей ожиданиями грешно.

Дашь слово, исполни его. Ибо в слове весь человек. Это правило жизни побуждает меня писать к Крупениковой. Пишу.

«Вы ждете от меня весточки. Вот она!

«Сию я в келье сырой. Лампада горит пред ликом святым. Молюсь я, как грешник. Таинственно безмолвие неба; но тем крепче стучусь я в райские двери.

«Что я? Весь око. Гляжу на Восток. Там солнцы давно уж попадали с неба. И где тот могучий, который возжег бы там звезды?

«Кто я? Весь мысль; и она вперена в дела давно минувших дней на Востоке. Пред нею встают мертвецы, — цари и бояре, иноки и святые люди мирские. Сурово смотрю я им в очи и читаю в них правду.

Вот мое дело и так я живу.

Благословение Господне на вас!»

6-й день. «Спрос не беда», —говорит умный народ русский. Итак, спрошу я добродушного Сенявина: могу ли я получить всемилостивейшую дачу, о которой он недавно говорил мне.

22-й день. Горюет пчелка Божия. О чем она горюет? Цветов для нее нет: побили их морозы. А заслуженного мёда не дают лиходеи-хозяева.

Не здорова Божия пчелка. Отчего она не здорова? От поганого улья.

Что же ты, пчелка, молчишь? Есть у тебя голос. Жужжи.

Да жужжанья люди не любят!

Не бойся людей. Над ними есть Бог, Который дал тебе голос. Он услышит тебя и им повелит сжалиться над страданьем твоим.

И так я жужжу¹⁴².

23-й день. Услышан мой жалобный голос. Блеснул слабый луч надежды. Сербинович откликнулся мне.

Буду ждать помощи. Буду просить наместника лавры, чтобы он отвел мне лучшее жилье.

Душевные скорби и телесные страдания и лишения суть прещения Бога мне грешному. Меч его приразился ко мне.

Мечю Божий! Сецы, но не посецы.

Декабрь, 3-й день. Приятно получать письма от друзей. Но надобно и хранить их тщательно, как свидетельство чистоты общения сердечного и для сладких воспоминаний о днях минувших. Письма друзей что такое? Зеркала, в которых отражаются их ум, нрав, век, общество. Итак, сохраняю полученное сегодня от друга моего Стурдзы дорогое письмо.

18–20 дни. Бывают черные дни в жизни человека. Тогда он находится в полном разладе с обстоятельствами и самим собою, и что не делает, все делает неблагоприятно, беспокойно, в огорчение других и во вред себе самому, а что говорит, то говорит, бледнея, задыхаясь и жалея себя и других. В эти дни он подобится Ливанской горе, у которой в ненастье на темени и челе мнутся вьюга, снег и мрак, на плечах и груди льется дождь при молниях и громах, а у подошвы режут бурные потоки и ниспровергают и уносят с собою все, что им попадается. Грозы и ненастья сами собою проходят, скопляются и разражаются на вершине Ливана, потому что он высок; и нет могучего духа, который мог бы удалить их оттуда поскорее. Так невзгоды, немилости людские, огорчения, страдания, недуги издали приходят и обуревают человека, который выше других поставлен в несовершенном обществе; и он не силен ни предупредить, ни ослабить их, а еще сам, волнуясь от них, волнует и их сильнее и сильнее. Хорошая душа у него, если он во дни грозных испытаний еще сможет, подобно набожному путнику в горах, среди туч, перекреститься и молиться: Господи помилуй... Свят, свят, свят Господь Саваоф... Аще беззакония назриши, Господи, кто постоит? Яко у тебе очищение есть¹⁴³.

Осмынадесятый день текущего месяца был горький [черный] день у меня. Капля дегтя нечаянно упала в ток жизни моей; и жизнь моя огоркла. Сапожник принес мне заказанную ему обувь. Я примерял ее. Пришлась по ноге. Ремесленник потребовал деньги. — «Теперь нет у меня денег, — сказал я ему, — завтра отдам. Подожди». — «Пожалуйте или деньги, или сапоги», — возразил он. Я протянул ему ноги. Он унес с собой новую обувь. А я, босоногий, бросился [метнулся] на постелю свою и зарыдал от того, что никогда не бывал нищим. Мучение души моей было невыразимо сильно. В ней воцарилось полное бессоюзие всех сил её. Они отделились одна от другой и от ума и давай сшибаться, противоречить, вопиять и метать на всех и на все злое слово, тени, уродливые очерки, угрозы, черные заклинания, мрачные предсказания; словом сказать, я был в полном разгаре греха от того, что безжалостно стеснили меня в первых потребностях жизни. Благодать Божия отступила от меня. Мой ангел хранитель стоял у изголовья моего и плакал.

Девятнадцатый день был черный день в моей жизни. В десять часов дня я пошел к митрополиту дабы попросить у него 500 рублей заем. — «Владыка сегодня никого не принимает к себе», — сказал мне слуга. — Я молча воротился и, как сам не свой, потащился к викарию Нафанаилу по длинным застекленным коридорам лавры. Преосвященный принял меня и,

заметив во мне необыкновенную бледность и томность, спросил меня с участием: «Здоровы ли вы?».

– Не лежу в постеле, – отвечал я; но с 13 ноября хвораю: болит печень; болит сердце; весь слаб, а трудов много.

– Давно и нетерпеливо ожидают ваших трудов. Я советовал бы вам спешить. Вы сами знаете, что здесь любят плоды, которые поспевают рано и скоро.

– Но мои плоды такого рода, что зреют долго, да и на приволье. Посему-то я просил начальство не торопить меня.

– Извините, я не знаю данных вам поручений.

– Я должен писать отчеты почти о всем православном Востоке.

– Напишите их кратко.

– Владыка! И малая, но исторически верная картина требует больших приготовлений и изучений; что же сказать о большой картине? Я собрал довольно много актов, по которым намерен составить свои отчеты. Эти акты требуют разработки и оценки, а, следовательно, и времени. Я боюсь ошибок; помню умное слово: *quod cito fit, cito perit*¹⁴⁴ и не тороплюсь; предварительно освещаю предметы для себя и уже потом рисую их для других. Мне надобно решить некоторые современные церковные вопросы; *например*: о значении духовной власти Вселенского Патриарха и об отношениях к нему прочих патриархов и нашего Св. синода; о поземельной собственности церковей и монастырей и о праве или неправе государственной [гражданской] власти облагать данью эту собственность. Основательное решение этих и подобных вопросов требует ученых справок и времени. Наконец, мне известны происшествия, просьбы, жалобы восточных братий, кои думаешь и раздумываешь помещать в отчетах. Впрочем, все эти узоры я выткал бы скоро, если б недуги мои от сырой квартиры не отнимали у меня части сил и драгоценного времени.

– Да, квартира ваша – не завидна. Я жил в соседстве с нею и страдал. Митрополит сам заметил перемену в моем здоровье и приказал дать мне лучшее помещение. Если бы от меня зависело распределение келий, то я успокоил бы вас. Но вы знаете, что я не распоряжаюсь в лавре.

– Знаю. Впрочем, я пришел просить вас не о квартире. Владыка! мне нечем жить; у меня нет ни копейки; из хозяйственного управления до сей поры не выдают мне жалованья, которое следует мне с 1-го мая, и я стеснен в первых потребностях жизни. Вчера мой слуга уплатил свои деньги за мою обувь. В такой крайности я ходил сегодня к митрополиту, чтобы попросить у него денег заем; но он не принял меня, и это к лучшему! Ибо я своими громкими жалобами мог бы растревожить его. Итак, я покорнейше прошу ваше преосвященство доложить ему о моей скудости и склонить его, чтобы он приказал выдать мне взаимнообразно 500 руб. из сумм лавры. По вашему заступлению, он поможет мне, как помогал другим, например архимандриту Аполлинарию (ныне епископу чигиринскому).

– Точно, он помог ему, но уже указом истребовал от него заем. Такая забывчивость Аполлинария загрозила и другим дорогу к владыке.

– Мои деньги [жалованье] находятся в синодальном казначействе. Посему легко сделать вычет из них, когда угодно.

– Съездите сегодня в хозяйственное управление и у директора попросите денег взаимнообразно.

– И не на что съездить, и нет надежды. Там недавно объявлено мне, что я должен ждать указа о жалованье.

– Не можете ли вы занять у кого-либо другого?

– Не знаю у кого. Отец Аввакум сам не имеет теперь денег. Других знакомых я не имею. Да и тяжело мне, как нищему, стучаться в чужие двери, когда по праву давно следует мне получить свое жалованье.

– За границу вам высылали немало денег. Сберечь бы вам часть их на всякий случай!

– Владыка! Все, что получал я за границей, издерживал на дела милосердия и на приобретение надобных мне сведений. Я на Востоке являлся нравственным лицом; и на все мои издержки, сделанные по побуждениям сердоболия и благодарности как за гостеприимство, так и за вспоможение мне в ученых и деловых трудах моих, не достало бы сумм Синода, если бы по особому, всемилостивейшему разрешению, известному только мне и таинникам воли его, не получал я особых денежных дач в значительном количестве.

– Итак, просите пособия в министерстве иностранных дел. Пусть оно даст вам жалованье, по примеру о. Аввакума.

– Я не служу в этом министерстве; с какой же стати буду просить у него пособия или жалованья?

– Оно знает ваши труды на Востоке, где вы, как говорите, являлись нравственным лицом. Почему ж бы не пособить вам?

Эти слова я принял за иронию и сказал с заметным волнением: «Пусть кто как хочет, так и оценивает труды мои, дорого или дешево. Я не беспокоюсь об этом потому, что служу делу, а не лицам. Не суд чужой мне дорог, – дорога мне правда; и свой хлеб вкуснее чужого. Я состою в духовном ведомстве, оно и должно дать мне хлеб насущный».

– Точно, свой хлеб вкуснее чужого; и вы были бы сыты и спокойны, если бы продолжали семинарскую службу. Но вы сами пожелали *странствовать по свету*.

От этих слов [викарий] гневная дрожь пробежала по телу моему, так как мне показалось, что викарий считает меня *бродягой*. Я взволновался, как волновалось Средиземное море во время плавания моего в Александрию. Приливы горьких чувствований скопились во мне и слились в громадную волну, а эта волна со всей высоты своей упала на собеседника, окрестила его и рассыпалась.

– Правда, сам я пожелал служить в Вене при посольстве; но оттуда был вызван и послан в Иерусалим по воле высочайшей, тогда как и не думал и не гадал я об этом. Повиновение сей воле было сладко мне; и я исполнил свое дело, как мог и как умел. Правда и то, что по окончании иерусалимского поручения сам я просился на Синай и Афон; но от воли начальства зависело отпустить меня туда или нет. А ежели оно послало меня туда с высочайшего разрешения, стало быть, считало нужным узнать силы православия на Востоке посредством моего соглядатайства. Восток я сюда принес с собою; и он будет представлен начальству в картинах верных. Я докажу это на деле. Надеюсь!.. Но никак я не надеялся и не воображал, что буду пить здесь ту горькую чашу, какую пью. О границы России просил я Сербиновича дать мне здесь покойный приют, а меня поместили чуть не в погреб. По праву и по указу государя я должен получить 1000 руб. за одну майскую треть настоящего года; а мне обещают эту тысячу за весь круглый год. Я прошу ее у Новосильского и всегда слышу одно и то же: «Пожалуйте недели через две». Кто, состоя на должности, вымаливает себе заслуженное жалованье? Один я. Уж нет у меня мочи выслушивать отсрочки. Между тем я стеснен в первых потребностях жизни. Ах! Видно, заслуженный архимандрит здесь ценится не более, как выжатый лимон, не более, как тряпка... Однако и тряпку иногда берегут... Владыка! Исповедуюсь вам, что здесь иногда приходило мне на мысль бросить клобук и рясу и бежать, куда глаза глядят. Теперь я стыжусь своего малодушия и заглаживаю этот грех своим гласным раскаянием... Впрочем, быть может, я не нужен церкви Божией? Если так, то пусть отпустят меня на Афон, Синай, в Нитрийскую пустыню; там греки, копты дадут мне приют, покой и хлеб насущный. А если я нужен, то пусть не поступают со мной так жестоко.

– Жаль мне вас, – сказал викарий. Вы трудились на Востоке, покупали там знания и являлись, как говорите, нравственным лицом.

Эти слова опять взволновали меня, и я прервал речь викария, и заговорил громче:

– Пусть называют меня бродягой, купцом, безнравственным лицом, или как кому угодно (викарий побледнел). Я не обижаюсь этим. Ибо знаю своего внутреннего человека; сохраняю уважение к нему, как к образу Божию; чувствую в себе присутствие сил духовных и хочу жить, хочу служить здесь, там, где Бог приведет... Богатства не желаю, почестями не дорожу; а долг и правду ставлю выше всякого блага земного и думаю о славе..., ах! если бы она была европейская!.. Бог видит мое сердце, мои скорби, мои страдания. Я надеюсь на его милость и правду, и во имя права дерзаю докучать власти. Пусть отдадут мне то, что пожаловал государь; а будущность моя – в воле Божией и в любви людей добрых.

Последовало обоюдное молчание. Я утих, пожалел, что причинил огорчение преосвященному и стал искренно извиняться пред ним.

– Владыка! Простите меня великодушно, что я обеспокоил вас страданиями своими и горькими речами. Примите их, как исповедь мою, и ради Бога не говорите митрополиту о порывах и вспышках моих, а только доложите ему мою просьбу.

– Хорошо. Но, может быть, теперь вам нужны деньги. Я вам дам десять рублей. Извините, сам более не имею.

После сего виварий пошел в свой скров и оттуда вынес мне обещанную ассигнацию. Я принял ее и, прощаясь с ним, еще раз просил его не говорить митрополиту о моей исповеди.

Велика злоба настоящего дня. Великий я грешник. Первый из грешников.

20-й день. Митрополит позвал меня к себе в 10 часов дня. Меня свели в скров его. Он в одном подряснике, с заплетенной косой, сидел за письменным столом. Брошен им суровый взгляд на меня. Я тотчас понял, что викарий передал ему все мои речи.

– Почему вы не являлись в Св. синод? – спросил меня владыка протяжно

– Я не понял его и ответил, что вскоре по приезде в Петербург являлся всем членам Синода.

– Почему вы не являлись в Синод? – повторил он тем же голосом.

– Я неоднократно являлся в хозяйственное управление при Св. синоде и просил тут выдать мне жалованье, но всякий раз говорили мне, что еще не последовал указ Синода о выдаче мне жалованья.

– Надлежало вам наведываться чаще.

Я молчал.

– Вы просите у меня милости; не будет вам милости. По правде, выдается вам жалованье ваше. Наведайтесь в Синоде.

– Недавно я был там и получил повеление [приказ] ожидать указа.

– Я справлюсь.

После сего я поклонился владыке и оставил его с Богом.

Ἔστι τι νέον

«Нῆξι τι μέλος υἱερὸν υἱερῶ»¹⁴⁵

Есть нечто новое.

Придется мне, горемычному,

Петь горемычную песнь.

26-й день. Пред праздником я переместился в две кельи, отведенные мне в нижнем жилье бывшего семинарского дома в лавре. Наместник перевел меня туда после того, как я написал ему в последний раз, что если мне не будет дано помещение лучшее, то я принужден буду бежать из лавры. Новое жилье мое суше и просторнее; а главное Иван мой храпит по ночам в особую и далекой от меня комнате.

30, Понедельник. Сегодня объявлен мне указ Св. синода о том, что я отныне состою в С.-Петербургской епархии, и что мне назначено жалованье с 1-го мая по 19 октября из прежнего оклада моего в 3000 руб. и кроме сего 500 руб. в единовременное пособие до определения меня к месту.

Я выплакал этот указ. Воздыхания мои услышал Господь, и благодатию своею расположил ко мне сердца начальников моих. Свято имя Его, и милость Его в роды родов боящимся Его!¹⁴⁶

31, Вторник. Еще год прошел. Я далее от колыбели и ближе к могиле. А что такое могила? Та же колыбель, но колыбель бытия вечного.

Аминь.

P.S. Родственница графа Протасова, – Софья Дмитриевна Лаптева, урожденная княжна Горчакова, духовная дочь моя, говорила мне, что в нашем министерстве иностранных дел называют меня *дипломатом в Св. синоде*. Она же предупредила меня, чтобы я перед Протасовым не надевал на себя личины святоши и чтобы не боялся его, а говорил бы ему смело все, что надобно высказать ему. «Он трус», – присовокупила она.

1847 год.

Январь 1, Середа. Помилуй мя Боже по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония моя.

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей¹⁴⁷.

Дажь мне приседящую престолу твоему премудрость.

Даруй мне здравие, долгоденствие и веселие духовное.

Веди меня ко царствию небесному путем гладким, а не страстным. Обаче да будет воля твоя!

Несчастье нам учитель, а не враг.

Все руша перед нами,

Оно дружит нас с небесами.

Легкая лихорадка томит мое тело. Как тлетворный ветер, она веет в этом храме Духа Святаго. Но Господь создал врача и зелие.

7, Вторник. Ночью мне снилось: я плыву вниз по Неве в большой мачтовой лодке без парусов. Большой белый орел высоко летает над мачтой, делая большие круги и, покружившись, спускается. Мне жалко, что он перестал парить под небом. Наконец, он сел на самую вершину мачты. Я смотрю на него. Он белее снега. Его крылья еще распростерты. Головка и кудрявая шейка его чаруют меня своим изяществом [простотой форм]. Орел клювом своим очищает свои ножки. Потом я вижу: моя лодка набегаёт на подводный желтый камень. Оказалась в ней течь. Но невидимая сила повлекла ее назад к берегу сквозь рыхлый снег, накрывавший воду. Кормчего на ней не было. Орел исчез. Лодка немного покривилась набок. Мой Иван закричал: «Уже недалеко до крепости». Я испугался, и от испуга пробудился.

Сон в руку! Нет, это не сон, а предсказание ясновидящей души моей. Чрез него Бог сновидца Иосифа благоволил приготовить меня либо к новому крестному пути, либо к прославлению.

Сегодня во время обеда мой благоразумный и добрый служитель Иван подошел ко мне и с заметной печалью спросил меня: знаете ли вы, что вас посылают в Сергиеву пустыню?

– Не знаю. Не слыхал. А зачем?

– Жить там.

– Как! Разве архимандрит Игнатий выбыл оттуда?

– Нет. Он остается там настоятелем.

– Что же я-то буду делать там?

Иван по привычке своей, приподнял свои плечи, немного скривил голову и продолжал: «Вы будете жить там в числе братства».

– Что ты врешь! Кто тебе сказал это?

– Я не вру. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, ожидайте указа из консистории. Вас определили в число братства в Сергиеву пустыню.

Печальный тон искренней речи служителя дал мне почувствовать, что он знает и говорит правду.

Я вспомнил сон. Дрожь пробежала по моему телу. Лицо мое побледнело.

– Иван! От кого ты узнал о такой блаженной участи моей?

– Послушник очередного архимандрита Филадельфа показал мне журнал консистории, лежащий на столе у архимандрита; и мы оба прочитали определение консистории о назначении вас в Сергиеву пустыню в число тамошнего братства.

– Правда?

– Правда!

– Боже мой! В чем я виноват?

– Доколе мы будем слоняться по монастырям? Али тесно в лавре? Уж и здесь нет места нам, – вопиял Иван, которому надоела пересельническая жизнь моя.

Я задумался. А добрый служитель собрал со стола недоконченный обед мой, и оставил меня с моим горем.

Сон в руку. Челн мой ударился о подводный камень... недалеко до крепости... да! до Сергиевой пустыни всего 15 верст отсюда... Кого же означает белый орел? Меня невинного. Летал я далеко и высоко; теперь настало время почить от дел своих. Кажется, Бог дарит мне теперь то уединение и тот покой, о котором я нередко думывал и говаривал друзьям своим, как о

величайших благах на земле. Но не цепи ли налагают на меня? Будет ли вождельно мне уединение насильственное? Будет ли сладок мне покой приказанный?.. Я в числе пустынного братства!.. Но что мне делать там? Петь, читать, звонить? Нет, тесно мне будет там. Для души моей мало вселенной...; орлу нужно широкое поднебье... Кит может жить и плавать только в океане. Но не высоко ли я мечтаю о себе? Не сокрушает ли Господь мое превозношение? Буди благословенно святое имя Его! Меч Его приражается к угловатому сердцу моему... Мечю божий! Сецы, но не посецы. Суди, Господи, обидящая мя и побори борющая мя¹⁴⁸. Бог зовет меня на небо путем тернистым. Да будет воля Его...; только бы уйти мне с земли так, как ушли отсюда Антонию, Лествичники, Дамаскины, Радонежский и Ростовский подвижники. Земля – не отечество человека. Это – сад Божий, в который он на время посылается *делати и хранити его. Делати?* А что я возделал? Ничего. До сей поры я только вычислял, мерял, взвешивал и то ошибочно, неверно, неточно. Из души моей струился поток ведения, но и тот потерялся в песках. Из основы бытия моего развивалась ткань добра, но и та – недорогая. Где же я буду *делати*? В пустыне? Ах! Не люблю мне половинчатое, отрицательное существование в пустыне теперь, когда жизнь может дать сочные и благовонные плоды. Люблю я уединенную келью, и в ней молиться о мире всего мира; но из этой кельи желаю посещать моих ближних, живущих в мире, соутешаться их верой и добрыми делами, говорить их ушам и сердцам, обогащаться всесторонним ведением, видеть и, если можно, укрощать волны житейского моря, служить человечеству своими силами и даже своими страданиями. О, Боже мой! *Спаси мя, ими же веши судьбами.*

Поданы огни. Я пошел к архимандриту Филадельфу с тем, чтобы выпытать у него решение моей участи. Архимандрит что-то писал за перегородкой своей кельи. Пока он доканчивал там свои дела, я успел быстро прочитать *роковой журнал*, который лежал на столе поверх прочих дел консисторских. Оказалось, что здешний vikarий Нафанаил, на основании синодального указа, которым я причислен был к Санкт-Петербургской епархии, предложил консистории дать мнение о помещении меня в каком-либо монастыре; и консистория определила поместить меня в Сергиевой пустыне с тем, чтобы я считался в числе тамошнего братства, и представил настоятелю свой послужной список. По прочтении сего определения я понял все и увидел приготовленную мне пропасть двумя бездушными архиереями, митрополитом Антонием и его vikarieем Нафанаилом. Слова мои, сказанные этому vikariю, – *если я нужен церкви божией...; если я не нужен*, – были переданы высшему начальству; и оно решило доказать мне, что я не нужен ей. Нафанаил, невзирая на мою просьбу быть мне отцом и затаить мою искреннюю и горькую исповедь, сделался моим судьей, и либо сам от себя, или, вероятнее, по приказанию митрополита и обер-прокурора, словесно указал консистории темницу для горемычного Порфирия.

Престарелый о. Филадельф вышел ко мне и, увидев консисторские журналы на столе, засуетился, схватил их, унес за перегородку и начал бранить своего послушника по-молдавски. Я молчал, наблюдал и смекал. Потом мы начали беседовать о том о сем. Я искусно наклонял разговор к настоящему, неопределенному состоянию моему; а собеседник мой, предугадывая мою отповедь, заводил другие речи. Надлежало взять его приступом; и я ех *abrupto* спросил его: правда ли что консистория определила меня в число братства Сергиевой пустыни? Архимандрит мял свои руки, закашлялся, отговаривался неведением сего дела. Но когда я напрямик сказал ему, что я сейчас прочел определение это, лежавшее у него на столе, тогда он объявил мне, что на это есть воля начальства, и советовал покориться ей благодушно, присовокупив, что меня могли бы послать в обитель Валаамскую, но назначили в наилучший монастырь, к лучшему архимандриту. Я благодарил за лучший выбор лучшей темницы, но в горести души моей, ни в чем необвиненной, промолвил, что буду вопиять на небо и во услышание всей земли, и буду требовать суда. – «Не усиливайтесь, – сказал он, – всякое усилие ваше повредит вам более».

– Но, Боже мой, за что меня посылают под начал?

– Вас не посылают под начал, а только причисляют к лучшему монастырю. Ведь вы должны же где-нибудь числиться.

– Почему же не в лавре?

– Знать, митрополиту не угодно.

– А! Я не имел счастья понравиться ему. Но, по определению консистории, я обязан представить свой послужной список архимандриту Игнатию. Это я понимаю так, что меня посылают под начал. Но за что же? И без суда!.. Впрочем, если я противен владыке митрополиту, и если уже непременно надобно мне водвориться в пустыне, то, по крайней мере,

нельзя ли смягчить или переменить выражение в журнале, например: нельзя ли написать, что я послан в пустыню до назначения мне должности, не упоминая ни о послужном списке моем, ни о зачислении меня в братство.

Архимандрит согласился поговорить об этом с викарием. Я оставил его, сказав ему слова евангельские: возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе¹⁴⁹.

Сознаю, что меня осудили втайне совета высшего. *Судии скрыша сеть мне*¹⁵⁰. Но мой келейник нечаянно заметил сеть их и указал ее моим зеницам. Еще милостив ко мне Господь. Не дает мне *искуситися паче, еже мощи*. Величит душа моя Господа.

8, Середа. Во всю прошлую ночь я глаз не смыкал: *бурю внутрь имея помышлений*, утопал в пучине недоумений, ненадеяний, тревог; но молитвой и покорностью воле Божией успокоил себя. Тяжело мне было обрекать забвению свои радужные идеи о церкви и отечестве, кои лелеял я в себе пред лицом солнца правды, и надеялся осуществить, крепко веруя в провидение Божие и в великое назначение России. А когда вспоминал я о своей беднейшей матери и о сестре с её Маргашей, для которых я отрекся от мира, дабы они моею нищетой были богаты, тогда мысль о потоке слез их, о голодной нищете их, о тяжких страданиях их, о нестерпимой боли их от глухого и жесткого говора о мне людского, эта мысль, слишком тяжелая, как острый камень, падала на мое сердце и приподнявшись, опять падала и выдавливала из него всю кровь и потом с большой высоты падала и крушила его в дребезги. Лежа на постели порой я дрожал, как бы от колотья бесчисленными иглами, порой ослабевал, цепенел, каменел, порой пылал, как огнедышащая гора; порой силой мысли и чувства своего сдвигал мир с оснований его, и на месте его ничего не ставил. Но утихают бури и грозы на полях и горах; утихла и буря моих помышлений. Я проник небеса и бездны вечности, стал у престола Божия, и тут молился пламенно... Настало утро. Моя воля была в воле Господней. А моя успокоенная душа пожелала знамения Божия.

В час добрый я поехал в азиатский департамент известить директора Сенявина о перемене моей участи и узнать: будет ли водворена наша духовная миссия в Иерусалиме и имеют ли меня в виду по прежнему соглашению моему с посланником Титовым послужить у Гроба Господня.

Сенявин принял меня со свойственным ему добродушием и, услышав о моей ссылке, принял сердечное участие в странном злополучии моем. «Скажите мне искренно, – спросил он, – за что вас посылают в пустынь». Я отвечал: «За то, что я не сумел попросить заслуженного жалованья, которого до сей поры еще не получал с прошлого мая, и осмелился требовать его по праву сполна, когда хотели уменьшить его по произволу, и за то, что крупно поговорил со здешним викарным епископом, который обидел меня, назвав чуть не бродягой». Тут кратко передал я директору весь разговор мой с Нафанаилом, и промолвил, что я не оправдываю себя в нескромности и глубоко сожалею о своих жестких речах; но, ведь, я выведен был из терпения голодом и болезнью от сырости помещения.

Директор насмешливо проговорил: «Ужели вам питаться воздухом» и объявив мне, что министерство имеет меня в виду для Иерусалимской миссии, спросил: «Угодно ли вам, мы освободим вас от подначалия в пустыне; кстати и граф Протасов теперь у канцлера». – «Выпустите меня из пустыни, я еще хочу жить и служить», – сказал я и белым платком отер свои слезы.

Тогда Сенявин позвонил в колокольчик. Явился курьер и ему приказано было справиться не уехал ли граф Протасов. Посланец тотчас возвратился и сказал: «Граф еще у канцлера».

Директор велел мне подождать и побежал к Нессельроду. А я в раздумье сравнивал себя с пылинкой на Божьих весах, которую одни хотят сдунуть, а другие оставляют.

Мой ходатай скоро воротился и с радостью объявил мне: «Граф Протасов знать не знает о посылке вас в пустынь; поедет в Синод и спросит об этом митрополита Антония. Он шутит, – «видно, архимандрит не смиренно попросил себе *насущенного хлеба*»; приглашает вас к себе завтра, а викарию велит сказать от его имени, что архимандрит Порфирий нужен обер-прокурору Св. синода в каждый Божий день».

Возвеселился о рекших мне¹⁵¹; благо же, благо же! Возрадовался дух мой о Бозе Спасе моем. Яко призре на смирение раба своего¹⁵².

Живая пылинка Его не сдунута.

Не напрасно пожелал я знамения Божия. Знамение дано. Раб Божий Порфирий нужен...

По возвращении в лавру я передал слова обер-прокурора архимандриту Филадельфу, и побрел в свою келью, поя про себя: Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых и проч.

9, Четверток. В одиннадцать часов граф Протасов принял меня. Мы сели, он на диване, а я против него в кресле. Граф, по-видимому, был тих и начал разговор.

– Я спрашивал митрополита о переводе вас в Сергиеву пустынь. Но он не знает об этом.

– В консистории решено поместить меня в числе братства с тем, чтобы я представил мой послужной список архимандриту Игнатию.

– Почему же вы не хотите жить там? Вы монах, следовательно, должны жить в монастыре.

– Ваше сиятельство! Когда я узнал о такой неожиданной перемене, едва не сошел с ума. За что меня посылают в пустынь, да еще под начал?

– Вы монах; следовательно, должны охотно идти туда, куда вас посылают.

– Я монах; но воспитанием и образованием приготовлен не для пустыни.

– Наилучшие люди спасались в пустынях.

– Но они шли туда добровольно. Пусть позволят мне избрать монастырь, какой мне понравится. Я охотно водворюсь там, чтобы укрыться от бурь и не быть в тягость тем, которые меня не жалуют. Люблю я уединение и безмолвие, но добровольное. А Сергиева пустынь не для меня.

– Она отлично устроена.

– Но не всякое растение может жить в северном саду.

Граф смотрел на меня пристально, кусал свои ногти и сказал:

– Не следовало бы вам прибегать к чужим, когда есть начальство свое.

– Я ездил в министерство не для того, чтобы жаловаться, а для того, чтобы объявить о своем удалении отсюда в пустыню.

– Почему вы не явились ко мне?

– Простите великодушно! Я вообразил, что не без воли вашего сиятельства шлют меня в пустынь и потому деловой такт не позволял мне являться к вам с жалобой или просьбой, тем более, что я решился делать то, что мне приказывали делать.

– Вам, как монаху, надлежит объявлять свои желания, нужды, просьбы сперва благочинному лавры, потом наместнику и так далее. Впрочем, митрополит даст вам наставление, примолвил граф, как будто сознавши свое неумение или неприличие научать архимандрита послушанию, и после мгновенного молчания заговорил:

– Начальство давно ожидает от вас отчетов. Почему вы медлите?

– Я готовил отчет о Сирийской церкви по обширному плану от апостольского времени до нашего.

– Писать историю мы можем поручить другому, а от вас требуется записка о настоящем состоянии и нуждах православия на Востоке.

– Я уже исправил свою ошибку.

– Если бы все писали так медленно, как пишете вы, то остановились бы государственные дела.

– По академической привычке мы обдумываем свой предмет и любим излагать его основательно, всесторонне и ясно.

– Да! Все вы работаете весьма медленно. Впрочем, есть между вами и такие, которые пишут быстро, напр. преосвященный Филарет Московский. Пошлем к нему важное дело, – через час он обработает его, и возвратит вот такую кипу (тут граф руками показал толщину дела).

– В Константинополе посланник поручил мне составить записку о водворении нашей духовной миссии в Иерусалиме и дал срок два дня. На третий день он читал ее и одобрил.

– Пишите скорее, пока посланник здесь.

– Он уже прибыл сюда?!

– Давно. Поезжайте к нему сегодня. Он желает видеть вас.

– Постараюсь отыскать его.

– Он живет в Малой Миллионной. Поезжайте. Христос с вами.

Посланник Титов, у которого я застал синодального директора Войцеховича, принял меня с распростертыми объятиями. Мы облобызались.

– Вы очень бледны, и глаза ваши томны. Не таким я видел вас в Константинополе, – сказал посланник.

– Я слаб здоровьем и истомился от прилежных занятий.

– Мне говорили, что вы намерены представить несколько записок о Востоке.

– Я приготовил отчет о церкви Сирийской и буду писать о Синае, Афоне и о всей вообще церкви православной в Турции.

– Очень любопытно.

– О церкви Палестинской нечего более писать. Я жалею только о том, что, не знаю как, забыл упомянуть в своем отчете о собрании протестантских миссионеров в Иерусалиме (1838 г.), в котором они решили действовать на христиан посредством одной раздачи Библий, а не наступательно, в той надежде, что дух Священного Писания увлечет их к первобытной простоте христианства.

– О, это предполагается.

После сего посланник внезапно спросил меня:

– За что ссылают вас под начал?

– За то, что я не смиренно попросил себе насущного хлеба и сухой кельи, – отвечал я тоном раскаивающегося человека.

Тут Войцеховский сказал посланнику, что ссылают другого архимандрита, а не меня. Услышав это, я изумился и возразил:

– Алексей Иванович! Помилуйте, я сам читал определение консистории. Меня ссылают, меня!

– Я прикажу справиться, – промолвил директор.

А посланник ловко дал другой оборот неприятному разговору, сказав: «Я надеюсь опять видеться с вами на Востоке. Вы не откажетесь от своего обещания еще раз потрудиться там». – «О, я рад служить святому делу и чувствую в себе избыток усердия», – отвечал я.

Потом посланник говорил мне о своей поездке в Италию и о скором отъезде в Константинополь. Откланиваясь ему, я медленно пятился к дверям и слушал его речи и потому забыл поклониться Войцеховичу. За это он косился на меня. Чернильная душа! В глазах моих он не постыдился лгать и крюкотворствовать! Приказная строка кривая! Как он не подавился своей ложью!

15, Середа. Представлен отчет о Сирийской церкви обер-прокурору Св. синода.

17, Пятница. Ему же представлена историческая записка об иерархических расколах в этой церкви. А посланник Титов и Сенявин были уведомлены мною письменно о представлении прокурору отчета и записки.

19, Воскресенье. Сербинович просил меня собственноручной запиской «побывать у него завтра, часов в 10-ть, для сообщения мне некоторых соображений по отчету о Сирийской церкви, вследствие поручения его сиятельства».

20, Понедельник. В назначенный час я приехал к нему. Тотчас он взял в руки отчет мой и, перелистывая его, делал замечания на некоторые выражения в нем.

Сербинович читает начало отчета моего: «Многострадальная Церковь Сирийская...» и замечает: «Вы поэтизируете...»

Я отвечаю: «Таково настроение моей души».

Он читает: «Сирийский архиерей есть человек Божий и вместе человек народный».

Я понял, что это верное понятие о епископе не слишком нравится царским чиновникам, и молчал.

Он читает о Белемендском монастыре: «Это был улей Божий» и проч. и *опять замечает:* «Вы поэтизируете».

Я отвечаю: «Я еще старался умерять свое воображение».

Он продолжает: «Греческие архиереи слишком ревностно и своекорыстно донесли 13-му апостолу» и проч. и *говорит мне:* «Вы иронизируете колко».

Я отвечаю: «Антиохийский патриарх в торжественном титуле именуется 13-м апостолом. Итак, я намекнул на титул, а не иронизировал».

Он читает о Сайданайской женской обители: «Это букет цветов, посвященный Пречистой Деве Марии» и проч. и *воскликает:* «Опять поэзия!»

Я отвечаю улыбкой.

Он читает: «Веротерпимое турецкое правительство требует от монастырей установленных податей, что совершенно справедливо» и на двух последних словах делает значительное ударение голосом.

Я молчу, и про себя думаю, что справедливее было бы взимать подати с церковных имений в России, чем отнимать их.

Сербинович читает о сирийском священнике: «Это человек народный, который не получает жалованья от правительства»...

Я думаю про себя: «Пусть и это мотаает себе на ус».

Заметив кое-какие другие выражения Константин Степанович сказал мне: «Чем больше вы пишете, тем более обнаруживаете себя». Я маленько потревожился от этих слов его и промолвил: «Искренность *деловая* – драгоценна, а ошибки или неточности, или своеобразности слога иногда происходят от поспешности. У меня есть правило, по которому я все пишу по вдохновению моей души и кладу написанное в свою сумку, чтобы спустя некоторое время пересмотреть, выгладить, округлить, упростить свой труд. Но в настоящую пору от поспешности я не мог выполнить этого правила».

После сего его превосходительство взял в свои канцелярские руки вторую половину моего отчета о *мерах поддержания Сирийской церкви* и с особенным удовольствием сказал: «Вот это дело – так дело! Граф просит вас выпустить некоторые периоды, переменить кое-какие выражения и представить отчет о *Мерах* посланнику Титову. Желательно, чтобы он прочитал его в бытность свою здесь. Быть может, захотят представить ваш отчет Государю Императору».

Началось чтение отчета с замечаниями. Константин Степанович велел мне исключить следующие статьи.

1. Не должно ли оставить этот древний и шатающийся престол...

2. Книга бытия церковей пишется не в человеческом объеме...

3. В отдаленной будущности, когда осуществляются ясные предчувствия русского народа...

По прочтении второй статьи он сказал: «Вы даете толчок властям, и заставляете их отталкиваться». При сем его превосходительство локтем своим толкал воздух и отталкивался кулаком¹⁵³. Что касается до третьей статьи, то он видел в ней мечтательность мою, и советовал мне не увлекаться грезами воображения в делах важных.

В том отделении отчета моего, где перечисляются меры к поддержанию Антиохийского престола, мне велено было изменить положительные выражения в условные, напр.: *надобно бы, полезно бы, а не надобно, полезно*. Выражение же: *свобода и правда суть насущный хлеб народов* – признано *вольным*.

21, Вторник. По исправлении отчета, о котором идет речь, я отвез его к Титову. Его не было дома. Но отчет я оставил у него на столе.

24, Пятница. Утром написано мною письмо в Москву к митрополиту илиопольскому.

В одиннадцать часов я посетил посланника Титова. Он сказал мне тоном недовольства, что моя записка о Сирийской церкви есть более политическая, нежели церковная, и что в ней упомянуты некоторые живые, служащие лица (консул Базили и посланник Бутенев). «Духовной особе, – прибавил он, – следует писать о предметах духовных, а в политические дела вмешиваться не должно». Потом он начал называть восточных архиереев лъстецами и интригантами. Из уст его слышались и такие речи: «Религия, как святыня, должна поддерживаться сама собою, а не посторонними человеческими подпорками...; не надобно посылать денег восточным церквам». Сказав, что в отчете моем о Сирии есть весьма интересные сведения, посланник промолвил, что меня опять пошлют в Иерусалим в качестве поклонника, и что ко мне впоследствии будут присланы сотрудники, и учреждение русского монастыря и училища при нем в Иерусалиме отлагается по предосторожности, как бы не наделать шуму в Европе.

Боже мой! Что это за мудрость у сынов века сего? Одни все делают на славу и трубят о своих подвигах, а другие боятся шума и говора людского. Как из этих противоположностей выходит единство во всеобщем направлении дел политических и религиозных? Не иначе, как уступкой одних другим в ущерб истине и правде.

Православие! Православие! Тебе велят быть луной, а не солнцем.

Сего же, 24 дня, послано письмо к другу моему Александру Скарлатовичу Стурдзе в Одессу об избавлении меня от водворения в Сергиевой пустыне и о прочем.

25, Суббота. Тайна Божия деется в мире. Приготавливается страшный переворот религиозный. Но откуда грянет гроза? И откуда воссияет новый свет? Тайна сия велика есть.

После ослабления *церковного* христианства рушатся царства Европы... О, мудрость Божия! Кто из смертных может знать: как Ты из разрушения и хаоса воссозиждешь новые общества человеческие? Но будет новое небо и новая земля, т. е. обновленная вера и новая общежительность народов, без монархий, без республик, под управлением одних

первосвященников, мудрейших и святейших... Недаром со ступеней царских престолов веет мертвящий холод безверия, маловерия, лицемерия и дипломатии, не любящей Евангелия, этой книги народной, в которой изрекается горе, горе, горе книжникам, фарисеям, саддукеям, князьям, и в которой власти верховной говорится: *скажите лису тому...*¹⁵⁴ Не даром! Народы утомятся нечестием, развратом, деспотизмом и тупоумием правителей их и, плюнув на них, подойдут к первосвященникам за благословением на новую евангельскую жизнь.

Вещий монах! Что ты видишь? Что ты пророчишь?

Я вижу: Бог грядет потрясти небо и землю. Я пророчу победу и торжество истины над ложью, ума над суеверием, правды над неправдой, свободы над рабством. Я предвижу и пророчу всеобщее братство, равенство и довольство при уравнивании благ земли...

– Но как ты видишь? Как ты пророчишь? Не сам я вижу. Не сам я пророчу. Духи страждущих народов видят сквозь мои очи и глаголют моими устами.

– Итак, ты знаешься с этими духами?

– Я друг им! [Послушник их!].

[Еще и еще раз прорицаю будущее.

Не скоро, не скоро, а придет время, когда многочисленные, мудрейшие и святейшие архиереи и только они одни будут управлять свободными народами, прилично и скромно содержась достаточными имениями и узаконенным выделом из обществен(ной) казны. Но что и что тогда последует? Тогда –]

Февраль, день 1-й. Вскую прискорбна еси душе моя! Уповай на Бога¹⁵⁵.

День 3-й. Уповаю. Господь возводит низверженных.

День 11-й. «Государственный канцлер граф Нессельроде имел счастье поднести на благоусмотрение государя императора Николая Павловича составленную, по предварительном соглашении с синодальным обер-прокурором Протасовым, записку о предполагаемых распоряжениях по предмету учреждения Российской духовной миссии в Иерусалиме. Его императорскому величеству благоугодно было в 11-й день февраля удостоить высочайшего одобрения заключающаяся в сей записке предположения и повелеть графу Нессельроде войти в дальнейшие с обер-прокурором сношения об избрании лиц, долженствующих составлять духовную миссию в Иерусалиме, а также об изыскании источников, откуда бы можно было взять сумму, потребную на отправление сей миссии, на ежегодное содержание её, на устройство для нее ризницы и на прочие расходы».

Так началось дело об учреждении оной миссии, по поводу моей записки о необходимости и пользе этого учреждения, представленной нашему посланнику Титову в Константинополе 6 января 1845 года¹⁵⁶.

Но это дело очень долго держалось втайне от меня, да и производимо было весьма медленно. Я официально узнал о нем уже в августе месяце, а до той поры писал отчеты о Синае и Афоне.

Март, день 15-й. Сегодня синодальному обер-прокурору Протасову подана моя краткая историческая записка о прошлой судьбе Синайского монастыря.

День 20-й. А в этот день он получил от меня записку *о настоящем* состоянии этой святой обители.

Апрель, день 7-й. Учение есть страсть моя. Я живу головой и подоблюсь пустынной пальме, у которой листья и плоды растут только на самой вершине её. Думается, что в раю серафимы читают святые книги христианину ученому. Но не больное ли у меня воображение?

День 14-й. Кончено мое изложение 336-тилетнего дела Синайского о не дозволении Александрийских патриархов синаитам совершать богослужение в каирском подворье их, называемом Джувания. Любопытно и печально это дело. И оно представлено синодальному обер-прокурору.

День 22-й. Я просил директора Александра Ивановича Карасевского о вызове в Петербургскую академию двух воспитанников, Владимира Чечеля из Кишиневской семинарии и Димитрия Гумаликова из Херсонской семинарии, для слушания академических уроков. Это прошение мое было уважено и исполнено.

Май, день 3-й. Сегодня синодальный обер-прокурор Протасов принял от меня записку, содержащую прошения синайского братства и мое суждение о сих прошениях. А просило оно: 1. содействовать тому, чтобы синайские архиепископы, как игумены, постоянно пребывали в своем монастыре; 2. склонить патриархов константинопольского и александрийского к синодальному

разрешению освятить храм в Каиро-джуванийском подворье, с такими условиями, кои охраняли бы выгоды александрийского патриаршего престола; 3. поддержать древнюю св. обитель неприкосновенностью имений, принадлежащих ей в Валахии и Молдавии и 4. охранить право синайского архиепископа и соборных старцев назначать и сменять, по их усмотрению, духовных экзархов, управляющих монастырскими имениями в названных княжествах.

Глас их был глас, вопиющий в пустыне.

День 19-й. А мой голос о помощи Сайданайскому женскому монастырю, что близ Дамаска, был услышан в чертоге императрицы Александры Феодоровны и в теремах жен благочестивых в Петербурге и Одессе. Наперсница её величества Цецилия Владиславовна Фредерикс, недавно принявшая православие, представила ей мою краткую записку о сем монастыре и о вспоможении ему покупкой масличных деревьев около Бейрута или Триполи. Вот эта записка!

«В пределах православной церкви Сирийской, управляемой антиохийским патриархом, в 30 верстах от Дамаска, на север, находится арабский женский монастырь во имя Рождества Богоматери, называемый Сайданая, что значит Владычица. Он построен благоверным царем Иустинианом I и в течение тринадцати веков служил оплотом православия в многострадальной Сирии.

Эта древняя обитель стоит на конусной вершине высокого, скалистого холма у восточного погорья Антиливана. Внутри ограды она разделена стеной на две половины, из коих в одной помещаются монахини в 40 кельях, а в другой находится церковь и 40 гостиничных комнат для богомольцев.

Тридцать восемь монахинь и послушниц живут там под руководством благоразумной и благочестивой игуменьи Екатерины. Одежда их состоит из синей рубахи и черной рясы, а головы обвязываются и покрываются черными платками так, что лиц, кроме глаз, не видать. Монахини получают от монастыря хлеб, сарачинское пшено, деревянное масло, угли, хлопчатую бумагу и шерсть и сами себе готовят пищу, одежду и обувь. Суровая жизнь их проходит в подвигах молитвы и покаяния, в труде и служении больным. Вера и преданность их воле Божией тверда, как та скала, на которой сооружен их монастырь; смирение их простосердечно; терпение их велико. Старые монахини причащаются св. тайн в каждую субботу, а молодые однажды в месяц. Из обители своей они выходят только тогда, когда сносят на раменах своих какую-либо усопшую сестру в подгорную усыпальницу.

В Сайданайском монастыре есть две грамотные монахини, и они обучают чтению и письму арабскому некоторых способных послушниц и девочек из соседней деревни Сайданая, в которой православные живут вместе с униатами.

Из многих деревень и городов сирийские христиане и особенно женщины, приходят в сей монастырь молиться Богоматери и приводят с собой больных для целения, обильно подаваемого небесной царицей. Умилительно видеть сайданайских монахинь, безмолвно по ночам молящихся вместе с христианками и ухаживающих за больными, которых приносят в церковь и полагают пред чудотворной иконой Пресвятой Девы.

Сайданайский монастырь содержится добровольными подаяниями поклонников. А имения его весьма скудны: есть в Дамаске дом, который приносит чистого дохода 115 рублей серебром в год; есть небольшой виноградник, овощной огород, кусок пахотной земли и 150 коз. Но и этими малыми прибытками монастырь делится с посторонними. Бедный архиепископ севкийский, имеющий свое пребывание в деревне Сайданая, и при нем 6-ть священников, пользуются крупницами монастырскими за отправление богослужения и церковных треб для монахинь. А поклонники хоть и жертвуют деньги и вещи, но по обычаю питаются уже от монастыря во все время богомолья своего.

Сайданайские монахини со слезами и биением в перси просят у христианской любви православных россиян единственного пособия, именно, покупки готового масличного сада в 1 000 деревьев, в окрестностях Бейрута или Триполи. Этот сад будет стоить 5 000 рублей. Когда пожертвуются им эта сумма, тогда они озаботятся приисканием такого сада подле упомянутых городов и купят его, а доходами с него обновят и украсят свою убогую церковь и будут поддерживать свой бедный монастырь и училище в нем.

Да услышано будет их смиренное прошение, и да подастся им и чрез них всем православным в Сирии утешение, ободрение и помощь в настоящее время, когда Запад разослал по всему Востоку сестер Св. Иосифа для проповеди римских догматов православным христианкам».

В добрый час эта записка представлена была императрице. Она 9 сентября прислала мне 200 руб. серебром, а великая княгиня Мария Николаевна 150 р. Да сам я и состоявшие при мне иеромонах Феофан, Петр Соловьев и Николай Крылов пожертвовали 35 руб. Итого 385 р. Эти деньги я 13/20 ноября передал в Одессе Александру Скарлатовичу Стурдзе для возможно большего приращения их стараниями его, присовокупив к ним 10 руб. 80 коп., выпрошенные мною в Одессе у госпожи Никитиной. Стурдза пожертвовал 150 руб., да от разных лиц собрал 188 р. и все эти деньги в количестве 733 руб. переслал в Константинополь нашему посланнику Титову, а он препроводил их ко мне при своем отношении от 15 февраля 1849 года; я же обменял их на турецкие пиастры в количестве 12 000 и отослал к нашему генеральному консулу Базили в Бейрут. На эти пиастры куплены были близ города Триполи два участка в селении Бдурам. В том и другом участке масличные деревья перемежаются виноградниками, фигами и другими деревьями. Один из участков приобретен за 8000 пиастров, а другой за 1 600 п. Затем 230 п. израсходованы на совершение *купчих*, а из остатка, хранящегося в Триполи в надежных руках, предполагается приобрести третий участок с тем, чтобы недостающая сумма была дополнена Сайданайским монастырем.

Июнь и Июль. День 6-й (Июля). Директору обер-прокурорской канцелярии Константину Степановичу Сербиновичу представлена, по его просьбе, от 3-го июня записка об отправлении духовных лиц в Иерусалим и о водворении их там. К этой записке (*motu proprio*) приложено было мое представление о назначении в Иерусалим бакалавра С.-Петербургской духовной академии иеромонаха Феофана, как мужа благочестивого. Как это представление, так и записка пошли в дело. Тогда же и сему же директору подано было мнение мое: не будет ли благоугодно начальству переименовать одесскую второклассную Успенскую обитель в ставропигиальный, первоклассный, общежительный монастырь нашей Иерусалимской миссии. Это мнение не было уважено¹⁵⁷.

В оба месяца, июнь и июль, пока длилось дело об учреждении нашей духовной миссии в Иерусалиме и пока неизвестно мне было назначение меня начальником этой миссии, я писал статистику Афона и по частям представлял ее обер-прокурору Св. синода и кроме того составил *Указатель юридических актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской*, – и то и другое сочинение свое напечатал в Журнале Министерства Народного Просвещения¹⁵⁸, да в 9-й день июня выписал надобные мне сведения из хроники Филиппа Киприянина, протонотария великой церкви Константинопольской, каковая хроника напечатана была в 1687 году Генрихом Иларием в Лейпциге¹⁵⁹.

Июля 8 дня. Директор Сербинович записочкой просил меня побывать завтра у директора хозяйственного управления при Св. синоде Павла Михайловича Новосильского, в час пополудни, потому что он имеет надобность перед своим отъездом в Москву переговорить со мной о приготовлении ризницы и утвари для нашей Иерусалимской миссии. Но я не ездил к нему, а Сербиновичу ответил, что по случаю боли в спине и сердце не могу выходить из своей кельи.

День 10-й. Сегодня этому же Сербиновичу послано было мною следующее прошение:

«При мне находится в качестве послушника штатный служитель одесского второклассного Успенского монастыря Иван Будземский по указу из Св. синода 1842 года, декабря 11 дня. Этот служитель во время пребывания со мной в Турции приобрел навык свободно объясняться на новогреческом языке и знает несколько слов турецких и арабских, нужных в путешествии. Поведения он трезвого и весьма честного. При отправлении нашей миссии в Иерусалим, он может служить при начальнике её архимандрите в качестве послушника и при других лицах как переводчик, – на каковую службу он согласен. Предупреждая Вас о сем, покорнейше прошу Вас исходатайствовать этому служителю вторичное разрешение Св. синода на отправление его в Иерусалим и на пребывание его там при архимандрите во все время служения сего последнего у Гроба Господня» (Исполнено).

День 12-й. Г. Сербинович посетил меня в убогой келье моей и, между прочим, поведал мне, что все мои записки о Сирии и Синае переданы синодальным обер-прокурором Харьковскому архиепископу Иннокентию для прочтения (NB. Этот архиепископ вызван в Питер для присутствования в Св. синоде).

День 14-й. От Сербиновича получено письмецо:

«Описание Афонских монастырей и карту имел честь получить в сию минуту, возвратясь от преосвященного Иннокентия, который очень сожалеет, что вчера, будучи неожиданно приглашен к митрополиту, не мог вас видеть; а ему очень бы нужно переговорить с Вами о Константинополе.

«Описание Ваше вместе с сим отправляю к его сиятельству; а между тем не угодно ли будет пробежать статью об Афоне одного француза (Дидрона), заключающуюся в четырех номерах *Московского Городского Листка*. Скажите, что тут правда и что неправда? Если угодно, можно карандашом отметить на полях». (Я сделал отметки).

День 31-й. Сегодня Святейший синод, во исполнение объявленной ему обер-прокурором высочайшей воли, определил: 1. отправить в Иерусалим того же архимандрита Порфирия, который уже употреблен был для собрания сведений о состоянии православной церкви на Востоке, с тем, чтобы он находился в Иерусалиме не в качестве русского настоятеля, но в качестве русского поклонника, снабженного дозволением и формальной рекомендацией от русского духовного начальства; 2. вместе с тем отправить также в качестве поклонников одного иеромонаха и двух молодых людей, окончивших курс наук в средних или высших духовных учебных заведениях, которые имели бы познания в языках греческом и одном из новейших и отличались благонравием; 3. предписать (новгородскому и петербургскому) митрополиту Антонию снабдить архимандрита Порфирия рекомендательным письмом к патриарху иерусалимскому, в котором было бы изъяснено, что сей архимандрит, посетив восточные святыни, пожелал туда возвратиться и пробить при Св. Гробе несколько лет, на что Святейший Всероссийский синод с удовольствием благословил его и воспользовался сим случаем, дабы отпустить с ним иеромонаха и двух набожных и любознательных духовных юношей, разделяющих сие богоугодное желание; вследствие чего архимандрит и его спутники рекомендуются покровительству патриарха и святогробской братии с просьбой облегчить временное их жительство в Иерусалиме, допускать их к совершению в Св. Гробе богослужения и вообще принять их сообразно тем чувствам взаимной любви, доверия и братства, какие всегда существовали между Российскими и всеми восточными церквами; 4. предоставить митрополиту снабдить архимандрита Порфирия святым антиминсом, об изготовлении же необходимой для него ризницы и церковной утвари поручить хозяйственному управлению при Св. синоде представить надлежащее соображение; 5. для определения круга действий сего архимандрита в Палестине соответственно цели его назначения дать ему, на основании высочайше утвержденной записки, инструкцию; 6. на содержание архимандрита Порфирия и отправляемых с ним лиц, равно как и на потребности, сопряженные с их пребыванием в Иерусалиме, назначить *семь тысяч* рублей серебром в год, а на путевые издержки одновременно *четыре тысячи пятьсот семьдесят восемь* рублей, тридцать пять копеек серебром по особым росписаниям на счет духовного ведомства, именно же половину суммы на содержание, т. е. 3500 руб. сер. на счет типографского капитала, а половину суммы на путевые издержки, т. е. 2289 руб. 18 коп. сер. на счет суммы, определенной росписью государственных расходов для экстраординарных расходов по духовному ведомству, из количества 20000 руб. сер., об отпуске же другой половины из государственного казначейства предоставить его сиятельству г. обер-прокурору Св. синода отнестись к г. государственному канцлеру по иностранным делам.

Все эти распоряжения Св. синода прописаны были в *секретном* указе его, вскоре посланном митрополиту Антонию за № 8658-м. А он на этом указе 23 августа написал: «О прописанном в сем указе архимандриту Порфирию объявить по надлежащему; консистория же имеет немедленно учинить по сему надлежащее распоряжение».

Но я получил этот указ из консистории уже 10 сентября, а копию инструкции, подписанной членами Синода, — 9 октября.

Итак, звезда моя опять воссияла на небе. Еще раз Господь зовет меня на дело святое в Иерусалиме, дело немалое, большее и лучшее того дела, какое я мог бы производить в нашем духовном ведомстве по сану и званию моему. Иду туда, иду с радостью, с самоотвержением, с упованием на помощь Божию.

Август, день 2-й. Получена записочка от Сербиновича:

«С моей стороны сделано все зависящее к получению вашим высокопреподобием единовременного пособия прежде отправления отсюда и не в счет следующего по сему последнему делу. Полагаю, что на той неделе пособие будет выдано.

Николай Иванович Надеждин, который на днях отправляется в путь на несколько месяцев, просил меня передать вам его просьбу. Не можете ли вы с ним повидаться пораньше. Ему очень нужно переговорить с вами на счет каталога архиереев всего восточно-кафолического мира. Николай Иванович счел бы себя весьма одолженным, если бы вы пожаловали к нему завтра, в

воскресенье, откусать. Я вчера заезжал к нему и видел каталог почти готовый; после чего копию он или я сообщим вам для проверки на востоке.

С совершенным почтением» и проч.

NB. Я был у Надеждина и обедал, а список иерархов получил от Сербиновича уже перед отъездом моим в Константинополь (14 окт.), где и проверил его и отослал в Питер по принадлежности.

День 8-й. Митрополит Антоний позвал меня к себе в 10 часов пополудни и спрашивал: 1. на имя какой церкви в Иерусалиме выдать антиминос и 2. какой наперсный крест пожаловать иеромонаху Феофану, – синодальный или кабинетный? Я ответил ему: «Антиминос выдайте с прописанием на нем: «для священнодействия на Святых местах» – по имени там русской церкви, а наперсный крест испросите кабинетный».

День 18-й, Понедельник. В час пополудни я выехал из лавры в азиатский департамент министерства иностранных дел для свидания с директором Сенявиным. Там он встретился со мной в коридоре по выходе от канцлера Нессельроде и принял меня сухо. Его намеки мне на недосуг и срочные занятия давали мне знать, что ему некогда выслушать меня. Но я попросил себе у него слова на одну минуту. Тогда он сказал мне, чтобы я подождал его в директорской комнате и ушел куда-то. Прошло несколько минут; надобный мне возвратился и, после извинения в промедлении, показал мне план и фасад церкви для нашего посольства в Афинах и попросил моего мнения о рисунках. Я похвалил их и тотчас спросил его:

– Нельзя ли ускорить мой отъезд в Иерусалим?

– Разве от меня это зависит? – сухо возразил директор.

– Извините, я обманулся в своем предположении.

После этого извинения моего, приправленного улыбкой, Сенявин спросил меня о личных качествах отправляемых со мной в Иерусалим иеромонаха Феофана и двух студентов семинарии. Первого я похвалил, а о последних сказал, что их не знаю. Наконец собеседник поведал мне, что он будет отвечать Протасову на запрос о половинном содержании нашей миссии Иерусалимской на счет государственного казначейства, но не скоро. «У меня много дел, – говорил он, – да и канцлер сказал мне, чтобы я не являлся к нему до среды». Так кончился разговор наш.

Из департамента я поехал в Псковское подворье к преосвященному Иннокентию и, приняв его благословение, вручил ему греческий перевод проповедей его, напечатанный в Афинах, а присланный ему г. Стурдзой. Его преосвященство с отменной похвалой отозвалось о всех отчетах моих и одобрил самое изложение их. «Граф Протасов, – продолжал он, – передал мне записки ваши для пересмотра их. Они будут напечатаны в Журнале Министерства Народного Просвещения¹⁶⁰ за исключением тех статей, кои не могут быть обнародованы. А для себя я приказал переписать многое из ваших отчетов». Потом преосвященный советовал мне описать и расцветить весь Восток православный и напечатать описание его.

Была у нас речь о иеромонахе Феофане. Я хвалил его, как инока набожного, трезвенного и целомудренного. А преосвященный посоветовал мне присмотреться к нему ближе и следить за его духовной жизнью, дабы не одолела его какая-либо мечтательность и поведал мне, что Феофан иногда призывает к себе монахов лавры для освящения воды и просит их побольше кропить те углы, в которых гнездятся нечистые духи.

Наконец архипастырь открыл мне тайну, что дует противный мне ветер, но не из Синода, а из министерства иностранных дел. Эта весть удивила меня. На вопросы его об отношениях ко мне Сенявина и посланника Титова я отвечал, что оба они до сей поры принимали меня ласково и даже спасли от ссылки в Сергиеву пустынь (тут я рассказал, за что хотели сослать меня туда). Разве Титов высказал Сенявину свое неудовольствие за то, что я в отчете о Сирийской церкви упомянул о жалобе антиохийского патриарха Мефодия на нашего генерального консула Базили и выразил желания и просьбы его блаженства наипаче о назначении каймакана (начальника) особого для православных христиан на Ливане? Этот посланник наш, еще в бытность свою в Петербурге в нынешнем году, по прочтении одного отчета, заметил мне, что духовному лицу надобно писать о предметах духовных, а не о политических¹⁶¹. Разве Сенявин погневался на меня за то, что я лично просил его об увольнении жида Пичиоти от должности российского агента в Алеппо¹⁶², или за то, что наперсницы государыни Потемкина и Фредерикс пересказали её величеству и другим мои жалобные речи об этом жиде и о гаремном осквернении Святогробского храма в Иерусалиме? Недоумеваю.

Преосвященный Иннокентий, прощаясь со мной, советовал мне побывать у графа Протасова. Из полунамеков его я заключил, что дело идет о награждении меня за труды.

О, Господи! И надо мной исполняется истинное слово Твое: «невозможно служить двум господам: либо один возлюбит, либо другой возненавидит»¹⁶³.

День 20-й, Среда. По совету архиепископа Иннокентия, я в 11-ть часов дня виделся с Протасовым и искренно благодарил его за то, что по его избранию и назначению довелось мне путешествовать по Востоку, где укрепилось мое здоровье, расширился круг моих познаний и окрепла моя любовь к православию, уцелевшему, по милости Божией, под тяжким игом магометанским. Выслушав все это, граф холодно сказал мне: «Ничем вы не обязаны мне; Бог вас избрал, Бога и благодарите».

О награде мне ни слова!

День 21-й. Указом Св. синода, от 21 августа, за № 9107-м, данным митрополиту Антонию, постановлено: «Бакалавра духовной академии соборного иеромонаха Феофана и студентов Петербургской семинарии Соловьева и Крылова уволить за границу для поклонения Святым местам, позволить им сопутствовать отправляющемуся в Иерусалим архимандриту Порфирию и находиться при нем там в качестве поклонников и для исполнения возложенных на него особо данной ему инструкцией поручений».

Синодальным же указом от 21 августа, за № 9111-м, данным тому же митрополиту, постановлено было: «Штатному служителю Одесского второклассного монастыря Ивану Будземскому, согласно с просьбой архимандрита Порфирия, позволить остаться при нем в качестве служителя на все время пребывания его, архимандрита, за границей, о чем уведомить преосвященного херсонского; сношение же с надлежащим гражданским начальством об означении Будземского в заграничном паспорте А. Порфирия предоставить (и предоставлено) его сиятельству г. обер-прокурору Св. синода».

НВ. Этот честный, трезвый и верный служитель, по возвращении из Иерусалима со мною в 1854 году, волею Божиею скончался в петербургской Мариинской больнице, в 17-й день октября сего же года. Дай ему Бог царство небесное!

День 30-й. От Сербиновича я узнал, что Св. синод через графа Протасова предложил канцлеру Нессельроде: не согласится ли он испросить у государя половины сумм на содержание нашей миссии в Иерусалиме из государственного казначейства.

Сентябрь, день 2-й. Вчера директор хозяйственного управления при Св. синоде записочкой просил меня к себе для окончательного совещания с ним о снабжении нашей духовной миссии в Иерусалиме ризницей и утварью церковной. А сегодня я был у него в одиннадцатом часу дня и убедил его не торопиться высылкой церковных принадлежностей в Иерусалим до той поры, когда я оттуда пришло уведомление о водворении нашей духовной миссии в каком-либо монастыре иерусалимском.

От хозяйственного директора я заехал к Сербиновичу. Он, между прочим, поведал мне, что канцлер Нессельроде согласился на производство из казны половинного содержания нашей миссии в Св. Граде (а другая половина будет производима из капиталов Св. синода) и что государь император доклад о сем канцлера (утвердил).

День 5-й. Сегодня Сербинович, по случаю отъезда своего в западные епархии, простился со мной, сказавши: «Мы будем думать о вас во всю вашу дорогу в Иерусалим. А когда увидите Вселенского Патриарха, наметните ему, чтобы он в деловых сношениях своих с нашим Синодом употреблял титул и выражения, приличные ему, как брату патриархов четверопрестольных».

День 15-й, Понедельник. Утром митрополит Антоний вручил мне рекомендательное письмо свое к иерусалимскому патриарху Кириллу. Содержание его согласно с указом Св. синода о водворении нашей миссии в Св. Граде.

Вечером, в 6½ часов, я приехал к Сенявину, по приглашению его, и пробыл у него до 11-го часа ночи. Говорили мы о многом; но немногое сохраняю для памяти.

1. В 1833 или 1834-м году чрезвычайный посланник турецкий подал вице-канцлеру Нессельроде ноту о том, чтобы управление церковными имениями в Молдавии и Валахии, принадлежащими патриархам, Св. Гробу, Афону, Синаю и другим, оставлено было до времени по-прежнему без взноса денег молдаво-валахскому правительству на общественные нужды его, дабы упрочилось благосостояние святительских престолов и монастырей в Турции. Сия нота написана была по внушению нынешнего логофета Константинопольской патриархии, г. Аристáрхи, который тогда находился в Петербурге при турецком посланнике. Она имела свой

успех. Патриархи и монастыри, по соизволению государя императора, получили отсрочку на безотчетное владение имениями своими в княжествах до 1844 года. А по истечении её они обязаны были условиться с молдаво-валахским правительством о численности денежной дани на общественные надобности его. Теперь они дают только миллион *местных левов*, а господа требуют два с половиной миллиона. Наше правительство присоветовало им вносить ежегодно обещанный миллион и условиться о даче 800 000 пиастров в пользу училищ в Константинополе, Иерусалиме и в других городах Турции. Кроме сего, господа настаивают, чтобы все церковные имения отдаваемы были в аренду с публичных торгов на таких условиях и с такими сроками, на каких и нами отдаются имения казенные. Но греческому духовенству не нравится эта мера, стесняющая корыстолюбие его. Оно отвергает ее, поставляя на вид жадность турок и оскудение подающих христиан, когда огласится богатство его.

2. В конце прошлого года александрийский патриарх Артемий подал отречение от своей кафедры и в вознаграждение ущерба доходов, какие доставляла ему прежняя епархия Кюстендильская, получил из Каира большую сумму денег. А александрийским патриархом назначен архимандрит Иерофей, тот самый, которого избрали египетские христиане. Дело об отречении Артемия производилось при посредстве нашего посольства в Константинополе; и об этом посредничестве упомянуто в годовом отчете министерства иностранных дел, поднесенном государю.

3. Новый патриарх александрийский уведомил Св. синод наш о своем восшествии на кафедру евангелиста Марка. Но Синод до сей поры не ответил ему. Этой медлительности не одобрил Сенявин, и советовал мне напомнить о сем деле митрополиту Антонию. Но я отказался от щекотливого посредничества между предстоятелями церквей.

После беседы о вышеизложенных предметах была читана и обсуждена нами инструкция, написанная для нашей духовной миссии в Иерусалиме.

Потом я предложил Сенявину следующие вопросы:

1. Может ли вверенная мне миссия ходатайствовать об определении двух молодых арабов иерусалимских в Петербургскую семинарию для обучения иконописанию?

2. Может ли она со временем открыть в Иерусалиме продажу наших книг церковных болгарам и сербам?

3. Позаботится ли министерство иностранных дел об упрочении судьбы членов вверенной мне миссии по окончании служения их в Св. Граде?

Получено согласие на все это.

Наконец я подал собеседнику краткие записки свои:

1. О благотворениях господарей Молдавии и Валахии и российских царей Синайской обители.

2. Об имениях её в Валахии и Молдавии.

3. Прошения синайского братства.

4. Описание Афонских монастырей.

5. Опись имений их в Валахии, Молдавии и России.

День 17-й. Осень на дворе; с неба льются дожди; листья на деревьях желтеют и падают на землю; птицы небесные кроются в гнездах, чуя зиму. А я ни с места! У меня кукуль на голове, дорожный посох в руке, указ у груди; ну, вот сейчас побрел бы на Сион, – ан, жди да подожди. Жду, терплю, благодушествую и, сдастся, скоро уеду из Питера.

Октябрь, день 7-й. Из хозяйственного управления при Св. синоде получены мною две шнуровые тетради за № 5192-м для ведения отчетности согласно определению Св. синода, от 3 дня текущего месяца, – одна для суммы, отпущенной на единовременные издержки мои и состоящих при мне лиц по случаю нашего отправления в Иерусалим, а другая для суммы, которая имеет быть отпущена на постоянные расходы наши в Св. Граде.

День 14-й. Наконец-то я с присными моими отъезжаю из Петербурга в святой град Иерусалим. В душе моей царят радость, преданность воле Божией и надежда на успешную деятельность мою в пользу церкви Палестинской.

Боже, путеводивый Израиля от Синая до Сиона, путеводи и сохрани и нас на всем пути, предлежащем нам!

В семь часов пополудни все мы в трех собственных колясках выехали из Александроневской лавры по Белорусской дороге в Одессу и благополучно прибыли сюда 2 ноября перед

вечерней, а остановились пожить в гостинице под названием «Ревельский Порт» супротив кафедрального Преображенского собора.

Во все эти дни путешествия нашего осенняя погода была сносная, без дождей, без грязи, без снега, без заморозков. В городе Могилеве я побывал у преосвященного Исидора, потолстевшего и побелевшего в лице, а два дня (22 и 28 окт.) провел у настоятеля тамошнего Братского монастыря архимандрита Софонии, бывшего товарищем мне в духовной академии, и уговорил его перепроситься на службу при нашем посольстве в Константинополе.

Где-то на почтовой станции случилось мне видеть белорусского простолюдина, топившего тут печку, и узнать от него, как он молится Богу. Сперва он прочел мне наизусть *Царю небесный, Пресвятая Троице, Отче наш и Верую во единого*, потом без остановки произнес: семь суть *сакраментов* – крещение, миропомазание, покаяние, причащение, священство, брак и елеосвящение, и наконец без остановки же, с чувством, с толком проговорил: «*Наисвенша панна Мария по небу ходит и пана Иисуса за ручицу водит от рая до рая, от костела до костела; а в тех костелах вси святые сидят и на пана Иисуса глядят*».

Оказалось, что он был униат.

Ноябрь, с 3 дня по 21-й. Так долго в Одессе задержало нас заготовление разных домашних надобностей, ожидание нескольких ящиков с моими книгами, отправленными из Петербурга по транспорту 7-го октября, и шитье подрясников, ряс и полуриясок для всех членов миссии, которое нашим покровом не может быть изготовлено нигде за границей.

День 21-й, Пятница. В пять часов пополудни пароход «Херсонес» отчалил от берега Одессы и понес нас в Константинополь. Нам попутен ветерок тихий. «Херсонес» идет ровно, плавно и нас не качает. С нами едет полковник Ковалевский. Он отправляется в Египет, Нубию, Абиссинию и далее приискивать золото для египетского паши. Его будет сопровождать туда отряд солдат пашийских.

Наступила светленькая ночь. Я пропел гимн: *Коль славен наш Господь в Сионе*, – помолился Сотворшему небо и землю, море и вся, яже в них, и заснул сном богатырским.

День 23-й, Воскресенье. Пароход наш в два часа пополудни бросил свой якорь в *Золотом Роге*, – заливе между Стамбулом и Галатой. Мы сошли с него на берег и на первый раз приютились в горницах посольского духовенства и в комнатах, назначенных для приема богомольцев, отправляющихся в Иерусалим.

День 25-й, Вторник. Был я у посланника Титова. Кто-то известил его, что я в Иерусалим везу щегольскую мебель, и он, передавши мне это известие, примолвил: «Не щеголять вам надобно в Святом Городе, а подавать пример жития скромного». Но я разуверил его, объявив твердо, что везу с собой книги свои, а не столы, стулья и диваны, о которых и не помышлял. Посланник отсоветовал мне говорить с Фаворским архиепископом Иерофеем о помещении миссии нашей в каком бы то ни было монастыре иерусалимском. Это дело лучше сделает патриарх Кирилл. На вопрос мой: могу ли я побывать у вселенского Анфима, у бывшего патриарха Григория VI, у синайского архиепископа Константия и в богословском училище на острове Халки, – собеседник мой ответил: «Подумаю».

День 26-й, Середа. И надумал, и сегодня, когда я представил ему сотрудника своего иеромонаха Феофана, разрешил мне посетить всех, о ком я говорил ему вчера, и просить вселенского проверить составленный мною список всех состоящих под священноначалием его архиереев.

День 27-й, Четверток. Утром я, Феофан и два студента, все мы принимали благословение сперва у Фаворского Иерофея в Иерусалимском подворье, а потом у вселенского Анфима в присутствии всего священного Синода его.

Фаворский наговорил мне много новостей. Вифлеемский митрополит Дионисий прибит францисканскими монахами. Латинский патриарх Валерга отправляется в Иерусалим на жительство там. Александрийский патриарх Иерофей хиротонисан в Каире митрополитом смирнским, архиепископом бейрутским Вениамином и севастийским архиепископом Фаддеем. Он строит в Александрии новую церковь и намерен рукоположить трех епископов для малой паствы своей. На ливийскую кафедру уже избран им синайский инок Каллистрат.

Я говорил собеседнику о том, что пора дозволить синаитам служить литургию в Каиро-джуванийском подворье их. Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе!¹⁶⁴

Вселенскому я хвалил виденные мною в кафедральной церкви его мозаические иконы, и особенно Предтечу. Он спросил меня, почему Предтеча пишется с крыльями и, выслушав

ответ мой: «Потому, что в пророчестве Малахии он назван ангелом, посланным от Бога приготовить путь Мессии»¹⁶⁵, – высказал другое объяснение: «Предтеча пишется с ангельскими крыльями потому, что он жил как бесплотный ангел». Я хотя-нехотя согласился с ним. Затем патриарх пригласил нас присутствовать при соборном служении его в день памяти Св. апостола Андрея Первозванного, а накануне сего праздника ночевать в его кельях, дабы тут выслушать *утреню*, а в патриаршей церкви Св. Георгия *канон праздничный*.

День 29-й, Суббота. В четыре часа пополудни мы отправились к его всесвятейшеству. Он принял нас, как отец детей своих, и разделил с нами вечернюю трапезу, в час которой и после которой говорено было о многом. Сперва была речь о новой камилавке для униатов в Турции. Досточтимый собеседник поведал мне, что известное тяжёлое дело о ней кончилось на днях, показал одобренную султаном и припечатанную патриаршей печатью образцовую камилавку для всех униатов в Турции. Она походит на греческую: разница только в вишневом цвете и в шести углах верха её. Вселенский разошлет по всем патриархам подобные наглавия; и им вместе с нашими консулами останется наблюдать за исполнением воли падишаха. Потом спрашивал я владыку: справедлив ли слух об обращении какого-то знаменитого раввина в православие в Константинополе. Он ответил, что никакой раввин не крестился, а было вот что. «Одна еврейка, которой муж сделался христианином, по закону своему требовала развода с ним. Его позвали в синагогу для удостоверения, точно ли он переменял прежнюю веру и он с дерзновением исповедал там Иисуса Мессией. Его отпустили с миром. Кроме этого еврея на Афоне готовятся ко крещению десять-пятнадцать евреев». После сего была речь о проповедниках греческих и о богословском училище на острове Халки. Оказалось, что не при всех митрополитах состоят проповедники, и что их готовит сие благоустроенное училище, в которое и антиохийский патриарх Мефодий из Дамаска прислал двух питомцев, да амидийский митрополит Макарий, недавно покинувший унию и принявший православие, пришлет юношей своих. От вселенского узнал я то, что викарий филиппопольского митрополита епископ Макарий, недавно отпавший в латинство, раскаялся, и теперь спасается на Афоне.

Во время ужина наилучший *псалт* пел догматик *Всемирную славу, от человек прозябшую*, но так гнусил и так вопил по-турецки, что мои студенты, позади которых он стоял, едва удерживались от смеха, закусивши свои губы.

После ужина я показал патриарху напечатанный турецким правительством адрес-календарь на 1847 г., в котором помещен список *митрополий*, подведомых вселенскому престолу, и, выразив сожаление о неполноте его, так как в нем не напечатаны названия *епископий* и имена *епископов*, объявил ему, что в Петербурге приготовлен для печати список всех православных патриархий и входящих в состав их митрополий и епископий, переведенный мною по-гречески, и просил его проверить этот список и дополнить указанием местопребывания каждого архиерея. Его святейшество ответил мне, что он прикажет составить для меня свой список, самый верный и полный, и пришлет его ко мне дня через два (Прислал). После сего он захлопал в ладоши. Явился диакон и, выслушав приказ владыки принести две мантии и две митры, тотчас принес их и положил пред нами на стол. Одна мантия и одна митра были греческая, патриаршая, а другую подобную двоицу подарило его святейшеству наше министерство иностранных дел за возведение посольского иеромонаха Амвросия в сан архимандрита. Патриаршая митра кованая из серебра, позолоченная и украшенная по местам драгоценными камнями, в виде короны с двумя зубчатыми поясами, один над другим, и с двуглавым бриллиантовым орлом спереди, эта митра в сравнении с нашей из парчи, без драгоценных камней, казалась блистательно прихотью, вполне затмевающей наш дешевенький подарок. Что касается нашей мантии, то и она не во всем походила на патриаршую: у ней не было короткой нашивки с борами и бахромой, пристегиваемой сзади к воротнику мантии патриаршей. Первосвятительская корона, сделанная в 1741 году, стоит 100 000 пиастров (5000 р.), а наша – не более 600 р. Посмотрев да посравнив эти две вещи, я понял, что патриарх был не очень доволен нашим скудным подарком, и хотя не выражал своего недовольства, но не утерпел, сказал мне: «Я желал бы послать в Петербург свою мантию для образца». На это я ответил ему: τί θὰ εἶπῃ βασιλεὺς ἡμῶν? как это покажется царю нашему? За сим последовало обоюдное молчание и прощание на сон грядущий.

День 30-й, Воскресенье. В четыре часа полуночи нас разбудил протосингелл патриарха и отвел в горницу его, где мы и выслушали полунощницу и утреню до канона. По окончании этой службы, совершенной втихомолку, всесвятейший вместе с нами сошел в церковь Св. Георгия, и тут стал на возвышенной кафедре своей у южной стены и тотчас сам запел канон Богородичный:

ἀνοίξω τό στόμα μου, – *Отверзу уста моя*. Я и о. Феофан поместились по правую сторону его в стасидиях, а студенты мои стали впереди народа; по левую же сторону стоял логофет великой церкви Константинопольской. В минуты пения девятой песни канона синодальные митрополиты, числом двенадцать, попарно подходили к патриарху, кланялись ему в пояс, целовали его руку, и так принимали его благословение на совершение с ним божественной литургии. Когда певец и с ним народ начал петь *Слава в вышних Богу и на земли мир*, патриарх сошел с кафедры своей, стал среди церкви у высокого кресла, и тут облачился в приличные одежды, присланные из России, но митру надел на голову свою, не нашу, а ту, которую показывал нам вчера после ужина. К нему, по зову архиерея: *Архиереи изыдите*, из алтаря попарно вышли 12-ть митрополитов в саккосах и омофорах с длинноватыми Служебниками у левой стороны груди, но без митр, в черных клобуках, и стали не рядом с ним на одной линии, а вдоль церкви, шесть направо и шесть налево, как у нас при архиерейском служении становятся архимандриты и священники. Немножко странно было нам видеть их в клобуках на местах священнических; но зато служебники, поддерживаемые шуйцами у персей, доказывали, что иконописцы изображали святителей с книгами же у персей не по произволу своему, а по подражанию живым архиереям, выходявшим из алтарей с книгами же у груди. Началась литургия Св. Иоанна Златоустаго. После *Приидите, поклонимся* и пр. патриарх и митрополиты вошли в алтарь; туда же вошел и я для наблюдения за первосвятительским священнослужением. Он кадил престол, святые образа и народ, держа в шуйце драгоценный посох, обычный, архиерейский, но без сулога; сослужащие же с ним установились у св. трапезы так, как стоят священники. Ектении об оглашенных не были произносимы. Херувимская песнь длилась пока все митрополиты после патриарха помянули известных им живых и усопших. *Верую во единого Бога Отца* наизусть читал логофет. Патриарх, причастившись св. тайн, преподал тело и кровь Христову каждому митрополиту, как наш архиерей преподает их священникам. После обедни все сослужившие с ним и мы взойшли в патриаршую приемную горницу и уселись на своих местах, – я подле патриарха. Поданы были всем варенье с водой, кофе и трубки с курительным табаком. Я не курил его, а только дул сквозь чубук в трубку и произвел дым столбом. Патриарх просил меня сказать нашему посланнику, что он *тайно* поминал государя нашего в молитвах своих и его самого (Титова) и что наш *практор* в Кидонии притесняет там одного грека, который гораздо лучше притеснителя своего служил бы нашим интересам, если бы признан был нашим практором там. Принимая прощальное благословение его всесвятейшества, я получил от него письмо к начальнику богословского училища на острове Халки митрополиту Тибалдо¹⁶⁶; потом зашел к живущему у патриарха архиерею Панарету, по приглашению его. Он, к удивлению моему, поведал мне, что живущий в Константинополе русский подданный грек Спандони не отдает ему 100 голландских червонцев, и просил наше посольство понудить сего должника к уплате долга его. Я промолчал. От сего докучливого архиерея меня провели к сербскому депутату. От него я узнал, что патриарх сегодня молился о спасении сербского народа, по завещанию бывшего правителя Сербии, Милоша Обреновича старшего, который пожертвовал для сего богоугодного дела в общинную казну патриархии 50 000 пиастров.

NB. Сербский депутат говорил со мной по-латыни и по-немецки.

Декабрь, день 2-й. В Константинополе живет папский миссионер, который хорошо знает язык церковнославянский. Он купил здесь богослужебные книги, напечатанные в России, и послал их папе, а турецкому министру иностранных дел показал в них моление о потреблении агарянского царства. И вот теперь здешние книгопытатели вырезают эти моления и вырывают те страницы, где напечатаны имена наших царей, цариц и их чад. Жаль мне болгар, которые охотно покупают наши богослужебные книги. Я боюсь, как бы агаряне не стали притеснять их под предлогом розыска этих книг для уничтожения в них речений, противных агарянскому владычеству их.

Дни 7, 8 и 9-й и ночи их проведены были мною в подворье Иерусалимской патриархии, у Фаворского архиепископа Иерофея. Он сообщил мне много новостей и дозволил осмотреть подворную библиотеку.

Вот новости. В Константинополе носится слух, будто иерусалимский патриарх Кирилл будет переведен в Дамаск на кафедру первосвятителя антиохийского, а Фаворский Иерофей на кафедру Иерусалимскую (Я не верю этому слуху, пущенному, вероятно, самим Иерофеем, хоть он и уверял меня, что ему не хочется быть иерусалимским).

Греческое правительство недавно возвратило имения Св. Гробу, Синаю и Афону (Хорошо! Правда есть основание царств).

Синайский иеромонах Каллистрат, успешно хлопотавший в Афинах о возвращении имений Синайской обители, посвящен в сан митрополита ливийского (Да просветится свет его пред человеки!)

Иерусалимские армяне ладят со святогробцами, и заодно с ними подали в Порту жалобу на латинских монахов, шумящих и ратующих в Вифлееме безрассудно (Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе¹⁶⁷).

Назад тому год, падишах всем палестинским отцам дал фирман, повелевающий им владеть теми Святыми местами, на каких кого застал сей приказ, и не домогаться новых приобретений (Посмотрим, как исполнится султанский пес plus ultra).

Монастырю, что на острове Хálки, в котором ныне помещается богословское училище, принадлежит в Молдавии имение под названием Аарóн-вóда, и дает ему 1600 голландских червонцев ежегодно.

Бывший вселенский первосвяtitель Григорий VI, по удалении Константия, яко руссофрона, т. е. приверженца России, получил патриаршее достоинство за 3 000 000 пиастров (150 000 руб.).

Нынешний патриарх Анфим сребролюбив.

Иаковитский патриарх Иаков, живущий в монастыре Сафрán близ Мардина, – говорят, – не прочь от православия. А ему подведомы 14-ть митрополитов в Месопотамии и два в Индии (Хорошо, как бы нашего полку прибыло).

Греко-униатский патриарх Максим не хочет носить новой камилавки с шестью углами, а клиру своему позволяет это.

Этот Максим судился с амидийским митрополитом Макарием за два дома в Диарбекире, но не выиграл тяжбы. Преосвященный Макарий судебным порядком доказал, что эти дома были куплены им на собственные деньги. В одном из них он открыл училище.

Таковы фаворские новости. А небольшую библиотеку Иерусалимского подворья я осмотрел бегло, и нашедши в ней, кроме книг о России, рукопись в лист, содержащую письма, векселя и разные деписания иерусалимских патриархов, выпросил ее у Фаворского для домашнего просмотра и многое выписал из нее для ознакомления с историей Иерусалимского патриархата. Выдержки из этой рукописи задержали меня в Константинополе на весь декабрь месяц.

Из числа книг о России занимательным показался мне *Лексикон треязычный*, напечатанный в Москве в 1704 году, с предисловием, которое помещаю здесь, как книжную новость для меня и для многих.

«*Лексикон треязычный* сиречь, речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по словенскому алфавиту в чин расположенное, ныне же повелением державнейшаго, великого государя царя, и великого князя Петра Алексиевича, всея великия и малыя и белыя России самодержца. При благороднейшем Государе нашем Царевиче и великом князе Алексии Петровиче: в царствующем великом граде Москве, в его царстей типографии типом изданое. В лето миробытия ҃зс҃҃҃҃, от воплощения же Бога Слова ҃афд҃¹⁰ индикта і҃҃, месяца декемвриа первое.

Любезному читателю о Господе радоватися.

Три языки повествует писание Божественное бывшия на кресте Спасителя нашего Христа Господа, еврейский, греческий и латинский. Тайна по истинне сокровенна в сем треязычии. Ибо еврейский язык есть язык свят. Греческий язык есть язык премудрости. Латинский язык есть язык единоначальствия.

Сими убо тремя языки титло Христа распятого состояшеся, яко да яве будет, оного быти единого от Троицы и языками убо, слово быти предвечно назнаменуется. Еврейским, святого святых, греческим Отчую предвечную премудрость, латинским всея твари едино начальствующа Господа быти, веруем и исповедуем.

Соизволили и нам таинственному сему последовати чину, и на умножение славы тремя языки прославленного имени Христа распятого, к сим же и на общую пользу, треязычный сей лексикон типом обнародствовати.

Трех язык вёрша краснозрачнеи цвети

Благоухают. Обирайте дети,

Плод мудрости сей вас да услаждает,

Старым и юным жезл в жизни бывает.

Того ради и благочестивейшии наши Российстии царие, яко во истину суще благочестия и престола греческаго преемницы, тако и премудрости оных явишася ревнители и хранители, и издревле даже донныне еллиногреческих наук училища тщательно в своей благочестивей державе умножают, яко рещи прежде в Киеве, а ныне и в самом царствующем граде Москве, идеже и мы который талантее славеногреколатинских наук Божиею помощию приобретохом. Сий зде любезныя наша отчизны мудролюбоем, чрез сию книжицу преподаем, яко да утешаемая в Грецах премудрость, зде в православном Государстве плодится, во утверждение правых Греческих догмат и языка. Приложися же и третий язык латинский того ради, яко ныне по кругу земному сей диалект паче иных в гражданских и школьных делах обносится.

Ведяще же, яко во многих, паче же мудрших и старших совет спасение упросихом дела сего к смотрительству и правиму суждению мужей премудрых и богословных, и в первых убо премудраго и превелебнаго отца, преосвященнаго Стефана Яворскаго митрополита рязанскаго и муромскаго, мужа суща словом и делом преславна и православна, в латинском же и славенском языцех изящна. Богословии и свободных наук верху не краем перста коснувшася. Еще пречестнаго отца Рафаила, краснопольскаго, ректора тогда бывша московскаго славенолатинскаго училища, и сего в таковых же учениях, и во изрядстве латинскаго диалекта по первом вторствующа. По сих же и греков трудолюбивую двоицу, отцев иеромонахов Иоанникиа и Софрония Лихудов учителей наших любомудрейших: их же изящность какова и колика на еллиногреческом языке, и в латинском искусство, от плод их познати удобь есть, имущему разум здрав и независен.

Убо толик имея премудрых и православных свидетелей облак, стяжи сию книгу любезно, а потрудившихся в ней, где кая погрешность приключится (яко в новом и необычном деле) прощения сподоби. Любви твоей небесных и земных благ желателіе.

Московския типографии справщик Феодор Поликарпов, со всем в деле сем трудившимся клеветством».

Кроме этого Лексикона прочитана была мною рукопись на греческом языке о посольстве Феодора Байкова и переводчика Николая Спафаря в Китай через Сибирь в 1675 году. Им даны были 50 000 рублей на путевые издержки, разные покупки и на обмен китайских изделий. Любопытная рукопись. – Βίβλος, ἐν ἣ γέγραπται ἡ ὁδοπορία τῆς βασιλείας τοῦ Σιμπιρίου ἀπὸ τῆς πόλεως Τομπόλσκης μέχρι καὶ τῶν ὁρίων τοῦ βασιλείου τῆς Χῆνας, ἐν ἔτει ἀδαμιαίῳ 7183 μηνὸς μαΐου ζ-η. – Ἐγράφη δὲ αὕτη ἡ βίβλος, ὅταν κατὰ προσταγὴν τοῦ μεγάλου Αὐθέντος, βασιλέως καὶ μεγάλου Κνέζου Ἀλεξίου Μιχαηλοβίτζου, πάσης μεγάλης, μικρᾶς τε καὶ λευκῆς Ῥωσσίας αὐτοκράτορος. Ἐπέμφθη ἀπὸ τῆς Μόσκβας μετὰ πρεσβείας εἰς τὸ βασιλεῖον τῆς Χῆνας Νικόλαος ὁ Σπαθάριος ἐν ἔτει ἀπὸ Ἀδὰμ 7183 μαΐου ζ-η, – то есть: Книга, в которой описано путешествие по царству Сибирскому от города Тобольска до пределов царства Китайского, в лето Адамово 7183-е, месяца мая 7-го. А написана эта книга, когда по велению великого государя, царя и великого князя Алексия Михайловича, всея великия, малыя и белыя России самодержца, отправлен был из Москвы с посольством в царство Китайское Николай Спафарий в лето от Адама 7183-е, мая 7-го».

«Переписана же эта книга с манускрипта Спафария в 1693 году от Р. Х. в месяце октябре, в Москве, по приказанию преподобнейшего архимандрита иерусалимского (имя его опущено), когда и сам он находился в этом городе».

Содержание её. Зимний путь от Москвы до Тобольска. – В 1675 году, мая 2-го, Байков и Спафарий отправились на трех судах по реке Иртышу. – Описание этой реки. – Описание реки Оби от истоков её до впадения в море. – Год 7184-й. – Описание Байкальского моря, кругом от устья реки Ангары, вытекающей из Байкала, до начала устья её. – Описание реки Лены. – Описание Далайи, – Δαλαΐας, и реки Аргуна. – Описание Каспийского моря. – Описание Китайского государства до великой стены. – Описание города Пекина и двора китайского хана, и о том, как вошли мы в Пекин и как явились в ханский дворец с грамотой великого государя, как позваны были на обед; и о китайском народе, о житъе его и зодчестве.

К этой же рукописи присовокуплены:

Сказание о начале Москвы;

Родословие московских князей, оконченное сказанием о Петре митрополите;

Сказание о Ермаке,

и Беседы Кирилла философа Константинопольского (тоῦ Ῥωμαιοῦ) с великим князем киевским Владимиром, еще некрещеным¹⁶⁸.

Многосодержателен вышепомянутый рукописный кодекс Иерусалимских патриархов. Из него я выписал весьма многое. Например, о Грузии и России. Около 150 лет назад от нашего времени, в Грузии не крестили детей, а только миром помазывали; игумены же, попы и князи продавали христиан агарянам. В царствование Петра Великого Восточная церковь печалилась о нечистом православии Киевской академии, и в том же обличала Стефана Яворского не в бровь, а прямо в глаз, и напечатала опровержение его богословских уроков. Палестинские святители письмами благодарили Иоанна Стефановича Мазепу, кавалера ордена Андрея Первозванного и гетмана великия Казакии, за его усердие к Св. Гробу и за богатые пожертвования¹⁶⁹.

День 10-й. Неудобство наших помещений в посольском доме, где и почтамы наш, но нужно мне нанять две комнаты в частном христианском доме, близ реченного почтамы, на торной улице Перы. Сюда мы все перешли сегодня и прилежно занялись своим ученым делом. Я кроме выписок из помянутого кодекса, перевел с греческого два устава, данные Афонским монастырям греческими царями Иоанном Цимисхием в 970 году и Константином Мономахом в 1046 году¹⁷⁰.

День 13-й. Здесь со дня на день ожидают прибытия посла римского папы Пия IX. Султан выслал парход навстречу ему; а в доме, где будет жить этот сановник римский, уже поставлена почетная стража. Sic fama clamat¹⁷¹.

День 6-й. Сегодня константинопольский патриарх Анфим прислал мне обещанный им список иерархов Восточной православно-кафолической церкви. В этом списке верно показаны подведомые престолу его епархиальные архиереи, кроме ионических, сербских и еллинских в царстве Греческом и святители самостоятельного архиепископства Кипрского. Что же касается до прочих трех патриархатов, то в список внесены только одни епархии их без показания имен архиереев.

День 22-й. Русский перевод этого списка с прибавлением непоказанных в нем имен патриархов и архиереев и их местопребываний послал сегодня Сербиновичу. В письме к нему присказано вот что: «В списке Синайский архиепископ поставлен в ряду святителей, подведомых престолу патриарха Иерусалимского. Так и быть должно. Ибо во всех древних списках он числится между архиепископами церкви Палестинской. Нельзя называть и писать его самостоятельным, — αὐτοκέφαλος, потому что самостоятельность предоставлена собственно не ему, а монастырю Синайскому».

День 23-й. Был я у посланника В. П. Титова и говорил ему а. об упрочении будущей судьбы членов нашей духовной миссии в Иерусалиме; б. о холодности наших синодалов к духовенству, служащему при министерстве иностранных дел; в. о трудности путешествовать по Сирии и Палестине в месяцах декабре и январе по причине разлития горных потоков и грязи и г. о нашем помещении в Архангельском монастыре Св. Града.

День 26-й. Было последнее, прощальное свидание мое с вселенским Анфимом и с Фаворским Иерофеем.

Конец.

Богу слава.

I. Пребывание в Константинополе.

Январь, день 1-й. Боже вечный и Царю всякого создания. Молю тя, Блаже и Премудре, продли мою жизнь в сие новое лето, просвети мой ум, освяти мое сердце, подаждь мне дар различения духов, долготерпение, кротость, незлобие и любовь, да обрящу благодать пред лицом всех людей. Ниспосли мне дух совета и дар управления и подаждь старческую степенность и девственное целомудрие, да во имя Твое соблюду дети, их же дал еси мне, и да буду им образ жития благоугодного Тебе. Возвесели мя в творениях руку Твоею. Настрой мое слово, яко же псалтирион царя пророка Давида. Покрый мя щитом Твоея крепости во время напасти и избави мя от всякого зла. Повели, Господи, пучинам морским и устремлениям речным ни губити, ни устрашати мя, малодушна суща. Ей, Владыко Боже, услыши молитву мою и исполни желания сердца моего. Аминь.

День 4-й. Сегодня прибыл в Константинополь посол римского папы, г. Ферриери, на сардинском пароходе. Я видел въезд его в Золотой Рог из окон нашей посольской церкви. Когда дымящее судно огибало старый султанский дворец, раздались обоюдные приветные выстрелы. Спустя несколько часов, Ферриери и с ним генерал-прокурор Армянского монастыря в Риме, о. Арсений, аббат Веспасиани, командор Иосиф *Ферретти* и граф *Маркетти* в трех султанских, подержанных колясочках парных, появились на большой улице Перы. Их везли в назначенный им дом. Подле них ехали верхами немногие чиновники турецкие. Весь этот поезд остановился на несколько минут у мечети пляшущих дервишей, потому что здешние итальянцы нарочно попортили здесь мостовую, дабы приудержать посла и прокричать: *Vivat Pio nono!* – да здравствует Пий девятый. Пока поправлялась мостовая, эти чада папы, украсившие свои шляпы белыми ленточками, не громко проговорили сие приветствие и мгновенно рассеялись. Такая поспешность их и сборище у попорченной дороги, почти в захолустье, объясняются соглядатайством здешнего австрийского посольства, которое запретило итальянцам, подданным Австрии, торжественно встречать римского посла, не одобряя дружбы христианского первосвященника с повелителем магометан. Бедность колясочек, полузакрытых сверху и спереди, малочисленность турецких всадников, сопровождавших знатных гостей, соглядатайство австрийцев, робость итальянцев, равнодушие греков и турок, все это придавало поезду Ферриери вид более похоронный, нежели торжественный. Когда поп хочет быть царем, тогда Бог и цари объявляют его попом.

День 5-й. Ферриери привез с собой богатые подарки султану и первым сановникам его. Между ними замечательны: бронзовая позлащенная колонна наподобие Траяновой, мозаический стол на треножнике для завтрака, золотые, серебряные и бронзовые медали, выбитые в первосвященство Пия IX, картина, представляющая рай земной, кисти Петра и бриллианты для великого визиря.

Что думал папа, когда падишаху готовил в подарок колонну Траяна и картину рая земного? Не знаю. Я не сердцевед. Однако гадать и судить о значении этих подарков не отказываюсь. Ежели эта картина придумана как напоминание рая Магомета, то такая лесть немудрой хитрости не прилична первосвященнику христианскому. Если же она приготовлена как выражение покоя, довольства и благополучия народов, состоящих под владычеством папы и султана, то Пий IX кичлив и лжив, как Люцифер. Что касается до колонны Траяновой, то она поднесена падишаху, или как знамение политического могущества папы, или как напоминание о том, что он после римских кесарей наследовал самодержавие и потому достойно и праведно занимает место в сонме царей. В первом случае венчанный первосвященник подшутил над самим собой, а во втором показал, что двор его до сих пор язычествует и что ежели сердце его принадлежит христианству, то воображение предано идолопоклонству и мечтам земного владычества. Впрочем, будем снисходительнее и скажем, что эти подарки, как и другие, приготовлены без особых умыслов, просто как образчики изящных искусств, процветающих в Италии.

А чтобы значил завет папы с преемником халифов? Не думает ли синица зажечь море с помощью ястреба? Но для синицы есть силки, а на ястреба соколы. Не мечтает ли архиепископ древнего Рима подчинить своей власти святителя Рима нового и его паству? Но грекам никогда не бывать латинами. Не затевает ли овладеть иерусалимскими святынями преемник пап, воздвигших крестовые походы и не видавших ни Яслей, ни Голгофы, ни Гроба Господня? Но

белый царь, православный государь российский не уступит ему одному эти святыни, драгоценные для многих народов, исповедующих одну с ним веру.

Римский двор ко многим грехам своим против Бога и науки, против народов и святых людей, присоединил новое беззаконие, – дружбу с Магометом. За то быть ему в беде! Ибо есть Бог правосудный.

[Es ist ein Gott des Rechts!]

Wird die rechte Weisheit Finthen hemmen,

Die der Sturm auf wilden Flügeln trägt?¹⁷³

Собственные чада папы воздвигают на него бурю. Посмотрим: может ли он попить разъяренные волны и остановить их грозные устремления на него.

[За час до полудня]. Перестаю рассуждать о папе и начинаю говорить об армянах. Сегодня в одиннадцать часов позвал меня к себе посланник Титов и изъявил желание, чтобы я посетил здешнего армяно-григорианского патриарха и познакомился бы с ним по праву путешественника и по воспоминанию о благоприятных сношениях моих с армянским духовенством в Иерусалиме. Заметив, что сей патриарх не без образования и что лицо у него умное, посланник рассказал мне спорное дело иерусалимских армян с греками о ключе от западных дверей Вифлеемского храма.

«Армяне в последние два года немало нашумели в Порте, домогаясь свободного входа в Вифлеемский собор наравне с греками. Порта сначала благоприятствовала им. Но мы поддержали святогробское духовенство и вели дело так, чтобы обе тяжущиеся стороны сами придумали, как поладить между собой. Посему армяне предложили четыре способа к прекращению тяжбы: 1. никогда не запирают спорных дверей; 2. отдать ключ от них туркам, дабы они отпирали их как для армян, так и для православных; 3. позволить армянам иметь особый ключ и 4. кажется, переделать вход в Вифлеемский собор с улицы. Таков ли последний способ, я не помню хорошо, примолвил посланник и продолжал: «На днях побывайте вы у князя Ханжерли, он объяснит вам это дело. Князь уже предупредил армянского патриарха о вашем прибытии сюда по пути в Иерусалим и о вашем намерении посетить его высокостепенство, и внушил ему, что он свободно может говорить с вами о деле Вифлеемском как с человеком, посетившим Св. места и знакомым с делами подобного рода. Вам надобно знать сей спор. Быть может, на месте вы придумаете кончить его иначе, нежели как предлагали армяне. Первые два способа, т. е. незапираемость дверей и вручение ключа от них туркам, отвергнуты греками, – и справедливо. Довольно и того, что у магометан находятся ключи от храма Иерусалимского, по давнему решению Порты; зачем же делать их стражами другой святыни и вводить то, чего не бывало. Остальные два способа еще обдумываются. Консул Базили писал ко мне из Бейрута об этом деле и приложил план Вифлеемского собора. В другое время я покажу вам этот чертеж для соображения вашего».

Когда я сказал, что у меня было намерение посетить здешнего армянского патриарха, дабы узнать от него об успехах протестантства в его пастве, тогда посланник поведал мне, что сей владыка принял сильные меры к прекращению прозелитизма протестантов и даже напечатал свое защищение против клеветы их, будто он наказывает тюрьмой и ссылкой армян, желающих принять евангелическое вероисповедание. В этом защищении он выразил свое право отстаивать и спасать церковь, вверенную его управлению, и неправо протестантов золотом привлекать к себе бедных армян или политической силой освобождать их из тюрьмы, куда их заключили за долги или худые дела».

Этим кончился разговор наш.

День 19-й. В прошедшие дни были составлены мною краткие заметки о церквах Александрийско-египетской, Антиохийско-сирийской и Палестинской и сегодня чрез посланника препровождены в Святейший синод с присовокуплением к ним трех актов о синайском архиепископе и монастыре, выписанных мною из кодекса Иерусалимской патриархии.

День 21-й. Наконец князь Ханжерли уведомил меня надневной записочкой, что армянский патриарх ожидает меня завтра в девять часов пополудни и прислал ко мне две деловые бумаги для соображения.

Любопытны эти армянские деписания. Они как нельзя лучше показывают, как представители трех вероисповеданий в Иерусалиме хитрят друг перед другом, препираясь за Святые места и пользуются временем, как орудием к запинанию друг друга и к проволочке тяжёбных дел своих. То им недосужно, то советные старцы их нездоровы, то раненько, то позднеенько идут они поздравлять друг друга с праздником и совестятся говорить о тяжёбных

делах в дни святые, то не принимают этих дел на свою ответственность и смиренно на словах, а самонадеянно в сердце предоставляют их решению своих знаменитых старшин в Константинополе. Тамошний посланник наш, принужденный ласкать одних и других, уговаривает их посоветоваться и как-нибудь поладить между собой, а они думают, думают, и что же придумают? – Чтобы сам он рассудил их и решил тяжбу, разумеется, в пользу каждого. Горемычный посланник!

День 22-й. Утром в семь часов я поехал к армянскому патриарху. Со мной отправился иеродиакон посольской церкви о. Григорий в качестве переводчика с русского языка на турецкий. Два часа под проливным дождем тащились мы по извилистым улицам и гадким мостовым до жилища его высокостепенства, которое находится в Стамбуле, близ Мраморного моря. У ворот встретили меня два монаха, а у лестницы – несколько почетных старцев, между которыми я узнал архимандрита Григория, бывшего игуменом Вифлеемским в 1844 году. Армяне весьма учтивы. Патриарх в цветной рясе и остроконечном клобуке принял меня в дверях гостиной комнаты, прилично убранной и устланной коврами. Я хотел поцеловать его руку, но он ловко отдалил ее. После того, как все мы уселись на низких [приземистых] диванах и обменялись учтивыми поклонами, я начал разговор.

– Бог сподобил меня видеть всех наших патриархов и насладиться лицезрением двух владык армянского народа. Эчмиадзинского патриарха Нерсесса я лично знал еще тогда, когда он был архиепископом в Кишеневе. Иерусалимский патриарх Захария в бытность свою в Св. Граде нередко принимал меня в своем монастыре с незабвенным добродушием и удостаивал откровенной беседы¹⁷⁴. В сих двух высоких особах я полюбил ваше духовенство, и это чувство заставило меня быть у вашего высокостепенства.

Когда о. Григорий переводил мои слова, я всматривался в патриарха. Узкое, молочное, благообразное лицо его, опушенное черной, как смоль, бородой с малой проседью, черные брови дугой, осеняющие прекрасные выразительные глаза, длинный нос, полные алые губы, тонкий средний стан, обличали в нем душу даровитую, восприимчивую и способную любить и повелевать.

Патриарх, выслушав переводчика моего, слегка наклонил свою красивую голову степенно и мило и сказал:

– Мы наслышались о ваших достоинствах и широте вашей любви к церквам Христовым и весьма рады видеть вас.

– Имеете ли вы известия о патриархе Нерсессе?

– Слава Богу! Он здравствует и трудится для блага нашей церкви, стараясь мало-помалу сближать ее с церковью православной. По его благословению, наше духовенство уже начало отращать волосы и носить камилавки, прямые, похожие на ваши. Им введено новое пение в наших церквах.

– Благое начало есть половина дела. Добрые начинания и Бог благословляет. Для сердца же христианина весьма утешительно надеяться, что рано или поздно исполнится непреложное обетование Господа: и будет едино стадо и един Пастырь¹⁷⁵. Эта надежда порождает благоговение к тем людям, через которых Бог совершает и совершит соединение всех племен земнородных под единой главой Христом.

– Благоденствие и величие Российской державы есть великое знамение Божие во языцех.

– Бог нам дал Эчмиадзин и заповедал хранить его.

– Там средоточие нашей церкви и народности.

– Там по временам возникало стремление к соединению двух церквей, Армянской и Греческой. Умалчиваю о прошедшем; в наши дни покойный патриарх Иоаннес писал государю императору, что церковь ваша признает семь Вселенских соборов. По поводу его письма Св. синод наш просил его сообщить подробное вероисповедание церкви Армянской. Но смерть сего святителя прекратила это благое начинание. Преемник же его (да продлит Бог драгоценные дни его!) отвечал, что у него нет отличных богословов, которые сумели бы написать сие вероисповедание, и что он признает достаточным то изложение веры, которое написано было в двенадцатом веке при греческом царе Мануиле и при современнике его, эчмиадзинском патриархе Нерсессе, соглашавшемся принять православие. Это изложение в прошлом годе переведено с армянского на русский язык и напечатано в Петербурге. Имеете ли вы этот перевод?

– Мы даже и не слыхали о нем. А как он напечатан? Вместе с подлинником?

– Без подлинника.

– К сожалению, никто из нас не знает русского языка.

Подали чай. Нить разговора прервалась. По минутном молчании я спросил патриарха.

– Ваше высокостепенство! позвольте увериться, что здешние протестантские миссионеры немногих из вашей паствы обратили в свою веру.

– Весьма немногих. Ибо мы приняли строгие меры к предотвращению заразы лжеучения.

– Уповаю, что протестантам не удастся исторгнуть маститое дерево Божие.

– Они подбирают только те немногие плоды, которые от червоточины падают на землю.

– Такова добыча всех лжеучителей.

Патриарх замолчал; надлежало мне первенствовать в слове. Желая скорее подойти к цели моего посещения, т. е. к выпитию мнения патриарха о деле Вифлеемском, по желанию посланника, я сказал:

– Сегодня я отправляюсь в Иерусалим.

– Вы уже были там.

– Еще раз желаю поклониться Св. местам, соутешиться верой и упованием с тамошними церквами, сострадать с ними и чаять водворения мира и любви там, где совершено примирение нас с Богом, и прошу ваше высокостепенство познакомить меня с новым иерусалимским патриархом вашего народа.

– Вы его знаете и он вас знает. В бытность вашу в Св. Граде он находился в тамошнем монастыре.

– Тем лучше. Надеюсь найти и в Вифлееме так же достопочтенного игумена, как и отец архимандрит Григорий (при сих словах я взглянул на него с улыбкой), и застать оконченным спорное дело о желанном вам свободном входе в храм Вифлеемский.

Тут патриарх разговорился об этом деле. Он соглашался с греками в том, что унизительно для Св. места и весьма неудобно отдать масульманам ключ от западной уличной двери Вифлеемского храма, или оставить ее незапертой день и ночь и таким образом обречь это святилище на всякое возможное поругание или осквернение, на что не согласятся и латины, но желал, чтобы армянам позволено было иметь особый ключ от сей двери, или устроить смежно с нею другой вход. Я так же не одобрил первых двух способов решения тяжбы, а касательно особого ключа возразил, что когда дадут его армянам, то и латины будут домогаться равного ключарства в Вифлееме и что могут происходить неприятности по случаю намеренной или ненамеренной порчи общего замка и медленной починки его греками, или переделки в таком виде, что ничей чужой ключ не войдет в него. «Если уже вам необходимо нужно, – продолжал я, – водить своих поклонников в Вифлеемский храм с улицы, а не из монастыря вашего, откуда вы имеете свободный вход в это святилище, то уже лучше бы сделать для вас особую дверь с особым замком и ключом, или устроить ее так, чтобы одна половина её была греческая, другая ваша, а третья латинская. Но едва ли согласятся на это латины».

– Мы надеемся достигнуть своей цели так или иначе, несмотря ни на чьи препятствия. Когда российское правительство не поможет нам, тогда мы будем просить и упросим Порту, – голосили все армяне духовные и мирские.

Зная упорство их и желая устранившись от неблагоприятного суждения о деле, я бросил им золотое яблоко, сказав: «По моему мнению, лучше бы вам домогаться священнослужения на Голгофе, нежели ключа от Вифлеемского собора».

– Голгофа издревле нам принадлежала, но мы вытеснены оттуда, – сказал патриарх.

– Древняя мимоидоша: се быша вся нова¹⁷⁶, – отвечал я словами апостола Павла. – Турция преобразуется, старые понятия заменяются новыми, старые права обветшали; вам, грекам и латинам пора бы просить у Порты равного доступа ко всем Св. местам и поддерживать и украшать их с равной братской заботливостью.

Последовало общее молчание от моей задачи. Воспользовавшись им, я встал и начал прощаться с патриархом. Он просил меня писать к нему иногда из Иерусалима и предложил зайти в здешнюю церковь его.

Я был в ней и не нашел ничего замечательного, но послушал нового армянского пения. Пятнадцать малолеток хором пропели какой-то стих церковный. Их пение было однотонно, протяжно и заунывно. Оно не понравилось мне.

Из Армянского монастыря я заехал к преосвященному Иерофею Фаворскому. Он истово благословил меня в путь дальний и просил кланяться патриарху Кириллу и всем архиереям

иерусалимским. От него учтивость завлекла меня к вселенскому [цареградскому] владыке Анфиму. Его святейшество во-первых просил меня уведомить графа Протасова, что он с нетерпением ожидает из Петербурга просимого круга церковнославянских книг для богословского училища на острове Халки и поручает сердоболию его сиятельства Афонского архимандрита Агафангелла (прибывшего в Россию за сбором милостыни для Есфигменова монастыря); во-вторых, велел мне передать иерусалимскому патриарху Кириллу следующие слова: «Не хорошо он делает, что не повинуется воле государя императора Николая касательно имений, принадлежащих Св. Гробу в Валахии и Молдавии. Государь, яко лев стоит на страже церкви православной. Если он уклонится от нас, то все мы погибнем, имея стольких врагов». Наконец, преподал мне свое высокое благословение.

После сего я был у посланника, пересказал ему все, что видел и слышал сегодня и простился с ним.

В пять часов пополудни пароход унес меня с малой дружиной моей из Царьграда. Было холодно и ветрено. Дождь и снег падали с неба в Мраморное море.

II. Путь от Константинополя до Иерусалима.

Январь, день 23-й. Паломник едет по рыбьей дороге.

– Куда он едет?

– В Святую Землю.

– Что таится в его сердце?

– Радость и печаль.

– О чем он радуется?

– О стяжании драгоценной жемчужины.

– Что это за жемчужина?

– Знание Востока.

– А о чем он печалится?

– О том, что не даны ему средства к благотворению Божиим церквам и к соединению их.

У Дарданелл на пароходе.

День 25-й. Палящее солнце катится по небу голубому. Смирнские горы смиренно стоят, как Бог их поставил, – одна другой выше, какая лицом, какая боком, направо толпами, налево грядами, прямо горбами, иная в тени, другая в свете, а все в смурых одеждах на зеленом ковре у соленого моря.

А соленое море колыхается слабо. На нем корабли всех народов стоят неподвижно. Их реи и вервья перепутали воздух. Ладии [и челны] реют повсюду. В иной виден [лишь один] колпак неопределенного цвета и в нем [под колпаком] серый гречище с седыми усами в поте лица работает веслом и ревниво ждет с парохода седока, в других катятся мужи, жены и дети, белые [милые] женские лица прикрыты черными масками.

Вот большая ладья быстро несется к пароходу по влаге зеленой. Пена перед нею, пена за нею. Много [так много] нарядных людей сидит в ней. Смотришь на них и видишь словно пучки цветов. Ладья причалила к дымящему судну. Все в ней встают; между ними виден священник. Величаво лицо его. Длинна борода его. Она проплетена седым серебром. Он всех благословляет и лобзает и все целуют десницу его и кладут в нее пенязи. Видно, добрые дети прощаются с любимым отцом. Куда же он едет? К Св. Гробу Господню. Понятно же благоговение этих к святому их пастырю. Он едет молиться о них подле Яслей Христовых, у подножия креста и у Гроба его.

Это – священник из одной православной деревни близ Ефеса.

Пристань у Смирны.

День 27-й. Я в Родосе. На этом острове, по словам здешнего митрополита Иакова, находится 18 000 православных христиан в сорока деревнях.

День 30-й. Якорь брошен в пристани Бейрутской. Прощай море! Привет мой Ливану! Отсюда недалеко до Святой Земли. Бог милостив, увидим ее [паки] и водворимся на Сионе.

Февраль, день 2-й. Вчера мы после пешеходства по морю у мелководного берега Бейрутского на ногах не своих, а арабских, поместились в просторной горнице архиепископского дома. Преосвященный хозяин, Вениамин, обозревал свою епархию. Но и без него нам было тепло, покойно и не голодно.

Сегодня навещали меня попечитель бейрутского училища Нам-Трад и протосингел архиепископа, отец Иоаким иеромонах. От них я узнал вот что.

От первого. На содержание названного училища наш консул Базили дает 4000 пиастров, архиепископ Вениамин 5000 п., из доходов кафедральной церкви уделяются 3000 пиастров, а от Иерусалимской патриархии не получается ни один грош. Назад тому полгода, хотелось Траду учредить в Бейруте особую школу для образования судей православного вероисповедания на Ливане, так как они уже допущены Портой, и на содержание сей школы жертвовал ежегодно 1000 пиастров. Но преосвященный Вениамин не согласился на это и уведомил консула Базили, что Трад под предлогом оной школы посягает на доходы ливанских монастырей. Базили сначала и ответил было его преосвященству, но впоследствии разуверился. Однако судейская школа не открыта. В Бейруте православных христиан 5000 душ, а униатов не более 1000, но и у них есть свой епископ. Так же и марониты, живущие в этом городе, имеют своего архиерея. Протестантская миссия состоит под начальством Томсона и Шмита. Шмит очень хорошо говорит и проповедует по-арабски.

Протосингел Иоаким сообщил мне другие новости. В Бейруте удерживается древний обычай крестить младенцев накануне Богоявления дня. Ежели они родились за два месяца до сего праздника, то родители откладывают крещение их до наступления его, но слабых младенцев крестят тотчас. В сирийских церквах при освящении даров иные священники произносят моление: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа* и проч., а иные не произносят. Αὐτὰ λόγια, – говорил Иоаким, – δὲν εἶναι εἰς τὸν δρόμον, т. е. эти слова тут некстати. Бейрутские иереи перестали брить свои головы и волосы зачесывают по-нашему. Теперь и у детей не у всех выбриваются лбы с *оставлением небольшого клочка волос над челом*, по подражанию-де отроку Иисусу-назарю. На Ливане уцелели те самые кедры, о которых сказано в Псалтири: *их же Бог насади*¹⁷⁷. Стало быть, они еще допотопны.

День 3-й. Узнавши, что преосвященный Вениамин гостит в селе Шуэфат [в близком расстоянии], куда только два часа езды от Бейрута, я отправился к нему для свидания и для узнания, как сирийские архиереи обзрывают свои епархии. Помещение там нашлось для меня в нетесном доме женатого священника Абдаллы. Семейство его не велико: отец Ферис Жирайдини умер, а мать Анжуль жива, жена его Лейя еще молода и одевается по-европейски скромно, старший брат [его] Шдит и жена его Мария имеют сыночка одиннадцатимесячного; младший брат Илиас холост. Все они лицом белы, благообразны и живут нераздельно. Старица Анжуль угостила меня и спутников моих, как только могла. Особенно понравилась нам снедь, приготовленная из местного овоща *колока́сеи*. Он походит на брюкву, а растет высоко, имея широкие листья.

Преосвященный Вениамин временно жил в доме самого зажиточного христианина шуэфатского. Тут я принял благословение его и видел, как он обедает и разделяет снеди с предстоящими пред ним духовными чадами его, а после обеда слушал [побеседовал с ним], что и что он говорил мне. На полу, устланном циновкой, сплетенной из мелкого тростника, архиепископ в рясе и камилавке сидел поджавши ноги и посадил меня подле себя на подушке, так как я не мог сидеть по-ихнему. Перед ним на круглом, низеньком и около него на циновке наставлены были разные местные снеди: вареные и жареные, салат, пирожки и пилав. Все эти снеди ежедневно доставляются ему очередными семействами складчиной: кто салат, кто пирожки, сей жареное, тот вареное, а он сице пилав. Перед владыкой поодаль стоят одни мужчины, скрестивши свои руки на персях, стояли молча, благоговейно. А он, кушая сам, и им давал есть, так что каждый христианин, по зову его, подходил к нему, открывал рот и принимал в него часть снеди из десницы владычней [не шевеля руками], как будто причащался. Это умилило меня. Столовая горница показалась мне гнездом, в котором орел питает птенцов своих. В час обеда преосвященный Вениамин поучал своих чад духовных, но так как он говорил по-арабски, то поучение его было непонятно мне. Сидя подле него, я думал, вот так надлежало бы и нашим епископам посещать своих чад и бывать у них в домах; но у нас это невозможно по причине великой многочисленности семейств в каждой епархии. Итак, лишь на Востоке, где паствы малочисленны, а архиереев много, епископ есть епископ, то есть *посетитель душ* в семействах. После обеда архиепископ поведал мне кое-что новое для меня.

Междоусобие маронитов и друзов в 1845 году продолжалось три месяца. На Ливане теперь два *каймакана* (правителя): эмир Хайдар, – христианин, для маронитов и эмир Эммин для друзов. Советники их из христиан для православных у Хайдара: Сулейман Шуэри и Шдит Энеи; у Эммина: Ханна Хури, живущий в Шуэфате, и Дáгер Бунибген.

День 4-й. Ранним утром я молился в Шуэфатской церкви, освященной в память Успения Пресвятой Богородицы, и когда возвращался оттуда в дом священника, внезапно преградила мне дорогу толпа православных женщин. У них на головах торчали высокие серебряные рога ливанские, с которых ниспускались до пят белые покрывала; только одна из них не носила подобного рога и прикрыта была белой вуалью по красной, унизанной червонцами, феске. Все они приняли от меня благословение. Одна из них, целуя мою руку, ненарочно ударила меня по камилавке своим рогом. После сего обряда старшая спросила меня: какой головной убор лучше, с рогом или без рога? Выслушав этот неожиданный вопрос, я мгновенно припомнил, что сирийские архиереи не так давно запретили женщинам носить рога и приказали заменить их фесками, но в замешательстве похвалил убор рогоносный, который очень пристает в горах Ливанских, чем весьма недовольна была христианка в феске. Недовольство её принудило меня опомниться и придумать ответ другой, но который не поссорил бы их, а примирил. Оказалась во мне находчивость. Я спросил ливаногорок: слышали ли вы, что у Господа Иисуса Христа был Св. апостол Петр?

Они ответили: слышали.

Я. А знаете ли, что он писал два письма к христианам?

Они. Не знаем.

Я. Знайте же, что он в одном из них учил, что украшение христианки есть не головной убор, а кротость, целомудрие, жизнь праведная¹⁷⁸.

Сирианки призадумались и ушли от меня молча, а я догадался, что они подсланы были [ко мне] подружками и кумушками спросить меня о рогах своих и моим ответом поверить справедливость или несправедливость архиерейского распоряжения касательно головного убора их. В каких обстоятельствах не бывает человек?

После этой пытки я с присными моими и хорошим чичероне отправился в нагорный монастырь Св. архангела Михаила, прозываемый Сук-ел-Гарб и принадлежащий Бейрутской митрополии, и едучи верхом на коне, чертил на путевой тетрадке своей виденные мною долины, горные отроги и села с церквами в них. Вот чертеж мой:

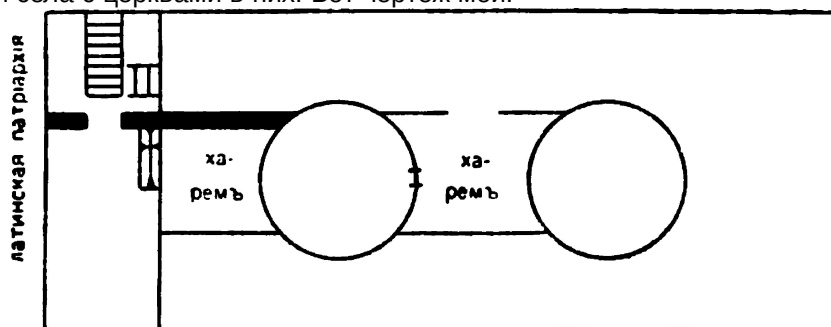

Рис. 5. Окрестности Шуэфата.

С Шуэфатской выси видны были налево дер-Каркофа, – монастырь Св. Антония, и села Шиф, Хадеш и Бабда, а направо тропа вела нас выше и выше, мимо сел Айн-Ануб и Айн-Тен, к монастырю Архангельскому. Мы подъехали к нему, спешили, вошли в него и что же увидели? Увидели не монастырь, а загородный дом архиерейский с церковью внутри его. Он построен преосвященным Вениамином в 1841 году на деньги, собранные на Ливане в количестве 95 000 пиастров (4 700 руб.). Строитель поставил было в нем игумена, но ближние христиане [не знаю почему] устранили его. В домово́й церкви нет ничего замечательного.

День 5-й. Утром я простился с архиепископом и возвратился в Бейрут, а днем пригласил переводчика из местных христиан [некоего Наума], знающего немного по-французски, и поручил ему приискать и нанять шесть надежных [хороших] верховых лошадей и трех вьючных мулов до Иерусалима.

День 6-й. Записываю что и что узнано [видел] мною сегодня. У кафедральной церкви видны могилы. В одну стену её вмазана мраморная плита, и на ней надпись гласит, что бейрутский митрополит Иоанникий умер в 1775 году. При кафедре есть типография. Теперь она печатает 1500 экземпляров Малого Часослова на бумаге белой, розовой и зеленой, а потом будет печатать 1200 экземпляров Большого Часослова. Печатный станок выписан из Парижа. (Gaveaux mécanicien, 15 rue Traverse F. S. S. à Paris. 1842). Православное училище для детей состоит из

пяти комнат, в двух из них преподается язык греческий, в третьей большой – язык арабский, в четвертой малой – сей же язык, а в пятой учатся дети самого меньшего возраста. Один из арабских учителей есть униатский диакон.

День 7-й. Настал отрадный час выезда в Св. Град Иерусалим. Все мы сели на коней и поехали по приморской дороге в Сидон, сперва между садами граждан Бейрута, раскинутыми на пространстве верст трех, потом чрез песчаный мыс Бейрутский до горного потока Гадира, который в этот раз был не полноводен, а отсюда до придорожного хана Халду, и здесь остановились на короткое время для осмотра местного некрополя, т. е. кладбища. Сей хан, в котором путники пьют лишь кофе, построен из камней какого-то здания старинного. По заверению содержателя этой кофейни, на сем месте был город Халду и в нем начальствовал мусселим-еврей Хаклуп; сюда приходили евреи в некоторые праздники молиться Богу и здесь стояла башня мудрецов их *Каср Хахаму-ель Егуди*, которой развалины поныне видны у некрополя. Она построена была из больших гладких камней. Около хана, налево от дороги и очень близко от нее, торчат развалины церкви. Христиане оставили ее лет за 40 назад и ушли в горы, но уцелели в ней иконы и иногда служит священник из деревни Эбе, находящейся в расстоянии трех часов пути от хана на восток. В некрополе открыто стоят каменные гробницы (саркофаги) с таковыми же крышками, коих углы вывершены тумбочками [привысками]. Некоторые крышки так тяжеловесны, так затянуты в края гробниц, что грабители не смогли вытащить их и продырявили стенки похоронных ящиков. Большая же часть крышек сброшена на землю и валяется на ней, одни целые, а другие разбитые. Некоторые гробницы неотделимы от утеса, в котором они высечены. Ваятельных узоров на них немного: инде видны трилиственники (триглицы) и круги, инде – пальмовая ветвь, а на одном саркофаге [виден] какой-то наглый и крылатый гений с поднятой над головой его десницей. Кроме незакрытых гробниц в некрополе [находятся] три погребальные пещеры, иссеченные в утесистом холме. Я осмотрел только две. Одна из них длиной в 15 шагов, а шириной в 8, в высоту же немного больше человеческого роста; плоский потолок её и стены выровнены весьма хорошо; в стенах [её] глубятся мертвенные ложи, одно против входа в пещеру, два направо и два налево. Другая пещера шагах в 80-ти на север от первой, более обширная, содержит 18 ложей: три против входа, пять направо, и пять налево. В некоторых ложах, *iosili*, стоят саркофаги с поднятыми крышками, наполненные землей. Эти пещеры у местных арабов называются *книси-ель-Егуди*, т. е. церкви Иудеев.

От Халду до Сидона дорога пролегает по многочисленным каменистым валунам, врезающимся в море [многочисленными] низкими мысами. На всем этом пути нет ничего достойного внимания. Спрашивал я своего переводчика [Наума], как называются деревни, видимые там и сям на Ливане, и он, указывая их мне, говорил: вот дер-Нааме в 4-х часах езды от Бейрута, вот выше хана Неби-Юнас селище Жиз, в котором живут мутуалии, вот маронитский монастырь дер-Румана пред Сидоном. Едем вперед тихонько [шаг за шагом], не считая конских шагов, ни о чем не думая и только посматривая на Средиземное море и на Ливанские выси. Приближаемся к сидонской реке Аули, окаймленной фиговыми и шелковичными деревьями, осталяем за собой висящий над нею мост, впотьмах въезжаем в город Сидон и останавливаемся в доме нашего консульского агента господина Фадула Разгаллы. Он принял нас весьма радушно, представил нам жену свою, женщину молодую, полную, белую и благообразную, у которой вся грудь была покрыта множеством червонцев, снизанных в виде нагрудника, и угостил, чем Бог послал. Его незнание европейских языков и мое незнание языка арабского избавило меня от многоглаголанья неблаговременного, когда хотелось отдохнуть и уснуть после утомительной езды верхом на коне.

День 8-й. Утро вечера мудренее. Это верно. Вечером я думал продолжать путь свой до знаменитого в древности города Тира, а утром надумал съездить в ближний монастырь униатский *дер-Мухаллес*, дабы узнать, как и как поживают и Богу служат арабские униаты. Хозяин дал нам надежного и проворного проводника Наума. За ним мы переехали через вчерашний мост и гуськом потянулись вдоль реки Аули, по правой стороне её. Я еду и вижу воду в реке, сады, водопроводы, мельницы и стаю воробьев, жадно и нещадно клюющих зерна пшеницы на плоской крыше одного дома. Некому спугнуть этих воришек. Дорога отстранила от реки поезд мой налево и повела нас к деревне Джуни, в которой, по заверению Наума, живут арабы-униаты и мутуалии. Здесь, подле этой деревни, жила и умерла в 1839 году дочь лорда Чатама и племянница лорда Питта, заклятого врага Наполеона I, знаменитая леди Есфирь

Стангоп, которую во дни её называли *пальмирской султаншей*, благотельницей сирот и вдов и покровительницей несчастных, кто бы они ни были. Она была очень умна и образована, но с примесью странного мистицизма. Её ожидание мессии-царя, который явится на Востоке для возрождения всех земнородных, подстрекнуло ее даже приготовить для него наилучшую кобылицу из породы жеребцов и кобылиц Соломона. Но эта питомица её поражена была смертельным недугом, для прекращения которого леди приказала домочадцу своему убить ее. Эта англичанка ненавидела и проклинала египетского пашу Магомета Али и сына его Ибрагима, которые тогда владели Сирией, проклинала, видя бедствия и страдания ливаногорцев под игом египетским. Когда Ибрагим-паша взял с бою Сен-Жан-д'Акр у Абдаллы-паши, тогда жилище этой леди стало убежищем для голодных, разоренных войной, и лечебницей больных и тех раненных солдат, которые защищали названный город. Когда же оказалась недостаточной для сего пенсия, назначенная ей английским королем Георгием III за заслуги, оказанные Питтом Англии, она письмом просила Ибрагима-пашу дать помощь всем укрывающимся у нее несчастливцам. Но этот варвар не только не исполнил просьбы её, но еще потребовал от нее выдачи солдат Абдаллы-паши. Однако, сердобольная [благородная] англичанка отвергла это требование его и написала ему: «Наперед убейте меня, а потом посягайте на жизнь несчастных, которых я приняла под кров свой». [Столкновения]. Война египтян с турками воспрепятствовала Ибрагиму возобновить свое требование от племянницы Питта. Незадолго до смерти её, королева Виктория лишила ее пенсии. Тогда леди Стангоп, между прочим, написала её величеству: «Je ne permettrai pas, que la pension qui m'a été octroyée par votre royal grand père soit saisie par la force, mai je l'abandonnerai pour l'aquit de mes dettes, et en même temps j'abjure le titre de sujet anglais et d'esclave, qui en est aujourd'hui le synonyme», т. е. «Я не потерплю, чтобы пенсия, данная мне вашим царственным дедом, была отнята силой, и оставляю ее в уплату моих долгов, но в то же время перестаю быть английскою подданной и рабой, что одно и то же в настоящее время». Джунийское поместье её пусто и разрушается. А древний водопровод, в трех часах езды от Сидона на восток, существует и снабжает водой весь этот город.

Пока я смотрел на запустевшую усадьбу леди Стангоп и рассказывал судьбу её спутникам своим, проводник наш Наум поскакал в монастырь Мухаллес, дабы предупредить тамошних монахов о моем посещении их, и быстро возвратился к нам. С ним скоро мы подъехали к этой главной обители униатов. Они поджидали нас у ворот, встретили почетно и провели прямо в церковь свою, почти не отличавшуюся от храма православного. Я попросил их пропеть какой-либо стих священный. Они пропели что-то твердо, громко, но дико и попросили нас пропеть что-нибудь по-русски. Мы им спели: *Христос Воскресе из мертвых и Достойно есть, яко воистину блажити тя Богородицу*. Затем я рассмотрел церковь и монастырь. Церковь – трехпрестольна. Главный алтарь в ней освящен в память Преображения Господня. Придел направо от него – во имя Св. Иосифа, а придел налево – в память Благовещения. В иконостасе местные образа, доставленные из Рима, не хороши, даже не благопристойны, а нижний ярус под ними украшен мраморной мозаикой разноцветной. Такой же мозаикой облицован и пол у клиросов и перед алтарем. Внутренность церкви, накрытая коробовым сводом, разделена на три части шестью каменными столбами, по три на стороне. У стен стоят деревянные будочки для духовников, такие же, какие видятся в церквях католических. Обедни служатся ежедневно две и три. Паперть под тремя арками открыта. Из нее видно Средиземное море. Весь монастырь Мухаллес есть четырехсторонний большой дом, в два этажа, построенный первым униатским епископом Евфимием в 1721 году. В верхнем этаже помещены монашеские кельи и церковь ближе к северной стене, в нижнем – братская трапеза с поварней, кладовые, клетки и рухольня. В трапезе – столы деревянные, полаты деревянные для складки хлебцев и человеческий череп, висящий с потолка. Такой же череп я видел и в келье одного монаха. Это значит, что здешние отшельники помнят смерть, *memento mori*, дабы меньше грешить. Всех их 70. От монастыря они получают пищу и одежду. Искус их продолжается два года. Игумен в отлучке, – в Александрии. Один монах живет в Риме; однако, метоха там нет. Монастырю принадлежат масличные сады, виноградники, шелковицы и пашни. Внутри его устроена глубокая цистерна для дождевой воды лет за 70. Гостей принимают в так называемом архондарике. Эта высокая горница с куполом, который внутри облицован деревом, хороша и снабжена стульями рококо. От монастыря зависят пять обителей: 1. женская *Панагия* с 30 монахинями близ Мухаллеса, 2. пророка Илии, 3. Михаила Архангела, 4. Св. Феклы и 5. Св. Георгия. Для епископа, на случай приезда его, есть домик подле школы, отдельный от монастыря. Была в нем небольшая библиотека, но разграблена.

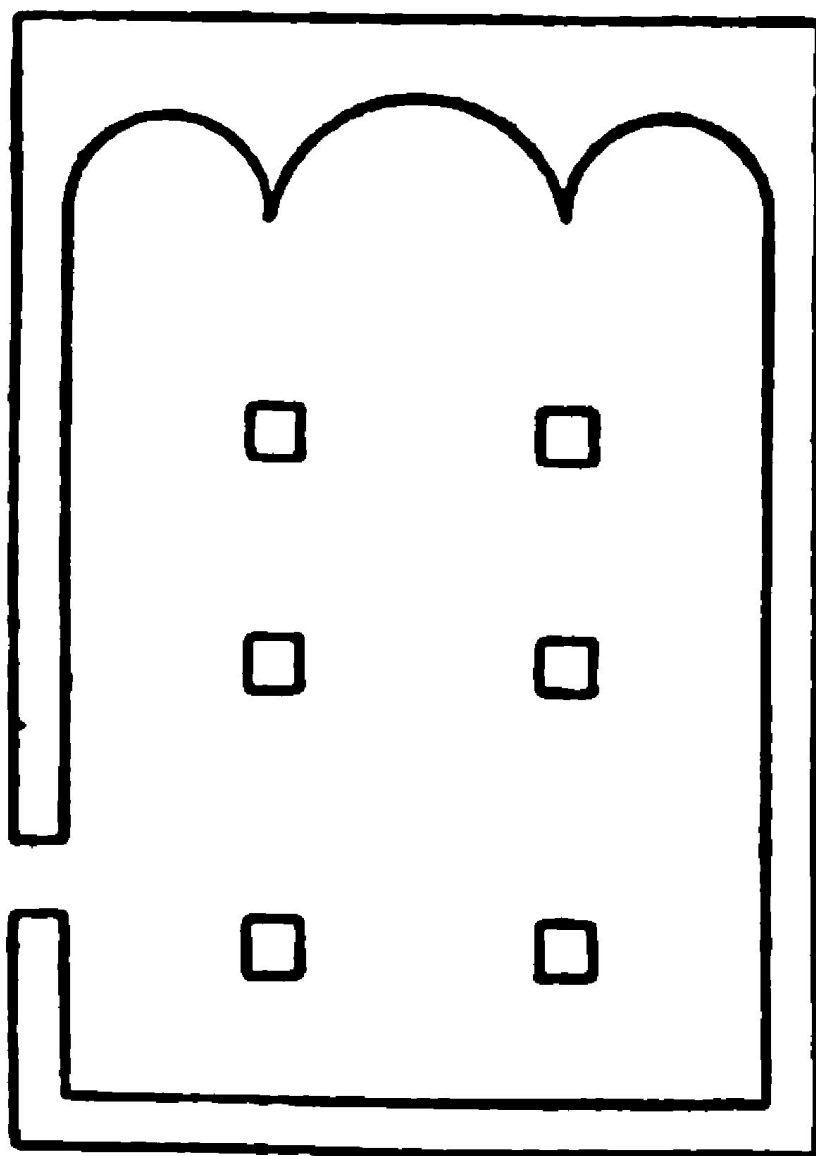
Однако я видел [тут] несколько книг латинских и арабских и даже заглянул в толкование Псалтири, переведенное с латинского или итальянского, и в книжицу об исповеди, в которой решаются разные вопросы, напр.: о краже во время исповеди, о допущении в монастырь девицы, обещавшейся омонашиться и согрешившей блудно.

По обозрении монастыря наместник униатского патриарха Максима, иеромонах Михаил, здоровенный и претолстый, пригласил нас в архондарик к завтраку. На столе расставлены были разные скоромные снеди, вареные и жареные, салат и пилав. Я расспрашивал хозяина [наместника] о всем, выше изложенном, и кроме того со слов его записал имена униатских патриархов от первого до последнего: 1. Кирилл, – он же и Серафим, 2. Афанасий, 3. Кирилл, 4. Агапий, 5. Феодосий, 6. Макарий и 7. здравствующий Максим. Была у нас речь и о времени постройки монастыря. Наместник проговорил мне, что он древен. Но я возразил [ему], что ему не более 127 лет и на вопрос его: «Откуда вы это знаете», – ответил: «в 1728 году был здесь русский благочестивый путешественник Василий Барский и ему тогда здешние старцы поведали, что обитель их построена епископом Евфимием в 1721 году». Так проходило время за завтраком. Всем нам было весело. Одно только не понравилось мне [тяжело было для меня] *братъ в рот салат из салных рук наместника*, а отказаться от сего дружеского почета я не решался. Очутишься между волками, по-волчьи и вой.

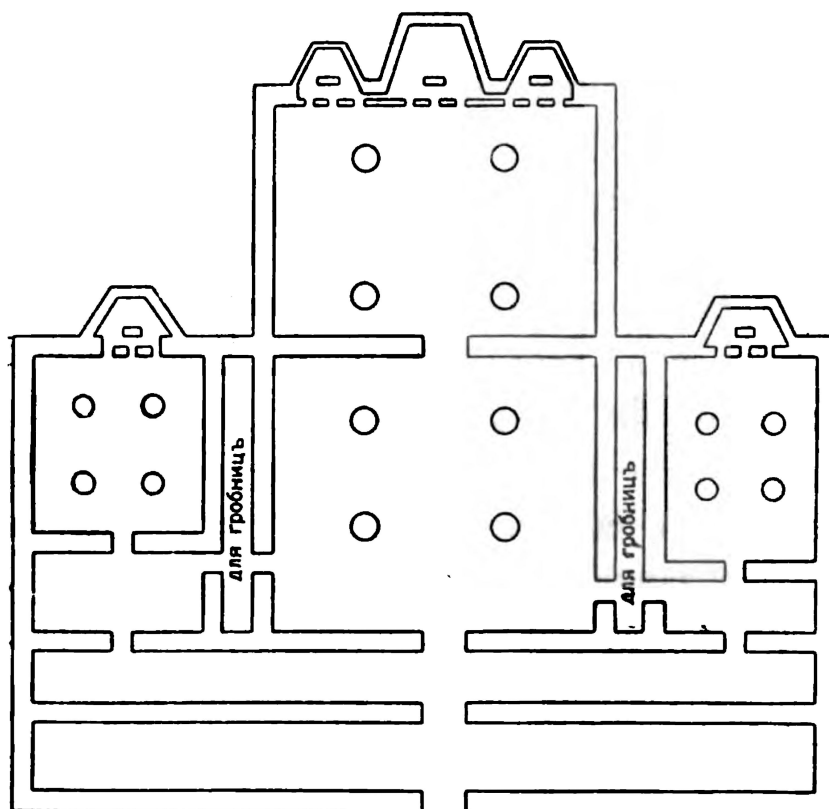
Возвратившись из Мухаллеса в Сидон, я выписал из путешествия Барского рассказ об этом монастыре¹⁷⁹.

День 9-й. Ранним утром поезд мой отправился из Сидона в Тир по приморской дороге. Так как эта дорога уже знакома мне с 184³/₄ года¹⁸⁰, то я увольняю себя от подновленного описания подробностей её и говорю только о том и том, что и что я осмотрел в этот проезд. У подножия холма, на котором расположена древняя Сарфант, этим именем своим напоминающая созвучную ей Сарепту Сидонскую, застигла нас туча с проливным дождем, пронесшаяся над нами от моря до гор Финикии. Мы переждали ее, сидя на конях, а проводники под конями и мулами, стоявшими неподвижно [как вкопанные] и въехали в реченную деревню. Напрасно я искал в ней остатков седой древности и здания, похожего на христианскую церковь. Ничего такого не оказалось. Следовательно, нахолмная Сарепта есть новая Сарепта, а древняя, смею думать, находилась на северной стороне хана Айн-Лантра, у малой, но глубокой и чистой заводи моря, где поныне видны в равномерных расстояниях остатки четырехгранных столпов городской крепости и валяется множество мусора и разбитой посуды глиняной и стеклянной. От Сарепты до Аджлунского некрополя, исчезнувшего города Орнитополя, мы по прямой дороге бойко достигли в 60 минут, и тут остановились не отдыхать, а осматривать это древнейшее и весьма замечательное кладбище финикиан.

Некрополь Аджлун помещен в утесистом отроге горного кряжа, протянувшемся от востока к западу по приморской равнине. Длиннен сей отрог и весь занят погребальными вертепами, а в верхних частях и лестницами, иссеченными в нем для облегчения трудного восхождения туда. Таких вертепов тут много. Устройством своим внутренним и наружным они походят на такие же вертепы в окрестностях Иерусалима с той разницей от сих, что в них нет мертвенных ложей, вытесанных внутри стен, а есть квадратные мелкие колодези для омовения после прикосновения к мертвым телам. В некоторых Аджлунских вертепах входные просторы квадратны, а в иных завершены полукруглой аркой; но почти все они открыты и ничем не защищены. Есть несколько вертепов неоконченных, а еще более разрушены землетрясениями и каменосечцами. В некоторых из них, на стенах, начертаны греческие надписи живших тут некогда христианских отшельников. В северной части Аджлуна находится большая пещера естественная, но расширенная, обтесанная людьми в 80 шагов длиной с севера на юг и очень высокая. Свод её обделан в виде купола с отверстием в небе его. Так как у входа в эту пещеру на утесе нацарапаны треугольники

, означающие *rudenda muliebria*, то эти знаки доказали мне, что тут было чтилище финикийской богини Астарты, в котором женщины и девицы жертвовали себя кому пришлось, в угодность этой богине. Сие чтилище поныне уважается окрестными жителями. Они называют его *Пещерой молочной* и *Пещерой сосцов* (Мокгарет-ель-Бзес) и сюда посылают молодых родильниц и бесплодных женщин пить воду. Под одним из вышеначертанных знаков я видел латинскую надпись:

В нескольких шагах от чтилища стоит на утесе небольшой обтесанный камень с теми же знаками Астарты. Ну, наткнулся же я на невидаль! Подслужилось мне знание финикийской мифологии и археологии!

Фуй ты, проклятнище, изводнице!

Пек [ад] быти паскуда проклята!

А толковнику [богослову] надо знать и это, дабы понять грозные прещения Св. пророка Осии¹⁸¹: «И не присещу на дщери ваша, егда соблюдают, и на невесты ваша, егда возлюбодуют: яко и тии со блудницами смесишася и со блудниками требы жряху, и людие смыслящии со блудницею сплетахуся».

Кроме чтилища Астарты, я видел вырубленный в утесе открытый двор четырехугольный. В одной стене его вырублено несколько углублений, кажется, для ламп. Это – двор поминовения умерших. Дальнейший осмотр кладбища отложен был мною до другого времени, потому что впереди на дороге надлежало осмотреть еще два вертепа прелюбодейных поклонниц Астарты.

Оседлали мы своих коней, проехали некое пространство поля и супротив, нагорной деревни Сэре, увидели тут особенность. Стоят 9-ть высоких камней, обтесанных в виде длинных параллелепипедов, а два такие же лежат. На вопрос мой драгоману: «Что это такое?» – он ответил: «Это грешники, пораженные гневом небесным и превращенные в камни».

Едем мы далее. Уже недалеко нам до реки Казмие (Леонтеса), – не более двух с четвертью верст, а по слову драгомана с полчаса ходьбы. Он тут указал мне направо от торной дороги нашей белый утес и примолвил, что в этом утесе есть вертеп, подобный виденному мною в Аджлуно, с равными изображениями и надписями. Загорелось во мне любопытство и я направил туда шаги коня своего. За мной последовали спутники мои. Вхожу в вертеп (пещеру) и вижу на стенах его нарезные изображения и надписи (graffiti), доказывающие, что и здесь было чтилище Астарты. Чаще всего виднелся треугольник, обращенный вниз вершиной его, или кружок с точкой в середине, – знаки, напоминающие *rudenda muliebria*; инде по обе стороны такового знака грубо нарезаны пальмы; в одном месте треугольника стоит какая-то птица. Замечен мною и полный очерк женщины в нескромном положении. В середине самого отвратительного наброска *rudendorum* написано по-финикийски *балаки́*. Надписи здесь встречаются иероглифические, финикийские, набатейские и греческие. В сих последних читаются имена Афродиты, Иракла,

Птоломея Писта. Сей вертеп местные жители называют *Пещерой общих всем женщин*. Итак, и здесь я попал в один из тех притонов богининского разврата, о которых упомянул отец истории Геродот за 450 лет до Р. Х.¹⁸²

По осмотре сего притона поезд мой двинулся, и, оставив за собой реку Казмие, скоро прибыл в Тир и остановился тут ночевать в доме при церкви православной.

День 10-й. Город Тир, прежде осмотренный и описанный мною¹⁸³, в этот раз нимало не занимал меня. Зато от [сведущего] арабского проводника своего я узнал, чего прежде не слышал, – узнал, что в белом утесе, в котором иссечена знаменитая в древности и ныне Тирская лестница у самого моря находится пещера, называемая баней бесплодных женщин, – Хаммам-ел-Бзес, и что сюда приходят [на лодках приезжают] купаться такие женщины и после купанья молятся Св. Георгию и оставляют на берегу серебряную монету. Я не видел этой пещеры, но понял, что и здесь жили лакомые служительницы Астарты и зазывали к себе проезжих, особенно богатых иностранцев. Здесь-то, по сказанию Иерусалимского талмуда (Rava Kama 4, 2), два воинских начальника, посланных из Рима изучать иудейский закон у раввина Гамалиила [здесь, у Тирской лестницы], забыли этот закон. Здесь, по другому сказанию талмуда того же (Abodah Zara 40, 1), раввин Гамалиил, встреченный одним учеником его недалеко от Тирской лестницы, оказался пьяным и не смог дать ответ о каком-то обете, и уже тогда, когда хмель его испарился, решил предложенный ему учеником вопрос, решил на самой Тирской лестнице, закрывши лицо свое. Смысл этих сказаний тот, что чтители Астарты у Тирской лестницы было так ненавистно благочестивым иудеям и так соблазняло и развращало посещавших его раввинов и их учеников, что они там забывали свою строгую нравственность и предавались сладострастию. Ныне всего этого нет, но замечательно то, что купающиеся тут женщины оставляют здесь деньги после купания в море. Эта жертва напоминает древле бывшую тут плату прохожих блудницам, осужденную законом Моисея¹⁸⁴: «Да не будет блудница от дочерей израилевых, и да не будет блудник от сынов израилевых. Да не принесеши мзды блудници... в дом Господа Бога Твоего на всяк обет, яко мерзость есть Господеви Богу Твоему». От Тирской лестницы приморская дорога пролегает по бесплодной и пустынной местности до самого Кармильского залива моря. Не о чем вспомнить тут, – разве о ничтожных развалинах исчезнувшего города Искандеруна, возникшего на месте, где становал Александр Македонский на пути к Тиру и видел во сне взятие сего города. Торчит тут развалившаяся башенка, складенная из мелких камней, да из струйника арабско-турецкого зодчества вытекает пресная хорошая вода двумя ливнями. Вот и все. Отсюда через полчаса мы въехали на возвышенный белый мыс, омываемый морем, с которого видны, как на ладони город Сен-Жан-д-Акр (Птолемаида) и латинский монастырь на приморской выси Кармила, а с этого, мыса спустились на при-Кармильскую равнину, но не успели в назначенный город и ночевали в ближней к нему деревне Сумре. Реченный мыс именуется то эн-Накур, то Мушейрфе, Второе название встречается в книге Иисуса Навина¹⁸⁵: «И предаде их (хананеи) Господь под руку израилевых: и секуще их, прогнаша даже до Сидона, великого и до Масрефоф-Маима. Всяк обитающий в горней от Ливана даже до Масрефоф-Маима всех сидонян аз потреблю от лица израилева». Долго, очень долго слышится это библейское название.

Дни 11 в 12-й. Вот я с присными моими гощу уж и в обители кармелитов. Покойно нам здесь и сытно. Гостинник отец Карл водил нас в монастырскую библиотеку. Рукописей в ней нет, а печатные книги не занимали нас; зато полюбовались, мы несколькими *каменными* арбузами, весьма похожими с виду на арбузы растущие. Не забуду этой невидали.

День 13-й, Пятница. Ночью под этот день шел дождь. Да и из монастыря кармелитов мы выехали под дождем же, который мочил нас во всю дорогу до деревни Тантуры, где и пришлось обсушиться и ночевать.

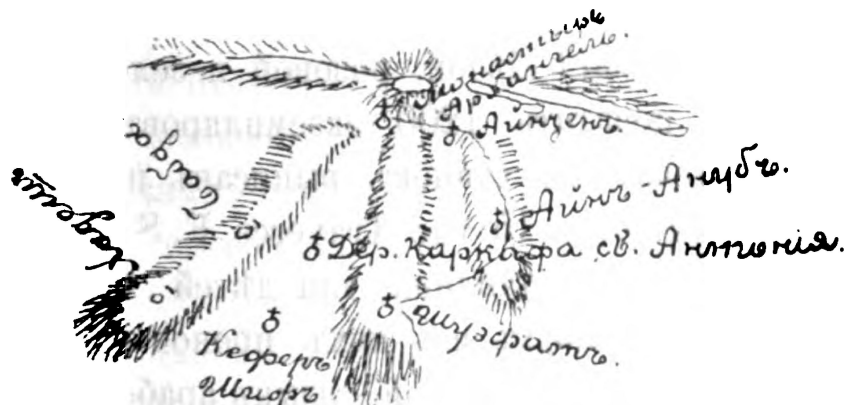
День 14-й, Суббота. Сегодня очень поздно приехали мы в Яффу, и здесь, усталые, полуголодные, остановились в греческом монастыре, устроенном для приема поклонников.

День 15-й, Воскресенье. В этот раз¹⁸⁶ в Яффе я побывал только в монастырях: араво-униатском, армянском и латинском. Первый устроен в доме, который подарил монахам богатый униат в 1831 году. Церковь тут освящена в память Благовещения архангела Пресвятой Деве Марии, мала, но чиста. В ней два придела; местные иконы за стеклами золотисты; в верхнем ярусе иконостаса образа лучше этих икон. А все они написаны в Иерусалиме православным диаконом из арабов Михалаки. В церкви есть деревянная конфессарня для исповедания кающихся. Монахов в этой обители три. Униатских семейств в Яффе 60, а душ 335. Армянский монастырь у подошвы цитадели с отличной церковью во имя Св. Николая Чудотворца так же, как

и униатский, невелик. Монахов в нем три. Латинский монастырь обновлен в 1837 году. Церковь в нем содержится весьма чисто, а в ней хороши мраморные иконы Рождества и Воскресения Христова, особенно вторая. Монахов францискан 8; их кельи опрятны; есть у них трапеза и даже библиотечка с книгами, больше испанскими. Все эти обители суть не что иное, как гостиницы для богомольцев.

День 16-й, Понедельник 17-й

Вторник

. Вечер и ночь проведены были нами в греческом гостиничном монастыре города Рамле, а на другой день еще засветло мы приехали в Святый Град Иерусалим и поместились в тех кельях Святогробского монастыря, кои занимал патриарх Кирилл, когда был еще архиепископом ливидским [и наместником иерусалимского первосвященника].

III. Пребывание в Иерусалиме и побоище Вифлеемское.

Февраль. День 18-й, Середа. Преемник иерусалимского патриарха Афанасия, в Бозе почившего в конце 1844 года¹⁸⁷, блаженнейший Кирилл построил патриарший дом в один этаж супротив Святогробского монастыря и насадил при нем сад у северо-восточной стороны его. Не велик и не обширен сей дом. С улицы входишь в него и тотчас по немногоступенной лестнице вступаешь в длинную горницу, хорошо освещенную с востока и юга, а из нее поворачиваешь налево в горницу гостиную, постланную малоазийским цельным ковром и у трех стен обставленную диванами сплошь, а не враздробь, тянущимися вдоль их. Отсюда же налево дверь ведет в спальню патриарха. Вот и все помещение его. Здесь-то он встретил и принял меня и присных моих, как отец родных детей. Все мы поклонились ему в ноги, приняли его благословение и уселись на своих местах: я подле него, иеромонах Феофан, ошибочно принявший турецкий на нем орден Османие за Панагию и поцеловавший его, сел немножко поодаль от меня, а два студента еще подальше. Начались обычные греческие приветствия. После них я вручил его блаженству письмо с. петербургского митрополита Антония и, так как оно написано по-русски, перевел по-гречески содержание его. В этом письме наш Св. синод, чрез посредство реченного митрополита, уведомил патриарха о том, что я, посетивши Св. места, пожелал возвратиться туда и пробыть у Св. Гроба несколько лет, на что Святейший всероссийский синод с удовольствием благословил меня и воспользовался этим случаем, дабы отпустить со мной иеромонаха и двух любознательных и благочестивых юношей, разделяющих сие богоугодное желание мое; уведомивши же о сем, просил его блаженство и всю святогробскую братию облегчить временное жительство наше в Иерусалиме, допускать вас к совершению богослужения в часовне Св. Гроба и вообще принять нас с тем доверием и с той любовью, какие всегда существовали между Российской и Иерусалимской церковью. Блаженнейший Кирилл, выслушав все это, сказал мне: «Я принимаю вас, как своих чад родных, и все, что только могу сделать, сделаю для вас». Мы опять ему в ноги и благословленные во второй раз, возвратились в свои кельи. Здесь навел меня наш генеральный консул Базили и, между прочим, сказал мне: «Я внушил патриарху, что вы будете состоять под священноначалием его». — «Спасибо вам, — ответил я ему, — так это быть должно. В чужой монастырь не ходят со своим уставом».

День 19-й, Четверток. Утром я и мои сослуживцы, — мы сподобились поклониться всем святыням в ротонде Гроба Господня и в храме Воскресения Христова. На Голгофе я прослезился, у Св. Гроба молился без слов одними воздыханиями.

В келье посетили меня архиереи: газский Филимон, неаполийский Самуил и севастикийский Фаддей, а филадельфийский не приходил. Нашлось у меня приветное слово каждому из них, а всем высказана была просьба любить нас с недостатками нашими.

Настало время идти к обеду у патриарха Кирилла. Я пошел и долго беседовал с ним перед обедом и после. Записываю содержание взаимной беседы нашей памяти ради вековой.

О чем была речь до обеда.

Я известил его блаженство, что государь император Николай Павлович намеревается быть в Иерусалиме в следующем году, о чем я слышал от любимой дочери его, великой княгини Марии Николаевны, и просил его никому не говорить об этом, примолвив: «тогда святогорские дела примут другой оборот, благоприятный для вас, но не стеснительный и для других вероисповеданий».

Патриарх Кирилл объявил мне, что до Пасхи я буду жить там, где помещен теперь, а после светлого праздника подумает (συλλογιζόμεθα) о сем и в этот раз повторил, что он видит во мне одного из своих.

Я просил у него пустопорожней комнаты для складки наших книг и домашних вещей. Он при мне же приказал дать ее.

После сего речь владыки [полилась свободно и о том и о сем] переходила от одного предмета к другому.

– «Явилось ко мне, – говорил он, – духовенство армянское, и спрашивало: можно ли видеть архимандрита Порфирия. Но я не допустил его к вам под предлогом вашего утруждения от пути, примолвив ему и то, что отец Порфирий даже меня не принял по той же причине. (Напрасно он сделал это).

«Продолжаем мы тяжбу с латинами и армянами, с первыми за то, что они дерзнули положить свою пелену на наш голгофский престол и за то, что прибили вифлеемского митрополита Дионисия, а со вторыми за ключ от Вифлеемской церкви, который они хотят иметь отдельно от нас, как свой, без малейшего на то права. Тяжба эта стоит нам 200 000 пиастров (10 000 рублей). А в святогробской кассе денег мало.

«Вот уже пятый день идет (с 15 февр.), как паша наш получил приказание от Порты признавать никогда нежившего здесь латинского патриарха наравне с прочими патриархами. Я и армянский владыка, мы посылали к [Валерге] этому сановнику Рима своих монахов поздравить его с приездом. Он принял их, а сам до сей поры не приходил к нам. Слышно, что у него есть намерение строить католическую церковь в православном селе Бетжале, что в соседстве с Вифлеемом.

«Получено здесь решение Порты касательно униатской камилавки с приложением образца ее. Но ваш консул Базили присоветовал мне терпеливо выждать то время, когда сами униаты наденут ее на головы свои.

В Бухаресте принадлежит Гробу Господню монастырь Св. Георгия, но недавно сгорел. Погост же его обращен в городскую площадь и народное гульбище. А церковь, однако, оставлена среди площади».

Так как речь началась о святогробских имениях в Валахии и Молдавии, то я воспользовался этим случаем и передал собеседнику мнение вселенского владыки об этом предмете, высказанное им мне перед отъездом моим из Константинополя. – «Вселенский просил меня сказать вам, *что вы нехорошо делаете, не повинуетесь российскому самодержцу, отказываясь давать молдовляхам небольшую часть доходов с имений святогробских*». Это известие смутило патриарха, но он тотчас скрыл смущение свое и поведал мне, что не он один, а и антиохийский Мефодий и александрийский Иерофей, и синайский Константин заодно с ним подписали прошение императору Николаю о невзимаемости налогов с церковных имений в княжествах.

О чем была речь после обеда.

После обеда его блаженство сказал мне, что латинский патриарх Валерга сидит у консула Базили. А я говорил ему о колеблющейся унии сирийских христиан и прочитал письмо ко мне алеппского митрополита Кирилла и окружное послание униатского патриарха Максима к пастве его о камилавке.

Когда я кончил чтение сего послания, *грамматикос* (делопроизводитель) патриарший, архимандрит Никифор, прочел нам главы о той же ереси в Алеппо, о которой сведение сообщал я, и письмо из Дамаска к игумену Афанасию (из арабов), в котором изложено вот что. Дамасские

униаты, получивши послание своего патриарха Максима и образцовую камилавку, собирались по ночам для совещаний, но их собрания запрещены были местным начальством. Они прогнали Максимова наместника из Мухаллесского монастыря и он укрылся в селении Ябруде и оставался там, пока не получил приказание от великого визиря Решида-паши ввести в употребление установленную для аравоуниатов новую камилавку. Узнав это, совещатели решили подать прошение римскому папе на своего патриарха Максима, выразив в нем, что они не признают его своим архипастырем и что если папа им не поможет, то сами они знают, что делать.

После вечерни посетил меня блаженнейший Кирилл вместе с петроаравийским митрополитом Мелетием, с архимандритом Никифором и с драгоманом. Камилавка его была накрыта черным клобуком, а на груди висел турецкий орден Османие. Пришел к нам и консул Базили и на ухо сказал мне, что патриарх готов отдать мне монастырь Архангельский и что ему дан консульский совет отобрать мнения от синодальных архиереев поодиночке о моем помещении в этом монастыре. Затем гостями говорено было вот что. Надобно издерживать ежегодно 160 000 пиастров на поддержание православия в епархиях Назаретской и Птолемаидской и купить место для училища подле церкви в Назарете. Патриарх Кирилл издержал 90 000 пиастров во время посещения церквей в Палестине. Латины хотят строить церковь в Бетжале и от местных христиан выхлопотали ложное свидетельство о существовании католического храма в их селе. Патриарх Кирилл предлагал в заточение сослать ложных свидетелей, но консул Базили отсоветовал ему сию меру, ставя на вид опасность перехода бетжалцев в унию, и предложил писать об этом деле в Константинополь и там просить защиты у Порты, присовокупивши, что и наш посланник уже предуведомлен им об этом.

День 20-й, Пятница. В половине девятого часа пополудни поздравляли меня с приездом иерусалимо-арабские священники. Я дал им 200 пиастров (10 р. сер.).

Была у меня надобность переговорить кое о чем с консулом Базили. Она завела меня к нему и задержала у него до 12-го часа. А советовался я с ним о пересылке моих писем и отчетов в Петербург и о доставлении мне денег на содержание вверенной мне миссии, о приискании грека и араба для ежедневного разговора с нами по-гречески и по-арабски, о обстоятельном вовлечении меня в дела Палестинской церкви. Решено: всю переписку мою пересылать через наши консульства; присылки денег ждать из нашего посольства; грека и араба приискать не в Иерусалиме, а в других местах, в избежание наущничества на нас отцам святогробским; в дела местной церкви вмешиваться лишь тогда, когда Патриарх и Синод его пригласят меня к сему. Затем консул поведал мне, что постановлено взимать с молдавских монастырей 25 000 [30 000] голландских червонцев на нужды правительства, да 5 000 в пользу вселенского патриаршего престола.

Пока мы беседовали обо всем этом, армянский патриарх прислал своего каваса к г. Базили узнать: могу ли я принять посланных им монахов. Базили сказал кавасу, что сам вместе со мной придет к его высокостепенству. И действительно, мы явились к нему в час пополудни. Он, обращаясь ко мне, сказал: «Вы предварили меня». Я ответил ему: «Меньший от большего благословляется». Посещение наше было весьма кратковременно. Учивости не разговорчивы.

В три часа пополудни латинский патриарх Валерга прислал ко мне двух мирских священников, приехавших с ним из Рима, и пять францисканских монахов Св. Земли. От них я узнал о миссионерстве его в Персии и Моссуле и говорил им о мире и любви представителей трех вероисповеданий христианских на Святых местах; была у нас речь и о папском нунции Ферриери. Они поведали мне, что этот сановник приедет в Иерусалим к нынешней Пасхе, а я рассказал им, как недавно въезжал в Константинополь и рассказал это, как очевидец.

День 21-й, Суббота. Утром у меня были святогробские архимандриты. А в три часа пополудни я посетил Валергу и настоятеля францисканского монастыря в Иерусалиме. Валерга – высок, тонок, белокур, красив. Рыжеватая борода его длинна до пояса и, как заметно, холится весьма тщательно. Он говорил, что миссионерствуя в Месопотамии, нашел халдейский перевод Аристотелевой логики, что турецкие реформы лучше принимаются в областях у Тигра и Евфрата, нежели в Палестине и Аравии, и что ему поручено временное наблюдение за католической паствой в Кипре, потому что там нет епископа. Потом начались обоюдные расспросы о том и сем.

Я. – Униатский патриарх Максим называет себя и подписывается антиохийским, александрийским и иерусалимским, правильно ли он делает это?

Он. – Неправильно и своевольно. Папа не дал ему такого права.

Я. – Будете ли вы строить себе церковь в Иерусалиме?

Он. – Это очень трудно, но для меня отделяется новый дом подле Яффских ворот; в нем будет и церковь для меня.

Последний вопрос его был: знаю ли я арабский язык?

– Начинаю изучать его, – ответил я ему, и сказал по-арабски: *Яраб ёрхам*¹⁸⁸ \ – Господи помилуй.

Сегодня уведомлен Сербинович о нашем прибытии в Иерусалим.

День 22-й, Воскресенье. Сегодня приветствовали меня такие два человека, каких я вовсе не ожидал, именно главный производитель дел в здешнем турецком судилище, – меккемэ, и приятель греков, разумеется, за деньги и какой-то мусульманский святоша, διαβασιένος; первый в чалме белой, а второй в зеленой. Их привел ко мне архимандрит Никифор, – он же служил и переводчиком между нами. А говорили мы, – я о том, что магометане в России пользуются свободой религиозной и гражданской, а военные из них получают чины даже генеральские; меккемэец же – о дружбе нашего царя с султаном Абдул Меджидом. Святоша, уходя от меня, сказал мне на ухо, что он не бывает у паши, а меня навестил.

Все вышеописанные приветствия мне доказывают, что в Иерусалиме никто не считает меня поклонником Святых мест, а все признают за дипломатического агента Российской державы. Видно, шила в мешке не утаишь.

Сегодня уведомлен Титов о нашем прибытии в Иерусалим.

День 23-й, Чистый Понедельник. Ходил в церковь и молился Богу.

День 24-й, Вторник. Утром патриарх Кирилл мне и консулу Базили объявил, что он отдает нам Архангельский монастырь для временного жительства с тем условием, чтобы в незанятых нами кельях помещались поклонники духовного звания из всех православных племен. Я принял это условие и поблагодарил его блаженство за отеческое попечение о нас странных.

День 25-й, Середа. Постился и молился. Господи сил, с нами буди! Иного бо, разве Тебе, Помощника в скорбех не имамы. Господи сил! Помилуй нас.

Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему. Ей, Господи! Даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего. Яко благословен еси во веки. Аминь.

День 26-й, Четверток. Был у меня православный христианин из Газы Авраам Джегшен с газским архиепископом Филимоном и просил меня ходатайствовать перед патриархом Кириллом о том, чтобы ускорено было решение дела его о подати с пахатной земли, принадлежащей ему, так как оно замедляется секретарем иерусалимского паши, – униатом, следовательно неприятелем православных. Я ничего не обещал и ничего не промолвил, и только молчал.

После вечерни в шестом часу явился ко мне православный иерусалимец, араб Дауд, тот самый, которого дочь в 1844 году я избавил от злонравного и назойливого жениха¹⁸⁹. Он поведал мне, что эта девица выдана за другого, и, благодарный, поднес мне большой хлеб. От него я слышал и то, что сын его женится на дочери одной иерусалимской монахини из монастыря Св. Евфимия, но у этой монахини Вифлеемские магометане похитили несколько пунгов (500 пиастров в каждом), поэтому жених не получает обещанного приданого.

27, Пятница. – День моего покаяния во грехах.

28, Суббота. – День моего причащения святых тайн в церкви Феодоровского монастыря, где я служил божественную литургию.

29, Воскресенье. Я повелитель своей судьбы. Мой ум – мой царь. Мое сердце – мой закон. Мой труд – мое богатство. Весь мир – мой дворец.

Март 1, Понедельник. Послано письмо к Стурдзе одного содержания (с письмом к преосвящ. Иннокентию).

2, Вторник. Пишу письмо к преосвященному Иннокентию, архиепископу херсонскому и таврическому.

Он не отвечал мне.

6, Суббота. Утром я со всеми присными мне выехал в Вифлеем для свидания с тамошним митрополитом Дионисием.

Судьба нас берегла,

А горе ждет из-за угла.

Около четырех часов пополудни благовест в малый колокол призвал христиан к вечернему молению. Разноплеменные поклонники из гостинных покоев монастырских пошли в соборную церковь. Тут для некоторых из них в Рождественской Пещере причт Вифлеемского митрополита вознамерился отслужить до вечерни краткий молебен, т. е. пропеть: *Рождество Твое Христе Боже наш*, прочесть Евангелие о рождении Спаса и возгласить ектенью о здравии молящихся. Но в то же время францисканский священник со своим причтом предстоял у Яслей Господних и располагался священнодействовать по своему уставу. Кандиловжигатель его сказал кандиловжигателю православному, что греки не в указанное время хотят молебствовать в Святой Пещере, и выслал его вон. Началась между ними ссора, как между давними неприятелями. Латинский церковник, – по уверению греков, на пол бросил Евангелие с православного престола. А греческий иеромонах тотчас побежал к митрополиту Дионисию с доносом об этом и, встретив его и нас на лестнице, ведущей из гостинных горниц на монастырский двор, впопыхах сказал ему: «Владыка, франки на пол бросили Евангелие с нашего престола». Преосвященный, услышав это, застонал и, идя в собор, жаловался нам на злобу франков. Все мы вошли в это наидревнейшее святилище чрез двери, находящиеся в южном роге зодческого креста его. По входе туда я не заметил никакого особенного волнения в народе и потому спокойно пришел прямо к главному иконостасу и, по обычаю, начал молиться пред местными иконами, а митрополит остался у южного входа в Св. Пещеру. В эти минуты, как после узнал я, уже дрались между собой подсвечниками оба кандиловжигателя, а латинский поп в белом облачении безмолвно стоял у Яслей. Митрополит Дионисий, не входя в Пещеру, понуждал поклонников идти туда бить латин, иеромонах же его вынес из соборного алтаря палки и дубинки и роздал их находящимся в Пещере поклонникам. Мой служитель Иван стоял на лестнице, ведущей в Вертеп Рождества Христова, и митрополит силой втолкнул его туда, так что он едва не упал на ступеньки. Так как сей служитель был очевидцем того, что произошло в названном Вертепе и вне оно, то и помещается здесь рассказ его об этом печальном происшествии.

«Как только я спустился в Пещеру, увидел, что кандилафты дерутся подсвечниками, а поклонники стоят уже с палками. Франкский поп в белой одежде начал мне говорить что-то по-итальянски, но заметив, что я не понимаю его, замолчал. Кандилафт его струсил и убежал из Пещеры. А один грек схватил кованное из серебра Евангелие наше, подскочил к попу в белой одежде и, прокричавши: «Так вы бесчестите наше Евангелие», – начал бить его по голове этой книгой со всей мочи и окровавил; отставной же русский солдат, весь в медалях и крестах, подошел к этому попу с палкой и высылал его вон говоря: «Марш, марш, франки, вон отсюда католики!» Тут другие поклонники схватили его и другого капуцина и давай бить их палками и гнать из Пещеры вместе с какими-то мальчишками. Как только выгнали их в армянский придел, я увидел много арабов и, боясь, как бы они по одежде моей не приняли меня за франка и не стали колотить, опять спустился в Пещеру и другим выходом перешел на греческую сторону церкви, дабы посмотреть, чем кончится дело».

Все это совершилось весьма скоро. В эти мгновения я (Порфирий) еще стоял перед иконой Богоматери и хвалил своему студенту Соловьеву (рисующему образа) живопись и особенно постановку Богоматери. Мы не знали и даже не слыхали, что и что делалось в Пещере, над которой стояли, потому что она, кроме натурального толстого свода её, покрыта высоким мраморным помостом; да и внимание наше занято было иконной живописью.

Как только я отошел от иконы Богоматери к правому клиросу и хотел занять седалище, – *οτασιδι*, подле митрополитанской кафедры, дабы слушать тут вечерню, увидел, что от Св. Пещеры чрез армянский придел стремительно бегут мальчишки к внутренней двери латинского монастыря, но не заметил ни гнавших их, ни попов францисканских. В своих путешествиях по Сирии, выдавши, как буйно ведут себя малолетки в церквах, я подумал, что и здесь гонят их за шалости; после того, как они скрылись за монастырской дверью, тотчас оттуда вбежали в армянский придел францисканские монахи и Вифлеемские арабы-католики с палками и камнями и, бросая их в поклонников, успели разогнать их на мгновение. Один камень, брошенный к митрополичьей кафедре с такой силой, что сделал язвину в мраморном подножии сей кафедры, разбился на куски, разлетелся и едва не ранил меня и стоявших подле меня студентов моих.

Я удалился в алтарь и к увеличению моего негодования и моей тревоги, увидел, что там, в присутствии митрополита, два послушника торопливо забирают из шкафа палки и дубинки для раздачи их народу. Мне стало страшно; глаза мои закрылись, и я приник челою к святому

престолу. В эти минуты митрополит вышел из алтаря и понуждал народ к побоищу. Самосохранение заставило меня посмотреть чрез царские двери, что и что происходит в соборе, дабы в случае опасности укрыться от побоища, и я увидел, что одни поклонники держат в руках своих одного францискана на высоком помосте, а другие со всей мочи бьют его, чем попало. Едва ли он будет жив. Мой Иван, издали зевавший на это побоище, говорил мне, что когда франки разметали свои камни, тогда поклонники схватили их и начали бить.

Подле меня в алтаре очутились мои спутники. Лица их были бледны. Мы решились уйти из вертепа убийц через алтарный придел Св. Георгия, но как только вошли туда, к ногам моим упала родная сестра митрополита и умоляла меня увести брата её с побоища. Решась спасти жизнь преосвященного, я воротился, нашел его подле иконостаса, схватил за руку и увел с окровавленного помоста через алтарь и Георгиевский придел в его кельи. Посему неизвестно было мне, как и чем кончилось побоище.

Мой Иван и другие очевидцы, непринимавшие участия в нем, говорили, что из латинского монастыря, пристроенного к Вифлеемскому собору, сделана была вылазка для выручения францисканского монаха, которого, как я видел, ужасно избили поклонники. Опять посыпались палки и камни со стороны латин, с которыми было немало и вифлеемских арабов их веры; поклонники рассыпались. Францискан был выручен. Но в дверях монастыря, которых латины не успели затворить, снова произошла свалка с обеих сторон, перебрасывались палками и камнями. Между тем из греческого монастыря нахлынуло множество православных вифлеемитов, все вооруженные, кто ятаганом, кто дубинкой, кто палкой с железным острием на конце; даже дети обоего пола имели палки в руках своих, но эта толпа застала уже конец побоища; латины успели захлопнуть свою дверь, поклонники пытались сорвать ее с петель, но не могли и разошлись.

Между тем, все мы безмолвно сидели в кельях митрополита, находящихся в крепкой Иустиниановой башне, примыкающей и к собору и к монастырскому зданию. Порой являлись к нему, наконец, герои побоища, как то: кандилловжигатель его с окровавленными челюстями, пожилой грек с острова Крит, с разбитой головой, весь в крови, и молодой и сильный болгарин исполинского роста, с хохлом на бритой голове, как славянин времени нашего Святослава, кулаки его еще были сжаты, и он изъявлял сожаление о том, что ему не удалось убить до смерти латин за веру Христову, приговаривая, что каждый из них после третьего кулачного удара его полетел бы прямо в ад. Эти сцены были невыносимы для нас, и мы сошли в свои гостиные горницы и там узнали, что латинский монах, избитый в пещере, отправлен был в Иерусалим в том белом облачении, в котором хотел священнодействовать, а митрополит Дионисий послал туда же каваса Апостоли уведомить патриарха о случившемся происшествии. Кавас этот предварил приезд болящего монаха.

После сего распоряжения преосвященный пришел ко мне в горницу звать нас к вечерне. Было поздно. Я отговаривался усталостью, тревогой, нездоровьем, но тщетно. Надлежало покориться ему, дабы скрыть от него величайшее отращение свое от поступка его и успокоить его, по крайней мере, своим поддельным послушанием.

Вечерню служил в соборе арабский священник отец Илия. Во всю эту службу несколько греков, по воле митрополита, стояли с дубинками в руках у дверей латинского монастыря, для предотвращения предполагаемой вылазки латин. Зрелище нестерпимое! Напрасно я уговаривал выслать из собора этих дубинщиков; он не слушал меня и, по обычаю, сам пел и читал вечерние молитвы Богу мира и любви. А я, склонив голову к рукоятке ненизкого седалища, скрыл лицо свое в руках своих и только чувствовал, что у меня горело сердце болезненно.

Ночь проведена была нами почти в бессоннице.

7, Воскресенье. На другой день рано кончены были две обедни, одна в Св. Пещере, а другая в соборе. Я намеренно не пошел ни туда, ни сюда. Ибо отяжелело кроткое сердце мое, и тяжесть его не могла облегчиться там, где стояли мужи кровей.

Пока Иван мой готовил чай, я с отцом Феофаном пошел в Св. Пещеру для поклонения, полагая, что в ней нет никого, кроме Бога Вездесущего. Но мы застали там латинского священника, совершающего безмолвную литургию и множество вифлеемитян обоего пола. Наше появление и поклонение не смутили их, только слышны были слова, произносимые шепотом: *мутран москов*¹⁹⁰, – архиерей московский. Из Пещеры мы прошли чрез колоннаду собора к западной двери его. Осмотревши внимательно сию дверь изнутри и снаружи для соображения при суждении о споре армян с греками, касающемся этой двери, я провел отца Феофана в

латинский монастырь единственно для того, чтобы показать ему тамошнюю церковь и при случае изъяснить францисканам свое глубокое сожаление о вчерашнем побоище. Но церковь эта была наполнена народом. Один францискан с жаром говорил проповедь на арабском языке. Мы почтительно вошли, почтительно и ушли.

Я решился возвратиться в Иерусалим. Пока приготавливали нам лошадей, пришел навестить нас кавас Апостоли, только что возвратившийся из Иерусалима, для провода о. Феофана в Саввинский монастырь. От него узнали мы, что о вчерашнем побоище уже дано знать паше и что латинский патриарх ночью просил нашего патриарха дать ему подробные сведения об этом происшествии. Когда Апостоли обмолвился, что паше сказали про него, будто он едва спас меня от опасности, и когда я возразил ему – «Зачем солгали?» – тогда он преравнодушно ответил мне: «Ведь франки лгут, так почему и нам не лгать». Я отворотился от него. Он ушел.

Вошел в мою горницу митрополит Дионисий. Я упросил его найти проводников для о. Феофана до Саввинского монастыря, а Апостолия послать с нами в Иерусалим. Между тем ему подали письмо нашего патриарха. По прочтении его оказалось, что блаженнейший требует его в Иерусалим для объяснений. Он стал жаловаться на боль в боку от вчерашней тревоги и поручил мне сказать патриарху, что ему нельзя ехать по слабости здоровья.

Мы простились с его преосвященством. О. Феофан поехал в обитель Св. Саввы, а мы в Иерусалим. На дороге попались нам навстречу два лекаря. Они спешили в Вифлеем для подания врачебных пособий избитым францисканам.

В одиннадцатом часу дня позвал меня к себе патриарх Кирилл. В гостиной горнице на диване с ним сидел только один петроаравийский митрополит Мелетий. Его блаженство сказал мне, что он нетерпеливо ожидал меня, дав знать паше и латинскому патриарху, что суждение о вчерашнем побоище начнется только тогда, когда я, как очевидный свидетель, расскажу, как оно происходило. Я проникательно взглянул на патриарха и ответил ему почтительно и равнодушно: «Владыка, я не видал ни начала, ни конца достопамятного побоища вифлеемского, и потому не могу быть вполне верным свидетелем; мною замечено было только вот что. Кто-то гнал малюток от Св. Пещеры; латинские монахи бросали камни в наших поклонников; один камень их долетел до меня, стоявшего на клиросе подле митрополита, и разбился в дребезги о мраморное подножие митрополичьей кафедры; наши поклонники нещадно били одного францискана; из нашего алтаря митрополичьи люди выносили палки и дубинки в присутствии его преосвященства и раздавали их поклонникам; сестра митрополита упросила меня вывести брата её из церкви, и я увел его оттуда». Патриарх, выслушав все это, раскраснелся и сперва сказал: «Хорошо!» Потом начал осуждать горячность митрополита Дионисия и даже проговорился, что надобно сменить его, сожалел о раздаче палок и дубинок поклонникам, умолял меня никому не говорить об этих орудиях побоища и наконец передал разговор сардинского консула с иерусалимским пашой.

Консул. Прошу у вас беспристрастного суда о вифлеемском побоище.

Паша. Ожидаю приезда из Вифлеема русского архимандрита Порфирия. На него, как на очевидца побоища, указали мне оба здешние патриарха.

Консул. Но этот архимандрит здесь не более, как гость. А гостя в судебное дело вмешивать не следовало бы.

Паша. Однако и гость может быть свидетелем происшествия, ежели оно случилось в присутствии его.

Когда патриарх перестал говорить, я сказал ему: «Владыка святой! прошу вас знать, что я приехал сюда отнюдь не для вмешательства в чужие дела». – «А ежели спросит вас паша?» – подхватил владыка. Я живо и твердо ответил: «Ни к паше не пойду, ни его к себе не приму по настоящему делу. Я независим и свободен».

Разговор наш прекратился по случаю появления в гостиной посланного от паши православного грека в турецком сюртуке. Этот грек объявил патриарху, что паша нетерпеливо ждет его к себе для объяснений по Вифлеемскому делу.

По уходе сего посланца, мы обменялись несколькими благими словами. Я возвратился домой.

Во время обеда, в час пополудни, араб принес мне письмо латинского патриарха Валерги. Я догадался о чем он пишет мне и, решившись возвратить послание его нераспечатанным, придумывал предлог к сему. Предлог представился. На пакете Валерги надписано было: à son excellence Monseigneur l'archimandrite de l'église de Russie. Jerusalem¹⁹¹. Прочитав эту надпись, я

сказал посланному: «На пакете не означено мое имя, поэтому [я] не могу принять его», и отдал письмо арабу. Но Валерга опять прислал его с извинением, что мое имя не известно ему и просил меня отвечать. Тогда я распечатал письмо его и прочел.

До отсылки с(во)его ответа к Валерге я ходил к своему патриарху и пересказал ему содержание своего письма. Он одобрил его. А петро-аравийский митрополит упрасивал меня писать Валерге гораздо подробнее и прибавить [ложь], что я с преосвященным Дионисием вошел в собор к вечерне чрез придел Георгиевский и чрез главный алтарь. Но я извинился, что по европейской политике на краткое письмо ответ посылается краткий. После сего прочтено было мною собственноручное послание Валерги на италийском языке к патриарху Кириллу. В нем он изъяснял, что вифлеемские греки позже установленного времени собрались служить вечерню и что францисканы не могли начать побоища, потому что их было весьма мало, а греков весьма много. Патриарший книжничий, архимандрит Никифор, начал было читать греческий перевод Валергина письма, но я встал и отклонялся его блаженству.

9, Вторник. В шесть часов пополудни навел на меня вифлеемский священник Илья, – араб, и, как очевидец одного побоища, поведал мне, что латинский кандиложигатель [кандилафт] не бросал греческого Евангелия на пол Св. Пещеры, а вынес его с пеленой в греческий придел Св. Георгия и положил на наполь. Греческий же кандиложигатель опять снес его в оную Пещеру и положил на престоле. После сего началась ссора их и драка. По словам о. Ильи, избитый францискан принял достойную мзду за великую ненависть его к православным христианам.

10, Середа. Утих шум, прекратилась брань. Смыта кровь в Вифлеемском храме. Один Бог ведает совесть враждующих на месте святом и Его одного суд праведен и непреложен. А суд человека или приближается к правде, или удаляется от нее, или колеблется нерешительно.

Греки не в свое время, то есть позже обыкновенного, заблаговестили к вечерне и созвали поклонников в Св. Пещеру для молебствия. Иначе не могло бы произойти столкновение их с латинами. Когда я со своими ходил туда молиться в третьем часу пополудни, тогда там не было ни души, и мы безмолвно и спокойно совершили свое набожество. Почему же промедлили греки? Ведь, не дожидались они прилива поклонников, которые до полудня пришли в Вифлеем. Сдается, что они задумали отмстить латинам сегодня за 17 октября прошлого года.

Латинский кандиложигатель схватил с престола греческое Евангелие и вынес его из Пещеры в Георгиевский придел собора. Он поступил дерзко, не имея ни малейшего права распоряжаться на чужом престоле. Да и францисканский священник в белой одежде виноват тем, что не остановил его.

Митрополит Дионисий кругом виноват. Он одним словом мог бы предотвратить или приостановить побоище, приказав иеромонаху и кандиложигателю своему дожидаться прибытия своего, молча и благоговейно, и внушив поклонникам благоговение к Святому месту, но он не только не сделал этого, но еще понуждал их драться с латинами. Видно, что месть им кипела в его сердце и он воспользовался случаем, чтобы вырвать око за око и зуб за зуб. И кто знает, не вошло ли в расчет его мести и мое присутствие, как средство к оправданию, или как отвод от опасности.

В соборном алтаре скрыты были орудия побоища. Не думаю, чтобы они приготовлены были на этот раз, нет; страстям, непрестанно гонящим, всегда надобны орудия их порывов. Но не смертный ли грех держать орудия смерти там, где совершается бескровная жертва примирения? Да, грешно это!

И у латин наготове были палки и камни. *Similis simili gaudet*¹⁹². Черо можно ожидать от испанских и италийских мужиков, надевших на себя францисканскую рясу. Ничего, кроме фанатизма, скрежета зубов, разбойничьих дел. Гверильясы, везде гверильясы, и в Вифлееме францискане любят хвалиться своими страданиями и мученичеством. Но вот каковы их мученики! Сперва сами с остервенением бьют ближних, а потом прибьют и их. Жалок и низок папский Запад. Он высылает на Восток не миссионеров, не апостолов, а разжигателей страстей человеческих, рушителей древних верований и даже кулачных бойцов.

Патриарх православный, патриарх латинский, паша вздумали основать свои суждения о Вифлеемском побоище на моих показаниях. Напрасно! Однако это обстоятельство дало мне почувствовать, что здесь я могу сделаться господином мнений и дел. Впрочем, в честном казаке пусть не ожидают иезуита, в философе изменника [продавца] правде, в монахе – мужа кровей и лесты.

11, Четверток. Благочестивый инок молится о мире всего мира и о спасении всех народов, да все будут просвещены и освящены благодатью Божией.

Эта молитва его, молитва веры, надежды и любви, есть союз, соединяющий душу его с Богом и человечеством.

Молясь о всем мире, иногда чувствует в себе неодолимое желание знать, что и что делается в мире: торжествует ли там истина и правда над заблуждениями и неправдами и дают ли они народам и властям благое направление, покой и благополучие?

Преподобный Павел Фивейский, свидевшись с Антонием Великим пред кончиной своей, спрашивал его: «Поведай мне, молю тебя, в каком состоянии находится род человеческий, в древних городах строятся ли новые крыши, какая власть управляет миром; есть ли в живых такие люди, которые еще обманываются обольщениями демонов?»

Мария Египетская при свидании с Зосимой пред смертью своей, спрашивала сего святого старца: «Молю тебя, отче, поведай мне: как живут теперь цари и пастыри церквей?»

Синайские и Афонские отшельники в 1845 и 1846 годах допытывали меня: читают ли в России пророчества Тарасия Константинопольского, Мефодия Патарского, Агафангелла и толкования на них? Почему руссы не взяли Царьград в последнюю войну с турками? Не за грехи ли наши и ваши отсрочено Богом падение ислама и торжество православия?

В бытность свою на Синае я изумлен был ясностью истолкованных пророчеств о занятии руссами Крыма и устьев Дуная. Настольная тетрадка, содержащая дивные проречения и изъяснения их, переписана была в 1805 году, разумеется, с рукописи старой. В ней предсказано даже имя того русского царя, который овладеет Константинополем. Этот сын провидения Божия будет называться *Иоанн*.

Итак, святые мужи видят в Боге будущие судьбы народов и царств, и прорекают их верно, хоть и прикровенно.

Грешен муж аз есмь и потому ничего не созерцаю в Боге. Но я верю, что все человечество живет и движется в нем, и что мудрость, благодать и правда Божия соразмеряются и сопроницаются со свободными действиями властей земных и, [чрез их] уравнивая правду и неправду, ошибки и благоразумие, приближают народы к наилучшему существованию, [совершеннейшему бытию и постепенно приближают их к воскресению, одухотворению и прославлению здесь на земле].

Грешен муж аз есмь и потому ничего не созерцаю в Боге. Но я вижу бледный, болезненный облик Европы; усматриваю в ней несовершенства и язвы гражданственности, сознаю искусственность и ложность политического её состояния; ужасаюсь её быстрого стремления к панфеизму и обожанию разума, думаю, предчувствую и прорекаю, что в человечестве рано или поздно явится новый порядок общественный и политический после болезней рождения, быть может, самых мучительных и ужасных. Невозможно, чтобы человечество долго оставалось в настоящем положении, которого неловкость, неудобство, опасность, болезни чувствуются и гласно выражаются.

С 1841 года по особому устроению Божию я соглядаю разные народы и племена. Их жизнь мировая прикасается к моему удельному бытию и волнует мой ум. Не властен я ни остановить, ни утишить это волнение. Как только [я] скажу сам себе: «не вперяй ты пытливого взора в таинственные судьбы народов, и лучше молись о них», воздыхания, стоны, замыслы и говор народов четырьмя ветрами доносятся до моей души и я невольно перестаю молиться, отверзаю свои очи, созерцаю и вопрошаю: что такое делается в мире и что будет? Все люди живут в доме, в городе и в церкви, но как они живут там? Семейность, гражданственность и вера суть канва узорчатой жизни человечества; но прочны ли эти канвы и красивы ли узоры. Дотчется ли полотно Пенелопино? Или новый, драгоценный хитон будет выткан и сшит по росту человечества? Пять сил движут народы: сила веры или церкви, сила ведения или школы, сила власти или права и меча, сила изящных искусств и, наконец, сила денег или торговли, но дружно ли они действуют? Не поборают ли и не запинаят ли они одна другую? Чисты ли они? Или пристали к ним разные земляные тяжести? Не требуют ли они очищения и обновления?¹⁹³

¹⁹⁴[Положение Европы походит на состояние воздуха перед бурей]. Во всей Европе большой неурожай духовный: нет ни поэтов, ни философов, ни витий, ни законодателей, ни проповедников, ни богословов. Посредственность и тяжелое спяние духовных сил заменяют бодренность и полет дарований в область истины, добра, красоты и правды. Ни из старого, ни из нового Рима не течет ни одна струя животворная для утоления духовной жажды народов. В

католической Испании, где никогда не была написана ни одна философская строчка, духовенство, недавно умевшее воодушевлять гверильясов на поле брани, не изрекает слова [к созиданию, упокоению], могущего облагодетельствовать отечество во время мира. Слово Франции есть слово, разрушающее все опоры жизни. Знаменитые университеты Германии спорят, отрицают. В Мюнхене есть даже мода ни о чем не думать, а духовная мертвенность считается приличием при тамошнем дворе. В Берлине философский анализ убил вдохновение и какая-то дремота объемлет умы и для многих она даже приятна. Англия, торгуя, накапливает свои долги и довольствуется своим черствым пиэтизмом, т. е. служит Богу не сердцем, а воображением. Россию морит нищета духовная. Где у нас пророки, которые вдохновенным словом питали бы Русь, по природе склонную к вере, поэзии и к чарам духовного мира? Может ли быть питательно и любо [для этой Руси] *словесное млеко* Илиодора, или *сыворотка в великий пост*, слово Филарета, разлагающее частицы Св. Писания на сухие и бесцветные атомы, слово Иннокентия более совопросническое, слово разума, нежели положительное слово мудрости? Где у нас пророки, которые во имя Бога и Евангелия проповедовали бы *пленным* свободу? Где апостолы, которые шли бы учить и крестить языки, сидящие во тьме и сени смертной и напитать их хоть бы крупичками слова Божия? Разные секты, как черви подтачивают сеннолиственное древо Русской церкви¹⁹⁵.

Каковы ныне предрержащие власти в Европе?

Предрержащие [власти] в Европе, желая казаться людьми народными, унижают себя до звания ремесленников. Король прусский рисует карикатуры; король баварский пишет любовные стихи и занимается ремеслом любовных дел; принц ганноверский состязается с мещанами в удалстве катанья на коньках по льду; король саксонский – ботаник и со студентами собирает на горах травки-муравки [и может быть таракашки] и козявки; король французский Людовик Филипп в приточном костюме и с нравами и привычками весьма простыми был [лавочным] образчиком поземельной собственности и промышленности, и как образчик ненужный и лишний выброшен [за лавку, но очутился] в Лондоне; император австрийский делает сургуч и, прогуливаясь по крепостной стене Вены или в Пратере в мещанском сюртучишке, держит поношенную шляпу подмышкой, дабы при непрестанных поклонах народа и народу не трудиться скидывать ее; зато все видят его лысую и паршивую голову с отвислыми губами, в которой нет человеческого смысла. Королева английская рождает детей; королева испанская охотница бродить по ночам и попадает в полицию.

Что это за странность! Но ведет ли к добру унижение царственности до черни? Что за печальная эпоха, в которую мы живем, и в которую князи людские делаются цеховыми мастерами, паяцами, стрельцами и пр. Ждать беды! Не заметила бы чернь своего превосходства над ними, и как бы не сказала: «И я гожусь в цари!»

Люблю я царей, но таких, каков Николай благодатный. Это орел, гроза Божия, высота небесная, красота увлекательная! Люблю в нем степенность семейную, [важность пастырскую] вид геройский, жест и взгляд царский. Он приветствует народ, не скидывая шляпы. Так и быть должно. Кто обнажает голову перед другим, тот раб.

Каковы ныне правители в Европе?

Областью и достоянием венчанного попа управляют попы же, – но князи, кавалеры, нунции, легаты, – словом дипломаты, а не отцы церкви, тем менее апостолы и пророки [выродки, уроды, чудовища, прикрытые хитоном Христовым]. Горе им! [Ибо где чудовища, там и Геркулесы]. Их рвут Вольтеры, Дидероты, Ламеннэ, Кинэ.

Палаты, сенаты, государственные советы, министры приказные [бюрократы] составляют правительство.

Но что такое приказные [бюрократы]? Это – чернильные души, пиявки, сосущие кровь народов чистую и нечистую, Иссахаровы ослы, вечно работающие на границе правды и неправды, разносоставные статуи, на челе которых написано: «*нас можно купить*», наконец – это образы без лиц и патриоты без сердца, которые продадут отечество первому, кто даст им больше жалованья.

Что такое *министры*? Все вместе они суть не лучезарные сияния окрест главы царя или короля, потому что не очень мудры и вовсе не светлы, а таинственные кольца Сатурновы, непроницаемые орбиты или атмосферы, сквозь которые ни народы до царей, ни цари до народов не могут пробиться. А каждый порознь министр в своем доме, или городской гостинице, или в канцелярии есть самозванный божок, которому кадят его клеветы и челобитчики и который в

припадке головокружения от чада лести и самолюбия метит в Олимпийские Юпитеры или, по крайней мере, думает, что он держит в своих руках отца богов. Каждый порознь министр в государстве есть

Баба яга,
Костяная нога,
В ступе едет,
Пестом погоняет,
Метлой замечает.

У иного на ступе, у другого на песте написано: *Faciamus experimentum!* Только *experimentum*?
¹⁹⁶ Да, только! [Киселёвщина!].

Что такое государственные советы включительно с палатами Перова? Это – лишние цифры в государственном бюджете; это – концы мечей, которых рукояти в других руках; это – усыпальницы или костовницы, куда относят отживших сановников [великих] и честолюбцев; это – соборище теней, которые не видят ни назад, ни вдоль и которым приятно быть *in statu quo*¹⁹⁷.

Что такое сенаты и палаты? Это – большие базары, на которых оптом и по мелочам торгуют совестью своей и народной под вывеской законов¹⁹⁸.

Европейские правительства заботятся об улучшении пород лошадей, коров и овец, но нимало не помышляют об усовершенствовании красоты, сановитости, силы и долголетия девиц и юношей. Гимнастика, укрепляющая тело, не включена в число способов воспитания обоего пола. Юность чахнет в душных школах и в убийственных корсетах, темнеет от табачного дыма, тлеет в похотях прелестных, или ржавеет, худает и не дорастает под плетью на барщинах обременительных [бессовестных].

Непомерное увеличение столиц европейских, их тиранское и ядовитое влияние на прочие города и даже села, скопища в них безнравственных людей обоего пола, приток солдат и рабочих в непотребные дома, размножение больниц и острогов, сделки полиции с ворами и картежными мошенниками, рукоплескание на театрах тому, что в церквах почитается соблазном и нечестием, обожание лицедеек, певиц и плясавиц, заменившее почитание святых, величание и прославление пианистов, скрипачников и прочих им подобных скоморохов, которые [между прочим] служат еще орудиями интриг любовных и политических и набатом ложного общественного мнения, ветреность жен и девиц и слепое стремление их к независимости и своеволию, т. е. кружение бабочек около огня, печальная неизбежность безбрачности многих молодых людей, лицемерная или холодная набожность духовенства в церквах и не совсем примерная жизнь его в домах, нищета, дерзко просящая насущного хлеба, суть то жалкие недостатки, то смертельные язвы нашего общежития [на большую ногу].

Постоянные армии во время мирное суть саранча, поедающая хлеб народный и оставляющая зловоние в обществе, а во время военное это – искусственные боевые машины, которые когда разовьются, – прощай свобода, безопасность и слава народная! Во всякое время это – пугало и дикие звери, которых можно наустить и против своих и против чужих; это – кондотьеры, стрельцы, янычары, опасные для властей; это – беззаконные защитники несправедливых и пристрастных законов, преимущества и тиранства. Естественно же их положение в обществе человеческом!

Везде правительства берут подати с многочисленного и бедного сословия рабочих и ремесленников, а о здоровье, опрятности и чистоте, покое и довольстве, о движении их капиталов и о спасении душ их весьма мало заботятся; даже ощутителен недостаток правительственного расчета и соразмеримости сил, времени и произведений ремесленников с числом потребителей их произведений. Эти грехи правительства не останутся без наказания. Опасно, как бы ремесленники не увлеклись учением коммунистов и не обратили бы дворцы и боярские терема в рабочие дома.

На Востоке юноши дают брачное вено невестам, а в Европе наоборот. Обычай Востока естествен. Обычай Европы искусствен. Приданое девицы есть её красота, сила, целомудрие, добрый нрав, набожность. Принятие обычая восточного уравнило бы в обществе состояние девиц богатых и бедных и способствовало бы к усовершенствованию сановитости природы человеческой. Какой прок в богатой, но чахлой девице?

Крестьянство в Европе, кроме России, этой великой родины рабов, пользуется личной свободой. Но что за сладость в этой свободе, когда крестьянин не имеет лоскутка собственной земли, который он мог бы обработать для себя и для своей семьи и детей? Он не хозяин, а

работник. По-нашему, уж коль быть землепашцем, так быть же и хозяином, а не бобылем. Каждый народ рождается на земле, а не на небе, и питается произведениями земли, а не воздухом, и Бог сотворил землю для него, а его для земли, следовательно, он есть самый законный владелец поземельной собственности и по праву Божию, и по праву труда. Что ж такое барщина, наемничество, рабство? Выдумка сатаны. По-нашему, мужички кроме своих участков земли, должны обрабатывать земли боярские, царские, церковные, государственные для себя же и для своих общин, а владельцам их довольно условленного оброка деньгами или произведениями земли. Оброк есть самое естественное постановление древнего славянства! До земли ли царю, князю, воеводе, епископу, ученому, судье, рыцарю, когда они призваны к другим занятиям? По мне, только на семью, т. е. на семь душ должна быть дана земля. Всякий восьмой и девятый и прочий женатый [парень] должен выбывать из семьи и основывать новые поселения под сенью креста по благословению попа, по указанию царя. Младшие – дома, старшие – из дому вдаль или с серпом в пределах отечества, или с топором на чужбину!!!¹⁹⁹

Политическое состояние Европы весьма неестественно. Она наполнена живыми отрывками, которые ищут друг друга, чтобы срастись, как будто исполни какой разрубил змия на многие куски. Германия и Италия раздроблены на мелкие владения; Португалия отторгнута от Испании; славянские племена разъединены и каждое думает быть народом, тогда как они все вместе должны составлять один народ или в виде союза, или под одной главой. Турок господствует над греком, румыном и славянином; немец над итальянцем и мадьяром, мадьяр над сербом и кроатом, русский над немцем. Настоящее Вавилонское смешение! Последствия его весьма печальны. От множества таможен, от разной монеты и разных мер, от разных законов и постановлений, от взаимных страстей, неприязней, интриг и недоверий, торговля стеснена, долги правительства приращаются, существует множество лишних чинов, кои истощают народы, высоким помыслам нет простора и подмоги, великие предприятия откладывают до завтра; особый характер племен почти сглаживается и усваивает себе то, что им чуждо. Самые славные народы поражены бессилием и бездействием. Одним недостает силы вещественной, другим сокровищ ведения, а у всех нет полной независимости и свободного произвола. Каждый народ имеет свою цель, но ни один не осмеливается двинуться к ней. Россия пятится от своей добычи на Востоке, Германия и Италия от своего единства, Франция от своей чести и свободы. Все это странно, безобразно, печально. Когда какой народ сознает свои духовные пределы, тогда в нем нет беспредельного Бога²⁰⁰.

12, Пятница. Французы изгнали своего короля Людовика Филиппа и сожгли его трон. Это событие есть неизбежное следствие революции 1830 года. Каковы посылки в силлогизме государственной жизни, таковы и вывод из них! Александр Дюма за десять лет, почти точь-в-точь предсказал или, лучше, вычислил это новое движение во Франции²⁰¹.

Ах, Дюма! Твое пророчество исполнилось.

13, Суббота. Рим подобен умирающему грешнику, который не может жить жизнью колыбели, а гроба боится.

Какова колыбель христианского Рима? Это простые ясли, в которых лежит Библия и соборные свитки. А в Библии и в этих свитках написано:

«Дух Св. происходит от Отца».

«Глава церкви Христос, а не папа».

«Бог един премудр, а всяк человек ложь»²⁰².

«Собор всех пастырей и учителей церкви, а не папа, определяет догматы веры и правила церкви».

«Римскому престолу усваивается первенство ради древнего Рима».

«Царство мое не от мира сего»²⁰³ и пр. и пр.

Рим не в силах уничтожить Св. Писание и соборные определения, а его превратному изъяснению их ныне верят одни женщины и дети до выхода из школ иезуитских. Что ж остается ему делать? Переродиться и достигнуть в возраст первобытного христианства. А что значит переродиться? Переменить черноту эфиопа на белизну европейца? Ох, более! Переродиться значит умереть и воскреснуть. А если так, то колыбель христианства должна быть страшна для Рима так же, как и гроб.

После Тридентинского собора не было ни одного священного собрания епископов и учителей западных. Что ж бы значило сие гробовое молчание Рима, тогда как известно, что этот собор оставил много вопросов без ответа? Прелаты, расставаясь в Триденте, думали, что они скоро

опять увидятся в другом Синоде, но их прощение было на веки. А между тем в мире так много запутанностей, а разрешений нет. Почему же нет? Почему в течение двух с половиной веков Рим не предпринимал ничего великого, а из Ватикана не слышалось ни одно повеление Божие? Не обратился ли он подобно жене Лотовой в столп сланный? Не страшны ли для него соборы? Не боится ли он воскресения идей константских и базельских? Не боится ли он чаянного Лейбницем собора, на котором уже не прелаты и не папа, а народы чрез своих представителей будут подавать голоса? Как бы то ни было, но духовная неподвижность Рима есть признак его умирания. Рим уже не в силах соединить под своим знаменем племена латинские, германские, греческие, славянские, кои ныне более, нежели когда-либо, любят оставаться под собственными хоругвями своих вероисповеданий. Зато ныне возникает другого рода вселенская церковь, т. е. соединение почти всех народов Европы во имя общих прав человечества, во имя такой или другой идеи о быте общественном и политическом, даже во имя науки, которая не знает ни пределов, ни народностей, ни правительств. Кто же апостолы сего нового вселенства? Не аббаты, не кардиналы, не доктора богословия, а ученые, публицисты, депутаты, министры, – все миряне. Если папство не погрузится в эту новую Вифезду, в которой не ангел, а сам Бог возмущает целебные воды, то оно не обновируется и умрет.

Но как ему обновиться? Как нынешним князьям, кавалерам, нунциям, легатам, дипломатам церкви сделаться учителями, из учителей преобразиться в св. отцов, а из отцов – в богодохновенных апостолов?

Возможен ли и люб ли будет для них этот обратный ход жизни. А между тем дипломатическая, княжеская, царственная стоимость их начинает терять свою цену, как негодная ассигнация, потому что западная Европа делается республиканской. Что же будет с папством, если оно не сможет плыть против общего течения новых идей в Европе и если будет увлечено этим течением? Думаю, что оно сперва будет обрезано, а потом усечено до корня²⁰⁴.

14, Воскресенье. Духовный Рим тяжко согрешил против Восточной церкви, против науки, против прав совести и против многих народов, и за эти грехи наказан, наказывается и еще примет возмездие полной мерой.

Известна гордая неприязнь Рима к Восточной православной церкви. Разными средствами, софистическим обаянием, политическим насилием, греховными поблажками, земными приманками и выгодами успел он отторгнуть от нее и увлечь в свой плен несколько миллионов чад её, заклеив их печатью, на которой вырезано: *Уния*. Но несмотря на то, церковь православная существует, движется и, подобно Ноеву ковчегу, заключает в себе радужные судьбы многих племен севера и востока. А гордость всемирного преобладания Рима наказана и наказывается. Из России Иоанн Грозный спугнул Пуссевина, и этот черный ворон остался на падалине вне нашего отечества. А благодатный Николай в ограду матери-церкви любовью возвратил руссов, отторгнутых от нее насилием папы. В Далмации монах Кирилл остановил движение унии и спас 75-ть тысяч православных, окропив св. водой пули, умертвившие коменданта Зары и апостола унии профессора Ступницкого, подосланного туда императором Франциском и его министром Saurau (1820 году). В Месопотамии униатский митрополит Макарий с паствой недавно возвратился в православие. В Алеппо Никодимиты уже не верны Риму и помышляют об отложении от него.

Римский двор покровительствовал художников, стихотворцев и ученых, но на гениальных людей, посланных Богом светить миру, смотрел подозрительным оком, так же, как и на некоторых св. подвижников, и даже преследовал и казнил их в уверенности, хотя и ложной, что они заблуждаются и что он один непогрешим. Но истина восторжествовала над самообольщением и заблуждением называвших себя наместниками Бога на земле. Галилей отмищен; ибо весь мир, в противность папе, верит с ним, что земля вращается около солнца и что образование миров продолжается Всемогущим. Колумб отмищен; ибо в противность решению Сорбонской духовной академии и собора кардиналов, антиподы существуют. Все даровитейшие мыслители, которые читали в небе и в человечестве законы Бога живого и изъясняли действия провидения Божия, – Галилей, Кеплер, Невтон, Бакон, Декарт, Вико, Гердер, Эмерсон, – все эти *видящие* были миряне, а не священники, и даже еретики по мнению Рима. Что ж бы это значило? В руках римского духовенства остались пустые священные сосуды, а миро истины и предошущение Божества восхитили миряне и даже еретики, по мнению Рима. Что ж бы это значило? Римское духовенство поражало анафемой *видящих* Божиих, а само не узрело славы Бога, проходящей перед всеми людьми. Что ж бы это значило? Древние отцы церкви, напр. Св.

Амвросий, Св. Полин извятиствовали молитвы и песнопения церкви, а Урбан VIII писал языческие стихи кавалеру Берни вместо *Stabat mater*, *Salutaris hostia*²⁰⁵; князи церкви сочиняли мифологические сонеты в то время, когда Лютер гремел: *Ein fester Burg ist Unser Gott*²⁰⁶. Не разумея действительных красот Евангелия и поэзии, в Риме верили, что первое не имеет ничего общего со второй и потому свое воображение питали мифологией [а веру христианством, и таким образом разрывали единство внутренней жизни]. Уже еретики, – Мильтон в *Потерянном Рае*, Вольтер в *Заире*, Клопшток в *Мессиаде* возвратили поэзии высоту и пламень чувства христианского, тогда как римское духовенство потеряло их. Что ж бы это значило?

Римские богословы в оправдание свое говорят, что папа и церковь непогрешимы только в знании о Боге. Хорошо! Но если папы непогрешимо знают Бога, то они должны знать все, что все праведники знают о Боге; они должны [предчувствовать], и видеть, и изрекать все, что в мире и человеческом роде под тем или другим видом носит на себе отпечаток Божества и содержит его законы, намерения и суд. Почему же у них нет и не было сего зренья, сего ведения? Почему оно оказалось у мирян? Римские попы! Не скажете ли вы, что есть сторона Божества, которая не обращена к вам и которой вы не видите? Но если так, то вы не представители и не истолкователи полной идеи о Боге. Не скажете ли вы, что законы мира, т. е. всемогущая воля Бога, которая все сотворила по мере, весу и числу, все держит, и Дух Божий, непрестанно носящийся над бездной, что все это не видно вам? Но если так, то не вы, а ученые мирян имеют дарования пророков и священников и их знание вещей Божеских и человеческих более существенно, нежели (вы) сами [и церковь ваша].

Рим, согрешил перед Богочеловеком, гордо усвоив себе Его непогрешимость.

Римское духовенство согрешило перед Богом и перед народами. Ибо врата церкви, поставленные апостолом Петром, отворены были для таких ужасных и богомерзких людей, каковы Борджии; святость людей Божиих измеряема была официальными добродетелями иезуитов; Рим не узнавал своих святых и они бежали от него в пустыни, говоря: *Frère! il faut mourir*²⁰⁷; девственность духовенства, – эта чистая печать посредника между Богом и людьми взломлена, блудное житие его развратило города и столицы. За все это Бог отъял от него видение и пророчество. По причине этих грехов оно не знает вполне вещей Божеских; ибо Боговедение условливается чистотой сердца. По причине этих грехов римское духовенство не способно ощущать веяние благодати и слышать глаголы Силы, коими держится вселенная. Омраченное этими грехами, оно доверяло свидетельству внешних чувств более, нежели свидетельству духа, предавалось мечтаньям и язычеству, когда мирские христиане возвышались до чар мира духовного, не дало науке духа и направления евангельского.

Рим задумал быть вождем всех народов, но все народы, даже самые приверженные к нему, воспитанные им, оставляют его или не доверяют ему²⁰⁸.

15, Понедельник. Я был у нашего патриарха в одиннадцатом часу дня и, во-первых, просил его любезно принять немца Тиля, протестантского проповедника в домовый церкви прусского посланника в Риме, так как наш тамошний посланник Бутенев рекомендовал его Титову, Титов консулу Корсакову, а Корсаков мне; во-вторых, говорил ему, что теперь благовременно начать дело о починке купола над Гробом Господним; ибо Франции не до францискан святогробских: она теперь починает или разрушает свой собственный дом.

16, Вторник. Приходил ко мне петроаравийский митрополит Мелетий и выяснил тяжёлое дело о селе православном Бетжале. Дело это таково. Одного тамошнего шеха по достоянию наказали палками по пятам в монастыре Св. Гроба. Оскорбленный таким бесчестием, он со всей родней своей прибежал к латинскому патриарху и упросил сего принять в сонм аравокатоликов. Он принял его, а другие бетжалцы прислужились ему, – напомнили, что у них когда-то была латинская церковь. Валерга потребовал свидетелей. Свидетели за деньги нашлись. Подделаны их печати. Подано прошение в меккемэ. Завелась тяжба. Греки перехватили эти печати и переписку францисканского в Вифлееме духовника с католическими монахами, живущими в иерусалимском монастыре Спасителя и теперь защищают свое правое дело.

18, Четверток. В два часа пополудни я представил патриарху Кириллу вышереченного Тиля. Он оказался молчалив, как рыба: посидел, почеченился, покурив табак, проговорил сквозь зубы, что читал Богословие Иоанна Дамаскина, и только, а о состоянии православной церкви в Палестине не спросил, тогда как его блаженство, по совету моему, готов был дать ему надлежащие понятия и об епархиях, и монастырях, и об училищах, и проповедании слова Божия на языках греческом и арабском. Право, досадно на этих господ, которые издали приезжают к

нам и вместо того, чтобы от нас узнавать состояние православной церкви, расспрашивают о ней всякого встречного и поперечного и потом пишут и печатают небылицы в лицах.

24, Середа. В час пополудни навестил меня Тиль. Я раскрыл ему все лучшие стороны Палестинской церкви. А он сожалел, что в здешней протестантской церкви нет даже Распятия и, промолвив, что не был у латинского патриарха Валерги, брякнул: «Я не люблю римско-католиков; ваш патриарх есть единственный законный патриарх в Иерусалиме».

Апрель, 6, Вторник. Прочитано путешествие достопочтенного отца фра-Ное из ордена Св. Франциска в Бассане на итальянском языке с многими рисунками святых мест палестинских и синайских от Венеции до Св. Гроба и Синая (*Viaggio da Venetia al S. Sepolcro et al monte Sinai, composto dal R. Padre Fra Noe dell' ordine di san Francesco in Bassano*).

Из числа рисунков девятнадцать отчетливо отподоблены студентом Соловьевым и помещены в моем *Живописном Обозрении Палестины*²⁰⁹, на листах 4, 5, 6 и 7-м, (а именно):

1. Трехъярусная колокольня с шатровым верхом у Святогробского храма.
2. Ротонда вокруг Святого Гроба с отверстием в куполе её и вид внутренности Св. Гроба с боковой пристройкой, вероятно, коптской.

3. Голгофа.

4. Гробницы Готфрида и Балдуина под Голгофой.

5. Четыре воздыхающие и плачущие колонны.

Все эти рисунки на листе 4-м.

6. Овчая купель.

7. Церковь Св. Анны на месте рождения Пресвятой Марии.

8. Церковь и погребальный вертеп Богоматери в Гефсимании.

9. Утесистая пещера, в которой 12-ть апостолов составили символ веры.

10. Церковь на месте явления воскресшего Господа апостолам на горе *Галилее*, смежной с горой Елеонской.

Все эти рисунки на листе 5-м.

11. Иерусалимская усыпальница.

12. Гора искушения Христова.

13. Памятник над могилой Рахили.

14. Церковь на месте страха Пресвятой Марии в Назарете, – на листе 6-м.

15. Вид монастыря Синайского.

16. Вид церкви Св. Екатерины.

17. Рака для мощей сей великомученицы.

18. Церковь Св. пророка Илии на Хориве.

19. Вид монастыря 40-ка мучеников в Синайской долине Лédжа, – на листе 7-м.

Ни на книге отца Ноя не напечатан год издания её, ни в ней не показано время путешествия его в Иерусалим и на Синай. Однако, по внутренним признакам в ней можно определить время приблизительно. Отец Ной упомянул, что на Сионе жили в благоустроенном монастыре монахи францисканские, – *frati minori dei monte Sion in bellissimo monasterio*²¹⁰, [но] не владели, ни Голгофой, ни Гробом Господним, ни Вифлеемской Пещерой Рождества Христова, ни Горней и проч. А францискане поселились там в 1342 году, когда сицилийский король Роберт и жена его Санция купили им место под монастырь за огромные суммы денег. Следовательно, о. Ной был у братьев миноритов на Сионе уже после 1342 года и даже гораздо позже его, потому что не вдруг же они устроили себе очень хорошую обитель, – *bellissimo monasterio*.

Из книги о. Ноя видно, что во дни его остров Родос принадлежал рыцарям. А остров этот отвоёван был у них турками в конце 1522 года. Следовательно, фра-Ной был там ранее сего года. По сказанию его, Палестина во время путешествия его принадлежала султану египетскому и мамелюкам. А власть этого султана сокрушена была турками в 1517 году. Следовательно, путешествие в Св. Град совершено было им ранее сего года. О. Ной богомольствовал в иорданском монастыре Предтечи, занятом греками, и видел там руку сего Крестителя. А монастырь этот в 1479 году, по свидетельству тогдашнего паломника Тухера, был уже разрушен. Следовательно, ранее сего года был в нем Ной, – полагаю, в первой половине XV века.

Из путнической книги сего венецианца мною выписаны многие сказания. Они помещены в моем сборнике материалов о Св. местах Палестинских²¹¹. А здесь я сообщаю лишь самые замечательные из них.

В крепости великого магистра родосского чествуются св. мощи: рука праведной Анны, матери деви Марии и рука с плечом Св. Екатерины великомученицы.

В Бейруте францисканские монахи имеют свою церковь во имя Спасителя.

В Лидде находится благоустроенный монастырь с большой церковью, которая вся расписана. А в этой церкви хранится тот камень, на котором усечена была глава Св. Георгия, кавалера Господа Нашего И(исуса) Христа (sic). Тут живут и священнодействуют греки.

На горе Сионской обитают братья минориты, там, где находились гробницы Давида и Соломона.

Над деревянной дверью, чрез которую входят в храм Св. Гроба, в стене, видны следующие образа:

1. Приснодевы Марии с возлюбленным Младенцем на руке.
2. Воскрешение Лазаря.
3. Вход Господа в Иерусалим на осле.
4. Тайная вечеря.
5. Предательство Иуды.

Все пять изваяны на белом мраморе.

Отверстие, ведущее к самому Гробу Господню, таково, что лишь один человек может пройти через него; над ним помещена мозаическая картина, представляющая как погребен был И(исус) Христос и как Дева Мария прикинула лицом к Сыну Своему, а тут же стояли Св. апостол Иоанн, другие Марии, Иосиф Аримафейский и Никодим. А над этой картиной надписано: Sancta resurrectio Domini, т. е. Святое Воскресение Господа.

В Святогробском храме находятся 20 алтарей, в которых служат разноплеменные и разноверные христиане: в большом алтаре греки; на Голгофе – армяне; под Голгофой – иаковиты; сзади часовни Гроба Господня – индиане, эфиопы и нубийцы; в алтаре св. Марии Магдалины – скальцы, т. е. братья минориты; а в другом алтаре на том месте, где Воскресший явился Марии Магдалине, – грузины; там же, где Христос fu preso²¹², – христиане из Центуры (Итурей), крещенные Св. Павлом; позади горнего места главного алтаря – несториане.

Явление святого огня бывает так. В течение двух часов совершается крестный ход вокруг часовни Гроба Господня с пением: Κύριε ἐλέησον, Χριστέ ἐλέησον²¹³; в это самое время христиане посматривают в отверстие, что в куполе над реченной часовней, не явится ли огонь с неба; и вот является голубь, проникает в оную часовню, садится тут и вдруг показывается большой блеск и великий свет на Гробе Господнем и кто первый видит этот свет, тот считается святым; потом от сего света христиане зажигают, кто свечку, кто лампадку.

На смежной с Елеоном горе – Галилее стоит дом с цистерной для воды.

В Вифлеемской базилике, покрытой мозаическими изображениями, мусией историрована книга родства И(исуса) Христа.

Подле Вифлеема существует хороший монастырь Никольский. В нем живут греки. В церкви его по 12-ти ступеням сходят в три пещеры. В них то укрывалась Богоматерь, когда ей надлежало бежать в Египет.

Монастырь Крестный занимают несториане.

Подле Назарета, там, где евреи хотели свергнуть Христа с утеса, видны отпечатки ступеней его и стоит хороший монастырь с церковью в память страха нашей Владычицы – una chiesa, che è detta al timore della nostra Donna²¹⁴. В ней совершают богослужение христиане из Нубии.

В Назарете недалеко от струйника стоит хороший монастырь, чествуемый во имя архангела Гавриила. В нем обитают индиане из Персии, так называемые алафизы.

У Иордана находится греческий монастырь Иоанна Крестителя и в нем хранится рука его, сухая, с горстью сжатой, – con tutto il pugno serrato, а тело его перенесено в обитель, что в городе Севастии. Оттуда некий монах взял главу его и перст, которым он указал иудеям Христа, – агнца Божия. Глава в Александрии, а перст этот на острове Кипре у тамошнего царя.

Кроме [сего] путешествия о. Ноя, я прочитал 81-й номер константинопольской газеты от 26-го марта, называемой *Echo de l'Orient*²¹⁵. Тут между прочим напечатано:

Jerusalem. 28 fevrier. – Hier est parvenu l'acte de la Sublime Porte par laquelle l'installation du nouveau patriarche catholique est officiellement reconnue. Cette nouvelle a été d'autant plus opportune, qu'une opposition intolérante et jalouse repandait des doutes sur le vrai caractère de Mr Yalerga et poussait l'autorité locale à quelque fausse démarche.

Monsieur Basili (le consul général de Russie) paraît prendre fort à coeur cette affaire (похищение серебряной звезды в Вифлееме) et juger en faveur de ceux, qui jugent autrement que le gouvernement de sa majesté Sultan. Il est venu offrir aux Grecs sa méditation, et d'après certaines paroles, les catholiques déboutés de leurs droits devraient en passer pour toutes les conditions qu'on veut leur imposer.

On assure que M. Basili vient aussi préparer l'installation d'un patriarche russe (не патриарха, а смиренного архимандрита Порфирия). Les catholiques l'accueilleraient de voir les hommages de la chrétienté se multiplier autour du tombeau du Christ. Nous voudrions pouvoir en dire autant des Grecs, dont le patriarche craint pour son autorité partagée, affaiblie par la présence d'un chef d'une même communion. L'on songerait en même temps à assigner deux monastères distincts aux religieux et religieuses de Russie qui, jusqu'à présent, étaient confondus dans les monastères Grecs²¹⁶.

8, Четверток. Навестил меня наместник араво-униатского патриарха Максима, – иеромонах Михаил, тот самый, у которого я гостил в дер-Мухаллесе, и сказал мне, что сюда приехал сей патриарх и желает видиться со мною.

13, Вторник. Я был у патриарха армянского и от него зашел к реченному Максиму. Так как он окружным посланием [своим] к пастве своей уверяет ее, что сирийские христиане издревле были в единении с Римской церковью и с папами её, то разговор мой с ним коснулся этого предмета и я обличил его в неправде, рассказавши ему, что русский путешественник Василий Барский в 1728 году был в Сирии [в самом начале], когда только что начинала там усиливаться уния с Римом, и описал борьбу её с православием²¹⁷. «В семнадцатом столетии, – примолвил я ему, – все ваши предки содержали догматы и обряды греческие, а не римские». Собеседник мой слушал меня, краснел, но молчал!

14, Середа. В половине второго часа пополудни посетил меня латинский патриарх Валерга с настоятелем здешнего латинского монастыря, с францисканами и со священником из Рима. Говорено было: les moines sont civilisateurs, mais le monde est ingrat envers eux...; evenements d'Europe sont sinistres...; 400 000 soldats russes sont à la frontière de Prussie; il y a une guerre entre cettres deux puissances...; sur Abyssinie...²¹⁸; о безмятежном праздновании нынешней Пасхи [в храме] у Гроба Господня.

15, Четверток. Был я у исправляющего должность генерального консула в Бейруте князя Дондукова-Корсакова. Он поведал мне вот что. Наш посланник Бутенев в Риме получил честное слово папы, что его нунций Ферриери не будет домогаться в Константинополе новых прав и преимуществ у Св. Гроба. Это слово сообщено в Петербург, отсюда в Константинополь Титову, а им султанскому визирю, визирь же [этот] предписал иерусалимскому паше, чтобы он не допускал никаких нововведений на Св. местах даже и тогда, когда бы Ферриери явился туда; ибо на это нет благословения папы.

16, Пятница. Униатский патриарх Максим побывал у [нашего] блаженнейшего Кирилла.

24, Суббота. Я с этим блаженнейшим [патриархом Кириллом] обозревал Архангельский монастырь, в котором придется нам жить.

25, Воскресенье. В четыре часа пополудни посетил меня униатский владыка Максим с сидонским епископом и с другими. От него узноано вот что. Он у Гроба Господня не служил, в Вифлееме только ночевал, намерен ехать в Дамаск, дабы там созвать собор епископов; перемены в Риме задерживают Ферриери в Константинополе; Австрия воюет с Сардинией. А я говорил ему о приказании папы господину Ферриери не вмешиваться в святогробские дела в Иерусалиме; об умерших православных епископах в Сирии (он хвалил покойного бейрутского Вениамина) и о выгодных [благотельных] для христианства реформах турецкого султана. Под конец собеседник [Максим] наклонился ко мне и сказал тихо: «Вы будете здесь патриархом». Я опровергал его. Он снова уверял меня в этом. Я снова ответил ему: «c'est absurde»²¹⁹.

26, Понедельник. Главный производитель патриарших дел монах Анфим прислал ко мне своего послушника Ставри с известием, что валахские бояре заперли своего князя Бибеско во дворце его и принуждают подать отречение от управления княжеством, и что только об этом писал в Иерусалим фаворский архиепископ Иерофей. Я велел отвечать Анфиму: бояре не любили Бибеска διὰ τὴν ἀντιπολίτευσιν του²²⁰. Дай Бог, чтобы на место его поставлен был господарь умный и благочестивый.

27, Вторник. Во второй раз осмотрен мною Архангельский монастырь.

28, Середа. Я вручил патриарху Кириллу составленный мною план сего монастыря. Он сказал мне: Συλλογίζομαι. Ἔστι ἐμπόδιον ἀπὸ τοὺς τοῦρκους, – Подумаю! Есть препятствия со

стороны турок, а после обеда ходил туда с моим планом.

29, Четверток. Утром я ходил к его блаженству. Решено *тайно* от турок проломать двери для соединения комнат в названном монастыре и побелить все келии. А узнано вот что. В прошлое воскресенье (25 апр(еля)) пришло повеление Порты, чтобы греки положили в Вифлеемском вертепе серебряную звезду на прежнее место её. В здешнем мекеме чалмоносные судьи говорили патриарху, что место рождения Христа принадлежит латинам, а не грекам.

Май, 9, Воскресенье. В мой улей прилетала новая пчелка и прожужжала, что Вифлеемские францискане не позволили униатскому владыке Максиму пропеть *Достойно есть, яко воистинну, блажити тя Богородицу* в Вертепе Рождества Христова и тем крайне огорчили его. Кто эта пчелка? Наш яффский вице-консул Николай Степанович Марабути.

11, Вторник. Сегодня он возвратился в Яффу, а французский консул в Иерусалиме уволен от должности временным правительством Франции.

Патриарх Кирилл присылал ко мне архимандрита Никифора прочитать ответ его петербургскому митрополиту Антонию. Вот содержание сего ответа. «Все православные церкви под одной главой Христа соединены союзом единоверия и любви. Палестинская церковь преимущественно перед прочими [церквами] ближе к церкви Российской. Архимандрит Порфирий и иже с ним приняты, как родные чада». В заключение патриарх пожелал митрополиту всякого блага к радости его паствы.

В этом письме [патриарха] мы названы не поклонниками Св. мест, а посланными.

13, Четверток. Читал я творение преподобного Исаака Сирина. Глубокомысленно.

IV. Пребывание в Яффе и поездки в Аполлонию; Рас ель-Айн, Иамнию и Абуд.

Май. 18, Вторник. По случаю усилившегося недуга глаз моих, который начался в великом посту, я выехал из Иерусалима в Яффу, где морской влажный воздух лучше иерусалимского сухого.

20, Четверток. Праздновал Вознесение Господне в Георгиевской церкви Яффского монастыря, обновленной в 1839 году, 20 декабря.

21, Пятница. Глаза мои тяжки.

22, Суббота. Переместился из Яффы в ближний сад, где нашлось удобное для меня помещение. Сад не роскошен.

24, Понедельник. Глаза мои болят.

29, Суббота. В четвертом часу пополудни я заснул и пробудился от сильного жужжания пчел. Оказалось, что откуда-то прилетел рой их и искал места. Большая пчела-матка кружилась над моей кроватью. Я встал. Смотрю в окно и вижу подле него большой рой. Но пчелы не поселились, где я жил, и улетели в другое место. Они выделяют мед для человека, но вдали от него или потому, что боятся его, или потому, что не хотят беспокоить [сего] царя своего.

Июнь. 2, Середа. В смирнской греческой газете²²¹ напечатаны известия: 1. о смерти и погребении бейрутского митрополита Вениамина и 2. о том, что в Сен-Жан д'Акре магометане в самую Пасху с дубинами напали на православных христиан, когда они совершали крестный ход вокруг своей церкви. Митрополит их Прокопий едва-едва скрылся в своем доме; из христиан некоторые были ранены. Местный паша уговорил митрополита склонить их к миру.

10, Четверток. [Я видел, случайно видел пляску]. Пришло мне на ум решить вопрос, что такое пляска [молодых] девиц и юношей.

Пляска? Это – математический размер движений тела, игра молодой жизни, живая картина, на которой любуешься сходством лиц дев и юношей. Целомудрие в пляске делает ее потехой невинной.

18, Пятница. Что такое Яффа? Это – высокая и очень толстая женщина, которая в жаркое время спустила с плеч свой зеленый платок к перепоясью и держит его на локтях своих.

А что такое думы души? Решения многих и премногих задач жизни.

20, Воскресенье. Приехал ко мне с кавасом Апостоли присный мой Соловьев, вызванный [мною] из Иерусалима для рисования всего, что и что признано будет достопримечательным во время задуманных поездок в окрестности Яффы, именно в Аполлонию, Рас ель-Айн, Ямнию и Абуд. С этих мест я решился начать исследование Святой Земли и кистью изображать достопримечательности её. Где никто не бывал или ничего не видал, – туда я еду и там зорко осматриваю всякую старину и рисую ее.

21, Понедельник. В час пополудни мы выехали из дому. Было темновато, а дорогу видать. Миновав Яффу, мы спустились к самому морю, в котором от берега далеко виден был как бы в тумане русский бриг Орфей, поджидавший своих матросов из Иерусалима, куда они пешие ходили молиться на Голгофе и у Гроба Господня.

Едем по стезе у самого моря. Оно тихо. Однако, вода его тонко-тонко накатывается на берег и увлажает [тут] песок его зыбучий.

Едем. Облака под горами Палестины стоят неподвижно, словно взъерошенные волосы на голове.

Едем далее. Море чуть-чуть плещет. Всплески его мочат копыта наших коней. Ракушки хрустят под ними.

Едем. Рассветает. Утренняя заря-красавица, вся золотистая, нерозовая, на востоке золотит облака. А запад рдеет, как розовый румянец.

Дорогу у самого моря пересекает нам река Одже. Она не глубока. Мы на конях своих переходим чрез нее в брод. Немного замочились только подолы наших [длинных монашеских] одежд.

За сей рекой приморский скалистый берег повышается. Мы торопко шагаем вдоль этой выси. На море видно малое судно. Оно под парусом плывет прямо на север. Мы не можем перегнать его. На самом краю берега на корточках сидит бедный рыбак, высматривающий рыбу в мутной воде и ловко бросающий на нее ручную сеть, из-под которой она уплыть не может. Впереди нас бежит босоногий погонщик наших лошадей, а порой перебегает нам дорогу кругленький анчоус на тоненьких ножках и укрывается в песчаной ямочке. Что он тут делает? Спросите его об этом.

Мы пришпорили своих коней и в половине седьмого часа остановились у развалин бывшего города Аполлонии, называвшегося и Арсуфом. Тут, на берегу моря, арабы нагружали мореходное судно арбузами для продажи их в Бейруте. Пристани нет никакой, ни мелкой, ни глубокой. Но замечательно, что в северо-западном углу одного города каменное укрепление его наклонно к морю спускалось с утеса и преграждало берег и дорогу на нем двумя стенами, как двумя клешнями, и что внутри одной стены тут устроена была потаенная лестница, по которой аполлониаты сходили к морю [и входили с моря в свою селитву], а в прибрежной, самой низменной части утеса находились складочные клетки или выходы для отражения неприятеля, нападающего на город с моря. Двери этих выходов или клеток и некоторые ступени оной лестницы видны поныне²²².

У этого [приморского] укрепления я оставил Соловьева и велел ему нарисовать развалины его после тщательного обозрения их, что он и исполнил отчетливо. А сам [я] через узенькое ущелье в приморской скале, через которое может пройти лишь одна верховая лошадь с седоком, взъехал на ровную площадь этой скалы и, не нашедши тут ровно ничего, кроме мусора, обошел исчезнувший город снаружи и, чертя план его, показал на нем остатки стен [его] и многочисленных устоев их с башнями, угловыми и срединными, и с воротами на восточной стороне. Город сей был невелик, но хорошо укреплен и с полевой, и с морской стороны. А утес под ним видом своим походит на большую грецкую губу, т. е. ноздреват и шероховат. С площади его ясно видна Яффа, как опрокинутая верх дном чаша с разными налепками на ней.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 6. План развалин Арсуфа.

В половине девятого часа мы поехали обратно в Яффу и в половине третьего уже отдыхали в своем садовом гнездышке.

Город Аполлония, — при горном потоке Арсуфе, очень древен. Греческое название его доказывает, что он основан или переименован был греками, вероятно, сиро-македонскими, когда они владели Палестиной еще задолго до Рождества Христова. Книжные записи о нем Иосифа Флавия, Плиния и Птолемея начинаются с 106 года до Р. Х. Первые два писателя первого века

христианского ставили Аполлонию между Кесарией и Яффой. По заверению Флавия, иудеи в царствование государя их Александра Ианнея (106-79 гг. до Р. Х.) владели сирийскими, идумейскими и финикийскими городами. У Средиземного моря им принадлежали башня Стратона (Кесария), Аполлония, Иоппия (Яффа), Иамния и пр.²²³ В *Географии* Птоломея, писавшего ее около половины второго века нашей эры (ср. XVI), Аполлония поставлена так же, как и в *Древностях* Флавия, – между Кесарией и Яффой²²⁴. Это же самое положение сего города показано и на Таблице Певтингера, составленной в третьем веке. Топографы четвертого столетия Евсевий и Иероним не упомянули о нем потому, что языческое название его не встречается в Св. Писании обоего завета.

Неизвестно, когда аполлониатов озарил свет Христов. Неизвестно и то, был ли у них свой архиерей под священноначалием архиепископа иоппийского. В 744 году по Р. Х. арабы-магометане, занявшие Палестину с 636-го лета, избили весьма многих христиан в соседней с Аполлонией Антипатриде²²⁵. Эта же участь и тогда же, можно думать, постигла и соседку её. С той поры исчезло название Аполлония и вместо него появилось имя Арсуф, вероятно, старинное [местное] финикийское. Под этим именем знали Аполлонию писатели крестоносцев Вильгельм Тирский (1182-1184 гг.), Иаков де-Витриако и другие, но ошибочно воображали, что Арсуф есть та Антипатрида, в которой римские воины с апостолом Павлом ночевали, ведя его в Кесарию²²⁶, тогда как эта Антипатрида находилась не у моря, а вдали от него, там, где во дни Иосифа Флавия стояло и в наше время стоит село *Кафарсава*, омываемое потоком зимним²²⁷.

В путешествии нашего игумена Даниила по Св. Земле (1113-1115 гг.) поименован город Арсуф у моря, между Яффой и Кессарией Палестинской, но только поименован, а не описан²²⁸.

Современник сего игумена первый из крестоносцев иерусалимский король Балдуин I, по заверению Иакова де-Витриако, писавшего историю Св. Града в 1220 году, с бою взял у арабов Арсуф с помощью генуэзского флота. Тогда этот город был укреплен хорошо, а пастбищами его пользовалась конница крестоносцев.

В 1146 году сицилийский монах Нил Доксопатр в своем *Тактиконе митрополий и епископий Иерусалимского патриархата*, описывая границы архиепископства Яффского, показал, что на север оно простирается до реки Вдёлла, которая называется и Сиоран, и до Фарсэ, именуемого *Арсуф, с селами его*. – Ἀπὸ δὲ τοῦ βορείου μέρους ἕως τοῦ Βδέλλου ποταμοῦ, ὃς καὶ καλεῖται Σιοράν. Καὶ τὸ Φαρσέ, ὃ λέγεται Ἀρσοῦφ, καὶ τὰ χωρία αὐτοῦ²²⁹. В 1187 году египетский султан Саладин отнял Иерусалим у крестоносцев и тем положил начало сокрушения их королевства. С этой поры приморские города Палестины один после другого стали подчиняться магометанам. Так в 1191 году завоевана была ими Яффа (Vide Wilken's Kr. VII, 176-178)²³⁰.

В 1211 году Арсуф был уже малый город и разрушенный, а в пределах его водились сарацинские разбойники. Так описал его Вильбранд Ольденбургский, который тогда едва с большим страхом дошел до него из Кесарии. Но в этом городке, как и в других, с дозволения сарацин, еще проживали западные христиане и с ними, как сейчас узнаем, братья больничары Св. Иоанна Предтечи. – A Caesarea vel Stratone magno timore transimus Arsiw (Arsuf), quae est civitas parva et destructa, tempore *treugarum* a nostris inhabitata, multos in finibus suis habens latrunculos saracenos. Et notate, quod haec civitates et dictae et dicendae in perditione Terrae Sanctae a saracenis fuerunt distructae, praeter Jaffa, quam nostri tempore Henrici imperatoris, – pro pudor! – perdiderunt... Haec civitas sicut et reliquae a nostris, pace a paganis eis indultae, inhabitari consuevit²³¹.

В Арсуфе до 1265 года по милости магометан кое-как держались больничары Св. Иоанна Предтечи и хозяйствовали там. Но в этом году (Wilken's Kr.) они лишились права хозяйства и правителю сего города и наследникам его ежегодно стали платить дань в 88 000 византийских миллий золотом, платили ее и в 1283 году, по заверению паломника [очевидца] Бурхарда (он же Броккард) в составленном им тогда описании мест Св. Земли: De Caesarea III leucis contra austrum est villa Assur (Arsuf) dicta; quondam tamen Antipatris dicebatur ab Antipatre, patre Herodis magni. Quae fuit fratrum de hospitali sancti Johannis, qui licet eam perdiderunt, tamen solvunt domino de Assur et haeredibus eius XXXVIII milia byzantinorum aureorum singulis annis²³².

В 1330 году, по свидетельству тогдашнего паломника Одорика, Кесария, столица Палестины, была уже разрушена и необитаема, – nunc est destructa²³³. Сдается, что около сего же времени запустела Аполлония, по реклу [рекомая] Арсуф.

22, Вторник. Новый день, новая поездка [из Яфф(ы)] к роднику воды Рас ель-Айн, из которого вытекает река Одже. Хотелось там видеть, как из земли выходит первая струя [первый

ток] речной воды, как она увеличивается и что тут было создано людьми.

В четыре часа пополудни мы выехали из дому и мимо Яффы направились прямо на восток солнца. Недалеко от сего города молодые деревья в потемках издали показались нам солдатами. А горы Святой Земли были повиты дымчатым туманом. Добежали мы до каких-то холмов, у которых ночевали бедуины с буйволами. Отсюда надлежало бы нам ехать прямо к горам, но мы сбились с дороги и приблизились к реке Одже. Едем ни путем ни дорогой по ровному полю. Земля тут от жаров растрескалась. Наконец показалась нам большая, торная дорога. Подъезжаем по ней к деревне Мелеббес, имеющей водяную мельницу. Тут догнали нас три сборщика податей. У одного из них в руке было длинное копье с ожерельем из черных перышек около самого острия и кривая сабля с боку. Живописный воин! Едем далее прямо на восток, к началу гор, и видим вдали направо крепость *Меджделл*, а перед собой деревню Тавахин-Одже, такую же, как и первую невзрачную, состоящую из мазанок, но содержащую свою водяную мельницу. В обеих деревнях этих и в прочих, построенных у берегов реки Одже, живут пришельцы из Египта, вызванные сюда акрским пашей Абдаллой. От Тавахина мы под прямым углом повернули на север к потоку реки Одже, называемому Рас ель-Айн, и ровно в семь часов пополудни остановились тут для исследований. Но что же увидели?

Увидели сарацинскую крепость, построенную на каменной выпуклине у самого вытока воды [из земли] из тесаного известняка, квадратную, с четырьмя башнями на углах, из коих одна многоугольна, с двумя рядами узких прозоров в стенах для стрельбы из лука или ружья, с одними воротами на середине и с зубцами на верховьях стен. В ней не было никакой души, ни животной, ни человеческой. Она давно пуста. А кто строил ее и когда, об этом спросить некого. Пока Петр Соловьев рисовал вид сей крепости и чертил план её (смотри лист 2²³⁴), я рассматривал сам родник, из которого вытекает река. Это двойная лунка у самой [подошвы каменистой] выпуклины, носящей на себе оную крепость. Из этой лунки ключом бьет холодная и сладкая вода [и по наклону земли к морю течет сперва дугообразно, а потом прямолинейно, вдоль горного холмистого кряжа], скоро поворачивает на север, там упирается в холмистый кряж и [уже] вдоль его прямо течет в море. Верно арабы называют такую лунку глазом, – *айн*²³⁵. В самом деле, виденная мною лунка источала из себя две слезы, кои тут же сливались в одну каплю и, непрерывно подновляемые, образовали реку. Течение её не длинно. В ней есть рыба, а у берегов растет камыш. Везде тут в поселках живут египетские феллахи и возделывают кукурузу, тыквы и арбузы и прочие овощи²³⁶.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 7. Крепость Рас-ел-Айн.

Заблаговременно возвратившись оттуда в садовое помещение свое [подле Яффы], я усиливался вспомнить, что и что мне известно об осмотренной местности и вспомнил только вот что. Вышепомянутый Нил Доксопатр в 1146 году, описывая пределы архиепископства Яффского, упомянул, что оно с северной стороны простиралось до реки *Вделл*, которая называется и *Сиор-ан* и что ему принадлежал и *Фарсе*, [именуемый] иначе *Арсуф*²³⁷. Так как между этим *Арсуфом* (Аполлонией) и Яффой протекает только одна река Одже, выходя из земли подле крепостцы *Медж-делл*, то ее и надобно разуместь у Доксопатра, полагавшего, как видится, первую

на севере границу архиепископства у крутого поворота её на север, а вторую, дальнейшую, у Арсуфа. Во дни этого писателя существовало укрепление Медж-делл, а именем его только укороченным, называлась и она река, – В-делл. Что касается до нынешнего названия её, – Одже, то оно дается ей по имени соседней деревни Одже.

Спрашивается, библейская ли эта местность, т. е. упоминается ли она в Св. Писании Ветхого Завета и ежели упоминается, то в какой книге его? И кто тут жил и воду пил из Вделла?

Отвечаю на этот вопрос, держа в руках своих книгу Иисуса Навина, в которой поименованы виденные мною места²³⁸: Шестый жребий выпал сынам Неффалима. Города у них укрепленные (– на месте которых и ныне стоят арабские селитвы):

Тир, ныне *ел-Тире*, у большой дороги, немного севернее Кефер-Саба, – Антипатриды. Это селище я видел несколько раз, едучи из Яффы в Кармилский монастырь и обратно.

Рама, ныне *Рамиа*, на западе от города Севастии.

Асзор, ныне *Аззор*, на юго-востоке от Антипатриды.

Эн-Асор, – источник; это – у Доксопатра река *Сиор-ан*, напоминающая библейский *А-сор-ан*, нынешний *Рас-ель-Айн*. Название *Сиор-ан* состоит из двух слов «Сиор (Σωρ)» и «ан», по-еврейски «ен»²³⁹, по-арабски «айн»²⁴⁰, – источник.

Иреон, ныне *Ирта*, севернее Антипатриды, и *ел-Тире*.

Магдал-ел, ныне *Меджделл*, – крепостца подле *Рас-ель-Айн*.

Оран, ныне *Харам* с кантоном Али, у самого моря, в 3-х часах езды от Яффы на север.

Итак, сегодня я был в области Израильского колена Неффалима и видел селища его эн-Асор, Магдал-ел и Оран = Х'арам.

23, Середа. Еще новый день и еще новое исследование Святой Земли в таком месте, которое никогда не посещается поклонниками и редко обозревается путешественником. Это место есть Иамния, ныне Ибне, между Яффой и Азотом, у потока Рувима, впадающего в Средиземное море. Туда мы выехали из дому в три часа пополудни во избежание жара. Скоро встретился с нами верблюжий караван, везший пшеницу из Газы в Яффу. Точно так сыны патриарха Иакова на верблюдах, гуськом, ездили неторопко в Египет за пшеницей и возвращались оттуда с ней. А мы поспешнее их шагали в Ибне между песчаными буграми, окаймляющими море и поле. Перед нами явился поток Рувим. Вода в нем текла лениво. Отведываем ее, – пахнет тинистым болотом. Через этот поток когда-то перекинут был римский мост в каменистом месте ложбины, по которой он струится. Время разрушило его, а каменистые берега Рувима целехоньки. Знать, Творец земли не то, что зодчий, лепящий развалины. За этим потоком, у левой стороны его, на холме, стоит Ибне, – селение, открытое со всех сторон. Мы подъехали к нему ровно в 7 часов пополудни; следовательно, в дороге безостановочно провели 240 минут [четыре часа]. Не устали, спешились, поздоровались со многими арабами, сидевшими подле минарета и о чем-то рассуждавшими, и с их позволения начали осматривать развалины немалого здания. Оказалась церковь, строенная или обновленная крестоносцами, с боковыми пристройками [уже магометанскими]. По осмотре её спутник мой нарисовал внутренность её, еще уцелевшую, минарет и два здания около него (смотри лист 19-й), а я начертил план. Вот он:

16-й, Понедельник

17-й Вторник

Рис. 8. Церковь в Иамнии.

Под буквой «А» значится церковь; она в середине разделена четырьмя столпами на две равные половины. На этих столпах и на пилястрах, у боковых стен, покоятся стрельчатые своды потолка, любимые западными христианами в средние века. Алтарь разломан. Здание под буквой «Б» – полуразрушено и не покрыто, кроме минарета, с двумя у боков его домишками. В минарет ведет каменная лестница. Налево от церкви, на открытом сверху дворе «В», но огороженном стенами, растут два дерева, масличное и фиговое, и находится конюшня. Везде тут мусор, нечистота, навоз. Вот все, что осталось от наидревнейшего в Палестине города Иамнии, – города исторического! Излагаю книжные сведения о нем.

يارب ارحر

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 9. Внутренность церкви в Иамнии.

معاً از العوب

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 10. Минарет в Иамнии.

Сей город до завоевания Палестины евреями (до 1554 года до Р. Х.) принадлежал филистимлянам, как основанная ими собственность. А по завоевании её Иисус Навин отдал его потомкам Иуды (1549-1541 г. до Р. Х.), о чем упомянуто в книге его.²⁴¹ Но едва ли они вытеснили оттуда филистимлян. Уже иудейский государь Осия, царствовавший 52 года, – с 806 года по 755-й до Р. Х., – сразился с филистимлянами и разрушил стены Гефа, и стены Иамнеи, и стены Азота и построил города в области Азотской и у филистимлян²⁴². Однако, эти иноплеменники оставались тут жить вместе с иудеями. Во дни Иуды Маккавея (за 165 л. до Р. Х.) они коварно утопили в море не менее 200 семей иудейских, живших с ними в соседней Яффе. Узнал это названный Маккавей и ночью зажег Яффскую пристань, корабли их спалил, а убежавших оттуда умертвил, но самого города их не взял. Когда же стало ему известно, что и граждане Иамнии намерены погубить живущих с ними иудеев, тогда ночью сожег и ихнюю пристань вместе с кораблями, так что зарево огня было видно в Иерусалиме, даром что Иамния отстоит от него на 240 стадий²⁴³. Сей же Иуда Маккавей, разбив полчища сирийского полководца Горгия, гнал их до Азота и Иамнии и, гоня [их], убил до трех тысяч мужей²⁴⁴. Начальники войска его Иосиф и Азария против воли этого главного вождя своего, *желая сотворить и себе имя*, пошли завоевать Иамнию. Но из этого города вышел Горгий с полками своими навстречу им и разбил их так, что они потеряли две тысячи воинов²⁴⁵. Потом здесь стояло войско сирийское при царе Димитрии против Маккавея Ионафана²⁴⁶. Других известий об Иамнии в Св. Писании обоего завета нет никаких. Но зато немало сведений о ней дают писатели иудейские, греческие и латинские, начиная с первого века христианского.

Иудейский историк Иосиф Флавий, ставил Иамнию в пределах колена Данова и упомянул о взятии и разорении её иудейским царем Озией, а также и о несчастном сражении иудеев (Иосифа и Азари) на поле Иамнийском. По его заверению, Маккавей Симон завоевал сей город, и он оставался во власти иудеев до дней Помпея, который присоединил его к области Сирийской²⁴⁷.

В Иамнии после разрушения Иерусалима римлянами в 70 году по Р. Х. находился иудейский синагог и существовала раввинская школа до злосчастного восстания иудеев под предводительством Бар Кохбы²⁴⁸.

Во дни географа Страбона, жившего в царствование римских государей Августа и Тиберия, в Ямнии и в окрестных селах, включительно с Кармилскими было народонаселение столь густое, что доставляло 40 000 вооруженных воинов... ὁ Κάριμος ὑπῆρξε καὶ ὁ δρυμός· καὶ δὴ εὐάνδρησεν οὗτος ὁ τόπος, ὡς τ' ἐκ τῆς πλησίον κώμης Ἰαμνείας καὶ τῶν κατοικῶν τῶν κύκλων τέτταρας μυριάδας ὀπλίξεσθαι²⁴⁹.

От Плиния, писавшего *Натуральную историю*, я знаю, что и в его время, как во дни Иосифа Флавия, существовали две Иамнии, одна на нынешнем месте, а другая у моря, и что эта была пристанью первой. – *Iamnes duae, altera intus*²⁵⁰.

Об Иамнийской пристани у моря упомянул и Птоломей, живший в половине второго века христианского, – Ἰαμνητῶν λιμὴν²⁵¹.

Иудео-александрийский философ Филон в своей статье о посольстве иудеев к императору Калигуле сказал об Иамнии вот что: Πόλις δὲ ἐστὶ τῆς Ἰουδαίας ἐν ταῖς μάλιστα πολυάνθρωπος· ταύτην μυῖαδες οἰκοῦσιν, οἱ πλείους μὲν Ἰουδαῖοι, ἕτεροι δὲ τινες ἀλλόφυλοι παροισφθαρέντες ἀπὸ τῶν πλησιοχώρων, οἱ τοῖς τρόποις τινὰ αὐθιγενέσιν ὄντες μέτοικοι, κακὰ καὶ πράγματα παρέχουσιν ἀεὶ τι παραλύοντες τῶν πατρίων Ἰουδαίους,²⁵² – Иамния «есть город Иудеи из числа весьма многолюдных. В нем обитают разноплеменные люди, но больше иудеи, а также некоторые иноплеменники из соседних сел, которые, живя вместе с древними насельниками, причиняют неприятности иудеям, издеваясь над отеческими обычаями и обрядами их».

Топографы четвертого века нашей эры кесарийский епископ Евсевий († 340 г.) и блаженный Иероним († 420 г.) оставили нам самые скудные сведения об Иамнии: Ἰαμνεΐα, πόλις Ἰουδα, εἰς ἔτι νῦν πολίχνη Παλαιστίνης μεταξύ Διοσπόλεως καὶ Ἀζώτου,²⁵³ – Иамния, город Иуды; еще и ныне есть городок Палестины между Диосполем (Лиддой) и Азотом (Евсевий)²⁵⁴.

Jamnel, in tribu Iuda; est usque hodie oppidum Palestinae Jamnia inter Diospolim et Azotum²⁵⁵, – Иамнел, в колене Иуды; даже доныне есть город Палестины Иамния между Диосполем и Азотом (Иероним)²⁵⁶.

В соседних с Иамнией городах и в близких к ней, как то: в Яффе, Лидде и Кесарии христианство воссияло еще во дни св. апостолов; но тогда ли оно озарило Иамнию, этого утверждать я не могу, по неимению свидетельств исторических. Исторически известно только то, что в конце третьего и в самом начале четвертого века по Р. Х. там уже были христиане и имели своего епископа. Имя ему *Макрин*. Его уведомлял Александрийский патриарх Александр о появлении ереси Ария. Скончался же он ранее 325 года, в который был первый вселенский собор в Никее, осудивший Ария²⁵⁷.

Преемником Макрина был *Петр*. Он в 325 г. присутствовал в реченном Никейском Соборе, а в 347 [году] в Соборе Сардикийском, и в этом же году или в следующем подписал синодальное послание иерусалимского первосвященителя Максима к христианам в Александрии²⁵⁸.

В 381 году в Иамнии святительствовал *Элиан* и тогда подписал определение Второго Вселенского Собора в Константинополе²⁵⁹.

В 450 году был четвертый Вселенский Собор в Халкидоне. В этом Соборе заседал Иамнийский епископ *Стефан*, родом мелетинец, ученик и послушник преподобного Евфимия Великого, рукоположенный в сан архиерейский Иерусалимским патриархом Ювеналием по окончании Вселенского Собора в Ефесе (431 г.)²⁶⁰.

В 518 году *Зиновий*, епископ иамнийский, вместе с прочими епископами Палестины подписал синодальное послание Иерусалимского первосвященителя Иоанна к Константинопольскому патриарху Иоанну²⁶¹.

В 536 году Иамнийский епископ *Стефан II* присутствовал в Иерусалимском синоде, который созвал патриарх Петр для суда над неким Анфимом²⁶².

В 636-637 году Палестина завоевана была арабами-магометанами. С сей поры до крестовых походов эти варвары заслонили собой от христианской Европы эту святую область и водворились в Иамнии. Крестоносцы же владели этим городом недолго, – с 1100 года по 1187-й. Они-то построили осмотренную мной и нарисованную церковь. А после них она обращена в мечеть.

Ныне Иамния, по-арабски Ибне, есть небольшая деревня, выстроенная на высоком холме. Вокруг нее растут деревья масличные и абрикосовые и табак. Есть в ней колодцы и пруды, из которых один построен из древнего материала. Подле него лежат на земле три колонны из белого мрамора, стоявшие в каком-то старинном общественном здании.

Кончив свои занятия в Ибне, мы поехали домой по дороге, ведущей в Рамле, и вброд переправились чрез обрамленную кустарниками речку Рувим, побывали в магометанском чтилище *Неби-Рувим*. Это каменная часовня среди четырехугольного двора, обнесенного каменной оградой, усаженного большими шелковичными деревьями и орошаемого водой из струйника. В часовне стоит большой *плотоядец* (саркофаг). Магометане признают его за гробницу ветхозаветного патриарха Рувима, старшего сына Иакова. Верно ли это предание и как оно возникло и уцелело у магометан, – сего не знаю, и продолжаю описание своего обратного пути в Яффу. Недалеко от Ибне, на холме, расположена деревня Вэбе. Мы не заезжали в нее, но у дороги видели колодец, из которого арабы достают воду ногами своими, да, ногами, и вот как. Араб сидит на каменном краю колодца под навесом из хвороста и ногами своими ворочает шестерню, приделанную к водоему; на шестерне висит бадья; когда она поднимется из глубы,

араб берет ее руками и выливает из нее воду в желоб, по которому влага течет, куда течь ей указано. Эта невидаль у нас объяснила мне изречение Моисея о напоении земли ногами²⁶³. Мы ехали по долине Хнем, обработанной феллахами, и заметили в ней много колодцев и остатки каких-то зданий. Явно было, что и здесь, как на всем побережье от Яффы до Газы, издревле велось надлежащее орошение возделываемой земли, без которого она зачерствела бы и растрескалась, велось так, что вода из колодцев накачиваемая была ногами в пруды, а из них протекала, куда надо, по желобам.

Миновали два часа с четвертью по выезде нашем из Ибне, и мы прибыли в Рамле, где насчитывается шестьдесят домов христиан православных с двумя священниками, и, отдохнув немного в греческом монастыре, благополучно возвратились восвояси.

24, Четверток. От сицилийского монаха Нила Доксопатра, жившего в 1146 году, знал я, что под непосредственным священноначалием Иерусалимского патриарха тогда состояли семь протопопств и в числе их протопопство Абуд. — Εἰσι δὲ ὑπὸ τὴν ἐνορίαν τοῦ Ἱεροσολύμων πατριάρχου καὶ κάστρα καὶ χωρία ταῦτα, ἐν οἷς εἰσὶ καὶ πρωτοπάπαδες· ἡ Βηθλεέμ, ἡ Ἑμμαοῦς, ἡ Θεκώ, ὁ Ἅγιος Ἀβραάμ, τὸ Πάτερ Ἡμῶν, τὸ Ἀπβούτ, τὸ Ἑφρέμ. Καὶ ταῦτα τὰ χωρία τοῦ βουνοῦ Ἱεροσολύμων²⁶⁴.

Но неизвестно было мне, где находится село Абуд; узнавши же от каваса Апостоли местоположение его, я сегодня отправился туда ранним утром через Рамле и Лидду с тем, чтобы по осмотре сего протопопства возвратиться от него прямо в Иерусалим. Уж мне ли не побывать там, куда еще никто глаз своих не показывал. Еду по ровному полю, оставляю за собой Рамле, Лидду и села Джиндас, дер-Тарифе, Хадиде и Бет Набалу, въезжаю в известную долину Харуб и по ней поднимаюсь выше и выше. Наконец, явились передо мной два селения, Абу Массааль и искомый, желанный, протопопский Абуд и в нем наидревнейшая церковь, особенного зодчества. В верхней части её нашлось удобное и просторное помещение, и я решился провести тут остальные часы дня, ночь и утро, дабы хорошенько разузнать Абудскую местность и древности её.

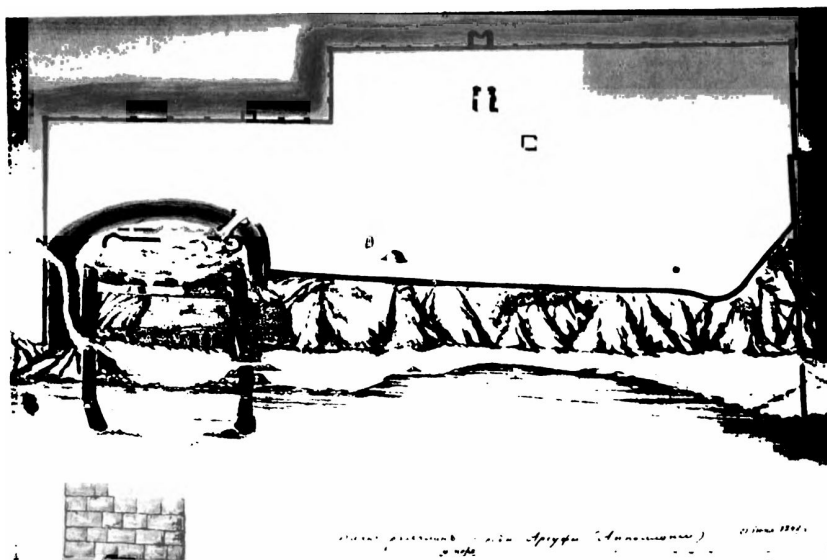

Рис. 11. Дорога от Рамле до Абуда.

После кратковременного отдыха я, мой рисовальщик Соловьев и приглашенный священник местный, мы сперва осмотрели Абудскую церковь и пристроенное к ней здание, потом древнюю еврейскую усыпальницу, [устроенную] в горном утесе. Соловьев нарисовал наружный вид церкви, внутренность её и пристройки к ней [придел с замечательными подробностями их], а также и лицевицу реченной усыпальницы. Я же описал словами то, что он изобразил карандашом²⁶⁵.

عين

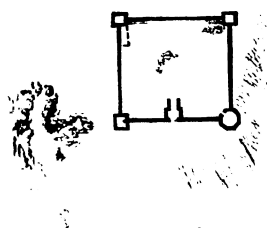
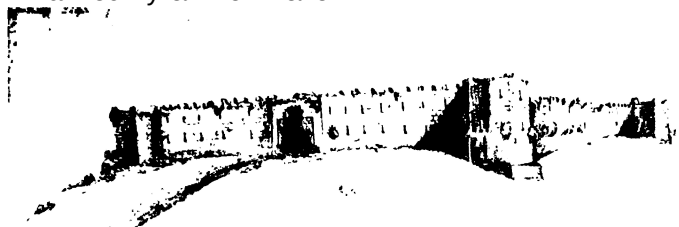
Абудская церковь, по заверению местного священника, построена во дни благоверного царя Иустиниана I (526-565 гг.) и освящена в память Успения Пресвятой Богородицы. Но он не знал, когда и почему она получила достоинство протопресвитерии и даже не слышал об этом. На вопрос мой: «Не знаешь ли еще чего-нибудь о церкви своей?», – послышался ответ его: «Знаю только то, что египетский султан Саладин пощадил [эту] нашу святыню, когда прогнал франков со Святой Земли, а почему пощадил, не ведаю». Сдается, что это он сделал по просьбе тогдашнего патриарха иерусалимского (1187-1188 гг.)²⁶⁶. По словам собеседника моего, в Абуде находится 30 семей православных христиан, дети их, числом 20, обучаются чтению и письму в приходской школе, помещенной в верхней части церкви, где нам отведен был ночлег; учитель их Ханна Ибин Хури получает от патриарха Кирилла 60 пиастров (3 руб.) в месяц. Спасибо абудскому пресвитеру и за эти сведения. А вот и мои заметки о предмете нашего собеседования.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 12. Церковь в Абуде и её орнаменты.

Абудская церковь, стоящая отдельно от деревенских домов, построена из тесаных камней. Она почти равносторонняя. Западная паперть её от северного угла до южного, снаружи, имеет три стрельчатые арки, открытые и расширяющиеся к низу. Они поставлены на приземистой каменной стене, а сами поддерживают бабинец, освещенный тремя окнами, в котором учатся мальчики по неимению особой для них школы. Входят в эту паперть с южной стороны. Она длинна, но узка. В самую же церковь древле входили христиане через три двери, устроенные в западной стене её. Но ныне средняя и южная двери заложены камнями и открыта только северо-западная дверь для входа в святилище. Над средней дверью положен цельный камень, который длиннее её, а на нем изваяны три круга, и в среднем из них [изваян] крест, а в боковых шестилиственник на шестиугольном поле.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 13. Разрез церкви в Абуде.

Рис. 14. Придел церкви в Абуде.

Внутренность описываемой церкви разделена на три части шестью колоннами, как бы ионического ордена, тремя справа и тремя слева, и промежуточными между их каменными стенками. На темени каждой колонны покоится каменный стоячий брус, от которого закругляются

направо и налево две арки, упирающиеся другими концами своими в оные стенки. Над этими арками и колоннами высятся каменные стены с карнизами и шестью окнами, по три на каждой стороне, для освещения церкви сверху. Перед закругленным алтарем иконостаса не было и нет. Таким сооружением церкви, нарочито углубленной в землю, и потому снаружи кажущейся низковатой, а внутри высокой, оправдывается местное предание о постройке её в век Иустиниана, который и Св. Софию в Константинополе создал квадратную и углубил в землю, а внутренность её устроил колоннадами, в западной же части сделал нарфиск с тремя дверями и вход оттуда в этот приснопамятный собор устроил тройной, как и в Абудской церкви.

В этой церкви, с южной стороны, примыкает особое приземистое небольшое здание без алтаря, без икон. Оно более длинно, чем широко и освещается лишь одним окном у входа в него. Все четыре стены в нем глухие с выступными пилястрами, на которые перекинута круглая полуарка. Всех пилястров тут на северной стене два, у южной два, у восточной два, всего шесть и все они имеют капители с какими-то уродливыми украшениями. В самой же середине описываемого здания стоят и поддерживают потолок две колонны с замечательными капителями, на которых в два ряда изваяны трилистники, в нижнем ряду или обрубке маленькие, а над ним – большие. Нигде я не видал таких украшений на колоннах. Что же это за здание? Остаток синагоги иудейской или самарянской? Не знаю. *Екседрa*, т. е. внешняя комната для отдыха богомольцев издали приходящих в Абуд ранее начала богослужения? Кажется она! Однако две колонны в ней с трилистниками взяты сюда из какой-либо еврейской синагоги, вероятно, местной. Ибо в Абуде до Христа жили евреи и имели свой погребальный вертеп [свою усыпальницу], о котором начинаю свою речь.

Этот вертеп устроен в каменном утесе горы. Проникнуть внутрь его я не сподобился, потому что вход в него заложен камнями и потому что не имел *властного* дозволения открывать его, а сделать это самовольно опасался, зная, что арабы неблагоприятно смотрят на европейцев, будто бы в подобных вертепах ищущих сокровищ и находящих их. Первая комната, ведущая в вертеп, достаточно велика. Стены её гладки, а на челе (фронтоне) её изваяны разные украшения, разделяющие его на три неровные части. Эти украшения, как-то: кружки в кругах, венки, шестилистники, многолистный цветок, виноградная гроздь, на всех еврейских усыпальницах одинаковы. Невозможно знать, когда устроена абудская усыпальница.

Фототипия А.И. Вильбор

Рис. П. Соловьев.

Рис. 15. Еврейская усыпальница в Абуде.

Близ Абуда находится село Абу-Массааль. Это – Масаль в области потомства патриарха Асира²⁶⁷. Абуд же, думаю, есть Иуд в области колена Данова²⁶⁸. [К названию его прибавлено речение «абу», как прибавлялось оно к названиям других городов]. Прибавочное к нему речение «абу» – «отец» внушает мысль, что селитва Абуиуд, короче Абуд, основана была каким-то родоначальником абу-Иудой, либо хананеем, либо евреем. Между евреями многие имели имена, начинавшиеся со слова «аб», «абу», например: Аб-Ирон, Аб-Ихаел, Аб-Ишуй и проч. Итак, Абуд существует многие тысячи лет. Коротка история его. Греческий царь Иустиниан построил в нем церковь в память Успения Пресвятой Богоматери. Сдается, что по его же почину она почтена достоинством протопресвитерии, наравне с Вифлеемом, Еммаусом, Фекое и прочими приснопамятными церквами. Это достоинство Абуд имел в 1146 году, по заверению тогдашнего писателя Нила Доксопатра. В 1187-1188 году пощадил абудскую святыню египетский султан Саладин. Потом с начала XVI века, когда греки стали первенствовать у Св. Гроба в Иерусалиме, протопопское достоинство абудской церкви было забыто. И ныне никто из иерусалимских владык не ведает сего. Я, первый, вспоминаю об этом достоинстве, и желаю, чтобы оно возвращено было Абудской церкви, пережившей много веков и много бедствий и хорошо сохранившейся до наших дней.

25, Пятница. Сегодня я обрадован абудским открытием, но немного утомленный разъездами туда и сюда и учеными исследованиями, возвратился в Иерусалим в три часа пополудни. На

пути сюда видимы были следующие селитвы, бывшие и существующие: дер-Икдам – развалины, Тибине – развалины, Чобар – деревня, Бет-Еллу – деревня же и селища: Карава, Арура, Асфуа, Бир-ес-Зейт, Джифна (Гофна), Рамалла, ер-Рам и Шуефат.

29, Вторник. Надобно когда-нибудь удосужиться и написать рассуждение: 1. о титулах Константинопольского патриарха: Οἰκοῦμενικός, Παναγιώτατος, – Вселенский, Всесвятейший; 2. о частой смене вселенских владык; 3. о подати их Оттоманской Порте; 4. о порывах их к поправлению народностей; 5. о праве дарить церквям самоглавенство, – αὐτοκεφαλία; 6. о судебном и дипломатическом языке Великой церкви Константинопольской; 7. о заслугах вселенского престола в отношении к православным церквям в Сирии, Палестине, Египте, на Афоне и Синае, в Молдавии и Валахии, в Сербии, Грузии и России; 8. об охлаждении между Востоком и Севером. Где причины сего грустного явления? Не виноваты ли мы?

30, Середа. В пять часов пополудни патриарх Кирилл вместе со мной обозревал Архангельский монастырь. Решено поставить полки для книг в моих горницах, поместить столовую под архондариком, а в комнатах о. Феофана пробить двери для соединения их.

V. Пребывание в Иерусалиме и Вифлееме.

Июль. 1, Четверток. Написан мною отчет об ученых и художественных занятиях моих и сотрудников моих за первую половину года и отправлен к посланнику Титову для препровождения его в Св. синод²⁶⁹.

2, Пятница. Лечил я глаза свои с помощью английского врача.

3, Суббота. Купил часть комнатной мебели у английского пастора за 760 пиастров по случаю выезда его из Св. Града.

5, Понедельник. Выписал из французской газеты, издаваемой в Константинополе²⁷⁰, печальное известие о бедствиях христиан-несториан в Курдистане. – La persecution violente et furieuse élevée récemment contre ces malheureux, qui ont compté parmi eux de milliers de victimes, réduisit à la dernière extrémité tout le peuple chaldéen. L'instigateur de cette persecution et l'auteur de toutes ses cruautés fut Bederhan bey, qui vient d'être abattu par les troupes de Sa Majesté et de recevoir le châtimement de sa revolte. Celui ci se montra très ingrat envers la Sublime Porte, qui lui avait confié le gouvernement du District de Djesiré sur la rive occidentale du Tigre²⁷¹.

Оттуда же. Подле нынешнего города Вана, который, по заверению Моисея Хорпенского, был построен царем Ваном, жившим до похода Александра Македонского в Месопотамию, находятся развалины города Шумирумна-герда²⁷², построенного Семирамидой по завоевании Армении.

8, Четверток. Сегодня утром я со всеми присными моими выехал в Вифлеем погостить там у митрополита Дионисия и подышать свежим горным воздухом. Что же замечено на пути туда? Немногое. Как только мы проехали мимо Ильинского монастыря, тотчас увидели Вифлеем весь, как есть, на меловой выси, от которой понижаются долины к востоку, а налево от дороги к нему любовались Заиорданскими горами. В настоящую поездку²⁷³ они казались занавесками, спущенными к Иордану наклонно и волнисто.

Митрополит принял нас весьма ласково и разместил в монастырских кельях, просторных и опрятных. После богомолья в Вертепе Рождества Христова мы отобедали у него, а по захождении солнца прогуливались на монастырской плоской кровле, покрытой свинцовыми листами, и от араба прислужника узнали, как называются тесаные камни, из которых строятся дома.

Нара – камень обжигаемый.

Сунари – камень кремнистый.

Чечюли – камень мягкий.

Мелеки – камень царский, твердый, наилучший.

В Вифлееме я гостил с настоящего дня по 15 августа и ежедневно записывал все, что узнавал, назначив сотрудникам моим книжные занятия. Так как в этот дневник мой включены разноцветные сведения, например, сегодня о рукописях, завтра о междоусобиях арабов, послезавтра о глазной болезни моей здесь, а подобной пестроты я не люблю, то и излагаю Вифлеемские записки свои в ином порядке [объединяющем предметы однородные с однородными], не по дням, а по предметам. Предметы же их [записок] суть следующие.

1. Беседы с митрополитом Дионисием и с другими лицами.

2. Местные события.

3. Ученые занятия мои и сотрудников моих.

1. Беседы²⁷⁴.

Июль. 18, Воскресенье. До обеда посетил меня митрополит Дионисий. Разговор зашел о латинском патриархе Валерге. По словам его преосвященства, этот римский сановник доныне не был в Вифлееме, потому что ему хочется войти в здешний [Вифлеемский] собор, так же торжественно, как входят греческие архиереи, но турки и наши, основываясь на фирмане Порты, отказывают ему в этом и предлагают войти в собор, как входит туда настоятель францисканских монахов, гвардиан Св. Гроба.

Митрополит *motu proprio* принес мне свой кодекс, в котором он с октября 1842 года записывает разные события, касающиеся его паствы. Из него я извлек много сведений.

После вечерни преосвященный Дионисий, я, иеромонах Феофан и студенты Соловьев и Крылов в маленьком саду Вифлеемского монастыря, под тенью лимонных деревьев, после сладкого варенья, улюкó, пили воду, раки, кофе и чай. Между прочими разговорами хозяин обзывал патриарха Кирилла неучью (*sic*), ἀγράμματος, а я успел высказать, что, по мнению нашего посланника Титова, его блаженство может съездить в Константинополь месяца на два, на три. Эта весть проглочена была митрополитом. Он передаст ее патриарху Кириллу. А мне то и надобно. Ибо я должен здесь расти, а не молиться.

19, Понедельник. Сегодня от митрополита я слышал вот какие вести.

Иерусалимский патриарх и Синод его обязаны Великой церковью Константинопольской более не наживать долгов и долговых векселей.

Герондисса, сожительница патриарха Кирилла, Роксандра, зачала во чреве младенца, но его вытравил святогробский аптекарь.

В апреле 1846 года, названный патриарх сделал выговор митрополиту Дионисию за то, что он без его благословения приехал в Иерусалим поздравить его блаженство с днем ангела. Митрополит рассердился и написал ему грозное письмо.

Нынешний иерусалимский паша Мустафа в конце июня или в начале июля текущего года уехал в Константинополь. Его потребовали туда [неизвестно зачем], вероятно, по жалобе консулов французского и английского за неучливое обращение с ними в мекеме. Но патриархи наш и армянский, все архиереи и все православные христиане послали в Порту свидетельство, что сей паша им люб, потому что правосуден.

Патриарх Кирилл отправил на свою родину на острове Самосе русскую утварь, пожертвованную Гробу Господню, и тем опозорил себя.

21, Середа. Преосвященный Дионисий подарил мне рукописное греческое Евангелие на пергаменте X века, в 16 долю листа. Я сердечно благодарил его за этот драгоценный подарок²⁷⁵.

24, Суббота. В десять часов пополудни он позвал меня к себе в Иустинианову башню, не сказав, зачем. Когда я вошел в приемную горницу его преосвященства, увидел тут множество вифлеемитян вероисповедания греческого, латинского и армянского и местных магометан. Все они, поджавши ноги, сидели у обеих сторон горницы, а в глуби её председательствовал сам митрополит со своими священниками из арабов. На всех лицах заметно было какое-то неприятное волнение душ. Владыка был бледен, как полотно. Сдавалось, что все присутствовавшие у него рассуждали о каком-то грозном деле. Митрополит тотчас по-русски пересказал мне, изумленному, это дело. Открылось, что вифлеемиты собрались к нему для того, чтобы в его присутствии убить православного христианина Сулеймана Факуси за дознанное прелюбодеяние его с одной вдовицей латинского вероисповедания, тогда как у него была законная жена и одно дитя от нее. Виновный находился в этом собрании. Его преосвященство, рассказавши дело, умолял меня предотвратить пролитие крови христианской во что бы то ни стало, примолвив, что весь Вифлеем имеет великое уважение ко мне. Я, быв поражен этим чрезвычайным и страшным случаем, как внезапным громом, сначала невольно смутился и при сильном потрясении души не мог вымолвить ни одного слова, но когда митрополит резко сказал мне: «Что ж ты молчишь?», тогда я обратился к арабским священникам и, изъявив им свое удивление, что и православные христиане заодно с иноверцами хотят сгубить собрата своего, начал доказывать им Священным Писанием и соборными правилами, что смертоубийство есть грех, вопиющий на небо, но они ответили мне, что в Ветхом Завете Финеес копьем пронзил еврея, прелюбодействовавшего с мадианитянкой²⁷⁶, и за это восхваляется. Не время было затевать богословское прение с малограмотными попами. Надлежало громить беззаконное собрание. Чувствуя в себе прилив вдохновения, я обратился к старейшинам и сказал им:

– Какое право имеете вы судить и наказывать смертью виновных мимо законной власти вашей, мимо иерусалимского паши, когда танзиматом султана отменена смертная казнь?

– Мы имеем свой обычай, – отвечали арабы²⁷⁷.

– Но ваш обычай мерзость пред Богом! – возразил я; тоже повторил и митрополит.

Тогда я резким манием руки и звуком *тс-тс* водворил молчание и объявил, что виновный, как христианин православный, состоит под покровительством Российской державы, и потому никто не смеет убить его открыто без законного суда.

Арабы, услышав эти слова, завопили, что ежели не будет истреблен ими прелюбодей, то жены и дети их потеряют всякий страх и впадут в распутство.

Я снова сказал им грозно:

– Русский царь, по условию и дружбе с султаном Абдул Меджидом, покровительствует всех христиан в Турции и жизнь каждого из них дорога ему, посему никто не властен губить кого бы то ни было из крещенных, губить своевольно, незаконно. Кто из них учинил какое-либо преступление, того должен судить сперва патриарх, потом паша. Итак, если вы своевольно убьете Сулеймана, то кровь его взыщут с вас и Бог, и ваш султан, отменивший смертную казнь. Последние слова сказаны были мусульманским старейшинам.

– Пусть до основания разорят всю нашу селитву, но мы убьем его, кричали арабы с дикой яростью.

В эту минуту митрополит шепнул мне: «Напирайте на мусульман, они струсят». А один из православных арабов сказал:

– Святой архимандрит! чем более мы слышим угрозы, тем более распаляются наши сердца. Эти слова понудили меня, переменить тон речи и я, желая тронуть христиан и тем раздвоить собрание, начал говорить им кротко, что Господь простил прелюбодейную жену, что по закону христианскому довольно наказать Сулеймана долговременной епитимией и что за убийство крещеного человека будет вечное наказание.

Но полудикари, один за другим, говорили, что тогда-то и тогда-то оказано было снисхождение прелюбодеям и оттого исчез страх Божий и всякий стыд в душах и после рассказов завопили: теперь нет милости незаконнику, – он повинен смерти.

Я, видя безумную ярость христиан, встал со своего места и, подошедши к главному шейху мусульманскому, начал грозить ему и единоверцам его наказанием паши за убийство христианина, которого проступок подлежит суду архиерея, а не кадия.

Мусульмане замолчали, а христиане вскочили с мест своих, схватили Сулеймана и, поставив его в середине горницы, начали разматывать белый платок на чалме его, чтобы связать им руки его, страшно крича: «Абуна! Отец! Смотри. При тебе же отрубим эту голову».

Зверская ярость их поразила меня и так сильно, что я преждевременно ощутил запах крови, однако, не потерял присутствия духа, подошел к Сулейману, обхватил его левой рукой за шею и, смотря на убийц тем взором, который струит огонь электрический, загремел: «Шехи! не моя слабая рука, а всемогущая десница царя моего защищает этого христианина. Итак, если вы убьете его, то клянусь вам именем Аллаха, вас постигнет наказание страшное. Мне известны и лица и имена ваши».

Арабы попятились назад. Я, заметив робость их, оставил Сулеймана и, уходя из горницы медленно, полповоротом, повторял последние слова свои: «мне известны лица и имена ваши», а у порога остановился на мгновение и, грозно сказав мусульманскому шейху: «Назир! ты первый ответишь за жизнь этого христианина», – ушел.

Дорого стоил мне этот подвиг. Недужные глаза мои налились кровью и разболелись пуще. Старая притихшая боль в левой полости живота моего возобновилась. Всего же неприятнее было душевное ощущение запаха крови. Чтобы успокоить себя, я, идя в свою келью, размышлял о силе воображения и философии Фихта, по которой все человеческие ощущения и понятия произникают из души, а не извне. Между тем митрополит (как сам рассказывал после), ободренный моим заступлением и присутствием в Вифлееме, устранил мусульманского шейха наказанием паши, а прочим, опасаясь ярости их, – объявил: «вы теперь не можете сложить ответственность в смертоубийстве на меня и на монастырь наш, не можете отговариваться, – мы-де из монастыря взяли виноватого, митрополит-де наш выдал его, пусть же он и отвечает, – ибо есть посторонний и царский свидетель моей невинности в крови христианской и вашего безрассудства и своеволия!» Арабы, опасаясь казни, один по одному разошлись. Митрополит скрыл Сулеймана в тайнике Иустиниановой башни, а из Иерусалима через патриарха потребовал

солдат, дабы под прикрытием их препроводить спасенного от смерти в Св. Град. Солдаты во время утрени пришли в Вифлеем и, взяв Сулеймана, доставили его в Святогробский монастырь, откуда он немедленно отправлен был на остров Кипр. Подружку же его францискане сперва скрыли в своем монастыре, а потом отослали на остров Мальту; иначе, ее убили бы вифлеемитяне по обычаю своему.

Итак, я не только спас жизнь православного христианина, но и избавил Святогробский монастырь от неприятных хлопот и больших издержек, кои были бы неизбежны, если бы совершилось смертоубийство в горнице Вифлеемского владыки.

Было слышно, что Сулейман Факуси тайно жил с латино-арабкой и что она забеременела от него, а он, желая прикрыть грех, хотел жениться на ней и уже раздарил некоторым красные башмаки. Этот подарок обнаружил тайну. Православные священники дали знать об этом митрополиту Дионисию, а он позвал к себе виновного и шейхов латинского и православного для исследования дела. Скоро узнал все это весь Вифлеем, взволновался, и решил убить прелюбодеев.

Слышно также, что Факуси дурного поведения, воровал в Египте, убежал из Иерусалимской тюрьмы и, преследуемый, соскочил с крепостной стены и скрылся.

Август. 2, Понедельник. Вечером я разглагольствовал с митрополитом о причинах изгнания монахов из Испании, поставив ему на вид три причины: 1. многочисленность богатых имений монастырских без платежа податей с них государству; 2. разгульную жизнь монахов и 3. священствование их без здоровой философии.

Август. 4, Середа. Еще вечер у преосвященного Дионисия и еще любопытные вести от него!

Жена сосланного на остров Кипр Сулеймана Факуси ушла из соседнего села Беджалы собирать колосья пшеницы, остающиеся на ниве после жатвы, и потому в другое время будет представлена мне для получения пособия по 15 пиастров в месяц.

Перед днем Св. Пантелеимона и после иерусалимские монахи с монахинями забавлялись и ночевали в виноградниках монастыря Св. Саввы близ Вифлеема, в Ильинской обители и в самом Вифлееме. Митрополит увещевал их *не казаться миру*. Но они не слушались. Тогда он послал своих людей в виноградники объявить им, что если они не уйдут из епархии его, то он пришлет турок перевязать их и связанных доставить в Иерусалим. Эта угроза подействовала.

Греческий царь Феодосий Великий († 395 г.) тайно был в Иерусалиме; когда он вошел в храм, построенный Константином Великим над Гробом Господним, все лампы зажглись сами собой. Это чудо удивило патриарха. Но ангел открыл ему, что богомolec был не простой человек, а Святой царь Феодосий.

В тот год, когда Наполеон воевал с мусульманами в Палестине, все иерусалимские христиане, по распоряжению доброго мусселима, безвыходно жили в Святогробском храме. В один день, только не в великую субботу, на мраморной крышке Гроба Господня появился свет синевато-зеленый и блистал долго, часа с три. Все христиане и франкоптеры видели его и прославили Бога. Это внезапное явление горящего фосфора в темном, сыром и наполненном миазмами храме, утешило их и утвердило веру в благодатный огонь.

В тот год, когда знаменитый господин Сирии и Палестины Ибрагим, паша египетский, находился в Иерусалиме, оказалось, что огонь, получаемый с Гроба Господня в великую субботу есть огонь *не благодатный, а зажигаемый, как зажигается огонь всякий*. Этому паше вздумалось удостовериться, действительно ли внезапно и чудесно является огонь на крышке Гроба Христова или зажигается серной спичкой. Что же он сделал? Объявил наместникам патриарха, что ему угодно сидеть в самой кувуклии во время получения огня и зорко смотреть, как он является, и присовокупил, что в случае правды, будут даны им 5 000 пунгов (2 500 000 пиастров), а в случае лжи, пусть они отдадут ему все деньги, собранные с обманываемых поклонников, и что он напечатает во всех газетах Европы о мерзком подлоге. Наместники петроаравийский митрополит Мисаил, и назаретский митрополит Даниил, и филадельфийский епископ Дионисий (нынешний Вифлеемский) сошлись посоветоваться, что делать. В минуты совещаний Мисаил признался, что он в кувуклии зажигает огонь от лампы, скрытой за движущейся мраморной иконой Воскресения Христова, что у самого Гроба Господня. После этого признания решено было смиренно просить Ибрагима, чтобы он не вмешивался в религиозные дела и послан был к нему драгоман Святогробской обители, который и поставил ему на вид, что для его светлости нет никакой пользы открывать тайны христианского богослужения и что русский император Николай будет весьма недоволен обнаружением сих тайн.

Ибрагим паша, выслушав это, махнул рукой и замолчал. Но с этой поры святогробское духовенство уже не верит в чудесное явление огня. Рассказавши все это, митрополит домолвил, что от одного Бога ожидается прекращение [нашей] благочестивой лжи. Как он ведает и может, так и вразумит и успокоит народы, верующие теперь в огненное чудо великой субботы. А нам и начать нельзя сего переворота в умах, нас растерзают у самой часовни Св. Гроба. Мы, – продолжал он, уведомили патриарха Афанасия, жившего тогда в Царьграде, о домогательстве Ибрагима паши, но в своем послании к нему написали вместо ἁγίου φωτός, – *святой свет*, καθιερωμένον φωτός, – *освященный огонь*. Удивленный этой переменной, блаженнейший старец спросил нас: «Почему вы иначе стали называть святой огонь?» Мы открыли ему сущую правду, но прибавили, что огонь, зажигаемый на Гробе Господнем от скрытой лампы все-таки есть огонь священный, получаемый с места священного.

7, Суббота. Вечером я объявил митрополиту, что беднейшие вифлеемиты ежегодно будут получать от меня 500 пиастров пред Успением, Рождеством и Пасхой. Он обещался доставить (и доставил) мне список бедных семейств православных, кои питаются травой, сварив ее в воде.

Рассуждали мы о страстях человеческих и о силе их. Преосвященный, говоря о сребролюбии, рассказал мне замечательную быль. «Когда я был еще святогробским *таксидиаром* (собирателем милостыни), мне на острове Тиносе прилучилось исповедывать одного умирающего грека. По-видимому, он был беден. По окончании исповеди я спросил его: не завещает ли он что-либо Гробу Господню или какому другому месту святому. «Я ничего не имею кроме рубища, которое прикрывает меня», – ответил он без запинки. Вскоре после сего он умер. Услышав о кончине его, я пришел в помещение его и, обшарив тут все углы, ничего не нашел. Явился туда же *пехтималджис*, т. е. турок, купивший на это лето в мусульманском суде право забирать себе имение после покойников, у которых нет наследников, забирать на счастье, получит что, или нет и, как опытный в своем ремесле, долго всматривался в лицо умершего и наблюдал, куда обращены были глаза его в минуты самой кончины. Оказалось, что они и устремлены были в один угол его дома. А тут стоял глиняный сосуд наполненный солью. Пехтималджис тотчас догадался, что в этом сосуде скрыты деньги. В самом деле, когда он высыпал соль, на дне нашлись 300 червонцев. Обрадованный турок взял их себе и, благодаря Аллаха и его пророка Магомета, ушел восвояси, а я еще раз перекинул соль и нашел в ней три червонца.

Видно, что турецкие пехтималджисы хорошо знают опытную психологию.

NB. В слове пехтималджис слышится греческое *πάχτωμα*, означающее наем, аренду.

10, Вторник. Митрополит Дионисий признался, что первенство на Святых местах принадлежит духовенству латинскому. Когда в Иерусалим приедет новый паша, первые встречают его латины. Это первенство предоставлено им по трактату католических держав с Турцией.

13, Пятница. Вот еще вести от преосв(ященного) Дионисия.

На острове Скопело, в монастыре Благовещенском, мирянин, не быв ни иереем, ни монахом, служил обедни и вместе с диаконом, которым была девка его. Узнал об этом скопельский архиерей и прогнал его из монастыря.

Нынешний газский архиепископ Филимон, когда был еще *таксидиаром* в Албании, собрал там для Гроба Господня 120 000 пиастров и внес их в казну святогробскую.

[Я слаб. Едва хожу. Ничто не болит, а еле-еле душа в теле. Κύριε ἐλέησον. Яраб ерхам²⁷⁸. Господи помилуй!]

Цареградский патриарх Дионисий, которого имя воспоминается на ектениях после Иерусалимских патриархов усопших, пожертвовал 100 000 пиастров в казну Св. Гроба с тем, чтобы еженедельно рассылаемы были во все иерусалимские обители просфоры, что исполняется поныне.

Август. 18, Воскресенье. Сегодня был у меня в Вифлееме подполковник Егор Петрович Ковалевский, тот самый, который, по просьбе египетского паши Магмета Али, послан был к нему нашим государем для приискания золотиносных россыпей в срединной Африке. Я весьма рад был видетсья с ним и выслушать вести его наипаче о неграх, которых он видел воочию. Мне надо было его наблюдениями над этим черным племенем и суждением о нем поверить мое собственное мнение о неграх, как дикарях, как получеловеках, однако немного умаленных пред нами, малым чем умаленными пред ангелами²⁷⁹. Я не направлял ход разговора и дал полную свободу гостю говорить, о чем и чем он заблагорассудит, предположив, что захочетсья же ему

познакомить меня с его странствованием среди негров. Это предположение мое оправдалось. Беседа его со мною была и продолжительна, и занимательна. По уходе его, я записал содержание её. Вот она, с добавлением моего согласия и несогласия с ним, чего, однако, я не высказывал ему.

Государь Император был в Стокгольме. Здесь народ принял его холодно. Несмотря на то, Швеция Дания и Россия заключили союз наступательный и оборонительный.

Государь намеревается дать конституцию Польше. Поляки желают иметь королем своим *Михаила Николаевича*. Мирное и благопокорное поведение их в настоящее бурное время *будто бы* расположило Николая Павловича к сему народу.

NB. Газетная утка! Конституция в Польше есть утренняя, за которой последует обедня, *неподобен*, в России. А потом настанет республиканская вечерня там и сям. Ибо всякая конституция есть зародыш республики. Отче наш! Не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго, – духа республиканского.

Дюгамель, посланный в Яссы, после возмущений в Молдавии и Валахии, вел свои дела неудачно и призвал в сей город наши полки из-за Прута. Государь был недоволен этим и приказал возвратить наше воинство.

Австрийский эрцгерцог Иоанн избран председателем Германского союза и сейма во Франкфурте. Придумывают дать ему войско для поддержания его власти и для выполнения предписаний сейма королям и князьям германским.

Австрийцы бомбардировали Прагу и разогнали скопище славянских депутатов, которые, однако, собрались где-то южнее.

Папа Пий IX сидит в Риме, как мышь в ловушке.

Посол Французской республики не принят турецким султаном.

Жестокая холера свирепствовала в Александрии и Каире в июле настоящего года.

Ибрагим паша, помышляя о независимости от Турции, увеличил свое войско до 60 000, что неприятно Османской Порте.

В Хартуме водворилась римско-католическая духовная миссия под начальством иезуита поляка Рыло. Она строит училище для негров, но еще ни одного из них не крестила. Хартумский архиепископ Кацолано уехал в Каир с тем, чтобы не возвращаться на свое прежнее место. Ему наскучили и Хартум, и патер Рыло, и пропаганда. Египетское правительство недолго любит Хартумскую миссию и даже стесняет ее.

Хартум столица Сеннаара (Судана), с 18 000 разноцветных жителей; после Александрии и Каира есть самый лучший город в Африке. Он стоит у слияния белого Нила с голубым. Второй Нил течет у самых стен его, а первый на виду. Все пространство между этими двумя одноименными реками туземцы правильно называют Сеннааром, а не Суданом. По их преданию, после египтян и персов, Сеннааром владели десять цариц и двенадцать царей. Потом заняли его арабы из Геджаса. Наконец фунги, – негры из племени шиллук, появились с берегов белого Нила в 1484 году нашей эры, овладели всем Сеннааром и основали тут новое огромное царство. Первый царь их Амара-ду жил 42 года; за ним следовали 29 других, ознаменовавших себя большей частью битвами с разными окрестными племенами. Последний был Бади, сын Табли. При нем Измаил паша, старший сын Мегмета Али, в 1820 году, покорил весь Сеннаар, который поныне остается во власти Египта.

NB. Верно предание о царицах Сеннаара. Во дни одной из них, называвшейся Кандакией, евнух её ездил в Иерусалим и на обратном пути был крещен апостолом Филиппом²⁸⁰.

На юг от Хартума, при слиянии реки Дулеба с голубым Нилом, находятся развалины древнейшего города Сába, в котором жила известная царица Савская, посещавшая Соломона и слушавшая премудрые речи его.

NB. Не согласен. По преданию абиссинцев, она была царица Савская и государства Шоа.

Экспедиция Ковалевского, состоявшая из 2000 солдат, плавала по голубому Нилу далеко выше седьмого катаракта этой реки и проникла туда, где еще ни один европеец не бывал.

Вода в голубом Ниле чиста и прозрачна. Ее не нужно отстаивать и очищать. Берега этой реки живописны. Растительность на них богата, сильна и цветиста. Там много дичи, много куриц-цесарок, называемых *пентадами*; мясо их очень вкусно; много обезьян разных родов. Негры ловят их особенным способом. Они под деревом ставят большое судно с пивом, подслащивая его медом. Обезьяны жадно пьют его, пьянеют, дерутся, буянят, наконец, полусонные валяются с дерева на землю, а тут их берут руками. Проспавшись, они изумляются, сердятся, рвут,

понявши, что попались в неволю, но скоро делаются ручными. Пить воду из Нила приходят целые стада серн, верблюдов и диких буйволов и ослов. Эти ослы на высоких ногах – гибкие, проворны и красивы, а уши у них все-таки длинные. Водятся иппопотамы. Одного из них убили солдаты Ковалевского и он шкуру его везет в Петербург.

В голубой Нил втекают реки и потоки из гор Абиссинии и Сеннаара.

На левой стороне этого особого Нила, западнее и южнее, на горах, живут уже чистые негры, бени шанглу, берта, бари, галла и другие, живут бессознательно между собой и потому легко гибнут от неприятелей, которые сколько-нибудь сильнее их. Во время нашествия их они зажигают сигнальные огни на своих высотах. И по ним узнают, откуда идет враг, кто он: галлай, свой, или турок, и как он силен. Но эти огни бесполезны для них. Увидя их, они не соединяются, а разбегаются вроссыпь и укрываются в неприступных ущельях.

NB. Животные! Получеловеки!

На Сеннаарском полуострове, до четвертого градуса широты земли, живут 2 500 000 негров, большей частью ни от кого независимых и управляемых ихними *мелеками*. Если прибавить к ним негров, обитающих у экватора и за экватором, то можно без преувеличения определить число всех их в 10 000 000.

NB. И все они не имеют ни наук, ни изящных искусств, ни исторической деятельности. Животные! Получеловеки!

Все они сложены хорошо. Члены их тела развиты правильно, соразмерно. Тело, часто натираемое жиром, имеет кожу гладкую, матовую, как черная лайка. Оно нежно и упруго. Мужчины многих племен, особенно у экватора, очень высоки ростом, а толстых не видать. Негритянки, которым исполнилось 20 лет, большей частью некрасивы, их члены под влиянием палящего солнца грубеют, груди опускаются, живот становится отвислым. Но девочки 10-11-ти лет не немиловидны. В эти лета они вполне развиты. Особенно безобразят это черное племя торчащие вперед зубы.

Чернота негров есть свойство, едва ли неврожденное им. Ибо *Мальпигиева* плева, содержащая в себе вещество, окрашивающее человеческую кожу, и лежащая между кожицей (epidermis) и кожей, у них черного цвета.

NB. После сего понятно, почему негры не белеют в северных странах Европы. Как рысь не может переменить пестроту своей кожи, так эфиоп-негр не может из черного сделаться маломальски белым. А это значит, что он произошел не от Адама белого, алого, а черным сотворен Богом вместе с животными ранее сего первого человека, как переход от обезьяны к нему. Способность негра говорить кое-как еще не есть доказательство его равенства с человеком мерноглаголивим. И дураки говорят, и идиоты говорят, но за всем тем они не уравниваются с людьми умными.

У негров количество головного мозга менее, чем у нас.

NB. Стало быть, они получеловеки.

Негритянки и их мужья не прикрывают своей наготы. Первые носят лишь узкий пояс из кожаной бахромы, украшенный разными металлическими висюльками, носят как стыдливое препоясание; зато множество ожерелий, браслетов из слоновой кости, колец в ушах, ноздрях и губах составляет их роскошь и украшение, да еще уборка головы мелкими плетеницами. Вторые, т. е. мужчины вместо пояса носят лоскуток кожи, длиною вершка в четыре, и привязывают его спереди, так что лишь одна задница их немножко прикрыта, а спереди торчит один узел. Вот и вся одежда их. Но многие и её не употребляют. Зато у нагого негра в курчавых волосах неотменно торчит несколько красных перьев птичьих.

Живут негры в так называемых *тукулях*, т. е. шалашах, сплетенных из бамбука, с высокими, заостряющимися кверху крышами и обставленных плетеными же, но сквозными ширмами. От этих ширм в тукулях не светло. Да неграм свет и не нужен. Они ничего не делают и большую часть дня проводят под развесистым фиговым деревом, подпуская туда и женщин.

Негры живут семьями, но не знают родства. Пока дети малы, мать заботится о них по любви к ним и по тому, что эту собственность можно продать. Когда сын вырос, ни у него, ни у родителей его не бывает никакой взаимности, привязанности, дружбы, любви. Стариков-отцов даже убивают дети. Однако, этот кровавый обычай господствует не у всех негров. Вот как он выполняется. Выкапывают могилу глубиной в рост человека и в боку её нору такой длины и ширины, чтобы человек мог свободно лечь в ней. Тогда приводят старика, который, по словам негров, уже съел весь хлеб свой на этом свете, закалывают быка, приносят пиво, кормят и поят

присужденного к смерти, едят и пьют сами. Когда старик опьянеет ему в рот кладут зерна золота для того, чтобы было чем заплатить за пропуск на тот свет, потом опускают его в яму, где он и залазит в нору; все это засыпают землей и на могиле бывает пляска. Сын веселится более других, потому что избавился от бремени.

NB. Животные! Дикари! Получеловеки! А понятия о другом свете и о *плате* за пропуск туда *обезьянски* заимствованы ими у египтян.

На Сеннаарском полуострове между неграми людоедов нет, а дальше у вершин белого Нила есть люди, которые едят человеческое мясо. Это утверждают арабские купцы.

NB. Животные! Дикари! Плотоядцы!

Негры шелуки и динки своим детям, уже восьми- девятилетним, выбивают три-четыре зуба нижней челюсти и после этого позволяют им носить оружие. А это делают они для того, чтобы не походить на собак.

На берегах белого Нила живет дикое племя б́ари. У него есть очень странный обычай, – плевать в лицо всякому гостю в знак вежливости и любезности.

NB. Хороша любезность!

Каждое племя негров в горах говорит своим особенным языком, которого не понимают соседи и это еще более разъединяет их.

NB. Не знаю, как объяснить это явление.

Наречия негров весьма бедны. Многие предметы они называют звукоподражательно, например: кошку – *няу-няу*, собаку – *гау-гау*, а времена глаголов, – настоящее и прошедшее, – выражают одинаково.

Негры умеют считать только до пяти, дабы сказать: шесть, семь, они говорят пять и один и два, дополняя числа то пальцами, то зернами; большая часть из них не знает счета дальше десяти; двести, сто суть цифры им непостижимые.

NB. Получеловеки!

Негры голубого Нила с древних времен прививают оспу и знают искусство плавить железные руды (галлай) и очищать золото посредством ртути. Вместо денег употребляют золотые кольца разных величин.

NB. Заимствованы у финикиян и египтян.

Негры имеют темное понятие о Верховном Существе. У голубого Нила большая часть их поклоняется солнцу и луне. Шелуки держат в жилищах своих деревянные куклы. Это – их пенаты. Иные делают изображения на деревьях и приносят им жертвы. Динки, как древние египтяне, поклоняются быку. Все религиозные верования негров состоят из каких-то темных отрывочных преданий, кои напоминают верования египтян. Между ними есть такое племя, южное, которое сохраняет от тления тела умерших одноплеменников, высушивая их на солнце и складывая в особые пещеры. Ему известны даже некоторые травы, употреблявшиеся для бальзамирования трупов. Есть негры, которые верят, что умершие некогда возвратятся с того света. Отсюда у них обыкновение бросать на могилы камнями и приговаривать: *вставай, вставай*.

NB. Заимствования у египтян, еще и ныне верящих, что мумии у пирамид встают и бродят с Пасхи до Пятидесятницы!

Негры сами себя считают существами низшей породы и без ропота несут иго рабства, как предназначенные к нему. Сознание унижения своего пред людьми белыми и уважение к ним, как властелинам своим, эти чувствования в неграх – безотчетны и инстинктивны, и уравнивают их с рабочими животными. Если вы застанете негра врасплох, то белизна вашей кожи, ваша одежда и вооружение понудят его, подобно дикому зверю, кинуться от вас в сторону, если же он не сможет бежать, то падает на землю, дабы не видать существа страшного ему, и после уже никак не ободрите его.

NB. Животные! Получеловеки!

Впрочем, в неграх есть и хорошие качества. Они добры и гостеприимны, не злопамятны, не мстят кровью за кровь; скоро выучиваются арабскому языку; память у них твердая [хорошая]; они хорошие солдаты; уважают власти; охотно повинуются своим *мэлекам*.

NB. Еще бы. Ведь они получеловеки и потому имеют и хорошие качества человеческие.

На Меройском полуострове, близ слияния белого и голубого Нила, находятся древнейшие пирамиды, храмы, колоннады, но все в разрушении. Их египетское зодчество доказывает собою или младенчество, или упадок сего искусства. Первое вероятнее.

Так называемые Лунные горы в Африке не существуют.

Красное море, по последнему измерению уровня воды его, мало чем выше моря Средиземного. Но (о) Суэцком канале и о железной дороге до Суэца никто не помышляет.

Ковалевский нашел золото в горах Кассанских и построил там фабрику и крепостцу. При нем фабрика работала с неделю и он привез Мегмету Али-паше новое золото.

Этот паша дал ему пароход свой, который и доставил его в Яффу.

Все эти вести Егора Петровича уладили меня. По одежде я принял его, по уму проводил. Он после себя оставил во мне благоухание; я разумею убеждение в том, что негры и вообще все дикари суть получеловеки, способные говорить и быть земледельцами и ремесленниками, но не Платонами и Аристотелями, не Невтонами и Кеплерами. Они в течение многих тысячелетий находились в соприкосновении с полными человеками [с египтянами], но остались теми, чем были до сотворения Адама, т. е. существами половинчатыми, свыше предназначенными составлять собой переход от бессловесных обезьян к мерноглаголивому человеку.

Ежедневно я разглагольствовал со своими присными во время обедов о разных предметах и между прочим о веротерпимости и о находчивости политических посланников.

Веротерпимость допускается государством и церковью весьма основательно, во-первых, по уважению к существующим у разномыслиющих правильным понятиям о Боге и доброй нравственности; во-вторых, в надежде на присоединение их к православию и в-третьих, по тому, что между ними находятся такие, которые разнятся от нас только церковным обрядом, а благочестивым житием своим сходятся с нашими праведниками.

Известны мне два примера особенной находчивости политических посланников. Один из послов нашего царя Алексея Михайловича к турецкому султану, представляясь ему в обычном почетном кафтане и подходя к трону его, будто запутался в этой длинной одежде и упал к ногам его, но быстро встал и сказал ему: «так да низложит Бог под ноги вашего величества всех врагов ваших», и зато выиграл дело, которое было поручено ему государем. Посол Петра Великого приехал в Стокгольм с важным и неотложным поручением. Но ему объявили, что король больной, лежит в постели и потому не может принять его, стоя. Посол ответил: «в таком случае поставьте кровать подле постели его, я лягу на нее и лежа доложу ему о деле моего государя; – так будет соблюдено равенство короля и царя». – Кровать была поставлена, где указал посол наш, и политический переговор был начат и кончен на постелях.

2. События.

Июль. 9, Пятница. В пять с половиной часов пополудни шех Лахам со своими ратниками ушел из Вифлеема к соседним тамаритам, враждующим между собой, дабы примирить их. Вражда же их началась около Троицына дня за какие-то поля. Один тамарит был убит. А обряд примирения у них совершается вот как. На дерево вешается платок и туда приводится убийца. Он и примиритель держат концы сего платка и второй спрашивает первого: «оплачиваешь пролитую кровь?» Когда виновный скажет: «оплачиваю», тогда его обязывают дать обиженной стороне 1000 пиастров и 24 овцы и вдобавок все собрание арабов накормить пивом и напоить кофе. Все эти издержки принимает на себя то селение, в котором живет убийца.

10, Суббота. Лахам не примирил тамаритов и сегодня ночует в Вифлееме. А патриарх Кирилл в восемь часов пополудни прислал письмо преосвященному Дионисию и при нем увещание на арабском языке вифлеемитам, чтобы они не вмешивались в междоусобие тамаритов. Это увещание будет прочитано завтра в церкви, если позволят это обстоятельства.

11, Воскресение. Обстоятельства позволили. Митрополит (неслужащий) после чтения Евангелия объявил своим пасомым, что от патриарха получено увещательное послание к ним и что если они не будут слушать его со вниманием и не исполнять владычного совета, то никогда не узрят лица его и не получают от него никакой помощи. Последовало общее молчание. Началось чтение увещания. Вифлеемиты послушались своего патриарха. Во время причастия местный священник, отец Илья Панайоти, ясно и разумно читал народу печатное поучение Иерусалимского патриарха Афанасия на арабском языке. Все арабы и арабки с детьми молча сидели на полу и слушали поучение с большим вниманием. Я ничего не понимал и потому всматривался в лица, наипаче женские. Вифлеемитянки статны, широкогруды, белолицы под черными волосами, чернооки, благообразны.

17, Суббота. Сегодня я договорил вышепомянутого о. Илью переписать для меня арабскую летопись Александрийского патриарха Евтихия, начиная от Александра Македонского, а не от Адама. Летопись эта доставлена мне в свое время.

23, Пятница. У меня болят глаза. В десятом часу пополудни вифлеемиты скорым шагом пронесли на кладбище православного собрата своего усопшего. За гробом его шли арабки и что-то пели беспрерывно напевом, непечальным, вот так:

31, Суббота. – Aegrotus sum [Miser sum]²⁸¹.

Был у меня о. Хрисанф из Саввинского монастыря и, между прочим, поведал мне, что арабские рабы сего монастыря, по условию с нашей патриархией, обязаны доставлять ей черный камень из окрестности мечети Муса, что на пути к Иордану, за 6000 пиастров, из которых 4000 поступят в уплату податей их, а 2000 в раздел им за труды.

Август. 1, Воскресенье. После обеда иеромонах Феофан со студентами Соловьевым и Крыловым отправился в Иерусалим совершать службу Божию в тамошнем Екатерининском монастыре для русских черноризиц.

Получено мною письмо от попечителя бейрутского училища г. Трада. Просит денежного пособия на содержание сего училища.

Но Духовной Миссии нашей нечего дать ему. Ipsa enim miserrima est, miserisque succurrere non potest.²⁸²

2, Понедельник. Мне легче. Но зрение мое слабо.

5, Четверток. Мой верный, усердный и честный слуга Иван уехал в Иерусалим чистить Архангельский монастырь и приготовить его в жилище нам.

Правый глаз мой болит. Quousque tandem?²⁸³

Вчера, около полудня, один вифлеемит католического вероисповедания, едучи верхом на лошади, подстрелил другого вифлеемита, – молодого единоверца своего, или по неосторожности, или из мести. Дробь прошла в бок и грудь. Подстреленный упал, а стрелец убежал и скрылся в вифлеемском доме франкского драгомана. Тотчас сделалась суматоха во всем Вифлееме. Все женщины взошли на кровли жилищ своих, и давай вопить по-своему. Родственники подстреленного прибежали в дом убийцы и жестоко изранили мягкие части брата его, который ничего не знал о случившемся. Подстреленный умер в пятом часу пополудни. Из Иерусалима, по требованию латинского монастыря, приехали в Вифлеем турецкие книжники для исследования дела.

Подстреленный пред смертью своей просил всех, чтобы не мстили убийце, говоря, что он умертвил его не намеренно. Однако виноградник брата убийцы весь до корня был вырублен мстителями.

Сегодня в полдень было погребение убитого. Из своей кельи я слышал вопли женщин. Все вифлеемиты, – мужи, и жены, и дети присутствовали на похоронах.

У арабов есть общественность, но грозная, страшная.

6, Пятница. Я очень слаб силами от поста и бессонницы. Глаза мои болят.

Один вифлеемит возвратился из Яффы и поведал мне, что туда прибыл новый еллинский консул и что в Египте свирепствует холера. Ибрагим паша держит полки свои на кораблях для спасения их от сей заразы.

8, Воскресенье. Глаза мои видят немного лучше.

10, Вторник. С поваром моим греком хаджи Георгием послано мое письмо к Иерусалимскому патриарху Кириллу.

3. Ученые занятия мои и сотрудников моих.

Гостя в Вифлееме, у доброго митрополита Дионисия, несмотря на недуг в глазах моих и на слабость здоровья своего, усиленно занимался ученым делом и, во-первых, рассмотрел греческие и арабские книги печатные и рукописные, какие только нашлись в митрополитанском доме, в Вифлеемском соборе и у местного священника о. Ильи Панаиота; во-вторых, исправлял русский перевод известных патриарших грамот об учреждении у нас Св. синода и приложенного к ним *Вероисповедания*, напечатанный в С.-Петербурге в 1838 году.

Из числа печатных книг греческих, отмечены мною, ради составления *истории типографии греков* в Венеции, следующие книги:

1. *Παιδαγωγία* πρὸς χρῆσιν τῶν ποθούντων μανθάνειν γράμματα. Ἐν Βενετίᾳ. 1839.²⁸⁴ – Это – азбука с молитвами.

2. Псалтирь in 16°, издана в Венеции в 1839 г. В конце её напечатаны 9-ть песней Моисея, Анны, матери Самуила, отроков и проч.

3. *Ὁρολόγιον τὸ Μέγα*, περιέχον ἅπασαν τὴν ἀνοίκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν κατὰ τὴν τάξιν τῆς ἀνατολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας, καὶ ἐξαιρέτως τῶν ὑποκειμένων αὐτῇ εὐαγῶν μοναστηρίων. Διορθωθέν καὶ εἰς τρία μέρη διαιρεθὲν ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιανοῦ τοῦ Ἰμβρίου, ὕφ' οὗ προσετέθη καὶ σύντομος ἱστορία πασῶν τῶν ἐορτῶν τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ, καὶ πολλῶν τῶν τοῦ Μηνολογίου ἁγίων. Ἔκδοσις ἑκτη. Ἐν Βενετίᾳ. 1845, – то есть Часослов Великий, содержащий все подобающее ему последование по чину восточной Церкви Христовой и особенно находящихся в ней благоустроенных монастырей. Исправленный и на три части разделенный Варфоломеем Кутлумушом с острова Имвроса. Им же присоединена и сокращенная история всех праздников круглого года и многих святых, указанных в Месяцеслове. Издание шестое. В Венеции 1845 г.

4. Греческое Евангелие, напечатанное в 1671 году в Венеции. Оно пожертвовано Вифлеему в сентябре 1680 года Матфеем агѳ, сыном протоспафаря Филиппескула из Угровлахии, но получено там уже в 1846 году, 13-го мая. Новехонько!

5. Στοιχειώδης *ἱερά κατήχησις*, περιέχουσα σύντομον διδασκαλίαν τῶν τριῶν θεολογικῶν ἀρετῶν· ἐν ᾗ προσετέθη καὶ παράρτημα περὶ σταυροῦ. Ἐν τῷ τῆς Κωνσταντινουπόλεως τυπογραφείῳ „αὐλθ”.

Συντεθέντα ὑπὸ Δημητρίου Καλαβακίδου Μελениκίου, ὑπὸ δὲ τῆς κεντρικῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει πνευματικῆς ἐπιτροπῆς θεωρηθέντα καὶ ἐγκριθέντα πρὸς κοινὴν χρῆσιν τῆς ὀρθοδόξου νεολαίας, ἐκδοθέντα ἤδη πρῶτον ἀδείᾳ τοῦ παναγιωτάτου οἰκουμενικοῦ πατριάρχου ἡμῶν κυρίου Γρηγορίου τοῦ ς´ „αὐλθ” κατὰ Ἰούλιον, –то есть (Первоначальный) Священный Катехизис, содержащий сокращенное учение о трех богословских добродетелях с присовокупленной к нему статьей о кресте. В Константинопольской патриаршей типографии 1839 г.

Сочинен Дмитрием Калавакидом из Меленика, а рассмотрен и одобрен центральным в Константинополе церковным попечительством для общего употребления православным юношеством; издан же в первый раз с дозволения Всесвятейшего Вселенского Патриарха нашего господина Григория шестого в июле 1839 г.

6. Греческое Евангелие на пергаменте, в четвертую долю большого листа, *написано* в XI веке.

Из приложенного к нему месяцеслова видно, что оно принадлежало какой-либо церкви в Константинополе и, вероятно, Халкопратийской. Месяцеслов его списан мною и помещен в моем собрании древних месяцесловов. В этой рукописи содержатся две приписки:

Первая: Сие Евангелие переплетено руками вифлеемского митрополита Григория в 6942 (1454) году, июня 26, индикта 2, в Вифлееме. (Следовательно, оно принесено в Вифлеем ранее взятия Константинополя турками).

Вторая, в середине: Εἰς τὰ 1841, ἀπριλίου 25, ἦλθεν εἰς τὴν ἁγίαν Βηθλεέμ ὁ γνήσιος αὐτὸς ποιμὴν καὶ μητροπολίτης ἅγιος Βηθλεέμ κύριος Διονύσιος Γ' ἀνπολίτης Βούλγαρης, то есть: В 1841 году, 25 апреля, пришел в святой Вифлеем законный пастырь его и митрополит господин Дионисий янополитский²⁸⁵, болгарин.

7. Греческая рукопись содержит описание Китая.

Выметки.

Κεφαλ. ᾱ^{ον}.²⁸⁶

Ἡ βασιλεία τῶν κιταΐλιδων ἀρχήθη ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου ,βχμβ, ἀπὸ ὁποῖον ἔτος ἕως τῶρα εἶναι ,δφμε, πρὶν τῆς ἐνσαρκώσεως Χριστοῦ τοῦ Σωτῆρος ,βωξε χρόνους. Πρὶν τοῦ καιροῦ ἐκείνου ἀγκαλὰ καὶ ἦτον ἡ αὐθεντεία τους, μ' ὅλον τοῦτο οὐ ἴδιοι κιταΐεῖς ὁμολογοῦσι, πῶς ὅσα ἦσαν προτήτερα, βέβαια δὲν τὰ ἔχον γραμμένα. Καὶ ἀπὸ ἐκείνων τὸν καιρὸν ἀρχήσαν νὰ βασιλεύουσι καὶ νὰ γράφουσι βιβλία. Καὶ ἐν πρώτοις γράφουσι πῶς εἶχαν ἑπτὰ βασιλεῖς· ἕνας κατόπι τοῦ ἄλλου μὲ θεληματικὴν ἐκλογὴν ἀπὸ τὸν λαόν. Καὶ ἐξουσιάζον αὐτοὶ χρόνους χξ' ἕως τοὺς 2207 πρὶν τῆς τοῦ Σωτῆρος ἐνσαρκώσεως.

Ὑστερον δὲ τὸ διάλεγμα τῶν βασιλείων ἦτον κατὰ κληρονομίαν. Καὶ πρῶτος βασιλεὺς εἰς αὐτοὺς ἦτον διαλεγμένος ὀνόματι Ἦβας· ὁ ὁποῖος γενεαλογίαν του τὴν ἔβαλε καὶ ὠνόμασε Γηᾶᾶ (sic). Καὶ τέτοιας λόγης οἱ κληρονόμοι του ἐβασίλευσαν χρόνους 439, ἀπὸ ἔτος πρὶν τοῦ Σωτῆρος ,βσξ ἕως τοὺς

αψξζ χρόνους. Καί τότε ἡ γενεαλογία ἐτελειώθη καὶ ἀρχήθη ἄλλη γενεαλογία βασιλέως Ξανγά. Καὶ αὐτοὶ ἐβασίλευσαν χρόνους χμδ´, ἕως τὴν τοῦ Χριστοῦ ἔλευσιν, αρκβ χρόνους.

Καὶ μετὰ ταῦτα ἔλαβε τὸ βασιλεῖον κάποι(ο)ς ὀνόματι Χεβὰ καὶ ἔσβεσε τὴν ἄνωθεν γενεαλογίαν καὶ ἔβαλε τὸ ἐδικόν του, καὶ ὠνόμασε κατὰ τὸ ὄνομα του Χεβὰ. Καὶ ἐτούτῃ ἡ γενεαλογία περισσοτέρα ὄλων, ἐβασίλευσε, διότι ἐξουσιάζον χρόνους ωνς´, πρὶν τῆς ἐλεύσεως, αρκβ χρόνους, καὶ ἦσαν ἕως τοὺς σξς´ χρόνους πρὶν τῆς ἐλεύσεως.

Μετὰ δὲ τὴν τελείωσιν αὐτῆς τῆς γενεαλογίας ἀρχήθη ἄλλος ὀνόματι Τζήνα. Καὶ αὐτὸς τόσον ξ´ χρόνους ἐβασίλευσεν.

Ὑστερα δὲ ἀπ' αὐτὸν ἐβάλθη ἄλλη γενεαλογία ὀνόματι Χάνα καὶ αὐτοὶ ἐβασίλευσαν χρόνους φλ´ ἕως μετὰ τὴν ἔλευσιν τοῦ Χριστοῦ σξδ´ χρόνους.

Καὶ μετὰ ταύτην (ἐβάλθη) ἄλλη γενεαλογία ὀνόματι Κῆν· ἡ ὁποῖα ἐξουσιάζε ρνε´ χρόνους, ἕως μετὰ τὴν τοῦ Σωτῆρος ἔλευσιν χρόνους 419. Καὶ τότε πέντε βασιλεῖς ἅμα ἐσηκώθησαν, οἱ ὁποῖοι ἀνάμεσον τοὺς μεγάλον πόλεμον ἔκαμαν, ἕως ὅπου ἕνας ἀπ' αὐτοὺς τοὺς ἐνίκησεν ὅλους, καὶ ἔκαμεν καινούργιαν γενεαλογίαν καὶ ὠνόμασε Τανγά, οἱ ὁποῖοι ἐβασίλευσαν χρόνους ρλε´, ἕως μετὰ τὴν ἔλευσιν χιη´ χρόνους. Καὶ πάλιν ἡ βασιλεία ἐχωρίσθη εἰς πολλὰ μέρη τῶν προδοτῶν, ἕως ὅπου ἕνας ἀπ' αὐτοὺς ὅλους τοὺς ἐνίκησε, καὶ ἔκαμε τὴν γενεαλογίαν του καὶ τὴν ὠνόμασε Σουνγά· οἱ ὁποῖοι ἐβασίλευσαν χρόνους χξ´ ἕως μετὰ τὴν τοῦ Σωτῆρος ἔλευσιν χρόνους, αση, καὶ ἐκείνον τὸν καιρὸν αὕτῃ ἡ γενεαλογία εἰς μεγάλον πλοῦτον ἦτον καὶ δύναμιν. Ὅμως μὲ τὸ θέλημα τοῦ Θεοῦ καλμῖκοι, καὶ μουνγάλοι, καὶ τατάροι, καὶ μετ' αὐτοὺς ὁ ἐνδοξος Τζηγγῆς-χάνης, ἀπὸ τὴν ὁποίαν γενεαλογίαν κατάγεται ὁ Τζουρτὶν-χάν, καὶ ἀγίου τασά (sic) καὶ ἄλλοι ἐσυμμαζώχθησαν μὲ μεγάλον στράτευμα, καὶ ἦλθαν καὶ ἐνίκησαν ὅλην τὴν αὐθεντείαν τῶν Κιταϊλίων, καὶ τὴν γενεαλογίαν τοῦ Σουνγά ἐκατέσβησαν, καὶ ἐδικήν τους καινούργιαν ἔκαμαν, καὶ τὴν ὠνόμασαν Ἰουβενοῦ. Καὶ ἐξουσιάζον οἱ καλμῖκοι τόσον φο´ χρόνους, διότι ἕως τοὺς ατξη χρόνους μετὰ τὴν τοῦ Σωτῆρος (ἔλευσιν), καὶ τότε ἐν πρώτοις οἱ κιταϊλεῖς ἀρχήνησαν νὰ στρατεύωνται, καὶ νὰ ἐξουσιάζωνται ἀπὸ τοὺς ἀλλοφύλους.

Καὶ μετὰ τοῦτον μὲ τὰ καλμῖκα τὰ στρατεύματα ἦλθεν εἰς τὸ Κιτάι κάποιος Βενετζιανὸς Μάρκος Παῦλος, ὁ ὁποῖος ἀπὸ τὴν Κωνσταντινούπολιν εἰς τὴν Περσίαν μετὰ τὰ καράβια ἔρχονται (sic) καὶ ἀπὸ τὴν Περσίαν διὰ ξυρᾶς εἰς Κιτάι, καὶ ἐκεῖνος ἐν πρώτοις ἔγραψε τὸ βιβλίον διὰ τὸ Κιτάι...

Μετὰ δὲ τοῦτο οἱ κιταϊλεῖς βλέποντες, πῶς οἱ καλμῖκοι ἀλησμονήσαν τὰς ἀνδραγαθίας των, πάλιν ἐσυμμαζώχθηκασι καὶ ἀπεδίωξαν ὅλους ἔξω ἀπὸ τὸ Κιτάι, καὶ πάλιν ἐδιάλεξαν ἐδικόν τους βασιλέα καὶ ὠνόμασαν τὴν γενεαλογίαν Τανμήγγα. Καὶ ἐκείνη ἡ γενεαλογία ἐξουσιάζε χρόνους σοζ´, ἕως τοὺς αχμδ ἀπὸ Χριστοῦ, δηλαδὴ ἕως τοὺς καιροὺς μας. Ἀμμή τῶρα πλέον παρὰ χ´ χρόνους, ἀφ' οὗ ἐφάνηκαν διάφοροι ἀποστάται εἰς τὸ βασιλεῖον τῶν Κιταϊλίων καὶ ἐδιαμοίρασαν τὸ βασιλεῖον, καὶ τὸ κατερρήμαζαν εἰς μέρη διάφορα· οἱ τῆς ἀνατολῆς τῆς Μουγγαλίας τατάροι οἱ γιούκι ἐσκώθησαν, οἱ ὁποῖοι κατοικοῦσιν ὀπίσω ἀπὸ τὸ τεῖχος τὸν μεγάλον πρὸς τὴν ἀνατολήν, ἔθνος μικρὸν καὶ ἀγνώριστον, εἰς τοὺς ὁποίους οὔτε χάνης ἦτον· λέγονται ἀπ' ἐκείνους ζουρδζῆ ἡγοῦν ἀλιεῖς, καὶ ἀπὸ τοὺς ἐδικούς μας δζόντζεροι καὶ αὐτοὶ μὲ ληστρικὸν τρόπον, ὁ παππούς τοῦ νῦν χάνη, τὸν χειμῶνα εἰς τὴν ποταμὶὸν Πύλοτα, ἐκείθεν ἀπὸ τὸ τεῖχος τὸν μεγάλον ἐδιάβηκαν καὶ μετὰ πολλοὺς πολέμους καὶ τοὺς κιταϊλεῖς, σχεδὸν καὶ ὅλον τους τὸ βασιλεῖον τὸ ἐξουσιάζουν καὶ ὡς τώρα, καὶ αὐθεντοῦσιν ἐκεῖνοι, ὅπου ἀπὸ ἡμᾶς καὶ ἀπὸ τοὺς μουγγάλους, καὶ ἀπὸ τοὺς καλμῖκους, καὶ ἀπὸ τοὺς μπουχάρους κράζονται Μπογδόνικοι, καὶ ἐκεῖνο τὸ ὄνομα καὶ αὐτοὶ οἱ ἴδιοι δὲν τὸ ἡξεύρουσαν, ἀπὸ τί ἀρχήνησε. Διότι εἰς τὸ βασιλεῖον μας, ὅταν ἐρώτησαν διὰ ποῖαν ἀφορμὴν τοὺς κράζομεν Μπογδιχάνι· ἀπὸ τὸ γένος αὐτονῶν ὁ ἄς τοῦ Κιτάι χάν ἐγίνη, πατήρ τοῦ νῦν Μπογδιχάν, ὀνόματι Ξαιχεή, καὶ ἐκεῖνος κατὰ τὴν συνήθειαν τοῦ Κιτάι ἔκαμε νέαν τὴν γενεαλογίαν του, καὶ τὴν ὠνόμασε Ταντζίνγα· ἡ ὁποῖα ὡς τὴν σήμερον βασιλεύει τοῦ Κιτάι.

Ἀμμή διατὶ ἀφορμὴν ἄρχησεν ὁ πόλεμος μὲ τοὺς κιταϊλεῖς, καὶ τὶ λογῆς πολέμους ἔκαμαν καὶ πῶς ἐξουσιάζον τὸ Κιτάι, αὐτὸ εἶναι γραμμένον εἰς ἄλλο βιβλίον περὶ πολέμου τῶν τατάρων.

Скудна моя жатва с нивы греческой. Обильнее её жатва с нивы арабской. Снять её помог мне о. Илья Панаиоти, умный, любознательный, хорошо владеющий языком новогреческим и учившийся у нас по-русски.

До поездки в Вифлеем я почти ничего не знал об арабских переводах Св. Писания и церковных книг. Из немецких введений в Св. Писание Н(ового) Завета Гуга 1826 г.²⁸⁷ и Де Ветте 1833 г.²⁸⁸ мне известно было о сем предмете только вот что. Иоанн Севильский, епископ в Испании, живший в половине VIII века, первый из известных по времени и имени переводчиков арабских перевел Св. Писание с латинского на арабский язык для душевной пользы христиан, тогда уже непонимавших глаголения латинского. Потом появлялись подобные переводы с наречий сирийского, коптского и греческого. Издал их Ерпений. В Сирской Антиохии перевел

Псалтирь по-арабски с греческого Абдалла ибн ал-Фауль ранее XII столетия. Сей недостаток ведения моего неожиданно восполнен был в Вифлееме, о чем и начинаю речь свою.

О. Илья Панаиоти первее всего познакомил меня с двумя арабскими достоуважаемыми им переводчиками: с Абдаллой ибн ель-Фаделем и хури-Масаадом Нэшу. Первый родом антиохиец, саном диакон, жил за 1000 лет назад (впоследствии я узнал, что он умер в 1056 году, в глубокой старости) и перевел на арабский язык Шестоднев Иоанна Златоустого и творения Исаака Сирина; второй жил в Каире и занимался переводами в 1740 году.

Потом с помощью того же Панаиота рассмотрены и описаны были мною следующие арабские рукописи и печатные книги.

Рукописи.

1. *Евангелие* на бумаге, написано в городе Алеппо псалтом Гавриилом, сыном Иакова Швеца, и пожертвовано алеппским купцом Сааде и женой его Феклой в святой Вифлеем в святительство алеппского митрополита Мелетия, вифлеемского митрополита Афанасия и Иерусалимского патриарха Паисия в 7153 (1645) году от Адама, 15 февраля, а переплетено 16 июля 1713 года.

2. *Служебник* на бумаге, содержит вечерню, утреню и литургии Василия Великого, Иоанна Златоустого и Григория Двоеслова на сирском языке с переводом арабским. Нет ни начала, ни конца. В литургиях Златоустого и Василия положено пред освящением даров произносить тайно моления: *Господи, Иже Пресвятого Твоего Духа... Сердце чисто созижди во мне, Боже... Не отвержи мене от лица Твоего...* Диакон возглашает: *Со страхом Божиим и верою приступите* (любвию не прибавлено).

3. *Εὐχολόγιον*, – Требник на бумаге, переведен с греческого алеппским митрополитом Мелетием в 1633 г.

Начало: Εὐχαριστῶ τὸν Θεόν, τὸν ὁδηγήσαντα τοὺς πιστοὺς εἰς τὸν δρόμον τῆς ἀληθείας, καὶ τὸν ἐλευθερόσαντα ἀπὸ τοῦ σκοτὸς τῆς ἀσεβείας..., т. е. Благодарю Бога, приведшего верных на путь истины и освободившего от мрака нечестия. Далее говорится о пастырях, о дарованиях, уделаемых им от Бога, и о семи таинствах. Затем поведено, что св. отцы учредили чины богослужения в 116 главах. Этих глав не было в арабском Требнике, и «я, – говорит Мелетий, – постарался – перевел их с греческого языка на арабский» в 1633 году. Этим же митрополитом переведены по-арабски следующие молитвы, взятые им из какого-то древнего Евхологиона греческого: 1. молитва об освящении креста, 2. 3. 4. молитвы об освящении икон, диска и потира и церковных одежд, 5. молитва о посвящении иерея в сан духовника (Дальнейшие листы рукописи утрачены).

4. *Шестоднев* Св. Иоанна Златоустого на бумаге, переведен (Абдаллой) ибн Фаделем.

5. Творения Св. Исаака Сирина, на бумаге, переведены им же.

6. *Лествица* преподобного Иоанна Лествичника у о. Илии Панаиота.

7. *Номоканон*, на бумаге, дан Вифлеемскому монастырю Иерусалимским патриархом Мелетием в 1733 году, 22 января. Нет ни конца, ни имени переводчика, ни года появления этой рукописи. В главе первой говорится о духовнике, во второй об исповеди, в 3-й о гордости, в 4-й о(б) убийстве, в 5-й о разных видах сего греха; напр.: жена убивает своего младенца; солдат убивает неприятеля в сражении с ним. Итак, эта рукопись есть только часть Номоканона, в которой излагается учение об исповеди.

8. *Слово* хури Масаада Дамаскина об истинности православно-кафолической церкви против латин. Отец Илия имеет у себя это Слово и хвалит его, называя пробным камнем истины.

Печатные книги

1. *Профитолог* переведен и напечатан в Алеппо.

2. *Псалтирь*, – Китáb иль-Зибур, в первый раз напечатана в Бейруте 21 мая 1752 года во дни Всесвятейшего кир-кир Сильвестра, патриарха Антиохийского, под надзором достопочтенного епитропа его, шеха Юнеса Николая. В начале её напечатано краткое поучение христианам о кресте, о символе веры и (о) десяти заповедях, о семи таинствах, *Богородице, Дево, радуйся*, о семи заповедях церковных, об евангельских советах и совершеннейшем житии, т. е. о произвольной нищете и проч., о семи дарах Духа Святаго, о трех богословских добродетелях: вере, надежде и любви и о других добродетелях, напр.: о целомудрии, о семи делах милосердия по отношению к телу и о семи по отношению к душе, о девяти блаженствах, о прародительском грехе, о семи смертных грехах, о семи добродетелях, противоположных этим грехам, о шести грехах против Духа Святаго, о четырех грехах, вопиющих на небо. За сим

следует краткое предисловие к Псалтири, в котором между прочим изложено вот что: «Софроний митрополит Птолемаидский (сен-жан д'акрский), когда его спросил иерей хури Иосиф Мерк, триполит, надсмотрщик над типографией, правильна ли рукопись Псалтири, поступившая в типографию Бейрута и согласна ли с переводом Псалтири, который сделал блаженной памяти *шаммас* (диакон) Абдалла ибн ель-Фадель Антиохиец, отвечал, что он, рассмотревши рукопись, нашел в ней ошибки в некоторых словах, ошибки переписчика, произошедшие от маловедения его». После сего говорится, что Софроний, движимый ревностью, исправил все ошибки, сносаясь с подлинником греческим, и что в этом исправлении участвовал вместе с ним логофет Антиохийского престола, Илья Фахр.

NB. Сия печатная Псалтирь принадлежит одному православному христианину в Иерусалиме. А показал ее мне и предисловие переводил о. Илья Панаиоти. [Он же видал и Часослов Малый, напечатанный в Бейруте по-арабски].

3. *Евангелие*, в малый лист, напечатано в Яссах иждивением «славного Даниила» (Антиох(ийского) патриарха? [святительствовавшего с] 1767 [по] 179?). Выходный лист потерян. На нынешнем первом листе читается троестишие.

Σωτήριον κόσμου γ' ὧπασε βιβλόν

Ἐαῖς δαπάναις κλεινὸς οὖν Δανιήλος

Ἔχουσιν αἴαν εὐσεβῶς ἀραβίαν.

Спасительную для мира книгу издал

Своим иждивением славный Даниил

Для православных, населяющих злополучную Аравию.

4. Книга *трех божественных литургий* с иными необходимыми молитвами в первый раз напечатана на языках еллинском и арабском по просьбе бывшего патриарха антиохийского Афанасия, иждивением угровлахийского господаря Константина Бассарабы в святительство Угровлахийского митрополита Феодосия в обители Пресвятой Богородицы, называемой Снягóву, в 1701 году, рукой иеромонаха Анфима Ивирита²⁸⁹.

За этим заглавием следуют: а. похвала в стихах господарю Бассарабе, сочиненных врачом Иоанном Комниным²⁹⁰, б. прошение вышеназванного патриарха, поданное сему же господарю в январе 1701 года о напечатании литургии по-еллински и арабски и в. его же уведомление всех арабских священников о даровой раздаче им оных литургий и о том, чтобы они молили Бога о здравии и спасении господаря.

5. *Часослов*, – Ὁρολόγιον на греческом и арабском языке напечатан в Снягове же тотчас по выходе в свет оных трех литургий, по просьбе того же патриарха Афанасия, иждивением того же господаря Бассарабы²⁹¹, а пожертвован святому Вифлеему уже в 1784 году, 20 марта, Мусলেখом Фегэдим вифлеемитом.

В самом начале арабского текста, после греко-арабского предисловия, напечатано красным чернилом, что «сей Часослов переведен был Антиохийским патриархом Евфимием, уроженцем города Хамы (Епифании), когда он был еще митрополитом алеппским». А пред самым предисловием помещен (следующий) весьма красивый герб угровлахийского господаря Константина Бассарабы воеводы.

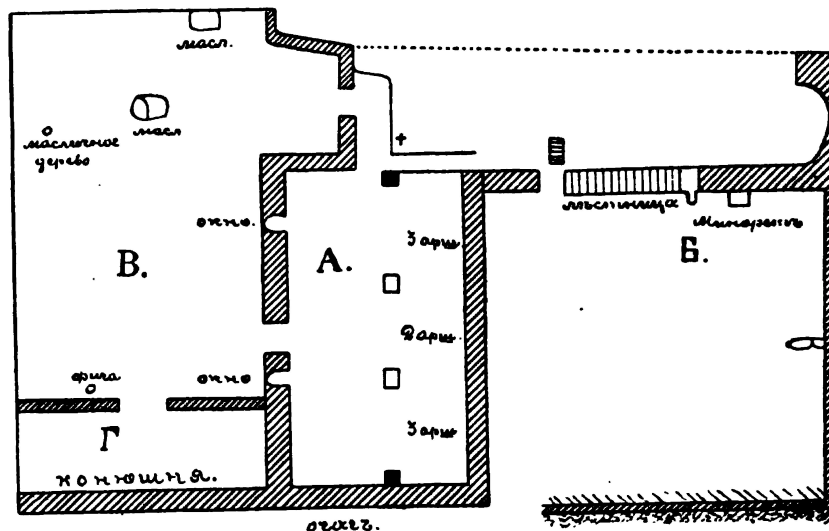

Рис. 16. Герб воеводы Константина Бассарабы.

Χάρις σοὶ Χριστὲ πανσθενὴς Θεοῦ Λόγε,
 Αἰεὶ ταμείων ἕκ γε σῆς ὃς προμάρχους
 Τρανῶς προνοίας ἐξάγεις σωτηρίας.
 Благословение тебе, Христе всесильный, Слове Бога,
 Всегда изводящему из сокровищниц твоего
 Спасительного провидения доблиих воевод²⁹².

После этой картинки напечатаны: а. стихи в похвалу господя Бассарабы, сочиненные врачом Иоанном Комниным; б. прошение Антиохийского патриарха Афанасия о напечатании Часослова по-арабски и гречески; и в. уведомление церквей и монастырей о даровой раздаче им этой церковной книги и о том, чтобы в них возносимы были теплые молитвы о здравии и спасении господя Иоанна Бассарабы.

6) *Κυριακοδόριον*, – *Китаб иль-Мауаёз иль-шариф иля-Атанасиос*. Это – сборник проповедей Иерусалимского патриарха Афанасия II, святительствовавшего в 1236 году, в воскресные и праздничные дни. Сии проповеди в первый раз напечатаны были по-арабски в городе Алеппо иерусалимским патриархом Хрисанфом в 1711 году после того, как одобрили их современные ему антиохийские патриархи Афанасий и Кирилл, как знатоки арабской словесности. А напечатаны они для даровой раздачи арабским церквам и для чтения их в праздники²⁹³.

7. *Κριτὴς τῆς ἀληθείας*, – *Судия истины* Иерусалимского патриарха Нектария против латин на арабском языке. Эта книга напечатана в Яссах 13-го июля 1746 года в 1500 экземплярах в монастыре Св. Саввы Антиохийским патриархом Сильвестром, который приехал в Яссы в 1745 году. А переведена она была с греческой книги хури Масаадам дамаскинцем в Каире. В конце оной книги помещено длинное *письмо в стихах о непогрешимости папы*. Оно написано врачом Евстратием Аргенти, уроженцем с острова Хиоса, а переведено по-арабски оным же Масаадам Нэшу в Каире в 1740 году.

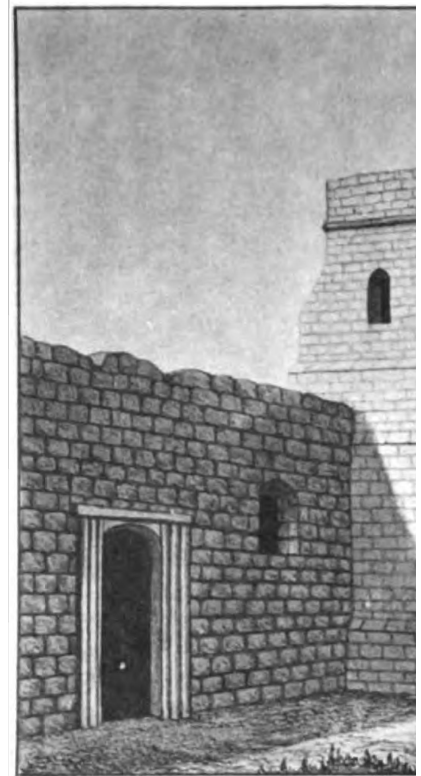
8. Книга Евстратия Аргенти, в 230 страниц, о евхаристии в опровержение латино-римского учения о сем таинстве (κατὰ ἀζύμων), переведена по-арабски хури Масаадам Нэшу в 1740 году в Каире, а напечатана в Яссах 25 февраля 1747 года в монастыре Св. Саввы, попечением Антиохийского патриарха Сильвестра в количестве 1000 экземпляров. В арабском предисловии к этой книге, между прочим, упомянуто, что переведены и напечатаны по-арабски еще следующие сочинения Аргентия:

1. Περὶ τῆς ὕλης τοῦ μυστηρίου²⁹⁴.

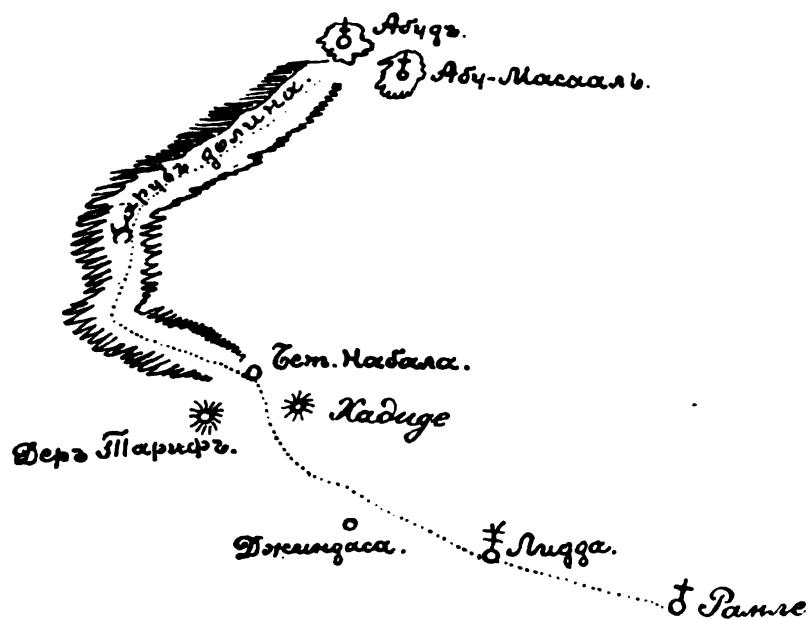

295

2. О пресуществлении хлеба и вина не чрез слова Спасителя:
*Приимите ядите... Пийте...*²⁹⁶

297

298

9. Пётра σκανδάλου, Камень соблазна, 1727 года, напечатана в Алеппо²⁹⁹.

10. Изъяснение Псалтири на арабском языке сочинено скифопольским митрополитом Анфимом в 1787 году, а напечатано в 1791 году, 14 ноября, в Вене, когда сей Анфим был уже патриархом Иерусалимским. Фолиант с портретом сего патриарха.

Infra scriptus testor, in presenti arabico manuscripto contineri 1mo praefationem authoris, in qua rationem reddit, cur presentem versionem instituerit (чтобы арабы понимали Псалтирь, не зевали во время чтения её и умели бы отвечать еретикам), 2° prologum S. Athanasii in psalmos, 3° 150

psalmos juxta versionem graecam septuaginta interpretum cum commentario, ita ut cuique versiculo subjecta sit brevis expositio juxta mentem antiquorum ecclesiae patrum. Viennae. 14 novembr. 1791. Bernardus de Jenisch³⁰⁰.

11. Firma manductio ad veram Fidem. – Твердое руководство к истинной вере Иерусалимского патриарха Анфима на арабском языке, напечатано в Вене 15 мая 1792 года³⁰¹.

Эта книга в большой лист, содержит в себе учение о Боге, о творении мира, о провидении Божиим, о воплощении Сына Божия. Анхим написал ее, когда был еще митрополитом скифопольским. К ней присоединен портрет его.

Firma manductio ad veram Fidem tradit orientalibus christianis Religionis et Ethices principia, et est divisa in 5 partes: opus ob eruditionis et linguae arabicae elegantiam omni laude dignum. Imprimatur. Hoffinger secretarius³⁰².

12. О. Илия Панаиоти говорил мне, что есть сокращенный *Часослов* на одном арабском языке, изданный Антиохийским патриархом Сильвестром.

Кстати отмечаю памяти ради, что отец Ильи, кроме того, что ознакомил меня с арабскими рукописями и книгами, какие нашлись в Вифлееме, по моей просьбе, сходил в Ильинский монастырь, списал там арабскую надпись на гробнице вифлеемского епископа Илии и перевел ее для меня по-гречески. Вот что гласит эта надпись:

Εἰς τὸ ὄνομα τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος καὶ αἰώνιου
ἐγένετο ἡ ἀνάπαυσις τοῦ πνευματικοῦ πατρὸς καὶ
ἀγαθοποιοῦ, εὐσεβοῦς καὶ εὐλαβεστάτου, τοῦ
γινωσκοντος καὶ ποιοῦντος, δεσπότης ἡμῶν καὶ
ἐπισκόπου κυρίου Ἰηλῆ τοῦ μαχτ-ηλ-σερίφ τῆς ἁγίας
Βηθλεέμ, καὶ ἐπιστάτου τῶν μοναστηρίων τῆς
ἐρήμου τῆς Ἱερουσαλὴμ, ἡμέρα β', κζ' σептемβρίου
ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ,ζωνν' νὰ μᾶς ἐλέησῃ ὁ
Κύριος διὰ τῶν εὐλογημένων αὐτοῦ εὐχῶν. Καὶ
ἔλεος ἐπ' αὐτῷ διὰ πρεσβειῶν τῆς Θεοτόκου.
Во имя Бога живого и вечного было успение
отца духовного и благодетельного,
благочестивого и благоговейнейшего, ведущего
и творящего, владыки нашего и епископа
господина Илии махт-ел-шерифа святого
Вифлеема и благочинного монастырей пустыни
Иерусалимской, в день понедельник 27
сентября, в лето от создания мира 6853. Да,
помилует нас Господь ради благословенных
молитв его. И милость на нем молитвами
Богородицы.

Этот епископ скончался в 1345 году от Рождества Христова. Следовательно, от кончины его до 1848 года прошло 503 года. Тогда еще существовали пустынные монастыри в области Иерусалимского патриархата.

Отправляясь в Вифлеем, я взял с собой известные у нас *патриаршие грамоты об учреждении Св. синода с приложением к ним православного исповедания восточно-кафолической церкви* в греческом подлиннике (1840 г.) и в русском переводе их (1838 г.), дабы удостовериться в точном сходстве того и другого. И что же? Нашел наш перевод их неточным во многих и многих местах и приступил к исправлению его, но исправил кроме грамот только шестнадцать определений (ῥος) вероисповедания, отложив остальное исправление до другого, более досужего времени³⁰³.

Кроме всех этих занятий я пересматривал и исправлял переводы состоящих при мне лиц³⁰⁴.

Август. 14, Суббота. Сегодня перед вечерней все мы выехали из Вифлеема в Иерусалим. Со мной прибыл сюда и недуг моих ясных очей.

VI. Пребывание в Иерусалиме.

Август. 16, Понедельник. Я живу в Св. Граде, держу в руках свои перо и первое всего пишу о водворении нашей духовной миссии в Архангельском монастыре.

В одиннадцатом часу дня я ходил к патриарху Кириллу и просил его благословить нас переместиться в названный монастырь. Он благосклонно выслушал эту просьбу мою и объявил мне, что благословение на это будет дано им и всем Священным синодом его после вечерни, к которой и пригласил нас.

Настал час вечерни. Все мы отправились в патриаршую церковь Константина и Елены и там выслушали [вечерние] уставные молитвы. По окончании их митрополит Петры-Аравийской Мелетий, архиепископ газский Филимон, архиепископ неаполийский Самуил, архиепископ севастийский Фаддей, два синодальные архимандрита, делопроизводитель архимандрит Никифор, я и мои, все мы пошли к патриарху в его покои. Здесь его блаженство объявил синоду своему, что мы сегодня переходим [жить] в Архангельский монастырь [который отдается нам в заведование] и будем жить в нем и совершать богослужение на родном нам наречии, но не хозяйствовать, (чего я не домогался). Последовали общие благословения, благожелания и

извинения в недостатках. «Постепенно будет устроено все надобное для вашего спокойствия», – говорили владыки.

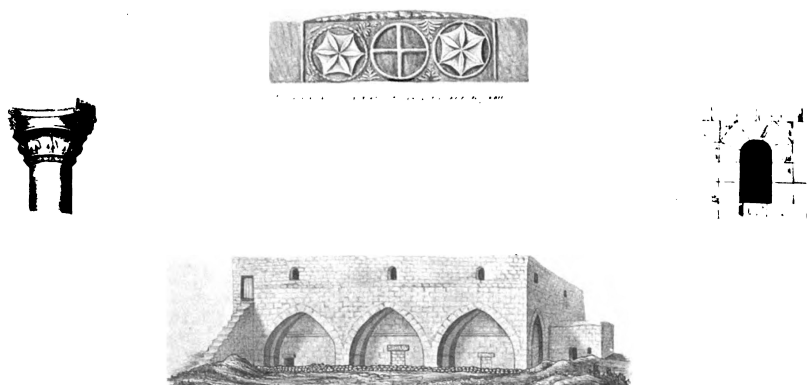

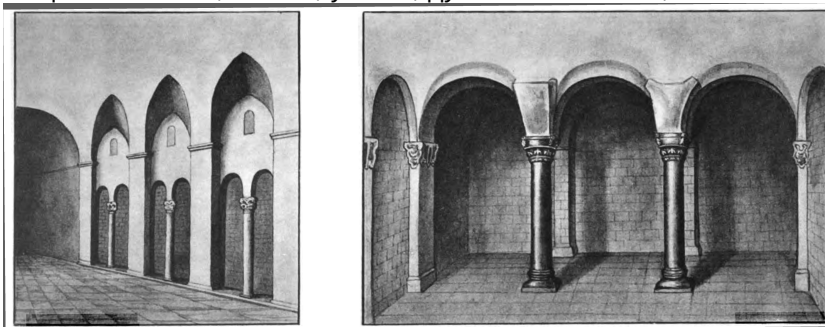
Рис. 17. Архангельский монастырь в Иерусалиме.

Я [со своими] благодарил их, как мог, за радушный прием [нас] и за помещение нас в наилучшем монастыре Св. Града и, приняв их благословение, водворился в данной нам святой обители.

17, Вторник. В шесть часов пополудни совершенно было мною освящение воды и отслужена божественная литургия с благодарным молебном и возгласием многолетия нашему царю, Св. синоду и Иерусалимскому патриарху.

Как же разместились мы в Архангельской обители?

Разместились так, как показаны горницы наши на приложенном к сей книге моей плане верхнего этажа: я в пяти комнатах с двумя коридорцами при них на северной линии [стороне] от церковного купола, иеромонах Феофан и переводчик – на западной линии, студент Крылов, смежно с приемной горницей на южной линии от купола, студент Соловьев в северо-западном углу обители, в трех клетях, из которых одна видом своим походит на рояль, мой слуга Иван – смежно с Соловьевым на западной линии. В нижнем этаже, под приемной горницей, была устроена наша столовая и около нее – кухня с помещением для повара, а под жильем переводчика и иеромонаха сбережены две комнаты для иеродиакона и гостя дорогого. Остальные кельи в нижнем этаже назначены были для русских поклонников духовного звания³⁰⁵. Таково наше помещение! Тесное, низкое, убогое, душное! Без печей, но с оконницами!

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 18. Архангельский монастырь в Иерусалиме.

Порядок нашей жизни однажды навсегда установлен был мною такой.

Богослужение в одни воскресные и праздничные дни совершаемо было нами на церковно-славянском языке по церковному уставу чинно и применительно к греческому обряду, так что обедня начиналась очень рано; в начале её петы были целые псалмы *Благослови и Хвали душе моя Господа*³⁰⁶, а на великом выходе, при соборном служении, произносим был возглас: *Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем*, сперва на северной стороне церкви, потом на западной и южной и, наконец, в середине её молитвенно воспоминаемы были благочестивейший государь со всем семейством его, Св. синод наш и патриарх иерусалимский. Так как местные

христиане, чествуя икону архангела Михаила в занятом нами монастыре, обыкли по понедельникам слушать обедню на родном языке, то сей обычай не только был поддержан, но еще обращен в повод к утешению их выдачей жалованья (34 р. в год) арабскому причту и допущением благовеста в монастырский колокол, чего с давних времен не сподоблялись наши единоверцы в Иерусалиме.

Природная склонность моя к порядку и приличию, поддерживаемая памятованием апостольской заповеди пресвитеру, – *добре правити домом своим*³⁰⁷, отражалась в домашнем быту нашем. Все наши кельи, столовая, приемная, горница и все службы снабжены были необходимыми вещами и убраны были пристойно и скромно. А бережливость при частой проверке целости всех вещей и при строгом наказе всем и даже слугам платить их стоимость в случае утраты или повреждения их, сохраняло все имущество миссии без ущерба. Все наемные служители у нас были православные арабы из честных семейств. Каждому из них назначено было свое дело и в свое время, в предотвращение замешательств и ссор между ними. Достаточное жалованье им, обхождение с ними, как с домочадцами, а не как с рабами, и порядок в хозяйстве удерживали их при миссии и они служили нам верно, честно и *с ол атоге*, – с любовью.

Общее чаепитие в приемной горнице, общий завтрак и общая нескучная трапеза в столовой с виноградным вином, выписываемым из Марселя, предлагаемы были в определенные часы с молитвами. Все являлись к нарядному столу в пристойных одеждах. Насыщение тела соединялось с питанием души. Во время чаепития, завтрака и обеда всегда шли ученые разговоры на языках арабском, греческом и французском, так что гостиная горница или столовая служила школой языкознания и разнообразного ведения. Что касается до гостеприимства, то оно согласовалось с местными обычаями и обстоятельствами. Редко мы давали званые обеды. Но нередко разделяли с нами трапезу греки, арабы, сириане, копты, англичане и русские поклонники.

Дверь моей кельи всегда была растворена настежь в точном смысле этого слова. Но я принимал всех приходящих ко мне, обыкновеннее, в три часа пополудни, дабы утреннее и предобеденное время не пропадало для науки и монашеского безмолвия и дабы в минуты отдыха от занятий можно было спокойнее, вежливее и с пользой беседовать со своими, с гостями, или с просителями. Исключение из сего правила было сделано только для иерусалимских владык и европейских консулов, но и они уважали это правило мое и сообразовались с ним.

Денежное жалованье все мы получали в свои руки и клали в свои карманы. А так как некуда было тратить его по причине *строгого* общежития, то у каждого из нас оставались значительные сбережения пенязей [денег]. Я выписывал из Европы очень много книг, но за всем тем не был беден.

Степенности нашего жития способствовали ученые занятия.

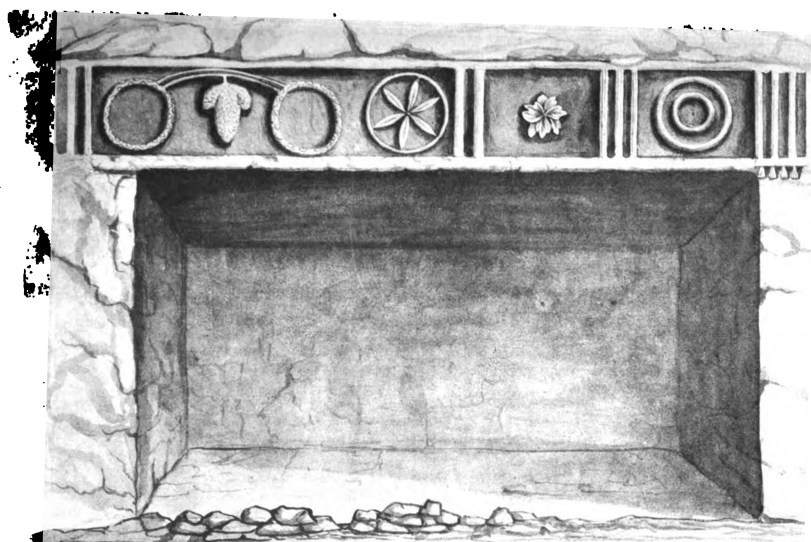
18, Середа. Утром патриарх Кирилл прислал ко мне своего эконома спросить, что и что нам нужно. Я ответил: нам нужны [доставьте нам]: масло коровье и деревянное, рис, угли, дрова, и диван и шкаф в комнату, назначенную для переводчика и учителя арабского языка. Все это было доставлено нам и изготовлено.

Сегодня вычищена и вымыта наша монастырская церковь. В паперти её оказалось много мусора и пыли, а под стоялами, – *οτασίδια*, жила змея, которую мои люди убили.

21, Суббота. Отцы Саввинской обители прислали мне на новоселье хлеб-соль и виноградное вино. Спаси их Бог.

22, Воскресенье. Здешние арабские священники и учителя приходили поздравлять меня с новосельем. Но я не мог принять их с завязанными глазами.

24, Вторник. Был у меня филадельфийский епископ Иоанникий. Я едва-едва упросил его написать свое имя и титул, кои помещаю здесь памяти ради.

По заверению его, предместниками его были Фаддей, ныне архиепископ севастийский, а пред ним – Дионисий, – ныне вифлеемский, пред этим же Прокопий, скончавшийся.

25, Середа. Нанят для услуг в кухне и в комнатах студентов здешний православный христианин Юсеф, 19-тилетний, за 50 пиастров в месяц.

31, Вторник. Русская монахиня Улита, бывшая игуменья Екатерининского монастыря в Иерусалиме, прислала мне на новоселье образ Св. Нила Столбенского. На обороте его написано на тафте: «Сей образ из Ниловой пустыни поднесен Великой Княжне Елисавете Алексеевне 1801. – Пожалован Государынею Елисаветою Алексеевной 1807 года полковнице Марфе Булыгиной. В 1840 году пожертвован ко Гробу Господню».

Сентябрь. 4, Суббота. Беру в руки другое перо [для описания других предметов] и пишу им [кое-что] иное.

Сегодня приготовлены [написаны] мною нашему посланнику В. П. Титову четыре подробные извещения о водворении нашей миссии в Архангельском монастыре и прошение о дозволении мне приехать в Константинополь для лечения недужных глаз моих³⁰⁸.

7, Вторник. Глаза мои тяжки; надобно полечить их в Бейруте или Царьграде.

Сегодня я письмом просил главного святогробского грамматикоса монаха Анфима посылать к нам сына повара нашего, малолетнего Ставри, учиться русскому языку. –

Jettez cette étincelle parmi mes élèves. Vous êtes sage et juste: Vous accomplissez donc votre promesse³⁰⁹. Даровитый белокуренький мальчуган учился у нас.

10, Пятница. Патриарх прислал в мой монастырь афонских монахов, пришедших на поклонение Гробу Господню.

14, Вторник. Был у нас русский монах о. Савва, давно спасающийся в монастыре Св. Саввы Освященного. От него мы узнали вот что. В Иордане водится рыба большой величины. По сю сторону этой реки бродит много диких свиней. Их никто не бьет. Они робки. В Саввинском монастыре казначей Св. Гроба на свой счет отделал помещение у северной стороны соборного храма и над ним построил четыре кельи.

От о. Саввы мы слышали пословицу:

Копна с поля возится,

Шуба с кафтаном свидится.

19, Воскресенье. В четыре часа пополудни я с отцом Феофаном посетил патриарха Кирилла. Мы застали его одного в гостиной горнице. Сначала была речь о глазной болезни моей. В этот раз я объяснял ее действием луны, проникавшей в мою спальню и светившей прямо в глаза, из которых правый у меня бывает полуоткрыт в часы сна и это мнение свое основывал на словах Давида: *во дни солнце не ожжет тебе и луна ночью*³¹⁰. Ибо, по заверению толковников Псалтири, луна в Палестине производит жгучую боль в глазах. Патриарх согласился с этим мнением моим, а на вопрос мой о здоровье его ответил, что он здоров, но беспокоится и скорбит об угрожающей кафедре его нищете от неполучения доходов с имений, принадлежащих Гробу Господню в Валахии и Молдавии.

– Днем и ночью, – говорил он, – я думаю, беспокоюсь и боюсь, как бы мы не пришли в прежнее несчастное состояние и как бы не надеть нам торбы на спину и не пойти по миру. Но кто и где подаст нам милостыню? Российскую державу просить нам запрещено; валахи и молдованы лишают нас насущного хлеба; Великая церковь Константинопольская не позволяет нам повального сбора подаяний. Это решение её жестоко. Кто вправе запретить христианам жертвовать Гробу Господню, кто что может? Все мы подали прошение Порте о продолжении [поддержании] неприкосновенности наших имений в княжествах; она не ответила нам. Подали прошение российскому посольству о том же; оно не ответило. Повторили прошения. Ответов нет.

– Что касается российского посланника, – сказал я, – то он не может решить ваше дело без указаний с Севера.

– Знаю это, – говорил патриарх, – и недоумеваю, что будет с Гробом Господним и с прочими Святыми местами и монастырями. Деньги нам нужны. Дорого обходится содержание храма и монастыря нашего, дорого стоит ежедневная раздача хлеба и теплого варева здешним бедным семействам. Я во время посещения церквей палестинских издержал более 200 000 пиастров. Тяжба с франками за похищенную звезду и за кладбище в Вифлееме и за Голгофское дело стоила нам 200 000 пиастров. Починки в монастырях и церквях требуют расходов. Арабы домогаются уплаты за них податей.

– Я надеюсь, что Бог вас не оставит.

– Одна надежда на Бога, – проговорил патриарх и переменял речь. – Австрия еще не сладилась с Италией. Итальянцы просили у папы посредничества, но он медлит. Во Франции продолжается борьба партий. А в Валахии и Молдавии турки в числе 30 000 стоят лагерем; там же и русские войска.

– Когда успокоятся княжества, – сказал я, – тогда займутся и делом об имениях церковных. Я уверен, что Россия поддержит Гроб Господень. А теперь недоумеваю, как молдавский господарь Стурдза решился отнимать имения у Святых мест.

– Он увидел успех господаря Бибеска и стал подражать ему. После того, как провозгласили меня патриархом, я писал к нему и величал его защитником и покровителем Св. мест. Он отвечал мне, как духовное чадо. Во второй раз я писал к нему и, извещая его о нашем синодальном решении служить литургию и совершать поминовение родителей его, в день именин его, в монастыре архангела Михаила, просил его прислать нам помянник. Он прислал эту книжицу и собственноручным письмом благодарил меня за пастырское попечение о спасении души его и родителей его. Таким образом, мы были успокоены. Но вдруг князь переменялся и вот уже с год не высылает нам доходов с наших имений. Этого мало. Он выдумал странное дело: просил меня письмом, чтобы я прислал ему синодальное удостоверение, с именными печатями членов Синода, что все мы довольны милостивыми распоряжениями его касательно святогробских имений. Это удостоверение он послал бы российскому государю. Я обдумал это дело и, прозрев хитрость и *сети ловчи*, ответил ему, что нам воспрещено утруждать письмами государя Николая, и потому мы не смеем послать испрашиваемое удостоверение.

Это известие патриарха удивило меня и я обмолвился: «Какое коварство! И от кого? От православного князя, которому стыдно и грешно лукавить пред патриархом!»

Наше собеседование кончилось моей просьбой отдать просторную [большую, праздную] келью в женской обители *Большой Панагии* русской монахини Анне за 3 000 пиастров и согласиём его на мою просьбу с уступкой ей сей кельи за половинную цену.

20, Понедельник. Ежели Святые места лишатся своих имений в княжествах, то более всех обеднеют [пострадают] Синай и Афон, потому что туда мало кто ходит молиться. А Гроб Господень не останется без поклонников и без их приношений.

Удивляет меня безрассудство бояр валахских и молдавских. Отнимая имения у церкви Божией, они роют бездну под своими ногами. Ведь, духовенство не преминет внушать народам, что ежели церковные имения не священны и прикосновенны, то боярские тем паче. Крестьяне обрабатывают земли бояр, пусть они и разделят их между собой, а бояре пусть кормятся [живут] своими трудами. Князи и бояре, лишая церковь имений, вводят раздел между нею и государством. Хорошо! Пусть они ставят [утверждают] средостение между ними. Но мы, духовные, проклянем их, останемся в союзе с народом и будем читать ему *Les paroles d'un croyant et livre du peuple*³¹¹ аббата Ламеннэ. Тогда братство исчезнет с лица земли, унесенное в вечность потоками крови его, а церковь и духовенство останутся у народов, которые могут жить [благополучнее] без бояр, но не могут существовать без религии. Sic! – Во Франции сила отняла

имения у церкви, зато коммунизм угрожает тамошним владельцам и богачам полным разорением. А где там король, князи, бояре? Дворники метлами метут их короны и шляпы. Netoyage en grand!³¹²

Монахине Анне, будущей просфирне нашей, я дал 3000 пиастров. А она отдала их патриарху.

21, Вторник. Утром я был у петроаравийского митрополита Мелетия и слышал от него новости. Вчера он ходил к сардинскому консулу поздравлять короля его с днем ангела. В заиорданском городе Караке, в строящейся церкви Св. Георгия, упал потолок (θόλος) в прошлом июне месяце. А строится она на новом купленном месте. С нею будут соединены приходское училище и кладбище. Старая же церковь, развалившаяся, находится в магометанской части города, далеко от жилья христиан. Посему она и покинута.

От преосвященного Мелетия я прошел в святогробский храм и тут молился у Гроба Господня и на Голгофе, а оттуда по соседству заходил к игумену Авраамиевского монастыря. Но он был занят своим хозяйством и озабочен. Посему свидание мое с ним было минутное.

Вздумалось мне побывать у архимандрита Афанасия Дамаскинца. Но его не было дома. А вечером сам он явился ко мне и сообщил ливанские новости. В Бейрут еще не посвящен новый архiereй. Тамошние христиане желают иметь своим архипастырем его, Афанасия, а патриарх Мефодий прочит туда игумена Хаматурского монастыря Исаию, племянника покойного митрополита бейрутского Вениамина. Но бейрутцы воспротивились ему так сильно, что он принужден был распустить Синод свой, который составляли архiereи триполийский Иоанникий, аркийский Захария, лаодикийский Варнава и тиросидонский Исаия, и сам уехал в ближний монастырь Св. пророка Илии. Исаия не люб, потому что он грек и потому что, управляя монастырями Бейрутской епархии, нажил себе деньги, а монахов разогнал. Патриарх Мефодий объявил христианам, что если они не желают Исаии, то сам он будет пастырем их. «Хорошо! – ответили они, – мы принимаем тебя, но тогда, когда ты отречешься от патриаршества и останешься лишь [нашим] бейрутским владыкой». Арабский священник, дамаскинец, о. Спиридон (которого я видел в сирийском городе Триполи в 1843 году), послан был патриархом в Диарбекир на полгода для введения церковного порядка у присоединившихся там к православию униатов. Срок его кончился 1 сентября. Иерусалимский патриарх желает иметь его учителем арабского языка в здешней, будущей, семинарии. А о. Спиридон не отказывается потрудиться при апостольской кафедре в Св. Граде.

23, Четверток. Отплачиваю за посещения посещениями. Выслушиваю новости и записываю их. Живущему на востоке надобно знать его многосторонне.

Посетил я преосвященного, вельми благообразного, старца, севастийского архиепископа Фаддея. Он расхваливал мне ангорских, весьма тонкорунных коз и кошек с большими пушистыми хвостами и поведал, что подле города Ангоры, находятся два озера, в которых русские раскольники ловят рыбу.

Посетил я газского архиепископа Филимона и узнал от него, что духовное чадо его Авраам Джегшен с сынами своими опять получил должность письмоводителя у газского мусселима, но после того, как издержал 6000 пиастров, продавши наряды своей жены.

Был я у неаполийского архиепископа Самуила. Но он не мог принять меня по нездоровью своему. У него болит нога.

Свиделся я с архимандритом Афанасием Дамаскинцем. Вот новости от него. В Лидде магометане недавно отставили от письмоводительской должности православного христианина по проискам католиков, которые успели его заменить своим единоверцем из Ремли. В Иерусалиме, Лидде, Ремли, Яффе и Акре письмоводители у магометан все католики. Это опасно. Как бы православные и в Св. Граде не сделались униатами, когда униатский патриарх Максим окончит здесь постройку своего монастыря и церкви. Нашему патриарху Кириллу надлежало бы держать в здешнем мекеме своего представителя для защиты православных христиан. Но он медлит.

NB. В Иерусалиме уже водворились католические сестры милосердия и скоро откроют училище для девочек.

24, Пятница. Утром я объявил своим, что наши отношения к Турции неприязненны и присоветовал быть готовыми к отъезду при первом известии о войне.

Ночь тиха и светла. Небо чисто. Луна серебриста. Звезды блистают. На небе мир. На земле смуты, тревоги, мятежи, плач и рыдание, столкновение противоположных понятий, разгар страстей ума и сердца. Тайна Божия деется в Европе. Кто одолеет? Титаны или Зевес? Вскую ли

шатаются языцы? Италианцы составят ли единую и нераздельную державу под управлением короля, но не папы? Кончилось ли дипломатическое время князей церкви? Немцы соединяются ли в единый и нераздельный народ? Славяне сольются ли в один огромный и нераздельный колосс? Индия будет ли независима от *рыжих*? Совершится ли и повсюду ли совершится отделение государства от церкви? Освободится ли религия от гнета государственной власти? Всюду ли будет греметь свободная, сердечная проповедь? Заменятся ли правительственные армии народными ополчениями? Будут ли праздники во славу и честь не людей, а добродетелей? Возникнут ли общества усовершенствования красоты и мужественности мужчин и женщин? Напишутся ли законы в сердцах, а не в книгах? Исчезнут ли таинственность и суеверие из области веры и ведения? Явится ли *Сын человечества*, всесовершенный для того, чтобы уяснить и определить всесторонне существование человеческое, и *вовреци не огонь и меч* на землю сию, а мир и благополучие?

Легко спрашивать, а трудно отвечать. Припоминая все оные вопросы, я сознаю, что кроме мудрости земной, есть мудрость небесная, что последовательные идеи человечества суть идеи Логоса, – Слова Бога, что колебание и обновление народов суть сотрясение от Всевышнего, Премудрого, Всеблагого, Всемогущего Существа.

Иду молиться Ему. Κύριε ἐλέησον.

25, Суббота. Каков должен быть Всесовершенный Сын человечества? И что Он должен совершить?

Буду думать об этом. А на первый раз скажу, что Он должен быть отблеск сияния Славы Божией и красен лицом, мудростью, добротой и святостью паче всех человек.

Меня посетил святогроб(ский) архимандрит Стефан. Он был таксидиаром в Сerrасе и Алеппо.

Правый глаз болит. Пластырь не производит раны. Nescio quid faciam!³¹³

26, Воскресенье. Сегодня я служил обедню в своей церкви. С нами молились кроме монахинь Екатерининской обители, три женщины из Москвы. Они в прошлом году ездили в Барград на поклонение мощам Св. Николая Чудотворца. Одна из них очень бойка.

Сегодня в первый раз в жизни начал читать Платона, философа греческого, именно его Πολιτεία.

Много хорошего, умного и изящного и высокого в сем творении! Мне нравится, как Платон изгоняет из своего государства суеверие и понятия о Боге, недостойные Его. Суеверие есть великое [ужасное] зло.

Сын человечества должен спасти род человеческий не страданиями своими, а установлением общества или церкви, в которой были бы ясно определены [все] главные стороны существования людей. Под сим определением я разумею начертание идеалов, например воинства, верховной власти, поземельной собственности, супружества и пр., и пр.

Буду продолжать читать Платона, для того чтобы узнать: был ли он сын человечества? И его идеи могут ли быть осуществлены в целом человек(еском) роде?

Начала грудь болеть. O me infelicem!³¹⁴

28, Вторник. Вифлеемский о. Илья принес мне летопись арабскую Александрийского патриарха Евфимия, переписанную им со старинной рукописи его. Я дал ему 15 руб. за труд его.

По заверению его, не все магометане удалены из Вифлеема, а только два шеха, которые, враждуя между собою, возмущали весь Вифлеем. Оба они теперь содержатся в Иерусалимской тюрьме.

Октябрь. 1, Пятница. Приготовлено мною письмо на греческом языке к Антиохийскому патриарху Мефодию о приискании в Дамаске учителя арабского языка, для нас, молодого, холостого и добронравного.

3, Воскресенье. Рассказываю неожиданность. Явился ко мне здешний английский миссионер, выкрест, Синанки, I. E. Sinyanki, senior of the Hebrew college³¹⁵, родившийся в Белостоке и Божиими судьбами в Англии принявший христианскую веру. Завязался между нами разговор.

Он. Учредит ли государь император в Петербурге комитет для обращения русских евреев в христианство? Если учредит, то я поехал бы туда потрудиться в этом комитете по любви моей ко Христу.

Я. В России многие евреи принимают православную веру без комитета, без миссионеров. На что же нам комитет?

Он. Ежели евреи у вас крестятся без содействия комитета и миссионеров, то при помощи их крестились бы в гораздо большем числе.

Я. Предполагается это. Но для чего употреблять два средства к достижению известной цели, когда достаточно и одно? Притом вы протестант. Какое же вероисповедание вы будете сообщать нашим евреям?

Он. Я буду говорить им только о Св. Троице и об Иисусе Христе.

Я. Хорошо. Вы будете давать им хлеб и воду, но в каких сосудах?

Он понял меня и сказал, что просвещаемые им евреи могут креститься и молиться по обряду нашей церкви.

Я. Но не странно ли? Проповедник будет чуждаться Русской церкви и обрядов её, а слушателям своим станет советовать то, чего сам чуждается?

Он. Итак, невозможно учреждение еврейского комитета в России?

Я. Возможно, но крайне затруднительно.

Он. А во мне пылает ревность исполнить заповедь Спасителя: *Шедше, научите вся языки*³¹⁶.

Я. Пишите и печатайте книги для обращения евреев ко Христу. Ведь и книга – миссионер. После этих слов я поведал собеседнику, что в Петербурге при духовной академии профессор еврейского языка, Василий Левисон из крещенных евреев, перевел нашу литургию на этот язык.

Припоминали мы и некоторые пророчества об Иисусе Христе. Но оказалось, что он понимает их по-своему; например, в словах Исаии: *род же его кто исповесть*³¹⁷ не проразумевает предвечного и непостижимого рождения Сына Божия от Бога Отца.

Пылкий молодой миссионер обещался подарить мне еврейскую Библию и на другой же день исполнил свое обещание, прибавив к ней и французскую Библию. Он навязывался учить меня по-еврейски, но я [отказался] заметил ему, что и без помощи его читаю книги ветхозаветных бытописателей и пророков.

Глаза болят. [Написал отношение в генеральное консульство наше в Бейрут о четырех грузин(ских) надписях в Иерусалиме]³¹⁸.

Вчера я окончил чтение Республики Платона.

Нет. Платон не есть сын человеческий! Ибо он не осуществил и не мог осуществить своего умозрительного построения наилучшего в свете государства. Превосходны его рассуждения о справедливости и несправедливости, о внутреннем совершенстве и несовершенстве людей и блаженстве их, о религии, философии, поэзии, о человечности в бранное время и проч. Но есть у него идеи странные, бесстыдные, шаткие и неосуществимые. Итак, он подвергает ее (республику) всем ужасам фанатизма.

а. Платон изгоняет из своей республики имеющих и проповедующих ложные понятия о Божестве.

б. Платон предлагает общение жен и тем делает насилие природе человеческой, именно сладким и нежным чувствам материнства и сыновства, любви и стыдливости.

в. Платон освящает рабство, дабы свободные граждане имели досуг заниматься общественными делами.

г. Платон безжалостен к детям чахлым, неисправимым, незаконнорожденным; ибо велит их убивать. Какой же он сын человечества?

д. Платон не дает символа веры и следоват(ельно) не умеет объединить род человеческий под одним знаменем единой веры.

е. Послушать рассказ его о переселении душ – бредни!

Идеи Платона о республике походят на цветок с крапивой и терниями и волчцами или на музыку, в которой неприятно и неверно стучат и бренчат барабаны и расстроенные скрипки.

Зовут обедать.

[5, Втор(ник). Ездил со своими в Вифанию. В усыпальнице Пелагеи на Елеоне есть надписи, – у гроба её, на стене].

9, Суббота. Любо мне жить в Иерусалиме, где я господин своего ума, своей воли, своего времени и дела, но болезни едва ли не выгонят меня из этого рая.

11, Понедельник. Переплетчик еврей Шлемка сказал мне, что в Табарии (Тивериаде у Генисаретского озера) померли от холеры 50 человек.

12, Пятница. Ночью я страдал от биений в животе. Утро дождливо и туманно.

17, Воскресенье. Глаза мои болят. Увы!

Патриарх Кирилл выздоровел, а был жестоко болен в течение 10 дней лихорадкой и чревным недугом (не холерой). На ноги поставил его доктор английский.

Весьма утешительно верить, что наше бытие не прекращается смертью. Помышление о вечном существовании, о вечном усовершенствовании ведения и любви и о восхождении от блаженства к блаженству пред лицом Бога, в сонме тьмочисленных духов, это помышление улаживает душу. Ужели оно мечта? Ужели это сон нищего о богатстве? Нет! Душа хочет жить вечно. Почему? Или потому, что воспоминает о прежнем бессмертном существовании своем до вочеловечения, или, правильнее, потому, что, создавая в себе непрерывающуюся деятельность, создает себя способной к деланию вечному.

Душа не хочет быть богом, потому что признает это невозможным, не находя в себе полноты совершенств Божиих в неизмеримой степени их. А она же хочет существовать вечно. Стало быть, хотение и нехотение её разумны, отчетливы, а не мечтательны и безрассудны. Человек бессмертен вдвойне, – в прошедшем и будущем.

23, Суббота. Воля человека есть сила его. Этой силой он творит многое, доброе и злое, но не все, что придумывает и чего желает. Бывают обстоятельства, когда живешь, не как хочется, а как приходится. Болят глаза? Хочешь ехать в Константинополь лечить их, а тебе денег оттуда не высылают. Сиди, жди и болезнуй. Есть некое распоряжение судьбой человека, независимое от него. Его называют провидением Бога, и справедливо. Ибо как иначе назвать то сближение обстоятельств, которое не в моей власти? Случаем? Роком? Ох, не люблю я бессмысленных слов и неясностей. Бог есть кормчий на моем челне! Вот слова так слова, – понятные, приятные, воодушевляющие, золотые!

Итак, Порфирий, действуй сам, пока действовать можешь. А где твой разум мутится, и твоя воля оказывается бессильной, там жди вдохновений или маний свыше, и жди в безмятежном покое, опираясь на веру Премудрого, Всевятого, Всеблагого и Всемогущего Отца Твоего небесного, как на гранитное подножие.

Преданность воли собственной воле Божией не есть слабость души, а только успокоение её и выжидание знамений свыше, указывающих деятельность лучшую. Так, отдых на пути в горах Палестины не есть доказательство потери сил, а только освежение их для дальнейшего следования.

25, Понедельник. Вчера и сегодня я долго беседовал с о. Феофаном. Он не хочет жить в Иерусалиме, под предлогом неспособности ни к миссионерским, ни к ученым занятиям. Я всячески убеждал его оставаться здесь и освобождал от этих занятий, если он пожелает сего, поставляя ему на вид, что благочестие и благонравие его здесь нужнее всего, предполагая же, что ему, как бывшему бакалавру духовной академии скучно же будет от безделья, предложил ему перевести по-русски грамоты греческих патриархов о Синайском монастыре. Но он отказался от сего легкого занятия, говоря: пусть переведут их студенты. Отказ его огорчил и взволновал меня. Под влиянием этих чувствований я возвысил свой голос и сказал ему вот что: «Отец Феофан! Вам предлагается дело сподручное, вас просят перевести не комедии Аристофана, а такие патриаршие грамоты, коих содержание нужно знать нашему началству, дабы оно могло иметь верные понятия о независимости Синайской обители, о посвящении игумена в сан архиерейский патриархом Иерусалимским и о причислении мирской паствы синайского архиепископа к области сего патриарха. Эти понятия дадут верное направление участию нашей дипломатии в известной тяжбе александрийского первосвященника с Синайским монастырем касательно совершения литургии в церкви Синайского подворья, находящегося в Каире». Но и эта речь не вразумила собеседника моего. Он опять отказался от предложенного ему занятия. Тогда я внушил ему, что 12-м параграфом данной мне инструкции мне предоставлено право назначать ученые занятия всем членам вверенной мне миссии и что только гордость, непослушание, своеволие могут устранить это право мое.

Выслушав это, Феофан снял с себя личину и сказал мне: «Душа моя расстроена от ваших разговоров с нами».

Я ответил ему: «Спасибо за откровенность. Но мои разговоры с вами были историко-богословские прения. Они памяты мне. Вы полагаете, что монахи существовали при апостолах, а я прочел вам слова Св. Иоанна Златоустого: *«Во время апостолов не было и следов монашества»*. Вы думаете, что даже и те христиане, которые веруют, каются и творят добрые дела с помощью благодати Божией, находятся под властью или под влиянием злых духов. О вас преосвященный Иннокентий перед отъездом моим в Св. Град говорил мне, что вы, живя в

академии, ежемесячно святили воду и кропили ею все уголки и все щелочки вашего жилья там, воображая везде тут гнездящихся злых духов. Зная это, я говаривал, что благодатью Божией, которая преподается нам в таинствах, мы крепче диаволов и что стыдно нам извиняться во грехах лишь наваждением бесовским; лучше бы с сердечным сокрушением признаваться, что мы сами не хотим пользоваться данной нам властью над духами злобы. Припомните рассказ мой о нитрийском авве Памве, которого спрашивал один пустынник: «Почему злые духи препятствуют мне делать добро ближним?» Св. авва отвечал ему: «Не говори так и не вини Бога во лжи. Говори лучше: я сам не хочу быть милосердным. Ведь Бог сказал: *даю вам власть наступати на змию и на скорпиона и на всю силу вражию*³¹⁹. Почему же ты не попираешь этих злых духов. Такие разговоры мои не могли расстраивать души светлой и крепкой».

Все это я высказал Феофану братски. Наконец, он согласился переводить патриаршие грамоты, но не пожелал продолжать священнослужение свое в Иерусалиме и настаивал подать прошение об отставке.

– Подавайте, сказал я ему, но в начале нового года. Последние два месяца даются вам на размышление. Подумайте и о том, что Св. синоду весьма неприятно будет возвращать вас на казенный счет, когда вы сами пожелали ехать в Св. Град и послужили в нем лишь несколько недель.

26, Вторник. Посев мой пал на добрую почву. Феофан одумался и остался в Иерусалиме. Сегодня уехал из Иерусалима сириано-униатский патриарх Максим. Bon voyage!³²⁰

31, Воскресенье.

يارب ارحم

Так в католическом соседнем монастыре пели арабчики своими дикими голосами.

Ноябрь. 4, Четверток. В 8 часов пополудни я просил патриарха Кирилла служить литургию в Архангельском монастыре в храмовой праздник и по окончании богослужения откусать у меня хлеба и соли. Он обещался.

6, Суббота. Звал всех архиереев обедать у меня в [8-й день] праздник архангела Михаила. Обещались.

Неаполитский архиепископ Самуил сказывал мне, что в кафедральном городе его Неаполе (Набулузе) два христианина и 16 жен и детей христианских померли от холеры, а магометан 800 в нынешнем году. Эта моровая болезнь там прекратилась.

7, Воскресенье. Глаза мои болят сильно. Однако, я служил у себя обедню и после нее, по здешнему обычаю, поднес хлеб и соль патриарху Кириллу и наместнику его, петроаврийскому митрополиту Мелетию, ради храмового праздника в Архангельском монастыре.

8, Понедельник. Блаженнейший владыка, его наместник Мелетий, газский архиепископ Филимон, я, архимандрит Георгиевского монастыря Анания, о. Феофан и арабский священник Михаил, все мы соборно служили литургию в данном нам монастыре и в 12-м часу обедали у меня. К обеду пришли архиереи неаполитский Самуил и филадельфийский Иоанникий, да архимандриты: Герасим, Никифор, Софроний и арабские священники. Снеди и вина подавали мои студенты. За обедом патриарх рассказывал, какие обряды были соблюдены при избрании и возведении его на патриарший престол³²¹. Он же говорил вот что о покойном александрийском Феофиле. Его любил и жаловал Мегмет Али, паша египетский. У него был неизлечимый чирей на шее. И он, по совету врачей, отправился на свою родину, на острове Патмосе, на иждивение названного паши. Это было в 1818 году. Когда же произошло восстание греков, тогда до Порты дошел слух, будто Феофил приехал на Патмос для того, чтобы бунтовать островских греков. Порты запросила о нем Мегмета Али и он ответил ей, что патриарх живет на Патмосе для излечения своего недуга. Однако, Порты повелела возвратить его в Каир или удалить от патриаршества. Феофил подал письменное отречение от своего престола.

9, Вторник. Празднуя память Св. мученика Порфирия, которого имя ношу, я служил литургию в Архангельском монастыре. После обедни посетили и поздравили меня с днем ангела патриарх Кирилл, все архиереи и архимандриты, все монахи, живущие в самом храме

Святогробском, весь арабский причт и все русские женщины, находящиеся в Св. Граде. А греческие монахини, в «Большой Панагии» заказали обедню за мое здравие.

10, Середа. Вымерена мною площадь под садом Архангельской обители. А студент Соловьев начертит план её.

11, Четверток. В 10 часов пополудни посетил меня здешний армянский патриарх с двумя иеромонахами и одним архимандритом и поздравил с прошедшим днем ангела, извинившись незнанием, когда я именинник. По мнению его, тот апостол Иаков, которого глава усечена в Иерусалиме, был брат Св. Иоанна Богослова, а литургия, какую дал армянам Св. Григорий, просветитель Армении, поныне осталась у них без изменения. Его высокостепенство говорил, что эчмиадзинский первосвятитель на зиму переедет в Тифлис, а, упомянув о благополучии армян под кровом Российской державы, примолвил: «Желаем и просим, чтобы милости святого царя русского изливались и на нас, живущих здесь в Святом Граде, как изливаются они на весь род наш».

– Дай Бог, – ответил я ему, – чтобы и здесь вам было также хорошо, как вашим единоплеменникам в России» и, прощаясь с достопочтенным гостем, сказал ему: «Не прикажете ли кланяться нашему посланнику В. П. Титову?» Он ответил: «Я прошу вас доставить ему письмо мое».

Армянский владыка сходил в церковь Архангельского монастыря и после трех земных поклонов у царских дверей вступил в алтарь и прикладывался к святой трапезе, сняв с головы своей клобук и скуфью из красного сукна.

После вечерни приходили поздравить меня с прошедшим днем ангела петроаравийский митрополит Мелетий, севастийский архиепископ Фаддей и драгоман Святогробского монастыря, иеромонах. В мои праздничные дни 9 и 10 ноября, они были в Вифлееме по случаю приезда туда иерусалимского паши. От них я слышал следующие вести. Соседняя с Вифлеемом православная деревня Бетжала платит подати одна за себя, отдельно от других деревень, и потому свободна от наездов и угощений шехов, собирающих подати. Это благо доставил ей патриарх наш год тому назад. Но бетжалиоты все-таки неблагодарны, шатки в вере и при каждом взимании податей требуют от его блаженства уплаты их, грозя ему в случае отказа принятием латинства или протестантства. По проискам латин, Порта недавно дала знать иерусалимскому паше, чтобы греки не стесняли свободы вероисповедания латин, живущих в Бетжале. Но греки доказали паше, что в этой деревне нет ни одного латина.

Моя заметка. Катехизис Петра Могилы переведен на арабский язык с греческого архиепископом Газы и Рамлы Христодулом в 1675 году.

Начинаю новое сказание о другом предмете, – об ученых занятиях моих и не моих во второй половине текущего года.

Иеромонах Феофан продолжал заниматься изучением языков новогреческого и французского и перевел семь патриарших грамот о Синайском монастыре. Переводы подобных грамот предпринимаются для того, чтобы ознакомиться с дипломатией и судебным красноречием восточной православно-кафолической церкви. Весьма любопытно и поучительно знать, каким языком высшая власть духовная в разные века разглагольствовала с Богом венчанными царями, с владетельными князьями, с архиереями, монастырями и проч.

Студент Петр Соловьев составил краткие жизнеописания мучеников церкви Палестинской и перевел с латинского языка: Чин общей литургии сириано-иаковитов [с издания Рендота] и с греческого – грамоту Иерусалимского патриарха Досифея о грузинских монастырях в Иерусалиме 1699 года и послание к Католикосу Имеретии кр. Григорию 1701 года.

Студент Николай Крылов составил краткие жизнеописания мучеников церкви Александрийско-египетской и перевел с греческого: 1. письма Александрийского патриарха Паисия к государю Алексею Михайловичу и к Всероссийскому патриарху, 1670 года; 2. современное благодарственное (письмо) египетских христиан к сему же государю за благодеяния, оказанные им Александрийской церкви; 3. половину исповедания веры названного патриарха и 4. литургию Василия Великого у коптов.

Я при лечении века правого глаза моего прижиганиями и 11-ю операциями не мог делать того, что предполагал сделать; в минуты пытаясь силы зрения после каждой операции и для утешения себя в скорби перевел с еллинского языка на церковнославянский древний акафист Свв. архангелам Михаилу и Гавриилу, сочиненный на Афоне в Дохиарском монастыре, и читал

похвальное слово Св. Григория Назианзина Св. Афанасию Великому и творения гениального Платона в подлиннике, именно Тимея, Федра, Политию (т. е. Республику) и другие.

Слово Назианзина отличается смелостью суждений и прямоотой мужественного красноречия. Замечено мной и то, что вития резко отзывается на счет императоров и ставит их ниже епископов.

В Тимее Платон рассуждал о Боге, о происхождении и образовании вселенной. Достойны внимания эти рассуждения его. Как же он мудрствовал о сих предметах? Узнаем это, предварительно осведомившись о житии его.

Платон родился в Афинах в третий год 87-й олимпиады (430-429 гг. до Р. Х.) и умер в первый год 108-й олимпиады (347 г.); следовательно, жил более 80 лет, и жил в самое несчастливое время Афинской державы. Он видел невзгоды войны Пелопонесской, взятие Афин лакедемонским полководцем Лизандром, преобладание демагогов или тиранов, порчу нравов республиканских, грозное увеличение государства Македонского и скончался, предчувствуя рабство и близкое падение своей отчизны. Юность его посвящена была не изучению философии, но поэзии и искусствам. Уже Сократ открыл ему истинное призвание его. Платон, будучи 20-ти лет, сделался учеником Сократа и остался верен ему до самой кончины его, в течение десяти лет. До поступления же к Сократу он руководствовался уроками Кратила, ученика Гераклита. А в школе Сократа сошелся с Эвклидом, учеником Парменида Елейского, и Симмiasом, воспитанником Филолая пифагорейца. Его предпочтение Сократа всем прочим не мешало ему знакомиться и с другими доктринами. Сам он еще до смерти Сократа дал простор своему личному вдохновению и, кажется, в это время написал свой *Лизис*, – о дружбе. По смерти же своего учителя, принужден был оставить Афины и удалился в Мегару, в которой помянутый Эвклид, ученик Парменида и Сократа, основал новую школу. Оттуда Платон переместился в Кирину, где посещал математика Феодора; наконец отправился в Италию и Сицилию. Трижды он был при дворе Дионисия Старшего и дважды у Дионисия Младшего. Первое путешествие его было в 389 году до Хр., второе в 364-м, а третье в 361-м. В промежуток между первым и вторым путешествием в Сицилию им основана была Афинская академия в 380 году. Сомнительно сказание о путешествии его на восток в Индию, но вероятно он был в Египте. Последние годы свои Платон провел в академии и писал там свои бессмертные творения. А вот и учение его!

Есть верховное *благо*, как живое и духовное *начало* всего, что только существует. Оно ни от кого не зависит, само по себе существует и есть верховный *разум*, вечно сущий Бог: τὸ ὄντως ὄν, αὐτὸ κατ' αὐτό, νοῦς, ἀεὶ ὢν θεός. Что в видимом мире солнце для глаз и вещей, то в мире умственном *благо* для разума и для предметов разумения. Как солнце есть причина зрения и вместе причина не только того, что вещи могут быть видимы, но и того, что они рождаются и растут, так и *благо* не только сообщает познающему его человеку силу разумения, но дает истинную [действительность, существенность] бытийность всему, что служит предметом нашего ведения.

NB. Платон не поднимал и не решал вопроса о личности Бога. Но в учении его проглядывает понятие о личном Творце и Правителе мира.

По учению сего философа, в Боге неотдельно от него, вместе с ним, существует иное, – τὰ ἄλλα, готовящееся быть чем-либо, – μὴ ὄν, обоюдное θατέρον, т. е. принимающее тот или другой образ, какой дадут ему *безграничное*, *беспредельное*, – ἀπειρον, – пространство, – χώρα, в котором происходит и все изменяется, изнанка, – ἀνάγκη, подкладка, основа бытия Бога, в которой воспроизводится вселенная. Эту основу, это пространство безграничное, это обоюдное, готовящееся быть чем-то, это иное в Боге ученик Платона, Аристотель, назвал одним словом ὕλη. Трудно перевести это слово по-русски. Обыкновенно все переводят его *материя*. Пусть так будет сие, хотя и хочется мне назвать ее *сущностью*.

У Платона материя участвовала в происхождении и образовании мира вместе с верховным разумом и благом = Богом. Бог сам по себе существующий, у сего философа есть Отец вселенной, а соприсущая Ему материя, принимающая в себе Его идеи, – есть мать её, произведения же обеих их – вселенная – есть Сын – τόκος. Вот Платонова Троица.

Весьма естественно уподобить *матери* то, что воспринимает в себя (что-либо), а *отцу* то, что дает от себя модель, *потому* же ту сущность, которая есть произведение матери и отца и притом принять в соображение, что для образца, который должен совмещать в себе всевозможные, разнообразнейшие живчики, самая пригодная сущность есть бесформенная, лишенная всех тех обликов, кои надо ей принять; ибо если бы она имела сходство с каким-либо

из входящих в нее предметов, то в случае, когда входили бы в нее предметы противного ей или иного свойства, она, воспринимая их, отображала бы в себе таковые неверно, так как присоединяла бы к ним и свой собственный облик. По этой причине та сущность, которой предназначено воспринимать в себя все роды (бытий) сама должна быть лишена всех форм подобно тому, как в приготовлении благовонных мазей те жидкости, коим предназначено воспринять в себя (известные) запахи, сами по возможности должны быть без всякого запаха, или подобно тому, как и все те, которые хотят на каком-либо мягком веществе отпечатать какие-либо изображения, не допускают, чтобы оно имело какие бы то ни было определенные очертания, но предварительно выравнивают его и делают гладким. Точно также и та сущность, которой назначение состоит в том, чтобы постоянно во всяком пункте своего существа хорошо воспринимать отпечатки всех вечно сущих (идей), сама по природе должна быть чужда всяких форм. А потому мать и вместилище всего происшедшего, видимого ли или вообще всего ощущаемого мы не станем принимать ни за огонь, ни за воду, ни за те тела, кои из них происходят, ни за те, из которых сами эти происходят, но не погрешим, если скажем, что это есть вид сущности бесформенной, невидимой, всевосприимлющей, самой неудобомыслимой. И если на основании вышесказанного можно сколько-нибудь приблизить природу её к (нашему) пониманию, то вернее всего вот как думать о ней: *огнем является та часть её, которая воспламеняется; водой та, которая влажна; точно так же землей и воздухом бывает она лишь потолику, поколику принимает вид их.*

Есть сходство сего Платонова учения [о Боге] с учением [о Нем] Шеллинга. В Боге этот немецкий философ различал основу Его бытия (Grund) и самое бытие, – Existenz. Эта основа, которую Бог имеет в Себе Самом, не есть самый Бог-Лицо (existierend); ибо она есть только основа Его бытия, есть существо Его (Wesen), хотя не отдельное, однако же отличное от Него. Сочетание этой основы с самим Богом аналогически поясняется сочетанием тяжести со светом. Тяжесть существует в свете, как *вечная основа* его, которая скрывается во мраке всякий раз, как появляется свет. Самый свет не может разломить печати, под которой скрывается тяжесть. Точно так основа бытия Божия существует у Бога-Лица, и Он неотделим от нее, да и она неотделима от Него (Ueber die Freiheit).

Бог Платона есть полнота идей. Но что такое идеи у сего философа? Это – бесчисленные первообразы всех возможных бытий разумных и неразумных, это – вечно неизменные модели, по которым гармонически образуются временные явления (феномены) во вселенной. Они суть то, что только есть существенное, неизменяемое и общее во временных существах. Иначе сказать, это – мыслимые Богом *роды* и *виды* (металлов, растений, птиц, рыб, животных, человеков разноплеменных). Отдельные особи в этих родах и видах, например Иван, Людовик, слон, тигр, щука, карась, яблонь, мох, изменяются и умирают, а *род* и *вид* остаются и плодятся вековечно, как отображения своих вечных первообразов, своих идей. *Роды* и *виды* суть отпечатки, – ἑκτύπῳ, некие подобия идей. А так как первообразы или идеи в вечном Боге *вечны*, то они, точно говоря, не воплощаются, не вселяются всей полнотой своей во временные феномены вселенной, а только допускают сии последние к *участию* в своем вечном существовании, хотя и трудно выразить как это участие, как трудно вообразить и то, как уцелевает в Боге идея или первообраз мамонта, исчезнувшего навсегда с лица земли, или почему вновь не является это животное, тогда как идея о нем существует в личном Боге, разве сказать, что оно, исчезнув на земле, является на иной звезде или планете.

У Платона Бог есть не творец вселенной из ничего, а только воспроизводитель её из совечной ему сущности (материи). Как же совершается это воспроизведение её?

Бог воспроизвел вселенную единственно по благодати своей, восхотев, чтобы все не только получило бытие, но и было бы, сколько возможно, подобно Ему Всеблагому.

После нее Бог воспроизвел из огня существа божественные, т. е. сияющие блеском и круглые, т. е. звезды, неподвижные, и подвижные планеты, а старейшее из всех этих божеств – землю, кормилицу нашу, утвердил неподвижно на оси её, для того, чтобы она была во веки блюстительницей дней и ночей. Все эти видимые на небосклоне божественные существа вечны не только по душе, но и по телу, однако, вечны не столько по своей природе, сколько по воле своего вечного Создателя, который настолько благ, что в Нем никогда не может возникнуть неблагое хотение обратить в ничто те прекрасные создания Свои, в кои положено Им много благодати и премудрости. Всем же остальным существам надлежало быть вечными или бессмертными только по душе, но не по телу, а потому вечный Творец, из рук которого может

выходить только бессмертное, отклонил от себя создание тел для них и создал только их бессмертные души, создал из того же смешанного состава, что и всеобщую мировую душу и отдельные души звездных вечных божеств, но только из состава, менее совершенного. Этим душам, тотчас после создания их, Бог объявил свой непреложный закон правды, ставящий всю судьбу каждой из них в полную зависимость от её воли, от её жизнедеятельности; все они созданы по природе одинаковыми: но те из них, кои восхотят, могут сделаться еще более совершенными, а кои не захотят, тех повлечет злая воля не вверх, а вниз и увлечет одних далеко, других дальше, третьих еще дальше, и так как со степенью падения их будут сообразоваться и тела, в кои придется им воплощаться и жить, то они eo ipso составят из себя остальные три ниже человека разряда живых существ (животных, гадов и рыб).

После сего Творец, подобно сеятелю, рассеивающему семена на вспаханной ниве, равномерно распределил весь бесчисленный сонм созданных душ между звездами и планетами и, возложив создание для них тел и всю заботу о дальнейшей судьбе их на усмотрение божеств низших, *Сам почил от дел своих*. Тогда божественные сыны, подражая творческой деятельности Отца своего, создали для них тела, но не такие совершенные, какими сами были наделены, именно тела, нуждающиеся в непрерывном обмене своих внутренних устаревающих элементов на новые, открытые для всяческих внешних явлений, воздействий, приражений. Связанная с таким телом душа не скоро научается справляться с этим непрерывным приливом и отливом впечатлений, и в особенности в первое время после воплощения она бывает, как бы ошеломленной и со всем лишенной яркого сознания и разума.

По благодати Его, первее всего в основе бытия его явилась *душа мира* разумная, — ἡμψυχον. Но в Тимее она описана такими чертами, в которых с первого взгляда замечаешь многое фантастическое, мифологическое и невразумительное. Читая это описание, *затрудняешься угадывать философские догматические* мысли Платона о сей душе, да и о всем мироздании. Посему лучше отложить до другого более досужего времени изучение всей философии этого выпяченного мыслителя. Прекращаю теперь это головоломное и утомительное занятие и пишу о других предметах.

[Душа наша состоит из трех различного качества и достоинства сил [потенций] и каждая из них должна быть питаема и развиваема лишь в той мере, в какой она того заслуживает. Самая низшая из них есть сила [потенция,] чувствующая и желающая, которая помещается в низшей части грудной полости, около пупа. Она требует удовлетворения и забывать о ней значило бы подвергать опасности и её здоровье, и здоровье обеих остальных. Но, с другой стороны, она необуздана и ненасытна, как зверь, а потому чем меньше кто упитывает ее, чем больше обуздывает и смирят, тем больше может рассчитывать на душевное здоровье. Выше её стоит мощь [потенция] волевая, живущая в верхней части груди. Но и она склонна к чрезмерным порывам, а потому должна быть сдерживаема в должных границах силой характера. Выше всех их стоит помещающаяся в голове сила божественная, бессмертная, разумная, мыслящая и кто питает ее соответственной пищей, кто развивает ее упражнением более, чем обе низшие, и держит всегда эти последние в полном безусловном подчинении ей, тот делает себя недоступным ни для каких душевных болезней, тот знает только истинные духовные радости в сей жизни и предуготовляет себе неизреченное блаженство в жизни будущей].

Учение Платона о человеческой душе — возвышенно. Она есть существо, само себя движущее и отличное от всего телесного, чуждое сложности. Она существовала еще до появления на земле в теле, куда нисходит только вследствие отпадения от своего первоначального предназначения. Так как до появления своего на земле она существовала горе в совершеннейшем состоянии, то и познания её здешние [на земле] суть только припоминания, ἀνάμνησις того, что она ведала прежде в высших сферах. Любимыми предметами созерцания души служат идеи или вечные сущности вещей. Но когда она подчиняется телу, тогда не обладает яркостью созерцаний; лишь по мере освобождения от сего товарища своего она очищается и возвышается до созерцания всего вечного, истинного, доброго и изящного, чем и доказывается бессмертие её. Душа не только отлична от тела, но есть и повелительница его. Посему можно говорить, что человек есть существо, пользующееся телом, как своим орудием, τὸ χρώμενον σώματι.

При всем отличии души от тела, между обоими ими существует внутренняя связь, которая состоит в том, что душа правит телом, но вместе подчиняется и его воздействиям на нее. Связь её с ним [телом] происходит при посредстве низших различных частей её. Платон допускает три

части [проявления] души: 1. божественную и разумную, которой седалищем служит мозг, 2. похотливую, ἐπιθυμία, живущую в нижней части тела около пупа и 3. среднюю между ними – силу безотчетных порывов, θυμός, в верхней части груди. Несмотря, однако, на эту связь между душой и телом, Платон признает нынешнее состояние души несоответственным её существу. По существу своему, она – божественного свойства, занимается созерцанием идей и свободна, но в земном состоянии своем склонна ко злу. Хотя и в этом состоянии в ней обнаруживаются порывы к идеальному миру, обнаруживаются любовью к знанию, художественным воодушевлением и противодействием телу, но со всем тем она не достигает полного совершенства в земной жизни своей. Платон особенно живо описал высшее состояние души, которое назвал ἔρος, – ярость. Это состояние энтузиазма, любви, воодушевления и прорицаний, когда она проникается [присутствием другой высшей Божьей Силы] наитием Божества.

Существуют три начала образования вселенной: во-первых, разум с идеями его, как вечное, неизменное, сверхчувственное, самососредоточенное бытие, как первообразный, творческий, рождательный принцип всякого происхождения; во-вторых, движимое и образуемое этим принципом бытие чувственное, постоянно бывающее, происходящее, но никогда несущее, беспрестанно изменяющееся, текущее и никогда в себе самом незадерживающееся, и в-третьих, *материя* некая бесформенная, вечно движущаяся, вечно волнующаяся сущность, в лоне которой творческий принцип полагает семена чувственного бытия. Что же касается так называемых четырех стихий: огня, воздуха, воды и земли, то прежние философы неосновательно принимали то ту, то другую из них за нечто первое, само по себе достоверное, и из нее выводили всю вселенную, потому что каждая из них, как учит опыт, ни одной минуты не бывает сама собой, но непрерывно переходит в каждую из остальных, так что, строго говоря, ни одна из них не заслуживает своего особого наименования, но каждая из них как может быть принимаема за каждую из остальных, так и называема, быть может, именем каждой из них (Например, земля не есть земля, а осадок воды, вскипающей огнем). Если же это так, то понятно, что основным, подлежащим пониманию принципом чувственных вещей может быть не какая-либо из этих стихий, а только та сущность, в которой все они сами то появляются, то исчезают, т. е. материя, которая, принимая формы каждой из них вообще, воспринимая всех и всяческих бытий, сама в себе всегда остается чуждой всякой формы, неизменной. Конечно, второе, что следует в порядке сейчас за материей, суть именно оные четыре стихии, но только не в том смысле, который обыкновенно соединяется с их названиями. Стихии эти на самом деле суть вовсе не стихии, вовсе не такие первичные неразложимые элементы, как буквы в словах, несодержащие каждая в отдельности никакого смысла, напротив они уж суть буквы толково соединенные, суть полные смысла слова, первые положения разума в лоне материи.

Из четырех стихий самая легкая, тонкая, острая, удобоподвижная стихия есть огонь. Из геометрических фигур больше всего подходит к нему пирамида. Следующее за огнем место принадлежит воздуху, третье воде и четвертое земле. Геометрическая фигура воздуха есть *октаэдр*, фигура воды – *икосаэдр*, а земли – *куб*.

Тело земли, *произшедшее из особого первоэлемента* (замечательно это!), хотя может быть на время разрешено каким-нибудь из остальных тел, но совсем превратиться в него никогда не может; частицы её после соединения всегда снова становятся землей.

Напротив, огонь, воздух и вода, так как они произошли из одного общего первоэлемента (какого?), могут переходить и на самом деле переходят друг в друга всякий раз, когда тело слабейшее встречается с сильнейшим, потому что тогда это последнее необходимо всегда осиливает его, разрешает и превращает в свой вид. С переходом же и превращением тел друг в друга необходимо связывается и перемещение их, которое обуславливается расположением их главных масс; к тем четырем местам или сферам, где собраны главные массы каждого из четырех тел, естественно тяготеют и устремляются вновь те части каждого из тел, кои почему-либо отделились от них и попали в чуждые несродные сферы. Но более общая причина перемещения или передвижения тел, равно как и противоположного ему состояния, т. е. покоя, лежит в разнородности и неравномерности их составных элементов, которая обуславливает их движение, и в однородности и равномерности, обуславливающей их покой. Причина же непрерывности движения элементов заключается в круговом вращении вселенной, которая постоянно нудит их собираться около центров и не позволяет, чтобы места, оставленные одними из них, были хотя на мгновение не заняты другими. В силу этой причины массы четырех тел постоянно встречаются друг с другом, сталкиваются, разрешают друг друга; в особенности всюду

проникает и все разрешает режущей остротой своих углов огонь, после огня – воздух и т. д.; но после разрешения, разрешенные элементы вступают в новые соединения, кои опять движутся, сталкиваются, разрешаются, и таким образом поддерживается непрерывное движение всех элементов, более усиленное в одних пунктах вселенной, менее усиленное в других, но движение всеобщее, повсеместное. Смотря по тому, в какой степени интенсивно бывает движение массы того или другого тела, зависящее от большей или меньшей разреженности или полноты его составных элементов. и сами тела принимают тот или иной вид. Так, огонь является в одно время как пламя и жар, в другое как легкая теплота и мягкий свет; воздух в одном месте разрешается в эфир, в другом сгущается в туман и в облака. Вода бывает или сама по себе текучая, льющаяся, как обыкновенная вода рек, как соки разных растений, вино, елей и проч., или способная течь только после расплавления, плавная, какую мы видим в разных расплавленных металлах; но и первого рода вода, смотря по степени плотности, принимает различные виды и бывает или инеем и снегом, или градом и льдом. Точно так же и земля, хоть сама не превращается ни в какой из остальных элементов, но, подвергаясь в различной степени действию того или другого из них, принимает различные степени плотности и вместе с тем различные виды, как то: горшечной глины, разных камней, солей горючих веществ и друг(их).

Но кроме наружного вида, постоянно изменяющегося, кроме механического движения, никогда не останавливающегося, тела имеют еще и некоторые более внутренние свойства, те свойства, с которыми они являются в ощущениях нашей души, но которые главный источник свой имеют опять таки в вышепоказанных особенностях геометрического состава их. Так, что касается прежде всего свойств, известных нам из ощущений, общих всему нашему телу, то *жар* очевидно имеет свой источник в острой, режущей, всеразрезающей форме огня, а *холод* – в воде, имеющей способность не только поглощать в себя, побеждать и тушить огонь, но и изгонять из себя теплые части воздуха посредством сгущения и сплочения. *Мягкое* есть то, что имея основаниями малые плоскости, легко уступает нашему телу, как воздуху вода; а *твердое* есть то, что имея более устойчивые четырехсторонние основания, не уступает давлению нашего тела, напротив заставляет его уступать себе, каковы разные виды земли. *Шероховатое* или жесткое обуславливается твердостью элементов тела в связи с их неравномерностью, а *гладкое* – плотностью их в связи с равномерностью. *Легкое* и *тяжелое* имеет свою причину в том положении, которое в данный момент каждое из четырех тел занимает в отношении к месту главной массы своей и находится сверху или внизу её; каждое тело в сфере своей массы бывает легким, а увлекаемое в сферу чуждой массы становится тяжелым. *Неприятное* ощущение боли вызывает все то, что слишком быстро и насильственно выводит наше тело из обычного состояния, а *приятное* все то, что снова приводит его в нормальное состояние; впечатления же, кои вторгаются с постепенностью и легкостью, хотя вызывают в нас соответственные ощущения и даже сознательность, но не сопровождаются ни удовольствием, ни страданием. Что же касается впечатлений, сопровождающихся соответственными ощущениями только в известных органах нашего тела, то различные виды вкуса, – острого, терпкого, кислого, горького, сладкого и др., имеют свою причину в различном составе веществ, поступающих в полость рта и растворяемых его влагами. Так, одни вещества (напр. щелочи), попав в рот, вызывают в нем слишком обильное истечение слюны и дают ощущение горечи; другие напротив (спиртные) и сами воспламеняются и полость рта воспаляют и сопровождают острым, жгучим ощущением; третьи лишь умеренно сжигают сосудцы вкуса и дают ощущение кислого, терпкого и т. д. Ощущение *запаха* доставляет каждое из четырех тел не само по себе, по своей природе, но только тогда, когда находится в состоянии противном его природе, именно в то время, когда оно, быв разрешено на мелкие частицы, находится на пути превращения в другое какое-либо тело (когда, например, землянистое вещество находится в процессе горения, или когда какая-нибудь жидкость, испаряясь, превращается в воздух, или, сгущаясь, переходит в жидкость); эти частицы, носящиеся в воздухе и вместе с ним попадающие в ноздри, и суть собственно то, что дает ощущения запаха, кои бывают или неприятны, когда быстро и насильственно выводят орган обоняния из его нормального состояния, или приятны, когда снова возвращают его в прежнее состояние. Точно так же и *звук* не есть специфическая особенность какого-либо одного из четырех тел, а есть движение, которое может получить начало в каждом из них безразлично, но которое, смотря по силе первого толчка, с большей или меньшей интенсивностью и быстротой распространяется в воздухе, пока не дойдет до ушей, а отсюда через мозг и кровь до самой души, где оно становится уже движением внутренним, психическим, ощущением звука. Напротив,

цвет вещей имеет своим источником исключительно огонь, с одной стороны – внутренний огонь, истекающий из нашего тела сквозь глаза, а с другой – внешний, истекающий от внешних предметов. Тот и другой свет, встречаясь и по причине своего тождества сливаясь, образует из себя впереди глаза некое особосветящееся тело, в котором мы видим не только очертания, форму того предмета, лучи которого поступили сюда, но и тот или иной цвет его. Различие же цветов зависит от степени плотности или тонкости элементов внешнего огня в сравнении с нашим внутренним; внешний огонь гораздо большей полноты всегда сжимает или сокращает наш внутренний зрительный огонь, и потому дает ощущение черного цвета, а огонь внешней меньшей плотности, большей тонкости разделяет и расширяет наш внутренний огонь и дает ощущение белого цвета; все же остальные цвета представляют собой только разные сочетания этих двух основных цветов с преобладанием в известной степени того или другого из них, сочетания, кои перевести на точные математические пропорции еще никому не удалось, да, вероятно, и никогда не удастся.

Вот те необходимые физические причины, кои неотменно должны быть приняты в расчет при изъяснении образования мира. Но эти причины суть не только не единственные, как некоторые учат, но даже не первые и не главные, а вторые и подчиненные. Так как они сами по себе совершенно равнодушны к своим действиям и следствиям, то наблюдаемый в мире порядок, очевидно, не есть следствие их случайного, слепого сплетения, напротив, предполагает прежде их и над ними еще другую высшую причинность, руководящуюся в действовании наперед придуманными целями, идеями, – причинность, источник которой лежит не в слепой необходимости, а в премудром божественном разуме Образователя мира. И если эта высшая разумная творческая причинность была первенствующей, всеобуславливающей в образовании души мира, в создании небесных божеств с их светоносными телами, а равно и всех остальных бессмертных душ, то почти такая же роль принадлежала ей и в образовании всего остального, что и что оказалось нужным для этих душ. Именно, получив от Творца божественное, бессмертное, разумное начало души и поместив его в голове, как бы в акрополе, боги затем озаботились созданием смертной (т. е. чувствующей) души и всех тех частей и органов, которые оказались нужными для различных действий её. Так, шею они устроили в качестве перешейка между бессмертной душой и смертной, с тем, чтобы последняя, как можно меньше беспокойств причиняла первой, и саму смертную душу, разделив на две части, лучшую из них (θυμός) поместили поближе к голове, в промежутке между шеей и диафрагмой, а худшую (ἐπιθυμία) привязали как жадного, дикого зверя, к яслям, расположенным в низшей части грудной полости, от диафрагмы до пупа. Сердце они устроили в качестве управы, откуда распоряжения разумной души, идущие из акрополя, разносились бы по всему телу; печень с одной стороны в качестве органа *мантики* (предвещаний, сновидений), с другой – в качестве зеркала, которое отражало бы в себе грозные и кроткие веления разума, а селезенку в качестве полотенца, которым вытиралось бы это зеркало всякий раз, как загрязнится. Что касается других частей тела, – рук, ног, мозга, мяса и костей, мышц и связок, зубов, языка и губ, волос и ногтей и пр., то все они суть известные сочетания четырех физических тел, кои хотя сложены при участии вышепоименованных необходимых причин, но вместе с тем строго обдуманы разумом и премудро принорованы к пользам и целям души. Самая низшая в организме система, но вместе с тем самая необходимая для его жизни, система пищеварения устроена не менее премудро. Так, боги, предвидя нашу неумеренность в пище и питье и желая предотвратить гибельные последствия, устроили, кроме щеприемника и желудка, еще брюшную полость, в которой положены кишки многими изгибами для того, чтобы пища не уходила из них слишком быстро и чтобы это было помехой нашей ненасытности. Для того же, чтобы питательные вещества могли равномерно распределяться по всему телу, они провели по всем частям его, на подобие водопроводов в саду, большие и малые сосуды, кои разносят пищевые вещества по разрешению их огнем (в новом виде крови и соков) из брюшной полости по всем углам и закоулкам тела. Так совершается питание тела путем непрерывного обмена веществ земляных и водяных. А чтобы сделать возможным такой же постоянный обмен и воздуха и огня, боги устроили, на подобие верши, дыхательную систему, – глотку с её ветвями, дыхательное горло, легкие и все прочее, к этой системе относящееся. Словом, все наше тело создано с величайшей премудростью и всеми своими главными процессами, особенно же некоторыми из них, представляет даже близкую аналогию с совершеннейшими круговращениями вселенной. Таковы в особенности процессы питания, кровообращения, дыхания.

Ученые занятия мои при слабом здоровье моем в душных кельях монастырских прерываемы были повременными обозрениями иерусалимских обителей: Большой Панагии, Св. Георгия, Св. Василия Великого, Святых Феодоров, Сайданаи, Св. Евфимия Великого и Св. Иоанна Предтечи и поездками в ближайшие окрестности Св. Града, как то на Елеон, к источнику Св. Филиппа и в Горнюю. Все, что видел я в этих обителях и во время оных поездок, описано мною. Но эти описания я не включаю в настоящую *Книгу Бытия Моего*, присоединив их к подобному описанию, составленному в 1844 году, дабы дважды не варить одну и ту же капусту *цветную*.

Есть другой предмет, который напрашивается на известность, это – иерусалимская погода [метеорология]. Оповещаю ее.

Сентябрь. 5, Воскресенье. В сорок минут 4-го часа пополудни внезапно послышался вне монастыря шум великий, как бы от проливного, стремительного дождя. Я вскочил с постели и глянул в окно своей кельи, обращенное к северу. Что же оказалось? Сильный ветер, поднимая пыль, пронесся весьма быстро снизу вверх к соседнему католическому монастырю с востока на запад. Он отдувал оконный занавес в моей келье. Эта буря началась и кончилась скоро и после нее настала тишина. Не такой ли шум слышан был здесь и в день Пятидесятницы?

Сентябрь. 22, Середа. Вечером холодно и ветрено.

Сентябрь. 29, Середа. В тридцать пять минут 4-го часа пополудни накрапал дождь.

NB. Конечно чтение восьми книг *Республики* Платона³²². Величаю и славлю его ум ясный и всеобъемлющий. Его описания областей и людей тимархических, олигархических, демократических превосходны, естественны. Любуясь этими описаниями, я часто восклицал, какой дивный живописец этот философ! Если Прометей похитил с неба огонь, то Платону сам Бог подарил мудрость и красное слово. Теперь понятно мне, почему св. отцы любили Платона и после Евангелия изучали его философию. Он созерцанием своим возвышался до границы откровения Божия. Во все дни, в кои я читал Платона, чистая духовная радость, переходя в восторг, делала все мое существование цветистым, благовонным, полным жизни. Услаждение души моей красотою слова и идей сего величайшего философа, проникало все тело мое, все кости мои и производили в них отрадный трепет, уста мои улыбались приятно. Даже больной глаз мой видел яснее. Не исцелит ли его дальнейшее чтение творений Платона?

Октябрь. 18, Понедельник. В половине 12-го часа дня пошел крупный дождь. Наконец-то дождались мы этой благодати. Спустя 15 минут грянул гром, но слабо и не долее двух трех мгновений и спустя 5 минут повторился сильнее и продолжительнее.

19, Вторник. После вчерашнего обильного дождя воздух чист, прохладен и здоров. Солнце светит ярко.

24, Воскресенье. Облачно. Сыро. Перепадал дождь.

Ноябрь. 12, Пятница. Утро туманно и дождливо.

Текущий год, был год самый тяжелый для меня. Я почти в каждую ночь часа три и даже четыре страдал, чувствуя сильные биения в левой полости живота своего, кои трясли все тело мое и голову так, что из глаз моих вылетали искры света. А биения эти происходили от непомерного накопления газов или ветров в утробе моей, усиливаемого нечистым [нехорошим] воздухом в низких и душных комнатах моих. Замечательно, что эта болезнь прекращалась в дни поездок моих. Значит, мне нужны были движение и чистый воздух. А их то и не доставало мне. Кроме сего недуга, приводившего меня иногда в уныние, у меня болели глаза почти с начала сего года, более страдал глаз правый. На веке его вырос так называемый ячмень. Местный лекарь Антон Киль, выкрест, сперва католик, потом протестант, с 18 дня августа разрезывал его десять раз и прижигал ляписом, а я, по своему измышлению, прикладывал к нему, то вареный лук, то серу из своего уха. Но все это [не только] не уничтожало недуга, напротив ячмень упорно держался на своем месте и кроме его под правым векомросло мягкое мяско и закрыло мое око. Заметив это явление, я перепугался и решился отправиться в Бейрут, где, как было известно, находились хорошие врачи из Европы, или в Константинополь. До Бейрута надлежало ехать 500 верст верхом на коне. Нелегко [было] совершить такую дальнюю поездку в месяце ноябре. Но здоровье дороже подобного труда. И так, с Богом. – Ὡρα καλὴ καὶ δεξιὰ!³²³

VII. Поездка в Бейрут.

Ноябрь. 13, Суббота. Вечером, после вечерни, я простился с патриархом Кириллом и, приняв его благословение на путь, спросил его: «Не прикажете ли чего в Константинополь?» –

«Ничего не приказываю, – отвечал он, – и только желаю, чтобы вы доехали туда и возвратились к нам благополучно». Сладко ласковое слово. Прекрасна любвеобильная душа!

Сегодня утром я выехал из Св. Града. Мне сопутствовала моя преданность воле Божией.

День прояснился после вчерашнего ненастья и был теплый. На синем небе по местам видна была белая узорчатая кисея.

Знакома мне дорога в город Рамлу. Несколько раз арабские смирные кони подо мной топтали ее осторожно³²⁴. Горы, долины, дебри, деревни, развалины, все стоит на своем месте. При спуске в первую глубокую долину Бетханинскую видны деревни Лифта с библейским источником Нефтоа³²⁵, Бет-Икса и Куло́ние. они словно три голубя соседятся на горных склонах и смотрят друг на друга. В самой глуби этой долины, за мостом, мертвецами лежат развалины. Что же тут было? Кто тут жил? Говорят и пишут, что тут был Еммаус, в котором воскресший Иисус узан был при преломлении хлеба. Но я не верю сему, ибо это место слишком близко к Иерусалиму; не насчитаешь до него и 40 стадий, а Еммаус отстоял от Св. Града на 160 стадий. Думать надобно, что тут было римское укрепление. Это доказывает римская теска камней его с шероховатыми выпуклостями. Вероятно, что и крестоносцы жили в этом укреплении и сторожили отважных арабов-магометан. Поднимешься из Бетханинской долины на узкий хребет горы по крутой мощной дороге и тебе недалеко до Кириафиарима (Абогоша), где долго находился ковчег завета³²⁶. Подле этого селения, у дороги, стоит опустелая, но довольно еще хорошо сохранившаяся церковь времени крестоносцев. Она напоминает собой Ноев ковчег с одной дверью и светом, получаемым сверху. Стены её весьма толсты и особенно восточная, в которой сделаны три полукруглые углубления для трех алтарей. Вверху этих углублений на стенах и на столпах, поддерживающих своды, еще видны святые лики, но невозможно распознать, чьи они. Давно не курится фимиам в этом святилище, давно не слышатся в нем молитвы и песнопения христиан. Полудиккий араб загоняет в него скот свой. Но мне мнится, что эта церковь будет возобновлена и освящена скоро русскими. За Кириафиаримом, с перевала горы, я видел вдали Яффу, словно белокаменную посуду на желтой скатерти у стены, окрашенной под цвет синего моря, потом повесил свою голову и так по дебрям и полю доехал до Рамлы, охраняя свое ослабевающее зрение синими очками и синекисейным покрывалом.

В Рамлском монастыре игумен Захария по-прежнему³²⁷ сед, суров и молчалив, а послушник его Панаиоти по-прежнему продает нюхательный табак арабам и арабкам.

14, Воскресение. Еще не показывалось солнце из-за гор Палестины, а православные уже оканчивали обедню в церкви Св. Георгия. Я кратко помолился на монастырской террасе, откуда слышны были их молебные пения и отправился в дальний путь, вручив Панаиоту сорок пиастров и дивясь недовольству этого монаха, как будто подачка моя была малая.

За воротами Рамлы беспредельное небо и широкое поле, вдали окаймленное горами, расширили мою душу, и она радовалась, видя светлый простор. Ей, нездешней и бессмертной, душно и томно в тесных границах, а привольно и отрадно на безбрежном море, на безграничной степи, в междузвездных пучинах, под ливнем мыслей [от тем математических, исторических и всяких вычислений], рассуждений и даже от мечтаний.

Не долго я пробыв в Яффе и еще засветло поспел на ночлег в приморское селение Харам³²⁸. Тут кираджи на своих осликах с вьючным мулом обогнули у моря соседние развалины Аполлонии и по долине с севера достигли до этого селения, а мы на конях добрались к нему сквозь излучистое, узкое ущелье, иссеченное в прибрежной, ноздреватой скале близ южной стены той же Аполлонии. [Это ущелье замечательно по его лохмотьям, дикости, неудобству для неприятелей и удобству для поражения их при высадке или осаде].

На дворе харамской мечети находится сантон над могилой неби-Али ибн-Алэн. Окрестные магометане чтут память этого пророка своего, который, не зная, что доброе сделал на земле. В этот раз некоторые из них приехали сюда из Яффы, чтобы встретить новый год свой подле чтимой могилы. Они заняли верхние покои в мечети, а нам предоставили нижнюю комнату. В начале ночи началось их празднование. Внизу слышно было, как все они в один голос низким тоном что-то читали, как бы жужжали, немного повышая голос в печальный бемоль пред концом каждого стиха. [Арабы и на молитве, и на работе подражают жужжанию пчел]. Чтение было продолжительно. По окончании его один араб стал петь что-то не скоро, но и не протяжно, а все прочие в один голос, густым говором, выходявшим из груди, с сильным придыханием, порой в такт произносили: *Аллах*, усиливая придыхание на последнем слог. Любопытно было видеть этот обряд их хоть чужими глазами, и я попросил провожавшего меня каваса Апостоли тихонько

взойти наверх и подсмотреть, что там делается. Он пошел, подсмотрел и, воротившись, сказал мне, что арабы стоят кружком среди горницы и, не двигаясь с мест своих, перегибают свой стан и головы справа налево по линии круга и с фырканием произносят в такт: *Аллах*. Любопытство мое возросло до высочайшей степени. Нельзя было одолеть охоты видеть своими глазами набожную пляску магометан; и я за кавасом тихонько подкрался к ним и из-за угла сквозь растворенные двери их молельни видел, что желал видеть и знать. Правоверные перегибались друг к другу станом и головами и урчали *Аллах*, но скорее против прежнего. Их урчание и ломаные телодвижения произвели во мне неприятное чувство. Но когда я допросил рассудок свой, что бы это значило, то он сказал мне, что служение Богу, по понятию некоторых магометан, есть погружение человека в божество и исчезание в нем после самозабвения от напряженных и продолжительных телодвижений и воплей. Насмотревшись и наслушавшись вдоволь, я сошел вниз и стал пить чай. Пью и слышу самое ускоренное урчание арабов или, точнее, непрерывный глухой и взрывчатый пых, какой слышится от паровоза. Вспыхнуло и мое любопытство. Я опять взбежал наверх и увидел, что арабы в такт нагибаются уже в середину круга, а не по периферии его и притом весьма часто и усиленно. Мне стало страшно от того, что правоверные уже не походили на людей в обыкновенном сознании их. Вероятно, они не чувствовали себя самих. Я удалился. И они скоро кончили свое набоженство самым ускоренным урчанием *Аллах*, которое под конец перешло в хрипение. Оно утихло. А я подумал, что молящиеся лежат без чувств и находятся в состоянии видений. Но едва ли это было. Ибо они совершали этот обряд по преданию, по привычке, без напряжения душевного и без всякой другой цели, кроме точного выполнения обряда.

Не так же ли, как эти магометане, вопияли и жрецы Ваала на Кармиле? Мистические пляски ферапевтов египетских не походили ли на виденный мною обряд правоверных? Не знаю.

15, Понедельник. Утром в семь часов с половиной мы оставили Харам. Было холодно. Наши кони, не ленясь, шли по зыбучему песку то у самых скал прибрежных, то у самой окраины моря. Эта окраина беспрерывно опушалась пеной, как бы горностаем, при тихом накате на нее воды. Круглые раки и птички на длинных и тоненьких ножках бегали взад и вперед с песка в воду и из воды на песок. Смотря на них, я думал, что человек должен бы угадывать чувствования окружающих его животных, но грех лишил его дара прозревать в сущность всего живущего.

Спустя часа четыре после выезда из Харамы мы достигли до пристани Абу Забура выше соименной речки. Эта пристань есть не что иное, как маленькая, полукруглая заводь моря, окаймленная низкими скалами с севера и юга. Тут весной арабы собираются на годовую ярмарку. У самого берега и на северном холме заметны небольшие развалины. Что тут было в древности? Монастырек? Сторожевая башня? Торговая биржа? Не знаю, а ведаю что Абу, по понятию арабов, есть бог пажитей и нив. Здесь мы поднялись с берега на песчаное выш-поле и по нему дотащились до развалин Кесарии в течение двух часов.

Всякий раз я останавливаюсь в Кесарии³²⁹. Она пуста, безмолвна, мертва. Но прах её драгоценен: его попирали красные стопы апостола Павла, его оросили струи теплой крови многих мучеников и мучениц в первые времена христианства. Вкушая пищу во славу Божию подле развалин большой церкви, я вспомнил о духовном брашне, — о Кесарийской библиотеке, которая находилась при митрополии. Это была вторая христианская библиотека, основанная Св. мучеником Памфилом в конце третьего века; первую устроил в Иерусалиме епископ Александр около 200 года.

Можно бы и следовало бы восстановить и населить Кесарию, очистив пристань и древний водопровод её. Но турки неспособны ни к чему общепольному. Кесария дожидется дня своего воскресения, но оживит ее кесарь, со смирением поклоняющийся Богу духом и истиной.

Из Кесарии мы прибыли в Тантуру еще до захождения солнца. Глаза мои болели тяжело. У каждой болезни — много родни, а всех ближе к ней печаль да скука. Всю эту ватагу я притащил с собой и беспокоимый ею лежал на полу арабской хижины, посматривая на коров, кои у ног моих лениво жевали свой скудный ужин. Вдруг послышался обычный, высокогласный речитатив арабки в соседнем доме, подхватываемый восклицаниями подруг её: лю, лю, лю, лю. Я спросил хозяина, что там? Свадьба? Похороны?

— Ни то, ни другое, — отвечал он.

— Так что же?

— Один араб оправился после болезни, и вот родня его собралась к нему с поздравлениями.

— Как же поздравляют его?

– Вы слышите как.
– Но я не понимаю того, что слышу.
– Арабка напевает разные сладкие причеты, например: Благословен Бог, подавший тебе здоровье, поздравляем тебя, живи многия лета на радость семье, ты наша крепкая башня и пр. и пр.

Печаль отлегла от моего сердца. Милостью Божией, думал я, выздоравливают другие, выздоровею и я. Отец небесный милостив ко всем. Эта дума переродилась в молитву. Молитва успокоила душу. При покое души заснуло тело сном эдемским.

16, Вторник. Сон укрепил меня. Я поехал далее. На проезд от Тантуры до Кармила потрачены были пять часов. Холодный и резкий ветер, дувший с Кармила, мешал мне думать, наблюдать и расспрашивать. Однако, в этот раз³³⁰ я заметил немалые развалины недалеко от Кармильского монастыря, там, где оканчивается узкий и низкий кряж скалистый, тянущийся с юга на север, налево от полевой дороги. Они лежали на последнем, северном холме этого кряжа. Что тут было? Сикаминópolis Страбона?³³¹ Очень вероятно; ибо, по уверению кармильских монахов, это место поныне называется Сикамун (А на карте Робинсона поставлен Каламун).

17-18, Середа-Четверток. Сладок мне отдых в Кармильской обители, в этом раю Палестинском.

19, Пятница. Гостиник этой обители, отец Карл, ходивший за сбором милостыни во Францию в 1843-1844 годах, показал мне книжицу под заглавием: *Oeuvre Française du mont Carmel*³³². В ней содержится коротенькая история Кармильского монастыря и рассказ, как отец Карл собирал подаяния в Париже. Замечательно следующее место, [но не знаю, верно ли] стр. 3: *Le Carmel, une des montagnes saintes, est depuis saint Louis une propriété française achetée par le roi de France, souvent confisquée, mais toujours restituée, cette langue de terre sert tombe aux deux mille français*³³³. Разумеются воины Наполеона.

Помнится, – в Церковной истории *Неандера*³³⁴ упомянуто, что в 1185 году по Рождестве Христове греческий иеромонах Иоанн Фока на пути в Св. Град зашел в Кармильский монастырь и застал в нем только одного латинского монаха. Стало быть, до султана Саладина, изгнавшего латин со Святой Земли, Кармил действительно принадлежал западным калуерам.

Вчера и позавчера Апостоли провожал в Назарет спутника моего, певчего нашей посольской церкви в Константинополе. Он принес мне оттуда следующие вести, как масличные ветви. В Назарете умерли от холеры только шесть православных христиан. Года за полтора назад, Иерусалимский патриарх Кирилл построил и учредил [открыл] там народное училище. Постройка его стоила 26 000 пиастров. Учеников в нем 80, учитель один, – араб, – мирянин, попечитель – местный обыватель Халиль Хаким, – православный христианин, он и агент российского консульства, недавно назначенный нашим генеральным консулом Базили. Прежний главный шех назаретский Салех Сёкаль из православного сделался униатом по следующему случаю. Бедные христиане назаретские пожаловались на него патриарху Кириллу за то, что он заел 30 000 пиастров, собранных с них в уплату податей, и просили его блаженство лишить его шехства, говоря, что ежели этого не будет, то все они разбегутся. Патриарх передал это дело бейрутскому паше и шех был сменен. Но от стыда и ярости он принял унию. Теперь ему желательно обратиться в православие, лишь бы пригласил его патриарх. Но его блаженство отвечает ему: «Церковь открыта для всех, иди в нее сам, когда хочешь, и спасайся».

20, Суббота. С Кармила я переехал в Птолемаиду (Акру) и остановился в архиерейском доме, у митрополита Прокопия (из греков). Он отстроил верхнюю часть этого дома при пособии казны Св. Гроба и турецкого правительства, которое дало ему вознаграждение за порчу Акры англичанами в 1840 году. А епархиальные доходы сего архиерея незначительны. Он получает не более 7000 пиастров в год и 20 кило пшеницы. Я привез ему 15000 пиастров для народного училища. Эти деньги вручил мне патриарх Кирилл.

21, Воскресенье. Путешествие мое от Птолемаиды до Тира было благополучно. Здесь один православный араб говорил мне, что недалеко от Тира находится гроб царя Хирама, древний и чудный, и одна пещера, наполненная финикийскими монетами, которых никто не может брать, потому что они заколдованы.

22, Понедельник. В Тире не было холеры по молитвам апостола Фомы, во имя которого построена православная церковь, единственная в этом городе. На пути оттуда к Сидону много развалин. Там, где стоял город Орнифópolis, я видел на самой дороге небольшой кусок мозаики, составленной из белых четырехгранных камешков, и выломал из нее два-три кубика на

память. Удивительно, как могла она уцелеть на тропе, по которой люди ходят и ездят столько веков. Ежели она сделана была во время крестоносцев, то и такая древность её замечательна.

В Сидон я не заезжал и ночевал в хане Неби-Юнас. Этот хан построен бывшим князем ливанским эмир-Беширом, которому принадлежат окрестные деревни.

23, Вторник. Наконец я дотащился до Бейрута. Остаюсь здесь лечиться, уповая на Бога.

VIII. Пребывание в Бейруте.

Ноябрь. 24, Середа. Вчера приходили навестить меня Антиохийский патриарх Мефодий и наш генеральный консул Базили. Но я не мог принять их по причине усталости и крайней слабости. Патриарху сказал мой Иван, сам от себя, что я переодеваюсь и его блаженство ожидал выхода моего, но потом, когда оказалось, что я лег в постель, заперши свою горницу, должен был идти восвояси, как не солоно хлебал. Жалею, что так это случилось. Ведь и недоразумение есть грех.

Патриарх Мефодий пребывает в Бейруте по случаю бурного избрания архиерея на место усопшего о Господе митрополита Вениамина. Сегодняшнее свидание мое с ним было кратко, но сладко. Отец рад был видеть сына своего, а сын отца.

От патриарха пошел я к консулу Базили. У него случился здешний лекарь Песталотци. Этот эскулап осмотрел мой больной глаз и сказал, что к веку его прирос полип и что снять его легко. Он угадал мой недуг. Точно, у меня полип. В дождливое время он расширяется и свербит. Решено было пригласить на совет еще двух докторов – поляка Добровольского и одного француза.

Вечер провел я у патриарха Мефодия. Между прочим, он говорил о дерзости одного сельского священника Бейрутской епархии, запрещенного за совершение незаконного брака. Этот священник в письме своем к его блаженству, выразился, что ежели посадят его в тюрьму, то он сделается протестантом и освободится, а ежели обреют ему волосы, то они вырастут и что вера магометанская лучше греческой. Патриарх думает послать дерзкого в монастырь Св. Саввы, но не знает, примут ли его там.

Шатко православие в Сирии! Недавнее постановление Порты, дозволяющее полную свободу вероисповеданий и совести доведет христиан до того, что они будут колебаться всяким ветром учения до тех пор, пока Сирия не сбросит с себя иго турецкое.

25, Четверток. Сегодня патриарх служил заказную обедню. Во время завтрака он поведал мне, что избрание архиерея на место покойного Вениамина идет весьма шумно. Христиане, живущие на горах, желают иметь своим владыкой племянника Вениамина, игумена Хаматурской обители Исаию, а в Бейруте составились три партии: одна принимает Исаию, другая, более сильная, руководимая драгоманом английского консульства Нам-Традом, слышать не хочет об Исаии, третья мечется в ту и в другую сторону. Нам-Трад сперва предлагал патриарху рукоположить архимандрита Афанасия (родом дамаскинца, пребывающего в Иерусалиме), но когда его блаженство решительно сказал ему: *не быть Афанасию*, стал требовать, чтобы назначен был кто-либо другой, только не Исаия.

Наша беседа прервана была появлением протонотария Антиохийского престола Иоанна Попандопуло, который только что приехал из Дамаска. Патриарх расспрашивал его о разных разносях домашних и об униатском патриархе Максиме. Я внимательно слушал, что они говорили. Когда протонотарий сказал, что Максим болен лихорадкой и что дамасские униаты разделены на две партии, из которых одна в ссоре с своим владыкой, тогда патриарх Мефодий с живостью сказал: «Не склоняется ли эта партия к православию?» – «Напротив, – отвечал собеседник его, – нерасположенные к Максиму говорят, что им приятнее магометанство, нежели православие». Я подумал: глубоко же укоренена ненависть униатов к грекам. По словам протонотария, Максим торжественно встречен был в Дамаске. Паша выслал навстречу ему коня своего, а все консулы своих кавасов и чиновников. Кавасы получили от него щедрые подарки, – каждый по 100 пиастров. Максим послал к паше своего иеромонаха Михаила, когда его светлость может принять его, Максима. Так как иеромонах виден собою, толст и высок, то велемудрый паша принял его за патриарха и, посадив подле себя, велел подавать трубки и кофе. Негры уже несли черный напиток и магометово кадило, но в эту минуту паша из разговора с монахом узнал свою ошибку и движением руки отослал слуг своих назад с трубками и кофе.

Вечером я обедал у нашего консула. О многом и многом говорили мы, но не всякое слово в строку. А кое-что записываю. По уверению консула, птолемаидский митрополит Прокопий

получил 70 000 пиастров из казны Гроба Господня на устройство архиерейского дома, кроме денег, данных Портой.

Разговаривая о церкви Российской восточной, я спросил умного собеседника, что за причина нерасположенности к нам греческого духовенства? – «Оно не любит нашего строгого порядка и благочиния» [а не нас], – отвечал он.

Когда консул промолвил, что обер-прокурор Св. синода граф Протасов оказал большие услуги Российской церкви, тогда я возразил: «Граф угодил своих чиновников, ненужных в большом числе, угодил на счет церкви святой и в ущерб ей. Это ли заслуга его? Граф, уменьшая число приходов и духовенства в России, оставляя многих священников и их семейства без куска хлеба и тем ослабляя преданность духовенства к престолу и Синоду и способствуя распространению ересей и расколов при недостатке пастырей на огромном пространстве России, колеблет царский трон и церковь, хотя и незлоумышленно. Это ли заслуга его? Только один каменец-подольский архиепископ Арсений возразил на такое распоряжение графа, находя оное вредным для своей епархии полу-униатской, полу-православной и успел отстоять прежнюю численность приходов в своей епархии». – «Замечательная отвага!» – промолвил консул.

26, Пятница. Меня посетил умный и благоговейный протонотарий патриарха Мефодия. От него я узнал многое.

1. В городе Феодосиюполе (Эрзеруме), состоящем в области Антиохийского патриарха, святительствует Тимофей туземец. Прежде он проживал в Константинополе и считался титулярным епископом (ἐπί φιλῶ ὀνόματι). Но эрзерумские христиане призвали его к себе, по позволению его блаженства Мефодия. Эти христиане по крови и языку армяне.

2. Предшественник Тимофея получал из России 150 голландских червонцев за Акиску (Ахалцых), вошедшую в состав Российской империи. «Бог знает, будут ли давать их преосвященному Тимофею», – говорил протонотарий. Я обнадеживал его, ссылаясь на правду нашего правительства.

3. Амидийский митрополит Макарий еще не послал учеников в богословское училище на острове Халки, где воспитывается один юноша из Дамаска (другой же дамаскинец, сын священника Иосифа, выбыл оттуда по причине болезни).

4. В Дамаске патриарх Мефодий prepares к духовному званию десять избранных туземцев.

А илиопольский митрополит Неофит, находящийся в Москве, письмом просил его отправить в эту столицу нашу шесть духовных питомцев для образования в тамошней семинарии. Патриарх сносился по этому делу с нашим консулом Базили. Ожидается милость Православного царя и Синода его.

5. В дамаском патриаршем архиве хранится одно дело, из которого видно, что Амидийскому престолу принадлежат две деревни, коими издавна поныне заведывает халкидский архиерей, зависящий от Вселенского Патриарха. Хорошо было бы возвратить их бедной кафедре Амидийской, потому что жители их, занимающиеся металлопромышленностью, довольно зажиточны. Но сделать это трудно. По какому-то распоряжению Порты и Великой церкви халкидский архиерей считается владыкой всех металлопромышленных селений в том крае. Кто же отменит сие распоряжение?

6. В том же архиве отыскана грамота Вселенского Патриарха, писанная в 1770 или 1780 году, которой он возвращает Алеппскую митрополию Антиохийскому престолу. Но неизвестно, почему и когда эта митрополия опять осталась в ведомстве Великой церкви. «В 1842 году, – говорил протонотарий, – когда я находился в Константинополе вместе с илиопольским архиереем Неофитом, Вселенский Патриарх Герман и Синод его предложили нам взять помянутую митрополию. Мы сообщили об этом своего архипастыря, а он писал к алеппинцам. Но эти не захотели отстать от вселенского престола, и так дело расстроилось».

7. Наместник Антиохийского патриарха – архимандрит Агафангелл и протонотарий Иоанн ходили к униатскому патриарху Максиму и от лица своего архипастыря поздравляли его с благополучным приездом в Дамаск. Но он не был у них и никого не присылал к ним отплатить учтивостью за учтивость.

8. В Дамаске построена изрядная церковь для сириано-иаковитских униатов епископом их Якубом, который ездил в Рим для сбора подаяний и привез много денег, ризницу и утварь церковную.

9. Американская миссия протестантов в Бейруте действует успешно. Она открыла школу в ближней православной деревне Хамдун для приготовления миссионеров и пасторов в Сирии (протоиерей наименовал еще одну деревню, в которой учреждена протестантская школа, но я забыл её название).

10. Арабский священник Спиридон, которого я видел в Триполи в 1843 году, в течение трех лет (1845, 1846, 1847) устроил в Антиохии училище и проповедовал в тамошней церкви. С января месяца 1848 года по июль он проживал в Диарбекире, при амидийской митрополии, и обучал новообращенных униатов уставу и порядку церковному.

11. Для меня переписывается в Дамаске арабская рукопись Павла диакона, сопровождавшего Антиохийского патриарха Макария в Россию при царе Алексее Михайловиче.

12. Протоиерей перевел на арабский язык ответ четверопрестольных патриархов восточных папе Пию IX. Этот перевод будет напечатан в Бейруте.

По словам Попандопула, паству феодосиупольского архиерея составляют армяне православного вероисповедания. Вероятно, что они суть потомки тех предков своих, которые в начале седьмого века, при греческом царе Ираклии и при мудром кафоликосе их Эздре, приняли халкидонское вероисповедание. Им подобные армяне находятся в Анатолии (Малой Азии), около города Севасты или Сиваса, в двенадцати селениях и известны под именем хайхо-рум, т. е. армяно-греков.

27, Суббота. Три лекаря, – итальянец, француз и поляк, решили завтра вырезать полип, приросший к веку моего глаза.

Вечером посетил меня Антиохийский патриарх. Речь зашла о холере. По словам его блаженства, христиане дамасские, бейрутские и триполийские, страшась этого губительного поветрия и желая спастись, укрылись в монастырях Белемендском, Сайданайском и в других. Но холера застигла их и там и взяла свои немногие жертвы. Для утешения же и ободрения их в Белеменде явилась Божия Мать, а в Сайданае спасла одну девочку. То и другое событие совершилось так.

1. В прошлом месяце августе Белемендский монастырь был наполнен трепещущими от гнева Божия христианами из Триполи и Бейрута. Между ними находился и еллинский консул хаджи Стефан. В одну ночь показался свет в монастырской колоколенке и озарил ее всю снаружи. При первой вести об этом христиане выбежали из келий и все увидели стоящую в колоколенке Божию Мать в черном одеянии, всю во свете, и кадящего ей инок. Это чудное явление повторялось три раза в одну и ту же ночь. В третий раз видел его и еллинский консул, неверивший двум первым. Христиане, утешенные таким знамением, совершили молебное пение в церкви перед чудотворным образом Богоматери и с теплой верой лобызали его. На другой день пришли в монастырь христиане из Триполийской пристани и спрашивали: «Был ли здесь пожар вчера ночью? Мы видели зарево над монастырем!» – «Пожара не было», – отвечали им и поведали чудо. Тогда все снова возвеличили заступницу усердную и Мать Бога Вышнего.

2. В Сайданайском женском монастыре одна девочка упала с плоской крыши келий за высокую ограду и по утесам скатилась до низу, но, чудно, осталась невредима, даже стеклянный браслет на ручке её уцелел, и она, прибежав в монастырь, с детской простотой показывала его своей матери и говорила: не разбился.

Патриарх с умышленной радостью говорил мне о новосозданной в Дамаске церкви Св. Николая. «Бог услышал воздыхания христиан и желание сердца моего исполнил. Церковь построена, высока и светла, вся постлана мраморными плитами; святыне образа в иконостасе хороши; они пожертвованы графиней Анной Орловой; бронзовый полиелей в 30 000 пиастров прислан из Москвы илиопольским митрополитом; грузинская царевна Тамарь пожертвовала полное архиерейское облачение из золотистого глазета; княгиня София Волконская, в бытность свою в Дамаске, дала 2000 пиастров. Теперь я одного домогаюсь – разрешения устроить просторный двор перед церковью и надеюсь, что с помощью угодника Божия достигну и этой цели».

По словам патриарха, постройка церкви стоила 400 000 пиастров. Половина их прислана была из Москвы илиопольским митрополитом, половина нашлась в Дамаске.

Его блаженство поведал мне также, что Св. синод наш по высочайшему разрешению подарил Антиохийскому престолу одну церковь в Москве на выгодном месте для основания при ней постоянного подворья и, поведав это, примолвил: «Нужно построить там каменный дом, и мы надеемся на графиню Орлову, которая готова помочь и этому добродетельному делу».

Это известие обрадовало меня; ибо я в своих отчетах о Сирийской церкви подал мысль о пожаловании какого-либо монастыря в Москве Антиохийскому престолу.

Кстати я порадовал патриарха, расхваливая житие, способности и труды [и успехи] илиопольского митрополита, собравшего 60 000 рублей и внесшего их в Опекунский Совет для приращения процентами. А его блаженство сказал мне: «Бейрутские христиане просили меня дать им илиопольского, но я сказал им: нельзя! нельзя! Он зиждет основание апостольского престола Антиохийского».

Была у нас речь об униатском патриархе Максиме. Мефодий порицал гордость и упрямство его и рассказал следующую быль. «Во время египетского управления Сирией директор финансов Махмета Али паши, Бахри-бей, униат, предложил мне и Максиму написать наставления христианам и униатам касательно их взаимных отношений и просил меня именовать униатов *рум-католикиё* (греко-католиками). Я исполнил его предложение, но (тут я прервал речь его блаженства и спросил его о содержании наставлений. Он сказал, что христианам и духовенству предписывалось, например не ходить в церковь униатов, не брачиться с ними и т. под.) просил бая, чтобы и Максим в своем окружном послании к униатам именовал нас *рум-орфодокиё* (греками-православными). Однако же он не захотел сделать этого, отговариваясь, что ежели сам он называет греков православными, то этим докажет свое неправомыслие. Тогда и я выпустил требуемое соперником наименование. Бахри бей был недоволен моей осмотрительностью и, когда я извинился неустойчивостью Максима в своем слове, сказал мне: «Напрасно вы подражаете этому бешеному и сумасшедшему». Однако я настоял на своем».

28, Воскресенье. Три эскулапа удачно сняли полип из-под века моего глаза, так что я и не почувствовал, как они срезали его.

29, Понедельник. Весь день я сидел впотьмах и по тяжелой скуке от тьмы временной судил о страшной участи душ в тьме кромешной и вечной. Такая тьма есть ужасное наказание.

30, Вторник. После обеда навел меня добрый патриарх и радовался облегчению моей глазной боли. Он принес письмо илиопольского, в котором между прочим содержалось известие о блаженной кончине графини Орловой. Его блаженство со слезами на глазах помолился о душе покойницы и промолвил с горестью: «Для многих умерла она, умерла и для Антиохийского престола, с нею в гроб пошла и надежда моя на устройство подворья в Москве».

Преосвященный Неофит в письме своем убеждал патриарха просить обер-прокурора Св. синода, его именно, а не другого кого, об ускорении дела о подворье. Но его блаженство заблагорассудил повременить, да и я советовал ему не торопиться, поставляя на вид, что все дела в нашем Синоде идут своим чередом.

Волнения христиан бейрутских, по случаю избрания нового владыки, весьма беспокоили маститого иерарха. «Игумена Исаию, – говорил он, – не принимают здешние граждане, а горцам он люб. Не знаю, как согласить две противные стороны. Предлагал я Бейрутскую кафедру своему архимандриту Агафангеллу, но он отказался от нее, как и от Эмесской, почитая себя недостойным и ничего более не желая, как дослужить моей старости и по смерти моей успокоиться от дел в каком-либо монастыре. Приглашал я сюда толемаидского митрополита Прокопия, но он отвечал мне: ταῖτα ἀγιοσύνη, παρακαλῶ, νὰ εἶναι μακριὰ ἀπὸ ἐμένα – от такого места, прошу, подальше бы мне. Приглашал я иерусалимского архимандрита Никифора (письмоводителя патриарха Кирилла) с тем, чтобы он по смерти моей был и патриархом, но и его не улучил. Все отказываются от тернистого поприща. Осталось одно средство, призвать какого-нибудь титулярного архиерея из Константинополя».

– Но примут ли его здесь? – спросил я. Он ответил: «Примут, потому что мне все предоставили выбор архиерея мимо Исаии. Впрочем, – примолвил старец, – все, что я сказал вам, пусть останется в тайне». Я приложил свою руку к устам. После сего патриарх просил меня ходатайствовать в Петербурге, чтобы ему пожаловали драгоценную панагию. «Патриархам в Иерусалиме, нашему и армянскому, – говорил он, – дали панагии, а меня обошли». Я обещался писать об этом. (Писал, просил, но безуспешно).

Вне города Бейрута находятся две православные церкви, одна кладбищная во имя Св. Димитрия, а другая посвящена памяти Св. пророка Илии. Туда поочередно ходят служить бейрутские священники.

Месяц Декабрь. 2, Четверток. Вечер провел я у патриарха в здешней митрополии. Пока он тащился из верхней горницы в залу, я обратил внимание на арабскую надпись в ней и от

переводчика узнал содержание её. Она гласит, что митрополит Афанасий возобновил здешний архиерейский дом в 1811 году.

Его блаженство был так внимателен к слабости моего зрения, что нарочно заслонил собою свет, усевшись на диване спиной к нему. Такая тонкость добродушия еще более усилила мое благоговение к этому священному старцу. Я поцеловал его руку. О многом беседовали мы, но не многое сохраняю здесь для памяти.

1. В Дамаске есть небольшое число магометан Алиевой секты. Их называют рафадзидами, неизвестно почему. Опасаясь преследования правоверных, они тщательно скрывают от них свой толк.

2. В Сирии никогда никто не учил, что христианин, потурчившийся и раскаявшийся, непременно должен омыть такой грех кровью своей, потерпев мученичество от турок. Всякий, кто оставлял мечеть и возвращался в церковь Божию, убегал в горы и там вступал в лик чад Божиих.

В Константинополе Великая церковь два раза в году, – в Рождество Христово и в страстную седмицу, раздает деньги бедным христианам. Когда патриарх Мефодий был еще анкирским митрополитом и казначеем Великой церкви (до 1821 года), тогда в оба раза раздавались иногда 20, иногда 30 тысяч пиастров. А ныне выдаются 60 000 п. Эти деньги собираются с архиереев и почетных и богатых христиан.

Теперь мне еще более понятна непоколебимая привязанность греков к церкви православной.

3, **Пятница.** Еще вечер проведен мною у патриарха и еще несколько сведений присоединилось к прежним.

1. Межевание земель и уравнивание поземельных повинностей и податей на Ливане, соразмерно с количеством и качеством недвижимых имений, после шумных прений в диване бейрутского паши, оставлено до времени без действия. Прусский инженерный офицер, присланный Портой для введения кадастра на Ливане, только погулял по этой горе. Он предложил Порте устроить большую дорогу от Бейрута до Дамаска и начал было делать топографические наблюдения, но и это предприятие не исполнилось. Трудно ладить с ливаногорцами, трудно делать нововведения между ними.

2. При Ибрагиме паше до 1840 года на Ливане считалось 42 000 семейств или домов, платящих подати.

3. Ныне ливаногорцы дают порте 3500 пунгов (в каждом пунге 500 пиастров). Но мытари собирают более, и излишки отлагают в свои широкие карманы.

4. По низвержении власти египетского паши и эмира Бешира на Ливане было представительное собрание у бейрутского сераскира Мустафы паши для отобрания мнений всех горских племен касательно введения и упрочения новых властей. Представителями православного племени были бейрутский митрополит Вениамин, игумен Ильинского монастыря Макарий и диакон Афанасий. Все они получили от сераскира почетные подарки.

5. Пронесся слух, что старый князь ливанский эмир Бешир, с дозволения Порты, уехал из Бруссы в Париж под тем предлогом, что ему недостаточно 10 000 пиастров в месяц для продовольствия. Но этот слух едва ли основателен.

6. В православном селении Хасбее, назад тому девять месяцев, несколько семейств приняли протестантство по проискам американских миссионеров, пребывающих в Бейруте. Но один из главных шехов хасбейских, еще прежде сделавшийся протестантом и проживающий в Бейруте для избежания мести врага его хасбейского эмира магометанина, дал слово патриарху обратиться и обратить в православие и остальных отщепенцев, если он примирит с ним эмира. Патриарх просил консула Базили устроить это дело, и консул уже писал в Хасбею. Если помянутый шех сдержит свое слово, то получит от его блаженства две или три тысячи пиастров на хозяйство (*Vita humana est synthesis oppositorum!*³³⁵).

7. Завтра приедут сюда архиереи аркийский Захария и триполийский Иоанникий для посвящения двух митрополитов в Селевкию и Эмессу.

4, **Суббота.** После вечерни навестил меня консул Базили. Мы говорили о здешних американских миссионерах.

– Правда ли, – спросил я, – что выходцы из Нового Света учредили училище на Ливане, в православной деревне Хамдун?

– Правда, – отвечал консул. – Они готовят там своих миссионеров.

– Это средство к достижению их цели не укоризненно там, где объявлена полная свобода вероисповеданий и совести. Но как назвать обращение христиан в протестантство посредством подкупа или покровительства, оказываемого негодяям, послушникам, преступникам?

– Как хотите называйте такое обращение, но оно почти неизбежно и вот почему.

– Жажду слышать, почему.

– Протестантские миссионеры получают от своих обществ большое жалование и большие суммы на дело проповеди и потому живут со своими женами и детьми в довольстве, покойно и даже роскошно. Дабы не лишиться таких выгод жизни, им необходимо надобно приобретать прозелитов, иначе общества отзовут их назад и лишат тех удовольствий, коими они наслаждаются. Трудиться по-апостольски они не хотят, чудес творить не могут, потому что не Бог послал их; что же остается им делать? Покупать прозелитов и употреблять другие земные средства, лишь бы успокоить миссионерские общества. Доселе они шли к своей цели этими кривыми путями. Но когда ливаногорцы заметили кривду их и стали чуждаться как их самих, так и даром раздаваемых им книг, когда в Америке огласилась безуспешность здешних миссионеров, в противность их ложным донесениям, и распространили слух о возвращении хасбейских протестантов в православие и когда прислали оттуда комиссара (помнится Кинга) для проверки слухов о деятельности [здешних] проповедников, тогда эти господа кое-как упростили посланного обаять посланных надеждами в будущности и, совещаясь с ним, придумали другие средства к распространению протестантства на Ливане, средства хотя медленные, но более верные и весьма хитрые. Решено было прекратить даровую раздачу книг и вспоможение деньгами и довольствоваться одним обучением детей и приготовлением некоторых из них к миссионерству. Кроме сего в Бейруте составлено ими литературное общество из арабов всех вероисповеданий. Каждый член его вносит 50 пиастров в год на приобретение рукописей арабских и на напечатание книг. Председатель общества задает темы для сочинений, например о выгодах образования женского пола, о влиянии образованных женщин на общество и т. п. Арабы читают свои сочинения в общем собрании, критикуют их, рассуждают, тщеславятся своей болтовней, почитая ее такой мудростью, какой не имел и сам Платун, царь афинский (так они называют выпендренного Платона). В здешнем обществе состоят уже 50 арабов. Оно владеет 500 отличными рукописями. Отец! Согласитесь, что такая хитрая мера протестантов со временем доставит им здесь торжество.

– Понимаю их хитрость, предвижу и победу. Теперь на Ливане будут говорить, что не миссионеры раздают деньги другим, а им самим даются пособия. Незаметное же сообщение завиральных понятий протестантских посредством бесед свободных, критики злонамеренной или насмешливой и похвал, обаяющих воображение арабов, сообщение такого тонкого яда в медю убьет древние верования, предания и нравственность глупеньких. Но если можно опасаться за города Сирии, то едва ли за деревни?

– Отдаленное будущее не в нашей власти!

– Но от нас зависит уничтожить [лечить] яд противоядием, понятия заменять понятиями, обществом противопоставить общество под хоругвью православия.

– Помилуйте! – сказал консул. – Кто здесь способен к такой духовной борьбе? Вы знаете невежество и бедность сирийского духовенства православного. Оно ли может ратовать с протестантами?

– Знаю и рыдаю.

– Я с Божией помощью вырвал победное знамя у американцев в Хасбее. Что же? Они оклеветали меня в Соединенных Штатах, будто я велегласно поношу здесь подножную республику и тамошние церкви. Эта республика жаловалась на меня нашему посланнику в Константинополе, и я должен был оправдываться.

– Силы ада! Ныне час ваш! – вскричал я.

После ужина приходил ко мне отец Макарий, игумен Ильинского монастыря на Ливане (близ Бейрута). От него я узнал, что на кафедру Селевкийской митрополии избран патриархом игумен Малулской обители Захария, а в Эмессу будет посвящен в митрополита иеромонах Белемендского монастыря Григорий.

Еще новость! По уверению Макария, каждый монастырь на Ливане, – маронитский, униатский, православный, дает небольшие подарки ливанскому владетельному эмиру в день рождения, брака и кончины детей и ближайших родственников его. Так, Ильинский монастырь на

дней послал эмиру Хайдару 100 пиастров по случаю смерти родного брата его, которого отпевали 130 священников маронитских и униатских. Эмир каждому из них дал по 20 пиастров.

Униаты тихомолком читают молитвы на похоронах маронитов.

6, Понедельник. Сегодня патриарх служил заказную обедню в Бейрутской церкви. Когда подали мало теплоты, он был недоволен; приложил свою ладонь к потиру и, ощутив его холодным, покачал головой и сказал: μεῦράλη ἀμαρτία, – великий грех! Замечательно это.

Лекарь Песталоцци ляписом прижег внутренность века моего, дабы уничтожить корень болезни.

8, Середа. Добрый патриарх Мефодий навестил меня сидящего в полутьме. От него я узнал, что предшественник нынешнего алеппского митрополита Кирилла был Феоктист и что в Селевкийской епархии, к которой присоединены Илиопольская и Сайданайская, считается 800 семейств православных в селениях Сайданайе, Малуле, Каре, Ябруде, Дер-Атиэ, Захле и проч.

В сумерки я позвал к себе протонотария Иоанна, желая знанием его дополнить свои сведения о Сирийской церкви. Вот его ответы на мои вопросы!

1. Пальмирский архиерей (ἐπί ψιλῶ ὀνόματι) называется Афанасий и живет в Бухаресте, в малом монастыре Св. Спиридона, принадлежащем Антиохийскому престолу.

2. Монастырь Св. Николая в Молдавии, приложенный этому же престолу, прозывается Попауци³³⁶.

3. Оба эти монастыря с их именами пожалованы при патриархе Сильвестре.

4. Униатский архиепископ города Триполи Афанасий до 1840 года был начальником и учителем униатской школы в Айн-Трасе на Ливане, в которой учительствовал и нынешний униатский патриарх Максим. Когда он крестил несколько дружеских семейств, кои приняли христианство потому только, что желали избавиться от солдатства при Ибрагиме паше, тогда этот паша письменно спрашивал известного Бахри-бея униата: с его ли дозволения крещены друзья Афанасием. Бахри отвечал отрицательно. После сего Афанасий, боясь мести паши, тайно убежал из Сирии, но вместо Рима очутился в Лондоне, где и собрал довольно много денег, выдавая себя за православного епископа триполийского. Из Лондона спрашивали о нем нашего патриарха Мефодия. Его блаженство отвечал, что законный триполийский архиерей находится при своей пастве и что Афанасий должен быть пройдоха. Тогда англичане уличили униата и прогнали, сказав ему: «Надлежало бы взять у тебя подаяния наши; но Бог с тобой, ступай отсюда, куда хочешь», Афанасий переехал в Мальту, а оттуда в Алеппо, где и вступил в тайное общество никодимитов. Он дружен с алеппским митрополитом Макарием.

Желание его принять православие известно в Константинополе. Великая церковь приглашала его преподавать арабский язык в богословском училище на острове Халки, но он отказался под тем предлогом, что пребывание его в Алеппо нужнее и полезнее; ибо он надеется обратить там в православие большое число униатов. Впрочем, алеппский митрополит Кирилл в прошлом сентябре месяце писал к протонотарию Иоанну, что Афанасий непременно отправится в Константинополь до Пасхи или весной.

5. В Алеппо ожидают сего протонотария, чтобы начать явное присоединение никодимитов к православной церкви. Но он едва ли будет там в нынешнем году.

Протонотарий обещался доставить мне арабские рукописи, – опровержение магометанства и панфект преподобного Никона, и запросить Хаматурский монастырь, какие уцелели в нем богослужебные книги на сирском языке.

9, Четверток. Жизнь хладеет и цепенеет без солнца. Церковь изнемогает и каменеет без вселенского собора.

10, Пятница. Что значит слово *господин*? Так как оно состоит из двух коренных речений: «ос» и «один», а «ос» значит верховный, то господин есть некто один верховный. Господь же есть сокращение слова господин.

Что значит слово *государь*? Так как оно состоит из двух коренных речений: «ос» и «суд», то и дает разуметь, что государь есть верховный судья. А что «ос» действительно выражает высоту, вершину, то сие доказывается предлогом «вос» в словах: восхождение, возношение, воззвание и словами, начинающимися с «ос», например: осияние, освещение, острый. В этих и подобных им словах ощутительно выражается понятие о высоте.

Замечательно, что в славянском языке много слов греческих, например: δῶμα – дом; οἶκος – кука, т. е. дом; καλύβα – хлев; θύρα – дыра, дверь; θόλος – потолок; τεῖχος – затишье; σθένος – стена; ὀροφὴ – кров; στήλη – столп; δένδρον – древо; σχοινίον – посконь; ἱμάτιον – наметка;

φουστανέλλα – хустка; ρούχα – рухлядь; λῖς, λῖτὸς – полотенце; κοθούρνοι – коты (обувь), βλαυτίον – плат; χλαῖνα – холщовина; ὑφαίνω – навина от навиваю; χλώστη(ς) – клок; σκολιός – осколковатый; κοράσιον – красавица; οἶνος – вино; λεκάνη – лахань; βουλή – воля; βασιλεὺς – силачь; σκίπων – кий, скипетр; ἑστίᾱ (θεᾶ) – невеста³³⁷.

11, Суббота. Около полудня был у меня консул Базили и наговорил множество вещей и зловещих речей.

Антиохийский патриарх сущий ребенок, – сердится и плачет в собраниях, непрестанно противоречит себе самому; известного вам Нам-Трада сперва принимал холодно, а теперь ласкает этого пройдоху и головщика партии, непринимавшей игумена Исаию, и тем обижает другие почетные дома, например Бұстроса; то соглашается со мной разделить Бейрутскую епархию на две и посвятить Исаию на древний престол Вивлосский для христиан горских, то порицает такой раздел, то хочет подчинить вивлосского епископа бейрутскому митрополиту, не предвидя возможных между ними несогласий и соблазнов.

Тут я возразил консулу: «Не опасно ли разделение Бейрутской епархии? Не обеднеет ли от того здешняя митрополия?»

Он отвечал: «Конечно, она будет беднее, но все-таки может содержаться от города и от деревень, находящихся в южной части епархии. А опасности нет, выгоды же разделения есть».

– Какие?

– Во-первых, увеличится число архиереев и они впоследствии сами из среды своей могут избирать Антиохийского патриарха и возратить древнему престолу его независимость от Великой церкви. Во-вторых, православные монастыри здешней епархии останутся под управлением двух архиереев, бейрутского и вивлосского, и избегнут своекорыстного посягательства на них здешних торгашей.

– Ужели кто здесь посягает на монастырские доходы?

– Нам-Трад берет их на откуп и обещается вносить ежегодно 25 000 пиастров в здешний приход на устройство и содержание больницы для православных. Арабы обольщены этим обещанием его и потому заодно с ним не хотят иметь владыкой Исаию, который не позволит им учинить такое беззаконие, что они знают весьма хорошо. Но этому не бывать! Когда горцы узнают об откупе монастырей, взбунтуются и убьют откупщика. Да и Нам-Трад не сдержит своего слова, и видите, отец мой, – продолжал консул, – шумное дело здесь состоит не в одном избрании архиерея, а и в посягательстве на монастырские доходы. Это дело должно быть поведено умно. А патриарх сущий ребенок! Чем долее живет он здесь, тем более теряет народное уважение. «Какой он патриарх! Что это за глава народа!» – говорят здесь и договаривают, что он приехал сюда для того, чтобы нажиться доходами митрополии. Арабы кричат, шумят, грозят в присутствии его. Он терпит, плачет и вооружается своим бератом, а нахальство народа возрастает. Если бы я был здесь весной, то не допустил бы его сюда. Когда он жил в Ильинском монастыре, я советовал ему уехать оттуда прямо в Дамаск. Но он не послушал меня. Теперь уговариваю его сесть на коня и ехать домой, но он не слушает меня. «Посвящу здесь, – говорит старик, – двух архиереев и потом отправлюсь», как будто нет других церквей для посвящения их. Между тем страсти арабов распаляются, и я предвижу, что дело не обойдется без общего возмущения православных, без поругания лица патриарха и без неприятностей мне самому.

– Нельзя ли как-нибудь отвести грозу?

– Нет другого средства, как посадить патриарха на коня и выпроводить его отсюда. Но он не послушается. Я, духовный сын его, даю ему советы: «Собери христиан в церковь, приведи их в чувство раскаяния, посели в них уважение к себе, успокой их благими надеждами. Скажи им, что ты, как пастырь добрый, прощаешь им такие прегрешения, как непощадение твоей старости, забвение о твоём высоком сане, унижение твоего достоинства ефнарха. Зарони в них надежду, что со временем от престола твоего изыдут мудрые и добрые пастыри; напомни им, что ты в Дамаске готовишь будущих святителей из арабов и этой правдой успокой волнение страстей. Скажи им, что Бог изберет и пошлет им сюда благопотребного владыку». Вот что я говорю ему. Но слова мои быт один воздух.

– Если игумен Исаия уже не может быть здесь архиереем, то кого же намерен избрать патриарх?

– В Константинополе при церкви в Пере есть титулярный епископ Иерофей, известный и мне; хороший человек! К нему писал патриарх и его зовет сюда.

– А Дамасское духовное училище давно ли учреждено и на каких основаниях?

– Оно учреждено года за два. Я исходатайствовал для него 1000 руб. сер. в год. Патриарх набрал двенадцать молодых арабов (между ними есть и диаконы) и мы обязали их подпиской вступить в духовное звание. Они живут на квартирах, а на содержание получают от 700 до 800 пиастров в год.

– Радуюсь.

12, Воскресенье. Патриарх Мефодий с архиереями аркийским Захарией и триполлийским Иоанникием сегодня во время обедни посвятил малулского игумена Захарию в митрополита севелькийского и сайданайского. Я по слабости здоровья, к сожалению, не был в церкви. Минут полдень. Предсказанная консулом туча нагрянула и разразилась над головой патриарха. Я слышал вопли черни, видел её буйство. Дерзка она, когда силой требует себе правды. Робка она, когда встречает могущество сильнее себя. Безумна она без благоразумия вождей её. Легко посадить в тюрьму ярых зачинщиков её, но трудно тушить страсти, кои раздувает она тайно. О, вожди народа должны быть мудрецы и первое правило у них должно быть таково: Предупреждай зло. Вычисление вероятностей, предвидение будущего и святость жизни требуется от тех, которые сидят на седалище Моисея. Кто искусный кормчий? Муж с сердцем смелым, знающий глубины морей, течение ветров и силу парусов. Кто лучший народоправитель? Муж с сердцем правым, с душой чистой и с умом светлым, который зорко видит прошедшее, настоящее и будущее. Кто наилучший пастырь церкви? Муж смиренный и благоговейный, который от Духа Святого получил *слово мудрости и дар управления* (χάρισμα κυβερνήσεως) и который возгревает эти дарования молитвой. Без такого кормчего народ – водоворот. Без такого пастыря он – заблудшее стадо.

Какие же были причины народного возмущения здесь?

По смерти добродетельного митрополита Вениамина, патриарх Мефодий, согласно с желанием некоторых почетных христиан бейрутских (Бустроса, Сурсо и др.) и большей части ливаногорцев, хотел поставить здесь владыкой племянника покойного митрополита, хаматурского игумена Исаию. Но гораздо большая часть бейрутцев, увлеченная Нам-Традом, отвергла его за то, что он, быв еще диаконом при дяде своем, обращался с христианами презрительно и грубо и вел жизнь недуховную и за то, что, управляя четырьмя епархиальными монастырями, заботился лишь о том, как бы нажить деньги, а не о том как бы собрать монахов арабских и сделать их полезными для православной церкви на Ливане. Притом Нам-Трад умел и успел внушить своим сподвижникам, что гораздо выгоднее отдать монастыри на откуп за 25 000 пиастров и устроить на эти деньги больницу для православных, нежели оставить их в руках нового митрополита и получать от него только 5 000 пиастров (эту сумму давал покойный Вениамин). Такая приманка обольстила бейрутцев и еще более понудила отвергать Исаию, который по бойкости своей, при защите от патриарха и турецких властей, не позволил бы им вмешиваться в дела монастырей. Нам-Трад просил патриарха рукоположить архимандрита Афанасия, пребывающего в Иерусалиме. Но его блаженство решительно отказал ему в просьбе по духовным причинам, ему одному известным. После сего сделаны были взаимные уступки. Нам-Трад перестал докучать патриарху об архимандрите Афанасии и соглашался принять всякого архиерея, кроме Исаии, а патриарх обещался найти другого достойного пастыря. И действительно, он приглашал своего наместника архимандрита Агафангела, птолемаидского митрополита Прокопия, архимандрита Никифора, письмоводителя Иерусалимского патриарха, но все они отказались. Тогда его блаженство писал в Константинополь и звал оттуда титулярного епископа Иерофея, состоящего при греческой церкви в Пере. По-видимому, все были довольны и спокойны. Но партия Исаии в горах требовала его, а не кого-либо другого. Патриарх, колеблясь между встречными, противными ветрами, придумал (по предложению нашего консула) разделить Бейрутскую епархию на две, восстановить древний епископский престол в городе Вивлосе (в 8 часах пути от Бейрута, на север) и посвятить туда Исаию, поручив ему в управление приходы и монастыри разделенной епархии, находящиеся в северной части её, а в Бейрут вызвать архиерея из Константинополя и предоставить ему южную часть епархии. Но представился вопрос. Вивлосский архиерей будет ли зависеть от бейрутского, или нет? Патриарх Мефодий хотел сделать его зависимым, дав ему звание и права епископа митрополичьего. Но когда ему поставили на вид невыгоды этой зависимости, как то: личные неудовольствия обоих архиереев и происходящий оттуда соблазн для христиан, также ропот ливаногорцев при слышании возглашаемого в церквях имени чужого митрополита, а не избранного ими Исаии, тогда он решился отделить Вивлосскую кафедру от Бейрутской. Эта мера огласилась между христианами

и они, полагая, что патриарх хитрит и что Исаия с гор непременно сойдет в Бейрут, взволновались, забушевали, загремели.

Я наблюдал возмущение из окон Святогробского подворья, обращенных на двор митрополии. Смежная с этим двором кафедральная церковь была растворена. Через западные и северные двери её непрестанно входили на двор и уходили и опять возвращались безоружные арабы в праздничных платьях. Казалось, будто рой разъяренных пчел кружился около своего улья. Двор зачерпнулся народом. Все стояли и все что-то говорили громко, быстро и гневно, махая руками, бороздя ими воздух и заламая головы к окнам митрополии, где находились главные зачинщики и бушевали в присутствии патриарха и архиереев. Более часа продолжалось это движение. Наконец в митрополичьем доме послышался шум, стук, грохот, топот. Гляжу, – диаконы поспешно ведут под руки патриарха и архиереев по открытой лестнице, за ними бегут, толкаются, кричат разъяренные арабы. Все скрылись в церкви. Под сводами её раздался гул, подобный отдаленному барабанному бою. Я встревожился и с быстротой синайской серны побежал в церковь, дабы видеть, что там делают с злополучным патриархом. Вхожу туда, останавливаюсь на середине и вижу: блаженнейшего старца ведут под руки от западных дверей церкви к правому клиросу; около него движется буйная толпа. Оглушенный воплями и удрученный буйством безумцев он сел близ архиерейской кафедры, на так называемом стасиде (высокое кресло для сидения и стояния). Тогда я поместился на левом клиросе. Буйная чернь бегала по церкви, кричала, вопияла и толпилась около безмолвного иерарха. Один из арабов влез на архиерейскую кафедру и во все горло что-то кричал, бия воздух кулаками и приостанавливая свои сближенные руки и одни указательные пальцы над головой патриарха. У меня навернулись слезы на глазах. Я не мог более выдержать такого зрелища и укрылся в алтаре. Тут один только пономарь плакал о патриархе и выражал мне свою скорбь, а все прочие стояли безмолвно или смотрели через царские двери на архипастыря и на взбесившихся овец его. Опять увели его из церкви в дом митрополита. А я узнал, что патриарх хотел уехать к здешнему паше на приготовленном у западных дверей церкви коне, но народ не пустил его, – и справедливо. Не бегай пастырь от своей паствы к волкам и не жалуйся им на глупых овец.

Торжество черни над ефнархом еще более увеличило дерзость её. Эта чернь продолжала сильнее бушевать, как в доме его, так и на дворе. В окнах и на кровлях соседних домов появились женщины и дети и с беспокойным любопытством смотрели на то, что происходило. Я воротился домой и продолжал наблюдение. Слышались те же крики и видны были те же резкие жесты, что и прежде. Те арабы, у которых сердце посмелее и горло пошире, кричали в толпе и разжигали её страсти, а другие ходили по двору спокойнее и перешептывались между собой, прочие зевали. Это второе явление было так же продолжительно, как и первое. Когда архиереи подходили к окнам митрополии, чтобы посмотреть на чернь, тогда она разъярялась еще пуще и руками бороздила воздух, как бы грозя им, так, что они поспешно скрывались от нее.

Из северных дверей церкви показался наш генеральный консул Базили, предшествуемый и сопровождаемый кавасами и драгоманами. Медленно проходя мимо толпы к лестнице, ведущей в митрополию, он неоднократно прилагал свою руку к устам и произносил: тс, тс, тс. Толпа постепенно утихла; и я обрадовался, увидев магическую силу русского имени, так скоро успокоившую буйную чернь. Но когда он ушел к патриарху, тогда волнение мало-помалу опять разыгралось, забугрилось, и давай хлестать! Вскоре консульский кавас Сайд опрометью побежал через церковь. Все догадались, что он послан за солдатами. Тогда самые буйные арабы ложились на землю и вытягивали шеи свои на пороге церковном, давая тем чувствовать, что они скорее умрут тут, нежели уступят права свои силе. Мне стало страшно; ибо дело принимало оборот грозный.

Явились на дворе кавасы паши, – девять-десять с саблями и кнутами, и начали осторожно разгонять народ, но он ринулся на них, вытеснил их на улицу и, сорвав с них фески, потоптал их, так что они едва отыскивали их и остались вне двора, как оглашенные. После этого скопилось еще более народу. Набежали мальчишки. Под сводами церкви гремел нестройный гул.

Наш консул два раза высылал двух драгоманов своих арабов уговаривать чернь. Пока они витийствовали, чернь слушала их молча, а как только переставали говорить, мятеж опять разгорался по-прежнему.

Наконец появился наш консул и молча прошел в церковь, но скоро воротился и сам стал уговаривать и разводить толпу, взяв иных за руки. Я подивился неблагоразумности [самонадеянности] его. Консулу ни в каком случае не подобает исправлять должность

полицейского чиновника. Хорошо, что уважение к русскому имени спасло его от оскорбления, а если бы какой полоумный, полупьяный араб схватил с него шляпу, или плащ, или насильно вывел со двора, – кто был бы виноват? Кто стал бы отвечать за последствия? Не сам ли консул? Но, к счастью, дело пошло хорошо. Толпа стала мало-помалу расходиться. Тогда консул опять ушел к патриарху. А драгоманы его начали по одиночке отводить в стороны главных зачинщиков и обхватив их шеи, что-то шептали им. Шепот их был гораздо красноречивее и сильнее их громогласного витийства. Я догадывался, что бунтовщикам погрозили батальоном паши, тюрьмой и ссылкой на галеры. После сего они разошлись все по домам. Двор и церковь опустели. Воцарилось молчание. Спустя несколько минут консул увел к себе в дом патриарха и архиереев. Я сошел в церковь и отслужил вечерню.

Патриарх и иже с ним возвратились от консула уже довольно поздно. Как ни горько им было, но они решились в эту же ночь совершить чин избрания архиерея на кафедру в Эмеесе (Хомсе) и завтра рукоположить избранного. Я дорожил этим случаем и присутствовал при избрании.

Чин избрания архиерейского.

Наступила темная ночь. Архиереи аркийский Захария, триполийский Иоанникий и севелькийский Захария, игумен Ильинского монастыря на Ливане Макарий, грамматикос (секретарь) Антиохийского патриарха Георгий и переводчик Спíри, иеромонах Белемендского монастыря Григорий (будущий святитель), бейрутские священники и я, сын и наперстник матери-церкви восточной, все мы, молча, тихо прошли по помосту под залой митрополии, построенной на арках, и с молитвой в душе, благоговейно вошли в церковь Св. Георгия через северные двери её, потом разделились на два лика и стали в высоких стасидиях, водруженных по правую и левую сторону церкви, вдоль неё. Два святителя – два Захария и я недостойный, составили лик правый, прочие же – лик левый; а иеромонах Григорий укрылся в алтаре, под сенью благодати, приблизившейся к его смирению, простоте и молитве.

В иконостасе святые образа Архиерея Великого и Пречистой Матери Его озарены были мерцанием горевших пред ними серебряных лампад. Перед царскими дверями, в недалеком расстоянии от них, стоял небольшой высоконыйкий деревянный стол грубой работы. Его накрыли шелковой узорчатой пеленой красного цвета, как бы в знаменование того, что пастырь церкви должен проливать кровь свою за истину и паству свою, и положили на нем кодекс (книгу) в кожаном переплете Святейшей патриархии Антиохийской, в который вносятся имена избирающих и избираемых архиереев. Перед столом поставили старый железный подсвечник с зажженной свечей яркого желтого воска. Я взглянул вдаль и ввысь церкви: там было темно и мне казалось, что избрание святителя Господня происходит в мрачном подземелье в первые времена гонимого христианства.

Преосвященные архиереи возложили на рамена свои малые омофоры. Мантий на них не было. А мы предстояли в одних рясах. Аркийский архиепископ, как первенствующий, надел епитрахиль и, став пред иконой Спасителя, возгласил: *Благословен Бог Наш всегда, ныне и присно и во веки веков*. Причетник прочитал: *Царю небесный, Святыи Боже, Пресвятая Троице и Отче Наш*. Тогда первому архиерею подали кадило и он начал кадить святые образа и всех предстоящих в храме, а прочие покорно пели трижды тропарь Пятидесятницы *Благословен еси, Христе Боже Наш, Иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, человеколюбче, слава Тебе*, и кондак того же праздника. После сего архиепископ Захария сказал сугубую краткую ектенью: *Помилуй нас, Боже*, на которой воспоминал патриарха своего, а прочие пели *Κύριε ἐλέησον* трижды. По отпусте грамматикос Георгий вынул из кодекса приготовленную записку на греческом языке и косно начал читать ее вслух всех, стоя пред царскими двер(ь)ми.

«Понеже святейшая митрополия Эмесская осталась во вдовстве по блаженном успении архиерея (Мефодия) и вселении его в вечные обители, сего ради мы, обретшиеся во граде Верите собратия архиереи, по распоряжению блаженнейшего господина и владыки нашего патриарха града Божия Антиохии кῦρ кῦρ Мефодия и по патриаршему соизволению его, сошедшие в пречестном храме иже во святых страстотерпцах великомученика и победоносца Георгия и канонические голоса (ψίφος) подавшие его блаженству ради усмотрения достойного и способного лица, имеющего принять от него пастырский жезл, избрали первого».

Тут грамматикос прекратил чтение и начал спрашивать архиереев: кого избрали?

Аркийский архиепископ отвечал: иеромонаха Григория.

Грамматикос встроил имя его в записку и опять спросил: кого избрали?

Триполийский архиерей отвечал: иеромонаха Евфимия.
Грамматикос встрочил имя его и опять спросил: кого избрали?
Селевкийский сказал имя, но я забыл его.
Грамматикос сделал то же самое и продолжал читать.

«Тем же убо и имена их встрочены (катεστρώθη) в сем священном кодексе лета 1848-го, месяца декемврия дванадесятого дня».

Записка положена была на стол. Архиереи подошли к нему и подписались на ней так:

† Аркийский Захария, имеющий мнение лаодикийского.

† Триполийский Иоанникий, имеющий мнение тиро-сидонского Исаии и пахсийского Хрисанфа.

† Селевкийский Захария, имеющий мнение епифанийского.

Заметно мне было, что эти архиереи не очень грамотны. Секретарь подсказывал им, где надобно писать «и» или «η»; но эти неграмотеи строго исполняют правила святых вселенских и поместных соборов.

После сего меньшим клирикам надлежало бы идти в келью к первоизбранному иеромонаху и изречь ему так называемое *малое повещение* – μικρὸν μύνημα:

«Да ведает святыня твоя, что по отдании общего долга митрополитом эмесским (имярек) и по вдовстве епархии его и лишении законного пастыря и представителя, блаженнейший господин и владыка наш кῆρ кῆρ Мефодий возымел попечение о сей епархии, – да обрящется лицо достойное и способное принять престол оной митрополии Эмесской святительски, и для сего, призвав преосвященнейших святых архиереев, дал им власть [разрешение] учинить во храме каноническое избрание такового лица; по совершении же оного взыскана и предъизбрана пред прочими на святительское предстоительство митрополии Эмесской святыня твоя и се мы, посланные от блаженнейшего, пришли возвестить тебе сие, да будешь готов вскоре принять и великое повещение. Час тебе добрый и верно идущий (δὲξιá)! И Господь Бог да укрепит тебя, да угодиши Ему и людям».

А избранному надлежало бы отвечать им:

«Благодарю блаженнейшего и сущих с ним Святых архиереев и вас, принесших такое благовестие и потрудившихся мене ради», и после этого ответа тотчас дать им две златицы и потом идти с ними в храм, где ожидают его избиратели.

Но в этот раз, по неблагоприятному обстоятельству, малое повещение было оставлено, да и избранный иеромонах Григорий находился уже в церкви.

Итак, когда архиереи подписались, этот иеромонах облачился в епитрахиль и фелонь и совершил то же молебное пение, какое описано мною выше. По отпуске, он стал в царских вратах, зря к западу, а напротив его, на том месте, где читается апостол, стал другой патриарший писец и, держа в рудах свечу и великое повещение, написанное по-арабски, косно прочитал оное вслух всех:

«Блаженнейший господин и владыка наш и сущий окрест его блаженства лик преосвященнейших святых архиереев призывают святыню твою на престол святейшей митрополии Эмесской».

Призванный иеромонах Григорий, стоя на том же месте, произнес благодарение на арабском языке:

«Понеже блаженнейший господин и владыка наш, руководимый самим Богом, восхотел произвести и меня, наименьшего слугу своего, в сан архиерейства, по истине божественный, се, аз покорствую божественному велению его и приемлю сан. Благодарствую убо, во-первых, ему, блаженнейшему господину и владыке, таковое промышление о мне сотворшему, по нем же преосвященнейшим и богочестивым святым архиереям (поясные поклоны на оба лика их) и всему прочему собору (те же поклоны), их же святыми и богоубедительными молитвами сподоби мя, Господи Боже, пасти право вверенное мне словесное стадо Христово и представити оное нескверно и чисто в страшное пришествие Христово. Ему же слава во веки веков аминь».

Этим благодарением заключен был чин избрания. Все мы пошли к патриарху и у него отслужили вечерню.

Таков чин избрания архиерейского в Сирии и Палестине и на всем Востоке и таково выполнение его!

13, Понедельник.

Чин посвящения архиерейского.

Было глубокое утро. Церковь Св. Георгия, наполненная народом, подобила лугу, испещренному разными цветами, большими и малыми. Патриарх в этот раз облачился в середине её в одежды, недавно присланные ему в дар грузинской царевной Тамарью при пении псалма: *Хвалите Господа с небес*. Христиане, любясь этим облачением из золотистого глазета, шепотом говорили друг другу: московское, московское. Пред возгласением: *Тако да просветится свет твой пред человеки*, на троекратный зов диаконов: *архиереи изыдите*, вышли из алтаря три вышепомянутых архиерея в саккосах и омофорах, но без митр; на головах их были обычные, черные клобуки, а левой рукой они поддерживали свои большие Служебники, стоямя приложенные к сердцу. Они стали не подле патриарха, а на ряду со священниками, по правую и левую сторону церкви. После *Тако да просветится свет* твой патриарх крестообразно осенил весь предстоящий народ. Свет дикий и трикий отражался в драгоценных камнях двуглавого орла, пришитого к митре над ободочком её. Потом развернули на полу большой ковер с двуглавым орлом, а диаконы вывели избранного иеромонаха в иерейском облачении и клобуке с Евангелием в руках и поставили его на орле. Раздался возглас: *Вонмем*. Избранный раскрыл святое Евангелие и громогласно начал читать по-арабски: «Аз, иеромонах Григорий, милостью Божией избранный на святейшую митрополию Эмесскую, собственной рукой начертал: *Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли*» и проч. до конца. После Символа веры прочтены были им и другие вероисповедания, содержащиеся в Требнике. Чтение опять заключено было словами: «Аз, иеромонах Григорий, милостью Божией, избранный на святейшую митрополию Эмесскую, собственной рукой подписал». Наконец, диаконы сомкнули Евангелие вместе с подписанной избранником хартией и положили оное на святом престоле.

Знаменателен и поучителен этот обряд! Избранный в архиерея сам своей рукой пишет и подписывает вероисповедание и произносит оное над Евангелием вслух всего клира и народа Господня. Это значит, что он присягает на Евангелии на верность святой, православной, кафелической церкви. Хартия его есть хартия сей церкви и ею он обязуется содержать истинные догматы её и других учить им. Эта же хартия есть свидетельство его совести и выражение его внутренней веры и она послужит оправданием или обличением его, как в настоящем веке, так и в грядущем здесь на земле и там на небе. Ее относят с Евангелием в алтарь, как бы в самое небо, к самому престолу Божества. Итак, страшно изменить ей, страшно впасть в руки Бога живаго, а похитить ее из рук Его невозможно.

После того, как избранный засвидетельствовал свою веру пред Богом, клиром и народом, диаконы возгласили: *Повели! Повелите!* и подвели его к патриарху. Первосвященитель, благословив его, изрек: «Благодать Всесвятого и Животворящего Духа чрез смирение мое проручествует тя в митрополита святейшей митрополии Эмесской». Певцы запели *исполля́ ёти*, а избранный поцеловал десницу патриарха. Патриарх же облобызал его главу и рамена. То же самое сделали и прочие архиереи. Потом избранный опять стал на орле. Но два иерея тотчас опять повели его к патриарху, возглашая: *Повели! Повелите!* Первосвященитель, благословив его, изрек: «Благодать Всесвятого и Животворящего Духа да будет с тобою ныне и присно и во веки веков». Опять пропето было многолетие и последовало то же святое лобзание. После сего избранный ушел в алтарь и там облачился. Народу розданы были свечи. Началась литургия.

Когда пропели *Святой Боже* и торжественно возгласили титул патриарха, тогда его блаженство сел на соломенном стуле у святой трапезы, а архимандрит Макарий и протосингелл Иоаким подвели избранного к царским вратам и, наклоня его выю, возгласили: *Повели! Повелите! Повели, владыко святой!* Как только они вошли с ним в алтарь, тотчас два старших архиерея приняли его из рук их для совершения знаменательного венчания избранного с невестой его, – Эмесской церковью. Посвящаемый иеромонах распростер вширь свои руки и образовал из себя крест. Аркийский архиерей вложил свою руку в десницу его, а триполийский в шуйцу его и так, все трое растянувшись в одну прямую линию и не поворачиваясь боком, а зря прямо к святой трапезе, медленно и благоговейно трижды обходили эту трапезу, поя стихиры: *Святии мученицы, Слава тебе Христе Боже, Исае ликуй*. В эти минуты все находящиеся в алтаре и в церкви преклонили колена и зажгли свечи. Храм стал звездным небом. Смотри на шествующих окрест святой трапезы так, что лица их зрели на нее, я вспомнил и понял слова тайновидца Иезекииля: *идяху и не обращахуся*³³⁸. Душа моя была исполнена благоговением, умилением и каким-то особенно сладостным восторгом. После венчания, иеромонах Григорий стал на колени пред святой трапезой, положил на нее свои руки и склонил на них свою голову, а патриарх покрыв ее своим омофором, распростер над нею Евангелие, которое поддерживали

прочие сослужащие архиереи, и возгласил: «Избранием и одобрением преосвященнейших митрополитов, архиепископов и епископов, Божественная благодать, всегда немощная врачуя и оскудевающая восполняющая, проручествует Григория, боголюбейшего пресвитера, во митрополита богоспасаемого града Эмессы. Помолимся убо о нем, да приидет на него благодать Всесвятого Духа». Таинство было совершено. Патриарх прочел уставные молитвы. Посвященный встал. Его облачили в саккос и омофор и дали ему в руки Служебник, при троекратном пении *аксиос*. Затем последовало взаимное целование. Наконец новопосвященный стал первый по правую сторону святой трапезы и в продолжение всей литургии, кроме большого выхода, не снимал с себя омофора. После отпуста патриарх вручил ему пастырский жезл и, сняв с себя митру, надел ее на голову его. Новоблагодатный святитель в полном облачении стал на архиерейской кафедре и разделил христианам антидор.

Итак, восточный чин архиерейского рукоположения во многом разнится от нашего чина, измененного по учреждении у нас Святейшего синода. При воспоминании об этой разности кстати заметить и другую разность в литургисании. Пред чтением Символа веры, в минуты братского лобзания священнодействующих, патриарх стоял у правого рога святой трапезы, а архиереи и все прочие, по взаимном целовании, становились рядом пред лицом его посолонь, а не против солнца, как у нас.

Антиохийский патриарх во время литургии носит две панагии, одну ниже другой.

В десять часов (до полудня) я пошел навестить консула, и у него, на лестнице, встретился с аркийским архиереем и архимандритом Макарием, которые обменялись со мной одними поклонами. Продолжительна была беседа моя с дипломатом. Передаю содержание её отрывками.

Паша хотел послать батальон солдат для усмирения бунтовавших христиан, но, по совету консула, приказал ему только быть готовым на всякий случай.

Консул поручал аркийскому архиерею уговорить патриарха, чтобы он просился на покой в надежде получить достаточное содержание от России и от Великой церкви. Но преосвященный Захария отклонил от себя такое поручение, сказав, что ни он и никто другой не посмеет сделать такого предложения его блаженству.

– Я сам, – говорил мне Базили, – предложу это Мефодию и обещаюсь исходатайствовать ему 1000 рублей сер. пенсии от нашего двора и 12 000 пиастров от Великой церкви. В последний проезд через Константинополь я говорил об этом с бывшим вселенским владыкой. Он согласен был со мной.

– Где же будет жить Мефодий? – спрашивал я. – Консул отвечал: «Или в Бейруте или в Триполи. Тут он благочестивой жизнью своей будет иметь хорошее влияние на православных христиан».

Базили решился наказать некоторых мятежников, поругавших патриарха, ссылкой на галеры или заключением в тюрьму. Я упрашивал его показать строгость отца и вместе снисхождение матери, то есть погрозить виновным и пощадить их, и примолвил: «Ведь, главные-то зачинщики останутся в стороне и в покое; зачем же быть строгим только к одним орудиям их дерзости? Как бы не пропали эти орудия! Как бы одна половина их не очутилась в униатской церкви, а другая в протестантской кирке!»

– Раскола не будет, – говорил мне собеседник, – я ручаюсь всем за это; но гроза куда не бесполезна!

По уверению его, политические дела в Молдавии и Валахии еще не кончены. Наш посланник воюет с Портой.

– Нас не любят в этих княжествах, – говорил я. – Даже деревенские жители, в проезд мой там в 1846 году, спрашивали меня: «правда ли, что опять нас отдадут туркам и что мы по-прежнему будем свободны и не прикреплены к боярам и к землям их?» Этот вопрос доказывает,

что румынский народ боится русского рабства, волнуется, унывает и предпочитает нам турок. Выслушав это, консул сказал: «Да, в княжествах мы наделали много ошибок. Киселёвщина (намек на графа Киселева) нигде не одобряется – ни там, ни в самой России».

Перед вечерней были у меня отец Спиридон, прибывший сюда из Дамаска для проповедования слова Божия, и племянник его молодой араб Фадлалла Саруф, который будет учить нас арабскому языку. От них узнал я, что в Дамаске уже с год существует девичье училище. Оно помещено в церковном доме близ патриархии. Одна из сайданайских монахинь обучает более 60 девочек чтению по-арабски, но не письму. – «Меньшая сестра моя, – говорил Фадлалла, – выучилась грамоте, но, бедняжка, умерла от холеры в Сайданском монастыре. Перед смертью она наизусть читала разные молитвы». Известие об этом училище усладило меня. Я благословил Бога, всегда промысляющего о малых верующих в Него.

Вечер провел я у севкийского архиепископа Захарии. Мы говорили о делах Бейрутской епархии. По его мнению, игумен Исаия должен добровольно уйти отсюда в Иерусалим, дав отчет патриарху в доходах и расходах монастырей, которыми он управляет; иначе пожар не потухнет. Он должен успокоить ливаногорцев своим гласным отречением от предлагаемой ему кафедры в Бейруте. Я соглашался с этим мнением архиепископа и припомнил ему слова Григория Богослова, сказанные им в бурное время святительства его в Константинополе: «Ежели ради меня воздвигается эта буря, то пусть лучше бросят меня в море, да утихнет волнение народа». Припомним также поступок того египетского отшельника, которого народ неотступно просил быть владыкой ему и который, не сознавая в себе дара управления, сперва вывертел себе правое око, а потом отрубил пальцы, без которых нельзя благословлять народ. Эти примеры нравились моему собеседнику, и он продолжал говорить мне, что разделение Бейрутской епархии на две – невыгодно в хозяйственном отношении и опасно по последствиям. – «Мы должны быть весьма осторожны в действиях своих, – примолвил он, повысив голос; – ибо хищные волки стоят у ворот церкви и готовы похитить наших овец». После сего он начал хвалить триполийского архиерея, называя его корифей, – вершиной здешних святителей; говорил и о своем знании арабского языка, как разговорного, так и письменного, и присовокупил, что архиерей, вызываемый сюда из Константинополя, не знает ни языка, ни обычаев арабских. Я догадался, что ему самому хочется быть бейрутским или триполийским владыкой, но промолчал. В заключение он просил меня советовать консулу удалить Исаию и не разделять епархии, как будто наш дипломат идет наперекор воле архиереев и, следовательно, будет виновником всех худых последствий поддержки Исаии здесь ли, в Бейруте, или в Вивлосе.

Возвратившись в свою келью, я подумал о том, что говорил мне севкийский архиерей и, припомнив слова протосингелла Иоакима (из арабов): *Исаия многим не люб, и на Ливане... из-за него одного происходит столько распрей и неудовольствий. Бейрутская церковь опустеет, а патриарх раскается, но поздно...* Приняв также в соображение холодность к Исаии другого здешнего иеромонаха из арабов, я решился уведомить об этом консула и карандашом написал ему записочку следующего содержания:

«Низшее и высшее духовенство, здесь собранное, втайне желает, чтобы Исаия сам отказался от святительства и тем потушил бы пожар, сдав монастыри кому и как следует и уехав через Дамаск в Иерусалим.

Разделения епархии боятся как урагана и не принимают на себя ответственности в этом...

Уведомляю Вас о сем не как человек, вмешивающийся в чужие дела, а как телеграф, передающий известие»³³⁹.

NB. Эта записочка была приготовлена накануне, а послана утром.

14, Вторник. Перед вечерней был у меня протонотарий Иоанн и, между прочим, поведал, что здешние христиане, опасаясь последствий посрамления патриарха, хотят просить у Великой церкви экзарха, который приехал бы сюда и рассудил бы на месте, кто прав и кто виноват, и что он, протонотарий, не советовал им предпринимать сего дела, поставляя на вид независимость Антиохийского патриарха от Великой церкви Цареградской, которая поэтому едва ли пришлет сюда экзарха.

После вечерни навестил меня консул и благодарил за записочку. Как только он начал порицать здешних архиереев за их двоедушие, они с игуменом Макарием нагрянули в мою келью. Консул повел разговор с ними и, предварив их, что он в России напитан душком военным и потому привык братья за меч обоюдоострый, стал уличать их за то, что они иное говорят ему и иное другим; архиереи [в испуге (двоедушны суще)] начали клясться и ротиться, что они

преисполнены признательности и уважения к нему, как представителю Российской державы, и готовы слушаться его во всем. Тогда консул посоветовал им немедленно отправиться в свои епархии и получил их согласие (*Divina comedia*³⁴⁰). После сего зашла речь о том, кого бы здесь оставить попечителем церкви. Архиепиеи предлагали отца Спиридона. Но консул справедливо заметил, что проповеднику надобно быть в стороне от всяких хлопот и дел. Боже избави, если он при столкновении со [здесьними] гражданами раздражит их страсти, потеряет их доверие и уважение или подаст повод к каким-либо подозрениям. Кто тогда станет слушать его? И будет ли благотворна проповедь его? Решено было оставить его в покое.

Ушел консул. А архиепиеи остались в моей келье и просили меня посоветовать ему, чтобы он учредил русское агентство в Триполи и назначил бы агентом кого-либо из тамошних православных христиан.

Вечер и начало ночи провел я у консула. Он сообщил мне новость. Все палестинские евреи, русские подданные, будут переданы консульству английскому. Уже получено соизволение на это государя императора. Большая часть этих евреев не имеют паспортов или просрочили их, а хлопот с ними много. Их притесняют магометане и даже грабят, когда они без проводников пускаются в дорогу. Воров же очень трудно отыскивать здесь. А дабы арабы не привыкали думать, что им можно безнаказанно обижать русских подданных, для сего решено передать евреев англичанам, которые расположены издерживать на них большие деньги.

Вот еще замечание консула, которое мне надобно помнить. Выбор архиепиеев в Сирии никогда не обходится без шума. В Триполи и Лаодикии кафедры оставались праздными года по два и более от несогласия христиан.

По настоянию консула, шесть человек посажены здесь в тюрьму за прошлое посрамление патриарха. Но их скоро выпустят оттуда.

Опасности совращения недовольных бейрутцев в унию или протестантство нет. Нам-Трад, головщик этих недовольных, по своим интересам должен оставаться тем, чем был. Он — стряпчий православных ливаногорцев: обдывает их делишки и за то получает от них подарки. Лишиться этой выгоды он не захочет.

— Да, ведь, он драгоман английского консульства? — возразил я.

— По одному имени, — отвечал консул.

15, Середа. В каждый Божий день у меня разные мальчики в глазах и новые понятия в душе. Сегодня виделся со мною о. Спиридон и на расспросы мои об Антиохии и Амиде (Диярбекире) отвечал:

В Антиохии находится одна православная церковь во имя Успения Божией Матери с приделами Георгия и Предтечи. Она устроена в скупленных домах. Требуется новая церковь, более пространная и благолепная, в утешение тамошних многострадальных христиан. Всех православных семейств в Антиохии 180. В приходском училище их о. Спиридон трудился с 1845 по 1848 год.

А с января по июль месяц 1848 года он проживал в Амиде, куда патриарх посылал его для введения церковного чина и порядка по случаю обращения тамошних униатов в православие. В этом городе воссоединенным принадлежит небольшая, но высокая церковь во имя Козмы и Дамиана. В ней есть мраморная рака, в которой почивали мощи сих бессребреников и чудотворцев. Но давно их нет, кроме одной главы. Чьей? Я забыл спросить. В Амиде паству митрополита Макария составляют 60 семейств, а вне — две христианские деревни в 18 часах пути от сего города. Туземные христиане говорят по-армянски.

После вечерни посетили меня архиепиеи аркийский и селевкийский и поведали, что они завтра уедут отсюда в свои епархии, если не остановит их какое препятствие. Я расспрашивал аркийского о двух ансарийских рукописях, о которых он уведомлял меня письмом. По его словам, эти рукописи писаны на бумаге по-арабски; величина и толщина их с обыкновенную книгу; а содержат они вероисповедания ансариев, например одно и то же божество воплощалось в разных лицах, и наконец в Али, — законном преемнике Магомета; до Адама за 150 000 лет существовали люди; души по смерти тел переселяются в разных животных. Преосвященный просил меня писать в Петербург об этих рукописях и исходатайствовать денежную награду за передачу их нам. А дабы при пересылке они как-нибудь не утратились, он решился сделать точные списки с них. Благоразумно! Но так как он объявил о них консулу, то я уже и не знаю, следует ли мне мешаться в это дело, или нет. Наше духовное начальство едва ли захочет приобрести эти рукописи. Правда, онигодились бы ученым и будущим миссионерам нашим в

Сирии, которые должны же знать веру ансариев, дабы уметь действовать на них успешно [начав] со стороны слабой или с той, где какое-либо верование их приближается к нашим догматам. Но Россия теперь еще не может быть всем вся, и епископы её еще не вмещают всех земнородных в сердцах своих. Они – не океаны, обтекающие всю землю, а русские реки, да и те не все глубокие и широкие.

После ужина я был у патриарха. Он показал мне свой берет, данный султаном Абдул-Меджидом. Красивая хартия! Вверху её разноцветными красками нарисован шифр султана в большом размере. Имя его все в цветах. Под шифром изложены все права патриарха. Строки писаны разными составами: после золотой следует красная, за нею черная, и так снова. Этот берет его блаженство посылал сегодня бейрутскому паше, как доказательство своих прав. У него сидел какой-то грек и просил его освободить заключенных в тюрьму за оскорбление его блаженства. Когда он ушел, я сказал патриарху: «Спросите своего протонотария, – какой подарок приятнее было бы ему получить из России, драгоценный ли перстень, или золотые часы, или табакерку, только не деньги». Его блаженство вместо ответа указал на грудь свою и тем давал разуметь, что довольно, если и он один получит драгоценную панагию. Однако, я пожелал знать, сколько служит при нем протонотарий.

– Двадцать лет, – отвечал он, а Георгий 22. Агафангелл архимандрит 32.

16, Четверток. Приближался полдень. Несвязные ученые занятия мои прервал своим посещением Базили. Он тот же и песня его та же: «Архиереи только нагадили здесь». Неохотно я слушал эту песню и, воспользовавшись первым молчанием певца, просил его принять благочестивое участие в положении русских поклонников и монахинь в Иерусалиме и ходатайствовать у посланника о назначении в Св. Град русского иеромонаха и чтеца, двух старцев пожилых, добронравных и благочестивых, но не из лавр, а из общежительных пустынь Саровской или Софрониевой дабы они совершали богослужение и все требы для соотечественников своих. – «Не должно давать им жалованья, с которым они могут испортиться душевно, – примолвил я, – а надобно отпускать небольшую сумму только на содержание их. Они состояли бы при нашей миссии и иногда помогали бы и нам в церкви, потому что нас мало». Консул согласился на это предложение и просил меня представить ему записку об этом деле. Fiat! Γένοτο³⁴¹.

После вечерни я пошел к патриарху. У него сидел какой-то почетный христианин из арабов и разговаривал с ним через переводчика весьма тихо. Я слышал только, что мятеж христиан произвел дурное впечатление в здешних мусульманах, которые еще более станут презирать их и долго не будут говорить с ними на улицах и торжищах. Скромный наперсник ушел от его блаженства, да и я недолго тяготил его своим присутствием и, вручив ему 500 пиастров на поминовение родителей и родных моих в новосозданном им храме в Дамаске, простился с ним. Мститый иерарх убедительно просил меня писать к нему, примолвив, что ему особенно приятно получать от меня письма. Дано мною обещание и принято его благословение, статья может уж в последний раз.

От патриарха я зашел к протонотарию и дал ему 1000 пиастров за перебеление для меня арабских рукописей. С балкона верхней горницы его виден был Саннин (Ливан) во всем его величии, как царственный седовласый старец в волнистой мантии. Я полюбовался им, возблаговолел пред величием и всемогуществом Бога, который из ничего создал такую громаду и, пожав руку протонотарию, сказал ему: «И наши головы будут белы так же, как вершины этой горы. Когда мы посеем и, став мудрыми, взойдем на высоту добродетелей и благочестия, тогда юноши, смотря на нас, скажут: они подобны Божьему Ливану». Слова мои умилили благоговейного собеседника. Мы простились, как друзья.

За два часа до полуночи я возвратился домой от консула Базили и принес подарки дневнику своему.

Драгоман консула Наум Хури принадлежит к той партии униатов, которая желает обратиться в православие при первых благоприятных обстоятельствах. Первый подарок!

Некоторые сидонские униаты на днях уведомили консула, что они приняли православие и уведомили с той целью, чтобы обрадовать его. Но он ответил им, что не сердечное, а своекорыстное воссоединение их с православными не радует его. Второй подарок! Но на этом подарке я оставляю надпись: дипломат должен помнить слова Евангелия: грядущего ко мне не иждену вон³⁴². Приидох грешные спасти, а не праведных³⁴³.

В Святейший синод наш препровождается, при отношении консула, несколько экземпляров Малого Часослова на арабском языке, недавно напечатанного в здешней типографии. В красноречивом отношении, между прочим, сказано, что униатский патриарх Максим ввел наш Пространный Катехизис в свои училища с некоторыми изменениями и что протестантские миссионеры в Сирии, прочитав эту книгу, отзывались о ней с похвалой, сознавшись в своем неведении о том, что православие в защиту свою имеет духовное слово, непричастное софизмам Рима. Третий подарок!

17, Пятница. Сегодня утром патриарх уехал в Дамаск со всеми домочадцами своими. Час ему добрый! Сего же дня отправились в свои епархии и архиереи аркийский и севелькийский, а триполитский уехал вчера.

18, Суббота. После вечерни навел меня консул и, между прочим, говорил, что наш агент в Сидоне Фаддул Разгалла из маронита сделался православным и что принесена жалоба на него, будто он приневоливает сидонских униатов к православию. «Но эта жалоба, – продолжал дипломат, – неосновательна. Нашему агенту дана инструкция, по которой он никак не может мешаться в дела религиозные. Я отвечал челобитчикам: если ваша правда, то будет отвечать агент, если же неправда, то подвергнетесь ответственности вы, как клеветники. Дайте мне имена тех, которые обвиняют или подозревают нашего агента». Но имен не объявили мне, трусили!

19, Воскресенье. Сегодня я ездил с консулом в кладбищенскую церковь Св. Димитрия. Отслушав обедню, мы полюбовались с соседнего холма красивыми видами Ливана и ближней кустистой долины, настроенными в ней домиками садовников, городом и морем. Великолепная картина! На ней, кроме природы и человека, видишь и невидимого Бога.

На обратном пути консул поведал мне, что австрийский император Фердинанд отрекся от своего престола по случаю народного восстания в Вене и что преемником его признан племянник его Иосиф, восемнадцатилетний юноша. Идя на чужих ногах, я думал: было время, когда поэты называли Австрию счастливой, *Tu, Austria felix, pube*³⁴⁴; но оно прошло. Провидение возьмет у нее народы из-под ревнивой опеки. Она состарилась, и поэтам пора писать ей эпитафию: *Sic transit gloria mundi*!³⁴⁵

Вот еще известие от консула! Отец Спиридон несколько времени был наставником в иноческом училище Белемендской обители при игумене Афанасии³⁴⁶. А так как жена у него красавица, то игумен и влюбился в нее; но узнал об этом патриарх Мефодий и удалил влюбленного, а отца Спиридона с красавицей спугнул в Триполи, школу же закрыл.

Свежо предание, а верится с трудом! Но пусть бы и так; зачем же разорять училище? Чем виноваты белемендские монахи? Нет! Патриарха разгневал не один грех игумена и красавицы; его разгневала безрассудная ревность грека, нетерпящего образования арабов.

20, Понедельник. Дождь ливня льет. Я начал учиться по-арабски. *Каддус Аллах* – Святый Боже, *Каддус ел-кхәуй* – Святый крепкий, *Каддус илләзи илләмут* – Святый бессмертный, *ерхамна*, – помилуй нас³⁴⁷.

23, Четверток. Сегодня я был у консула. Вот его вести. Патриарх Мефодий прибыл в Дамаск благополучно. Перед отъездом из Бейрута ему предложено было подать отречение от престола и обещано ежегодное жалованье 17 000 пиастров из России и 12 000 пиастров от Великой церкви Цареградской, а жить бы ему в Триполи. Дамасские униаты в ссоре со своим патриархом Максимом. С ним не ладит и униатский в Бейруте епископ Агапий. Он обратился бы в православие со всей паствой своей, если бы дали ему здешнюю митрополичью кафедру. Это несомненно; ибо сам он заискивает благосклонности православных арабов и предлагает свое посредничество между ними и Мефодием.

Я рассказал консулу похождения униатского епископа Афанасия, проживающего в Алеппо³⁴⁸, и, упомянув в конце рассказа, что этому епископу предлагают кафедру арабского языка в богословском училище на острове Халки, начал витийствовать: «Знать, в Константинополе намерены сделать это училище средоточным, общим для всех четырех патриархатов восточных. Но я не одобряю этого намерения, во-первых, потому, что, в случае привития западных идей к незрелым умам халкинских богословцев, ложные учения могут распространиться от них в церквях Сирии, Палестины и Египта, а отдельные богословские училища в каждом патриархате могут хранить православие и ратовать с еретиками, появившимися в одной какой-либо церкви; во-вторых, потому, что в Константинополе не все греки любят нас, а все, естественно, сочувствуют Элладе; следовательно, из средоточного Халкинского училища сирийское и палестинское юношество может вынести ложные понятия о России, нерасположенность к нам и

страсть к демократии, которая искони нравится еллинам и, однако, весьма мало полезна им. Не говорите мне о сильной любви греков к православию. Хотя эту любовь и имеет народ темный, но между цареградскими патриархами были латинумудрствующие и лютерокальвинисты, а некоторые дидаскалы, как Коридалиий Кариофилак, сеяли в свое время плевелы, а не Божью пшеницу. Мудрено ли же появиться таким сеятелям и в наш век, в который молодые люди увлекаются всяким ветром учения? Мода, завоевательница и тиранка! Гораздо бы лучше учредить отдельные училища проповедников для Сирии в монастыре Белемендском, а для Палестины в Иерусалиме, если не академических, то, по крайней мере, семинарских. Иерусалимский патриарх, как вы знаете, помышляет об основании подобного училища. Однажды он изъявил мне свою надежду на студентов нашей миссии. «Когда они выучатся по-арабски, – говорил он, – тогда могут быть наставниками у нас, и на них мы можем положиться более, нежели на других учителей». Но надежда его тщетна. Скоро ли выучатся говорить по-арабски наши студенты? Да могут ли они достигнуть такого совершенства в знании сего трудного языка, чтобы словом своим увлекать арабов, которые от природы красноречивы и красное слово любят и почитают доказательством учености, образования, мудрости человека? Согласимся на минуту, что это возможно при дарованиях и прилежном учении. Но кто же из нас будет жить долго в Иерусалиме без русского златоглавого храма и без красного терема, в непрерывных лишениях, скорбях, в поту, в грязи и, наконец, с обрезанными крыльями, без возможности украшать бедные храмы, помогать несчастным печатать арабские книги? Ad impossibilia nemo obligatur³⁴⁹.

– А, кстати! – продолжал я говорить. – Мне пришли на память некоторые витязи Гроба Господня в Петербурге, которые желают учредить комитет, общество, δὲν ἡξεύρω τί³⁵⁰, для блага церкви Палестинской. Перед отъездом моим в Св. Град, господин Норов, поэт и паломник, читал мне свой краткий доклад государю об учреждении Палестинского комитета и говорил, что граф Орлов согласен представить этот доклад его величеству, если предварительно одобрит его канцлер. Что ж? Составился ли этот комитет? Вы были в Петербурге, так слышали о нем? – спросил я собеседника.

Он отвечал мне: «Не только слышал, но и писал противное. Господа Норов и Муравьев питают несбыточные желания. Они хотят иметь духовное влияние на православные церкви в Палестине, Сирии, во всей Турции и даже в Австрии, посылать туда пособия и своих соглядатаев, духовных или светских, мимо нашего министерства иностранных дел. А согласитесь, что это невозможно. Ужели министерство должно подчиняться комитету, например, уведомлять его, что по таким и таким политическим обстоятельствам нельзя послать туда-то соглядатая, а там-то раздавать денег христианам, потому что они купят на них ружья и порох для совершения своих или чужих замыслов, например против Турции? Система нашего правительства есть система строжайшего единства. Все исходит от государя и все к нему возвращается через министерства. При том есть тайны, которых никто не должен знать, кроме государя и немногих таинников воли его. Можно ли посвящать в эти тайны Палестинский комитет? Кто не ограничен присягой и сокровенными преданиями и целями правительства, тот не будет поступать по пословице: ешь пирог с грибами, а держи язык за зубами. Посланцы комитета по своему характеру, по недоразумениям, даже по глупости или заносчивости, могут делать неприятности консулам и приводить их в затруднение. Но, ведь, консулы такие же люди, как и они, следовательно, могут платить им равной монетой. Что же из всего этого выйдет? Недовольство нашего министерства и комитета и расстройство дела Божия».

– Вы отчасти правы, – сказал я, и примолвил: поэты и мечтатели никогда не поладят с дельными и хитрыми дипломатами.

Консул улыбнулся, но возразил: почему вы говорите, правы отчасти?

Я отвечал ему: потому, что мне пришла на память католическая и протестантская пропаганда, которая как-нибудь да ладит с министерствами иностранных дел.

Последовало обоюдное молчание.

25, Суббота. В Бейрут пришел французский пароход и принес известия, что Людовик Бонапарт избран президентом Французской республики.

Что кроется в этом президенте? Будущий император французов? Или ссылочный бедняк? Dies docebit³⁵¹.

Доктор Песталоцци и консул говорили между собой, что северная Италия желает иметь своим королем нашего лейхтенбергского герцога Максимилиана. А я думал про себя: нынешние политические движения и события в Европе похожи на водоворот. Не пропал бы в нем наш

герцог! Не пошла бы отыскивать его там Россия! О кровь, человеческая кровь! Когда она перестанет литься? Верно тогда, когда Бог упразднит ее. Ныне не твердо держатся короны на головах царей и королей. Народные бури мгновенно срывают их и разбивают вдребезги. Конституции служат переходами к республикам, а волнения народов готовят воскресение древних демократий. Кажется, не бывать уже монархическому наследству..! А будет наследство личных дарований и мудрости. Но честолюбивые, хитрые, лицемерные и корыстные люди не переселят ли мудрых и не сделаются ли царями? В прошедшие века это было. И история нам говорит, что монархии превращались в республики и республики в монархии. А совершится ли это в отдаленном будущем? Не знаю. Кажется, опытность рода человеческого не допустит сего... Ныне цари и с ними папа римский хотят помирить самодержавие с демократией. Но не удастся им соединить воду с огнем. Их попытка обнаруживает их слабость.

Консул читал мне две секретные записки свои, поданные канцлеру Нессельроду в нынешнем году, – одну на русском, а другую на французском языке. В первой записке, в восьми или девяти пунктах, он изложил меры к поддержанию православия в Палестине и преимущественно в Сирии, в которой действуют протестантские миссии, испрашивал в свое распоряжение 10 000 рублей сер. ежегодно для Сирийской церкви на типографию, училища, проповедников и на непредвиденные случаи и требовал облачений для двух православных церквей в Алеппо и Амиде. Вообще, он предложил те же меры, какие указал и я, за исключением одной, именно подчинения нашему контролю доходов казны святогробской, получаемых из Валахии и Молдавии. По его мнению, полезнее действовать на арабское духовенство, нежели на народ. Во второй, краткой, записке изложены мысли о подчинении Палестинского комитета министерству иностранных дел и Св. синоду. В губернских городах архиереи, губернаторы и дворянские предводители должны частно приглашать доброхотных дателей к пожертвованиям на пользу православия вне России, отсылать подаяния в комитет с указанием назначения их и впоследствии получать от него уведомление о раздаваниях согласно с желанием жертвователей. Обе записки были доложены государю. А он велел обдумать дело.

26, Воскресенье. Консул объявил мне, что он уведомит нашего посланника о выделе (из 286 р. сер., назначенных на Бейрутское училище) 1000 пиастров отцу Спиридону, с присовокуплением, что эта мера признана полезной и архимандритом Порфирием в настоящих обстоятельствах, когда о. Спиридон, как проповедник, один может иметь благотворное влияние на умы волнующихся христиан бейрутских. Sic!

Говорили мы о графе Протасове. Базили называл его скупым на чужие деньги, а я перечислил замечательные преобразования, кои удалось ему сделать. Протасов сознал уклонение нашего духовенства к протестантству и, без сомнения, по воле государя, принял меры против этого зла: подчинил себе духовно-учебное управление, ввел в семинарии и академии преподавание катехизиса Петра Могилы и учение о святых отцах церкви, воспретил новый перевод Священного Писания из опасения нового раскола и потому удалил из Синода двух Филаретов, московского и киевского, желавших вновь перевести Библию с еврейского языка, придерживаясь и перевода 70-ти толковников; кроме сего, начал ласкать старообрядцев, может быть, по сознанию правоты их или бессилия правительства воссоединить их с нами мерами крутыми.

31, Пятница. Еще минул год моей жизни на чужбине. Не много радостей имел я; гораздо более страдал телом и душой.

Благодарение Богу! Благодать Его охраняла мое трезвение и целомудрие. Надежда на бессмертие, покорность святой и премудрой воле Божией и вера в победу добра над злом составляли основу и красоту моего существования.

Глаза мои чуть было не выгорели. Но Господь услышал мои воздыхания и спас мое зрение.

Сподвижники, которых вверило мне начальство, в весь год радовали меня своей скромностью и своим послушанием и прилежанием.

Во дни скорби я помышлял о том, чтобы успокоиться от всех дел в какой-либо обители на родине. Но некий тайный голос говорил мне: мать родила тебя для Востока, и я, повинувшись этому голосу, перестал помышлять о раннем покое.

Никого я не обидел и никто не обидел меня.

Ученые занятия, по-прежнему, производили во мне некоторую сухость и холодность к ближним. Это не хорошо. Надобно исправиться.

Был я ленив на длинные молитвы. Но не могу сказать, чтобы сердце мое не возносилось к Святому Богу, Святому Крепкому, Святому Бессмертному, Отцу небесному. Любил я молиться не по книгам, а по-своему:

Господи, дай мне мудрость.

Господи, дай мне благость и святость.

Господи, дай мне крепость и долголетие.

Странные песнопения, оскорбляющие ум и тонкое чувство нравственное, раздражали меня и будут раздражать до конца моей жизни. Изгнать бы такую поэзию из человеческого общества!

Я помышлял и буду помышлять о начертании истории добродетелей. Жаль, что я не поэт, а то воспел бы их под звуки арфы Давида. Жаль, что я не законодатель и не посланник Бога, а то установил бы празднества в честь и память их.

Все волнения народов в нынешнем году суть сотрясения всемогущего и правосудного Бога. Я предчувствовал их в прошлые годы, когда внезапно писал: будет новая гражданственность народов, будет новое небо и новая земля.

По моему мнению, основания человеческого общежития суть: поклонение Богу духом, материнство, воспитание детей в страхе Божиим с уравновешением ума их с сердцем, свобода, равенство, братство, гласность разумнонравственного слова, общественное презрение к порокам, всеобщее уважение к дарованиям и наипаче к добродетелям.

Ограниченное законами самодержавие, соборы многочисленных епископов, избирательность духовенства из среды народа, сооружение храмов и училищ во всех деревнях, учреждение внутренних миссий для обращения раскольников и еретиков в православие, упразднение министров, – этих незаконнорожденных и вольных детей, и замена их советами, освобождение крестьян от вечного испуга и подлого рабства, восстановление патриаршества и царской думы, поручение народного просвещения двенадцати умным и благочестивым мужам в богоспасаемом и возлюбленном отечестве моем суть средства к возвышению России на высоту солнца, с которой она должна светить всей вселенной мудростью постановлений, безмятежным порядком гражданским, чистотой нравов и общим довольством, и все царства и народы, как планеты, вести за собой туда, где человек граничит с ангелом и где царствует чиновначалие Сил небесных.

Не люблю я разъединения племен народных и предсказываю слияние всех итальянцев в один народ, всех немцев в один народ, всех славян в один народ. Господи, сделай их братьями и однодомками!

Политика России на Востоке должна обещать Грузии, Армении, Аравии, Индии, Эфиопии, Сербии, Болгарии и Молдовалахии свободу и независимость под хоругвью православия, но в едином и нераздельном союзе с собой.

Аминь.

NB. В конце Декабря месяца 1848 года Иерусалимский патриарх Кирилл просил консула Базили исходатайствовать у Порты, через нашего посланника, грозный фирман, который запретил бы франкопатерам и их патриарху делать нововведения на Святых местах. Эта просьба выражена по случаю домогательства латинского патриарха Валерги войти в Вифлеемский собор с такой же церемонией, с какой входят туда греческие архиереи. Для отвращения сего домогательства наш патриарх дал иерусалимским туркам немало денег.

Quiesce, liber,

Donec eas in mundum

Talis, qualis es

Incultus!³⁵².

I. Пребывание в Бейруте

Январь 1, Суббота. Господи Боже, Вседержителю, носяй всяческая глаголом силы Твоя и вся премудро управляяй, благослови венец нового лета моего, и даруй мне мудрость, благодать и дар различения духов, и долголетие, во славу имени Твоего Святого и на пользу моих ближних.

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей.

Ублажи, Господи, благоволением твоим Сион.

Умири, Владыко, мятущиеся царства. Ты бо еси Бог мира и порядка. Оба же да будет воля Твоя! Сотряси народы, как вертограддарь сотрясает рясные плодами древа, да падут с них червья и согнившие плоды.

Отче светов и совершенств! Озари новым светом люди Твоя и излей в сердцах обильные струи благодати Твоей всеосвящающей, да будут совершенны и на всякое дело благое уготованы. Аминь.

Под новый год мне снилось, будто я на родине купался в теплой воде и после купанья вошел в родительский дом и, разлегшись на лавке, ухватился обеими руками за тесемки белья, висящие с полки, и давай звонить как на колокольне, выделявая голосом звуки малых колоколов и ударяя ногой о стену, будто о большой колокол. С вечера я помышлял об отставке от должности и о покое своем на родине. Но во сне душа высказалась иначе. Ибо сновидение её толкую я так: ежели ты хочешь быть пустозвоном, то просись в отставку. Ох, не хочу я быть пустозвоном, а желаю греметь на весь мир.

Первое занятие мое в первый день нового года было перечисление разных племен, населяющих Турцию по книжке: Πίναξ καθολικὸς τῶν φύλων καὶ τοῦ πληθυσμοῦ τῆς Ὁθωμανικῆς αὐτοκρατορίας³⁵⁴.

Албанцев, магометан, православных и католиков (сих последних называют мирдитами) 1 600 000 душ. Между ними славян, обитающих в Икекариане и в окрестностях, считается до 600 000.

Болгар тех же вер 4 500 000 д.

Кроатов – католиков 200 000 душ в Турции. А в Австрии 1 050 000.

Ерцеговинов – магометан, православных и католиков, 300 000.

Румунов в Валахии 2 224 484, в Молдавии 1 254 447 душ. Все они православные.

Сербов 1 000 000. Все они православные.

Афинган или цыган в Европейской Турции 300 000 душ.

Казаков, поселенных на Дунае, Бизиль-Ирмаке и около Бруссы, 33 000 д.

Лазов, живущих близ Трапезунда, 20 000 д.

Армян – монофизитов и католиков, в Турции 2 400 000 душ, а вне сего царства 1 000 000. Римско-католические армяне признаны от Порты отдельным народом в 1829 году, и тогда же получили право иметь своего патриарха в Константинополе.

Халдеи – несториане, – одни горцы, другие полевые. Первые имеют своего независимого патриарха, который до 1846 года жил в монастыре Коцанёс близ Цуламёрка. Они разделяются на 16-ть колен. Всех их в Турции считается 26 000 душ, а в Персии 15 000 душ. С ними недавно воевали курды. Халдеи полевые управляются особым патриархом. Число их не превышает 25 000 душ.

Курдов 1 500 000. Они могут выслать на войну 150 000 всадников. За десять лет назад тому этот народ состоял из пяти племен под названиями амадии, цезирё, джуламёркы, видлйсы, карациоланы. Вожди первого племени производят свой род от последнего халифа из дома Аббасидов.

Вечер я провел у книгочиев нашего генерального консульства Баньщикова и Бланка. С плоской крыши дома мы любовались закатом солнца и отражением лучей его на снежном Ливане. Картина великолепная! Там, где дневное светило погрузилось в море, по всему небосклону разлилось как бы растопленное золото, и в нем по местам видны были узорчатые облака, словно рисунки под чернь, а на северо-восток расстилались багряные лучи широкими полосами и рассыпаны были как бы клочки хлопчатой бумаги, окрашенные розовым цветом. Вся голова снежного Саннина была румяна, как белое лицо в день морозный. Но не долго алел там румянец; сперва начал бледнеть, потом потухать и, наконец, исчез и его заменила смертная

синева. Скоро потухла и она и Саннин очутился в белом саване. Так скоро потухает на Ливане всякое просвещение, отражающееся из Европы.

2, Воскресенье. Я сегодня был у консула Базили. Он поведал мне, что директор азиатского департамента г. Сенявин уволен на время от службы по причине глазной болезни и что его место занял Дашков, бывший генеральный консул в Валахии.

3, Понедельник. Разверзлись хляби небесные. Мне тяжело.

4, Вторник. Ливень-дождь идет. Дух мой бодр, а тело вяло.

5, Середа. Дождь ливьям льет. Ливан в снегу. Побережье в зелени. В облаках вода и молниеносный огонь. Есть резкие противоположности в природе. Есть такие же противоположности и в духовном мире. Цареградский патриарх именуется Вселенским, а священноначальствует над немногими церквями в одной Турции; папа же римский называется рабом рабов Божиих, а господствует во всей наземной вселенной. Православная церковь учит, что все люди не иначе могут спастись, как верой и добрыми делами, а сама в себе не имеет той широкой любви, которая побуждала бы ее просвещать и освящать языки, сидящие во тме и сени смертной. Протестантская церковь учит, что одной веры достаточно для вечного спасения людей, а сама преисполнена сострадания к сим языкам и иждивает миллионы на их духовное просвещение. У восточного и западного духовенства остались в руках одни священные сосуды серебряные и золотые, а вера, ведение и власть у мирян. Синайские, сионские, афонские и другие монахи, отрекшиеся от мира и всех благ его, владеют богатыми имениями и живут спокойно и сладко, а труженики науки, ратные люди, вдовы и сироты, оставшиеся после доблех мужей, едва имеют хлеб насущный. Цари занимаются ремеслами, а ремесленники метят в цари. Церковные соборы нетерпимы, а политические сходки удивительно как нужны! Христианские цари отнимают имения у церквей, а магометанский властитель позволяет им владеть прежними владениями и приобретать новые. *Vita humana est synthesis oppositorum*³⁵⁵.

6, Четверток. Днем и ночью капало с неба.

7, Пятница. Ночь была мокра. Утро пасмурно. Полдень ясен. Ливан весь бел.

8, Суббота.

Солнышко!

Ведрышко!

Выглянь-ко.

Твои детушки

На камешке сидят

[Обсушиться хотят]

Уж сухарики едят.

9, Вторник. Меня посетил здешний еллинский консул хаджи Стефани. Он и подтвердил явление Богоматери в Белемендском монастыре, и примолвил, что сам видел ее снизу в колоколенке монастырской и что она казалась ему *κοντοῦτζικῇ, ὑψατοῦτζικῇ, μαυροφορεμένη*, т. е. низенькой, полненькой, в черном одеянии. Икона Божией Матери Белемендской почитается чудотворной. Хаджи Стефани имеет особенное благоговение к ней, потому что пред ликом её исцелился от тяжкой болезни. В 1838 году, как он рассказывал, у него отнялись руки и ноги, так что он походил более на отрубок дерева, нежели на человека. Все врачебные пособия оказались бесполезны. Расслабление продолжалось четыре месяца. Наконец его принесли в Белеменд и положили пред чудотворной иконой. Тут он вдруг исцелел, встал, пошел и попросил трубки табаку. Последние слова его заставили меня невольно улыбнуться. Еллинский консул, родом болгарин из Филиппополя, большой простец. Велика его вера, но немало и суеверия. Базили рассказывал мне следующее приключение с ним. Один грек заметил в нем простодушие и склонность к необычайному и чудесному, уверил его, что он знает с духом Ливанской горы, стерегущим клады, и своими чарами достанет ему кучи золота, скрытого в горных пещерах; для большего распаления его жадности [и воображения] не раз приносил ему на показ кусочки сего металла, взятые у золотых дел мастера, и возвращал назад под тем предлогом, что он украдкой от духа брал их из заколдованных гробов. Сие доказательство было так убедительно для хаджи Стефани и так разгорячило его воображение, что он открыл сию тайну Базилию и обещался подарить ему миллион пиастров, когда получит в свои руки все клады Ливанские. Напрасно тот разуверял его и предостерегал, чтобы тот, по крайней мере, не давал своих денег обманщику. Кусочки золота, по временам приносимые греком, совсем ослепили рассудок суеверного искателя счастья и он передавал хитрецу из сундука своего до 15 000 пиастров. Само собой

разумеется, что эти деньги были промотаны. Наконец обман открылся; лжец посажен был в тюрьму; весь Бейрут смеялся над суеверием и легкомыслием еллинского сановника; сундук его опустел, сам он огорчился и, горюя, удивлялся премудрости Базилия. «Не удивляйтесь, – говорил ему этот, – тут нет никакой премудрости; давным-давно известно, что клады даются не тем, которые ищут их, а тем, которые вовсе не думают о них».

10, Понедельник. Деньги, собранные Адлербергом на сооружение церкви в Караке за Иорданом, по представлению г. Базили и по решению Св. синода, положены в банк с тем, чтобы ростами с них содержать училище, проповедника и причт сей церкви. Из них высланы на постройку её 4 000 руб. серебром. Но петро-аравийский митрополит Мелетий, в епархии которого состоит сия церковь, издержал на нее гораздо более и упрашивает г. Базили исходатайствовать высылку всех собранных Адлербергом денег. Консул, опираясь на решение Синода, отказывает ему в просьбе. Митрополит гневается. Кроме помянутой суммы г-жа Бекетова прислала в наше бейрутское консульство 1600 руб. на постройку той же церкви. Но эти деньги до времени удержаны там. Все это записано со слов Базили.

11, Вторник. Утром он приходил проститься со мною и между прочим поведал, что Иерусалимский патриарх Кирилл отвечал ему на письмо его по делу о запрещении латинскому патриарху Валерге сделать нововведения на Св. местах, и отвечал в выражениях неприличных и даже грубых, напр.: нужды Св. Гроба изъясняются не консулу, а государю, яко покровителю и защитнику Св. мест, и потому консул обязан представлять их в том виде, в каком они изложены, а не давать советы патриарху, как он должен писать прошения или письма.

– Как прикажете ладить с такими людьми? – сказал Базили. – Я не отправил к посланнику письма патриаршего, дабы он не огорчился визгливым тоном одного, дающим чувствовать, что одни греки правы, а латины виноваты, и что Иерусалимский престол будто не довольно защищен нами. Расчет заставил меня отписать патриарху, что ради успеха самого дела нельзя было отправить его просьбы к посланнику. Я советовал ему писать впредь скромнее, а он плюет в лицо. Ради Бога и Св. Гроба посоветуйте ему, чтобы он приказал своим писцам сочинять просьбы и письма поделнее и скромнее. Его блаженство отвечал мне, что есть множество доказательств справедливости требований православного духовенства и неправоты латин. А я знаю, что наши кругом виноваты, напр.: они похитили серебряную звезду в священной пещере Вифлеемской и свалили вину на францискан. Возможно ли же всегда потворствовать им? Ужели русский консул должен быть так же бессовестен, как и они? О, когда я приеду в Иерусалим, поисповедаю его блаженство как следует. Когда оказалось известным, что деньги, собранные на Каракскую церковь, положены в банк, тогда стали валиться новые своды её.

– И так это ложно? – спросил я.

– Чистая ложь! – отвечал консул. – Не верьте так называемому Св. Петру. Он пишет мне, что на постройку церкви издержано им гораздо более денег, нежели сколько выслано из Петербурга, и что он представит мне подробный счет всех расходов. Но кто ему велел издерживать более? Если русские взялись построить храм в Караке, то они же обязаны и поддерживать его. А если так, то сбор на всякий случай должен быть храним и приращаем у нас. Но Св. Петру хочется забрать в свои руки все деньги. Вероятно, он будет писать и жаловаться Адлербергу. Пусть будет так, но и у меня есть перо и бумага.

После вечерни навестил меня о. Спиридон. У него в руках была толстая рукопись арабская. По расспросе о ней оказалось, что между прочими духовными творениями в ней содержится исповедание веры киевского митрополита Петра Могилы. Оно переведено было с еллинского языка архиепископом Газы и Рамлы Христулом в 1675 году, как это видно из рукописи. Поелику подлинник был одобрен Цареградским патриархом Парфением и Синодом его в 1643 году, Марта 11 дня, и потом Нектарием, патриархом Иерусалимским, в 1662 году, Ноября 20 дня, то арабский перевод явился спустя тринадцать лет после рассмотрения подлинника предстоятелем Гроба Господня. Видно, что и тогда исповедание Петра Могилы было любо арабам так же, как и ныне. О. Спиридон предпочитает его Катехизису пр(еосвященного) Филарета, недавно переведенному и напечатанному по-арабски.

II. Возвращение в Иерусалим

Январь 12, Середа. Наконец Бог сподобил меня пойти обратно в Св. Град. Зрение мое укрепилось, и я с радостью оставил промоклый и зловонный Бейрут. Мне просторнее и веселее под открытым небом, меж высоких гор и великого моря, в струях теплого света и волнах чистого воздуха. Шел бы, летел бы, парил бы все далее и далее по всей земле, по окраинам вселенной

и от них к срединным безднам вечности, а оттуда на солнца, планеты, кометы и звезды; сочел бы все лучи света и все струи тепла, подсмотрел бы работу сил природы по указаниям премудрого Бога; наслушался бы гармонии, происходящей от движения миров; узрел бы чудеса другого бытия; побеседовал бы со всеми духами, достигшими совершенства, приобщился бы жизни Божества. Такое желание проистекает из души вечной. Оно весьма отрадно, следовательно, имеет на себе печать истины.

Во время переезда через песчаный мыс Бейрутский до первого потока Годíра, я изучал ход своего гнедого коня и соразмерял с ним движение своего тела. Такой урок нужен. Сладишь с конем вначале, поедешь на нем бесстрашно и доверчиво до конца пути.

Речка Годíр, которая в прошлом Ноябре была сухожава и смирна, теперь так пополнела и вздурилась от проливных дождей, что попортила шелковичные и маслиничные сады, и в них проложила себе новые русла. Все ливанские Ундины – шалуны. Камни тяжелые, деревья коренастые, скот рабочий им нипочем. Хозяин и не усмотрит, как они подмоют их и затопят.

Перешагав речку, я обернулся, чтобы посмотреть на Ливан. Старец весь белехонек. Седые волосы его спустились до колен. А ковер, на котором он стоит, был зелен. Я разумею побережье и на нем неисчислимые масличия шуэфатские. Свет играл в кудрях этих деревьев и ярко озарял утесистую деревню Шуэфат. Любуясь сей картиной, я сравнивал Ливан с маститым дедушкой, а потоки и сады с резвыми и красивыми внуками. И в природе, как в человеческом обществе, есть полные семейства.

Но есть ли в ней мертвецы? Есть. Это выломанные камни. Люди изъедают их из живых окал, обтесывают, выглаживают, громоздят из них жилище себе; называют его городом, веселятся и страдают в нем столетия, тысячелетия. Потом? Их жилище разрушается, сами они уходят в другое место, а подле развалин остаются одни кладбищные пещеры в каменных утесах и какая-нибудь заезжая хижина с именем исчезнувшего города. Таков хан Хáлду в трех часах пути от Бейрута. Спросите хозяина его, что здесь было, и он скажет вам: здесь был большой город Хáлду. Но он не знает, кто и когда построил и разрушил его. Довольно с него и того, что он бережет предание и древнее имя. А вы сами допросите историю и узнайте, кто тут был-жил. Я же тут воду пил из ближней цистерны.

От сего хана до большой реки Тамíры, но арабскому выговору Дамúр, нет ничего примечательного. В синей дали виден толстолобый мыс Сарептский, с длинноватой косой в море. Назад вершины Ливана под снегом казались словно женщины под белыми простынями.

Река Тамир вытекает с северо-востока из-под чела Ливанской горы, в округе Джурдском. Когда не каплет с неба, она тихо струится у гор и скал, и едва покрывает каменистое русло свое на побережье моря; но когда напьется дождя, тогда как бешенная мчится с высот по камням и стремнинам, шумит, ревет, кружится, расширяется близ моря, переливается чрез волны его и далеко от берега тонет в пучине, озеленив ее желтым илом, как бы он нужен ей там для смертного ложа. Некогда через нее был перекинут каменный мост, но давно она подмыла и разрушила его. Никто не заботится о починке, и пешеходы и конные принуждены переправляться вброд. На прошлой неделе в этой реке утонули два поклонника и проводник их. Бурное стремление воды сбilo с ног животных под ними и всех унесло в глубокое море. Но мы благополучно переправились вброд при помощи нескольких поселян, которые нарочито стояли на другой стороне реки для провода путников по известным им отмелям. Меня на лошади поддерживали три араба. Вода текла весьма быстро. Пересекая ее поперек, я чувствовал слабое кружение головы не от страха, а от какого-то неприятного чувства при медленном пересечении бурного течения реки. В первый раз в жизни я испытал на воде это смутное чувство. Видно, по закону механики, в точках неравносильного пересечения весьма сильных движений, жизнь находится в опасности и потому откликается или страхом, или трусом, или неприятностью.

Воды текли с гор. Солнышко катилось по чистому небу голубому. Я, переводчик и Иван мой, мы шагали по каменистым мысам пепловидным, по мысу Дамурскому и мысу Юнас. Хан, носящий имя пророка Ионы, по-прежнему стоит уединенно среди зыбучих песков, поодаль от моря³⁵⁶. В соседней с ним мечети две византийские колонны сетуют о гибели процветавшего тут некогда города Порфириона. Перед Сидоном речка Али, древний Вóстрен, разлилась широко. Её животворными струями напаяются окрестные сады. Пред закатом солнца мы въехали в сей г. город [он все тот же] и остановились в доме нашего агента Разгаллы. Он поведал мне, что семьдесят униатов местных недавно обратились в православие вследствие ссоры с прочими собратиями и письмом просили тиро-сидонского митрополита Исаию принять их в свою паству. В

числе обратившихся есть зажиточные, а больше бедные; священника ни одного. Ссора их была так велика, что чуть не кончилась кровопролитием в церкви. Разгалла предотвратил оное. По его мнению, такое обращение униатов ненадежно и недолговременно; утихнут страсти и опять последует отпадение от нашей церкви тем скорее, что патриарх Максим прислал своего наместника, иеромонаха Мухаллесского монастыря, Михаила, мирить враждующих и уловить бедных приманкой денег. Когда Разгалла намекнул мне, что его обвинили в Бейруте, будто он побудил униатов принять православие, тогда я сказал ему, что консул Базили требовал имен обвинителей, но их не сообщили. «Надлежало бы сообщить», промолвил собеседник, тоном правого человека. – «Клевета боится суда», – сказал я ему.

Январь 13, Четверток. Вручив хозяину два Часослова и два Катехизиса на арабском языке для передачи их священнику и по просьбе его помолившись над головой престарелого и больного отца его (маронита), я выехал из Сидона в девять часов дня. Немного впечатлений наслонилось во мне в настоящем пути. Почти во весь день шел дождь, а под дождем не до наблюдений [и не до размышлений]; душа как бы свивается в клубок, упрощается и становится неподвижным атомом; только в средоточии её теплится молитва: *Господи помилуй*.

³⁵⁷Близ Сидона я полюбовался ярко зеленой полей, засеянных всяким Божиим хлебом; потом порой смотрел то налево в горы, то направо в ширь моря. Горы по местам пересыпаны были снегом, а море окрашивалось ярко зеленым цветом, когда темно-синие тучи висели над ним неподвижно. Полюется из них дождь, тогда кажется, будто печной дым быстро стелется по воде к берегу и чернит ее. От дождя русла горных потоков наполнились текучей водой. Речка Захерáni между Сидоном и Сарептой сделалась так быстра, что нельзя было перейти ее в торном месте; надлежало обогнуть разорванный мост на нею гораздо выше, в самом узком повороте её. Перед Сарептой дождь перестал.

Приближаясь к хану Айн-Лáнтра, я поверил свои прежние наблюдения³⁵⁸ над соседней с ним местностью, и убедился, что библейская Сарепта находилась не за этим ханом на юг, не на песчаной косе, где ныне видны развалины [какой-то] деревни, а немного севернее [хана], у маленькой заводи моря. Поелику эта заводь гораздо чище и глубже залива, что за косой, и лучше защищена от ветров прибрежными скалами, то у нее, а не там, надобно помещать пристань Сарепты тем более, что вдоль её, по направлению к хану и к его обильному источнику, поныне видны в равномерных расстояниях остатки четырехгранных столпов, подпиравших городскую крепость; такие столпы находятся и у стен Аполлонии. К чему бы служили эти подпоры, если бы тут не было города? Судя по их размещению, замечаю, что Сарепта стояла у заводи и была невелика, но и не мала. Что касается развалин на помянутой косе, то они еще довольно свежи и незначительны. Думаю, что тут была арабская деревня, построенная по разрушению [библейской] Сарепты. Когда разорили и ее, тогда поселяне перебрались на соседний холм, где ныне красуется селение Сарафанд. Созвучие сего имени с Сарептой доказывает, что злополучные жители сего города, переходя с места на место, удерживали древнее имя. Мусульмане сарафандские говорили мне, что древний город стоял у моря, а не на холме.

Как бы то ни было, но здесь у толстолобых, пепловидных и суровых холмов, на которых сплошными рядами торчат камни, как бы бородавки на теле, витал у вдовицы человек Божий, пророк и чудотворец Илия. Незабвенно для меня то, что в этом месте в каждый проезд мочил меня дождь, как будто мне нужно было уверение в том, что тут по молитвам Илии отверзались хляби небесные.

Шагая по развалинам Орнитополя, находящимся против нагорной деревни Аджелун, в этот раз я заметил гораздо более мозаики по обеим сторонам конной тропинки. Знать, тут стоял храм Божий. Удивительно, как могла уцелеть частица мозаического помоста на торной стезе, тогда как весь город разбит вдребезги, кои валяются на значительном пространстве. Все священное вековечно. Самые камыцы святыни Господней не рассыпаются так скоро, как жилища грешных людей. Что же сказать о праведниках? По истине, они *семя свято, стояние мира*.

За Орнитополем полился дождь и мочил нас до самой реки Азмие или Леонтеса. Она была гораздо полнее и быстрее против прежнего³⁵⁹, но не выступала из берегов своих; вода в ней была мутна и беловата, – знак, что она протекает по известковым местам. Красивый и прочный мост на ней стоял невредим к нашей отраде. Лишь только мы спустились с него и поднялись по крутому берегу на поле, опять разверзлись хляби небесные. Меня начало тревожить раздумье: ехать ли в деревню Рас-ель-Айн для наблюдения над тамошними водометными колодцами, или

ночевать в соседнем Тире. Чтобы успокоиться, я зарек себе знамение: если при раздвоении дорог к деревне и городу дождь перестанет, то я поеду в первую; если же польется, то укроюсь во втором. Облака наказали меня за это гадание. Когда конь мой подошел к знаменному месту, дождь перестал. Я взглянул на запад, там небо прояснилось; взглянул на восток, там носились облака. Думал, думал, ничего не придумал, и безотчетно поворотил коня к деревне. Еду, огибаю скалистый угол горы, скачу по мягкому полю, приближаюсь к каменистому холму, на котором одиноко стоит белоголовая мечеть. Тут, – как уждать беду! – и дождь опять полился с небес. Я косо взглянул на Тир и, скрепив сердце, стал обозревать местность. От холма тянутся два водопровода: один к Тиру, а другой немного правее его к морю. Но этот разрушен в недалеком расстоянии от мечети. С противоположной стороны к тому же холму примыкают еще два водопровода, посланные от здания, видимого на дальней выси, и от деревни Рас-ель-Айн. Таким образом, это место служило собранием и вместе разделом вод. Варварство частью разрушило, частью испортило эти полезные постройки. За восточным углом холма есть каменный помост. Я въехал на него и обратил внимание на примыкающий к нему открытый желоб, по которому издали текла медленно желтоватая вода. Он покоится на прочном основании, глубокий, оштукатурен, и устроен так, что внутренние стороны его выпуклы кругловато. Дождевые тучи одна за другой неслись с окрестных гор и препятствовали моим наблюдениям. Невозможно было начертить на бумаге направлений всех водотечей. Я пожалел об этом и, спустившись с помоста по каменной лестнице, прибодрил коня своего и под дождем, по лужам, по грязи, кое-как доехал до деревни, потеряв счет аркад римского водопровода, с которого во всю дорогу летели на меня брызги. Выло уже темно. Нас поместили в хане [т. е. в самом поганом здании]. У дверей его стояли наши кони. В одном углу была грязь, а в другом нашлось сухое местечко для нас, усталое двумя старыми рогожками. Я пожурил себя за неблагоразумие. Но нужда, которой избежать нельзя, примиряет человека с самым крайним неудобством. Хозяин развел нам огонь. Мы вскипятили на нем воду для чая, обсушили свои одежды и под шум соседней водяной мельницы заснули крепко.

14, Пятница. Как только рассвело, я с переводчиком пошел осматривать водометные колодцы в деревне, о которых арабы рассказывают диковины, а путешественники пишут разные предположения. Нас сопровождал один почтенный старик, житель Рас-ель-Айна. Сперва мы взойшли по каменной, широкой и высокой, но от времени попортившейся, лестнице на плоскую крышу мельницы, стоящей против хана в нескольких шагах, и тут увидели текущую воду, выше уровня крыши четвертой на пять, заключенную в каменной твердыне. Я изумился и, удвоив внимание к водоему, которого не чаял и не воображал в таком виде и на такой высоте, начертил план его. Помещаю здесь этот чертеж для лучшего объяснения моего описания, как зодчества, так и необыкновенного явления в природе.

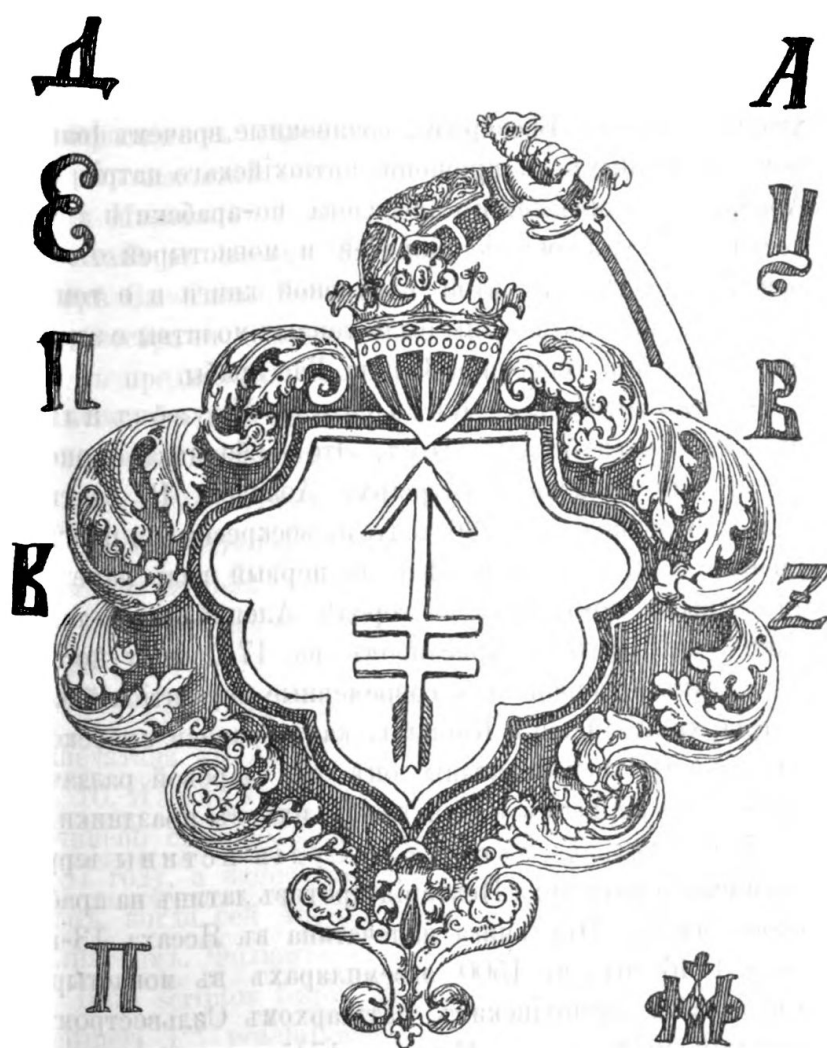

Рис. 19. Рас-ел-Айнские водоемы.

Сей водоем или, точнее, колодец есть первый и главный. Весьма широкое устье его устроено восьмиугольником, а стены, возвышающиеся над уровнем соседнего поля в две сажени слишком, складены из тесаных камней и внутри облицованы раствором извести, песку и толченых кирпичей. Кругом устья они вывершены немного покато не внутрь, а вне. Сия покатость так широка, что по ней свободно могут ходить рядом два человека. Следовательно, стены довольно толсты. От устья с двух сторон проведены два короткие желоба для стока воды. При мне действовал только тот желоб, который на плане означен в связи с крышей мельницы, а в противоположном ему круглые дыры засорены были, потому что теперь уже не существует малый водопровод, который тут начинался и соединялся с соседним колодцем. А его видел Волней³⁶⁰ в 1783-1785 г. Означенные на плане треугольники в желобах, немного возвышающиеся над уровнем текущей влаги, служат разделом её. А через круглые дыры вода стремительно падает на мельничные колеса и движет жернова. Сопровождавший меня араб всунул свою палку в одну из этих дыр и она тотчас выскочила стоймя и прыгала от бурления воды. Из сего я заключил, что под ними есть откосная труба, о которую вода ударяется и отскакивает вверх и что по этой трубе она стремится вниз до отверстия в том месте, где висит деревянное колесо с длинным рычагом. Это лучистое колесо быстро вертится, как мутовка. Его можно видеть с улицы под сводом мельницы.

К стене колодца, обращенной к морю, гораздо ниже устья его, примыкает каменный водоем. Его устроил Ибрагим-паша египетский для предположенного им тут суконного завода. Европейский зодчий просил его позволить ему сделать отверстие в нижней части колодца, дабы

узнать внутреннее устройство его, но не получил согласия из опасения, как бы не испортилось древнее водохранилище.

В нем вода сама собой поднимается на пятнадцать футов выше уровня поля. Она непрестанно бьет из глубины подземной и весьма быстро течет по желобам; когда же мельница не работает, тогда через боковые отверстия в них с шумом низвергается на землю и широким потоком стремится в море, которое отстоит отсюда на четверть часа конной езды. Чудный колодец, из которого вытекает река! Достоин примечания, что клокотание воды [на поверхности] подмыло верхние края устья так, что они висят над влагой, как подточенные своды. Это доказывает, что вода иногда поднимается выше и клокочет сильнее, да и местные арабы говорили мне, что она порой возвышается, порой понижается, но очень мало. В настоящее время, после проливных дождей, цвет её был красноват; в дни же ведренных она бывает чиста и прозрачна. По ней расстился тонкий пар. Но была ли она тепловата, я не попытал, о чем теперь жалею.

Говорят, что трудно измерить глубину сего водометного колодца и она еще не определена точно. Проводник мой утверждал, что нельзя достать дна, и на вопрос мой: издали ли течет вода, – отвечал: из города Багдада; ибо там-де один дервиш уронил свою чашку в реку и она выплыла здесь. Не верю сей сказке, но и не умалчиваю о ней; ибо все сказки, как и надежды, суть обманщицы милые.

Когда я сошел вниз и отправился к соседнему колодцу, проводник обратил мое внимание как бы на окаменевшие уродливые пни красноватого цвета немалой толщины и высоты. Они торчат отдельно друг от друга в прямом направлении от осмотренного мною колодца ко второму водоему. К ним пристроены арабские хижины. Я сначала подумал, что эти пни суть верхушки скал, провалившихся в землю при первоначальном образовании здешних ключей. Но всмотревшись в них пристальнее и заметив прилипшие к ним винтообразные ракушки, пощупав и ощутив их довольно твердыми, но не жесткими, как скалы, наконец, видя их узость вверху и волнистую коренастость внизу, образовавшуюся от постепенного наплывания глины, дознал, что эти пни суть капельности (сталактиты), скопившиеся тут веками, и что здешняя вода содержит в себе известковые и глинистые частицы. В этом мнении утвердили меня и другие капельности, замеченные у аркад здешних водопроводов в тех местах, где из них сочится вода. Почти прямое направление наплывных пней от первого колодца ко второму доказывает, что оба эти водоема некогда соединены были каменным желобом. Но теперь нет и следов его.

Второй колодец отстоит от первого на несколько десятков шагов, немного правее. Приблизившись к нему, я перешел через мутный поток, вытекающий из-под соседней мельницы по раскоряке дерева, утвержденного на камнях. Тут неожиданно представилась мне древняя стена, складенная из твердых тесанных камней, значительной толщины и длины. Она сооружена на широком основании, в котором камни огромны. Вышина её будет более двух сажень, а длина около пяти. Я разумею стену, обращенную к морю. Лишь только я обогнул угол её, соответствовавший моей правой руке, увидел под прямым пресечением линий соединенную с нею другую стену той же кладки и той же толщины и длины и понял, что водоем заключен в четырех крепких стенах. Поелику вторая стена основана на пригорке, то кладенных рядов в ней меньше, чем в первой, но она вывершена в уровень с нею. Мимо сей ограды араб провел меня к третьей стене, что противоположна первой. В ней еще менее рядов по той же причине. Тут по уступам мы взошли на верхнюю толщу её и очутились на краю большого четырехстороннего открытого водоема. В нем мутнокрасноватая вода реяла на двухсаженной высоте против уровня поля и быстро протекала по искусственным желобам туда, куда течь ей велел человек.

Итак, эта живая влага заключена в четырех толстых стенах каменных, кои оштукатурены внутри, кажется, недавно. Она непрестанно выходит из земли, но как? Этот вопрос удовлетворительно решен был проводником моим.

– «Мы, – говорил он, – выпускаем отсюда всю воду через боковое отверстие внизу, и чистим колодец. Тогда бывает видно, что она [вода тихо] бьет из земли в разных местах».

– «Высоко ли бьет она, золотой мой?» – спросил я старика.

Он наклонился и горстью своей руки, остановленной над помостом на четверть аршина, показал высоту бияния ключей. Усладившись его ответом, я еще спросил: толсты ли ливни воды и сильно ли бьют они? Ответ его был отрицательный. Довольный разумными речами добросовестного араба, я понял тайну здешних родников и устремил взор к окрестным горам, от которых вода течет сюда по жилам подземным. Они, казалось, кивали мне в знак одобрения

моей понятливости. Из-за них на северо-востоке возвышался к небу пирамидальный Аэрмон (джебель-Шех), весь в снегу, как старец в сединах, а на севере вдаль видны были вершины Ливана, словно глыбы, навесы и бугры снегу на степи.

Второй водоемный колодец двумя желобами соединен с двумя водопроводами, из которых один на островерхих арках сарацинской работы тянется на юг недалеко и орошает деревенские сады, а другой на круглых сводах с карнизами прочного и красивого зодчества римского, простирается на север к белоголовой мечети на холме. Вдоль сего водопровода я вчера ехал на коне под дождем. Любопытство снова заставило меня поговорить с проводником.

– Как глубок этот колодец? – спросил я его.

– Глубины в нем столько же, сколько и вышины стен от земли, – отвечал он (следовательно, две сажени с небольшим).

– Сколько здесь таких водоемов?

– Четыре в деревне и два за нею, по дороге к Суру (Тиру); но в тех воды гораздо менее, да и здесь только в этом, а в том, который вы видели прежде, она бьет вверх сильно.

– Дедушка, укажи мне отсюда пятый и шестой колодец.

Старик рукой повел по направлению к Тиру и, налево от дороги указав небольшой бугор, на котором стоит какое-то малое здание, молвил: вот, у той башенки есть вода и еще подле дороги, по которой вы приехали вчера, находится каменный водоем. Должно быть вы его видели.

– Да, видели, видели! В самом деле, вчера мы заглянули в один ставок четырехугольный и оштукатуренный у самой дороги. В нем была красноватая вода. Но мне и в голову не пришло, что это ключ живой воды.

– Скажи мне, дедушка, – [продолжал я], – не слыхал ли ты, кто устроил все эти водоемы?

– Их устроил славный царь Искендер. (Он разумел Александра Великого).

– Вчера я заметил, что, вон, к той белоголовой мечети на холме тянется водопровод издали, от какой-то деревни, расположенной на горе. Как называется она?

– Это не деревня, а башня.

– Кто в ней живет?

– Там нет никого, но далее сей башни есть деревня Шёрме, и от нее вода проведена в Сур.

– Понятно было, что древний Тир воду получал из разных мест. Любопытно бы узнать в точности всю связь здешних водных сообщений и собрать предания и мнения о ней местных арабов. Но для этого нужно не короткое время. Бог даст, я приеду сюда другой раз и лучше займусь исследованием тирских древностей. Как не повидать гробницы царя Хирама? Как не отыскать места, где будто бы лежат кучи старинных финикийских денег? Как не расспросить в деревнях о старом Тире, об Александре Великом, о халифах и крестоносцах. Живые люди суть наилучшие истолкователи разрушенных памятников, подле которых они выросли, слушая предания своих отцов и дедов.

Солнце приподнялось над горами. Пора было ехать в Акру. Боясь запоздать и ночевать вне сего города, я не осмотрел прочих водометных колодцев и наградив проводника двумя рублями, сел на коня и полем скоро достиг до прибрежной дороги. Задумчиво я прошагал по развалинам укрепления близ Тирской каменной лестницы над морем, задумчиво взшел и сошел пеший по этой лестнице, задумчиво ехал до Искендеруна. Разные исторические воспоминания и [собственные] соображения о виденных мною колодцах реяли в душе моей, как струи в этих ёмках.

Соломон в Песни Песней³⁶¹ сравнил церковь Божию с *источником вертограда и кладязем воды живы, истекающая от Ливана*. Думаю, что он разумел водомет Рас-ель-Айнский. Ибо кроме его на всем Ливане нет такого потока, или ручья, или родника, которому можно было бы применить выражения царственного песнопевца. Источник, о котором он говорит, находится в вертограде и заключен в искусственном колодце. Точно таков источник, орошающий сады Рас-ель-Айна. Он струится из рукотворенного ёма. Соломон для сравнения избрал предмет редкий, особенный, замечательный, дабы им лучше пояснить свою мысль. А ничто так хорошо не изображает церкви, как водомет Рас-ель-Айна. Струи его невидимо текут из потаенных недр земли, непрерывно иждиваются и никогда не истощаются. Так в церкви потоки благодати Божией, просвещающей и освящающей, незримо текут из сокровенных глубин Божества и, напоая жаждущие души, никогда не оскудевают.

Во время тирского государя Евлюлея, за 700 лет до Рождества Христова, уже существовали водопроводы около Тира в тех самых местах, где ныне видны их остатки. По свидетельству

историка Менандера³⁶², читавшего тирские летописи, современник Евлюлея, Салманассар, царь ассирийский, завоевал всю Финикию. Одни тиряне не покорились ему и, будучи оставлены зависевшими от них городами Сидоном, Палеотиром и Акрой, защищались только своими силами. Салманассар не перемог их и, возвращаясь в Ниневию, поставил стражей при реке и водопроводах³⁶³ дабы оскудением воды принудить их сдаться. Пять лет терпели они всякую нужду и пили воду из рытых колодцев. Понятно, что ассирияне отрезали от Тира реку Леонтес с севера и Рас-ель-Айнские ключи и их водопроводы с юга. Осажденным оставалось строить цистерны и в них скоплять дождевые капли. А враги их из засадных крепостей у Леонтеса и у Тирской лестницы спокойно выходили пить живую воду, истекающую от Ливана. Глубокую же древность видел я и конь мой топтал камни, которые, статься может, были кладены еще ассирианами.

Замечательно, что между жителями Рас-ель-Айна сохранилось устное предание об устройстве тамошних водоемов Александром Великим. Это предание должно быть верно. Плутарх³⁶⁴ заметил, что Александр, осаждая Тир, расположил свой стан именно в этом месте. Мудрено ли же, что, по его приказанию, поправлены были ветхие водопроводы и колодцы Рас-ель-Айна?

После македонцев Тиром владели Римляне. Они строили тот водопровод, который тянется от Рас-ель-Айна к белоголовой мечети на холме. Ибо его круглые арки и хорошие карнизы обнаруживают их зодчество. Но неведомо, при каком императоре произведена эта огромная постройка. Константин Великий, по уверению тирских христиан, соорудил в их городе великолепную церковь, которой развалины и исполинские гранитные колонны поныне там видны. Не он ли сделал и водопровод?

В первой половине седьмого века арабы завоевали Сирию. Они около Рас-ель-Айна воспитывали сахарный тростник. Ими же сгроможден был там и тот водопровод, который от второго колодца простирается на юг. Ибо стрельчатые своды его обнаруживают вкус сарацинский.

В конце двенадцатого столетия латинский архиепископ Тира Вильгельм поместил описание водопроводов сего города в своем историческом сочинении. В его время они находились в таком же состоянии, как и теперь. По их широким и крепким помостам и лестницам рыцари на конях удобно въезжали наверх. Тогда посредством их орошаемы были окрестные сады, в которых, кроме плодовых деревьев, в обилии рос сахарный тростник и выделяем был драгоценный и потребный для здоровья смертных сахар. Отсюда его развозили во все концы вселенной³⁶⁵. А в наше время там мелют одну пшеницу и муку возят не далее Тира и окрестных деревень. Справедливо говорят: где турок ступит, там все вянет. Сахарные тростники исчезли в Рас-ель-Айне так же, как и в Иерихоне.

Явление водометных ключей близ Тира и моря изъясняется подземными притоками вод из окрестных гор. Финикияне угадали эти притоки, просверлили прикрывающие их титаносродные скалы, попросту сказать, каменные черепа земли и запустили туда либо деревянные, либо каменные трубы для пресечения тока вод к морю. От сего подземные струи хлынули вверх и, быв заключены в твердыни, покорились воле человеческой. Древним известно было искусство узнавать подземные реки, буравить покрывающие их черепа и выводить на поверхность земли бьющие ливни воды. Диодор, епископ Тарса Киликийского, живший в конце четвертого века, и Олимпиодор, писатель пятого века, утверждали, что в пресловутых оазисах африканских источники бьют из земли не сами собой и не от притока дождевой воды, а посредством особенного великого искусства жителей и что из них выплывают рыбы живые и выбрасываются мертвыми.

Прибыль и мутнокрасноватый цвет Рас-ель-Айнских ключей в дождливое время, так же осадки из них глины и извести в виде капельных наплывов служат неоспоримыми доказательствами, что вода течет подземными путями с гор и принимает цвет их почвы. А её сильное реяние и умеренное возвышение над поверхностью земли, мало понижающееся в дни ведренныя, показывает, что она стремительно несется, по крайней мере, к главному колодцу с высот незначительных.

Поелику в этом колодце обилие воды почти всегда равномерно, а в прочих ёмах она уменьшается, то из сего видно, что подземная река, притекающая к нему, имеет разветвления, кои слабее главного тока её, или каждый ём имеет свою особую жилу с водой. Последнее вернее.

Глубина главного колодца по измерению Маундреля³⁶⁶, Ларока³⁶⁷ и других путешественников, определяется то четырьмя, то пятью саженьями. Думать надобно, что эти господа измеряли только устье водомета и не попали в его сверленную трубу, или мерило их отталкиваемо было сильным порывом ливня из этой трубы. По словам проводника моего, этот колодец так глубок, что нельзя достать его дна. Ему верится более, чем другим. Трудно представить себе, чтобы вода тут проторгалась из земли такой широкой массой, как видна на поверхности. Полагаю, что подчерепное устье её несравненно уже верхнего и считаю глубину её весьма значительной.

От Рас-ель-Айна или от Шерме [или из другого места] вода притекает подземным путем в колодец, устроенный близ ворот Тира в большой четырехугольной башне. Она в дождливое время бывает в нем так же мутна и красновата, как и в прочих ёмах, но не выходит из твердыни. Значит, у нее есть своя особая жила, впрочем, малопримчивая. Жители Тира поныне совершают обряд сочетания этой влаги с морем, вливая его воду в колодец в память слияния потопных вод в глубины земные. Любопытно бы присутствовать на этом празднике, напоминающем совершенно подобный обычай древних жителей Сирии, Аравии и Месопотамии, из которых многие дважды в год ходили к морю за водой и приносили ее в тирийский город Иераполь, где и выливали ее в расселину земли в капище богини Дерцеты в память прекращения потопа по установлению жрецов³⁶⁸.

Все эти воспоминания и мысли приятно занимали меня на пути к Искендеруну. Подъехав к развалинам сего укрепления, названного именем Александра Великого, я в этот раз³⁶⁹ решился обозреть их подробно, несмотря на то, что по-прежнему не встретил тут ни одного человека, который потешил бы меня какой-нибудь сказкой или былью искендерунской. Сии развалины у моря издали кажутся зеленым пригорком, на котором ничего подозревать нельзя. Но когда приближаешься к ним, видишь остатки разрушенных зданий. Первый предмет, который с подъезда обращает на себя внимание путника, есть струйник (фонтан), сделанный в виде алтарного углубления на основании крепостной стены. В нем в жары не бывает ни капли, а в этот раз вода через два круглых отверстия в углублении исторгалась с шумом и по кособору, пенясь, стекала в соседнее море. У отверстий давным-давно образовались глинистые капельности, кои издали кажутся природной скалой. Между сим струйником и остатками крепостной башни на углу, у моря, есть пролом. Через него пролегает торная дорога. Когда тут взойдешь на привысь, тотчас очутишься среди безобразных куч и разбросей давно разоренных и поросших былием зданий. За струйником непосредственно прокопан узкий ров по прямому направлению от горы к морю. Он весь облицован тесаными камнями. Судя по его мелкости и узости, нельзя почесть его ровом крепостным. Ибо через него может перепрыгнуть сильный человек. Вероятно, он назначен был для стока лишней воды. Впоперек его прилажен к струйнику каменный желоб, который не прямой линией тянется от соседней высоты и из-под нее доводит самородную воду. В этот раз ее было так много, что она из-за струйника хлынула по обломкам крепостной стены и с них лилась на дорогу. Кроме сего древнего водопровода в Искендеруне нет ничего замечательного. Это укрепление, построенное Александром Великим и возобновленное иерусалимским царем Балдуином I в 1116 году, было весьма мало. Но оно тут очень кстати. Ибо им защищались Тир и Акра и охранялась большая дорога, пролегающая по лукоморью между сими городами.

В соседстве с Искендеруном, по правую сторону зимнего потока, называемого нар-Хамуль, на холме стоят две колонны, как старые ратники на часах. Что там было? Дворец, селение, монастырь? Не знаю. Всякий раз я смотрел с дороги на эти колонны, но не подъезжал к ним. Видно, и между развалинами есть несчастливцы, которых все обходят, как иных злополучных людей.

За Искендеруном мы остановились на час в хане эн-Накұра и, подкрепив свои силы чем Бог послал, поехали далее. Трудно въезжать на белый мыс Накурский, тяжело сходить с него до Акрского поля. А это поле как бы заколдовано. Едешь, едешь, а оно расстилается все далее и далее. Изнемог я тут под жаром солнца и едва дотащился до Акры; но, по крайней мере, нашел отрадный покой в доме митрополита Прокопия.

Вечером преосвященный рассказывал мне разные происшествия в его епархии. Записываю их кратко.

1. В первый день нового года он служил обедню. Во время троекратного моления *Призри с небесе, Боже, и виждь* и проч. – два служащих священника рассорились [и разодрались] в алтаре, у самого престола, и окровавили друг друга. Митрополит приказал им разоблачиться и

пред сонмом христиан запретил им священнослужение, присовокупив, что если родные или друзья виновных вмешаются в их дело и перессорятся между собой, то он властью, данной ему от Бога и от начальства, отлучит их от церкви и подвергнет гражданскому суду. Такое прещение действовало благотворно. Христиане не разделились на неприятелиства и предоставили виновных суду своего архипастыря.

2. В деревнях епархии Птолемаидской (Акрской) православные живут вместе с друзьями. В одном селении христианский юноша полюбил дружскую девицу и был любим ею. Оба они согласились жить по закону семейно. Но мать девицы, заметив любовь её к иноверцу, взбесилась от одной мысли, что дочь её будет крещена и решила убить молодца. Однажды она подстерегла голубков, ворковавших за углом, и внезапно вонзила острый нож в бок нелюбимца своего. Он упал на землю, испуганная голубка вспорхнула, а старая карга тотчас развязала платок на чалме раненого и им придушила его. В деревне огласилось убийство, и сделалась тревога. Полумертвого юношу принесли в дом его и он, спустя два дня, скончался. Православные донесли об этом происшествии своему архипастырю и, по его требованию, представили свидетелей, которые уличали старую друзянку в убийстве. Их улика принята была в суде мусульманском. Виновную потребовали к допросу. Но друзья, ненавидя христиан, представили своих, подкупных свидетелей, которые оправдывали старуху и слагали убийство на неизвестного. Задаренные ими судьи хотели предать дело забвению. Но митрополит, опираясь на первое уваженное свидетельство, противостоял им и перенес дело в Бейрут. Как оно решится тамошним пашой, это еще неизвестно.

Убийство совершено 8 Января.

3. В Назарете униаты поссорились между собой и разделились на две половины. Одна осталась верной Папе, а другая пожелала принять православие и пригласила преосвященного Прокопия. Он поехал к ним. Между тем, тамошние монахи латинские успели примирить враждующих и поддержать колеблющихся в римском вероисповедании. Эти отцы, узнав о прибытии митрополита в Назарет, вместо того, чтобы лично посетить его по обычаю, письмом поздравили его с приездом и вместе просили успокоить их по случаю пронесшейся молвы, будто он прибыл для крещения униатов. Преосвященный понял их хитрость и, скрыв действительную причину своего приезда, дабы не подать им повода к обвинению его пред турецким начальством в коварном обращении униатов в православие, отвечал, что, по закону и обычаю святой православно-кафолической церкви, каждый архиерей обязан посещать свою епархию и что он прибыл в Назарет к своей пастве для исполнения своей обязанности. Нашла коса на камень! Однако митрополит возвратился в Акру, не стяжав ни одной новой овцы.

Январь 15, Суббота. Уния ослабевает в Сирии и Палестине. Она сама в себе носит зародыши разрушения. Один из этих зародышей и самый ядовитый есть богохульное учение некоторых униатов алеппских, которое обнаружилось недавно³⁷⁰. Легко было бы привить к древней и доброй маслине отпадающие от латинства ветви. Но где у нас делатели в вертограде Господнем? Где масти для поддержания прививков? Патриарх Иерусалимский громоздит только камни на камни и угубжает мусульман. Владыка антиохийский беден людьми и пособиями, как духовными, так и денежными. В Великой церкви Цареградской душа мала. Знаменитые и богатые монастыри помрачены невежеством и заражены собирательным себялюбием, так что думают только о своих выгодах и отнюдь не помышляют о благе общем. А наша духовная миссия в Св. Граде *miserrima est, miserisque succurrere nullo modo potest*³⁷¹. Она водворена там, кажется, для того, чтобы присутствовать на похоронах православия.

Время до обеда прошло то в разговорах, то в записывании путевых заметок. Я спрашивал митрополита: нет ли в его церкви помянника птолемаидских святителей, по крайней мере, пятнадцатого века? Он отвечал, что по причине расстроенности времен и общего невежества никто здесь не заботился о диптихах и что ему известны только три предшественника его: Агафангел, Герасим и Афанасий из арабов, который помер от чумы в 1835 году. По смерти его престол Птолемаидский вдовствовал около двух лет. Ибо преосвященный Прокопий прибыл сюда в 1837 году.

Говорили мы о возмущении бейрутских христиан против Антиохийского патриарха. Митрополит уверял меня, что сей владыка взял с игумена Исаии 20 000 пиастров и потому решился рукоположить его в Бейрут против воли христиан. Когда я намекнул, что Мефодий, вероятно, скоро оставит свой престол ἑκων-ἄκων³⁷² и будет жить на покое в Триполи пособиями из России и Константинополя, тогда преосвященный промолвил, что на место его блаженства,

вероятно, будет назначен бывший патриарх Александрийский Артемий, ныне архипастырь кюстендильский.

Митрополичий диакон поведал мне, что в здешнем приходском училище считается шестьдесят учеников и три учителя. Он преподает греческий язык, а один священник и один мирянин из туземцев учат по-арабски.

После обеда я выехал из Акры в Кармилский монастырь. Перед ним поток Киссов разлился широко и сделался глубок. Нас перевезли в большой лодке гораздо выше устья его, а коней без клади провели бродом немного ниже. Вода омыла их ребра. От правого берега сего потока стелются к Акре песчаные валы и бугры. Что такое песок при реках? Незведанная тайна природы.

Январь 16 и 17. Приятно отдохновение на Кармиле. Здесь встретился и познакомился со мной родной брат английского диакона Вильгельма Пальмера, приехавшего в Петербург по делу о соединении Англиканской церкви с православной³⁷³. Молодой и миловидный англичанин едет в Иерусалим.

Январь 18, Вторник. В девять часов пополудни я оставил гостеприимную обитель и в сопровождении двух вооруженных всадников, данных мне нашим агентом кайфским, иногда любезным, иногда неучтивым, поехал в поганую Тантуру, в которой неизбежен ночлег. Спустившись с утесистого Кармила к песчаному берегу моря, мы торопко подбежали к древнему колодцу, одиноко стоящему на распутии. Любопытство, – эта жажда души, побудило меня взглянуть в него. Водопойный ставок при нем складен из больших тесаных камней еще в средние века. От него каменная лестница ведет к устью колодца, приосененному навесом арабской работы. Тут сидел феллах и ногами ворочал длинную шестерню, сделанную из толстых суков и утвержденную над самым устьем, и таким образом вытягивал воду кожаным ведром и сливал ее в ставок. Смотря на него, я вспомнил слова Писания: *земля, на нюже вы идете тамо, наследите ю, не яко земля Египетска есть, отнюдуже изыдоште: егда сеют семя и напояют ю ногами своими, аки вертоград зеленый...*³⁷⁴ Феллах служил мне живым пояснением слов *напояют ногами своими* и вместе свидетелем неизменчивости древнейших обычаев на Востоке. Я спросил его: «Как называется этот колодец?» – Его зовут церковным, – отвечал он. Ничего более нельзя было узнать от него. Из этого названия я заключил, что колодец принадлежал церкви селения или монастырю, которого развалины видны на соседнем холме.

Эти развалины давно обращали на себя мое внимание³⁷⁵. Но только в этот раз мне удалось осмотреть их. На холме нет ничего, кроме каменистого мусора, ям и одной продолговатой и неглубокой цистерны, которую проводники мои назвали темницей. Судя по малому объему развалин, я полагаю, что тут был монастырь. Отсюда кармелиты увезли тесаные камни построек. Мне хотелось знать название холма. Желание мое удовлетворил первый встречный араб. Он назвал его Телл Ализадэн. Я подумал, что ежели в этом названии кроется имя пророка Елисея, то на холме построена была обитель или церковь со странноприимным домом в память человека Божия, который, быть может, отдыхал или беседовал здесь со своими учениками.

Было ветрено. Арабы пахали. А мы скакали. Скок, поскок, близ нас городок! Я разумею Атлит. Немного не доезжая до него, проводники подманили меня к торчавшему близ дороги четырехугольному ставку и сказали, что тут была баня. Я с коня взглянул в него. Он был пуст. Засоренное дно его поросло травой. В одном углу торчала развалинка. В иной раз я не поверил бы, что тут могла быть баня. Но наблюдение над Рас-ель-Айнскими водометами сделало меня доверчивее к замечаниям здешних арабов. Очевидно было для меня, что и сюда притекала вода из окрестных гор и струилась из-под земли. Человек воспользовался ею и устроил тут омывальню или водопойный ставок. Если бы вычистить в нем дно, то показалась бы вода, которая теперь пробирается где-нибудь глубже. Окрестные места здесь очень многоводны. В скалах – вода, за ними – она, подле самого Атлита – озерки. Думаю, что крестоносцы, жившие в сем укреплении, поддерживали придорожный водомет для омовения или напоения поклонников, которые, возвращаясь домой из Атлитской пристани, в последний раз запасались здесь водой Святой Земли.

С большой полевой дороги к Атлиту ведет узкий проход, иссеченный в каменистом кряже, тянущемся вдоль моря недалеко от его берега. Его сделал Ибрагим-паша для удобного перевоза пушек. По обеим сторонам сего просека и вообще во всем кряже видны древние каменоломни. Любопытно бы осмотреть их. Может быть, там есть надписи. А они пригодились бы к пояснению загадочного Атлита. Арабы, перевозящие камни из развалин сего замка в Акру, говорили мне, что

они видели на одном соседнем холме каменный гроб с изваянным на нем изображением человека во весь рост. По их мнению, этот человек есть И(исус) Христос. Но не погребен ли тут какой-нибудь рыцарь, либо епископ, либо аббат? Известен обычай западных христиан ваять изображения усопших на их гробах. Когда Бог еще раз приведет меня на Кармил, тогда я нарочно схожу в Атлитские каменоломни и исследую их прилежно. Велика будет моя радость, если удастся мне найти этот памятник или надпись какую. Ибо они пособят мне хотя немного разгадать существование Атлита.

За просеком непосредственно начинается укрепление сего рыцарского замка. Трудно описать их в подробности, потому что они частью разобраны, частью развалены и кроме того на них египетские выходцы построили свои мазанки. Я предпочитаю описанию чертеж с кратким описанием его.

القسم الاول فى مادة السر الاقاربتيا

Рис. 20. План развалин замка Атлита.

Атлит построен крестоносцами на скале, вдающейся в море далеко от берега. Эта скала срезана и выровнена, что доказывает её гладкий выступ из-под северной стены замка. Но западная оконечность её между двумя башнями оставлена в естественном ноздреватом состоянии, как отпор для морских разбойников, дабы они не отважились пристать тут и овладеть твердыней.

Перед самым Атлитом видны приземистые остатки передовой длинной стены с водоприемным рвом. Она с обеих сторон замка загибалась к морю и оканчивалась в нем крепкими башнями (А), примыкая на юг к каменистому холму (В), обтесанному отвесно. В нем каменосечцы вырубили три малых четырехугольных углубления, как бы окна (с), вероятно, для поклажи рабочих орудий или пищи. Холм увенчан был башней. Близ его в 1843 и 1844 годах еще целы стояли ворота (D), складенные из огромных камней с круглой аркой красивого зодчества. Тогда я проехал через них на большую дорогу, а в этот раз уже не видал их, потому что их разобрали и камни увезли в Акру для постройки тамошней крепости.

Пространство между сим передовым укреплением и лицевой стеной замка измеряется немногими десятками шагов. Эта стена (Е) весьма толста и к северу от входа в замок прямолинейна, к югу же имеет выступы. Внизу, снаружи, она обложена большими камнями, которых окраины обтесаны гладко, а середина выпукла, каковое каменосечение придает ей вид весьма красивый. На этой древней основе сарацины складили свою ограду. Стало быть, вся верхняя половина старинной стены была разрушена ими. На обоих концах её ныне торчат круглые башенки арабской работы (f), а во время крестоносцев тут высились две громадные рыцарские храмины, из коих южная (g) почти вся разобрана, а от северной осталась лишь одна восточная высочайшая стена (h), да и от нее отделили лицевую обшивку сверху до половины для Акрских укреплений. Остальная облицовка её сделана из больших камней с гладкими оторочками по всем краям их и с выпуклостями в середине. Эта стена издали кажется огромным витязем, который после битвы сложил с себя доспехи и прощается с миром, готовясь умирать от ран смертельных.

Старых ворот, кои вели в замок, уже нет. Их заменила дверь, кое-как сделанная феллахами из кольев и драничек. Но она поставлена на старом месте в обычной в крепостях косвенной теснине, огражденной со всех сторон глухими твердынями. Через эту теснину по заваленной лестницеходишь внутрь Атлита и останавливаешься на крыше какого-то здания перед мечетью. Оттуда хорошо видны: вся южная часть сего замка с его пристанью, северо-восточный угол его и внутренняя стена лицевой стены с её прозорами, кои, впрочем, закладены. С крыши я кое-как сошел к полуцелевшей стене рыцарской храмины (i), чтобы заглянуть в соседнее с нею подземелье (k) и осмотреть всю северную сторону Атлита.

Вход в подземелье был закладен камнями. Что ж мне сказать о нем? Скажу то, что слышал от местных жителей. Они уверяли меня, что это нижнее отделение замка занимает всю длину и ширину его и что над входом в него была надпись, которая гласила: «Мы наполнили сие место виноградом, а вы наполните ли его соломой?» Понятно, что эта надпись выражала как огромность нижнего помещения, так и неодолимость замка, снабженного жизненными припасами.

Не без сожаления отошел я от неизведанного подземелья, над которым живут египетские выходцы. Огорченное неудачей внимание мое остановилось на соседней стене рыцарской

храмины (i). Она не очень толста. Внутренняя сторона её, обращенная к морю, облицована гладкими камнями; вверху еще видны выступы обвалившихся сводов и выпуклые украшения на стене вроде занавесок, коих концы завязаны шаровидными узлами, а окраины расширены кверху, что обнаруживает зодчество веков средних. Поелику в этой стене вовсе нет окон, значит прозоры храмины обращены были на север и юг, откуда рыцари могли ожидать бранного движения магометан. Ежели все четыре стороны сей твердыни были отделаны снаружи так же, как и эта стена, то целое здание было весьма красиво.

От него между обломками я пробрался к морю, и тут прошел вдоль замка. Вся северная стена его основана на морской скале (L). Крепкая и высокая, она построена из больших гладких камней и прямолинейно простирается от берега до конца скалы, где сооружена была огромная башня. Волны морские столько веков напирала на это забрало, но не могли сокрушить его. В уровень с ним в том же направлении с суши в море тянется вторая стена. Она также цела, как и первая. Таким образом, замок с северной стороны укреплен был двойными забралами. В тесном пространстве между ними, кажется, не было жилья, исключая северо-западный угол, где видны остатки пространных комнат.

Воротившись назад к помянутой мечети, я обозрел южную сторону Атлита. Здесь, как и там, он укреплен был двойными стенами, кои отчасти разобраны (N o). По местности дано им направление – сперва прямое, потом косвенное с загибом на юго-запад, где они примыкали к громадной башне. Проходя между ними, я заметил в правой стене отверстие цистерны. Вероятно, таких водоемов много в Атлите; ибо они нужны были в случае нападения неприятеля с суши. Хотелось мне пробраться к юго-западной башне (p), но она так разорена и так загромождена обвалами, что весь жар моего любопытства простыл при взгляде на её лохмотья. Посему я прошел по кручам и отсыпям к срединной оконечности замка (Q). Тут стоят те же громадные стены с высокими дугообразными пролетами (R s), коими я любовался в 1843 и 1844 годах³⁷⁶. Но подножий двух колонн (t) уже нет. Постановка этих стен показывает, что замок в сем месте украшен был полукруглой галереей с колоннами. Тут рыцари наслаждались прохладой моря, его грозным величием и привлекательной тишиной. Тут они встречали набожных поклонников и прощались с ними, посылая благословения Св. Земли каждый в свою родину. Стоя на этом месте, я воскресил в своей памяти роковое столкновение Запада с Востоком. Сердцу тяжело было от воспоминания о неудачах крестоносных рыцарей. Мысль моя исчезала в тайне неисповедимых судеб Божиих. Дух Господа Савваофа развеял полчища крестоносцев, как вихрь развеивает солому. Изуверство мусульманское разрушило их прекрасные здания на Св. Земле. Смотря на великолепный Атлит, обезображенный и покрытый прахом, пеплом и скотским пометом, я уронил две горячие слезы на холодную землю. Направо от галереи, на самом конце морской скалы, лежат развалины огромной башни (u). Она была отдельна от прочих строений. В этот раз мне не захотелось взглянуть ни в нее, ни в смежные с нею пространные комнаты, ни в соседнее теплое здание (w), которого назначение разгадать трудно.

Вся морская оконечность Атлита гораздо ниже внутреннего средоточия его оттого, что подземелье вывершено высокими сводами. Из галереи в старину поднимались в верхний ярус сего замка по каменной лестнице, которой остатки существуют и теперь (x). Эта лестница вела в средоточное здание готической архитектуры (y). В 1843-1844 гг.³⁷⁷ оно было еще цело, только без купола. Тогда я любовался его восьмью дугообразными высочайшими окнами, узорчатыми карнизами и зодческими украшениями внутренних стен в роде фестонов, выделанных из камней, а в этот раз на месте его нашел одни обломки и куски. Это здание все разобрали, и камни увезли в Акру. Прискорбно было думать о невознаградимой утрате наилучшего памятника времен рыцарских. Местные арабы говорили мне, что тут находилась церковь. Верю их словам и договариваю, что сие небольшое святилище сооружено было в виде правильного восьмиугольника. Верю же потому, что постановка роскошно отделанного здания среди крепости ручается за его священность. Близ его лежит толстейшая гранитная колонна синего цвета (z). Близнецы её или увезены в другое место, или завалены щебнем. Церковь ли была окружена колоннадой или только у верховья лестницы стояли гранитные колонны, – это решить трудно.

Обозрев Атлит и подивившись странной особице тамошних женщин, продевающих большое серебряное кольцо в одну ноздрю, я поехал в Тантуру. На пути к этому селению нет ничего примечательного. А вблизи его, на приморском холме, торчат кой-какие обломки древней Доры; и там сям валяются наглавия колонн и дребезги кладенных камней. Когда я спустился с этого холма на торную дорогу, заметил у скалистой подошвы его на самом берегу моря несколько

тантурских женщин с большими водоносами на головах. Очевидно было, что они тут брали пресную влагу. Но глаз не усматривал ни ставка, ни колодца. Казалось, арабки черпали воду из моря. Любопытство подстрекнуло меня сходить туда, и я из деревни с проводником побрел к таинственному водоему, и что же увидел? У самой окраины моря в ноздревато-скалистом берегу его выдолблена ямка в виде уступа, из боковой щелочки её сочится пресная и вкусная вода, наполняет ее, бежит через край и тонкой струей тотчас вливается в море. Замечательно, что реяние её из трещинки показывается со стороны моря. Подумаешь, что из него вытекает ручеечек. Но на самом деле он выходит из-под холма. Тут я вспомнил о Рас-ель-Айнских родниках и еще более убедился, что они суть такие же притоки из гор, как и Тантурский ключ живой воды.

Январь 19, Середа. Еще не рассвело, а наши кони уже были оседланы. В час утреннего сумрака мы выехали из Тантуры, – так рано потому, что хотелось осмотреть придорожную местность между деревнями Омхалибом и ель-Харемом, на которой карта Робинсона указывает город Аполлонию при потоке Арсуфе.

Едем то рысью, то шагом по окраине моря. Волны шумят, по ним челны летят. Горбатые раки кроются от нас в свои песчаные норки. Неполноводные речки Белка и Зерка струятся тихо. Приближаемся к Кесарии. Из-за стен её показываются как бы два великорослых старца, согбенные от лет и тяжких страданий и молящиеся на восток. Еще несколько шагов и они превращаются в столпы разоренной церкви. Кони под нами идут вдоль Кесарийского водопровода. Он заметан песком и уже не ссужает водой опустелый город, в котором некогда лилась драгоценная кровь святых мучеников. Водопровод за нами, Кесария перед нами. У северной пристани её, в море, валяются обломки колонн, а берег отвесный еще поддерживается остатками древней стены. Въезжаем в сей город сквозь пролом в полуразрушенной твердыне его; не видим в нем ни одной души живой; выезжаем сквозь другой пролом и спускаемся к берегу моря с зеленого холма. Кажется, этот холм составился из обвалов рукотворенных зданий. Та сторона его, которая обращена к морю, имеет вид подковы и с боков высока, а в середине пуста и глубока. Тут стоял храм, построенный Иродом в честь Кесаря Августа. Не был ли он полукруг, как и холм?

В окрестностях Кесарии, почти до самого ель-Харема кочуют бедуины. Туда их приманили кустарники, зеленая трава и сладкая вода. Смотря на их черные шатры, водруженные там-сям, я думал: отец всех скотопитателей был Иовиль. Моисей сохранил его имя наравне с изобретателем цевницы и гуслей и первым ковачем железа и меди. Почему бы это? Верно потому, что род жизни, избранный Иовилем, был уклонением от общежития первобытных людей. Но что же заставило его покинуть города и селения и жить со скотами на степях и в пустынях? Страсть к независимости? Расчет корысти? Или что-нибудь другое? Иовиль, сын Ламеха – убийцы, происходившего от Каина – братоубийцы, не наследовал ли зверонравия отца своего, не враждовал ли против братьев своих, и, когда эти одолели, отринули, прокляли его и, быть может, разорили дом его, спалили нивы его, посекали деревья его, не поклялся ли мстить им и месть его не передавалась ли из рода в род? Известна кровавая неприязнь пастухов к жителям оседлым. Цари-пастыри разоряли Египет. Амалекиты, мадиамляне, аммониты угнетали народ еврейский. Гунны, татары, монголы громили вселенную и любовались пламенем и пеплом городов. Не знаю, как лучше объяснить двойственный быт племен земнородных, быт кочевой и оседлый. Колыбель человеческого рода окружена непроницаемым мраком. Что такое у Бога бедуины и все им подобные скитальцы? Бичи для наказания тяжко согрешивших оседлых народов. Но отчего же на них самих нет бичей? Ужели пастухи святее земледельцев и горожан? Грех царствует везде и в домах, и под шатрами, и там и тут наказывается страшно. Люди кочевые сами себя бичуют своими междоусобиями. Эти люди веками веков не сделаются оседлыми. Но распространится ли между ними образование? В палатках их родятся ли поэты, философы, витии, живописцы, ваятели, зодчие, певцы и игрецы на струнах и органах, законодатели, пророки? Или вечно от них будет пахнуть козлом и верблюдом? И какова их участь за гробом? Можно понять их мучение в аду; но как вы (можете) разуместь связь райского блаженства с их воспоминаниями о скотах, о степях, о ветрах палящих, о мятелях ужасных? Нет ли особого рая для бедуинов и монголов?

Мысль моя сделалась буйной, бедуинской. Я усмирил ее и в младенческой безмятежности ума продолжал путь свой по зыбучим пескам и по зеленым полям до мнимой Аполлонии.

На половине дороги между Омхалибом и ель-Харемом находится глубокая и длинноватая ложинка, обрамленная холмами. В нее втекает речка и образует тростниковое озерко. Лощину пахали феллахи. Я рад был встрече с ними и выведал от них, что речка называется Хáлех или Фáлег, а не Арсуф, и что на этом месте нет никаких франкских развалин. Однако они указали мне за одним ближайшим холмом разоренную деревню арабскую. Я осмотрел ее и не нашел ни малейшего следа городских строений, да и на прочих соседних холмах не заметил никакого признака жилища людского. Кой-где выказываются из земли безобразные скалы, но и те не тронуты орудиями человека. Итак, Аполлония находилась не в этом месте, а подле ель-Харема, где и теперь лежат значительные развалины древнего города, который был защищен крепкими твердынями. В сем убеждении я отправился в эту деревню, где и провел ночь благополучно.

Январь 20, Четверток. На полевой дороге между ель-Харемом и Яффой, за рекой Одже, встретились со мною путешественники воздушные. Их было бесчисленное множество. Тремя густыми отрядами они летели над землей. Один отряд, самый меньший, походил на темное круглое облачко, а другой, большой – на распушенный, опрокинутый зонтик; третий же – предлинный, представлял вид огромной змеи ползущей, которая хвостом своим тащила за собой круглую копну сена. Быстрые воздухоплаватели переменяли направление, но не изменяли своих строев и их видов. Долго я любовался замысловатым полетом пернатых и сделал очерк каждого отряда. Это были мудрецы-скворцы. Образ и способ полета самого большого отряда их подали мне мысль устроить воздухоплавательный шар точь-в-точь в таком виде, в каком летели эти Божии птички. Думалось, что если приделать к нему змиинообразный и длиннейший хобот, то он помогал бы держаться невысоко от земли и управлять течением шара свободно и беспрепятственно.

Рано я приехал в Яффу и, отдохнув в Греческом монастыре, отправился в Рамлу в два часа пополудни. Здесь маститый игумен Захария, знающий наизусть пророчество Агафангела о турках, уверял меня и спутников моих, что пройдут еще четыре года с половиной и Константинополь будет взят русскими. Но они недолго повладеют им; их де изженут оттуда греки и другие державы.

Январь 21, Пятница. Бог сподобил меня [сегодня] достигнуть Св. Града без всякого злого обстоятельства.

Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко человеколюбствовал еси обычно, и спасл мя еси от темноты очные и от всякого зла.

III. Пребывание в Иерусалиме

Январь 22, Суббота. Бейрут в шелку. Сидон в лохмотьях. Сарепта в гробе. Тир голоден. Акра в дырявых цепях. Кайфа вековечно в грязи. Кармил красавец. Атлит мертвец. Кесария скрыта. Аполлония труп. Яффа торгует и садовничает. Рамла выделяет масло и мед. Азот молотит хлеб. Аскалон запустел. Газа нищая. Иерусалим сутяга. Вифлеем кровопроливек. Хеврон и Сихем разбойничают. Назарет смирен. Тивериада наполнена жидями [и блохами].

Январь 23, Воскресенье. Сегодня я был у патриарха Кирилла. Он принял меня отменно ласково и с большим вниманием слушал рассказ мой о возмущении бейрутских христиан против антиохийского владыки. Была речь о заслугах сего маститого святителя. Я возвеличил его до небес, особенно за учреждение девичьего училища в Дамаске под руководством одной сайданайской монахини и, желая расположить и предстоятеля Гроба Господня к такому же доброму делу, нарочито продолжал речь о необходимости образования женского пола. «Христианки, – говорил я, – знающие молитвы, псалмы и Св. Историю, исповедание веры и заповеди, кроме того, что угодны Богу, ищущему себе поклонников в духе и истине, суть наилучшие маслины в вертограде Божиим. Как матери, они передают детям свою набожность, свои добродетели и свои духовные знания; и их предания и наставления так глубоко укореняются в детских сердцах, что никакое лжеучение впоследствии не может исторгнуть их. Посему на благочестивое образование девиц, – этих будущих матерей, надобно обращать величайшее внимание. Отцы, как бы хорошо ни знали они свою веру, занимаясь ремеслами и работами, не имеют времени позаботиться о духовном возлелеянии птенцов своих. А матери, постоянно находясь с детьми у очага домашнего, могут питать их брашном Слова Божия благовременно и безвременно». Патриарх, митрополит Мелетий, архимандрит Никифор соглашались со мной, но не промолвили, что и мы де учредим питомник девичий. Впрочем, я уверен, что слова мои западут в их душу и они поняли, что ожидает от них церковь Российская.

Сегодня митрополит Мелетий говорил, что графиня Орлова дала 1300 рублей на постройку церкви в Караке.

От арабских священников я слышал, что на днях кончено обновление церкви Св. апостола Иакова, смежной с храмом Гроба Господня. Для освещения её открыли в ней старое заложенное окно, а для благолепия постлали ее мраморными плитами. При перестилке пола нашли под ним несколько каменных гробниц, но без надписей. Догадываются, что тут погребены были Иерусалимские патриархи.

Блаженнейший Кирилл подтвердил мое сведение о том, что здешняя английская миссия открыла школу в Набулузе для обучения детей всех вероисповеданий, не исключая и магометан. Но по уверению его, православная паства там охранена от влияния англичан.

Наш учитель арабского языка Фадлалла Саруф поведал, что в Дамаске один грамотный араб православного вероисповедания, по имени Юсеф Шатилья, оскорбившись тем, что Антиохийский патриарх уменьшил ему жалованье за обучение детей в народном училище при патриархии, сделался протестантом и открыл частную школу. Впрочем, он возвратился бы в православную церковь, если бы она дала ему средства к пропитанию. (Это случилось в позапрошлом году).

Тот же учитель наш рассказал, что дамасские униаты, когда узнали, что едет к ним патриарх их Максим, вышли к нему навстречу с разными снедами и напитками, но, увидав при нем ненавистного им наместника его, иеромонаха Михаила, огорчились и возвратились с непочатой хлеб-солью.

В исходе седьмого часа пополудни мимо Архангельского монастыря магометане провели невесту в дом жениха её под балдахином, который со всех сторон закрыт был длинным белым полотном. Спереди и сзади несены были огни в железных жаровнях, прикрепленных к длинным палкам. Свадебный ход двигался очень медленно и без пения. Невеста и кто-то с нею не видны были под балдахином, который несли оборванные и босоногие феллахи. Свадьба бедная!

Январь 24, Понедельник. Сегодня начались наши арабские уроки.

Январь 26, Середа. Патриарх Кирилл посетил меня в четвертом часу пополудни. Между прочим, он говорил, что для устранения торжественности входа латинского патриарха в Вифлеемскую церковь, как нововведение, издержано на утоление здешних властных мусульман 20 000 пиастров, и что латины затеяли тяжбу за Голгофу. Они домогаются позволения снимать с тамошнего престола пелену греческую на время службы своей и полагать на него свою собственную не сверх пелены греческой, как это было прежде, а на самую доску престола. «Дозволить этого мы не можем, – говорил патриарх, – потому, что всякое нововведение здесь опасно. В прошлом году я согласился, чтобы латинский патриарх (в) великий пяток положил там деревянную доску на наше покрывало, но с тем условием, чтобы эта доска была снята тотчас по окончании службы и чтобы мое братское согласие не было обращено в право на будущий год». А теперь добрые друзья опять хотят судиться с нами.

Январь 29, Суббота. Был у меня святогробский монах Прокопий, который долго жил в бессарабских имениях, принадлежащих Гробу Господню, и поведал, что эти имения взяты на откуп одесским купцом Папудовым сроком на шесть лет, с условием ежегодно вносить в святогробскую казну 10 000 голландских червонцев. Срок условия будет продолжаться еще пять лет.

Январь 31, Понедельник. Я был у патриарха Кирилла и узнал от него, что голгофское дело началось в здешнем мусульманском судилище.

Февраль 1, Вторник. Правый глаз мой видит слабо. Нет ничего нового.

Февраль 8, Вторник. Мужчинам и женщинам нравится красивая головка более, нежели прочие части тела, как бы хороши они ни были. Не значит ли это, что в другом мире у нас будут одни лучезарные головки?

Вот уже несколько ночей я ужасно страдаю от биения в животе. В прошлую ночь оно продолжалось более четырех часов. Для прекращения его надобно предпринять продолжительное путешествие в вади-Муса и по южной Палестине. Если оно не поможет мне, то прощай, Иерусалим! Буду проситься на покой.

С начала Января до сего дня холодно; то ветер бушует, то снег падает, то дождь льется, то густой туман стелется по горам. В каждый день не более пяти градусов тепла. В комнатах сыро. На улицах грязно. Я крайне слаб. Господи помилуй!

Февраль 9, Середа. Патриарх Кирилл снабдил меня под расписку 8 000 турец(кими) пиастрами взаимобразно; не то, пришлось бы нам умирать с голоду. Знать, мало думают о нас в Петербурге.

Проживающий в моем монастыре англичанин Пальмер сегодня за обедом спросил меня, каково расположение Греческого патриарха к английской духовной миссии в Иерусалиме? Я отвечал ему:

– Патриарх Кирилл кроток и веротерпим; но естественно, не доверяет иностранцам и иноверцам.

– Ужели наша миссия подала повод к тому? – возразил англичанин.

– Государь мой! Протестантство в Палестине уже имеет свою историю. В 1821 году приехали сюда американские миссионеры и, выдавая себя за еллинолюбцев, подружились с греческим духовенством, снабдили его займом денег и открыли кое-где школы; но тут стали учить детей по-своему и воспрещать им крестное знамение, поклонение святым иконам, посты и прочее. Когда это огласилось в семействах, тогда православный патриарх заплатил им заем с благодарностью, а училища их закрыл.

– Он был прав, – говорил Пальмер. *C'est abominable! C'est impardonable!*³⁷⁸ Но англичане не американцы.

– Однако же, первый епископ ваш Александр сделал попытку прозелитизма в православной деревне Джифне, дав несколько тысяч пиастров бедным жителям её в уплату податей. (Англичанин побледнел; я продолжал). Но наш патриарх принял свои меры против него, так что подкупленные арабы опять стали православны. Подобный подкуп сделал было и латинский патриарх Валерга в православной деревне в Бетжале близ Вифлеема, но встретил сильное противодействие со стороны греческого духовенства и не достиг своей цели. Как он не постыдился покупать совесть угнетенных христиан! Я запишу поступок его на скрижалях своих чертами неизгладимыми. Да и ваш епископ Гобат недавно открыл училище в Набулузе; для чего?

– Для обучения детей.

– Чьих?

– Всех вероисповеданий.

– Но почему он не исполняет воли кантербурйского архиепископа, выраженной в печатном послании его ко всем восточным архиереям, в котором ясно сказано, что английский епископ не должен вмешиваться в дела этих святителей?

– Вчера епископ Гобат у нашего консула говорил мне, что он намерен учреждать здесь училища со строгими ограничениями, так чтобы дети оставались каждый в своем вероисповедании.

– Прекрасно! Но почему он учредил училище в Набулузе, а не в Хевроне например, или Табарии, где много евреев и магометан и нет православных христиан?

– Ваш патриарх не строит школ. Итак, человеколюбие понудило нашего епископа заботиться о детях.

– Государь мой! Кто сказал вам, что у нашего патриарха нет школ? Знайте, что они давно учреждены в Иерусалиме, Вифлееме, Яффе, Назарете, Акре; даже в каждой деревне есть приходская школа, в которой малютки обучаются чтению, письму и церковному пению понаслышке. Когда вы приедете в Вифлеем, сделайте милость, загляните в тамошнее училище в греческом монастыре. Доколе иностранцы будут думать о нас, что мы люди темные, что мы ничему не учимся и ничего доброго не делаем для детей наших? Знайте, что здешний патриарх греческий втрое богаче вашей духовной миссии, ибо весь мир жертвует что-нибудь Гробу Господню; а в Молдавии, Валахии и России принадлежат ему богатые имения, из которых иные приносят доходу в год 100 000 франков. Итак, есть на что учреждать и поддерживать училища!

– Извините, я не знал о существовании этих школ и теперь вижу, что епископ Гобат не прав. В Англии все желающие соединиться с восточной церковью думают, что он никак не должен посягать на эту церковь.

– Да, он должен быть осторожен.

– Но отчего же в Сирии духовенство вашего вероисповедания невежественно? Есть ли там училища?

– Сирия подведома патриарху Антиохийскому. А он весьма беден и потому не имеет средств к образованию туземного духовенства. Однако, и он недавно учредил несколько училищ в

Дамаске, Бейруте, Триполи и Антиохии, а в позапрошлом году благословил учить девочек в Дамаске.

– Добрый он пастырь! А здешний патриарх погрозил проклятием набулузским христианам, когда они будут посылать детей своих в английскую школу. Это не хорошо.

– Государь мой! Скажите мне искренно, как поступило бы ваше правительство с греками, когда бы они, приехав в Англию, стали учить ваших детей своей вере и своим церковным уставам.

– Оно прогнало бы их.

– А, так и оно имеет свою анафему!

Последовало минутное молчание, потом Пальмер спросил меня:

– Почему здешнее духовенство не проповедует в церквах?

Я отвечал: Извините, оно проповедует. Есть печатные проповеди Иерусалимского патриарха Афанасия на арабском языке. Их читают в церквах и арабы слушают их со вниманием, сидя на полу. В бытность свою в Вифлееме я сам не раз, не два, а многократно слушал эти проповеди и любовался малютками, которые, сидя впереди своих отцов и матерей, зорко смотрели на проповедника. Притом в училищах преподается Катехизис, который недавно напечатан по-арабски в бейрутской православной типографии.

– Я не знал этого.

– В Святогробском храме, – продолжал я, – нередко проповедуют на греческом языке.

– Кому же?

– Монахам и поклонникам.

– А здешние арабы?

– У них есть своя церковь во имя апостола Иакова, и тут они слушают поучения.

В четыре с половиной часа пополудни посетил меня благочинный иерей Иоанн из Браилова. Он говорит по-русски. От него я узнал, что будзейский³⁷⁹ епископ умер в сентябре месяце 1847 года и что валахская милиция и турецкий отряд дрались в бухарестской казарме и что господарь Бибеско убежал в Австрию, а на место его назначены три кандидата: Кантакузин, Вилара и еще кто-то.

Февраль 10, Четверток. Сегодня помощник нашего повара, араб Юсеф, наткнул себе глаз впотьмах и попросил лекарства у какого-то здешнего знахаря. А этот поймал голубя, вырвал у него живого перо из крыла и кровью его намазал больной глаз. Замечательно!

Каким образом досталось человеку такое знахарство? Один голубь любил свою подругу. Однажды она, порхая меж ветвей тернистой акации, наткнула себе глаз. Голубь тотчас вырвал перышко из правого крыла своего и кровью своею излечил больное око любимицы своей. Человек подметил это вдохновение любви и стал лечить глаза подобных себе людей, как лечил голубь свою голубку. Так я думаю!

Февраль 11 и 12, Пятница и Суббота. В эти дни я писал письма в Константинополь, Петербург и Бейрут. В субботу около трех часов пополудни пролился здесь дождь с градом.

Февраль 18, Воскресенье. В час пополудни, при порывистом ветре, выпала снежная крупа и покрыла всю землю в Иерусалиме, но скоро стаяла; спустя полчаса, опять посыпалась и опять стаяла. На дворе очень холодно. Глаза мои тяжки. Сегодня я почувствовал, что как- будто кто подергивает веки моих глаз.

Патриарх Кирилл слушал вечерню в обновленной церкви Св. апостола Иакова. И я был там, а после вечерни заходил к петро-аравийскому митрополиту Мелетию и поздравлял его с прошедшим днем ангела; от него же прошел к патриарху. По словам его блаженства, один набулузский христианин, по имени Дауд, будучи не в состоянии расплатиться с начальством, прибег к здешним англичанам. Они дали ему жалованье 500 пиастров в месяц. За такое благодеяние он принял англиканское вероисповедание и обещался склонить к тому же и других сограждан. Английский епископ Гоба(т) немедленно учредил в его доме школу для детей. Для большей приманки их поставлены тут часы с разными механическими игрушками в них. «Но когда я узнал об этом, – примолвил патриарх, – тогда написал пастырское послание к набулузским христианам, в котором увещевал их хранить отеческую веру и предостерегал от лжеучителей. Они вняли моим увещаниям и перестали посылать детей в новую школу. Теперь в ней учатся одни дети Дауда».

Его блаженство говорил о продолжении голгофского дела и о сильном ходатайстве французского консула и сотоварищей его по этому делу у паши.

О тяжбе греков с латинянами по случаю покражи звезды в Вифлеемском храме наш консул Базили писал к патриарху Кириллу, что великий визирь Решид-паша не поддерживает латин, потому что сила Франции в Порте на этот раз ослабела, а сила России увеличилась.

Воспользовавшись припоминанием патриарха о переписке его с г. Базили, я передал его блаженству все, что этот консул говорил мне в Бейруте о жестких выражениях, употребляемых в письмах к нему из Иерусалима, и просил патриарха повелеть секретарям писать впредь мягче, скромнее и осторожнее. Патриарх сознался в ошибке и примолвил: «Я говорил архимандриту Никифору, что такое и такое выражение жестко и что подобными речами можно охладить нужных нам людей, но он не захотел переменить тона речи».

Февраль 15, Вторник. На дворе ясно, но холодно. Сегодня я кончил отчеты приходов и расходов нашей миссии за прошедший год. Зрение мое крепче вчерашнего, удары в животе слабее; ретивое сердце понуждает меня сделать то и то, да слабость сил не позволяет мне работать много. Бедное сердце!

Февраль 17, Четверток. В три часа пополудни посетил меня здешний английский консул Финн и, между прочим, сказал, что паша дал ему два письма к шехам, хевронскому и карацкому, по случаю отправления господина Пальмера вместе с нами в путешествие в вади-Муса и за Иордан. Я благодарил его. Но что заставило его прийти ко мне? На днях я просил Пальмера кланяться от меня г. Финну и сказать ему, что в сделке с пашой и с шехами касательно путешествия нашего я полагаюсь более на английского консула, нежели на греческих архиереев, потому что имя его громко у арабов, презирующих местное духовенство. Вот эта учтивая правда и привела его за нос в мою келью. Разговаривая со мной, он посмеялся над невежеством паши, который не знал, где находится вади-Муса и Петра.

После вечерни я был у патриарха Кирилла и взял у него благословение на отъезд в монастырь Св. Саввы для говения по уставу святой церкви, а для предполагаемого путешествия выпросил две палатки и каваса Апостоли. Его блаженство был печален. О здешнем паше он сказал, что такого дурного начальника еще не было здесь. Я догадался, что голгофское дело решается им в пользу латин.

Февраль 18, Пятница. Заиорданские епархии по счету Нила Доксопатрия:

1. Скифопольская. Епископий семь:

1. Пелла,
2. Авили,
3. Иппос,
4. Ефики,
5. Тетракомия.
6. клима Галáni,
7. слобода Наид и слобода Га́ва.

2. Петро-Аравийская. Граница её на южной стороне – река Хис́ин, а на северной – река Мугзиппи. Эта река разделяет её от митрополии Вострийской, что в Авситидийской стране, а подведомы ей 13 епископов:

1. августопольский,
2. ариндатский,
3. харахский,
4. ариопольский,
5. мампсийский,
6. елузский,
7. зоорский,
8. виросамский,
9. пентакомийский,
10. мамонсорский,
11. митрокомийский,
12. сáлтон-иератикийский и
13. э́ллаский.

3. Епархия Вострийская. Вострийский или аравийский митрополит имеет пространную епархию, которая на восток граничит с пустыней до водочети и родников, на юге с потоком Зарна́ки, на севере с рекой Хис́ин. Эта река разделяет Вострийскую епархию от Петрской, а подведомы этому митрополиту 35 епископов:

1. адрáсский,
2. дийский,
3. меда́монский,
4. герáсонский,
5. невийский,
6. филадельфийский,
7. есвосский,
8. иерапольский,
9. фэнонтский,
10. константианийский,
11. дионисиасский,
12. пентакомийский,
13. трикомийский
14. канофадский,
15. салтонский,
16. вотанейский,
17. ексакомийский,
18. еннакомийский,
19. Гонийской слободы,
20. Херусской слободы,
21. костáнесский,
22. Махамеронской слободы,
23. Кареáфской слободы,
24. Велванусской слободы,
25. Кавпронской слободы,
26. Пиргоаретонской слободы,
27. Сетниской слободы,
28. Ариахонской слободы,
29. Неотийской слободы,
30. околотка (κλῑμάτος) восточного и западного,
32. ариохасский,
33. Трахонской слободы³⁸⁰,
34. Вевдамусской слободы.

Архиепископы:

Миронский, – епархия его на востоке, лежит в середине епархии Вострийской и земли Авситидийской, а на западе простирается до башни Столпника (ἕως τοῦ πύργου τοῦ Στυλῑτου). Она, включительно со всеми деревнями, имеющими масличные сады, весьма пространна.

Гадирский, – епархия его мала; на восток простирается до слободы Петры, до Большого моста и до так называемого Великого монастыря.

Кириакупольский, – епархия его на востоке, до Моавы и до водотечи, разделяющей Моав от Петры, и до реки Хйсе, что между Моавом и Гаветом.

Дриасский, – епархия его на востоке до реки Зарина́кии, а на юге до великой водотечи (χεῖμαρρου), разделяющей эту епархию от Ейлы.

Гадетский, – епархия его, включительно со всеми окрестными деревнями, пространна.

Христианские деревни в Филадельфийской епархии за Иорданом³⁸¹.

1. *Хфеси* находится против устья Иордана, впадающего в Мертвое море. Есть церковь. Магометан нет.

2. *Салт*, – большая разрушенная крепость, от Хфеси отстоит на два часа ходьбы. Есть церковь. Христианских семейств 4.

3. *Рома́и* – христианское село. Есть церковь. Христиан 45 семейств. От Салта в 4 часах пути.

4. *Ала́ни*, – тут половина магометан, половина христиан. Последних считается 20 семейств. У них есть церковь. От Рома́и 3 часа ходьбы.

5. *Тибíни* – село христианское. Есть церковь. Христиан 40. От Алани 6 часов ходьбы.

6. *Ктíта*, – тут христиан 15 семейств. От Тибини 1 час ходьбы.

7. *Филадельфия*, называемая Суф, состоит из 100 домов, – 65 магометанских и 35 христианских. Есть церковь. От Ктиты 1½ часа ходьбы.

8. *Аджилун* состоит из 50-ти домов: 25 магометанских и 25 христианских. Есть церковь. От Филадельфии 3 часа ходьбы. В Аджилуне есть разрушенная крепость Рабат. Из нее виден Иерусалим.

9. *Ангир*, – тут 30 магометан и 10 христиан. Есть церковь. От Рабата полчаса ходьбы.

10. *Айн-Джен*, – тут 40 домов магометанских и 4 христианских. От Ангир 1 час ходьбы.

11. *Арджа*, – тут живут только великие эмиры в 45-ти домах. Христианских семейств 5. От Айн-Джена 3 часа ходьбы.

12. *Китайта*, – тут 40 домов. Живут великие эмиры. От Арджа 1½ часа ходьбы. Близ Китайты есть пещеры. В них живут 15 христианских семейств.

13. *Тубина* состоит из 14-ти домов: 8 магометанских и 6 христианских. От Китайты 2 часа ходьбы.

14. *Ханджир* состоит из 5-ти магометанских домов. Близ этой деревни, в пустыне, есть пещеры; в них живут 5 христианских семейств.

15. *Анепе* состоит из 22-х домов: 15 магометанских и 7 христианских. От Ханджира 2½ часа ходьбы.

16. *Рубра* состоит из 22-х домов: 12 христианских и 10 магометанских. От Анепе 1½ часа ходьбы.

Любопытно узнать во время путешествия за Иорданом, уцелело ли христианство во всех этих деревнях, или погасло. А оно, как видно из рукописи, еще светилось там во тьме в конце 17-го и в начале 18-го века.

Февраль 18, Пятница. Ездил со своими в монастырь Св. Саввы. Там мы исповедались и причастились Св. Таин.

Февраль 19, Суббота. Возвратился в Святый Град и записываю, что слышал.

Саввинские отшельники говорили мне, что Кедронский поток шумно протекал мимо обители их и что новые хорошие кельи, пристроенные казначеем Св. Гроба к северной стене алтаря соборной церкви их, стоили 40 000 пиастров.

Сегодня вечером я слушал в храме Воскресения Христова и выходил на благословение хлебов, а после вечерни зашел к патриарху. Он говорил мне, что на днях буря выбросила две мореходные лодки, одну с пшеницей близ Кайфы, а другую с поклонниками близ Атлита. Несколько поклонников утонуло, прочие были ограблены арабами Кармильской деревни Тире. В числе утонувших был русский не из простолюдинов. Об этом несчастье уведомил патриарха наш кайфский агент Аверинó.

Февраль 20, Воскресенье. С патриархом я служил обедню в храме Воскресения Христова. Здесь нет разумного служения Богу, а есть бездушное лицедейство, нестерпимое козлогласование и идолопоклонство. О, Боже! Где Твои истинные поклонники? Они у колыбели младенцев, на одре болезненном, на бурном море, в глубоких рудах и, быть может, в военных станах.

IV. Неудачная поездка в Хеврон и возвращение в Иерусалим. Иовлев водометный колодец. Источник Рогель.

Февраль 22, Вторник. Со всей миссией я выехал в Хеврон, откуда предполагено было посетить развалины древнего города Петры в вади-Муса и совершить путешествие через Карак до Востры. В весь день лился дождь, а порой и сыпался мелкий град; с запада дул холодный и резкий ветер. Чем далее ехали мы, тем хуже становилась погода. К довершению беды, мы сбились с большой дороги и очутились в деревне Бет-Уммар, в которой не надлежало нам быть, а сбились потому, что наши проводники остались далеко назади при вьючных мулах. Переводчик же Пальмера, взявшийся провожать нас, ускакал вперед. Бетуммарские арабы рассказали нам, куда следует ехать, и мы поехали было вперед по деревенской тропе, но душа моя стала волноваться от подозрения, как бы чада Измаила, видевшие нас без оружия и без проводников, не обманули нас и как бы не ограбили в пустырях. Я воротился в деревню, задумав выехать из нее на большую Иерусалимскую дорогу и подождать тут наших проводников. За мною следовали спутники мои. Молча проехали мы лачуги арабов, но за деревней наткнулись на две дороги. По какой же из них ехать? Никто из нас не помнил прежней дороги. Между тем густые облака накрыли нас с головы до ног в точном смысле этого слова, потому что мы находились на самом высоком погорье Палестины. Вдали и вблизи не видать было ни зги. Меня обуяло горе и я

почувствовал боль в левой полости живота. Но скоро пронеслись темные и влажные облака. Стало виднее. Тогда я вперил испытующий взор свой в окрестные холмы и на одном из них заметил здание, похожее на мечеть. Оно показалось мне знакомым. «Если это мечеть в деревне Хулхул, – сказал я своим, – то мы недалеко от большой дороги, и если мы поедем так, что эта деревня будет оставаться у нас влеве, то очутимся у развалин древнего Бетшура, где диакон Филипп крестил евнуха царицы кандакийской; а от этих развалин, кои должны быть здесь близко, дорога ведет прямо в Хеврон». После сего Фадлалла спросил одного иззябшего старика: «Как называется замеченная мною деревня?» – «Хулхул», – отвечал он. Тогда я повеселел, прищипил коня и поскакал в Бет-Уммар. За мной побежали мои. Миновав эту деревню, мы топали, топали по извилистой тропе и очутились у Бетшура. Одно горе прошло, а другое нашло. Скоро опять мы попали на два распутия. «Куда прикажете ехать? Налево? Прямо?» – спросил я своих. Но они молчали от новой печали. Тогда я велел Фадлалле скакать налево до ближнего холма и с вершины его посмотреть, в какой стороне от нас находится Хулхул, а сам стал пристально всматриваться в дорогу, которая пролегла прямо перед нами. Она казалась мне торной. На ней видны были свежие следы разных животных и конских копыт. Нельзя было сомневаться, что перед нами пролегает большая дорога к Хеврону. Между тем Фадлалла воротился и поведал, что Хулхул виден влеве и недалеко. Тогда мы поехали прямо и скоро достигли до Хеврона, загрязненные, промокшие, иззябшие.

У ворот сего города встретил нас переводчик Пальмера и привел нас в дом раввина, которого все семейство говорит по-испански. Господин Пальмер, прибывший сюда за день до нашего приезда, сначала обрадовался нам, потом сердечно пожалел о нашем неблагополучии.

В доме раввина, на сводах и стенах отведенной нам комнаты, замечены были мною следующие знаки:

القسم الثاني في باب تقديمه

Кто разгадает смысл их? Семисвещник напоминает храм Соломона, звезда – звезду бога Ремфана, которой образ израильтяне носили в пустыне сорок лет. А прочие?

Февраль 23, 24, Середа, Четверток.

В оба дни почти непрерывно валил снег. Горы, долины, дороги, сады, все покрылось белым саваном. Невозможно было и думать о дальнейшем путешествии, да и арабы джехаллинские отказались провожать нас в Петру, объявив, что ранее десяти дней они не пойдут с нами ни за что на свете. Мы благодарили Бога, что такая нечаянная и страшная непогода застигла нас в Хевроне, а не в пустыне, не то замерзли бы или заболели бы мы и все люди и скоты наши. Я твердо решился возвратиться в Иерусалим при первой возможности. В четверток, утром, проглянуло солнце, с ним блеснула надежда на возвращение. Но благоразумие заставило меня нащупать дорогу. Послушавшись этого хорошего советника, я с Апостолием съездил верхом до первых высот и убедился в невозможности предпринять обратный путь, потому что глубокий снег покрывал дорогу, а пронзительный горный ветер усиливал мороз, так что я потирал себе уши, нос и щеки.

Вечером мы припомнили те стихи в Священном Писании, в коих говорится о зиме и снеге в Святой Земле³⁸². По обновлении мира после потопа, Господь Бог сказал Ною: не приложу к тому прокляти землю за дела человеческая: зане прилежит помышление человеку на злая от юности его. Во вся дни земли сеятва и жатва, зима и зной, лето и весна день и ночь не престанут.³⁸³ Зима, по слову Божию, есть неотменное время земного года; следовательно, она была и до потопа. Праведный Ной, который слышал слово зима, не понял бы его, если бы прежде не знал, что такое зима. Когда Давид воцарился в Хевроне, тогда собрались к нему сильные князи, которые помогали ему в царственных делах. В числе этих крепких Давида был Ванея, сын Иодаев, сын мужа крепкого. Он убил льва у колодца в день снега³⁸⁴. Во время жизни И(исуса) Христа в праздник обновления была зима³⁸⁵, а в дни страданий его она была такая холодная, что мучители его грелись у огня: Зима бе и греяхуся³⁸⁶.

Кто когда-нибудь будет читать эту Книгу Бытия моего, тот пусть не думает, что в 1849 году, 23 и 24 Февраля выпало немного снегу на горах Палестины, а о. Порфирий увеличил его де вдвое, втрое. Уверяю, что толща снега на ровных местах в Хевроне и в окрестностях его превышала пять вершков. Когда я из Хевронской долины выехал на горную высь и осмотрел

кругом всю даль, то увидел настоящую русскую зиму и настоящий русский снег, который густо и плотно покрыл всю землю, как хлопчатая бумага покрывает одеяло, которое стегает швея. Конь мой заострил уши, озирался на обе стороны и дышал тяжело. Заметно было, что он дивился и не понимал, куда девались горы, земля и зелень на ней. Конь под Апостолием не хотел идти далее, поднимался на дыбы и вертелся на одном месте, когда этот могучий всадник шпорил и нудил его идти вперед.

Февраль 25, Пятница. Ясное и теплое утро предвещало хороший день. В Хевронской долине кое-где явились проталины. На холмах выказались обмытые камни. Мы собрались в обратный путь и выехали из Хеврона. Длинною вереницей тянулись наши вьючные мулы, их погонщики на ослах и мы, всадники, на конях, по узкой долине, покрытой мокрым снегом. Сидя на коне, я думал: Есть мученики за веру, есть труженики ведения. Первые достойны благоговения, вторые – уважения. В тех и других самоотвержение простирается до пожертвования жизнью. Те и другие своими страданиями служат человечеству, первые, – запечатлевая кровью свою истину Божию, вторые с трудом и многими лишениями, увеличивая объем человеческих познаний. Недаром охотно читаются заметки путника. Охота читателя есть часть его уважения к этому труженику.

От Хеврона до деревни Бет-Уммар дорога покрыта была снегом, а оттуда чем далее, тем менее было замерзших луж. Их растаяло палящее солнце. В долине, ниспадающей к развалинам девичьего монастыря, весь снег стоял и обратился в журчащий поток, а около прудов Соломона и далее к Иерусалиму таился лишь кое-где.

Засветло мы прибыли в Св. Град. Здесь также лился дождь и валил снег три дня, так что обрушились три старые дома: один близ Архангельского монастыря, немного ниже нашего сада, другой, в котором жил столяр-немец, и еще какой-то.

Февраль 26, Суббота. День ясен. На дворе тепло. Я слаб. Глаза мои тяжки. Сердце просится в отчизну, а рассудок говорит ему: подожди знамений Бога.

Не знаю почему, а сильно мне хочется побывать за Иорданом, в Месопотамии, Курдистане и Малой Азии. Исполнится ли это хотение мое? Бог весть! Но я думаю, что мать родила меня для Востока.

Февраль 27, Воскресенье. Во время нашего отсутствия, 24 дня, вода в Иовлевом глубочайшем колодце близ Иерусалима возвысилась и полилась через край, а в 55 шагах от него на юг, в русле Иосафатовой долины, проторглась из-под насыпной нивы и ручьем потекла по этой долине к монастырю Св. Саввы и далее к Мертвому морю. Феллах, который первый заметил тут появление её, по древнему обычаю, принес ее иерусалимскому паше и патриархам Греческому и Армянскому, а быть может и в монастырь францискан и получил денежные подарки.

Все жители Иерусалима почитают это явление воды благословлением Божиим и признаком плодородия [и благополучия] и потому радуются и гуляют около дивного колодца. Египтяне весело празднуют разлитие Нила, а иерусалимиты – появление Кедронского потока.

Услышав вчера об этом за ужином, я сегодня ходил к Иовлеву колодцу, вникнул в необычайное появление воды из него и из земли и я полюбовался гуляньем арабов. Записываю свои впечатления, замечания местных жителей и свои суждения. Иовлев колодец находится в глубоком ложе Иосафатовой долины, напротив мечети ел-Акса, гораздо ниже Силоамской деревни и огородов её, при впадении Генномской дебри в эту долину. Глубина её измеряется 30 саженьями. Он устроен в виде продолговатого четырехугольника и внутри весь, сверху донизу, облицован тесаными камнями и вывершен высоким сводом, в котором есть отверстие для таскания воды. С восточной стороны, в стене его, устроено большое окно, через которое я видел воду довольно близко от оконного подлокотника. А у сторон северной и южной лежат небольшие каменные водоемы, из которых водой наполняют меха. Позавчера вода выливалась сама собой через помянутое окно, а вчера и сегодня она понизилась. По уверению местных арабов, она тут выходит из подъемной скалы, а в засуху почти исчезает, так что феллахи спускаются в колодец на веревке и грецкими губками собирают необходимую влагу. После декабря месяца 1845 года не возвышалась она, а в прошлом году показалась из-под земли только на один день. В южной стене колодца, довольно низко от поверхности его, есть отверстие, через которое возвысившаяся вода проходит под соседнюю ниву и в 55 шагах от него показывается наружу и струится потоком. Когда она опустится ниже этого отверстия, тогда перестает течь по долине. А малая нива, прилегающая к колодцу, насыпана не очень давно, однако и до насыпи вода

показывалась в том же месте, т. е. в 55 шагах от колодца, и текла по прямому направлению к югу.

Все иерусалимиты уверены в том, что Кедронский поток выходит из этого колодца. Я долго и пристально смотрел в него, при полном свете дня и, ясно видя воду в близком расстоянии от себя, не заметил ни малейшего движения её. Мне пришла в голову мысль опустить туда сухой тоненький сучек, но и он остался неподвижен там, где упал. Потом я бросил колос травы, но и он также не двинулся с места. Как объяснить неподвижность этих вещей и стоячесть верхнего слоя воды в таинственном колодце, тогда как она непрестанно прибывает и убывает, выливаясь через отверстие ниже поверхности своей?³⁸⁷ Какая вода эта? Ключевая или дождевая? Откуда и каким путем она втекает вглубь колодца? И кто устроил этот водоем?

В настоящий раз я думаю вот что. На дне Иовлева колодца пробуравлена жила, по которой подземельная, не очень пресная вода, течет из-под верховья Иосафатовой долины и, встречая преграду, т. е. колодезную стену, поднимается вверх, сколько может, в этом искусственном хранилище своем. Когда бывает засуха, тогда она уменьшается так, что ее собирают грецкими губками, а во время проливных дождей поднимается до южного отверстия в боку колодца и через него подземным желобом в 55 шагов длины проходит в долину и по ней несется до Мертвого моря мимо Саввинского монастыря. Но так как в нынешнем году она поднялась гораздо выше южного отверстия в колодце и, став пресной, выливалась через восточное окно его, то надобно полагать, что есть другой приток её, который доходит туда иным путем. Местные жители, по преданию, говорили мне, что вода под землей течет в колодец от деревни Бет-Унии, находящейся близ горы неби-Самуил, гораздо выше Иерусалима. Их предание мне кажется достойным вероятия, и я полагаю, что на пространстве от Бет-Унии до Геонского водоема (ныне Мамилла или Бйрекес-ес-Султан близ Яффских ворот) устроен ряд колодцев так, что Бетунийская вода подземельной трубой течет в ближайший к ней колодец, а из него по такой же трубе проходит в другой колодец, который ископан ниже первого и так далее до самого Геонского водоема, а отсюда под землей же через подобные два-три ёма втекает в Иовлев колодец, а в дождливое время возвышается в нем так, что выходит из него потоком и стремится к Мертвому морю. Всех этих водоемов не видать; они накрыты сводами и засыпаны землей. Подобные им колодцы для той же цели, то есть для собрания вод, устроены в нагорно-плоской долине, по которой едешь в Хеврон от Вифлеема и от прудов Соломона. Я видел их своими глазами, и, смотря в них, понял, что без них вся эта долина в дождливое время обратилась бы в непроходимое озеро. В саду Архангельского монастыря, в котором я живу, цистерна, наполняющаяся дождевой водой, имеет отверстие в восточной стене своей, через которое излишек этой воды протекает подземельным желобом в общую подземельную же трубу в городе. Таково древнее устройство водоемов и водопроводов в ближних и дальних окрестностях Иерусалима и в самом городе этом. Они находятся не на поверхности земли, а в недрах её и по большей части закрыты или, говоря языком библейским, запечатаны. При таком устройстве их понятно, почему вода, протекая с больших высот в такую глубь, какова в колодце Иова, не бьет вверх фонтаном; напор её ослабляет и самую её задерживают другие колодцы. Понятно также и спокойное повышение и понижение её внутри хранилища в которое она пришла; это хранилище, как Иовлево, походит на чан с краном внизу или в середине, — отвертывая кран, открывается воде выход и она вытекает без реяния верхних слоев своих, так что если бросить на них сучек или соломину, то эти вещицы останутся тут неподвижны.

Нигде в Св. Писании не говорится ясно о водометном колодце, о котором я веду речь. Однако его надобно разуместь под той водой, которую иудейский царь Езекия провел от вышнего Геона (Мамилла) вниз к полудню града Давидова, заградив исход воды этого Геона³⁸⁸. Ибо сказанный колодец находится точно тут, у подошвы Сиона, на котором стоял город Давида, и на юг или полдень от него. Езекия заградил исход воды вышнего Геона, протекавшей в Иерусалим, дабы не пользовались ею ассирийские войска, и отвел ее по скату Генномской долины в колодец, который устроен был прежде его, вероятно, еще Иевусеями, а отвел для того, чтобы усладить в нем родниковую воду, которая не очень пресна по причине вулканической почвы Иерусалима и окрестностей его. Так я полагаю, соображая местность этого искусственного водоема с приведенным показанием второй книги Паралипоменон.

Местные арабы называют этот колодец Эйюб (Иов). Точно также называется ими и тот водоем, который ископан при выходе из гор, на поклоннической дороге в Рамлу, недалеко от развалин Латруна. Кто этот Эйюб? Под ним нельзя разуместь ни многострадального Иова, потому

что он не жил в Палестине, ни Давидова военачальника Иоава, которого иные считают строителем под-Сионского колодца, смешивая этот водоем с соседним источником эн-Рогель³⁸⁹ потому что этот Иоав провозгласил царем Адонию именно у этого источника, а не у колодца, о котором нет и помину в указанном месте третьей книги Царств. Я думаю, что Эйюб есть переименованное по арабскому выговору имя Иеву-сэя, потомка Ханаана, который первый построил на Сионе крепость Иев-ус и первый ископал колодцы, поныне носящие имя его. Даже само молчание еврейских бытописателей о под-Сионском водомете заставляет меня заключать, что он устроен был ранее пришествия евреев в Землю Обетованную, когда Иевусеи иссекали себе гробилица в соседнем Силоамском утесе, о которых также нет и помину в Св. Писании. Гораздо ниже Иовлева колодца, по правую сторону Кедронского потока, из-под подошвы горы Злого Совета, вытекает в дождливое время второй ручей и тотчас соединяется с оным потоком. Я осматривал его. Там, где он показался, стояла немалая лужа. Арабы говорили мне, что в старину этот родник был обделан в виде здания, в которое вела лестница, но эту постройку снесли, а родник завалили землей по случаю сокрытия тут одного убитого человека. Этот родник воды и есть тот эн-Рогель, который находился на черте пограничных владений колен Иудина и Вениаминова и у которого Иоав провозгласил Адонию царем иудейским. Не будь проливных дождей, он не показался бы, и я, как и другие, смешивал бы его с колодцем Эйюб.

Появление Кедронского потока, как я сказал, празднуется жителями Св. Града. Старцы, мужи, жены, юноши, дети, все собираются у этого потока и живописными группами сидят под тенью масличей, – мужчины особо, женщины с детьми особо. Прекрасный пол в этот раз длинной вереницей расположился по правую сторону потока, а по левую сидели, стояли, ходили, торговали мусульмане и между ними разноплеменные поклонники. Некоторые арабы мыли и выколачивали домашние ковры, а другие мыли грязных овец, лошадей и ослов. Все утоляли свою жажду из благословенного потока и ликовали, но не шумно.

От Иовлева колодца я поднимался к южному устью Силоамского водопровода, дабы узнать, увеличился ли в нем объем воды, и заметил весьма малую прибыль. Потом осмотрен был мною юго-восточный край Сиона. Тут немало древних пещер и гробилиц. Стало быть, эта часть горы не была обитаема или эти гробилица устроены были еще Иевусеями.

За мною следовали русские поклонницы. Они пожелали видеть так называемое место Тайной Вечери и я сводил их туда. Магометане показали нам старинную церковь, построенную (будто бы) над гробами Давида и Соломона и на месте установления таинства евхаристии. Зодчество этой церкви с оживными узкими окнами и с приземистыми двумя колонами, на наглавии которых от потолка спускаются каменные многоскладочные полудуги, доказывает, что она построена христианами западными. Помнится, что ее восстановила сицилийская королева Санха в первой половине четырнадцатого века для латинских монахов, по соизволению египетского султана.

V. Поездка в Гаваон и на гору Неби-Самуил.

Февраль 28, Понедельник. Сегодня я ездил в Гаваон и на гору неби-Самуил для того, чтобы срисовать там, что нужно.

Гаваон, ныне деревня Джиб, стоит на темени овального холма, окруженного со всех сторон широким полем. Тут уцелели остатки церкви и зданий времен крестоносцев. Перед церковью была узкая паперть. Близ западных дверей, направо, валяется мраморная капитель малой колонны, а над дверями этими, в стене, видно круглое окно, любимое латинскими зодчими. Эта церковь внутри разделялась продольными аркадами, тремя направо и тремя налево. Но теперь они закладены, однако видны. На них покоится каменный свод, накрывающий всю внутренность этого святилища от алтаря до западной стены. В восточной стене алтаря было оживное окно, но оно закладено. Думаю, что эта церковь была триапостасная. Ныне боковые отделения её за аркадами загромождены рухлядью арабов и перегорожены для жилья семейств их. К обеим сторонам сей церкви с севера и юга примыкает много комнат одинаковой с нею кладки. Но все они обезображены.

Пока студент Соловьев рисовал внутренний вид Гаваонского храма³⁹⁰, я разговаривал с арабами и их женами, кои лепили большие глиняные горшки. По словам первых, солнце западает прямо против Гаваона и соседней Айялонской долины, сохранившей свое название со времени Иисуса Навина, который остановил здесь течение солнца³⁹¹. Вторые спрашивали нас лукаво: когда москоч завладеет здешними местами и обогатит нас? Я отвечал им: тогда, когда

освободит вас истина. – Не понимаем, что ты говоришь нам, – сказали они. – Ну, коль вы не понимаете того, что говорят вам, так делайте горшки, – промолвил я. Они засмеялись.

Из Гаваона мы сошли к местному водоему, иссеченному в скале, а оттуда после рисовки плана и вида его³⁹² отправились на соседнюю гору неби-Самуил.

القسم الثالث في استعماله

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 21. Внутренность церкви в Гаваоне.

Рис. 22. Западный вход и паперть церкви в Гаваоне.

На самом темени этой горы стоит полуразрушенная церковь времен крестоносцев, высокая и светлая, с алтарем некруглым. Студент Соловьев нарисовал [внутренность её] боковую часть её, что у алтаря. Она построена в виде латинского длинного креста. В ней ничего нет, кроме деревянного гроба какого-то магометанского святоши.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

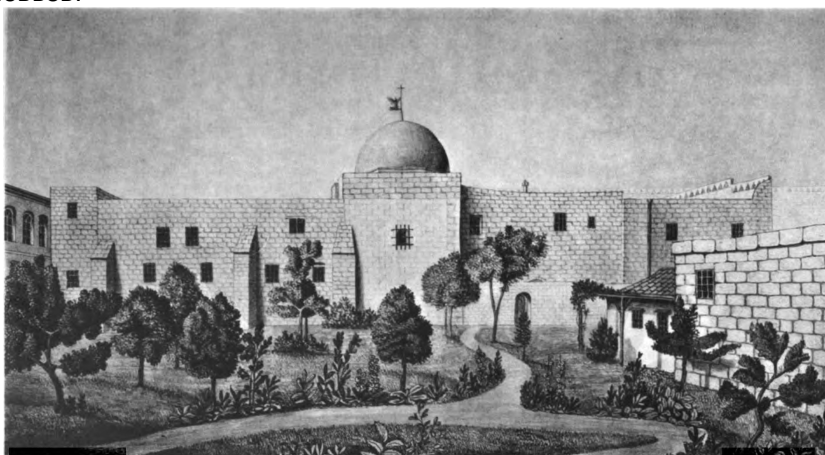

Рис. 23. Боковая часть храма крестоносцев в Гаваоне.

Фототипия А.И. Вильборг

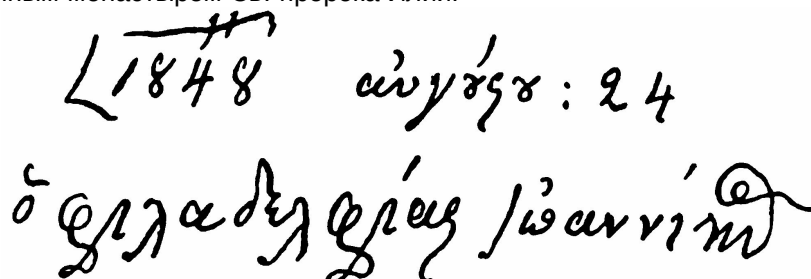
Рис. П. Соловьев.

Рис. 24. План водоема в Гаваоне.

а. Вход нынешний; b. вход древний; с. откуда вода сочится; d. канал, по которому выходит в пруд.

С плоской крыши этой церкви ясно видны ближние деревни: Бет-Икса, Лифта, Джиб, Бет-Набала, Бет-Ханина, Джерир, Календия, Рамалла, Бет-Уния, Бидду, нижний Бет-Ор и ер-Рам; на

западе усматриваются Рамла, Яффа и Средиземное море; на востоке, за Ильинским монастырем и титкообразной горой Иродион, мечутся в глаза заиорданские горы и на них миловидная вершина Фасга или Небò, похожая на островерхий шатер. В Иерусалиме видны только одни купола Омаровой мечети и Святогробского храма и два-три минарета. А гора Елеонская представляется во всей своей красе. Действительно, она гора или, точнее, высокий отрог Палестинского горного хребта. Иерусалим, как казалось, невысоко стоит в середине между нею и возвышенным монастырем Св. пророка Илии.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 25. Вход водоема в Гаваоне.

Рис. 26. Сооружения на вершине неби-Самуил.

Самое темя горы неби-Самуил срезано Бог весть когда и кем, но так, что оставлены каменные утесы разной длины, ширины и высоты. На них во время оно стояли здания (а), и теперь высятся порядочные хоромы (б), а между ними находятся двор (в), пещеры (г) и ставок для воды (д). Ужели тут работали крестоносцы? Не думаю. Они, а может быть, еще и сиромакедонцы нарезали на утесах длинные линии вдоль и поперек подстать кладки стен будто бы из огромнейших камней, ибо такая нарезка обличает европейского зодчего, привыкшего к правильным линиям. А самое усечение темени горы сделано было либо хананеями, либо евреями, если эта гора есть та Массифа, на которой долго стоял их ковчег завета³⁹³. Тут развалины занимают малое место, а живой воды нет. Но почему эта гора носит имя пророка Самуила? Не потому, что он родился или погребен здесь, а потому, что часто собирал тут ополчения Израиля и судил весь народ. Здесь должна быть Массифа.

Так думал я, стоя среди развалин, и, окончив план их, сел на быстроногого коня своего и воротился в Св. Град.

Март 1, Вторник. Кедронский поток еще струится. А на краю века левого глаза моего, из которого иногда текут слезы, явился красный прыщик. Этот глаз здоров, а веко его болит. Господи помилуй.

Как мне ехать в город Ефрем³⁹⁴, в котором И(исус) Христос провел несколько дней перед страданием своим? Небесный врач слепорожденных, исцели и мои очи, когда я ищу следы Твои на Святой Земле!

Слышу шаги. Кто-то идет в мою келью.

Приходил ко мне Фадлалла и принес новые вести. В Сайду (Сидон) приехал на время тиросидонский митрополит Исаия и прибыл проповедник отец Спиридон 22 Февраля. Их послал туда Антиохийский патриарх Мефодий для утверждения в православии недавно обратившихся униатов сидонских, всего 80 семейств.³⁹⁵

Март 2, Середа. Наступила темная ночь. Привратник Ханна принес мне ключ от ворот нашего монастыря. Я спросил его: что слышно в городе?

– Говорят, что Кедронский поток еще течет, – сказал он.

– А где голова его?

На этот вопрос мой старик отвечал: слыхал я от старых людей, что голова его находится у деревни Бет-Унии. Там один житель её опустил солону в местный источник, и она показалась в Иовлевом колодце.

– Так, Ханна! Но знай, что завтра мы поедем в Тайбе. Итак, смотри, стереги наш дом.
– Никому не дам ни одного цветочка вашего, – сказал Ханна и, поцеловав мою руку, ушел в свою келейку, оклеенную лубочными картинками.

VI. Поездка в село Тайбе и в окрестности его. Ефремское протопресвитерство. Остатки крепости. Док.

Март 3, Четверток. Утро ясно и тепло. Бог не дремлет и хранит своих сущих. Итак, поеду в Тайбе и оттуда в Док, на Гору Испытания, в Чилию, Асёр и в другие места. Но что ты делаешь, Порфирий? Ведь глаза твои тяжки. Ах, страшно ослепнуть, но приятно узнавать, чего не знаешь!

В Евангелии Иоанна сказано, что И(исус) Христос по воскресении Лазаря удалился со своими учениками в город Ефрем близ пустыни³⁹⁶. По некоторым данным, я предполагал, что сей город находился на месте нынешнего православного села Тайбе, отстоящего от Иерусалима на северо-северо-восток, на пять часов езды, и желая удостовериться или разувериться в этом предположении, решил сегодня отправиться туда, дабы на месте узнать от тамошних христиан или соседей их, вблизи нет ли развалин под названием Оф или Офра, Ефрон или Ефрем. Открытие местопребывания Господа перед страданием Его или разуверение в своем гадании наградило бы меня за труд.

За полтора часа до полудня поезд мой двинулся из Иерусалима по дороге, ведущей в Набулуз. В масличной роще близ северной стены Св. Града попадались нам древние цистерны разных видов, остатки водопроточных каналов и основания каких-то зданий. Очевидно было, что тут находилось предместье города. В этой же роще торчит небольшой земляной холм. Он состоял из насыпей поташа и мусора, вывозимого из мыльных фабрик Иерусалима. Итак, да не почтет его кто-нибудь остатком какой-либо древности. Недалеко от так называемых Гробов Царей турецкие солдаты мыли и просушивали белье свое у одного колодца или цистерны. Смотря на них, я вспомнил о селе белильном, которое в Св. Писании указывается близ Иерусалима³⁹⁷ и которое во время Иеронима составляло предместье сего города³⁹⁸.

Рис. 27. Часть мечети в ер-Раме, близ Иерусалима, по дороге в Набулуз.

По переезде чрез верховье Иосафатовой долины на высь (scopus), на которой стояли войска римского императора Тита, мы любовались разнообразными картинами природы во всю дорогу до селения ер-Рам. Направо вдали рисовалась стожистая гора неби-Самуил и на ней церковь с узкой башенкой, сейчас будто спущенная с неба; налево, по окраине горной выси, виднелись пирамидальные холмики и в числе их телл Фул [напоминающий ассирийского царя Фула, который, быть может, становал тут до тех пор, пока не получил от израильского царя Манаима 1000 талантов серебра], на котором было какое-то здание. Прямо по дороге взад и вперед шли арабки со связками зеленых прутьев на головах и оттого издали казались ходящими деревьями³⁹⁹.

В нахолмном селении ер-Рам мы остановились на час. Тут с 1844 года⁴⁰⁰ поныне ничто не изменилось, – ни четырехугольный безводный пруд, ни безобразная мечеть, построенная в память какого-то шеха Хсена или Хассана из обломков зданий крестоносцев или раввинской усыпальницы, ни шелковичное кривое дерево пред нею, ни вставленный в стену её камень с вырезанными на нем узорчатыми кругами, который служил перекладиной над дверью ер-Рамской церкви. Спутник мой Петр Соловьев срисовал его и часть [внутренней] мечетной арки. Прилагаю

здесь рисунок его и прошу читателя взглянуть на чертеж камня, находящегося над западной дверью в Аббудском храме. В этот раз я внимательно осмотрел все село. Арабы говорили мне, что в нем была старинная крепость и церковь, но их разрушил Ибрагим паша, сын преобразователя Египта, Мегмета Али паши. Тесаные камни и их кладка в основаниях некоторых домов и в одном немалом здании среди села оправдывали слова арабов и свидетельствовали, что здесь были-жили крестоносцы. Местоположение ер-Рама таково, что тут необходимо должно было стоять укрепление для защиты близкого Иерусалима от неприятелей.

Из ер-Рама мы спустились в скалистую долину Сувенит, немного выше деревни Гавай, родины царя Саула, которая ясно видна была вправо от нас, а из этой долины поднялись немного выше селения Махмас и шагали вдоль по краю глубокой и скалистой дебри, склоняющейся в Сувенитскую долину почти в прямом направлении с севера на юг от Вефильской возвышенности. Резкий холодный ветер дул на нас с вершины толстолобой горы ел-Бирской, у которой начинается долину Сувенит. Когда мы поравнялись с деревней Буркой, тогда я указал спутникам своим местность Ханаанского города Гая выше сей деревни и примолвил, что там находятся остатки древней церкви.

Угрюма долина Сувенит, а смежная с нею дебрь ел-Маттиах или ел-Ассас поражает путника своей дикостью. Она глубока и почти отвесна. Спуск в нее против долины ел-Айн, немного выше села Дер-Диван, ужасно труден. Никто из нас не мог держаться на коне, и каждый, как мог, выбирал себе стезю между камнями и осторожно сходил вглубь, то по крутоярию, то по обрывистым уступам. Наши кони, высматривая себе лучшие местечки под копыта, блуждали, иной выше, иной ниже. Порой надлежало отводить их от стремнин, на которых они останавливались в недоумении и озирались на стороны, как бы прося к себе седоков своих. Едва, едва сошел я в сухое русло дебри и сел на камень, чтобы собраться с силами. Тут вся дебрь видна была во всем грозном величии её. Куда ни посмотрю, везде вижу каменистые утесы, подтесы, навесы, острые углы с зубчатыми гребнями, как сторожевые башенки. Дивны дела Творца земли, всемогуща сила Его. Воображение цепенеет, когда усиливаешься представить себе то мгновение, в которое образовались такие дебри с такими узорами из камней. Какой гул поднялся по поднебесью, когда горы поднимались, обрывались, раздвигались и долинились! Какой шум слышен был в тот час, когда в первый раз брызнули из них источники! Какое безмолвие было в те дни, когда вырастали первые цветы и деревья на земле Господней! Одни ангелы были свидетелями творения и образования вселенной и если они тогда восхваляли всезидательную силу, мудрость и благодать Творца, то это понятно; ибо разумный дух, видя чудеса, невольно изрекает слово хвалебное. Так думал я, отдыхая на камне. Прохладный ветерок осушил лицо мое. Силы мои окрепли, и я встал и начал подниматься по противоположному отвесному и скалистому боку дикой дебри. Выше меня люди и кони карабкались, сгибались, выпрямлялись и порой будто висели на воздухе. Погонщики-армяне понуждали животных криками: ёлла, кúзум, ёлла. Я спросил Апостолия: что значат эти слова. Он перевел их так: иди, овечка, иди.

С трудом мы поднялись к подошве крутоярого холма, на котором стоит деревня Риммон и оттуда пошажали уже на чужих ногах по дороге почти ровной. Этот холм, как горный остров, окружен со всех сторон долинами. Справедливо в Св. Писании он назван камнем (утесом)⁴⁰¹; в самом деле, он весь составлен из голых слоев беловатого камня. Смотря на него, я вспомнил злополучных вениамитян, которые после истребительного поражения укрылись в здешних неприступных дебрях⁴⁰².

От Риммона до Тайбе не более получаса езды. Оба эти селения, словно два голубя, высоко гнездятся друг против друга. Тайбские христиане, увидев нас, собрались у своей церкви, а их жены на плоских крышах домов голосили, что есть мочи: лю, лю, лю. Понятно было, что их предупредили из патриархии о нашем посещении. У церкви мы слезли с коней и поздоровались с братьями о Господе. Между ними первенствовали два священника, шех и один старик, у которого вся грудь покрыта была седыми волосами, как у Исава. Такой прием обрадовал нас много. Нас поместили в длинной и опрятной паперти недавно устроенной церкви. Как поклонники, мы вошли в сей дом Божий, помолились и приложились к святым иконам, перед которыми теплились стеклянные лампадки. За нами толпились дети, юноши, мужи, старцы. Церковь, посвященная имени великомученика Георгия, недавно переделана из развалин древнего храма, так что я не узнал ее⁴⁰³. Но богослужение совершается еще в приделе её, потому что она пока не освящена; однако, престол в ней уже готов и деревянный иконостас стоит

на своем месте. Старые иконы самой грубой живописи присланы сюда из монастыря Св. Гроба. В углублении алтарной стены, назначенном для жертвенника, недавно изображено жертвоприношение Исаака.

فَدّوس الله

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 28 Часть мозаики в алтаре церкви Св. Георгия в Тайбе.

Авраам за волосы держит своего сына на воздухе, который по особенному искусству живописца походит на осленка. Я спросил священников: не найдены ли какие-нибудь надписи и древние вещи при обновлении церкви? Они отвечали утвердительно и показали мне у святой трапезы остатки мозаического пола с надписью, каменную купель у входа в придел и в нем капитель коринфской колонны, каменную перекладину с исеченными на ней листьями над западной дверью церкви и за папертью на улице остатки мозаического пола. Я осмотрел все эти древности и, возвратясь в церковь, обратил внимание на мозаику у св. престола. Она составлена из мелких каменных кубиков белых и черных. Тут в кружках видны сосудец как бы для фимиама и вот такой крест:

قلّوس القوى

В верхней половине одного кружка у царских дверей составлены слова из тех же кубиков. Как только обмыли их водой, я прочел: ΜΝΗΣΤΗΤΙ ΚΥΡΙΕ⁴⁰⁴, т. е. помяни, Господи. Дальнейшие слова, к сожалению, утратились⁴⁰⁵. Тут, как я догадывался, читалось имя строителя церкви или того, кто украсил ее мозаикой. Утрата невознаградимая. Христиане обрадовались, когда узнали смысл этих писем, а я убедительно просил их хранить эту священную древность. Помянутая купель иссечена в цельном мягком камне белого цвета. Снаружи она походит на перерез, а внутри крестообразно изваяны сверху донизу четыре углубления в виде желобов. Такие купели видел я в Фекое и Джифне. Они весьма древни. Капитель колонны, узорчатый фриз над западной дверью и остатки мозаического пола за нынешней папертью, на пространстве 12-15 шагов в длину, доказывали, что древняя церковь в Тайбе коринфского ордена была длиннее нынешней почти вдвое. Все эти остатки древнего благолепия её убеждали меня, что она первоначально построена была по какому-то особенному побуждению и что именно она осталась в числе семи протопресвитерских церквей в епархии Иерусалимского патриарха, которые поименовал Нил Доксопатрий (1146 г.) в своем списке пяти патриархов⁴⁰⁶. Оставалось мне выслушать живое предание местных христиан. Я вмешался в толпу их, зевавшую на самовар, как на невидаль, и стал разговаривать с ними.

— Православные! В святом Евангелии сказано, что Господь наш И(исус) Христос по воскресении Лазаря удалился в город Ефрем близ пустыни⁴⁰⁷. Я ищу следы этого города и гадаю, что он находился на месте вашего села, либо там внизу (я указал рукой на при-Иорданские высоты), впрочем недалеко отсюда. Итак, не знаете ли вы здесь каких [-нибудь] развалин или какой горы под названием Ефрем, Ефрон или Офра, Оф?

— Не знаем, — отвечали они. Но один из них выставил из-за других смуглую голову свою и сказал мне: там нет Офа, он здесь.

Я несказанно обрадовался и, вызвав этого хранителя предания в середину нашего круга, начал спрашивать его, какое же место здесь называется Оф?

– А вот этот соседний большой холм, на котором ты видишь развалины монастыря Св. пророка Илии.

– Почему село ваше называется Тайбе, а не Оф, не Офра, не Ефрем?

– Так называли его магометане, так зовем его и мы.

– Но как ты знаешь, что этот холм называется Оф? Кто тебе сказал это?

– У нас это написано.

– Дорогой мой! Скажи мне, где это написано?

– В одной старой книге.

– Греческой?

– Нет, нашей.

Я велел принести эту книгу. Пока один молодой араб ходил за нею, разговор наш продолжался.

– Почему вы называете этот монастырь Ильинским, тогда как он известен нам под именем Георгиевского?

– В нем были две церкви, одна Ильинская, а другая Георгиевская, да и в книге написано, что пророк Илья явился на этом холме одной благочестивой вдовице и сыну её. Под холмом есть пещера, о которой также упоминается в нашей книге.

– Не в этой ли пещере ангел Господень явился Гедону, когда он молотил пшеницу? И не здесь ли была родина этого судии израильского Офра?

– Ля, ля, ля!⁴⁰⁸ Гедон жил недалеко от Вифлеема.

Посланец принес желанную книгу. Я взял ее и, питаясь чаем, выслушал [и записал перевод] содержащееся в ней сказание об Ильинской церкви [со слов Фадлаллы]. Оно впоследствии переведено было студентом Соловьевым на русский язык.

«Во время владычества греков в Палестине, ранее появления магометанства, в ель-Астибе, жил добрый человек. Он был попечитель местной церкви Св. пророка Илии и ежегодно отправлял в ней храмовый праздник, кроме праздника Преображения Господня. Птицы слетались к нему на двор, а христиане из Ессауада, с горы Аон и из Балки приходили на поклонение, так что праздник был на славу по причине большого стечения поклонников. Этот христианин имел обычай кормить их. По прошествии нескольких лет он умер. Однако жена его продолжала угощать поклонников, по обычаю своего мужа. Но когда настал голод и все вздорожало, она обеднела. А приближался Ильинский праздник. Тогда она сказала сыну своему: Чадое мое! у нас будет праздник, а нам нечем угостить поклонников. Итак, поди и заработай что-нибудь. Он нанялся в работники и накануне праздника принес домой овцу и мерку пшеницы. Мать напекла хлебов и зажарила овцу для гостей. А сын её подал просфору в церковь, помолился вместе с народом и по окончании службы стал звать к себе гостей. Но никто не пошел к нему; ибо все знали, что он обеднел и был работником в этот год. Печально возвратился юноша один к матери своей. Тогда она залилась горячими слезами и, промолвив сыну: обесчестили нас люди за бедность нашу, раздала все снеди нищим, а сама во всю ночь горько оплакивала кончину своего мужа. Оба они жили в пещере. Тут ночью пророк Илия явился спящему юноше и говорит ему: напрасно плачет мать твоя о том, что люди у нее не ели хлеба; скажи ей, что я, пророк Илия, попечитель вашей церкви и что Бог принял милостыню её, поданную нищим, посему не о чем плакать; еще скажи ей, чтобы она попросила у меня чего-нибудь для тебя; я же явлюсь тебе в следующую ночь. Утром сын рассказал это видение матери своей. Выслушав его, она сказала ему: Проси Св. пророка, чтобы он женил тебя на дочери греческого царя для моей радости. Хотя это прошение её и происходило от неразумения женского (так сказано в подлиннике), но исполнилось. В следующую ночь пророк Илия явился спящему юноше и говорит ему: чего просит у меня мать твоя? Юноша сказал: она просит, чтобы ты женил меня на дочери царя греческого. В то же мгновение чудный пророк взял юношу с места и перенес в Константинополь в царские палаты, где и сделал его невидимкой, а утром явился ему и сказал: ступай через эти большие ворота в царский совет, никто не заметит тебя; а когда тут увидишь царя в венце и около него военачальников и царедворцев, то смело скажи ему: государь, я пришел к тебе с дальней стороны и хочу жениться на твоей дочери. После этого тебя начнут бить, но я исцелю твои раны и перенесу тебя на то же место, где мне надобно побыть с тобой, потому что дело твое продолжится три дня. Пошел юноша и пришел в такие великолепные покои, каких не видывал от роду. Тут заседают царь, патриции и разные сановники. Все они обратили внимание на юношу, любуясь красотой его невиданной и

неописанной. А царские слуги спросили его: зачем ты пришел сюда? Он отвечал им: я пришел к царю и хочу жениться на его дочери. Разгневался царь на слуг своих и говорит им: как вы впустили сюда этого юношу? – Бог да умиротворит владыку нашего царя, – отвечали они, – мы сейчас только заметили этого человека. Тогда царь велел вывести его вон. Его вывели и начали бить крепко, но он вдруг стал невидим и очутился подле Св. пророка. Илия исцелил раны его и озарил его светом, который заметила жившая вблизи царская дочь и в нем увидела прекрасного юношу. На другой день утром пророк велел ему идти к царю и говорить то же, что и вчера. Пошел юноша, предстал пред троном царя и сказал ему: я хочу жениться на твоей дочери. Государь разгневался на слуг своих и, обнажив меч, спросил их: как появился здесь этот человек? – Клянемся жизнью царя, – отвечали они, – мы только теперь видим его. Слуги тотчас вывели юношу и высекли его рыбьими жилами. Тогда он стал невидим и очутился подле пророка Илии, который исцелил раны его и сказал ему: завтра ступай к царю в последний раз; у него будет патриарх, который кончит твоё дело в пользу твою; там тебе скажут, что для царской дочери требуется огромное приданое, а ты смело говори: дайте мне ключи от сокровищницы вашей; её наполнит тот, кто привел меня сюда, он может сделать это. Тебе дадут ключи эти, а ты принеси их ко мне, и я тотчас возвращу их. Юноша пошел к царю и застал у него патриарха и всех военачальников и царедворцев. Заметил его царь и с гневом сказал: как он проникает сюда? Прогоните его. Но патриарх сказал: Бог да сохранит нашего царя. Я слышал, что прекрасный юноша приходит сюда невидимкой; потерпите же и позвольте мне обсудить это дело; если оно от Бога, то исполните его, а если от дьявола, то силой Божией мы прекратим наваждение. Потом патриарх обратился к юноше и спросил его: чего ты домогаешься здесь? Христианин ли ты и веруешь ли ты в Господа Иисуса Христа, или отрицаешь Его? – Я христианин Иерусалимский, – отвечал юноша, – и верую в Бога-Слово, Творца всяческих и Спасителя миру, а пришел сюда для того, чтобы жениться на царской дочери. – Но чадю мое, – возразил ему патриарх, – кто хочет жениться на царевне, тот должен быть богат и дать приданое, приличное дочери царя; можешь ли ты сделать это? Если можешь, то я переговорю о тебе с государем. – Юноша сказал ему: Кто привел меня сюда из дальних стран, тот может исполнить ваше требование; дайте мне ключи от царской сокровищницы и вы увидите, что её переполнит приведший меня к вам. Дали ключи юноше, а он передал их чудному пророку. Тогда Илия сотворил молитву: Боже Авраама, Исаака, Иакова, благослови царевны сокровищницы и исполни их злата и серебра. Как Ты некогда дал мне ключи неба и я заключил его именем Твоим на три года и шесть месяцев, а потом низвел дождь на землю и исполнил её всякого блага, так и ныне умножь блага и сокровища царевны. После этой молитвы пророк отдал ключи юноше и велел ему отнести их к царю, примолвив: когда ты женишься на царевне, то прежде приговорения к ней призови имя Бога Илии. Пошел юноша к царю и возвратил ему ключи от сокровищницы, в которой по обыске оказалось несметное количество серебра и золота. Тогда царь, по ходатайству патриарха, усыновил прекрасного юношу, повесил на шею его золотую цепь, возложил на главу его венец, украшенный якутами, изумрудами и жемчугами и одел в царскую порфиру, а патриарх повенчал его с царевной. Новобрачные удалились в свои палаты. Тут молодой супруг рассказал юной жене своей всю судьбу свою, а она говорила ему: я видела, как тебя гнали и били и как ты подходил к великому свету. – Этот свет был чудный пророк Илия, покровитель нашей церкви, поведал ей супруг. Оба они умолкли. Но так как юноша не призвал имени Бога Илии, как ему заповедано было, то пророк сей мгновенно взял его из царских палат и перенес в ель-Астибскую пещеру в царском одеянии. Утром тут увидела его мать, но не узнала и спрашивает его: кто ты владыка славы и красоты? – Я сын твой, – отвечал юноша, и рассказал ей все свое похождение от начала до конца. Тогда вдовица прославила Бога и то плакала, то радовалась, наконец, сказала сыну: сними с себя царские одежды и оденься в рубища, пусть никто ничего не знает про тебя, дабы нам не пострадать от царского гнева. Сын послушался своей матери и нанялся в работники у одного христианина, а она царское одеяние его скрыла в пещере.

Минул год (после этого сновидения). Вдруг в ель-Астибе разнеслась весть о прибытии в Иерусалим греческой царицы из Константинополя с богатствами и о благочестивом желании её украсить церковь Св. пророка Илии на горе а'Оф и построить новый храм в самом ель-Астибе. Эта весть оправдалась. Вскоре пришли туда работники и постройка началась. Тогда вдовица уведомила об этом сына своего и позвала его домой, рассчитав, что он добудет тут лишние деньги. Возвратился юноша и стал работать вместе с другими. Приехала и сама царица, когда кончились постройки, дабы видеть их, и провела тут несколько дней в палатке. Наслышавшись о

жалкой судьбе вдовицы и сына её, она позвала их к себе и спросила: не вы ли были попечителями здешней церкви, посвященной памяти Св. пророка Илии? – Мы, – отвечала вдовица и сказала государыне, как покойный муж её по завещанию прадедов своих заботился о поддержании этой церкви, как угощал поклонников, как птицы влетали к нему на двор и как он кормил их, как по смерти его она обеднела и как Св. пророк Илия неоднократно являлся сыну её во сне и прорекал ему светлые дни после тяжких испытаний. Сжалилась над ними царица и обоих взяла с собой в Константинополь и поместила в своих царских палатах. Так вознаградил Бог благочестие, гостеприимство, терпение и труды этой вдовицы и сына её! Ему хвала и слава во веки, Аминь»⁴⁰⁹.

Это сказание, в котором сновидения надобно отличать от действительности, удостоверило меня в том, что библейский город Оф или Офра, а евангельский Ефрем находился на месте нынешнего села Тайбе.

Помещаю здесь историко-критические сведения мои об этом городе, дополняя их местными преданиями письменными и устными.

В книге Иисуса Навина⁴¹⁰ сказано, что сей победоносный вождь израильского народа в числе тридцати царей ханаанских убил царя офрского и город Офру отдал сынам Вениамина⁴¹¹. А так как этот город в той же книге внесен в список селитв колена Вениаминова наряду с Вефилом, Авíном (ныне Иван) и Афáрой (ныне Жерйр), то он находился в соседстве с ними. Нынешний же Оф, лежащий в пределах сего же колена, соседится именно с этими селитвами и другого Офа нигде нет. Следовательно, тут жили хананеи до пришествия израильтян в Землю Обетованную и тут Иисус Навин поразил офрского царя и столицу его отдал по жребию потомкам Вениамина.

В правление пророка Самуила и царя Саула филистимляне, ополчившиеся в Махмаса, неподалеку от Офры, выслали из военного стана своего губительные отряды на дороги Офрскую и Бетхоронскую и пустынную к Иордану. «Изыдоша губящии из села иноплеменников тремя началы: начало едино зрящее путь Гофера на землю Совáлю: и начало едино зрящее путь Вефоронь: и начало едино зрящее путь Гавай, клонящийся к Гаисавим пустыни»⁴¹². Селение Махмас поныне стоит на сем тройном распутии. От него полки могут двигаться прямо на запад до Бет-Хорона (ныне Бет-Ор) и отрезать Гавай и Иерусалим от Ефремовых гор, могут двигаться прямо и на восток по долине Сувенит к Гаю (Гаисавим) и угрожать Иерихону; от Махмаса лежит прямая дорога и на север к Офу. Об этой дороге в приведенном месте книги Царств замечено, что она зрит на землю Совáлю. Точно так! И теперь на тезоименитую равнину Фа-Саель, на которой кочуют бедуины, надобно идти через Оф-Тайбе. Итак, местность нынешнего Офа есть та самая, которая занята была филистимлянами, воевавшими с Саулом.

В царствование Соломона один из 12-ти приставников над имениями его, сын Сédов, заведовал *всей землей Оферовой*⁴¹³. Так как ему поручены были и соседние околотки – Аруббóт (ныне Сárтаба выше Фасаельской равнины) и Сохò (ныне Суккòт еще севернее), а эти околотки граничат с нынешним Офом, то и земля Оферова, очевидно, есть та самая, которую ныне обрабатывают таибские христиане, как достояние мечети Омара, построенной на месте храма Соломонова. Замечательна участь офских жителей. В древние времена они были, так сказать, удельными крестьянами царей иудейских, а теперь считаются экономическими крестьянами магометанской мечети.

По смерти Соломона царство его разделилось на два: Израильское и Иудейское. Иеровоам, второй царь Израиля, владел иудейскими городами Вефилом и селами его, Иесиной и селами её, и Ефраимом и селами его. Но иудейский царь Авия, разбив полчища его, взял у него эти города и села⁴¹⁴. Местность Вефиля известна. Иесина напоминает ближайший к Вефилю и Тайбе горный околоток Джиссе. Стало быть, и Ефраим есть соседняя Офра, принадлежавшая колену Вениаминову, которое осталось верным царям иудейским, и, следовательно, по праву взятая назад. Замечательно, что в греческом переводе книги Паралипоменон, писанной после плена Вавилонского и повествующей о битве Авии и Иеровоама, Офра названа Ефраимом. Так переименовать ее по складу греч(еской) речи могли только сиро-македонцы во время Маккавеев. Стало быть, тут находится укрепленный стан их. Как бы то ни было, но с того времени ханаанскую Офру звали уже Ефраимом, короче, Ефремом. Последнее название читается в Евангелии Иоанна.

Иисус Христос, по воскресении Лазаря, не ходил между иудеями явно, а пошел в страну близ пустыни, в город, называемый Ефрем, и там оставался с учениками своими⁴¹⁵. Местоположение этого города определено в Евангелии довольно ясно. Он находился не в

пустыне, а в стране близ пустыни. Под пустыней же в Св. Писании обыкновенно разумеется все песчаное и дикое при-Иорданье. Следовательно, страна близ пустыни есть восточное погорье Палестины, лежащее против Иордана. В этой стране, на юг и восток от Иерусалима и Вифании, не бывало и нет ни города, ни села под названием Ефрем. Итак, надобно искать его на северо-востоке от этих мест и именно в близ-пустынном погорье Св. Земли. А здесь Офра, Ефраим, Ефрем встречается только в соседстве с Махмасом, Вефилом и Иесиной, на месте нынешнего села Оф-Тайбе; выше нет его; ниже, на восток к Иордану, нет его; на западе же от Вефиля и искать его не должно, потому что та страна называлась Иудеей нагорной, а не близ-пустынной. И так, несомненно, что город Ефрем, в котором Господь уединялся с учениками своими, есть нынешний Оф-Тайбе. Священное место!

Когда иудеи восстали против римлян, тогда Веспасиан, по сказанию Иосифа Флавия, в пятый день месяца Десия (30 Апреля) выступил с войском из Кесарии и пошел на те места в Иудее, кои еще не были разорены. Вступив в горную Иудею, он овладел двумя уездами Гофнским (ныне Джифна) и Акрабатенским (ныне Акраби-и-Сартаба) и потом городками Вефилом и Ефремом, в которых поставил сторожевые отряды и делал оттуда конные разъезды до самого Иерусалима⁴¹⁶. Городок Ефрем, соседний с Вефилом и находящийся в Акрабатенском уезде, очевидно, есть евангельский Ефрем, нынешний Оф-Тайбе. Крепкая местность его и близость к Иерусалиму входили в план стратегических расчетов римского полководца. Так и быть надлежало. Армия, занявшая Гофну, Вефиль и Ефрем, отрезывала Иерусалим от северной Палестины, населенной и плодородной. От этих местечек весьма близко до Св. Града и удобно делать конные разъезды. Иудейский историк называет Вефиль или Ефрем городками (πολίχνια). Это значит, что они были окружены стенами. Действительно, в Оф-Тайбе полууцелели древние укрепления, в коих по местам видны камни римской тески с шероховатой и выпуклой серединой⁴¹⁷.

Думать надобно, что в Ефреме, который Господь благословил своим пребыванием, рано учредилась христианская община. Но первоначальная судьба её неизвестна по недостатку исторических свидетельств. Евсевий и Иероним в своих списках библейских городов и сел упомянули об Ефреме, присовокупив, что в нем был Господь со своими учениками. По их словам⁴¹⁸, Ефрем в дни их был большая слобода (μεγίστη κώμη – praegrandis villa), которая отстояла от Иерусалима к северу на 20 римских миль, а от Вефиля к востоку на 5 миль. Показания этих расстояний совершенно согласны с местностью нынешнего Офа-Тайбе. Ибо от Иерусалима до него можно дойти только в 5 часов, а от Вефиля в 60 минут. Четыре же римские мили проходились в один час.

Хотя Евсевий и Иероним и не говорят, что при них в Ефреме были христиане (эти писатели не упоминают о них в своих алфавитных указателях библейских мест), но так как в их время уже по всей Палестине распространилось христианство, то, без сомнения, оно было и в этой большой слободе. Из примолвки этих писателей о пребывании тут Господа, я заключаю, что в дни их ефремцы хранили живое предание о том, как Господь укрывался в их городке.

Воспользуемся теперь же известным нам арабским сказанием о церкви Св. пророка Илии Астибского и, проверив оное историей, признаем помянутые в нем события и разделим их по годам.

Это сказание гласит, что до завоевания Палестины магометанами (637 г.) в Иерусалим приходила греческая царица из Константинополя с великими богатствами и, устроив две церкви, одну в ель-Астибе, а другую на горе Оф, возвратилась домой. А из истории известно, что в Иерусалим приходили три греческие царицы: Елена, мать Константина Великого, Евдокия, супруга Феодосия Младшего, и внука её, Евдокия же, супруга Онориха, правителя города Карфагена. Которая же из этих трех разумеется в помянутом сказании?

Разумеется, не Елена, потому что в сказании упоминается о Константинопольском патриархе, а при ней патриаршество в столице её еще не было учреждено: не Евдокия, супруга Онориха, потому что она приходила в Иерусалим в 464 году не из Константинополя, а из Карфагена, и после малодневного пребывания в нем скончалась, да и супруг её был не царь, а правитель Карфагенской области в Африке; следовательно, разумеется Евдокия, супруга царя Феодосия Младшего. Она, по свидетельству византийских историков Сократа и Феофана, была в Иерусалиме около 427 года и, поклонившись Животворящему Кресту и священным местам и одарив церкви около Иерусалима (τὰς περὶ Ἱεροσολύμα ἐκκλησίας ἐτίμησεν)⁴¹⁹ возвратилась в царствующий град; а потом опять прибыла в Иерусалим и, построив тут церкви, монастыри,

гостиницы и стены этого города, скончалась в 460 году и была погребена в Гефсиманском храме подле Гроба Богородицы.

Проверив этими историческими известиями арабское сказание, распределяю события в Офе-Ефреме (он же и Астиб-Тайбе) по порядку времени.

Около 327 года на Офском холме построена была малая церковь во имя пророка Илии каким-то зажиточным христианином. Потомки его владели ею по наследству и считались законными попечителями её. Один из них, в начале пятого века, *по обычаю своих прадедов*, как гласит помянутое сказание, ежегодно совершал в ней храмовый праздник и угощал поклонников, но праздновал и день Преображения Господня. Стало быть, в Астибе-Тайбе был другой храм, полагаю, в том доме, в котором пребывал Господь перед страданием Своим. Воспоминание об этом евангельском событии, записанное Евсевием и Иеронимом⁴²⁰, привлекало туда толпы поклонников из окрестных и дальних мест, тем более что тут же было святилище и досточтимого пророка Илии.

По смерти богатого попечителя этого святилища, благочестивая супруга его продолжала угощать поклонников, но по случаю голода и дороговизны обеднела так, что сын её принужден был кормить себя и ее трудами рук своих. Это случилось незадолго до приезда в Иерусалим царицы Евдокии, супруги Феодосия Младшего. Тогда же сыну астибской вдовицы открыта была в сновидении перемена горькой участи его. Это сновидение нам уже известно. Оно оправдалось.

В 427 году в Иерусалим приехала царица Евдокия и, как видится, узнав о добродетелях и благочестии обедневшей астибской вдовицы и сына её и пожелав видеть местопребывание Господа в городке Ефреме, который по старинному назывался тогда и ель-Астибом, отправилась туда и повелела возобновить или украсить храм Св. пророка Илии на Офском холме и построить церковь на месте того дома, в котором Господь провел несколько дней, а вдовицу и сына её взяла с собой в Константинополь. Повеление её было исполнено. Ильинский храм украсился, а на месте пребывания Господа в Ефреме возникла церковь, облицованная мозаикой, которой остатки доныне сохранились в алтаре её, как свидетели усердия и щедрот благочестивой царицы Евдокии.

Эту церковь почтил достоинством протопресвитерства Иерусалимский патриарх Ювеналий, присутствовавший на четвертом вселенском соборе в Халкидоне (451 г.). Она считалась протопресвитерской и в 1146 году. Тогда упомянул о ней сицилийский монах Нил Доксопатрий в списке всех восточных епархий, составленном для владетеля Сицилии Рожера, и в числе семи палестинских протопресвитерств поставил ее третьей после Вифлеема и Еммауса⁴²¹.

Таибский шех рассказывал мне, что в то время, когда крестоносцы взяли Иерусалим и составили Палестинское королевство (с 1099 по 1187 год), в Тайбе жил областной правитель эмир Фаррич, христианин. Однажды он узнал, что сарацинское войско из-за Иордана идет к Тайбе и, встретив его со своей дружиной, вступил в битву с ним. Во время сражения Св. Георгий Победоносец явно помогал ратникам его. Эмир одержал победу над врагами и в память её пристроил к Ильинскому храму на Офе церковь во имя сего великомученика и приложил ей участок земли, который поныне принадлежит ей и обрабатывается таибскими христианами.

Дальнейшая судьба Ефрема или Тайбе неизвестна. Думаю, что протопресвитерская церковь тут разрушена была жестоким гонителем христиан, египетским султаном Бибарсом, в 1262 году. С той поры развалины её лежали на своем месте до прошлого года, в который она перестроена в виде простого дома.

Православное селение Тайбе, в котором не было и нет магометан, подведомо не епископу, а самому патриарху. Зачисление его за мечеть Омара было причиной целости его и сохранения в нем христианства. Оно расположено на круглом холме, который, подобно острову, со всех сторон отделен долинами от смежных высот.

В статистике церкви Палестинской, составленной святогробским монахом Анфимом и напечатанной в С.-Петербурге в 1840 году⁴²² ошибочно сказано, что недалеко от Тайбе находится Ефрон, в котором Господь пребывал со своими учениками, и что жители его магометане. Вся эта статистика наполнена ошибками. Сочинитель её, никогда не ездивший по Св. Земле, не имел ясного понятия о местоположении, расстоянии, народонаселении православных деревень, например: Риммон у него отстоит от Иерусалима на полчаса пути, а в окрестности Св. Града нет и помину о Риммоне, который находился в соседстве с Тайбе; Зифна (Джифна) у него помещена на север от Вефиля, тогда как она находится на западе. Если эти и другие места указаны ошибочно, то Ефрон – ложно; ибо в окрестностях Тайбе нет ни одной магометанской деревни,

которая называлась бы Ефрон. Соседние селения суть: Бурка, Кудейра, Диван, Джерис, Сильвад, Эбруд, Мэзраа, Риммон, Махмас, Одже, а соседние развалины суть: Ната, Чилия, Самра, телл- Ксер, телл-Асор.

Благодарение Богу! Цель поездки моей в Тайбе достигнута. Теперь я уверен, что на месте этого селения стоял городок Ефрем, в котором Господь укрывался по воскресении Лазаря.

Завтра поеду отыскивать остатки библейского местечка Док и осмотрю развалины Чилии, о которых так много говорят таибские христиане.

Март 4, Пятница. Настало утро. Первые лучи солнца зарумянили и позолотили небосклон гор Заиорданских. Оседланные кони наши лениво ожидали нас у церковной паперти. Семь таибских христиан в древних сандалиях на босу ногу, в длинных белых рубахах, без порток, с ружьями на плечах, отнятыми у солдат Ибрагима-паши в 1840 году, и их сухоребрый шех в одежде бедуина, с длинной пикой, на женственной лошадке, подкованной четырьмя ветрами, собрались провожать нас в ближнюю пустыню, где кочевали бедуины из племени Ихбинан. Раздался выстрел из ружья. Поезд мой двинулся. Ратники впереди, за ними шех, за шехом мы, всего 15 разноцветных человек гуськом двинулись из села, спустились с возвышения, обогнули Офский холм с северо-востока и пошагали по широкой долине в юго-восточном направлении. Направо, за высокими горами, ничего не видно было, а налево, казалось, разные холмы и юдоли переплетались между собой и будто рука об руку бежали к востоку. На некоторых из них стояли четырехугольные башни. Шех объяснил мне значение их, сказав, что в них помещаются сторожа для охранения полей и скота от соседних бедуинов. «Когда мы услышим выстрелы их, – примолвил он, – тогда немедленно вооружаемся и бежим туда, где опасно». А я подумал, что бедуин между людьми есть то же, что вор-воробей между птицами.

Первая долина привела нас во вторую, узкую, которую шех назвал ель-Бутум. Между каменными ребрами её, по обе стороны сухого русла, жирные нивы инде лежали в пару, быв назначены для посева сусамового зерна, инде покрыты были зеленеющим ячменем. Жаль, а надобно было топтать их, дабы спокойно ехать по долине, которая чем далее пролегалась на юго-восток, тем более дичала, становилась уже и уже. Не знаю, куда она впадает. Ибо шех в самом узком месте поворотил из нее направо, на высь. Тут переехав вспаханное поле, мы встретили таибских пастухов и стадо коров, овец, коз и ослов, которые паслись на злачной пажити. Ослы везде водятся! Наши ратники приостановились, чтобы поздороваться и поговорить со своими пастухами. А я в эти минуты любовался вычурным хребтом Курунтульской горы (Искушения) и погорьем Джиссе, которое развertyвалось передо мной к востоку. Трудно выразить словом дикие красоты этих гор, накрытых голубым небом и освещенных ярким светом восточным. Трудно перечесть и описать все их вершины, изгибы, перегибы, обрывы, откосы, понижения, углубления, холмы, пригорки, юдоли, дебри и вдобавок их пестрый наряд, в котором бесчисленные складки, желтого известкового, красноватого, пепельного и зеленого цвета перемешаны своенравно, но красиво, узорчато, мило для взора паломника. Эта картина привела меня в восхищение и я пропел:

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык:
Велик Он в небесах на троне,
В долинах и горах велик.

Горы проповедуют славу Божию. Их изумительная тяжесть, их художественное строение и обширное назначение управлять ветрами, снабжать землю водами, ссужать народы металлами и драгоценными камнями, беречь их свободу и поддерживать их сановитость в большой чистоте, угрожать нечестию огнем, жупелом, ползучими льдинами доказывают всемогущество, мудрость, благость и правосудие Творца и Промыслителя всех Бога.

Чем далее углубляешься в горы, тем более видишь разнообразных красот природы. Спускаясь с Таибской пажити в верховье долины ель-Абиад, по древней искусственной дороге, называемой Скак ер-Сёфа, и смотря на пещеры Джиссе, я не мог вдоволь насладиться видением красот местных. Смотрю в глубь Абиадскую: тут раздельно стоят холмные пирамиды, одна больше, другая меньше, и все окрашены зеленой ярью с пробелами по местам. Смотрю на Джиссе [и вижу]: оттуда понижаются в Абиад вычурные юдоли и дебри, а между ними выказываются горбатые хребты, острые гребни, инде же как бы шатры. Озираюсь назад: там горы растут и при них на кругловыпуклых равнинах пасутся стада. Устремляю взор свой к Иордану: там с юга на север и с запада к востоку солнца расстилается широкое, ровное и

зеленое поле; по этому полю извивается сухожелтоватое русло вáди-Одже, а по обе стороны его чернеют шатры бедуинов, словно точки, брызнутые на зеленую бумагу и легшие на ней продолговатыми венками; на том же поле густятся рощи колючего дерева дум, которое дает яблочки с приятной кислотой для утоления жажды черных чад пустыни.

Когда мы переехали на правую сторону Абиадской юдоли и подвинулись в восточном направлении, по высокому краю её, испещренному цветами и травой-муравой, тогда на левой стороне её представилась нам новая картина в другом роде, в другом вкусе. В белотуманной дали от нас высился будто стожок сена, – сметанный, округленный и заостренный весьма правильно; это – верх горы Керн-Сárтаба. Поближе к нам горные выси поднимались к небу, словно огустевшие волны моря. Еще ближе к нам красовалась шаровидная гора, на которой человек поставил башенку. А перед нами стоял огромнейший красноватый утес, в котором изрыто множество темных и глубоких пещер. Поразительно дикое величие этого утеса, похожего на покинутую обитель отшельников. Арабы называют его Абу-ель-Áхмар, то есть отец красный. А Абу, по понятию их, есть бог пажитей. Долго я любовался этим великолепным видом, стоя на зеленой траве и порой посматривая на Оджийскую равнину, на которой черные палатки бедуинов виднелись, словно дугообразные круги, вышитые на зеленом ковре. Там проводники указывали мне деревню Одже, но беловатый туман мешал мне видеть ее.

По краю вади-Абиад мы подвинулись еще юго-восточнее и, проехав опасную тропинку на отвесной узкой и глубокой дебри Медет-абу-Зет, выбрались на самый край горного кряжа, окаймляющего всю при-Иорданскую равнину. По причине крутизны его невозможно было нам съехать вниз на конях, и мы пешие с большим трудом сошли туда по дороге-не-дороге, а по камням, рытвинам и скалам, на которых кое-где видны приступки, давно иссеченные для коней.

На ровном, чистом, зеленом поле, куда девались осторожность, внимание, терпение и задумчивость спутников моих, нахмурившихся от дикости гор? Наш шех вздумал состязаться с ветерком; послушная лошадка под ним окрылатела и, чуть касаясь земли, летала, кружилась, металась во все стороны. Наши ратники пошли скорее и запели песню. Мои юноши почуяли себя будто на полевой Руси и завели между собой сладкие речи. А мне приятно было смотреть на веселый поезд мой и еще приятнее узнать и другим сказать, что такое пустынная Палестина, по которой мы ехали.

قَدُوسُ الذِي لَا يَمُوتُ

Недалеко от спуска с горного кряжа, на поле проводники указали мне едва заметные следы здания. Они не знали, что тут было и кто тут жил. Оттуда мы скоро подъехали к источнику Наумиё и потом к соседним родникам Докским, и тут расположились у колючих думов. Был десятый час дня. Теплая погода, ничем невозмущаемая тишина и приятная местность располагали нас к подробным наблюдениям.

ارحمنا

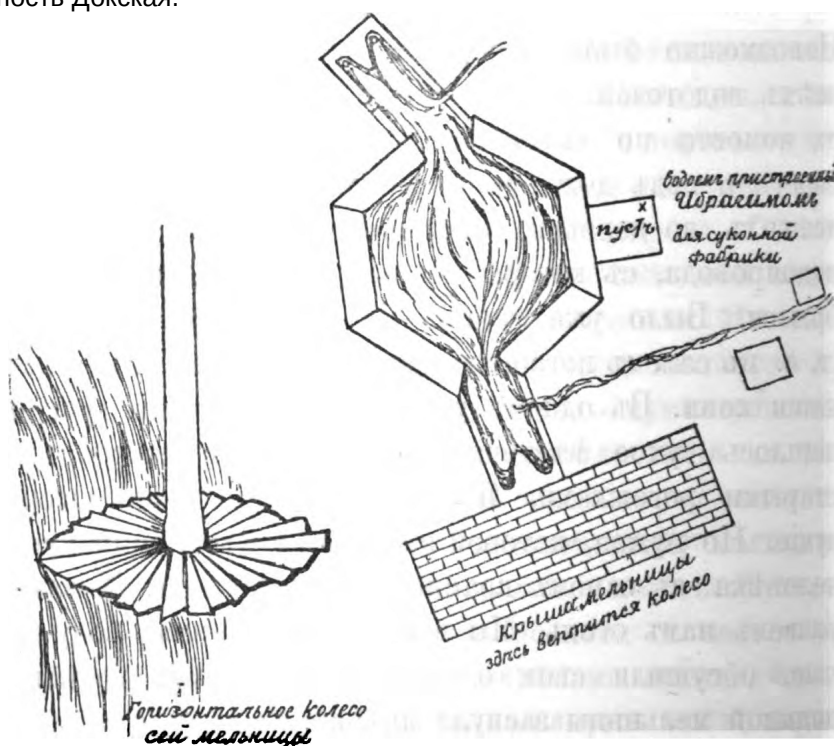
Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 29. Абу ел-Ахмар с пещерами.

Мы находились у самой подошвы горного кряжа Курунтульского, который начинается немного севернее от помянутых источников и протягивается на юг к Иерихону, где и оканчивается островерхой горой Искушения Христова. Курунтуль в этом месте, как и на всем протяжении своем, стоит над полем отвесной стеной; в утесах его видно много естественных пещер; общий цвет его темнокрасноват. Подле этой горы, из-под корня живого дерева дум, вытекает обильный родник воды, называемый эн-Нумиё, а в нескольких шагах от него, южнее, вытекает двуустный родник Докский из-под корней двух рядом стоящих думов. Проводники говорили мне, что назад

тому пять лет эти два дерева стояли несколько ближе к горе, но от проливного дождя в час бури сползли туда, где стоят теперь, искривились и нагнулись над потоком. Этот же разлив, по их словам, снес несколько палаток бедуинов в глубокое русло вади-Наумие; и все они погибли тут со своим скотом. Итак, эти три родника суть три близнеца. Они сливают свои прозрачные, легкие и сладкие струи в один ток и образуют речку, которая без воли человека течет по ложу крутобереговой Наумийской юдоли к Иордану, а по воле его бежит по искусственному водопроводу, вдоль Курунтульской горы, на пространстве пяти верст, до древних сахарных заводов иерихонских, и оттуда разводится по нивам. Эта речка в начале своем немного шире сажени, глубока так на четверть. По обе стороны искусственного русла её весьма густо растут кустарники и камыш. Сквозь эту чащу мы долго пробирались и дошли до водопровода, построенного на арках между высокими и крутоярыми берегами Наумийской юдоли. На вопрос наш, кто построил водопровод сей, проводники отвечали: соседние бедуины. Веря, не веря словам их и ища осязательных доказательств, мы перешли на другую сторону юдоли по сухому желобу водопровода и спустились вглубь под самые арки. Каждый из нас прилежно искал надписи и не нашел ни одной черточки. А безыскусственная постройка трехъярусного водопровода и под ним большой кусок древнего здания, когда-то обвалившегося, доказывали, что этот водовод в самом деле складен местными арабами, Бог весть когда. Срисовав его⁴²³, мы опять вскарабкались наверх и уже хотели воротиться к источнику Док, но один из проводников вызвался указать нам вблизи остатки мозаики. Я несказанно обрадовался вызову его. Ибо представилась возможность определить место, на котором находилась известная в истории Палестины крепость Докская.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 30. Водопровод над потоком Док, к северу от Иерихона.

Мы пошли вдоль левого края юдоли Наумие, ровного как широко-длинная площадь, и, кое-где заметив тесаные камни, — эти признаки жилья людского, наконец, в 300 шагах от водопровода набрали на остатки мозаики. Оконечность этого края устлана мелкими четырехгранными кубиками бело-желтоватого цвета. Нам явно было, что тут были-жили люди небедные. Но кто они? Сначала я подумал, что на этом месте находился постоянный лагерь римского отряда, а такие лагеря обыкновенно устилались мозаикой, но отдумал, не зная никаких письменных доказательств на то, и подумал, что тут был тот Док, который в истории крестовых походов упоминается, как горная крепость тамплиеров между Иерихоном и Вефилем⁴²⁴, и

который, по сказанию писателя первой книги Маккавейской⁴²⁵, построен был Птоломеем, воеводой Иерихонского поля и зятем иудейского первосвященника Симона Фазы. Верность такого соображения моего подтверждалась как самим названием Док, которым поныне чествуют протекающую тут речку, так и надобностью полевому воеводе жить на поле, а не на горах. Но куда же девалась Докская крепость? Она снесена арабами для устройства соседних водотечей и мельниц, когда они начали воспитывать сахарный тростник близ соседнего Иерихона.

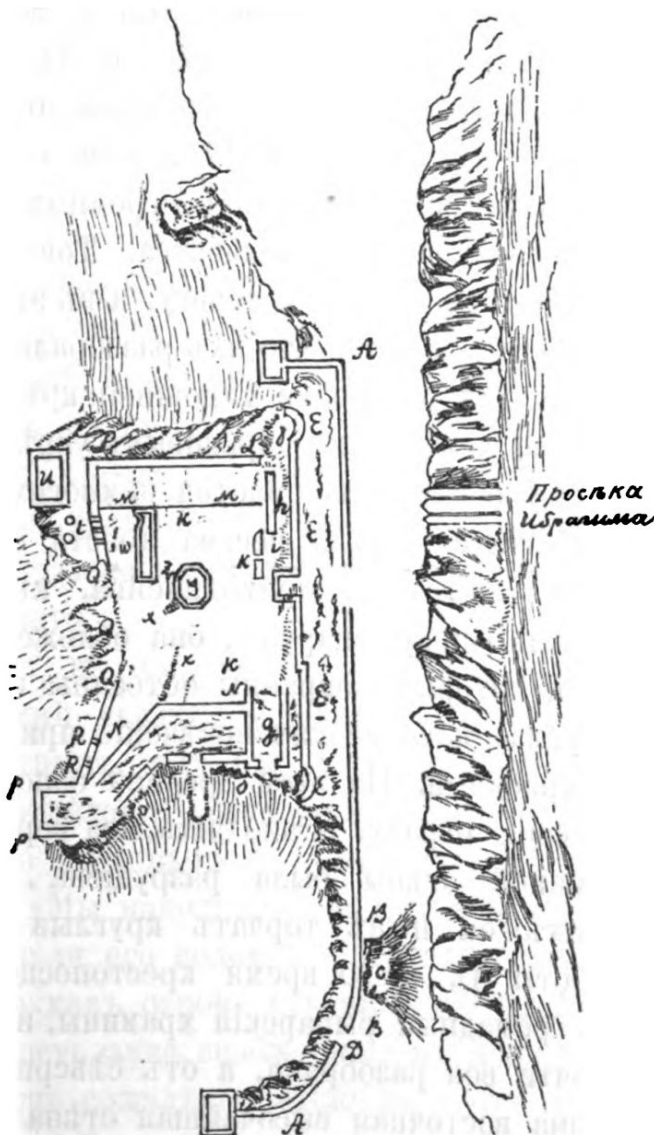
О здателе Докской твердыни Маккавейская книга⁴²⁶ повествует так: «Птоломей, сын Авувов, поставлен бысть воеводою в поле Иерихона и имяше сребра и злата много: бе бо зять архиереев. И вознесся сердце его, и восхоте одержати страну, и помышляше лестно на Симона и сынов его погубити их. Симон же проходил грады, яже в стране Иудейстей, попечение имея о прилежании их, и сниде во Иерихон сам и Маттафия, и Иуда и сынове его, лета сто семьдесят седьмого, месяца первагонадесять, сей есть месяц Сават. И прия их сын Авувов в твердыню, нарицаемую Док, с лестию, юже созда, и сотвори им пир велик, и сокры тамо мужы. И егда уписа Симон и сынове его, воста Птоломей и иже с ним, и взяша оружия своя, и внидоша к Симону на пир, и убиша его и два сына его и неких отрок его. И сотвори прелесть велику во Иисраили и воздаде злая за благая и проч.».

Прочитав на месте это сказание и выкопав из земли несколько кубиков, мы отправились назад и в нескольких шагах увидели еще остатки мозаики также на краю вади-Наумие. Этот узорчатый пол находился в каком-то другом здании крепости. Смотря на него, я еще более уверился в том, что здесь был Док Птолемея и тамплиеров, в который текла вода из ближних родников и к которому теперь не течет она.

После этого ученого промысла мы слаще пообедали и отдохнули у журчащего потока, кто на траве-мураве, кто у корней дерев, а я на кривых сучищах нагнувшегося над водой дума. Нас разбудило стадо верблюдов, проходивших мимо нас медленным важным шагом. У дойных верблюдиц сосцы были перевязаны веревочками, дабы не трогали их сосуны. Верблюжата курчавенькие, полненькие, хорошенькие, белые, серые, черные блеяли, как будто зд-ра-а-а-вь-я нам желали.

От эн-Дока мы прежним путем проехали до долины ель-Бутум, а отсюда поднялись на горный кряж, который обрамливает Абиадские и Оджийские поля и осмотрели тут развалины Чилии. Едучи к ним, я воображал, что увижу остатки немалого города или села, но нашел только одну четырехугольную сторожевую башню, кое-как складенную арабами из больших и малых камней древней тески и вокруг её безобразные кучи и разбросы таких же камней, да приземистые стены и перегородки людского жилья. Эти стены с перегородками, по словам проводников, сделаны были недавно (1844 г.) теми христианами из Тайбе, которые после деревенского междоусобия ушли сюда жить, и оставались до той поры, пока жалость по родине не склонила их к примирению с прежними собратьями. Однако, развалины Чилии несравненно древнее сего происшествия. Что же было на месте их? Ни более, ни менее, как крепостца римлян и тамплиеров, которые сторожили здесь Святую Землю от нападений бедуинов. Чудные люди – эти смуглые дети пустыни! Их стерегут и непременно простерегут! Враждебные им царства рушатся; а они живут, да живут в своих шатрах и смеются, когда видят каменные твердыни царей, лежащие в развалинах. Над ними по ныне исполняется пророческий глагол ангела Божия Агари: «Се ты во чреве имаша и родиши сына, и наречеши ему имя Исмаил. Сей будет сельный человек: руце его на всех, и руки всех на него, и пред лицом всея братии своя вселится⁴²⁷». В самом деле, потомки Исмаила, люди дикие и неукротимые, воюют со всеми и все восстают на них, но никто доныне не мог покорить их. Повелитель царей Сезострис ничего не сделал им⁴²⁸. Зара эфиоплянин не поработил их⁴²⁹. Сусаки не видал их между народами, составлявшими полчища его. При персах, даже во время Кира, победителя народов, они не признавали никакого повелителя. В их пустынях не было никакой сатрапии. Сыну Истаспа, – говорит Иродот, – покорились все народы Азии, кроме арабов⁴³⁰. Александр Великий, разрушивший Персидскую монархию и простерший свои завоевания до Ганга, решился смирить арабов, но умер, не выдав их⁴³¹. Его преемники не могли исполнить сего предприятия. Тщетно римляне, в свою очередь, старались покорить их. При Саладине, Чингисхане, Тамерлане, Готфриде, Наполеоне они сохранили свою независимость. Почти 4000 лет племя Измаила во вражде со всеми племенами. Но всегда аравитянин остается человеком *сельным*, свободным и полудиким. Расположившись на границе трех частей старого мира, он *поселился пред лицом всех своих братий, завещавая своим детям и внукам вместо городов пустыню и вместо жатвы караваны*.

С вершины Чилийского холма видно далеко вокруг. Если бы ясно различать не помешали мне скоплавшиеся на западе облака и белесоватый туман, то я бы сказал теперь, какое пространство Иордана и Заиорданья, Мертвого моря и всей пустынной Палестины обнимал взор мой, очарованный дивной картиной, на которой горы и долины, как огустевшие волны моря, казались инде в тени, инде в полусвете, инде в сумерках, а нагорные села и деревни виднелись словно корабли, попавшие на отмели.

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 31. Развалины монастыря Св. пророка Илии на холме Оф, близ Тайбе.

а. Брус над з. дверью церкви Св. Георгия; б. Брус над дверью придела Св. Илии.

От Чилии не долго путешавали мы до Тайбе. День склонялся к вечеру, и я поспешил обозреть развалины монастыря на соседнем холме Оф. Небольшая полуразрушенная церковь во имя Св. Георгия венчает самое темя сего холма. Зодчество её доказывает, что ее возобновляли крестоносцы, любившие круглое окно над западной дверью святилищ своих. Алтарь, обращенный на восток, своды и стены, кроме западной, обрушены. С северной стороны были кельи монахов, но они разорены, а на южной видны остатки придела во имя Св. пророка Илии, в который вела особая дверь с запада. Перед входом в оба эти храма была открытая паперть, а

ниже её укрепленный помост с колоннадой. Впрочем, рисунок лучше слов дает понятие об этих развалинах⁴³².

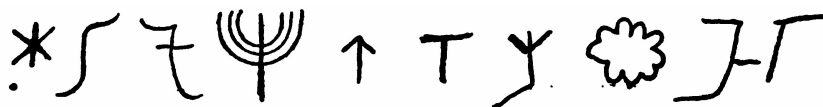
В Офском холме, к восточной стороне его, иссечена погребальная пещера. Вход в нее заложен камнем. «Нельзя ли отвалить сей камень от двери гроба?» – спросил я христиан, вспомнив в ту же минуту мироносиц. – Трудно, и там ничего нет, – отвечали они, и повели меня в другую пещеру, но непогребальную. Она иссечена в том же холме, невелика, но и немала. Из потолка её у стены, противоположной входу, чуть-чуть сочится вода. У этой же стены выработано из скалы ложе, похожее на то, которое я видел в так называемой школе пророка Елисея у подошвы Кармильского монастыря. Тут таибские христиане, в память явления пророка Илии благочестивой вдове, зажигают деревянное масло в маленьких глиняных сосудах, из благоговения к человеку Божию.

Возвратившись с Офа в Тайбе усталый и довольный, я заснул сном богатырским.

Март 5, Суббота. Справедливо говорит русская пословица: утро вечера мудренее. Вчера я, вечером, намеревался съездить на Фасаельскую равнину, где, по уверению таибцев, находятся развалины, вероятно, того Фасаеля, который построен был Иродом на равнине от Иерихона на север⁴³³, а сегодня утром отложил это намерение и почему же? Потому что вчера издала видел фасальскую местность, потому что мерзостна мне память Ирода, о котором Кесарь Август говаривал, что лучше быть поросенком, нежели подданным этого царя иудейского, и, наконец, потому, что по отдаленности места надлежало ночевать там между бедуинами, а я не взял с собой палатки. Предпочтено было съездить на соседний с Тайбе холм Асор, дабы в ясное утро взглянуть с него на все четыре стороны, а по возвращении оттуда обозреть старинную Таибскую крепость, а потом возвратиться в Св. Град. Христиане говорили мне, что на телл-Асоре ничего нет кроме виноградников и советовали осмотреть развалины на холме Ксёр, недалеко от Чилии. Но когда я выпытал у них, что эти развалины такие же, как и Чилийские, то не захотел потерять дня напрасно и решился посмотреть только на ближние окрестности Ефремского протопресвитерства, а людям приказал готовиться к походу.

Решено и сделано. В полчаса я доехал до телл-Асора, лежащего на северо-западе от Тайбе. На красноватой почве сего круглого и высокого холма разведены виноградники, но не заметен ни один признак рукотворных зданий. С темени его открываются прекрасные виды гор, масличных сводов и деревень. В северной дали рисуется Керн-Сартаба, словно стожок окаменевшего сена; на западе мелькают деревни Мэзраа, Сильвад, два Эбрүда и неби-Самуил.

С Асорского холма мы возвратились через фиговые и масличные сады, принадлежащие таибским христианам. Любуясь тут полевыми цветами, я вспомнил слова Божии: «Смотрите крин сельных, како растут: не труждаются, ни прядут. Глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей облечется, яко един от сих. Аще же сено сельное днесь суще и утре в пещь вметаемо, Бог тако одевает, не много ли паче вас маловери⁴³⁴. Аз цвет польный и крин удольный⁴³⁵. Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако отцветет⁴³⁶». В эти минуты душа моя подобила вертограду, в котором благоухали, как цветы, преданность воле Божией, мысль о скоротечности жизни и чистая молитва: Господи! Я цвет полевой, я крин из долины. Ороси же меня благодатию Твоею. Я жажду жизни святой и вечной!

Фототипия А.И. Вильборг

Рис. П. Соловьев.

Рис. 32. Древняя крепость в Тайбе.

Когда мы приблизились к подошве Таибского холма, нам отменно понравились развалины древней крепости, кои с подъезда от телл-Асора одни только и видны на вершине сего холма. Их нарисовал студент Соловьев⁴³⁷. Пока он делал свое дело, я подробно осмотрел развалины снаружи и внутри. Оказалось вот что. Крепость построена была в виде небольшого четырехугольника. Стены её весьма толсты, но невысоки, и что замечательно, не отвесны, а немного откосны, как будто зодчий был египтянин и подражал подобной кладке стен стовратных Фив. Довольно хорошо сохранилась северная стена (нарисованная), а прочие разрушены так же, как и крепостные ворота, от которых полууцелела одна левая сторона, выказывающаяся на рисунке из-за башни, складенной из разных обломков уже таибцами. Внутренность крепости

загромождена обвалами, заезжим домом, который очутился на месте крепостной церкви, и хижинами нескольких семейств. Проводники указали мне кусок колонны, единственной свидетельницы существования этой церкви, и примолвили, что в последнее междоусобие арабов (1844-1845 г.) пресловутый шех Абогош довершил разорение крепости, дабы не заняли ее магометане соседней деревни Джерйр, как неприятели его. Зодчество её напоминает крестоносцев, которые, однако, громоздили ее на древних основаниях. Она взята была Веспасианом у евреев, а эти наследовали ее от хананеев.

Рассмотрев все таибские древности, я простился с христианами, пожертвовал в церковь их Катехизис и Часослов на арабском языке, наградил щедро двух священников, шеха и семь проводников и поехал домой. Они провожали меня за деревню и просили восковых свеч и ризницы для храма. Но я сказал им, что это дело патриарха, а не мое.

Не описываю обратного путешествия во Св. Град через Риммон, Махмас, Гаваи и ер-Рам; скажу только, что окрестности Махмаса плодородны, тут почва на умеренных склонах гор красноватая и жирная. Справедливо в Талмуде замечено, что околотов этой деревни плодоносен.

VII. Пребывание в Иерусалиме.

Март 6, Воскресенье. В гостях хорошо, а дома лучше. Глаза мои тяжки. Кедронский поток слабо течет из Иовлева колодца, а от соседнего эн-Рогеля бежит речка.

Март 8, Вторник. По Иерусалиму ходит слух о войне России с Турцией и о занятии Палестины и Сирии египетскими войсками, дабы они в годину крайней опасности могли дать помощь султану.

Март 9, Середа. Фадлалла говорил мне, что униатский патриарх Максим достраивает две церкви в Дамаске.

Март 15, Вторник. Сегодня я был у патриарха Кирилла. Он встревожен слухом о войне. Когда я сказал ему, что этот слух неоснователен и что наши консульства ничего не знают, тогда он спросил меня: почему же Россия передает здешних евреев, подданных своих, английскому консульству? Я отвечал: потому, что они, проживая здесь без паспортов, потеряли право быть и называться русскими подданными, и потому, что наше правительство не хочет, чтобы здешние арабы, обижающие и грабящие евреев, привыкли думать, что им можно терзать русских подданных безнаказанно. После сего патриарх поведал мне, что иерусалимский паша по поводу разнесшегося слуха о войне приходил к нему навеститься, есть ли верные известия о предстоящей беде, и проговорился, что если султан решился воевать с Россией, не имея ни достаточной армии, ни лишних денег, то видно, пришел конец мусульманскому царству; ослепление султана есть начало суда Божия над ним.

Март 19, Суббота. В час пополудни полился дождь с градом. Глаза мои тяжки, ноги холодны, а душа тепла.

Март 20, Воскресенье. Дай Бог, чтобы в Риме состоялось новое правительство и чтобы все итальянцы слились в один народ. Того же желаю и немцам и славянам, веря, что великие государства суть великие орудия Провидения Божия.

Март 21, Понедельник. О. Спиридон из Сидона писал к Фадлалле, что 100 семейств, обратившихся там от унии в православие, тверды в вере и что он оглашает их словом Божиим.

Март 22, Вторник. Вифлеемские христиане недовольны своим архипастырем (Дионисием) за его грубое обращение с ними и требуют удаления его. Это известие я слышал от о. Феофана, а он от Вифлеемского священника Илии. Старая песня!

Март 23, Середа. Приехал сюда наш генеральный консул Базили, но я еще не видал его.

Март 24, Четверток. Прибыл сюда униатский патриарх Максим с двумя архиереями. Говорят, что он намерен составить здесь собор для придумания мер к поддержанию колеблющейся унии.

Март 25, Пятница. Был у меня консул Базили и говорил вот что.

1. В Константинополе продолжаются жаркие переговоры о смутах в Молдавии и Валахии.

2. Посланники при Оттоманской Порте французский и английский подали ноту нашему правительству об удалении наших войск из этих княжеств. Но Государь не робеет и делает свое дело.

3. Епископ Иерофей, недавно прибывший из Константинополя в Бейрут, принят был одной партией, а другой отвергнут. Посему Антиохийский патриарх отозвал его к себе в Дамаск. А игумен Исаия, помогающийся Бейрутской кафедры, волнуется ливаногорцев.

4. В Дамаске один из униатов, именно Михаил Мшака, обратился в протестантство. Письменные прения его с патриархом Максимом о вере будут напечатаны в Бейруте американской миссией.

5. В православной топографии бейрутской печатается арабский перевод ответа четырех православных патриархов на письмо папы Пия IX.

6. Камчатский и алеутский епископ Иннокентий прислал 212 рублей серебром, собранной в епархии его, Антиохийскому патриарху в пользу православных церквей, в Сирии.

7. Сто восемнадцать тысяч турецких пиастров, завещанных госпожой Бабарыкиной в пользу бедных христиан палестинских, возвращены в Россию для приращения процентами в банке.

Сегодня вечером г. Базили познакомил меня с австрийским консулом графом Пиццамано, только что прибывшим сюда. Этот новый дипломат, между прочим, говорил: У нас, в Вене, царствует еврей Ротшильд, и вот в угодность ему учреждено здесь наше консульство для 400 евреев, австрийских подданных, тогда как нет особенной надобности в нем.

Март 26, Суббота. Я служил обедню на Голгофе, потом зашел к консулу Базили и, по случаю разговора о колеблющейся унии в Сирии, спросил его:

– Ваше, консульство принимало сидонских униатов в ограду православной церкви?

Базили отвечал: Нет! Они обратились к нам *motu proprio*.

– Если же так, то чем чище наше сочувствие с ними, тем охотнее надлежало бы нам помогать им.

– Я послал им 1000 пиастров для раздачи бедным, – сказал, консул.

Зашла речь об отце Спиридоне, который отправлен был из Бейрута в Сидон для утверждения воссоединенных в православии. Я просил консула перевести его в Иерусалим для преподавания Катехизиса и арабского языка в предполагаемом патриаршем училище. Он согласился на это.

Пришел к нам патриарх Кирилл. Базили советовал ему положить несколько тысяч рублей в наш государственный банк. Но его блаженство отвечал: нечего положить; в казне Св. Гроба, ведь, только 250 000 пиастров; серебра в вещах очень мало – 12 пудов в храме Гроба Господня и 2½ пуда в Крестовой церкви Константина и Елены. Банковые билеты покойного патриарха (Афанасия) известны только по слуху, а фаворский архиепископ Иерофей самоуправно распоряжался доходами с имений в Молдавии и Валахии, так что вовсе неизвестна их численность. Потом патриарх стал горько жаловаться на этого архиепископа, что он не только не повинуется ему, но делает все напротив, игуменов-управителей имений, которые присылаются из Иерусалима, сменяет самовольно и заменяет своими клевретами, не отдает, никаких отчетов в приходах и расходах, не отвечает на деловые письма своего Патриарха и Синода и употребляет все средства к тому, чтобы сделаться здесь патриархом. Консул посоветовал его блаженству отправить отсюда в Константинополь благоразумного и верного архимандрита с надлежащим уполномочиением и через него потребовать отчетов от Фаворского. Но я заметил, что архимандриту неприлично судить архиепископа и что неприличие иногда раздражает самолюбие так, что от раздраженного не получишь и ответа, и наипаче тогда, когда он корыстолюбив и богат. По моему мнению, – продолжал я, – гораздо лучше было бы, если бы его блаженство сам, отправился в Константинополь на малое время и потребовал бы отчетов от своего поверенного в делах. Слова мои патриарху были слаще, меда и сота. А Базили призадумался. Полагая, что поездка патриарха в Константинополь в настоящее бурное время представляется ему затруднительной, даже невероятной, я сказал ему по-русски: Наш посланник говорил мне, что патриарх Кирилл может побыть в Стамбуле месяца два-три, но не домогался бы оставаться там навсегда. Это откровение мое пересилило сомнение консула и он тотчас объявил патриарху, что будет писать к министру Титову о крайней надобности быть его блаженству в Константинополе и что министр, вероятно, испросит соизволение на это государя императора.

Одно дело окончили мы и начали другое. Патриарх изъявил твердое намерение учредить с помощью моей духовное училище для образования сельских священников. Посему в нашем тройном совете решено было:

1. вызвать сюда из Бейрута о. Спиридона для преподавания Катехизиса и арабской словесности;

2. дать ему помещение в одном из святогробских домов, да 10 000 пиастров жалованья в год и на дорогу 1000 пиастров;

3. пригласить из палестинских епархий на первый раз двенадцать молодых арабов и поместить их в подготовленном доме.

Я был в восторге от патриарха Кирилла. В настоящий день Воскресения Лазаря началось воскресение церкви Палестинской. Этот день есть торжественный день и в моей жизни.

Вечером навестил меня Базили и между прочим говорил, что задача о водворении русской духовной миссии в Иерусалиме решена счастливо и что теперь можно увеличить число членов её четырьмя студентами семинарии и одним иеромонахом из какой-либо общежительной обители нашей, который был бы вместе и духовником русских поклонников и монахинь, поселившихся в Св. Граде. Я догадался, что Патриарх и Синод его расхвалили консулу нашу смиренную миссию.

Март 27, Воскресенье. Сегодня утром Базили уехал в Бейрут. Бог да сохранит его! Умный он человек и полезный для церкви.

Апрель 3, Воскресенье. Пасха. Отрадно мне было петь *Христос Воскресе* в том вертепе, в котором совершилось чудо из чудес, а во время служения с патриархом в Воскресенском храме [тяжело было глазам моим от яркого света свечей и лампад.

[Я разговлялся у патриарха. С нами была жена министра нашего двора, княгиня Софья Волконская. Она рассказывала нам, как французы сожгли трон короля своего Людовика-Филиппа и как государь император наш, узнав об этом из письма нашего посланника в Париже, сперва побледнел, читая это письмо на балу, потом сказал окружающим его генералам: скоро поведу я вас в Париж, а рассказав это, примолвила: *quelle jactance, quelle jactance!*]⁴³⁸. Эта примолвка её не понравилась мне.'

Вчера православные арабы плясали *со священным огнем* в руках по правую руку часовни Гроба Господня и вокруг *лука земли*, среди Воскресенского храма. Азиатцы празднуют Пасху, как резвые дети, а европейцы, как чинные монахи.

Апрель 5, Вторник. Сегодня я служил обедню в моем монастыре. Вечером посетил меня сардинский консул и, между прочим, говорил, что на днях здешние евреи, в числе 200, силой потребовали от английского консула Финна жену одного еврея, обратившегося в протестантство, которая не захотела с ним жить. Финн принужден был отдать ее отцу её.

Апрель 6, Середа. Утром я был у армянского патриарха. По словам его, Киликийский патриарх армян, пребывающий в Сисе, не зависит от эчмиадзинского владыки и сам рукополагает архиереев и рассылает по церквам своим освященное миро. Армян-поклонников было ныне около 2000. Эчмиадзинский католикос Нерсес подарил его высокостепенству бриллиантовую панагию свою, которая пожалована была ему императором Александром. Эта панагия красива и многоценна. Я видел ее.

В шестом часу пополудни я был у австрийского консула. Он живет в том доме, который прусское правительство хотело нанять для библиотеки, но отдумало, решившись не покупать книг, которых некому читать здесь. Английский консул не принял меня, потому что обедал.

Вечером приходили ко мне патриарх Кирилл, наместник его петро-аравийский митрополит Мелетий и их драгоман-монах. Его блаженство поведал, что Порты приказала латинам класть деревянную доску на Голгофский престол греков во время богослужения и что в султанском фирмане сказано, будто служение литургии греками на этом престоле есть недавнее нововведение.

Апрель 7, Четверток. Ночью, под пятый день Апреля, громкий голос невидимого существа в моей спальне кликнул: Архиерей! и пробудил меня; я встревожился и чувствовал, как сильно билось у меня сердце. А сновидения не было.

В прошлую ночь мне снилось, будто я иду пешком куда-то по приказанию и пришел в одно село, выстроенное на погорье. Вижу, народ идет в церковь. Вошел и я. Тут поют певчие. Потом я спустился под гору к реке. Она широка и мутна. Перевоз только что отчалил на другую сторону. Надлежало мне ждать возвращения его. Жду и вижу, как одна девица тонкая и статная, в ситцевом платке и шляпке, быстро вскочила в челн. Люди отпихнули его от берега и он с девицей поплыл у окраины реки. Конец сновидению или сонному мечтанию.

Апрель 9, Суббота. Епископ есть хранитель Божественной веры и апостольского и отеческого предания, голос церкви в соборах, пламенный богомолец и красноречивый вития в храме, мудрый и нелицеприятный судия дел духовных, примерный управитель церковным имуществом, попечитель вдов и сирот, блюститель добрых нравов семейных, многоочитый смотритель училищ, — этих притворов церкви, головщик общественного мнения, способник действительности царских законов, сочетатель церкви и государства, защитник обидимых,

утешитель страждущих, борец с суеверием, гром для еретиков, молния для отщепенцев, роса для отшельников, видящий прошедшее, настоящее и будущее, одушевленное Евангелие, обитель Св. Троицы.

Апрель 13, Середа. Рассуждения мудрые суть колыбели великих дел, а глупые – могилы их.

Апрель 17, Воскресенье. Фадлалла получил письмо от отца своего из Дамаска. Между прочим, написано, что сайданайская монахиня, обучающая там девочек чтению и письму, называется Фекла, что патриарх Мефодий здоровствует и что в Бейруте продолжают смуты христиан по случаю избрания епископа, а в Сидоне православные затеяли тяжбу с униатами о тамошней церкви Св. Николая и подали прошение Мефодию, чтобы он не только вытеснил униатов из сей церкви, но и понудил бы их уплатить все деньги, которые они, по давнему условию, должны давать православным за право служения в ней и которых не отдавали им. Патриарх подал челобитье бейрутскому паше. Итак, Мефодий опять будет судиться с римско-католиками и сорить деньги по пустякам. Жалко!

Апрель 18, Понедельник. Слава Богу! Кончил записку о состоянии Сирийской церкви в прошлом году.

Апрель 20, Середа. Утром ходил к петро-аравийскому митрополиту Мелетию и говорил с ним о Каракской церкви.

Она выстроена в 1848 году. На сооружение её Св. синод наш выслал сборной суммы 64 000 пиастров, да сборщик граф Адлерберг 42 000 пиастров. Но она стоила гораздо дороже. Посему митрополит в Декабре прошлого года просил Адлерберга письмом выслать ему еще 40 000 пиастров. Но граф отвечал ему, что нельзя сделать этого, потому что деньги, собранные на Каракскую церковь, положены в ломбард по определению Св. синода с тем, чтобы процентами с них поддерживать как ее, так и училище при ней. Впрочем, Адлерберг предложил митрополиту взять из нашего консульства в Бейруте 15 000 руб. сер., высланные им на внутреннее украшение этой церкви, ежели Иерусалимский синод примет на свою ответственность это украшение.

Митрополиту я говорил проповедь:

1. Каким путем Вы получаете из России письма или пожертвования, тем же путем отсылайте и уведомления ваши о получении их. Дошли они до вас через посланника? Извещайте о том посланника. Через консула? Пишите ему.

2. В России все дела истекают от одного начала, – от государя. Мы привыкли к этому полезному единоначалию и потому желаем и требуем, чтобы и другие сносились с нами через свое главное начальство. Итак, не удивляйтесь или не подозревайте ничего худого, когда наш генеральный консул хочет сноситься по делам палестинских церквей с одним патриархом, как с главным владыкой, а не с подчиненными ему лицами. Консул, как представитель государя, есть важная особа и ему некогда, да и не следует сноситься с различными архиереями. Довольно ему знать одного патриарха. Если он по дружбе примет на себя какое-либо частное дело, например, ваше каракское, то примет его не как консул, а как человек, христианин, приятель.

3. Нам, духовным, прилично писать к мирским властям почтительно и смиренно. Ваш секретарь написал к консулу Базили одно письмо неучтиво и даже грубо. Забыл он, что всякое деловое письмо остается в архиве. Когда преемник господина Базили будет прочитывать ваши отношения к нему, тогда что подумает о вас, как и о предместнике своем, заметив колкости в ваших письмах? И каким голосом будет петь вам?

Эта проповедь моя, произнесенная тоном мягким, дружеским, нарумянила митрополита [еще непривыкшего подчиняться одной власти].

Вечером посетил меня армянский епископ Георгий, недавно посвященный в Эчмиадзине. Соблюдена обоюдная учтивость и более ничего.

Апрель 21, Четверток. Ночью в этот день снилось будто я кадил государю раз. Он, кланяясь мне, читал какую-то молитву. На пятом взмахе у меня вырвалось кадило и упало⁴³⁹. Я поднял его и продолжал кадить. Государь не смутился.

Апрель 22, Пятница. Базили прислал мне арабскую книжицу, сочиненную Михаилом Мшàка, обратившимся из унии в протестантство в Дамаске.

Апрель 23, Суббота. Утром я был у патриарха Кирилла и объявил ему, что Св. синод наш прислал вклад ко Гробу Господню 700 руб. и что я испрашиваю у Синода 3 000 рублей для поправки церкви в монастыре Архангельском. А его блаженство открыл мне, что консул Базили просил его перестроить мое помещение.

Апрель 24, Воскресенье. Глаза мои болят. Quid faciam? Nescio!⁴⁴⁰

Одни цари бегут от своих престолов и народов, а другие бледнеют под своими коронами. Будет что-то новое!

Апрель 25, Понедельник. В книжице Михаила Мшаки, между прочим, написано, что американец Иона Кинг был в дер-ел-Камаре в 1821 году и многократно посещал дом сего Мшаки. Но Мшака не им был обращен в протестантство, а книгой англичанина Киса, напечатанной в Мальте.

Сегодня я исправил перевод эфиопской литургии.

Апрель 26, Вторник. Что за диво! Что-то снится мне духовная дочь моя Елена Ивановна Крупеникова. Ну, так и увивается около меня! В прошлую ночь говорила мне, что непременно будет просить развода с мужем⁴⁴¹.

Апрель 29, Пятница. На днях я пересмотрел и исправил переводы несторианской литургии и семи патриарших грамот, данных по делу о праве синаитов совершать богослужение в их Каирском подворье.

Вчера приехал сюда протоиерей Спиридон с семейством своим. Я весьма рад ему.

Униатский патриарх Максим страдает здесь от каменной болезни.

Глаза мои видят немного лучше, но все еще тяжки. Господи помилуй.

Апрель 30, Суббота. Приготовляю дела. Нарядился груздем, так лезу в кузов.

Май 1, Воскресенье. Утром посетил меня о. Спиридон, прибывший сюда из Бейрута на подвиг учительства. Он доставил мне арабскую рукопись: *Опровержение магометанства*, перебеленную для меня в Дамаске о. Иосифом. От него узнал я вот что.

1. В Бейруте народное училище закрыто по причине смут между православными.

2. Епископ Иерофей, прибывший туда из Константинополя, не принят той партией, которая избрала игумена Исаию.

3. Униатский патриарх Максим посылал в Сидон наместника своего, иеромонаха Михаила, мирить униатов, но посланный не успел достигнуть желанной цели.

4. Есть надежда на обращение в православие униатов тирских и ливанских. Воссоединению их с нами содействует драгоман прусского консула в Бейруте, Ибрагим Нахле, который, по-видимому, униат, а в сердце православен. Он родился в Морее.

Май 2, Понедельник. Два священника из деревни Бетжалы приходили ко мне и жаловались, что ни патриарх, ни наместник его не принимают их к себе даже по делу и всегда отвечают им: нет времени. Дабы утешить их, я дал им по 12 пиастров.

Греческие архиереи не любят арабского духовенства, а любовь их была бы и стражем православия в Палестине. Её нет! И вот волки похищают овец.

Май 3, Вторник. Бак отличить истинный рассказ об отдаленных странах от подложного? S'il y a de la grâce dans les paroles et de la sagesse dans les discours: soyez sûr, vous entendez pas un imposteur, mais un voyageur inspiré!⁴⁴²

В наше время родственные племена хотят быть народом под одной властью. Нет, не они хотят; того хочет Бог. Итак, падет Австрия, падет Турция, падет Англия. Первой не владеть более итальянцами и славянами, второй – греками, арабами и славянами, третьей – Индией. Dieu le veut!⁴⁴³ Старый Рим обновится и слава Господня воссияет над единой Италией. Будет союз славянских племен с россами и все они в Св. Софии Цареградской громогласно воспоют песнь: *Тебе Бога хвалим*. Будут новые царства под союзной хоругвью России, царства: Грузинское, Армянское, Сиро-Аравийское, Абиссино-Египетское, Румынское, Болгарское, Сербское, Чешское и Польское. Россия от вечности предназначена просветить Азию и утвердить всеславянство.

Внезапные видения – пророчественны. Но они объемлют время, полвремени и еще четверть времени.

Эй, душе, гряди обновить лице земли, да расточатся враги наши – ложь, неправда, неволя, нищета, пороки, суеверие, тиранство!

Май 5, Четверток. Распухло и покраснело веко правого глаза моего. Подожду, что будет далее.

Фадлалла возвестил мне, что в Сидоне для воссоединенных требуется школа, а патриарх Мефодий не хочет дать им ни одного пиастра, и что Юсеф Шатиля очень любим дамаскидцами. Если он, как Михаил Мшака, сделается протестантом, то увлечет за собой всех любящих его. Этот Шатиля один в Дамаске способен защищать православие. Он мог бы написать книгу в

опровержение книги униатского патриарха Максима, напечатанной в прошлом году, в которой порицается православие.

Фадлалла убеждал меня писать о Шатиле консулу Базили и просить его, чтобы он постарался предоставить этому учителю прежнее место его. Надобно писать. Спрос не беда.

Май 6, Пятница. Патриарх Кирилл отправился в Рамаллу мирить тамошних христиан.

Май 8, Воскресенье. Шишечка на веке правого глаза увеличилась. Я чувствую тут боль. Что же мне делать? Не знаю. Надлежало бы ехать туда, где есть искусные врачи. Но, увы! Я раб чужого мнения сурового и угнетен нищетой. В одном терпении – моя поддержка.

Май 10, Вторник. Глаза мои болят. Думаю проситься на покой и раздумываю. Взвешиваю настоящее и будущее: весы стоят пока ровно. Знаю, что лежит на правой чашке, а на левой? Ах! Кому открыто будущее? Оно приближается, оно на весах, но закрыто. Чувствую в себе жажду покоя. Естественно это чувство. Но найду ли я покой там, где предполагаю или воображаю? Не встретиться бы там с глупыми предрассудками, с визгливыми страстями, с угорелыми умами, со слабыми сердцами, с невеждами, завистниками и всегда отверстыми устами? Там посвятил бы я жизнь свою Богу и науке. Но не вся ли земля Господня? Не везде ли веет благодать Его? Не на всяком ли месте можно и должно любить Его? А наука! Что наука? Скучная жена. И век ли учиться? Не пора ли действовать? Размышление, вдохновение и деятельность лучше книг усовершенствуют душу и более полезны человечеству. Однако, жизнь моя есть премудреное кружево. Пусть плетет его Тот, Кто начал его плести!

Что такое судьба? Суд Божий.

Скажи яснее. Определение воли Божией.

Безусловное? Да!

Что Бог тебе судил? Жить в Иерусалиме.

Не от тебя это зависело? Нет, мать родила меня для Востока.

А от кого зависит

быть тебе добрым? От меня и от Бога. Половину истины и добра дает ум, половину Бог и святым?

Ты признаешь откровение Божие? Признаю. Ум и сердце суть две богоначертанные скрижали.

Другого откровения нет? Есть. Припомните глагол природы.

А Священное Писание? Я не все понимаю в нем.

Однако, чтут его народы? И страдают от толков о нем.

Всегда ли оно будет управлять родом человеческим? Не думаю.

Что же заменит его? Врожденное нам чувство божественного, прекрасного, доброго и святого.

Кто воспламенит это чувство? Спроси лучше, где воспламенять его.

Ну, где? На соборе народов.

Итак, ты думаешь, что после политических собраний будет философический? Думаю и надеюсь. Давно предсказал его Лейбниц.

Собор философический? Стало быть, ты чаешь вселенской церкви

любомудренной
[философической]?

Есть. Вот они: пароходы, паровозы, книгопечатни, всеобщее охлаждение к старым вероисповеданиям, стремление мыслящих людей более действовать, чем писать книги, открытия, науки, собрания ученых мужей, превращение соборов поповских, богатство знания у мирян и скудость веры и ведения у попов, падение папы, шатание престолов царских, духовное нашествие Нового Света на Старый, повсюдное и всеобщее рвение понять истину и добро и придумывать удобства жизни.

А откуда произошло это? Понятно откуда – от ума, недовольного церковным учением, Талмудом, Кораном, Конфуцием, Ведами, и от Бога.

Ты презираешь древние писания? Нимало. В них есть часть истины.

Ты веруешь в лучшую будущность? Всем сердцем.

Ты чаешь явления некоего сына Человечества? Нет! Я чаю откровений ума человеческого на соборах народных.

Ты поешь вечную память прошедшему и настоящему? Пою семь раз.

Май 11, Середа. Вчера я решился ехать в Бейрут для излечения глаз, а сегодня отдумал. Далеко! Да и негде жить там. Боже, помилуй меня.

Май 15, Воскресенье. Патриарх Кирилл возвратился из путешествия по своей епархии в прошлую пятницу.

Зрение мое становится лучше. *Grâce a Dieu!*⁴⁴⁴

Май 18, Середа. На днях я перевел несколько актов Афонских, а сегодня послал к генеральному консулу Базили свои предположения касательно русских поклонников в Иерусалиме. Глаза мои посоловели от работы. Господи! Еффафà!

Май 29, Воскресенье. Униатский патриарх Максим выздоровел и сегодня ездил к новому Иерусалимскому паше с поздравлением. Этот паша сменил прежних секретарей-униатов и взял к себе копта.

У отца Спиридона есть рукописное сочинение покойного алеппского митрополита Феоктиста, предвестника нынешнего владыки в Алеппо Кирилла, содержащее опровержение унии. Оно-то поколебало алеппских униатов в римском вероисповедании. К сожалению, Феоктист любил выпить и умер в Константинополе.

Май 30, Понедельник. Глаза мои во весь Май месяц болели и теперь болят. Надобно ехать в Константинополь или в Россию полечиться.

Июнь 1, Середа. Сегодня исполнились 20 дней от первого приема кровоочистительного питья, прописанного мне здешним врачом Антоном Килем. Глаза мои светлее, но все еще болят. Плева не сходит с белышей.

Вчера вице-консул наш Марабути приехал сюда со своей миловидной женой дней на пятнадцать.

Июнь 6, Понедельник. С тридцатого дня Мая продолжается здесь собор униатских архиереев под председательством патриарха их Максима. Он намерен пустить лисичек в вертоград наш, а я с патриархом Кириллом готовлю на них шакалов в здешнем духовном училище.

Вчера вечером еллинский вице-консул Кирианопуло поймал на улице сына нашего повара Георгия и хотел возвратить его отцу. Но этого юношу отняли у него монахи и кавасы патриаршие и даже самого его обесчестили и ударили. Этот вице-консул провел ночь в моем монастыре, о чем я дал знать ночью господину Марабути. Посмотрим, чем кончится это дело. Ужели здешнее духовенство греческое может безнаказанно отнимать законных детей у отцов и бесчестить консулов европейских?

В полдень был у меня сардинский консул. Он основателен, но холоден.

Июнь 7, Вторник. В час и три четверти пополудни внезапно пронесся здесь ветер с шумом и весьма скоро утих. Я пропел стихиру Пятидесятницы: Преславная днесь видеша вси языцы... Бысть шум, якоже носиму дыханию бурну и проч.

Вечером был у меня Кирианопуло и сказал, что он подал прошение патриарху Кириллу через посредство сардинского консула о возвращении еллинского подданного юноши Ставри отцу его Георгию и об удовлетворении за обиду, причиненную ему, Кирианопулу, патриаршими монахами, когда он схватил на улице Ставри и хотел передать его отцу.

Июнь 14, Вторник. Сегодня открыто духовное училище в монастыре Св. Гроба для греческого юношества в присутствии всего здешнего духовенства и патриарха. Всех учеников (между ними и диаконы) двадцать шесть. Нас не пригласили. О мне известно, что я болен. Но почему бы не позвать о. Феофана и студентов моих? Наш вице-консул также не был. Осторожны греки! Впрочем, похвальна осторожность их под игом турок, опасаящихся влияния России на дела Восточной церкви.

С американским посланником приезжал сюда араб из Бейрута, сын Абдаллы Нофеля, протестант, и привез печатную арабскую книжицу свою, в которой обличает Иерусалимского патриарха и подчиненных ему архиереев в невежестве, гордости, роскоши, женолюбии и проч.

Июнь 19, Воскресенье. Был у патриарха Кирилла и слышал новости. В Валахии избран на государство брат прежнего воеводы Бибеско, а в Молдавии Гика. Петроаравийский митрополит Мелетий на днях едет в Карак для освящения тамошней церкви. Из Бейрута завтра приедет в Яффу еллинский генеральный консул хаджи Стефани по делу о сыне нашего повара.

Вечером приходил ко мне святогробский монах Прокопий, живущий у петроаравийского митрополита, и говорил, что на днях пришло разрешение Порты патриарху Кириллу ехать в Константинополь, и что оно стоило ему 300 000 пиастров, да на путешествие надо издержать 500 000 пиастров. Этому патриарху хочется съездить в Молдавию и Валахию. (Но не бывать ему там!).

Июнь 23, Четверток. Утром я ходил к его блаженству и простился с ним. Он говорил мне вот что: а. Оттоманская Porta опять дала повеление, чтобы духовные эфнахи не притесняли тех христиан, которые добровольно хотят принять веру протестантов; б. вчера униатский патриарх Максим уехал отсюда в Яффу и намерен отплыть в Александрию; с. он соборовал здесь с девятью епископами своими. Три из них соглашались с ними поминать папу в молитвах, служить на опресноках и сблизиться с римско-католиками, а прочие воспротивились. Посему в соборе решено: 1. признавать папу покровителем униатов, но не более; 2. служить литургию на квасном хлебе и причащаться под двумя видами по-прежнему; 3. терпеть женатых священников; 4. расходы, употребленные на постройку дома с церковью для Иерусалимских униатов, разложить на униатских епископов, из которых александрийский на время остался в Иерусалиме; d. носится слух, что в Алеппо один богатый купец с 30 родственными семействами презрел унию и принял православие; е. сегодня перед полуднем приехал сюда хаджи Стефани по делу о сыне нашего повара.

Приняв благословение патриарха, я зашел к г. Марабути и слышал от него вот что. Хаджи Стефани передал патриарху Кириллу слова Кирианопула: Архимандрит Порфирий не оставит дела о сыне повара своего и будет продолжать оное, где следует. На это патриарх отвечал господину Стефани: Не верьте Кирианопулу. Мы знаем отца Порфирия. Он не мешается в чужие дела. Весь Иерусалим это знает.

Quid putem? Quid faciam? Sermo Dei voluntas est. Voluntas Dei natura est. Oportet, ut perfectiones Dei imitemur⁴⁴⁵.

Июнь 24, Пятница. Решено. Еду в Константинополь. Там есть искусные врачи. Там надобно переговорить с посланником о вверенной мне миссии.

Господи, благослови путь мой!

VIII. Плавание от Яффы до Константинополя.

Июнь 25, Суббота. Когда верный домочадец мой Иван сказал мне: все готово к отъезду, я возрадовался велию радостью, надеясь получить облегчение недугов от движения в пути и от вдыхания чистого воздуха на суше и море.

Со мной поехали два поклонника, два казака, оренбургский Петр и донской Феодор; первый православный и весьма набожный, второй раскольник. Во время пути захотелось мне поговорить с [казакон] Феодором по любопытству. Начались мои расспросы и его ответы.

Я. – Женат ли ты Феодор?

Он. – Женат и детей имею, но не люблю своей бабы. Когда она была девка, ум клонил меня к ней, но нутром-то я ошибся. Тогда она нравилась мне, но счастье с нею не угадано.

Я. – Чем же ты несчастлив?

Он. – Я исповедался бы тебе, как бы ты был поп нашего толка, но от тебя пахнет антихристом. Не погневайся, никонианец.

Я замолчал; но спустя несколько минут опять заговорил с ним и спросил его: хорошо ли вам живется у тихого Дона?

Он. – Хорошо, да не оченно.

Я. – А что ж там не люблю?

Он. – Как что? Новая форма казацкой одежды, новые обучения казаков. Лучше не родиться на белый свет, нежели быть [ныне] казаком. Нынче начальство не позволяет нам грабить ни чужих, ни своих. А казак без грабительства жить не может.

Я. – Что значит слово казак?

Он, подумав немного, ответил: «взятый из бездны и *показанный* на свет Божий».

Итак, явно было, что он производил это слово от глагола *казать*, *показывать*.

Когда мы начали выезжать из долины на ровное поле, я указал Феодору последний холм, называемый Латрун, и молвил ему: там родился разбойник. Услышав это, мой собеседник снял с себя шапку и перекрестился. – Почему ты крестишься, не зная кто этот разбойник? – спросил я его. – Как же не перекреститься, – отвечал он, – ведь, он был разбойник. – Знай же, – продолжал я, – это был разбойник *благоразумный*, – тот самый, который распят был подле Христа и говорил ему: *помяни мя, Господи, во царствии Своем*, а Христос сказал ему: *днесь со мною будешь в раи*. Узнавши это, Феодор еще раз снял свою шапку и еще раз истовне перекрестился.

Дальнейший путь по равнине мы продолжали молча и перед закатом солнца приехали в Яффу. Я весьма утомился от семидесятиверстного переезда.

Июнь 26, Воскресенье. Утро тихо. Морской воздух укрепляет меня. Покойно мне в доме нашего вице-консула Марабути.

В Яффе проживают патриархи Иерусалимо-армянский и Сириано-униатский Максим, который, по заверению Агапия, игумена здешнего Греческого монастыря, издержал 3 500 000 пиастров во дни своего патриаршества.

Июнь 27, Понедельник. В пять часов пополудни английский пароход, принадлежащий какой-то частной компании, отправился в Бейрут. На нем едут реченный патриарх Максим, подчиненные ему епископы дамаский, захлейский, хауранский, алеппский и хомский, инспектор турецкого карантина, учтивый поляк Жаба, еллинский генеральный консул Стефани и мое грешное Я.

Июнь 28, Вторник. В восемь часов пополуночи пароход бросил свой якорь в пристани Бейрута. Я переместился в этот город и остановился в гостинице *Батисты*.

Июль 1, Пятница. Около полудня довелось мне побывать у нашего генерального консула г. Базили. Он читал мне свое отношение к эмиру друзов Эммину о невмешательстве бейрутского паши в церковные дела на Ливане. «Когда марониты избирали себе патриарха и епископа в Бейрут, тогда паша не вмешивался в это дело. Зачем турки домогаются новых прав на Ливане? Я исповедую православную веру, как исповедает ее и государь мой, и потому заступаюсь за обитающих здесь христиан православных. Их 6 000 семейств (30 000 душ). Такое большинство не может быть попираемо. Я не позволю этого». Так писал Базили Эммину по-французски. Он же передал мне следующие вести.

Нелюбимый бейрутцами архиепископ Иерофей, грек, просит у патриарха Мефодия отступных 250 000 пиастров, а этот дает ему только 12 000, лишь бы он уехал навсегда в Константинополь.

Булос Трад, заседающий в совете бейрутского паши, имеет своих сторонников и вместе с ними не принимает и Иерофея.

Патриарх Мефодий в отчаянии от сего архиерея. Базили советовал ему созвать собор в Дамаске и соборно устранить незваного, непрошенного Иерофея; но собор этот едва ли состоится.

В семь часов пополудни пароход снялся с якоря. Море спокойно. Ночь тиха. Звезды сияют на небе, звезды сидят и на поднебесных высотах Ливана.

Июль. 2, Суббота. В 8 часов пополуночи пароход остановился в виду города Лаодикии (ныне Латтакиэ). Я съехал на берег и отправился в дом преосвященного Артемия для собрания

сведений о епархии его и наипаче для рассмотрения рукописного Евангелия, принадлежавшего будто бы Феодосию Киновиарху. Этот архиепископ был нездоров, но принял меня ласково и сообщил мне сведения, какие только припомнил.

В Лаодикии существует пять церквей: 1. кафедральная во имя Св. Николая Чудотворца с приделом Моисея Мурина, 2. Св. Андрея Первозванного, 3. Св. Георгия великомученика, в которой хранится вышеупомянутое Евангелие будто бы Киновиарха, 4. Успения Пресвятой Богородицы и 5. Св. Саввы, а православных семейств 250, священников 5; во всей же епархии считается около 1000 семей.

NB. Кстати, помещаю здесь сведение о Лаодикийской епархии, заимствованное из присланного мне Антиохийским патриархом Мефодием списка православных церквей, монастырей и семей в Сирии.

В округе Суведиэ.

В трех селах две церкви Богородицы и Св. Феклы, священников 3, семей 260. Была и третья церковь, но разрушена землетрясением, а развалинами её завладели магометане.

В *Суриэ* церковь Св. Георгия, священник один, семей 40.

В *Знэйде* церковь Св. Иоанна Предтечи, иерей один, семей 40.

В *Джиср Пегур* церковь разрушена землетрясением, иерей один, семей 25.

В округе Мάρкаб.

В пяти селах пять церквей без украшений, иереев 4, семейств 250.

В *Кунсупе* два села с двумя неукрашенными церквями, два священника, семейств 80.

В других деревнях православные живут вместе с магометанами. Их считается 30 семейств.

Итак, в Лаодикийской епархии церквей 17, семей 975, душ 4875.

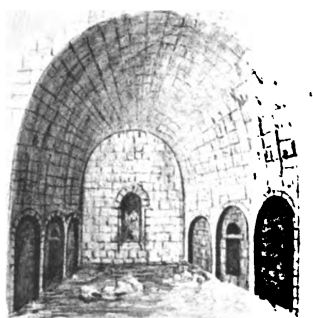
Преосвященный Артемий святительствует в Лаодикии с 1834 года. В этом году ансарии (сирийское племя), восставшие против египетского паши Ибрагима, и солдаты сего паши ограбили его дочиста и похитили у него 62 000 пиастров. Но паша этот возвратил ему только 1500 пиастров, тогда как некоему русскому иеромонаху Гавриилу, в то же время ограбленному, возвратил 72 000 пиастров, по настоянию нашего генерального консула в Египте.

Близ Лаодикии англичане построили фабрику для выделки шелка и для этой работы нанимали православных женщин и девиц. Но Артемий отклонил этих тружениц и теперь на фабрике работают одни мужчины православные. Англичане по этому случаю затеяли тяжбу с ним; пока еще не кончена.

Лаодикия зависит от паши бейрутского. Из морской пристани сего города вывозятся курительный табак, пшеница, ячмень и сусамово масло. Наш генеральный консул Сирии имеет там своего агента, некоего Илиаса, араба зажиточного.

Архиепископ Артемий был так внимателен ко мне, что, благословив меня, тотчас потребовал из Георгиевской церкви словущее Евангелие Киновиарха. Когда принесли к нам эту рукопись, я не теряя ни минуты, занялся рассмотрением её.

Она написана на пергамене in 4° majori [в четвертую долю], в два столбца, в каждом столбце 27 строк. К нему присоединен современный месяцеслов с евангельскими чтениями в большие праздники. А на этих чтениях, над строками, между ними и под ними, начертаны красные знаки для чтения евангелий нараспев. Вот эти знаки:

и проч. А вот одна из заглавных букв и почерк рукописи.

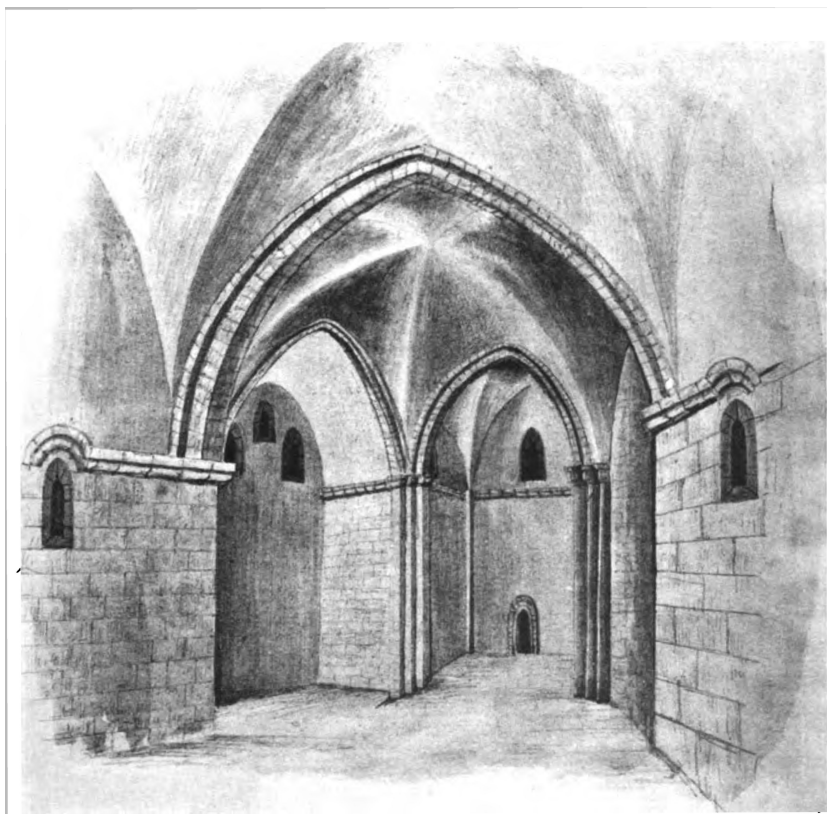

Рис. 33. Снимки с рукописи Евангелия.

В начале её начертана монограмма, которая читается так: ΘΑΡΥ τοῦ κοινοβίου, т. е. Фара Киновиарха. Так как близ Лаодикии существовал Георгиевский монастырь, прозываемый Фара, от которого остались развалины, едва видные, то сдается, что рассматриваемое Евангелие принадлежало отцу Фаре Киновиарху, или основателю, или возобновителю сего общежительного

монастыря [после погрома арабо-магометанского], и что именем его называлась эта обитель. Но от кого же и когда появилось местное предание о написании одного Евангелия Феодосием Киновиархом, который подвизался в Палестине во второй половине пятого века христианского? Виновником этой неправды был Лаодикийский священник (хури) Моисей. Он в 1727 году, во дни своего митрополита Никифора, переплел Евангелие, о котором идет речь, и, ошибочно прочитав тут, вместо Фару, Феодосиу ту Киновиарху, сделал надпись по-гречески: ἀπὸ Χ. 472, ἱερὸν εὐαγγέλιον ἐγράφη ὑπὸ Θεοδοσίου τοῦ κοινοβιάρχου, т. е. в 472 году от Христа сие священное Евангелие написано Феодосием Киновиархом, и присовокупил, что оно находилось в монастыре Фару, чествуемом во имя Св. Георгия. Итак, вот от кого и вот когда произошла ошибка. Обличив ее, утверждаю, что словущее Лаодикийское Евангелие написано гораздо позже пятого века, точнее сказать, в *десятом* столетии. Это несомненно доказывает и почерк его, и присоединенный к нему месяцеслов, который написан одной и той же рукой. В нем, во второй день месяца Июня, показан архиепископ константинопольский Св. Никифор. А жил он в начале IX века (813 г.). Ergo?.. Следовательно, месяцеслов этот и Евангелие написаны позже сего века.

Преосвященный Артемий говорил мне, что англичане давали большие деньги за эту рукопись. Но она не была отдана им ни за какие тысячи.

Очень рад я был, что мне удалось побывать в сирской Лаодикии, а вот и судьба сего исторического города и список святителей его.

Он, по заверению Страбона⁴⁴⁶, построен был Селевком Никатором, царствовавшим в сирской Антиохии с 312 года по 281 до Р. Х., и назван именем матери его Лаодикии, а построен в одно время с Антиохией, Селевкией и Апамией, кои вместе с ним назывались сестрами по причине единокровия. Лаодикия кроме красивых зданий имела хорошую пристань морскую и плодородный околоток. Из нее доставлялось в Александрию виноградное вино в большом количестве. Виноградники покрывали соседнюю гору от подошвы до верха её. Лаодикия много пострадала, когда укрылся там Доловёллас, осажденный Кассием, защищавшийся до смерти своей и вместе с собой сгубивший многие части сего города.

Юлий Цезарь (50-45 г. до Р. Х.) не забыл Лаодикии, – дал ей свободу и свое имя, так что она называлась и Юлией. Император Септимий Север (193-198 г. по Р. Х.) предоставил сему городу права италийские, отнявши у Антиохии все преимущества, когда эта столица Сирии приняла сторону Нигра Песценния, а лаодикийцы вооружились против сего мятежника и за то, по желанию Севера, назывались септимийцами (Septimios dici voluit). В шестом веке царь Иустиниан I (526-565 гг.), по заверению летописца Малалы⁴⁴⁷, отделил от округа Антиохии Лаодикийю, Гавалу, Палт и другие города и образовал из них новый округ (под названием) Феодориадский, так названный по имени супруги его Феодоры. В седьмом веке всей Сирией овладели арабы-магометане. С той поры судьба Лаодикии, как города, неизвестна мне. Зато больше сведений я имею о епископах, святительствовавших там с первого века нашей [христианской] эры.

Свет Христов весьма рано озарил Лаодикийю. В этом городе первый епископ был *Лукий*, родственник и современник Св. апостола Павла⁴⁴⁸. Деяния его неизвестны.

В третьем веке, когда было страшное гонение Декия на христиан (250 г.), в Лаодикии святительствовал *Фелимидрис* и пережил это гонение⁴⁴⁹.

Преемником его был *Илиодор*, а за ним *Сократ*⁴⁵⁰.

После Сократа Лаодикийской епархией управлял уроженец города Александрии *Евсевий*. Повод же к переселению его сюда подало ему дело с Павлом, епископом самосатским (еретиком). Когда ради сего Павла он в сане диакона прибыл в Сирию, тогда тамошние любители Божественного Писания ему, как некоему возлюбленному сокровищу благочестия, не позволили возвратиться домой и поставили своим епископом⁴⁵¹.

Преемником Евсевия был *Анатолий*. Добрый, как говорят, наследовал доброму. Родом он был также александриец и по своей учености, греческому образованию, равно как и по философии, занимал первое место между наиболее известными лицами. Так как он и в арифметике, и в географии, и в астрономии, и в диалектике, и в физике, и в искусстве риторском достиг самой высокой степени, то жители Александрии просили его, говорят, основать в их городе школу Аристотелевых последователей. Пересказывают множество и других подвигов по случаю осады Пирухиума (предместья Александрии), когда он от всех удостоен был председательства в правительственном сословии. Для примера упоминается одно. У осажденных, говорят, не стало хлеба, так что голод сделался для них несноснее внешних врагов. Находившийся в то время между ними упомянутый муж распорядился так: одна сторона города

тогда была в союзе с римским войском, следовательно, оставалась свободной от осады. С неосажденными находился Евсевий, ибо это случилось прежде переселения его в Сирию, снискавший себе великую славу и громкое имя даже у самого римского военачальника. Анатолий извещает (Евсевия) посланием о погибающих от голода по причине осады. Евсевий, узнавши об этом, просит у военачальника величайшей себе милости, чтобы дана была пощада тем, которые добровольно перейдут от неприятеля и, получив его согласие, доводит сие до сведения Анатолия. Узнав об обещании военачальника, Анатолий тотчас созывает александрийский совет и прежде всего, требует, чтобы все подали римлянам руку дружбы; но видя, что александрийцы за такое предложение досаждают на него, говорит: надеюсь, что вы, по крайней мере, не будете противоречить, если я посоветую вам дать позволение лишним и для нас совершенно бесполезным старухам, детям и старикам выйти за городские ворота и отправиться куда хотят. К чему нам понапрасну держать при себе этих чуть-чуть уже неумерших людей? К чему нам изнурять голодом увечных и потерявших тело? Надобно кормить одних мужей и юношей и потребную меру хлеба выдавать способным к охранению города. Такими речами убедив совет, он первый встал и подал свое мнение: всех людей обоего пола, неспособных к войне выпустить из города, дабы, оставаясь и бесполезно живя в нем, они не лишились всякой надежды на спасение и не погибли бы от голода. Как скоро с этим согласились и прочие в совете, Анатолий спас едва не всех осажденных. Он позаботился, чтобы из города бежали сперва принадлежащие церкви, а потом и другие лица всякого возраста и не только те, которых касалось мнение (совета), но благодаря его попечению, под их видом в женской одежде и ночью вышло из городских ворот и отправилось к римскому войску множество и других. Там все они, изнеможенные от продолжительной осады, приняты были Евсевием, как отцом и врачом и подкреплены его попечением. Таких-то двух пастырей преемственно один после другого сподобилась иметь церковь Лаодикийская, когда они, по изволению Божию, после вышесказанной войны перешли туда из Александрии. Что же касается до сочинений, то Анатолий писал их немного. Впрочем, до нас дошло столько, что по ним (мы) можем судить об учености и многосторонних сведениях его. В числе их особенно высказываются его мысли о Пасхе. Из них полезно привести на память следующие.

Из Анатолиевых правил о Пасхе.

Итак, в первом году новолуние первого месяца, служащее началом всего 19-тилетнего периода будет, по египетскому счету, в 26-й день фанемофа, по македонским месяцесловам в 22-й дистра, а по выражению римлян в 11-й день перед апрельскими календами (т. е. 22 Марта). Между тем находят, что в 26-й день помянутого фанемофа солнце не только вступает в первое созвездие (круга), но совершает в нем уже четвертый день. Это созвездие обыкновенно называют первым из 12-ти, равноденственным началом месяцев, главой круга и исходной точкой планет, предшествующее же ему – последним месяцем, 12-м созвездием, последней 12-й долей, концом планетного периода. Посему те, которые относят к нему первый месяц и в нем 14-й день принимают за день Пасхи, по нашему мнению, немало ошибаются. Это – не наша мысль; она еще известна была до Христа древним иудеям и строго соблюдалась ими. А узнать это можно из слов Филона, Иосифа, Музея и не от них только, но и от мужей еще древнейших, от обоих Агатовулов, по прозванию *учителей*, от славного Аристовула, бывшего в числе тех *семидесяти*, которые перевели Священные и Божественные Писания евреев для Птолемея и Филадельфа и отца его, и посвятившего тем же царям переведенные книги закона Моисеева. Решая вопросы, относящиеся к книге Исход, они говорят, что жертву Пасхи все должны совершать после весеннего равноденствия, в середине первого месяца, а это приходится тогда, когда солнце протекает первую часть солнечного круга или, как некоторые из них называют, зодиака. Аристовул присовокупляет еще, что в праздник Пасхи не солнце только необходимо должно протекать через знак равноденствия, но и луна, потому что равноденственных знаков два: весенний и осенний, и они друг к другу противоположны. Следовательно, если днем пасхальной жертвы будет 14-й день месяца, по вечеру, то луна станет в положении, прямо противоположном солнцу, как это можно видеть при полнолунии, и солнце войдет в знак весеннего, а луна по необходимости в знак осеннего равноденствия. Знаю я весьма много и иных положений, из которых одни только правдоподобны, а другие основаны на самых строгих доказательствах; знаю, как они старались представить, что праздник Пасхи и опресноков надлежит совершать вообще после равноденствия, но отказываюсь это множество доводов сообщить тем, для которых снято покрывало с Моисеева закона и которые с непокрытым лицом всегда, как в

зеркале, созерцают Христа, Его учение и страдания. А что первый месяц бывает у евреев около равноденствия, на это есть подтвердительное учение и в книге Еноха.

Тот же Анатолий оставил нам *основания арифметики* в целых десяти книгах и разные доказательства своей ревности и многоопытности в занятии Божественными предметами. Первый, рукоположивший его во епископа, был епископ Кесарии Палестинской Феотекн, который думал при смерти назначить его преемником себе в собственной епархии; поэтому недолго оба они вместе управляли одной и той же церковью. Но быв приглашен на антиохийский собор против Павла (Самосатского) и приехав в город Лаодикию, Анатолий был задержан тамошними братьями, ибо Евсевий тогда уже почил⁴⁵².

Когда же и он преставился, то в оной епархии последним перед гонением епископом был *Стефан*. Своими философскими познаниями и разнообразным греческим образованием, Стефан внушил многим великое уважение к себе, но не в такой степени расположен был к Божественной вере. Последовавшее затем и продолжавшееся время гонения показало в нем более лицемера, человека боязливового и слабого, нежели истинного философа. Впрочем, от сего дела церкви еще не расстроились; их немедленно поддержал указанный всеобщим Спасителем Богом епископ тамошней епархии *Феодот*, – муж самыми делами оправдавший и славное имя свое и епископство. По искуству врачевания телесного он занимал первое место, а во врачевании души, в человеколюбии и искренности, сострадании и попечении о тех, которые требовали его помощи⁴⁵³, (не имел между людьми себе равного; много занимался он и предметами Божественными).

⁴⁵⁴*Игнатий* скончался 5 Января 7221 (1713) года. Так гласит арабская надпись у Годы. царских дверей в приделе кафедр(ального) собора, посвященном памяти Св. 1713. Моисея Мурина.

1727. *Никифор* митрополит. При нем в 1727 году хури Моисей переплел пергаменное Евангелие, приписываемое Феодосию Киновиарху, как это приписано тут же.

1767. *Филимон* умер 5 Июля 1767 года. Так гласит араб(ская) надпись в том же приделе⁴⁵⁵.

1799. *Иоаким* рукоположен был в Лаодикию 17 Сентября 1799 года. Так записано в упомянутом пергаменном Евангелии.

*Игнатий Никифор Сильвестр Иоанникий*⁴⁵⁶ *Гавриил*

по
словам
Артемия.

Артемий с 1834 года архиепископ. Я видел его в Лаодикии 2 Июля 1849 года. Он-то и наименовал мне предместников своих от Гавриила до Игнатия в восход(ящей) линии.

Народонаселение в Сирии⁴⁵⁷.

В *Триполи* 13 000 мусульман; 4 500 православных; 500 маронитов.

В *округе Данние*: мусульман 4 000; маронитов 2 000; православных 1 500.

В *округе Аккар*: в кантоне Каита: мусульман 5 000; православных 4 500; маронитов 4 000; ансarieв 500; в кантоне Джуми: мусульман 7 000; православных 2 500; маронитов 3 000; ансarieв 1 000; в кантоне Даррейб: мусульман 4 000; маронитов 8 000; православных 2 000; ансarieв 1 000.

В *округе Сафитта*: мусульман 500; маронитов 2 000; православных 2 000; ансarieв 65 000.

В *округе Тортосском*: мусульман 2 000; маронитов 900; православных 400.

В *округе Кáра* живут одни мусульмане; их 8 000.

В *малом округе Кадмус*: языдов 7 000, мусульман 2 000.

В *малом округе Кýрра*: православных 1 200; мусульман 300.

Около Аданы туркоманов 14 племен – 13 550 палаток.

Около Тарса туркоманов 7 племен – 6 270 палаток.

А всех туркоманов, считая по 4 в палатке, 79 280.

В Арзеруме 40 000 В Токате 20 000

» Трапезунде 30 000 » Амазии 40 000

» Караисаре 20 000 » Джессире 10 000

» Диарбекире 90 000 » Буваде 4 000

» Моссуле 20 000 » Инартаде 4 000

» Дамасске 100 000 » Искелепе 12 000

» Алеппо	60 000	» Юсвате	8 000
» Тарсе	6 000	» Ангоре	50 000
» Адане	20 000	» Карамане	20 000
» Боре	10 000	» Мегехуре	15 000
» Нидже	9 000	» Сивасе	20 000
» Ерегги	10 000	» Сансуме	6 000
» Кони	20 000	» Синопе	10 000
» Кастамуни	35 000	» Смирне	170 000

Извлечение из Revue Contemporaine 1856. Т. 25.

31 Май: статья: Les finances et la propriété en Turquie par Eugène Poujad.

NB. D'après les traditions Libanaises, en l'an 260 de l'Egire les habitants du Liban commencerent à descendre dans la Beckaa (Целесирию), depuis longtemps occupée par les Bedouins⁴⁵⁸.

I. Возвращение в Иерусалим.

Январь 1, Воскресенье. Я плыву на пароходе по морю, а море переливается из одних глубин в другие. В душе мысли, в море волны, в мире события мнут. Нет покоя во вселенной: вся она во движении. Один Бог пребывает в вечном покое.

Еще новое лето дарует мне Вечный. Молюсь ему в первый день сего лета, как умею.

Сый! Благодарю Тя, яко из небытия в бытие привел мя еси.

Присноживый! Молю Тя, продли жизнь мою, дондеже преспею, яко плод благовонный.

Премудрый! Умудри мя, да познаю вся, елика суть истинна.

Преблагий! Соделай мя блага и исполни сердце мое любовью Твоею.

Пресвятой! Освяти мя и дух прав обнови во утробе моей.

Отче! Да будет воля Твоя надо мною.

Щедры! Ущедри мя всяким благословением Твоим.

Господи! Спаси люди Твоя и благослови достояние Твое.

Царю царей! Заступи и сохрани, его же оправдал еси царствовать над нами.

Судья земли! Водвори мир и правду в народах и постави им князи и старейшины мудры и блага и да не обладают ими всехитрецы буии и дивии.

Достопоклоняемый! Сотвори, да вси языцы имут едину чистую и правую веру и совершают разумное служение Тебе.

Вечный! Сподоби мя блаженной жизни будущего века. Аминь.

Январь 2, Понедельник. В Смирнской пристани стоят семь французских военных кораблей и три парохода, вооруженные пушками. Воля галлов направила было их против нас, но воля Божия женет их назад. Не пустил Бог, чтобы лилась кровь христианская за нечестивое царство Агарянское.

У меня болит левая нога. На самой пяте её образуется нарыв. Я хромаю.

Январь 3, Вторник. Мое хромо я плывет на пароходе к Родосу близ острова Сими. Утесист сей остров и мал [но знаменит. Здесь построена была первая великолепная школа церковной живописи в 377 году по Рождестве Христове, при царе Феодосии Великом]⁴⁶⁰. Здесь находится древнейший монастырь Св. Архангелов и в нем шесть диковинных гусей, которые, почуяв вдали плывущее к нему судно, начинают кричать. По их крику отшельники приготавливаются к встрече богомольцев. Когда же судно входит в пристань монастырскую, тогда эти гуси разделяются, надвое, плывут по обеим сторонам корабля по три в ряд и получают корм от набожных мореходцев. Говорят, что во всей обители бывает много чудес. Бочки с деревянным маслом, брошенные в море хозяевами судов, которые почему либо не могут заехать туда, сами доплывают до берега святого, где иноки забирают их, славя Бога и его архангелов. О гусях и чудесах поведал мне еллинский консул, едуший в Ларнаку, что на острове Кипре.

Январь 8, Воскресенье. Я отдыхаю в Бейруте, в доме нашего консула Базили. Вершины Ливана убелены; сады вокруг города зелены, а сам он подобен ветхому рубищу с дырами и новыми заплатками. Много людей в нем! Но что мне до них? Пусть они под Богом ходят.

Январь 24, Вторник. Душа человеческая есть многоочитый соглядатай и вместе круглячек, составленный как бы из бесчисленного множества зеркальных стекол разной величины. В этих стеклах отражаются предметы, лица, речи, из коих одни скользят по ним и ускользают, а другие напечатлеваются на них и остаются навсегда или надолго, так что душа, когда хочет, видит их и на досуге пересматривает поодиночке, как инок на молитве перебирает четки. И в моей многозеркальной душе в прошедшие дни изобразилось много лиц и речей их. Соглядаяю их и перевожу на эту бумагу, но не все. Ибо не все достойно внимания.

В доме Базили в каждый вечер собирались гости. Что это за лица? Сам консул смугленький, худенький вдовец, с проседью, остроумен, образован, честолубив, раздражителен, нежен к своим детям и холоден ко всем прочим; говорит много, быстро, складно, умно, занимательно, — это пестренькая птичка с хохолком и с приятным голоском. Родная сестра его черна, мала, хила, вяла, век свой в девстве прожила. Лекарь Песталоцци походит на мешок, набитый врачебными знаниями, а молоденькая жена его, — француженка, миловидна до очарования. Белорозовое личико её с ямочками в кругленьких щечках есть воплощение идеи прекрасного. Когда она говорит, потупляет свои голубые глаза. Звуки из прелестного ротика её выходят одетые в

тончайшие ткани; я хочу сказать, что она пришепetyвает. Но так ли прекрасна душа её, как лицо? Не знаю. Лекарь Добровольский родился и остался поляком с приемами раба. Жена его – англичанка жеманная, принадлежит к числу увядающих пустоцветов. Молодой князь Петр Трубецкой, книгочий нашего посольства в Константинополе, туг на речь, но откровенен и основателен, впрочем, породы змеиной. Пожилой и холостой князь Александр Ливен, сын бывшего посла нашего в Лондоне, добродушен с немецким равнодушием, любит независимость и потому не служит, а шатается по белому свету. Оба князя едут со мной в Иерусалим. А оттуда приехал и встретился с нами у консула Андрей Муравьев. Это длинный оборотень, странствующий по миру, то в виде ученого муравья, то в образе православного попугая, то в зраке наказного досмотрщика.

Много рассказов занимательных и пустых, важных и смешных, много суждений основательных и поверхностных, много замечаний остроумных и едких слышалось из уст этих собеседников и напечатлелось в душе моей. Вчера после чая Муравьев проговорил нам все догматическое богословие вкратце, как будто хотел обратить нас в православие. Слово есть чудный дар Божий. Оно живописует, воспекает, считает, измеряет, построит все видимые и невидимые предметы, освещает, воспламеняет, потемняет, леденит, умащает, печалит, веселит, волнуется, расширяет, возвышает душу. Счастливы те люди, которые от Бога получили этот дар в избытке, и возгреваются его размышлением, чтением, наблюдением и обращением с подобными им существами умными и добродетельными. В обществе они суть тоже, что самосветящие солнца на небе. Около них вращаются все прочие планеты и спутники.

Жаль, что буква не так духовна, как слово. Она требует себе много места, и нужно несравненно более времени для того чтобы писать, нежели мыслить и говорить. А то изобразил бы все души речами их и совокупил бы в одну книгу все, что знают все люди. Но это невозможно. Не льются все лучи в одно место, не совокупаются все знания в одной душе. Нет живописных ликов всех людей, нет родословий всех семей, нет и сборника знаний всех людей. Знание в письменах плетется по частям, как многоконечное и бесконечное кружево. Пусть другие плетут концы свои, а я плету свои по рисункам, на днях изобразившимся в душе моей.

Многие царственные и княжеские жены были орудиями Провидения Божия к распространению веры христианской. Елена, супруга армянского царя Авгаря, своим иждивением питала христиан Иерусалимских во время голода, бывшего при кесаре Клавдии. Императрица Юлия Маммея покровительствовала Оригена и его огласительное училище в Александрии. Елена, мать равноапостольного Константина, приготовила торжество Евангелия во всей Римской империи. Клотильда склоняла Кловиса к вере Христа и ей он возражал: не доказано, что Христос твой из рода богов. Царицей Домбровкой началось крещение Богемии. Наша Русь имела свою Елену в Христолюбивой Ольге. В Китае Кандида, внука знатного мандарина Сиу и ученица иезуита Матфея Рикчи, обратила ко Христу супруга своего, построила тридцать церквей в родной области и перевела на китайский язык более 180 духовных творений. На Ливане последний правитель независимый, потерявший власть свою в 1840 году, эмир Башир из магометанского дома Шааб, обращен был в христианство супругой его. Любя эмира всем сердцем и опасаясь, как бы другие жены не похитили его дней, она сама приняла римско-католическую веру и своего мужа склонила к тому же. Бешир крестился со всем домом своим и был верным супругом благоразумной и набожной княгини. О ней поведал это нам консул Базили. Жаль, что он не знал её имени.

На вечеринках у него была речь о наших царях Павле и Александре.

Князь Трубецкой говорил, что в его семействе хранится переписка Павла с госпожой Нелидовой. Письма его обнаруживают сердце доброе. Он жаловался, что люди, окружавшие престол его, хитросплетениями и низостями своими делали его строгим, суровым, взыскательным. Нынешний государь, узнав об этой переписке, потребовал ее к себе и, прочитав, возвратил.

По словам посольского книгочия, император Павел намеревался учредить княжество Трубецкое, которое и теперь известно простому народу под именем Трубечины, но не успел сделать сего. Тут, кстати, сиятельный человек поведал нам, что в Трубечине поныне живут уединенно другие князья Трубецкие. Они ведут свой род в прямой линии от Рюрика и потому не хотят служить императору, происходящему из дома Романовых, и даже зазирают своих родных за то, что они находятся у него в службе. «Вот гордецы, – подумал я, – прозябают в глуши, питают и греют свою кровь варяжскую и воображают и чают, что когда-нибудь новый Гостомысл

придет к ним с поклоном и позовет их на царство. Ждите, ждите, соколы, и услаждайтесь своими норманскими мечтами. А Бог делает свое: вместо соколов посылает нам орлов».

Князь Ливен рассказывал, что отец его, бывший военным министром при Павле Петровиче, не знал ни о заговоре против сего государя, ни о злосчастной кончине его. Когда он в обычный час утренний явился во дворец с докладами императору, к нему вышел [из кабинета его] Александр и, сказав ему несколько слов о внезапной смерти отца своего, тотчас спросил: где находится полк, сосланный в Сибирь? – Он не отправлен туда, отвечал министр. Добродушный Александр успокоился.

К разным воспоминаниям о Павле Петровиче и я присовокупил одну, редко кому известную быль, которую мне поведал покойный о. Аникита, урожденный князь Шихматов-Ширинский. Когда Павел решился соединить в своей особе два достоинства, – царское и первосвященническое, – и уже приготовил себе саккос архиерейский, ему вздумалось поучиться священнослужению предварительно у себя в тереме, и он, расхаживая тут большим шагом, часто повторял возглас: *Яко Твое есть царство и сила и слава во веки веков*, но такой скороговоркой и с такими порывистыми ударениями и напорами, что самому ему не нравилось собственное его произношение, походившее более на командование перед полком, нежели на разглашение перед Богом, почему он неоднократно переменял тон и выговор, но, сколько ни старался подражать священникам, всегда сбивался на военный лад. Эту причуду сдыхали телохранители его.

О покойном императоре Александре князь Трубецкой отзывался в выражениях желчных. Он де был так любезен, что если хотел кого проглотить, то делал это улыбаясь и лаская свою жертву. В минуты гнева у него, обыкновенно, начинало краснеть чело, но и этот порыв души он умел скрыть ловко; тогда он вынимал белый платок и утирал им лицо, будто бы потное. Когда А. С. Шишков написал знаменитый манифест 1812 года, Александр, прочитав его, велел вычеркнуть похвалы русскому дворянству, сказав: «Я ничем не обязан ему». Шишков на этот раз удалился почтительно, но когда снова предложил государю тот же манифест для подписи и осмелился напомнить ему о заслугах дворянства в годину нашествия Наполеона, Александр, стоя у стола, начал переминать ногой, – это знак его гнева, – вынул белый платок и стал утирать им чело и потом премилостиво и прелюбезно сказал докладчику: подписываю, но в последний раз.

В домашней и непринужденной беседе речь подобится потоку, который чем далее стремится, тем более принимает в себя разных ручьев. Вот один приток моего слова к общим воспоминаниям о покойном Александре. В царствование его митрополитом петербургским был знаменитый Амвросий. Сему святителю вздумалось без всякого умысла переделать в саккос бархатную мантию, подбитую горностаями, которую императрица Екатерина II прислала в лавру на раку Св. Александра Невского. Саккос с горностаевой опушкой был приготовлен и митрополит отслужил в нем обедню в Троицын день, храмовый праздник лавры. После обедни все старцы и некоторые знаменитости столицы пришли в покои митрополичьи. Там, после обычного краткого молитвословия, протодиакон о. Виктор громким и густым басом начал торжественно возглашать полный титул митрополита, но вместо *многая лета*, затынул *вечная память*, без сознания, по сбивчивости, понятой в диаcone, привыкшем служить молебны и панихиды. Лаврские старцы начали моргать ему, а он свое орёт. Митрополит не велел мешать ему и, по окончании надгробного возгласа, сказал всем присутствующим: видно, мне недолго быть с вами; протодиакон заживо отпел меня. В самом деле, неумышленный возглас похоронный был пророчество; ибо вскоре после сего перетолковали императору переделку царственной мантии в саккос так, что Амвросий будто бы намерен восстановить в России патриаршество и потому де велел оторочить саккос горностаями. Самая тень патриаршества грозна и не любя нашим венценосцам, и потому митрополиту Амвросию через князя А. Н. Голицына приказано было проситься на покой в Великий Новгород. Неповинный святитель исполнил царственное веление: уехал в назначенное место и там скончался. А о. Виктор еще раз возгласил ему вечную память.

Утро в Бейруте. Английский пароход перед наступлением ночи увез меня и спутников-князей к берегу Яффы.

Январь 26, Четверток. Мы прибыли в Иерусалим благополучно. Присные мои обрадовались моему возвращению. Я дома. Аллилуйя! Слава Богу!

II. Пребывание в Св. Граде.

Февраль 1, Середа. Сион – мое второе отечество. Я люблю его крепко. Здесь Бог – отец мой; всемирные мудрецы – братья мои; науки – сестры мои; книги – друзья мои. Здесь мир мой

невозмущаем, свобода моя – совершенна; независимость моя – неприкосновенна. Здесь я питаюсь вдохновением, как крин росой; редко затмеваюсь подобно луне и чаще бываю светел, как Орион.

Февраль 2, Четверток. Сегодня я в мире душевном приношу жертву хваления на Голгофе.

Февраль 4, Суббота. Сион – мое второе отечество, и оно мило мне не менее первого, потому что здесь я тружусь в поте лица ради Бога и ближних моих и потому что здесь душа моя очарована непрестанными прибытками знания и великими надеждами, кои ведает Бог да я – чадо Его.

Февраль 5, Воскресенье. Перед полуднем посетил меня пребывающий в Иерусалиме сирианский митрополит Абденур (раб света) и просил меня и князя Трубецкого помочь его единоверцам возвратить церковь и недвижимые имения её в Дамаске, отнятые у них насильно их родичами униатами в 1833 году. Князь обещался ходатайствовать по сему делу в Константинополе. – Их⁴⁶¹ патриарх Иаков живет в Мардине. У него 20 епископов, из коих 2 в Индии, именно в Бомбее и других городах⁴⁶².

После вечерни я навестил ветхого денни Анфима, отставного книгочия Святогробского греческого монастыря. Когда после обычных приветствий и взаимных расспросов о здоровье я заговорил о патриархе Кирилле и изъявил свое сожаление о произвольном его удалении отсюда в Константинополь, маститый старец вспыхнул и сказал мне: Кто виноват? Ваш консул Базили присоветовал ему ехать туда и за то утолен деньгами доволен. "Εφαγε υρόσια πολλά, πολλά!"⁴⁶³ Эти слова не раз повторил старый книгочий, сгустив пять пальцев правой руки своей в пирамидальную кучку и часто помахивая ими в дугообразном направлении к устам своим. Такие помахивания были столь выразительны, что я воображал в чреве нашего консула множество червонцев. Анфим продолжал: Патриарх наполнил двадцать три сундука дорогими вещами, кои пожертвованы Св. Гробу, и увез их с собой, не оставив нам никакой записи их. Дорогие сосуды наши посланы им на родину его в остров Самос. К нему отправилась отсюда герондиса его Евфимия и живет при нем к общему соблазну в Константинополе. Вот какого архипастыря дал нам Бог в великом гневе Своем на нас грешных! Увы, увy, мы сделали позорищем и посмеянием всех людей. Между нами водворилось разделение. Те, которые окружают патриарха, с гордостью говорят нам: мы патриаршие, а вы монастырники! Я слушал старца с участием, поверил ему в половину, зная его нерасположенность к патриарху, избранному против чаяния его вместо ученика его, архиепископа Фаворского Иерофея. Когда дошла речь о ветшающем куполе над Гробом Господним, Анфим спросил меня: как вы думаете? Турки дадут нам позволение починить его?

– Думаю, что сам султан делает это на свой счет, – ответил я.

– Почему же он, а не мы?

– Потому что Святогробский храм есть здание не частное, а общественное, и как дороги, мосты, водопроводы, пристани, мечети, словом все государственные строения поддерживаются правительством, а не частными людьми, так и здешний храм, в который приходят молиться все подданные султана: греки, католики, армяне, копты, сириане по всей справедливости должен быть поправлен или возобновлен им самим.

– Но он не христианин?

– Однако ему Бог поручил христианские святыни для хранения!

– Прежние султаны предоставляли нам право хозяйствовать на Св. местах!

– Но это была их милость. Не правда ли?

– Правда!

– А где царская милость, там нет ничьих прав.

– Но почему же бы мы теперь не могли сподобиться прежней милости?

– Есть препятствия к тому, как вы знаете, со стороны католиков. Они не менее вас охотятся починить ветхий купол. Дозволить им эту починку, значило бы обидеть вас и нас, дозволить ее вам, значило бы раздражить их. Итак, не лучше ли, не благоразумнее ли и не надежнее ли, чтобы сама Порта произвела эту починку во избежание всяких споров и неудовольствий разных вероисповеданий?

– А как об этом думает российское посольство?

– Полагать надобно, что оно кладет на весы свои все обстоятельства: благоразумие, справедливость, веротерпимость, общее и ваше спокойствие и свое собственное желание, чтобы в казне Святого Гроба было побольше денег на всякий случай.

Совопросник потупил глаза и замолчал. Я, не желая тревожить его неприятной думой о будущем, заговорил о Назарете и просил его сделать справку, нет ли в здешнем древнехранилище подлинной грамоты государя Алексия Михайловича, пожалованной Назаретскому митрополиту Гавриилу в 1651 году, которой дозволен был ему свободный въезд в Московию за сбором милостыни. Понятливый старец сказал мне, что он и не видел ее и не слышал о ней и для большего удостоверения меня велел архимандриту Никифору подать кодекс того времени. Эта деловая книга была принесена немедленно. Отыскивали в ней помянутого митрополита, но царской грамоты, ни подобна (копии) её не нашли. Тогда я поведал, что видел и читал ее в греческом переводе в кодексе, который бережется в книгохранилище Святогробского подворья в Константинополе. Этим кончилась беседа наша.

Февраль 7, Вторник. Сегодня вздумалось мне посетить соседей, – францискан Св. земли. Знакомство с ними, учтивость и любопытство направили стопы мои в их обитель. Достопочтенный настоятель оной, о. Бернардино, принял меня ласково в Гостиной комнате, украшенной ликами царей католических. Зная молчаливость его, я начал разговор.

– Ровно шесть месяцев я провел в Константинополе, леча глаза свои. Как только стало укрепляться зрение мое, мне сильно захотелось возвратиться в Иерусалим. Душа моя любит Св. Град более, нежели сколько вообразить вы можете. Здесь бываешь как-то ближе к Богу. Здесь Евангелие понятнее, а все Священное Писание яснее. Здешние горы – моя наилучшая утеха.

– А здешние люди? Каковы они вам кажутся? – спросил о. Бернардино.

– Люблю их со всеми недостатками их, но признаюсь, желал бы видеть поболее миролюбия между ними здесь, где совершено примирение их с Богом, – отвечал я.

Последователь Св. Франциска покачал головой, вздохнул и молвил: жизнь наша здесь походит на море. После вожденной тишины вдруг забушует ветер и начнется волнение. Смотришь на свой корабль: нечаянный порыв неразумной силы отламывает от него какой-нибудь кусок.

– Вы намекаете на похищение звезды в Вифлееме? Не так ли? – спросил я.

– Кто читает в глубине души и понимает скорбь её, тот и сочувствует с ней, – сказал он.

– Наши обвиняют в этом похищении вас самих.

– Звезда была наша. А своего никто не ворует. Не мы ли сорвали и свинцовые листы с купола над Гробом Святым?

– Греческие отцы говорят, что вредные испарения Мертвого моря повредили эту крышу.

О. Бернардино улыбнулся и возразил: Почему же от этих испарений не облезла свинцовая крыша мечети Омаровой?

– Потому что на суннитов нет здесь шиитов, – отвечал я, усмехаясь.

Шутка моя полюбилась одному французскому путешественнику, который почтительно слушал разговор наш. Он придвинулся к нам ближе и, смотря на меня ни дико, ни ласково, начал мне высказывать все права римско-католической церкви на обладание святынями Иерусалимскими и заключил свою речь жалобами на неприязнь здешнего греческого духовенства.

Я выслушал его с холодным участием и в свою очередь дал ему отповедь.

– Государь мой! Триста лет слишком продолжается здесь прение о Святых местах и ему никогда не будет конца, если ваши и наши будут идти своими прежними путями, с запасом исторических воспоминаний, судебных доказательств, папских булл, султанских фирманов и с разным изуверством и остервенением друг против друга. По моему мнению, или чей-либо меч должен рассечь этот Гордиев узел, или пусть развяжет его та высшая власть, которой одной поручило Провидение Св. места для хранения. Вы догадываетесь какую я власть разумею. Изберем сообща хозяином сих мест турецкого султана; скажем ему единодушно, что христианские святыни равно драгоценны всем вероисповеданиям, какие признаны в его владениях, и что грек, армянин, сирианин, несторианец, копт и абиссинец имеет также право молиться у Яслей и Гроба Иисуса, на Голгофе и Елеоне и у Гроба Богоматери, какое присвоит себе римско-католик, упросим его хранить и обновлять вверенные ему Провидением святыни Иерусалимские, но обновлять сообразно с зодчеством христианским и в прежнем виде; тогда все споры, тяжбы, неприязни перестанут и здесь водворится спокойствие неба.

Эта отповедь моя произвела сильное впечатление в собеседниках. Они задумались. Полагаю, что неожиданность и смелость её поразила их. Не желая останавливать течение их сокровенных мыслей, я обратился к сидевшему подле меня капуцину из Праги и заговорил с ним

по-немецки о Вене и Дунае. Недолго продолжался разговор наш. Я встал, раскланялся со всеми и был таков.

⁴⁶⁴**Март 14.** Был у Анфима и говорил, чтобы Фаворский приехал сюда жить. Бросил я искру.

Март 17. Все прошедшие дни не потеряны были мною напрасно. Я провел их в добросовестном исполнении обязанностей моих и в ученых трудах. Тогда же созрела во мне мысль посетить монастыри Св. Антония Великого и Павла Фивейского – эти колыбели монашества, и через Синай и Идумею возвратиться на Сион⁴⁶⁵.

Март 20. Христианка из Ливисии, что в двух днях пути от Каstellлорица, носила на рубахе *вуклы* точь-в-точь по книге Мелетия. По её словам, симитянки и поныне носят сии вуклы, но гораздо более величиной (Яффа).

Примечания

- ¹ - Из рукописной книги или № 2. Ред.
- ² - Из рукописной книжки или 1i. Ред.
- ³ - Из рукописной книги или № 2. Ред.
- ⁴ - проп. и молился: Господи помилуй христолюбивое воинство благочестивейшего Царя Русского.
- ⁵ - проп. не знаю почему.
- ⁶ - Они не расположены были говорить.
- ⁷ - И вовлечь в общее движение Церкви.
- ⁸ - проп. гражданскую и земскую.
- ⁹ - Затаилась.
- ¹⁰ - проп. Но что требуется для подобного открытия? Путешествие и долгое пребывание во всех таборах.
- ¹¹ - проп. Козн называл это повеление гонением.
- ¹² - проп. Турки смотрели на него с изумлением.
- ¹³ - проп. и все люди и все, что живет и умирает.
- ¹⁴ - проп. разумному.
- ¹⁵ - проп. направленных к мудрым и благим целям.
- ¹⁶ - проп. Господи, благослови.
- ¹⁷ - [Даков, Готфов, Болгар и Руссов].
- ¹⁸ - проп. подобных.
- ¹⁹ - проп. [Кюстендильского митрополита].
- ²⁰ - Сигърси.
- ²¹ - проп. и при каком князе.
- ²² - Жалок епископ, который не ведает истории своей церкви и своего отечества, и он недостойно носит образ Архиеерея Великого И. Христа, Который явил ведение духа церкви патриархальной, подзаконной и подпророческой.
- ²³ - схватываемыми.
- ²⁴ - проп. На Афоне во время всеобщих бдений читаются краткие поучения и жития святых, но старцы или выходят или засыпают при чтениях и пономарь будит их, поднося им под нос свечу.
- ²⁵ - к воротам.
- ²⁶ - пешие.
- ²⁷ - Бесарбовского. Ред.
- ²⁸ - полосами и иконами.
- ²⁹ - проп. Бог создал мир прекрасный и великолепный и сотворенные по Его образу и подобию люди должны подражать Богу в зодчестве, сколько могут.
- ³⁰ - проп. [титularный].
- ³¹ - Стратоникийский. Ред.
- ³² - Читай: Валя.
- ³³ - проп. вероятно.
- ³⁴ - проп. Справедливо царь Алексей Комнин говорил об Афонских монахах, что, если не урежут им носы, то они никогда не сделаются добрыми подданными и покорными властям.
- ³⁵ - Сигърси.
- ³⁶ - проп. [Он уже одет. Парная карета его стояла перед крыльцом].
- ³⁷ - приятные нам.
- ³⁸ - проп. [И на князе вашем].
- ³⁹ - пожалел своих слов.

⁴⁰ - проп. Воробьи – не соловьи, а дудки – не флейты; визжание для князя валахского не то, что мелодия и гармония для Царя Русского.

⁴¹ - проп. хиротонисующего.

⁴² - проп. в некоторых внешностях.

⁴³ - Соприкосновение России с католическим и протестантским западом произвело некие перемены в нашей церкви. Жаль! Запад нас погубит. Наше спасение – в Православии! Но не в таком, какое чахнет у нас от приемов неких зелий римских и лютеранских. В душе моей светит истинная и животворная идея о Православии [которая может изменить лицо Европы]; я со временем излию её в средоточии власти лучами радужными.

⁴⁴ - По собственному побуждению. Ред.

⁴⁵ - Храм построен в 1594 г., а двери в 1711 году. Ред.

⁴⁶ - Если Гика называется боярином, то титул господаря нужно понимать в значении господина, а не владетельного князя Валахии. Ред.

⁴⁷ - Обыкновенно известен был этот писатель и политический деятель под именем Елиаде или Елиаде-Радулеску. Ред.

⁴⁸ - Не для дам только, но для обоих полов. – *Curierulu de ambe sexe*. Ред.

⁴⁹ - Вернее: *Curierulu Românescu*. Ред.

⁵⁰ - Вм. румынском. Ред.

⁵¹ - *Istoria a principatului terii Românești d'in cele d'ântâiu timpuri pina in dilele d'acum*. București. 1839 и 1847. Ред.

⁵² - Здесь нужно разуместь книгу Дионисия Фотино, носящую следующее заглавие: Ἱστορία τῆς πάλαις Δαχίας, τὰ νῦν Τρανσυλβανίας Βλαχίας, καὶ Μολδαβίας, ἐκ διαφόρων παλαιῶν καὶ νεωτέρων συγγραφέων συνερανισθεῖσα παρὰ Διονυσίου Φωτεινοῦ. Ἐν Βιέννῃ. 1818-1819, в 3-х томах, которая переведена была на румынский язык академ. Г. Сионом и издана в Бухаресте в 1859-1860 гг. Имя Дионисакий, или вернее, Дионисаки – уменьшительная, ласкательная форма. Ред.

⁵³ - Здесь следует разуместь: История пентру фчепутул ромеинлор ф Дакиа, фтокмит де Петру Майор, ...протопоп..., ф Буда. 1834 (2-е изд.; 3-е появилось в 1883 г. латинскими буквами в Будапеште и Самошуйваре, – Герле). Ред.

⁵⁴ - проп. [читать Св. книги, печатанные славянскими буквами].

⁵⁵ - Точнее: Сериндарь. Ред.

⁵⁶ - и заменяет.

⁵⁷ - Мф. 21:31. Ред.

⁵⁸ - проп. довольно.

⁵⁹ - проп. смеясь от слова кот.

⁶⁰ - проп. которых они сами изберут и пришлют.

⁶¹ - Я исполнил свое обещание и Бог благословил мое ходатайство. Из Бухареста приняты в Киевскую семинарию одиннадцать болгар в 1847 году. Шесть из них учатся на казенный счет, а пять содержатся иждивением тамошнего митрополита Филарета (Это замечено при переписке сего дневника моего в 1848 году).

⁶² - Чит. Нягоэшти. Ред.

⁶³ - Вместо: Барновски. Ред.

⁶⁴ - Четацуя. Ред.

⁶⁵ - Чит. Бырнова. Ред.

⁶⁶ - Чит. Бистрица. Ред.

⁶⁷ - Чит. Фрумушика. Ред.

⁶⁸ - вст. до: Если Бог благословит.

⁶⁹ - проп. г. Дашковым.

⁷⁰ - проп. [я вкатился в Петербургскую гостиницу].

⁷¹ - [Не знаю какова обильная или скудна будет здесь моя жатва. А хотелось бы собрать и связать побольше снопов].

⁷² - проп. достопочтенного архимандрита.

⁷³ - Господин. Ред.

- 74 - проп. как лента ордена Анны 1-й степени, которым он награжден был, право, не знаю за что.
- 75 - проп. содержания.
- 76 - проп. [отпечатлел тут след своего существования].
- 77 - вм. посл. содержания жизни известных людей или мест.
- 78 - Имели бы благодетельное влияние.
- 79 - проп. [по словам игумена] – не воеводой, но великим ворником. Ред.
- 80 - Не в 1838, а в 1841 г. Episc Melchisedek, Notite istorice si arceologice, adunate de pe la 48 monăstiri si biserice antice din Moldova. Bucuresti. 1885, стр. 266. Ред.
- 81 - пребывающий на покое.
- 82 - в довольстве.
- 83 - Читай Барновски. Ред.
- 84 - Читай: Фрумоаса. Ред.
- 85 - проп. ученым.
- 86 - проп. [как это видно из надписи].
- 87 - поспорили сильно.
- 88 - проп. падающему пополам.
- 89 - гордости.
- 90 - проп. [местные и чужие].
- 91 - [заодно с русскими].
- 92 - мою душу и сердце.
- 93 - грозную, обличительную и поучительную.
- 94 - проп. по русской пословице: еду не свищу, а коли наедешь, не спущу.
- 95 - [справедливы ли монашеские жалобы?].
- 96 - вм. [Россия чтит Св. места и желает их целости, но она желает также княжествам благоденствия и преуспевания].
- 97 - в несколько раз.
- 98 - проп. и священного.
- 99 - известной.
- 100 - проп. А я прочел и переписал множество подобных актов
- 101 - терпели бы убожество и всякие недостатки.
- 102 - проп. дел вашей любви, благотворений и справедливых вспомоществований обществу.
- 103 - Мф. 18:7. Ред.
- 104 - проп. а с игуменом
- 105 - обратились на путь добродетели.
- 106 - Тим. 2:2-3. Ред.
- 107 - Ср. Ин. 13:34;15:12. Ред.
- 108 - свято.
- 109 - проп. на пользу православных христиан.
- 110 - и любовью.
- 111 - Св. Град.
- 112 - Ср. Мф. 25:26. Ред.
- 113 - Самое лучшее есть мера во всем. Ред.
- 114 - Это – воспоминания Стурдзы о Карамзине, которые напечатаны были в Москвитянинах 1846г., ч. V (№ 9-10), стр. 145-154. Ред.
- 115 - Радуйся о Господе. Ред.
- 116 - проп. Одесса, дом Стурдзы.
- 117 - проп. Дофнновка.
- 118 - вм. этой строки: [сожаление о друге есть уже мольба о нем перед Богом].
- 119 - Есть нечто новое; будет какая-нибудь печальная песня. Ред.

- 120 - Склонить Небо к участию в их судьбе.
- 121 - проп. и правда.
- 122 - Лк. 4:18. Ред.
- 123 - Мф. 11:28. Ред.
- 124 - состоит не в слове.
- 125 - За этим следуют выдержки, напечатанные в Херсонских Епархиальных Ведомостях 1860 г. № 8, из переписки архиепископа херсонского и таврического Иннокентия с А. С. Стурдзой. Ред.
- 126 - Тим. 5:17. Ред.
- 127 - Пс. 50:12. Ред.
- 128 - Книга Бытия моего I, 352, 471; II, 201-202. Ред.
- 129 - Ис. 53:3. Ред.
- 130 - Пс. 148. Ред.
- 131 - См. выше, 2-3 октября 1846 г. Ред.
- 132 - Книга Бытия моего. II, 367-371. Ред.
- 133 - См. выше, 1-2 сентября 1846 г. Ред.
- 134 - См. об этом выше, 1-2 сентября 1846 г. Ред.
- 135 - Москвитянин, 1846, ч. V, стр. 151 и 154. Ред.
- 136 - Слова и речи. Изд. 2-е. II. М. 1848, 93-96. Ред.
- 137 - 1Тим. 5:17. Ред.
- 138 - Мф. 8:20; Лк. 9:58. Ред.
- 139 - См. выше, 10 октября 1846 г. Ред.
- 140 - Пс. 140:3. Ред.
- 141 - Горе мне, горемычному; горе мне, несчастному! Ред.
- 142 - Здесь под жужжанием нужно разуть письмо к Сербиновичу. Ред.
- 143 - Пс. 129:3. Ред.
- 144 - Что скоро бывает, то скоро погибает. Ред.
- 145 - Ср. Еврипида Ἑκάβη, по парижск. изданию Didot 1844 г., ст. 83-84. Ред.
- 146 - Пс. 102:17. Ред.
- 147 - Пс. 50:1,12. Ред.
- 148 - Пс. 34:1. Ред.
- 149 - Мф. 22:39; Мк. 12:31. Ред.
- 150 - Ср. Пс. 139:5; 141:4. Ред.
- 151 - Пс. 121:1. Ред.
- 152 - Ср. Лк 1:46-48. Ред.
- 153 - Вот как поэтизируют в канцелярии обер-прокурора Св. синода!!!
- 154 - Лк. 13:32. Ред.
- 155 - Пс. 41:6. Ред.
- 156 - За этим в рукописи преосвящ. Порфирия следует такая заметка: «(Смотри эту заметку в моем собрании деловых записок о нашей миссии в Иерусалиме)». Ред.
- 157 - За этим в рукописи преосвящ. Порфирия следует: «(Смотри у меня Деловые записки о сей миссии и письма к Сербиновичу)». Ред.
- 158 - Указатель был напечатан в ч. 55-й Журнала 1847 и отдельно, а Описание афонских монастырей или Статистика Афона в ч. 58-й его за 1848 г. Ред.
- 159 - За этим следует «(Смотри у меня рукописную Статистику Афона на бумаге в лист, переплетенную. Она представлена была мною и в Азиатский департамент министерства иностранных дел)». Упомянутая здесь книга Филиппа Киприянина носит такое заглавие: *Chronicon ecclesiae graecae. Lipsiae et Francofurti. 1687.* Ред.
- 160 - Из отчетов или статей еп. Порфирия, относящихся к первому его путешествию по Востоку, кроме указанных выше, в указанном здесь Журнале была напечатана только одна статья, под заглавием: Синайский полуостров, в 1848 г., ч. 60. Ред.
- 161 - См. выше, 24, Пятница (января) 1847 г. Ред.

- 162 - См. там же, 25 октября 1846 г. Ред.
- 163 - Мф. 6:24; Лк. 16:13. Ред.
- 164 - Пс. 132:1. Ред.
- 165 - Ср. Мал. 3:1; Мф. 11:10; Мк. 1:2; Лк. 7:27. Ред.
- 166 - Должно так написано это имя по ошибке; нужно: Типалдо. Ред.
- 167 - Пс. 132:1. Ред.
- 168 - За этим следует: «(Смотри у меня Каталог библиотеки Иерусалимской)». Ред.
- 169 - Многие другие выдержки из кодекса помещены в моем сборнике материалов для статистики и истории Иерусалимского патриархата.
- 170 - См. эти уставы в Истории Афона еписк. Порфирия, ч. III, отд. 1, Киев. 1877, стр. 265-294, а исправнее изданные у Meyer'a Die Haupturkunden für der Geschichte der Athostklöster. Leipzig. 1894, стр. 141-162. Годы издания уставов должны быть 972 и 1046. Ред.
- 171 - Так говорит молва. Ред.
- 172 - Из рукописной книги IA5-6 или № 3-й. Ред.
- 173 - [Это – Бог правды]. Остановит ли истинная мудрость волны, которые буря несет на диких крыльях? Эти стихи взяты, несомненно, из какого-нибудь малоизвестного немецкого поэта. Ред.
- 174 - Книга Бытия моего I, 455-456, 586-591, 602-608 и 681-685. Ред.
- 175 - Ин. 10:16. Ред.
- 176 - 2Кор. 5:17. Ред.
- 177 - Пс. 103:16. Ред.
- 178 - Ср. 1Пет. 3:3-5. Ред.
- 179 - За этим в рукописи преосвящ. Порфирия приводится рассказ Барского об этом монастыре. См. по изд. Палестинск. Общ. II, стр. 47-49. Ред.
- 180 - Книга Бытия моего. I. 334-335. Ред.
- 181 - Ос. 4:14.
- 182 - II, CVI, 1: Ἐν τῇ Παλαιστίνῃ Συρίῃ αὐτός ὥρεον ἐούσας καὶ δέ τὰ γράμματα τὰ εἰρημένα ἐνεόντα καὶ γυναικός αἰδοῖα, т. е. в Палестинской Сирии сам я видел мимоходом и письмена, означающие ... и женские уды.
- 183 - Книга Моего Бытия. I, 335. Ред.
- 184 - Втор. 23:17-18.
- 185 - Нав. 11:8; 13:6.
- 186 - Книга Бытия моего. I, 346-348. Ред.
- 187 - Книга Бытия моего. II, 356 и следующ. Ред.
- 188 - , Яраб-ирхам.
- 189 - Книга Бытия моего. II, 259-275. Ред.
- 190 - - мутран-ил-маскóб. Ред.
- 191 - Его Превосходительству, Высокопреподобнейшему архимандриту Русской церкви. Иерусалим. Ред.
- 192 - Подобный подобному радуется. Ред.
- 193 - За этим в рукописи отмечено: «12 Марта. Иерусалим. Монастырь Св. Гроба». Ред.
- 194 - Там же в виде рубрики пред началом нижеследующего стояло: Европа, а затем: 12, Пятница, но потом все это зачеркнуто. Ред.
- 195 - Там же отмечено: «13 Марта, там же». Ред.
- 196 - Сделаем опыт! Только опыт? Ред.
- 197 - В одном и том же положении. Ред.
- 198 - В рукописи отмечено: «14 Марта. Там же». Ред.
- 199 - После этого в рукописи отмечено: «16 Марта. Там же». Ред.
- 200 - Там же: «17 Марта. Ibidem». Ред.
- 201 - В рукописи после этого приводится выдержка из сочинения указанного французского писателя Gaule et France 1838 на пяти листах. Ред.

- 202 - Ин. 3:33; Рим. 3: 4; Пс. 66:2. Ред.
- 203 - Ин. 18:36. Ред.
- 204 - За сим в рукописи отмечено: «Апреля 15-го 1848 года. Монастырь Св. Гроба в Иерусалиме». Ред.
- 205 - Стояла мать. Жертва спасительная. Ред.
- 206 - Сильная крепость есть Наш Бог. Ред.
- 207 - Брат! Надо умирать. Ред.
- 208 - В рукописи за этим написано: «(не dokonчено)». Ред.
- 209 - Об этом см. у Сырку в Описании бумаг еп. Порфирия, стр. 378-380. Ред.
- 210 - До слова: Братья минориты Сионской горы в прекраснейшем монастыре. Ред.
- 211 - См. у Сырку в Описании, стр. 211-213. Ред.
- 212 - Был схвачен. Ред.
- 213 - Господи помилуй, Христе помилуй. Ред.
- 214 - Церковь, посвященная страху нашей Богородицы. Ред.
- 215 - Эхо Востока. Ред.
- 216 - Иерусалим. 28 Февраля. – Вчера получен акт Блистательной Порты, которым назначение нового католического патриарха официально признано. Эта новость тем более благовременна, что нетерпимое и ревнивое противодействие распространило сомнения относительно истинного характера (миссии) в. Валерги и внушало местной власти некоторые неправильные действия. Г. Базили (русский генеральный консул), кажется, сильно принимает к сердцу это происшествие (похищение серебряной звезды в Вифлееме) и благоприятствует тем, которые думают иначе, чем правительство его величества султана. Он предложил грекам свое посредничество и, судя по некоторым речам, католики, лишенные своих прав, должны будут согласиться на все условия, какие им будут предложены. Утверждают, что г. Базили также подготовил водворение русского патриарха (не патриарха, а смиренного архимандрита Порфирия). Католики приняли бы это, как признак, что уважение христианства все умножается вокруг Гроба Христа. Мы желали бы сказать тоже же самое о греках, патриарх которых боится за свой авторитет, – что он будет разделен и ослаблен, если здесь будет находиться глава такой же общины (христианской). Имеется будто бы ввиду в то же время назначить два отдельных монастыря для русских монахов и монахинь, которые до настоящего времени помещались в греческих монастырях. Ред.
- 217 - Странствования по изд. Палест. Общ., ч. II, стр. 46. Ред.
- 218 - Монахи – цивилизаторы, но мир неблагоприятен к ним...; события в Европе – тревожны...; 400 000 русских солдат на границе Пруссии; идет война между этими двумя силами...; об Абиссинии. Ред.
- 219 - Это – нелепость. Ред.
- 220 - За его антиполитичность. Ред.
- 221 - Должно быть Ἀμάλθεα. Ред.
- 222 - Смотри план Арсуфа в моем Живописном Обозрении Палестины, на листе 1-м.
- 223 - Κατὰ τοῦτον τὸν καιρὸν ἦδη τῶν Σύρων καὶ Ἰδουμαίων καὶ Φοινίκων πόλεις εἶχον Ἰουδαῖοι πρὸς θάλασση μὲν Στράτωνος πύργον, Ἀπολλωνίαν, Ἰόππην, Ἰαμνείαν... Antiquit. Jud. I. XIII, с. XV, δ (по изд. Didot., I, стр. 518). – В то время городами сирийскими, идумейскими и финикийскими уже владели иудеи; у моря же они владели башней Стратона, Аполлонией, Яффой, Ямнией; confer. Plin. V, 13. Ред.
- 224 - Καيسάρεια Στράτωνος 661/4, 321/2 – Ἀπολλωνία, 66, 321/4. – Ἰώπη, 652/3, 321/2 – Ἰαμνητῶν 65, 32.
- 225 - Chronic. Theophan. под годом 744-м: Τοῦτω τῷ ἔτε: τοὺς πλείους τῶν χριστιανῶν ὡς συγγενεῖς τῶν προαρξάντων, ἀνείλον οἱ προσφάτως κρατήσαντες, δόλῳ αὐτοὺς κρατησάμενοι, εἰς Ἀντιπατρίδα τῆς Παλαιστίνης. II. – Летопись византийца Феофана в переводе с греческ. Оболенского и Терновского. М. 1890 (из Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос. 1884, кн. 1-ая) стр. 312: В сем году (т. е. в 742-м) эти новые властелины избили многих христиан, как родственников прежней династии, хитростью захвативши их в Антипатриде Палестинской. – Приведенные еп. Порфирием годы неверны. Ред.

- ²²⁶ - Деян. 22:31-32. II. – Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. I, стр. 394, 410, 420, 433, 629; III, стр. 378 и след.; IV, стр. 498 и след. Ред.
- ²²⁷ - Joseph. Antiquit. XVI, cap. V, 2: Καφαρσαβὰ, – ποταμοῦ τε περιέοντος τὴν πόλιν αὐτὴν κ. τ. λ... (по изд. Didot, I, 628) II.; – Кафарсава; – река течет вокруг самого города. Ред.
- ²²⁸ - Изд. Православн. Палест. Общества стр. 88, где город этот называется: Тарсуф. Ред.
- ²²⁹ - Рукоп. 1661 года в моей библиотеке. (Ныне рукопись принадлежит Императорской Публичной Библиотеке. Греч. № ССLII. Ред.) Река Вделлос, – это – нынешняя Одже, которую мы перешли вброд.
- ²³⁰ - Wilken, Geschichte der Kreuzzüge nach morgenländischen und abendländischen Berichten. Томы I-VII. Leipzig. 1807-1832. Ред.
- ²³¹ - Из Кесарии или Стратона мы с большим страхом дошли до Арсива (Арсуф); это есть город малый и разрушенный, населенный со времени перемирия нашими, имеющий в своих пределах множество сарацинских разбойников. Следует заметить, что эти города, а также и те, о которых говорили и будем говорить, при потере Святой Земли были разрушены, кроме Яффы, которую наши во время императора Генрика, – о, стыд, – потеряли... Этот город, как и другие, оставленные по миру неверными, стал заселяться нашими. Ред.
- ²³² - О Кесарии, в 3-х милях к северу, говорят, что она есть город Ассур; некогда она называлась Антипатридой, от Антипатра, отца Ирода Великого. Она принадлежала братьям госпиталя Св. Иоанна, которые, хотя, ее потеряли, однако, платили её владельцу и его наследникам 38-мь тысяч византийских золотых в каждый год. Ред.
- ²³³ - Ныне она разрушена. Ред.
- ²³⁴ - В Живописном Обозрении Палестины. Ред.
- ²³⁵ - – айн, ајп. Ред.
- ²³⁶ - Смотри рисунок в Живописном Обозрении Палестины, на листе 2.
- ²³⁷ - См. выше, 21 июня 1848 г. Ред.
- ²³⁸ - Нав. 19:32-40.
- ²³⁹ -
- ²⁴⁰ - – айн – ајп.
- ²⁴¹ - Нав. 15:20-21,46.
- ²⁴² - 2Пар. 26:6.
- ²⁴³ - 2Мак. 12:3-10.
- ²⁴⁴ - 1Мак. 4:14-15.
- ²⁴⁵ - 1Мак. 5:56-61.
- ²⁴⁶ - 1Мак. 10:69.
- ²⁴⁷ - Antiquit. jud. 6:1; 9:11; 12:12; 14:4; De bello jud. 1:77 (по изданию Didot.)
- ²⁴⁸ - Talmud Ierusal. Berachot. 4:1.
- ²⁴⁹ - Lib. XVI, cap. 2, §28... владели также и Кармелом и лесом. Местность эта имеет густое население, так что из соседней деревни Иамнеи и окрестных поселений вооружалось 40 000 человек. Перев. Мищенко. М., 1879, стр. 775. Ред.
- ²⁵⁰ - Две Ямнии; вторая внутри. Ред.
- ²⁵¹ - Пристань ямнитов. Descriptio Palaestinae Iudaeae. Tabul. IV, с. XVI, 65, 3.
- ²⁵² - Philonis Iudaei Oper., omn. t. VI. Lipsiae. 1829, стр. 115-116. Ред.
- ²⁵³ - Migne, Patr. lat. t. 23, col. Ред.
- ²⁵⁴ - Православный Палестинский Сборник, вып. 37, стр. 78 (533). Ред.
- ²⁵⁵ - Migne, Patr. lat. t. 23, col. 952. Ред.
- ²⁵⁶ - Ср. Православный Палестинский Сборник, вып. 37, стр. 78 (533). Ред.
- ²⁵⁷ - Eriphan lib. II, 10, 2, haeres 69.
- ²⁵⁸ - Labb. Concil. t. II, стр. 212.
- ²⁵⁹ - Labb. Concil. III, стр. 364.
- ²⁶⁰ - Vita S. Euthymii II. – По изд. de Boor'a. Berlin. 1888, стр. 11 et apud Cotelerium 2 tom. Monum. eccles Graecae. Ред.

- 261 - Labb. Concil. tom. X.
- 262 - Labb. Concil. tom. XI, стр. 471.
- 263 - Втор. 11:10. Ред.
- 264 - Суть в составе прихода патриарха Иерусалимского и эти города и села, в которых находятся и протопопства (благочиния): Вифлеем, Еммаус, Фекое, Св. Авраам, Отче Наш, Абуд, Ефрем. И эти общины (расположены) на возвышенности Иерусалимской. Ред.
- 265 - Смотри рисунки [Абудская церковь] в моем Живописном Обозрении Палестины, на листах 16, 17, 18.
- 266 - Не Афанасия ли II? Ред.
- 267 - Нав. 19:26.
- 268 - Нав. 19:45.
- 269 - Смотри сборник подобных отчетов моих при записках моих о нашей Духовной Миссии в Иерусалиме. II. – См. об этом Сборнике у Сырку в Описании бумаг еп. Порфирия, стр. 158. Ред.
- 270 - Вероятно, Echo d'Orient. Ред.
- 271 - Ужасное и страшное гонение, поднятое недавно на этих несчастных, которые, говорят, считают между собой тысячи жертв, довело весь халдейский народ до последней крайности. Подстрекателем этого гонения и виновником всех жестокостей был Бедер-хан-бей, который только что разбит войсками его величества и наказан за мятеж. Он совсем не оправдал доверия к себе Блистательной Порты, которая вверила ему управление округом Джезире, расположенном на западном берегу Тигра. Ред.
- 272 - Вместо: Шамирамакерт. О постройке города см. у Моисея Хоренского в Истории Армении в новом переводе Эмина. Посмертн. изд. М. 1893, стр. 28-29; о развалинах см. Эмина Моисей Хоренский и древний эпос армянский. М. 1881, стр. 75, и Schulz'a Memoire в Nouveau Journal Asiatique 1828, t. II, стр. 164 и след. Ред.
- 273 - Ср. Книгу Бытия Моего, I, 475, 494. Ред.
- 274 - Смотри их в моем сборнике о Св. местах палестинских. II. – сборник см. у Сырку в Описании, стр. 232-233. Ред.
- 275 - Эта рукопись ныне принадлежит Императорской Публичной Библиотеке. Греч. № ССХХI. Отчет библиотеки за 1883 г., стр. 82-83, где сказано, что рукопись подарена в 1844 г., вероятно, по ошибочной отметке еп. Порфирия. Ред.
- 276 - Чис. 25:7-8. Ред.
- 277 - Действительно, у них есть обычай казнить смертью обличенных прелюбодеев обоего пола. По этому обычаю, в Вифлееме погибло уже несколько мужчин и женщин. Все они были расстреляны на площади и, мертвые, побиты камнями.
- 278 - , – Яраб-ирхам. Ред.
- 279 - Ср. Пс. 8:6. Ред.
- 280 - Деян. 8:27-39. Ред.
- 281 - Я болен [Я несчастен]. Ред.
- 282 - Ибо сама совсем бедна и бедным на помощь прибегнуть не может. Ред.
- 283 - До какой же поры? – Из начала речи Цицерона против Катилины. Ред.
- 284 - Руководство для употребления желающим научиться грамоте. В Венеции. 1839. Ред.
- 285 - Разумей: из Ямболя. Ред.
- 286 - Глава 1-я. Царство китайцев началось в лето от создания мира 2642-е, от которого года до сего времени будет 4545 лет; до воплощения же Христа Спаса 2865 лет. Что было до сего времени и было ли у них царство, при всем том, что сами китайцы говорят, сколько оно продолжалось, ничего определенного не написано. С этого времени они начали царствовать и писать книги. И, во-первых, они пишут, что у них были семь царей, один за другим избранные по воле народа. И господствовали они 660 лет до 2207 до воплощения Спасителя. Потом смена царей происходила по наследству. Первым царем был у них выбран по имени Ивас, который установил свою династию и называлась она Гиаа. Таким образом его наследники царствовали 439 лет, от 2260-го до 1767 года до Спасителя. И тогда его династия прекратилась и началась другая династия царя Ксанга. И эти царствовали 644 года до 1122 года до пришествия Христа. После этого захватил царство некто по имени Хевá, и свергнул прежнюю династию и

утвердил свою; и называлась она по имени его Хевá. И эта династия господствовала больше всех, так как она просуществовала 856 лет, до пришествия (Христовá) 1122 г., и была за 266 лет прежде пришествия (Христа). По прекращении этой династии начал (царствовать) другой по имени Тзина. И он царствовал около 60 лет. За ним была установлена другая династия по имени Хана и эти царствовали 530 лет до 264 года после пришествия Христа. И после этой была установлена другая династия по имени Кин; она просуществовала 155 лет, до 419 года после пришествия Спасителя. И тогда восстали вместе пять царей, которые затеяли между собой большую войну, пока один из них не победил всех, и дал начало новой династии, и называлась Танга; они царствовали 135 лет, до 618 года после пришествия (Христа). И опять царство разделено было на многие части вследствие измены предателей, пока один из них не победил всех остальных и установил династию и назвал ее Сунга; они царствовали 660 лет до 1278 года после пришествия Спасителя, и в это время эта династия пользовалась большим богатством и силой. Однако, по воле Божией, калмыки, монголы и татары, и с ними пресловутый Чингис-хан, из династии которого происходит Чуртин-хан, и Аютасá(?) и другие соединились с большим войском, и пришли, и завоевали все царство китайцев, и династию Сунга свергли и положили начало новой, своей династии, и ее назвали Ювену. И владели калмыки около 570 лет, а именно до 1368 года после (пришествия) Спасителя; и тогда китайцы впервые были покорены и поработаны чужими племенами. И после этого с калмыцкими войсками пришел в Китай некий венецианец, Марк Павел (Marco Polo), который отправился из Константинополя в Персию на кораблях и из Персии сухим путем в Китай; и он первый написал книгу о Китае... После этого китайцы, видя, что калмыки забыли свое мужество, опять соединились и выгнали всех вон из Китая, и опять избрали своего царя и назвали его династию Таиминга. И эта династия просуществовала 277 лет, до 1644 года от Христа, т. е. до наших дней. Но теперь больше 600 лет, как появились в царстве китайцев разные повстанцы и разделили царство и разорвали его на разные части; татары юки (?) восточной Монголии восстали; они живут позади великой стены, к востоку; народ они немногочисленный и неизвестный; у них даже хана не было; называются они ими (китайцами) зурджи, т. е. рыбаки, и мы их называем джончери (т. е. манджурами), и они, отец нынешнего хана, воровским образом, зимой прошли через реку Пилоту, оттуда, через большую стену, и после многих войн завладели и китайцами и почти всем царством их, и как ныне, царствуют те, которые и нами, и монголами, и калмыками, и бухарцами называются богдонами (вместо: богдыханами); и это имя и сами они не знают, откуда началось. Поэтому в нашем царстве (т. е. в России), если спросят, по какой причине называют их богдыханами, – от рода тех был первый хан Китая, отец нынешнего богдыхана, по имени Ксехий, и он, по китайскому обыкновению, установил свою новую династию, которую назвал Танчинга; она и до сего времени царствует в Китае. Но по какой причине началась война с китайцами и какого рода война предпринята была, и как овладели Китаем, – это описано в другой книге о войне татар.

Ред.²⁸⁷ - Hug, F. L. *Einleitung in die Geschichte d. Neuen Testaments*. 2 тома. 3-е изд. Stuttgart. 1826. Ред.

²⁸⁸ - De Wette, *Lehrbuch der historisch-kritisch. Einleitung in die kanonisch. Bücher d. Neuen Testaments*. 2-е изд. Berlin. 1833. Ред.

²⁸⁹ - Об этом издании подробно см. у Picot, *Notice biographique et bibliographique sur l'imprimeur Anthime d'Ivir, métropolitain de Valachie* в *Nouveaux Mélanges Orientaux*. Paris. 1886, стр. 537-539; Schnurrer в *Bibliotheca arabica*, стр. 266-272; Κατράμη, *Φιλολογικά Ανάλεκτα Ζακύνθου*. Έν Ζακύνθω. 1800, стр. 225-226. Ред.

²⁹⁰ - Напечатана у N. Κατράμη, стр. 226. Ред.

²⁹¹ - Преосвященный Порфирий ошибочно отмечает, что этот Часослов напечатан в Знягове, а не в Бухаресте в 1702 г., как видно из заглавия книги: Часослов, т. е. молитвы канонические с последованиями на весь год, напечатанный в первый раз на греческом и арабском языках, по просьбе и под наблюдением блажен. святейш. о. Афанасия, преждебывшего патриарха Антиохийского, на иждивении славнейшего и светлейшего господина, нынешнего князя всей Унговлахии, господаря I. Константина Бесараба воеводы, по благословению о. митрополита кир Феодосия, архиепископа этой страны. В Бухаресте, городе Унговлахии, в лето от И. Христа 1702-е, иеромонахом Анфимом Ивирином. Picot, *Notice*, стр. 541-542. Ред.

292 - Подробное описание этой книги с приведением снимка с арабского заглавия книги и её содержания см. у того же Picot, Notice, стр. 541-544, и Silvestre de Sacy в Magazin encyclopédique. 1814, I, стр. 198-208. Ред.

293 - См. об этом у Schnurrer'a, Biblioth. arab., стр. 273-274. Ред.

294 - О веществе таинства.

295 - Глава 1-я. О сущности таинства евхаристии. Ред.

296 - О благословении св. евхаристии не чрез слова Спасителя. – Каждое из этих изданий напечатано в количестве 1000 экземпляров. Ред.

297 - Гл. 2-я. Об освящении её. Ред.

298 - Гл. 3-я. О потреблении её. Ред.

299 - Ср. Schnurrer, Bibliotheca arabica., стр. 274-275, № 274. Ред.

300 - Нижеподписавшийся свидетельствую, что в этой арабской рукописи продолжаются во 1-х, предисловие автора, в котором он (автор) разъясняет, почему он сделал этот перевод, во 2-х, введение Св. Афанасия в псалмы, в 3-х, 150 псалмов по греческому переводу семидесяти толковников с объяснением, так что для каждого стиха приведено краткое изъяснение согласно мнению древних отцов церкви. Вена. 14 ноября 1791 г. Бернард Ениш. Ред.

301 - Подробнее об этой книге см. у Schnurrer'a, Bibliotheca arabica, стр. 326-332. Ред.

302 - Твердое руководство к истинной вере преподает восточным христианам начала веры и нравственности и разделено на пять частей; сочинение благодаря достоинству учености и стиля арабского языка, всякой похвалы достойно. Дозволено к печати. Секретарь Гоффингер. Ред.

303 - Смотри у меня печатн(ые) патриарш(ие) грамоты и мой сборник вероисповеданий в русск(ом) переводе. II. – Под печатными грамотами нужно разумеать печатное издание этих грамот нашего Св. синода, а о сборнике вероисповеданий см. у Сырку в Описании, стр. 300-302. Ред.

304 - Смотри мой первый Отчет об ученых занятиях наших в 1848 году при делах нашей миссии Иерусалимской. II. – Об Отчете см. выше, 29 июня - 5 июля 1848 г., сноска 269. Ред.

305 - Смотри вид Архангельского монастыря в моем Живописном Обозрении Палестины, на листе 9-м.

306 - Пс. 103; 145. Ред.

307 - 1Тим. 3:4. Ред.

308 - Смотри мои письма к нему [Титову].

309 - Бросьте эту искорку между моими учениками. Вы мудр и справедлив; Вы таким образом исполните свое обещание. Ред.

310 - Пс. 120:6. Ред.

311 - Слова верующего и книга народа. Ред.

312 - Очищение повальное. Ред.

313 - Не знаю, что делать! Ред.

314 - Горе, мне, несчастному. Ред.

315 - Синянки, заведующий еврейским институтом. Ред.

316 - Мф. 28:19. Ред.

317 - Ис. 53:8; Деян. 8:33. Ред.

318 - Смотри отношения в Бейрут.

319 - Лк. 10:19.

320 - Счастливого пути!

321 - Этот рассказ его записан был мною в особой книжце; но она не знаю где и когда затерялась.

322 - Ср. выше, 3 октября 1848 г. Ред.

323 - В добрый час и счастливый! Ред.

324 - Книга Бытия моего. I, 350-351; II, 80-82, 198-200. Ред.

325 - Нав. 15:9; 18:15. Ред.

326 - 1Цар. 7:1-2. Ред.

- 327 - Книга Бытия моего. I, 348-349. Ред.
- 328 - Ср. Книгу Бытия Моего, I, 345; II, 343-344: Харем. Ред.
- 329 - Книга Бытия моего, II, 345. Ред.
- 330 - Книга Бытия моего. I, 340-341, 558; II, 346. Ред.
- 331 - Στράβωνος Γεωγραφικῶν μέρος τρίτον, изд. Кораи. Ἐν Παρίσι. 1817, стр. 190, кн. XVI, §27: Συχαμίνων πόλις; русск. перевод Мищенко, стр. 775: Сикаминов. Формы Συχαμινόπολις нет. Ред.
- 332 - Французское дело на Кармильской горе. Ред.
- 333 - Кармил – одна из святых гор, со времени Святого Людовика собственность французская, купленная французским королем, часто отнимаемая, но постоянно возвращаемая, – этот кусок земли служит могилой двум тысячам французов. Ред.
- 334 - Allgemeine Geschichte der christlich. Religion u. Kirchen. 3-е изд. Т. 2-й. Gotha. 1856, стр. 475-476; ср. Сказание Иоанна Фоки в Православном Палестинском Сборнике, вып. 23, стр. 29 и 58-59. Ред.
- 335 - Человеческая жизнь есть синтез (состоит из) противоречий. Ред.
- 336 - Читай: Папауц. Ред.
- 337 - Производство господин и государь есть плод досужей фантазии. Что же касается сопоставлений греческих слов со славянскими, то некоторые из них удачны, как οἶνος, λεκάνη; но значительная часть их основана на простом внешнем созвучии, не имеющем под собой никакого основания. Ред.
- 338 - Иез. 1:12. Ред.
- 339 - Бейрут. 14 декабря 1848 года. – *
- 340 - Божественная комедия. Ред.
- 341 - Да будет. Ред.
- 342 - Ин. 6:37. Ред.
- 343 - Ср. Мф. 9:13; Мк. 2:17; Лк. 5:32; 1Тим. 1:15. Ред.
- 344 - Ты, счастливая Австрия, устраивай браки! Ред.
- 345 - Так проходит мирская слава! Ред.
- 346 - Смотри мой отчет о Сирийской церкви в 1847 году.
- 347 - – Каддус Аллах, – Каддус ел-кауи, – Каддус эл-лези ля ямут, – ирхамна.
- 348 - Смотри выше, 8 декабря 1848 г.
- 349 - К невозможному никого нельзя обязывать. Ред.
- 350 - Не знаю что. Ред.
- 351 - День научит (т. е. время покажет). Ред.
- 352 - Покойся, книга, пока ты не выйдешь в свет такой, какая есть – неотделанной. Ред.
- 353 - Из рукописной книги I A7 или № 4-й. Ред.
- 354 - Общее перечисление народов Оттоманской империи и численность их. Ред.
- 355 - Жизнь человеческая есть синтез (состоит из) противоположностей. Ред.
- 356 - Книга Бытия моего. I, 333. Ред.
- 357 - Отсюда и до «15 Января 1849 г.» весь рассказ о водометных колодцах напечатан был почти слово в слово в Журнале Министерства Народного Просвещения 1855 г., в Литературных Прибавлениях к нему, № 3, в виде отдельной статьи под заглавием: Рас-эль-Айнские водометные колодцы у города Тира. Отрывок из путешествия по Святой Земле. Ред.
- 358 - Книга Бытия моего, I, 334-335. Ред.
- 359 - Книга Бытия моего. II, 348. Ред.
- 360 - Volney, Voyage en Syrie et en Egypte, pendant les années 1783, 1784 et 1785. Vol. II, Paris, 1790. Ред.
- 361 - Песн. 4:15.
- 362 - Следует читать Менандра. Указанное место, из недошедшего до нас труда Менандра, приводится Иосифом Флавием в его Иудейск. древностях, кн. IX, гл. 14-я, изд. Didot, Paris, 1845, v. I, p. 365, где тирский царь именуется Елулей (Ἐλουλαῖος). Ред.
- 363 - Josephi Flavii, Antiquit., IX, 14: Κατέστηρε φύλαχα ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ καὶ τῶν ὑδραγωγίων.

- 364 - Plutarchi vitae. Paris, Didot, 1847, Vol. II, p. 809-810. Ред.
- 365 - Wilhelm Tyr. XIII, 3... Et canamellas, unde praetiosissima usibus et saluti mortalium necessaria maxime conficitur Zachara: unde per institores ad ultimas orbis partes deportatur.
- 366 - Henry Maundrell, A Journey from Aleppo to Jerusalem, at Easter A. D. 1697. Oxford, 1703, p. 50. Ред.
- 367 - Jean de la Roque, Voyage de Syrie et da Mont Liban. Paris. 1722, t. I, p. 234. Ред.
- 368 - Edmundi Castelli, Lexicon Syriacum. Goettingae. 1788, p. 975.
- 369 - Книга Бытия моего. II, 347-348. Ред.
- 370 - Смотри отчет мой о Сирийской церкви в 1847 году. II. – Об отчете см. у Сырку «Описание бумаг еп. Порфирия», стр. 158. Ред.
- 371 - Самая бедная и к бедным прибегать на помощь никаким образом не может. Ред.
- 372 - Волей-неволей. Ред.
- 373 - Книга Бытия моего. I, 116-117, 174. Ред.
- 374 - Втор. 11:10-11.
- 375 - Книга Бытия моего. I. 343. Ред.
- 376 - Книга Бытия моего. I, 343, 582. Ред.
- 377 - См. предыдущее примечание. Ред.
- 378 - Это гнусно! Это непростительно! Ред.
- 379 - Читай: бузейский. Ред.
- 380 - В издании Parthey'я Hieroclis Sydecodemus и пр., Berolini, 1886. стр. 93, последние две епархии соединены в одну: κώμη Ἀριάθας Τράχωνος. Ред.
- 381 - В рукописи 18-го века, содержащей грамоты, письма и проч. и хранящейся в библиотеке святогробского подворья в Константинополе, стр. 365.
- 382 - 2Цар. 33:20; 1Пар. 11:22; Иер. 18:14 Ред.
- 383 - Быт. 8:21.
- 384 - 1Пар. 11:22.
- 385 - Ин. 10:22.
- 386 - Ин. 18:18. Ред.
- 387 - Вместо нижеследующего периода, в рукописи епископа Порфирия было следующее: Не знаю как объяснить это, и замечаю только, что и в Рас-ель-Айнских водометных колодцах близ Тира живая вода на срединной поверхности казалась мне стоячей, тогда как с быстротой бежала по желобам. Стало быть, есть возможность воде, непрестанно поднимающейся снизу и протекающей боковыми отверстиями, быть спокойной и как бы неподвижной в самом устье искусственного хранилища её. Впрочем, в Рас-ель-Айне я ничего не бросал в средину водоемов и потому не знаю и не могу сказать теперь, увлекло ли бы сучец или солому движение тамошней воды. Ред.
- 388 - 2Пар. 32:30.
- 389 - 3Цар. 1:9.
- 390 - Смотри его под № 15.
- 391 - Нав. 10:12. Ред.
- 392 - Смотри их под № 14.
- 393 - Ср. 1Цар. 7:1-12. Ред.
- 394 - Ин. 11:54. Ред.
- 395 - Смотри (выше) мой дневник прошлого года, 21-23 сентября 1848 г.
- 396 - Ин. 11:54.
- 397 - 4Цар. 18:17; Ис. 7:2: село белилнице; 36:2: село Кнафеово. Ред.
- 398 - Православный Палестинский Сборник, вып. 37, стр. 4, № 12; ср. стр. 76, № 508. Ред.
- 399 - Ср. Марк. 8:24.
- 400 - Книга Бытия моего. I, 467-468. Ред.
- 401 - Суд. 20:45,47. Ред.
- 402 - Суд. 20:45,47. Ред.

- 403 - Смотри записки мои в 1844 году в Книге Бытия моего, II, 201.
- 404 - Вместо: Μνήσθητι Κύριε. Ред.
- 405 - Смотри рисунок мозаики под № 28.
- 406 - См. выше, 24 июня 1848 г., сноска 264. Ред.
- 407 - Ин. 11:54. Ред.
- 408 - Ни, ни, ни.
- 409 - Это сказание было переписано для меня на арабском языке и хранится в моей библиотеке. II. – Ныне рукопись принадлежит Императ. Публичной Библиотеке. См. Отчет Библиотеки за 1883 г., стр. 170, № 3. Ред.
- 410 - Нав. 12:17.
- 411 - Нав. 17:23.
- 412 - 1Цар. 13:17-18.
- 413 - 3Цар. 4:7-10.
- 414 - 2Пар. 13
- 415 - Ин. 11:54.
- 416 - De bello Jud. IV, 9. 9.
- 417 - Смотри рисунки.
- 418 - Ср. Православный Палестинский сборник, вып. 37, стр. 69, № 459; стр. 180, прим. 183. Ред.
- 419 - Σωκράτου Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, Z, κα', μξ; Θεοφάνου Χρονογραφία, σελ. 39 парижского издания.
- 420 - Православный Палестинский сборник, 37 вып., стр. 69, № 458. Ред.
- 421 - См. выше, 24 июня 1848 г., сноска 264. Ред.
- 422 - О пределах апостольского патриаршего Иерусалимского престола и о подвластных ему епархиях. Составлено по повелению Блаженнейшего патриарха Афанасия письмоводителем его, монахом Анфимом, в Иерусалиме 1838 г. в путешествие по Св. местам 1830 г. 4 изд. СПб. 1840 г. Ред.
- 423 - Смотри вид его под № 23.
- 424 - Münter, Statutenbuch des Ordens der Tempelherrn. I, §419.
- 425 - Ср. 1Мак. 16:15. Ред.
- 426 - 1Мак. 16:11-17
- 427 - Быт. 16:11-12.
- 428 - Diodor. Sicul. Hist. L. I, 35; II, 92.
- 429 - 2Пар. 14:9.
- 430 - Lib. I, 83, 91.
- 431 - Strabo, L. XVI; Arrian., 101.
- 432 - Смотри его под № 21.
- 433 - Josephi Flavii Antiquit. XVI, 5, 2.
- 434 - Мф. 6:28-31
- 435 - Песн. 2:1.
- 436 - Пс. 102:15. Ред.
- 437 - Смотри рисунок, под № 20.
- 438 - В начале этого сообщения сделана еписк. Порфирием отметка карандашом: Это было в 1848 году. Ред.
- 439 - В 1855 году государь скончался.
- 440 - Что мне делать? Не знаю! Ред.
- 441 - Действительно, она развелась с ним.
- 442 - Если есть приятность в словах и мудрость в речи, то будьте уверены, что слышите не обманщика, но воодушевленного путешественника. Ред.
- 443 - Бог этого хочет! Ред.
- 444 - Благодарение Богу! Ред.

445 - Что мне думать? Что мне делать? Слово Божие есть воля. Воля Божия есть природа. Нужно, чтобы мы подражали совершенствам Божиим. Ред.

446 - Στράβωνος Γεωγραφικῶν βιβλία ἑπτακαίδεκα, ἐκδιδ. καὶ διορθοῦντ. Α. Κοραῆ. III. Ἐν Παρίσι. 1817, βιβλ. ις, Συρία, §§4, 9, стр. 177 и 180: Ἀντιόχεια ἡ ἐπὶ Δάφνῃ καὶ Σελεύκεια ἡ ἐν Πιερίᾳ καὶ Ἀπάμεια δὲ καὶ Λαοδίκεια αἵπερ καὶ ἐλέγοντο ἀλλήλων ἀδελφαὶ διὰ τὴν ὁμόνοιαν, Σελεύκου τοῦ Νικάτορος κτίσματα... Λαοδίκεια ἐπὶ τῇ θαλάττῃ κάλλιστα ἐκτισμένη, καὶ εὐλίμενος πόλις, χώραν τε ἔχουσα πολυοῖνον πρὸς τῇ ἄλλῃ εὐκαρπία. Τοῖς μὲν οὖν Ἀλεξανδρεῦσιν αὕτη παρέχει τὸ πλεῖστον τοῦ οἴνου, τὸ ὑπερκείμενον τῆς πόλεως ὄρος πᾶν κατάμπελον ἔχουσα μέχρι σχεδὸν τι τῶν κορυφῶν... Ἐλύπησθ δ'οὐ μετρίως Δολοβέλλας καταφυγὼν εἰς αὐτήν, καὶ ἐμπολιορκηθεὶς ὑπὸ Κασσίου μέχρι θανάτου, συνδιαφθείρας ἑαυτῷ καὶ τῆς πόλεως πολλὰ μέρη. – Антиохия на Дафне, Селевкия в Пиерии, Апамия и Лаодикия. Все они, основанные Селевком Никатором, называют друг друга братьями, потому что живут между собой в согласии... Лаодикия, прекраснейший город с хорошей гаванью на море: земля его родит в изобилии виноград кроме других плодов. Он доставляет александрийцам большую часть потребляемого ими вина, потому что тянущаяся над нею гора вся до вершин покрыта виноградниками. Немало потерпела Лаодикия от Долабеллы, бежавшего сюда и осаждаемого Кассием до самой его смерти; с ним вместе погибли и многие части города. Перевод Ф. Г. Мищенко, М. 1879, стр. 766, §4; стр. 768, §9. Ред.

447 - Chronographia edit. Bonn., стр. 448. Ред.

448 - Рим. 16

449 - Euseb. Hist. Eccl. 1. VI, с. 46.

450 - Ibid. 1. VII, с. 32.

451 - Ibid. 1. VII, с. 32.

452 - Евсевия Церковная История в его сочинениях в русском переводе. СПб. 1848, т. I, стр. 457-463.

453 - На этом рукопись прерывается. В виду того, что последние листы рукописи написаны старческой рукой епископа Порфирия и притом самого последнего периода его жизни, можно думать, что он не успел переписать начисто дневники этого года, или всего вернее не успел закончить составление их до конца в том виде, какой он хотел придать им для печати. Последнее предположение можно допустить в виду того, что до нас не дошло черновое дневников этого года. Рассказ о Феодоте слово в слово взят из Церковной Истории Евсевия, стр. 463-464; добавленные мною слова взяты оттуда же. Ред.

454 - Из рукописной книги IV.Б.13 или № 128, где в начале этой заметки стоит: Архиеереи в Сирской Лаодикии. Ред.

455 - Сбоку на поле листа записано карандашом рукой еп. Порфирия: Это патриарх. Ред.

456 - На поле листа, против этого имени, еп. Порфирием сделана отметка синим карандашом: Иоаким? Ред.

457 - Из рукописной книги I A7 или № 4. Ред.

458 - Финансы и собственность в Турции Евгения Пужа. NB. По преданию ливанцев, в 260 году гиджры жители Ливана начали спускаться в Бекаа (Целесирию), с давнего времени занятую бедуинами. Ред.

459 - Из книги I A8 или № 5-й. Ред.

460 - Слова, заключенные в скобки, зачеркнуты в рукописи и сбоку написано: Неправда. А. П. Ред.

461 - Сирианский. Ред.

462 - Заметка о патриархе на переплете книжки I. A8a или № 5a. Ред.

463 - Он съел грошей (пиастров) много, много. Ред.

464 - Заметка под этим числом находится на переплете книги или № 5a. Ред.

465 - Дневники с 18 марта по 18 Августа 1850 г. напечатаны отдельной книгой: Путешествие по Египту и в монастыри Св. Антония Великого и преп. Павла Фивейского в 1850 г. арх. Порфирия Успенского. СПб. 1856 и Второе путешествие арх. Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 г. СПб. 1856. Ред.